

ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА
ІСТОРИЧНИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПІВДЕННОУКРАЇНСЬКИЙ ЦЕНТР ЕТНІЧНИХ ТА ПОЛІТИЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ
„ЛАД”

**ЛУКОМОР’Я:
АРХЕОЛОГІЯ, ЕТНОЛОГІЯ, ІСТОРІЯ ПІВНІЧНО-
ЗАХІДНОГО ПРИЧОРНОМОР’Я**

Випуск 3

Одеса 2009
Видавничий дім „Паллада”

УДК [94+902+39](210:262.5-16)(477.7)
ББК 63(4Ук7)
Л 843

Редакційна колегія:

Балушок В. Г., доктор іст. наук;
Бачинська О. А., доктор іст. наук;
Бруяко І. В., доктор іст. наук;
Гончарук Т. Г., канд. іст. наук (заступник головного редактора);
Гребцова І. С., доктор іст. наук;
Дьомін О. Б., доктор іст. наук;
Дзиговський О. М., доктор іст. наук;
Коваль І. М., доктор політ. наук;
Котляр Ю. В., доктор іст. наук;
Курочкін О. В., доктор іст. наук;
Кушнір В. Г., канд. іст. наук;
Мисечко А. І., канд. іст. наук;
Руссев М. Д., доктор іст. наук;
Скрипник Г. А., доктор іст. наук;
Сминтина О. В., доктор іст. наук;
Степанов В. П., доктор іст. наук;
Хмарський В. М., доктор іст. наук;
Червенков М. М., доктор іст. наук;
Чижев Г. П. (президент Південноукраїнського центру етнічних та політичних досліджень „ЛАД”)
Шабашов А. В., канд. іст. наук (головний редактор);
Щербій Г. С., канд. іст. наук

Адреса редакційної колегії:

65082, Одеса, вул. Єлисаветинська, 12, Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, історичний факультет

Рецензенти:

Гончарук Г. І., доктор іст. наук;
Добролюбський А. О., доктор іст. наук

Затверджено до друку Вченою радою Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, протокол № 1 від 29 вересня 2009 р.

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованого засобу масової інформації: Серія КВ № 16384-4856 Р від 10 лютого 2010 р.

Лукомор'я: археологія, етнологія, історія Північно-Західного Причорномор'я.
Випуск 3. – Одеса: Видавничий дім „Паллада”, 2009. – с.

ОДЕССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ И. И. МЕЧНИКОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЮЖНОУКРАИНСКИЙ ЦЕНТР ЭТНИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
„ЛАД”

**ЛУКОМОРЬЕ:
АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ СЕВЕРО-
ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

Выпуск 3

Одесса 2009
Издательский дом „Паллада”

УДК [94+902+39](210:262.5-16)(477.7)
ББК 63(4Ук7)
Л 843

Редакционная коллегия:

Балушок В. Г., доктор ист. наук;
Бачинская Е. А., доктор ист. наук;
Бруяко И. В., доктор ист. наук;
Гребцова И. С., доктор ист. наук;
Гончарук Т. Г., канд. ист. наук (заместитель главного редактора);
Демин О. Б., доктор ист. наук;
Дзиговский А. Н., доктор ист. наук;
Коваль И. Н., доктор полит. наук;
Котляр Ю. В., доктор ист. наук;
Курочкин А. В., доктор ист. наук;
Кушнир В. Г., канд. ист. наук;
Мисечко А. И., канд. ист. наук;
Руссев Н. Д., доктор ист. наук;
Скрипник А. А., доктор ист. наук;
Сминтина Е. В., доктор ист. наук;
Степанов В. П., доктор ист. наук;
Хмарский В. М., доктор ист. наук;
Чижов Г. П. (президент Южноукраинского центра этнических и политических исследований „ЛАД”)
Червенков Н. Н., доктор ист. наук;
Шабашов А. В., канд. ист. наук (главный редактор);
Щербий Г. С., канд. ист. наук

Адрес редакционной коллегии:

65082, Одесса, ул. Елисаветинская, 12, Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, исторический факультет

Рецензенты:

Гончарук Г. И., доктор ист. наук;
Добролюбский А. О., доктор ист. наук

Утверждено к печати Ученым советом Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, протокол № 1 от 29 сентября 2009 г.

Свидетельство о государственной регистрации печатного средства массовой информации: Серия КВ № 16384-4856 Р от 10 февраля 2010 г.

Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья.
Выпуск 3. – Одесса: Издательский дом „Паллада”, 2009. – с.

ЗМІСТ

Передмова	9
РОЗДІЛ І. АРХЕОЛОГІЯ	
<i>Главенчук А. В.</i> (Одеса) Вторинна обробка кременю на пізньопалеолітичному поселенні мисливців на бізона Анетівка 2 (за матеріалами розкопок виробничої ділянки ЕИ/13-22).....	11
<i>Кіосак Д. В.</i> (Одеса) Розвиток народонаселення та стрімкі кліматичні події раннього голоцену у Південно-Східній Європі (XI-VII тис. до н. е.).....	22
<i>Крикін С. М.</i> (Москва, Росія) Фракийські вогнища-жертovníки.....	30
<i>Острроверхов А. С.</i> (Одеса) Степове Побужжя та Подністров'я у IX-III ст. до н. е. Полемічні замітки з приводу монографії Ю. С. Гребеннікова «Киммерийці и скифы степного Побужья. IX-III вв. до н. е.» (Николаев, 2008. – 192 с., илл.).....	39
<i>Піструїл І. В.</i> (Одеса) Пам'ятки кам'яної доби середньої течії р. Малий Куяльник....	65
РОЗДІЛ ІІ. ЕТНОЛОГІЯ	
<i>Бошков В. М.</i> (Одеса) Гагаузьке книговидання в Україні та етнокультурне відродження гагаузького народу.....	72
<i>Бузейчук В. М.</i> (Одеса) Етнологічні дослідження одеського періоду наукової діяльності К. О. Копержинського.....	76
<i>Квілінкова Є. М.</i> (Кишинів, Молдова) Традиційні знання гагаузів про лікувальні рослини і народні засоби лікування хвороб.....	82
<i>Кушнір В. Г.</i> (Одеса) Поляки Південно-Східного Поділля в усній історії (до постановки проблеми).....	98
<i>Папцова А. К.</i> (ЧаDIR-Лунга, Молдова) До питання про роль конфесійної приналежності при формуванні етнічної самосвідомості гагаузів.....	102
<i>Петрова А. О., Петрова Н. О.</i> (Одеса) Україно-російські паралелі у весільній обрядовості (за матеріалами досліджень Нижнього Подунав'я).....	112
<i>Степанов В. П.</i> (Кишинів, Молдова) До питання про багатолікі сторони етнічної ідентичності (етнополітичні реалії в молдавському пострадянському суспільстві).....	117
<i>Тафаєв Г. І.</i> (Чебоксари, Чувашія, Росія) Витоки формування патріотизму роду та племені в імперії хунну.....	126
<i>Худайбердієва (Аширгельди-гизи) О. А.</i> (Одеса) Матеріали до словника особистих імен ногайців Північного Причорномор'я.....	134
<i>Чижов Г. П.</i> (Одеса) З історії етнологічного вивчення національних меншин Одещини.....	156
РОЗДІЛ ІІІ. ІСТОРІЯ	
<i>Бажан О. Г.</i> (Київ) Політичні репресії на півдні України в часи «хрущовської відлиги».....	181
<i>Брильов Д. В.</i> (Донецьк) Суфізм в Україні: історія і сучасність.....	192
<i>Войтович Л.</i> (Львів) Візантія та Галицьке князівство в Нижньому Подунав'ї у XII ст.	202
<i>Гізер С. М.</i> (Одеса) Кантемир – ватажок Буджакської Орди. Сторінки біографії.....	214
<i>Григоров Г.</i> (Благоєвград, Болгарія) Гагаузи в Османській імперії – непомітна присутність.....	236
<i>Григор'єв А. Д.</i> (Чебоксари, Росія) Евакуація та розміщення населення західних районів СРСР на території Чуваської АРСР у роки Великої Вітчизняної війни	258
<i>Котляр Ю. В.</i> (Миколаїв) Етнічні меншини Миколаївщини під час голодомору 1921-1923 рр.	268
<i>Синявська О. О.</i> (Одеса) Культурно-просвітня діяльність Одеського слов'янського благодійного товариства.....	275

РОЗДІЛ IV. МАТЕРІАЛИ, ПОВІДОМЛЕННЯ, АРХІВ, ПОГЛЯД

<i>Аргатюк С. С.</i> (Одеса) Поселення в степовій частині лівого берега Дністра (кінець XVIII – початок XIX століть).....	282
<i>Вінцковський Т. С.</i> (Одеса), <i>Нікульча І. Я.</i> (Кахул, Молдова) Документи державного архіву Румунії про український самостійницький рух в Трансністрії (1942-1944 гг.). Частина 1.....	302
<i>Гончарук Т. Г.</i> (Одеса) Кілька розпоряджень М. С. Воронцова, що істотно вплинули на розбудову та благоустрій Одеси.....	310
<i>Старовойтенко І.</i> (Київ) Листи Євгена Чикаленка до Миколи Аркаса (1903-1908). Частина 2.....	314
<i>Хатлас Є.</i> (Познань, Польща) З православного життя гагаузів. Село Виноградівка (Курчі) Болградського району, Одеської області.....	325

РОЗДІЛ V. РЕЦЕНЗІЇ, ПЕРСОНАЛІЇ, ХРОНІКА

Тема випуску: Життя, діяльність та творчість Володимира Никифоровича Станко (1937-2008 рр.)

<i>Агбунов М. В.</i> (Москва, Росія), <i>Дзиговський О. М., Шабашов А. В.</i> (Одеса) Володимир Никифорович Станко.....	327
<i>Агбунов М. В.</i> (Москва, Росія) В. Н. Станко як організатор науки.....	369
<i>Горбенко К. В., Смирнов О. І.</i> (Миколаїв) Володимир Никифорович Станко: останні роки творчого шляху.....	378
<i>Радзиховська О. О.</i> (Одеса) В. Н. Станко як дослідник етнокультурного процесу первісної доби в Північному Причорномор'ї.....	381
<i>Шабашов А. В.</i> (Одеса) Володимир Никифорович Станко та розвиток етнології в Одесі.....	385

* * *

<i>Ізбаш-Гоцкан Т. О., Шкляєв І. М.</i> (Одеса) М. С. Воронцов і його епоха: погляд історика.....	400
<i>Левченко В. В.</i> (Одеса) Єгиптологія – його стихія: до 90-х роковин Олександра Леопольдовича Коцейовського (1887-1919).....	404
<i>Литвиненко А.</i> (Полтава) Регіональна проблематика у нових методологічних підходах: історико-культурологічний аспект.....	410
<i>Мисечко А. І.</i> (Одеса) Павло Григорович Клепатський, як історик та громадсько-політичний діяч.....	413
<i>Музичко О. Є.</i> (Одеса) Діяльність професора Новоросійського університету О. Я. Шпакова (1868-1927) в Одесі на початку XX ст.....	416
<i>Худайбердієва (Аширгельди-гизи) О. А.</i> (Одеса) IV Всеукраїнський конкурс ісламознавчих досліджень молодих науковців ім. Агатангела Кримського «Ісламська цивілізація: історія та сучасність».....	426
<i>Щетников В. П.</i> (Київ) Пам'яті професора Якупова Назима Мухаметзяновича.....	430
Список скорочень.....	442
Відомості про авторів.....	445
Резюме.....	451
Resumes.....	459

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	10
РАЗДЕЛ I. АРХЕОЛОГИЯ	
<i>Главенчук А. В.</i> (Одесса) Вторичная обработка кремня на позднепалеолитическом поселении охотников на бизона Анетовка 2 (по материалам раскопок производственного участка ЕИ/13-22).....	11
<i>Киосак Д. В.</i> (Одесса) Развитие народонаселения и стремительные климатические события раннего голоцена в Юго-Восточной Европе (XI-VII тыс. до н. е.).....	22
<i>Крыкин С. М.</i> (Москва, Россия) Фракийские очаги-жертвенники.....	30
<i>Острроверхов А. С.</i> (Одесса) Степное Побужье и Поднестровье в IX-III вв. до н. э. Полевые заметки по поводу монографии Ю. С. Гребенникова «Киммерийцы и скифы степного Побужья. IX-III вв. до н. э.» (Николаев, 2008. – 192 с., илл.).....	39
<i>Пиструил И. В.</i> (Одесса) Памятники каменного века среднего течения р. Малый Куяльник.....	65
РАЗДЕЛ II. ЭТНОЛОГИЯ	
<i>Бошков В. М.</i> (Одесса) Гагаузское книгоиздание в Украине и этнокультурное возрождение гагаузского народа.....	72
<i>Бузейчук В. Н.</i> (Одесса) Этнологические исследования одесского периода научной деятельности К. А. Копержинского.....	76
<i>Квилинкова Е. Н.</i> (Кишинев, Молдова) Традиционные знания гагаузов о целебных растениях и народные способы лечения болезней.....	82
<i>Кушнир В. Г.</i> (Одесса) Поляки Юго-Восточного Подолья в устной истории (к постановке проблемы).....	98
<i>Панцова А. К.</i> (Чадыр-Лунга, Молдова) К вопросу о роли конфессиональной принадлежности при формировании этнического самосознания гагаузов.....	102
<i>Петрова А. А., Петрова Н. А.</i> (Одесса) Украинско-русские параллели в свадебной обрядности (по материалам исследований Нижнего Подунавья).....	112
<i>Степанов В.</i> (Кишинев, Молдова) К вопросу о многоликих сторонах этнической идентичности (этнополитические реалии в молдавском постсоветском сообществе).....	117
<i>Тафяев Г. И.</i> (Чебоксары, Чувашия, Россия) Истоки формирования патриотизма рода и племени в империи хунну.....	126
<i>Худайбердыева (Аширгельды-гызы) О. А.</i> (Одесса) Материалы к словарю личных имен ногайцев Северного Причерноморья.....	134
<i>Чижев Г. П.</i> (Одесса) Из истории этнологического изучения национальных меньшинств Одесщины.....	156
РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ	
<i>Бажан О. Г.</i> (Киев) Политические репрессии на юге Украины в годы «хрущевской оттепели».....	181
<i>Брилев Д. В.</i> (Донецк) Суфизм в Украине: история и современность.....	192
<i>Войтович Л.</i> (Львов) Византия и Галицкое княжество в Нижнем Подунавье в XII в. 202	
<i>Гизер С. Н.</i> (Одесса) Кантемир – предводитель Буджакской Орды. Страницы биографии.....	214
<i>Григоров Г.</i> (Благоевград, Болгария) Гагаузы в Османской империи – невидимое присутствие.....	236
<i>Григорьев А. Д.</i> (Чебоксары, Чувашия, Россия) Эвакуация и размещение населения западных районов СССР на территории Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны.....	258
<i>Котляр Ю. В.</i> (Николаев) Этнические меньшинства Николаевщины во время голода 1921-1923 гг.	268

Синявская Е. А. (Одесса) Культурно-просветительская деятельность Одесского славянского благотворительного общества.....275

РАЗДЕЛ IV. МАТЕРИАЛЫ, СООБЩЕНИЯ, АРХИВ, ВЗГЛЯД

Аргатюк С. С. (Одесса) Поселения степной части левого берега Днестра (конец XVIII – начало XIX веков).....282

Винцовский Т. С. (Одесса), Никульча И. Я. (Кахул, Молдова) Документы государственного архива Румынии об украинском «самостийнищом» движении в Транснистрии (1942-1944 гг.). Часть 1.....302

Гончарук Г. И. (Одесса) Несколько распоряжений М. С. Воронцова, существенно повлиявших на строительство и благоустройство Одессы.....310

Старовойтенко И. (Киев) Письма Евгения Чикаленко к Николаю Аркасу (1903-1908). Часть 2.....314

Хатлас Е. (Познань, Польша) Из православной жизни гагаузов. Село Виноградовка (Курчи) Болградского района, Одесской области.....325

РАЗДЕЛ V. РЕЦЕНЗИИ, ПЕРСОНАЛИИ, ХРОНИКА

Тема выпуска: Жизнь, деятельность и творчество Владимира Никифоровича Станко (1937-2008 гг.)

Агбунов М. В. (Москва, Россия), Дзиговский А. Н., Шабашов А. В. (Одесса) Владимир Никифорович Станко.....327

Агбунов М. В. (Москва, Россия) В. Н. Станко как организатор науки.....369

Горбенко К. В., Смирнов А. И. (Николаев) Владимир Никифорович Станко: последние годы творческого пути.....378

Радзиховская Е. А. (Одесса) В. Н. Станко как исследователь этнокультурного процесса в первобытности в Северном Причерноморье.....381

Шабашов А. В. (Одесса) Владимир Никифорович Станко и развитие этнологии в Одессе.....385

* * *

Избаиш-Гоцкан Т. А., Шкляев И. Н. (Одесса) М. С. Воронцов и его эпоха: взгляд историка.....400

Левченко В. В. (Одесса) Египтология – его стихия: к 90-летию со дня смерти Александра Леопольдовича Коцейковского (1887-1919).....404

Литвиненко А. (Полтава) Региональная проблематика в новых методологических подходах: историко-культурологический аспект.....410

Мисечко А. И. (Одесса) Павел Григорьевич Клепатский, как историк и общественно-политический деятель.....413

Музычко А. Е. (Одесса) Деятельность профессора Новороссийского университета А. Я. Шпакова (1868-1927) в Одессе в начале XX в.416

Худайбердыева (Аширгельды-гызы) О. А. (Одесса) IV Всеукраинский конкурс исламоведческих исследований молодых ученых им. Агатангела Крымского «Исламская цивилизация: история и современность».....426

Щетников В. П. (Киев) Памяти профессора Якупова Назыма Мухаметзяновича.....430

Список сокращений.....442

Сведения об авторах.....448

Резюме.....451

Resumes.....459

ПЕРЕДМОВА

*А поганаго Кобяка изъ луку моря,
отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецкихъ,
яко вихрѣ, выторже.
(Слово о полку Ігореві)*

3-й випуск видання «Лукомор'я: археологія, етнологія, історія Північно-Західного Причорномор'я» за традицією складається з 5 розділів: «археологія», «етнологія», «історія», «матеріали, повідомлення, архів, погляд» та «рецензії, персоналії, хроніка».

Цей випуск присвячений пам'яті видатного вченого – археолога, історика, етнолога, організатора науки Володимира Никифоровича Станко, який пішов з життя 16 лютого 2008 р. Низка статей під авторством М. В. Агбунова, О. М. Дзиговського, К. В. Горбенко, О. І. Смирнова, О. О. Радзиховської, А. В. Шабашова присвячена життєвому шляху та творчості вченого, що присвятив свої наукові пошуки реконструкції найдавніших етапів історії Лукомор'я – Північно-Західного Причорномор'я. Зокрема наводиться найбільш повний список робіт В. Н. Станко, а також публікації про нього, праць, що вийшли під його редагуванням та науковим керівництвом; спомини про вченого його колег, друзів, соратників (М. В. Агбунова, І. Т. Чернякова, В. І. Нікітіна, Т. І. Максим'юка та ін.).

У виданні міститься 39 статей, повідомлень, рецензій, матеріалів, що присвячені практично всім етапам історії Північно-Західного Причорномор'я та прилеглих земель, від палеоліту до сучасності. Серед авторів, окрім дослідників з Одеси, репрезентуються дослідження вчених з Києва, Миколаєва, Полтави, Донецька, Львова, з Молдови, Болгарії, Польщі, Росії, а також – Гагаузії, Чувашії.

Редакційна колегія розраховує на подальше співробітництво з дослідниками різних проблем історії Північно-Західного Причорномор'я та сподівається, що черговий випуск видання сприятиме як розкриттю недостатньо висвітлених або дискусійних питань історії, так і вирішенню практичних проблем розвитку нашого регіону.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*А поганаго Кобяка изъ луку моря,
отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецкихъ,
яко вихрь, выторже.*
(Слово о полку Игореве)

3-й выпуск издания «Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западно-го Причерноморья» по традиции состоит из 5 разделов: «археология», «этнология», «история», «материалы, сообщения, архив, взгляд» и «рецензии, персоналии, хроника».

Этот выпуск посвящен памяти ушедшего из жизни 16 февраля 2008 г. выдающегося ученого – археолога, историка, этнолога, организатора науки Владимира Никифоровича Станко. Ряд статей под авторством М. В. Агбунова, А. Н. Дзиговского, К. В. Горбенко, А. И. Смирнова, Е. А. Радзиховской, А. В. Шабашова посвящен жизненному пути и творчеству ученого, посвятившего свои научные поиски реконструкции древнейших этапов истории Лукоморья – Северо-Западного Причерноморья. В частности, приводится наиболее полный список работ В. Н. Станко, а также работ о нем, трудов, выполненных под его редакцией и научным руководством; воспоминания об ученом его коллег, друзей, соратников (М. В. Агбунова, И. Т. Чернякова, В. И. Никитина, Т. И. Максимова и др.).

В издании содержится 39 статей, сообщений, рецензий, материалов, которые посвящены практически всем этапам истории Северо-Западного Причерноморья и прилегающих земель: от палеолита до современности. Среди авторов, кроме исследователей из Одессы, представлены ученые из Киева, Николаева, Полтавы, Донецка, Львова, из Молдовы, Болгарии, Польши, России, а также – Гагаузии, Чувашии.

Редакционная коллегия рассчитывает на дальнейшее сотрудничество с исследователями различных проблем истории Северо-Западного Причерноморья и надеется, что очередной выпуск издания будет способствовать как раскрытию слабоосвещенных или дискуссионных вопросов истории, так и решению практических проблем развития нашего региона.

Розділ I АРХЕОЛОГІЯ

УДК 903.01(477.74)"632"

Главенчук А. В. (Одеса)

ВТОРИННА ОБРОБКА КРЕМЕНЮ НА ПІЗНЬОПАЛЕОЛІТИЧНОМУ ПОСЕЛЕННІ МИСЛИВЦІВ НА БІЗОНА АНЕТІВКА 2 (ЗА МАТЕРІАЛАМИ РОЗКОПОК ВИРОБНИЧОЇ ДІЛЯНКИ ЕИ/13-22)

Пізньопалеолітичне поселення мисливців на бізона Анетівка 2 відкрито в 1978 році. З того часу по 2007 р. систематично досліджувалось Причорноморською експедицією під керівництвом В. Н. Станко¹. Поселення розташоване на мисі правого берегу річки Бакшали – притоки Південного Бугу, на майданчику третьої надзаплавної тераси, злегка похилої до річки, на південно-західній околиці села Анетівка Доманівського району Миколаївської області. З 1992 року по 2006 рік досліджувалась ділянка ЕП/13-22.

Розчистка культурного шару проводилась ножами, горизонтальна фіксація знахідок велась поквдратно (1 x 1 м) по мікрогоризонтам зняття глибиною 5-7 см, з нанесенням знахідок на план. Методика дослідження поселення включає і промивку культурного шару. Починаючи з 2 мікрогоризонту, ґрунт після розчистки поквдратно промивався водою через дрібне сито. Необхідність промивки обумовлена посушливим кліматом регіону і якістю ґрунту, який дуже важко розчищати ножами. Експериментальне вивчення культурного шару Анетівки 2 з застосуванням промивки проводилось на ділянці ОС/9-12 в 1986-1988 роках². На ділянці ЕП/13-22 промивка культурного шару проводилась для всієї площі розкопу, в усіх мікрогоризонтах зняття.

Розкоп ЕП/13-22, що знаходиться на березі східної балки, яка впадає в річку Бакшалу, на північно-східній окраїні поселення, для зручності дослідження був розділений по лінії «північ-південь» на дві ділянки: ЕИ/13-22 (східна частина розкопу) і КП/13-22 (західна частина). Розкопки ділянки ЕИ/13-22 були повністю завершені в 1999 році. На ділянці знято шар чорнозему (чорнозем «А» і чорнозем «Б») та 10 мікрогоризонтів культурного шару: мікрогоризонти 0 і 1 (шляхом розчистки) та мікрогоризонти 2-9 (розчистка і промивка культурного шару); зроблена прокопка під культурним шаром, що виявила давню промоїну та дозволила окреслити контури давньої межі мису, на якому знаходиться поселення.

Культурний шар ділянки, що знаходиться «в зваженому стані», як і культурний шар всього поселення, залягає в делювіальних суглинках світло-коричневого кольору. Мікрогоризонт 0 – перехідний між чорноземом «Б» і культурним шаром. Він представляє собою шар чорних суглинків, змішаних з жовтуватими суглинками нижніх мікрогоризонтів. Мікрогоризонт 1 представляє собою світло-коричневі суглинки з включеннями світло-сірих суглинків. З мікрогоризонту 2 починається культурний шар поселення (світло-коричневі суглинки).

Основним матеріалом для кам'яної індустрії Анетівки 2 був кремій. Якість крем'яної сировини для виробництва знарядь на ділянці ЕИ/13-22 істотно не відрізняється від сировини на площі поселення, котра досліджена раніше. Кремій різної якості і ступеня патинізації, вкритий вапняковим нальотом, який легко знімається шляхом обробки в 10 % розчині соляної кислоти. Кремій в основному – жовтовий, але є й гальковий кремій гарної якості. Частина сировини носить сліди термічної обробки.

На ділянці ЕИ/13-22 в 10 мікрогоризонтах зняття культурного шару знайдено 330141 крем'яних виробів (35316 артефактів знайдено шляхом розчистки культурного шару і 294825 артефактів – шляхом промивки культурного шару). За техніко-типологічними характеристиками виробу, знайдені в різних мікрогоризонтах ділянки, не відрізняються.

няються, хоча процентне співвідношення різних груп крем'яних виробів та кількісна характеристика цих груп в різних горизонтах зняття культурного шару мають певні відмінності. В цілому ж, на ділянці представлений увесь комплекс крем'яних виробів, що характеризує крем'яне виробництво: від гальок та нуклеусів до готових знарядь праці.

Вироби з вторинною обробкою ділянки ЕІ/13-22 досить різноманітні (табл. 1). В основному знаряддя праці виготовляли на відщепках та пластинах, хоча частина виробів з вторинною обробкою (масивні знаряддя) представлена на нуклеусах і осколках. Іноді в якості заготовки для виробництва знарядь використовувались різцеві сколи (як мікропластини), сколи поновлення нуклеусів (як відщепи або пластини) і лусочки (як мікропластини чи мілкі відщепи для виробництва мініатюрних виробів). Потрібно відмітити, що з застосуванням промивки культурного шару зросла кількість мілких та мініатюрних мікрівістер, мікропластинок з притупленим краєм і уламків знарядь (в першу чергу – обламани кінці мікрівістер та вістер, а також невеликі уламки інших знарядь праці). Зросла і кількість сколів підправки знарядь (наприклад, лез, різців).

Таблиця 1. Структура комплексу крем'яних виробів з вторинною обробкою. Анетівка 2. Ділянка ЕІ-13/22. Культурний шар. Мікрогоризонти 0-9.

Найменування виробів	Розчистка		Промивка		Всього	
	К-ть	%	К-ть	%	К-ть	%
Мікропластини с ретушшю	441	24,2	1023	50,0	1464	37,9
Мікрівістря	239	13,1	562	27,5	801	20,7
Різці	337	18,5	87	4,2	424	11,0
Вістря	178	9,8	72	3,5	250	6,5
Скребачки і скребкоподібні вироби	184	10,1	37	1,8	221	5,7
Скобелі	48	2,6	5	0,2	53	1,4
Комбіновані вироби	42	2,3	4	0,2	46	1,2
Ножеподібні вироби	12	0,6	2	0,1	14	0,4
Скребла і скреблоподібні вироби	9	0,5	-		9	0,2
Долота	6	0,3	-		6	0,2
Зубчаті вироби	6	0,3	-		6	0,2
Свердла	2	0,1	3	0,1	5	0,1
Оригінальні вироби	4	0,2	-		4	0,1
Відщепи з ретушшю	120	6,6	151	7,4	271	7,0
Пластини з ретушшю	139	7,6	85	4,1	224	5,8
Осколки з ретушшю	14	0,8	5	0,3	19	0,5
Знаряддя підтесані	40	2,2	10	0,5	50	1,3
Всього:	1821	100	2046	100	3867	100

Набір способів вторинної обробки кременю включав в себе ретушування виробів (дрібна чи крупна притуплююча і заострююча ретуш), підтісування заготовок і різцевий скол, який широко застосовувався на поселенні Анетівка 2. Часто ці способи обробки кременю комбінувались між собою при виготовленні того чи іншого знаряддя праці. Частина сколів мають чіткі макросліди зношування (ретуш утилізації знарядь), які свідчать про використання цих сколів, як знарядь праці без додаткової обробки (правда, на деяких з цих знарядь регулярна дрібна притуплююча ретуш може бути результатом застосування абразиву, за допомогою якого притупили гострий край (так звана абразивна ретуш).

Концентрація лусочок і мікролусочок на окремих частинах розкопу дозволяє говорити про наявність тут в давнину інтенсивного ретушування виробів. Розщеплення та обробка кременя здійснювалось за допомогою відбійників та ретушерів, з використанням ковадел. Відбійники, якими користувались на поселенні, в основному – з піщаників, рідше – з граніту, вапняків, кварцитів, кременя з товстою жовною кіркою. В якості ретушерів використовували гальки з крупнозернистого матового кварциту, кварцу, піщаників, гнейсів, алловіальної гальки. Ковадлами слугували піщаники, вапняки, граніто-гнейси, кварцити, плитчасті кремені з товстою жовною кіркою. На ділянці ЕІ/13-22 в 1-9 мікрогоризонтах зняття знайдено 14 ковадел та 12 відбійників і/або ретушерів (див. додаток 1, схема 1).

На ділянці ЕІ/13-22 масово представлений мікроінвентар (2280 екз.), який складає 59 % від усіх виробів з вторинною обробкою. Знайдена також 401 мікропластина без вторинної обробки (з ретушшо використання). Мікропластини з ретушшо (1464 екз.), котрі складають 37,9 % від усіх знарядь і різноманітні мікровістря (801 екз.), що складають 20,7 % від усіх знарядь, – це найчисельніші категорії виробів з вторинною обробкою на ділянці. Мікроінвентар ділянки складається з таких виробів: мікропластини з притуплюючою ретушшо, мікропластини з загострюючою ретушшо, мікропластини з ретушованими виїмками, мікропластини зі скошеним ретушшо кінцем (скісні мікровістря), мікропластини з підтесаним черевцем, мікропластини з різцевим сколом, мікропластини з виїмками та ретушшо утилізації, мікровістря – проколки (з оформленим жальцем), мікровістря типу гравет, мікровістря на лусочках, мікровістря без вторинної обробки (з ретушшо використання). Деякі мікрровироби представлені фрагментарно (у вигляді уламків), наприклад – обламани кінці мікровістер, вилучені з культурного шару промивкою. Необхідно відмітити, що мікроінвентар в основному виготовлявся з більш якісної сировини.

Наступним масовим виробом зі вторинною обробкою після ретушованих мікропластин і мікровістер являються різці – кутові, ретушні, двогранні, мікрорізці, комбіновані (424 екз., 11 % від усіх знарядь), які виготовлялися на відщеплах, пластинах, рідше – на нуклеусах (чи осколках) і мікропластинах. Щоб підготувати заготовку для різця, широко застосовували засіб тронкування пластин і іноді – відщепів. Різці виготовлялись в основному шляхом нанесення різцевого сколу (одного або декількох), додатковим засобом вторинної обробки при виготовленні різців було ретушування. На ділянці знайдено 7602 різцевих сколи.

Досить чисельні ретушовані пластини і відщепи, для визначення функціонального призначення яких потрібне бінокулярне вивчення. Для оформлення скребучого краю наносилась притуплююча ретуш, для оформлення ріжучої кромки – загострююча. Комбінуючи притуплюючу і загострюючу ретуш добивались одержання зубчатого та пильчастого країв знарядь. Відщепів та пластин з різноманітною ретушшо нараховується 495 екз. (12,8 %). Вістря (250 екз. – 6,5 %) виготовлені на пластинах, відщеплах, рідше – на осколках і нуклеусах. Сюди входять як вістря – наконечники, що використовувались як частини мисливського спорядження, так і вістря-проколки з жальцем, що використовувались для домашніх промислів (пробивання отворів в шкірах тварин і раковинах молосків). У одних вістер ретушувались тільки кінці (жальця), у інших ретушшо оброблялась вся заготовка чи якісь її частини. Скребачки і скребкоподібні вироби (221 екз.) виготовлялись на відщеплах, пластинах, рідше – на нуклеусах. Самі масові серед скребачок – кінцеві.

Скребла і скреблоподібні вироби (9 екз.) зроблені на масивних відщеплах і пластинах, а також – на осколках і нуклеусах. Для виготовлення скобелів (53 екз.) на заготовці ретушшо виконувалась виїмка, іноді використовували природну виїмку, тільки трохи підправивши її. Нечисельні в колекції виробів з вторинною обробкою свердла (0,1 %), долота (0,2 %), ножі (0,4 %), вироби з зубчатою ретушшо (0,2 %).

Цікаві знахідки 46 комбінованих виробів. Найчастіше комбінуються на одній заготовці скребачка та різець (28 екз., 60,9 % від усіх комбінованих знарядь на ділянці). Інші комбінації знарядь такі: скребачка-вістря (4 екз.), різець-вістря (3 екз.), різець-скобель (3 екз.), скребачка-скобель (2 екз.); різець-пластина з ретушню, вістря-скобель, різець-ніж, скребачка-ніж, долото-скребачка, рубляче знаряддя-проколка (по 1 екз.).

Співвідношення між продуктами первинного розщеплення кременю і виробами з вторинною обробкою в усіх мікрогоризонтах зняття приблизно однакове: в рамках від 97,3 % продуктів первинного розщеплення кременю і 2,7 % виробів з вторинною обробкою до 99,1 % продуктів первинного розщеплення кременю і 0,9 % виробів з вторинною обробкою.

Кількісний розподіл крем'яних виробів з вторинною обробкою по мікрогоризонтам зняття приведено в таблиці 2 (таблиця включає, як вироби з чіткою вторинною обробкою, так і вироби з нерегулярною ретушню і ретушню утилізації). Найбільша кількість виробів з вторинною обробкою спостерігається в 3 мікрогоризонті (за даними розчистки культурного шару) і 8 мікрогоризонті (за результатами промивки культурного шару). В 8 мікрогоризонті найбільше таких виробів і за сумарними результатами розчистки та промивки.

Таблиця 2. Розподіл крем'яних ретушованих виробів по мікрогоризонтам зняття. Анетівка 2. Ділянка ЕИ-13/22. Культурний шар.

М/гор. зняття	Розчистка		Промивка		Всього	
	К-сть	%	К-сть	%	К-сть	%
0	103	4,5	-	-	103	1,9
1	137	6,0	-	-	137	
2	185	8,1	133	4,5	318	6,0
3	395	17,3	361	12,1	756	14,4
4	224	9,8	284	9,5	508	9,6
5	236	10,3	386	13,0	622	11,8
6	209	9,1	296	9,9	505	9,6
7	263	11,5	426	14,3	689	13,1
8	229	10,0	760	25,5	989	18,8
9	304	13,3	332	11,1	636	12,1
Всього	2285	100	2978	100	5263	100

Центр культурного шару, що знаходиться на пам'ятці в «зваженому стані», ми пов'язуємо з 3, 4 і 5 мікрогоризонтами зняття³.

Цікаво прослідкувати, як розподілялась середня щільність залягання крем'яних виробів з вторинною обробкою на 1 м² (табл. 3).

Найвища середня щільність крем'яних виробів з вторинною обробкою (на 1 м²) складає 25 одиниць на 1 м², найнижча – 8 одиниць (для мікрогоризонтів з промивкою). Щільність вище середньої ми спостерігаємо на квадратах И/16 2-го мікрогоризонту, Е/13, Ж/13, Ж/14, Ж/16, З/14, И/15 3-го мікрогоризонту, З/13 4-го мікрогоризонту, З/13, З/14, З/15, И/15, И/16 5-го мікрогоризонту, Ж/20, И/16 7-го мікрогоризонту, Е/20, Ж/20 8-го мікрогоризонту та Ж/20, Ж/21 9-го мікрогоризонту. Але слід відмітити, що вироби з вторинною обробкою розподіляються відносно рівномірно по всім мікрогоризонтам, у всій товщі «зваженого» культурного шару, що свідчить на користь гомогенності культурного шару цієї ділянки (див. додаток 1, схема 2).

Таблиця 3. Розподіл середньої щільності крем'яних виробів з вторинною обробкою (на 1 м²) по мікрогоризонтам зняття. Анетівка 2. Ділянка ЕІ-13/22. Культурний шар.

М/гор. зняття	Розчистка		Промивка		Всього	
	К-сть	%	К-сть	%	К-сть	%
0	2	3,5	-	-	2	1,5
1	3	5,3	-	-	3	2,3
2	5	8,8	3	4,1	8	6,1
3	10	17,5	9	12,2	19	14,5
4	6	10,5	7	9,5	13	10,0
5	6	10,5	10	13,5	16	12,2
6	5	8,8	7	9,5	12	9,2
7	6	10,5	11	14,9	17	13,0
8	6	10,5	19	25,7	25	19,1
9	8	14,0	8	10,8	16	12,2
Всього	57	100	74	100	131	100

Ділянка ЕІ/13-22 являється частиною виробничого комплексу Анетівки 2 по обробці кременю⁴. Для розщеплення кременю та його вторинної обробки давні жителі поселення використовували ковадла, відбійники і ретушери, що допомагає дослідникам приблизно окреслити робочі місця, на яких відбувалося первинне розщеплення кременю, підбір заготовок та виготовлення знарядь праці і вкладишів для мисливського озброєння. Подальший аналіз допоможе відновити технологічний процес виготовлення тих чи інших типів знарядь і поступово відтворити всі ланки процесу крем'яного виробництва.

ПРИМІТКИ:

1. Станко В. Н., Григор'єва Г. В., Швайко Т. Н. Позднепалеолитическое поселение Анетовка 2. – К., 1989.

2. Станко В. Н. К методике изучения микроструктур памятников палеолита // Древности причерноморских степей. – К., 1993. – С. 4-8.

3. Главенчук А. В. Раскопки производственного участка на поселении Анетовка 2 // Археология та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. – Т. 3: збірка наукових праць. – Одеса, 2002. – С. 49-52.

4. Главенчук А. В. Раскопки производственного участка на Анетовке 2 // Археология и этнология Восточной Европы: материалы и исследования. – Одесса, 1997. – С. 76-86.

ДОДАТОК 1.

Схема 1. Поквадратний розподіл ковадел та відбійників і/або ретушерів. Анетівка 2.
Ділянка ЕІ-13/22. Культурний шар. Мікрогоризонти зняття 0-9¹.

М/ гор.	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	→
											Північ
1			х	х							Е
2											Е
3	о										Е
4							х				Е
5											Е
6											Е
7											Е
8							о		о		Е
9										о	Е

М/ гор.	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	→
											Північ
1				хх							Ж
2											Ж
3				о							Ж
4											Ж
5							х				Ж
6								о			Ж
7											Ж
8		о									Ж
9											Ж

¹ Умовні позначки: о – відбійники і/або ретушери, х – ковадла, о* – уламок каменя зі слідами вохри.

М/ 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 →
гор. Північ

1											3
2											3
3	о			х							3
4											3
5		х									3
6											3
7											3
8											3
9					оо						3

М/ 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 →
гор. Північ

1											И
2				х		хх					И
3						ох					И
4											И
5							х	х			И
6											И
7											И
8											И
9	о			о*							И

Схема 2. Кількісний розподіл виробів з вторинною обробкою поквдратно. Анетівка
2. Ділянка ЕИ-13/22. Культурний шар. Мікрогоризонти зняття 0-9.

Е 13	Е 14	Е 15	Е 16	Е 17	Е 18	Е 19	Е 20	Е 21	Е 22	З ↑→ПН
9	7	2	1	3	1	6	2		1	Гор. 0
	7	2	4	6	5	3	7	3	3	Гор. 1
6	9	3	1	2	6	3	4	3	2	Гор. 2
31	17	2	9	7	10	13	8	13	5	Гор. 3
6	13		10	3	3	8	11	6	8	Гор. 4
9	5	1	5	6	15	24	6	23	4	Гор. 5
5	3	3	4	2	3	14	22	14	10	Гор. 6
3	5		8	10	6	7	15	21	17	Гор. 7
11	6	4	5	2	9	13	34	17	8	Гор. 8
3	1	4	2		1	3	10	6	11	Гор. 9

Ж 13	Ж 14	Ж 15	Ж 16	Ж 17	Ж 18	Ж 19	Ж 20	Ж 21	Ж 22	З ↑→ПН
2	3	3	4	2	1	4		4	2	Гор. 0
4	1	1	5	4	4	2	2	3	2	Гор. 1
6	10	14	10	6	8	3	11	6		Гор. 2
49	58	24	39	11	9	17	19	10	7	Гор. 3
14	22	4	9	14	8	10	9	10	11	Гор. 4
20	8	3	4	3	4	16	11	13	6	Гор. 5
6	6	7	5	2	3	7	7	15	24	Гор. 6
21	8	7	2	3	6	3	25	20	19	Гор. 7
8	5	5	7	1	1	4	57	23	21	Гор. 8
7	2	2			7	3	35	30	16	Гор. 9

З 13	З 14	З 15	З 16	З 17	З 18	З 19	З 20	З 21	З 22	З ↑→ПН
2	4	3	3	2	3	3	5	1	1	Гор. 0
5	5	5	5		5	2	4	4	2	Гор. 1
17	10	9	4	3	11	9	5		1	Гор. 2
24	30	17	17	16	18	14	9	12	3	Гор. 3
37	24	13	7	14	4	7	16	7	11	Гор. 4
32	34	28	23	8	2	13	12	14	12	Гор. 5
13	17	17	13	6	8	14	10	10	6	Гор. 6
16	18	9	6	2	4	4	6	21	21	Гор. 7
9	18	11	5	5	3	7	9	14	11	Гор. 8
4	4	13	5	1	1	4	10	16	16	Гор. 9

И 13	И 14	И 15	И 16	И 17	И 18	И 19	И 20	И 21	И 22	З ↑→Пн
	2	4	3	3	1		1	5		Гор. 0
7	5	5	4	4	2	2	2	1		Гор. 1
10	5	20	32	11	10	7	13	10	10	Гор. 2
22	21	27	21	10	14	18	24	23	7	Гор. 3
20	9	16	20	15		8	10	7	3	Гор. 4
10	7	31	52	11	12	9	10	4	8	Гор. 5
9	14	12	23		1	7	15	13	5	Гор. 6
16	8	19	26	6	8	4	15	13	16	Гор. 7
11	6	17	21	6	3	8	21	13	18	Гор. 8
6	3	7	17	4	8	6	10	13	16	Гор. 9

ДОДАТОК 2.

Рис 1. Кремневий інвентарь ділянки ЕИ/13-22 пізньопалеолітичного поселення Анетівка 2.

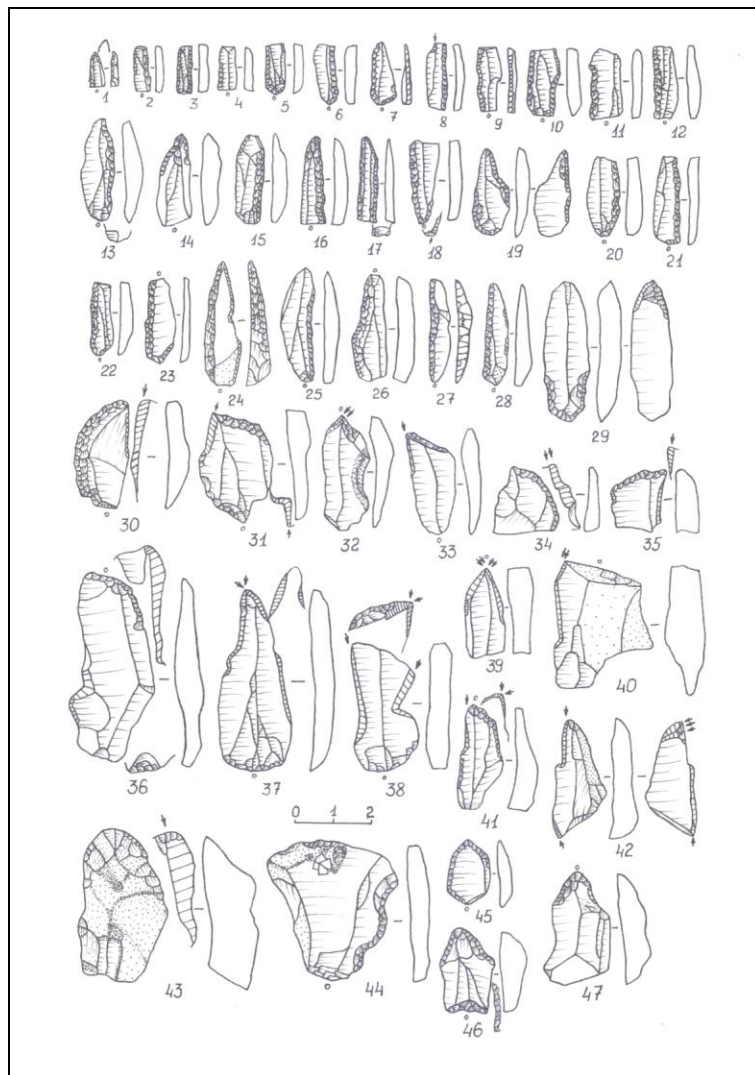

Рис 2. Кремневий інвентар ділянки ЕІ/13-22 пізньопалеолітичного поселення Анетівка 2.

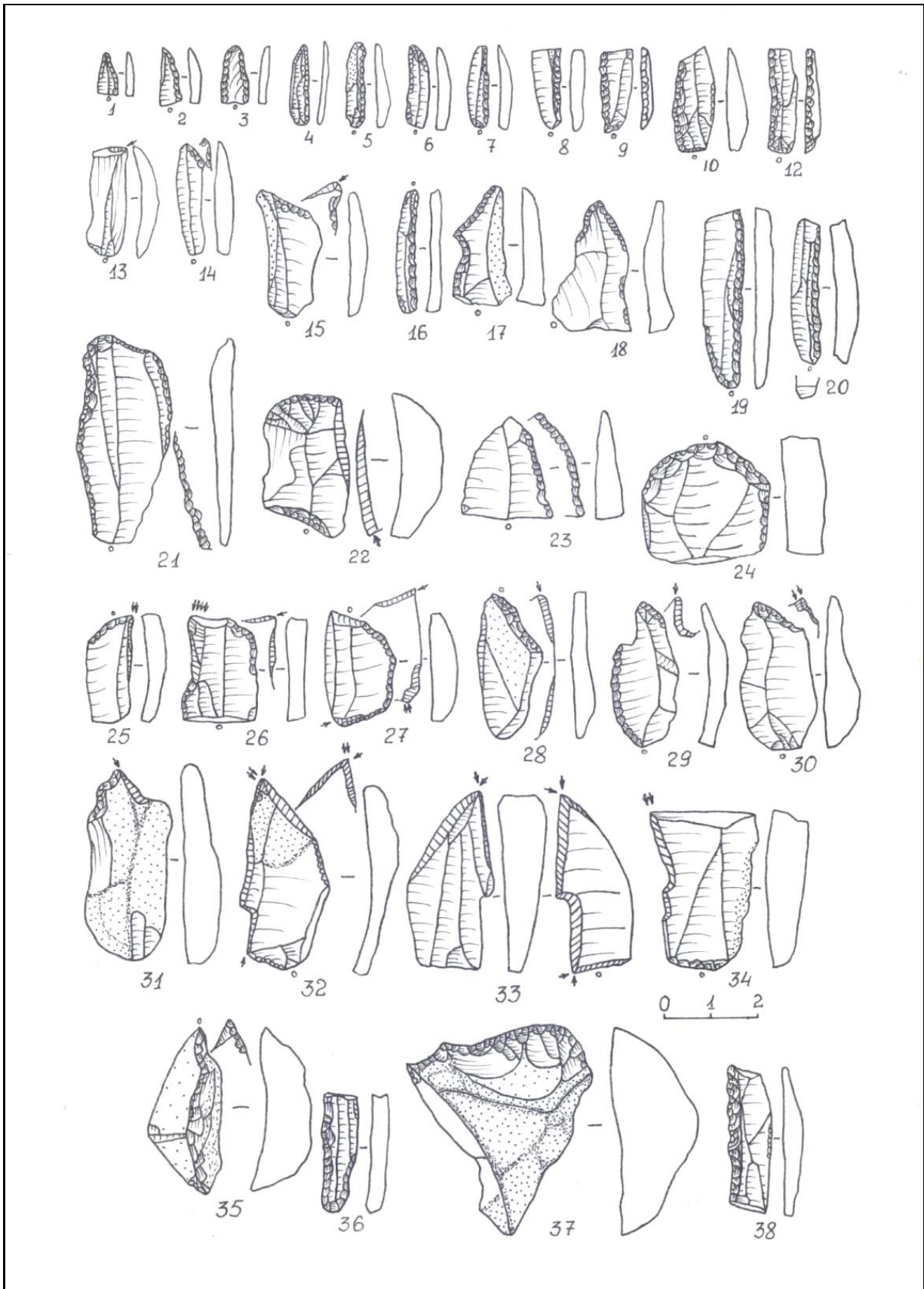
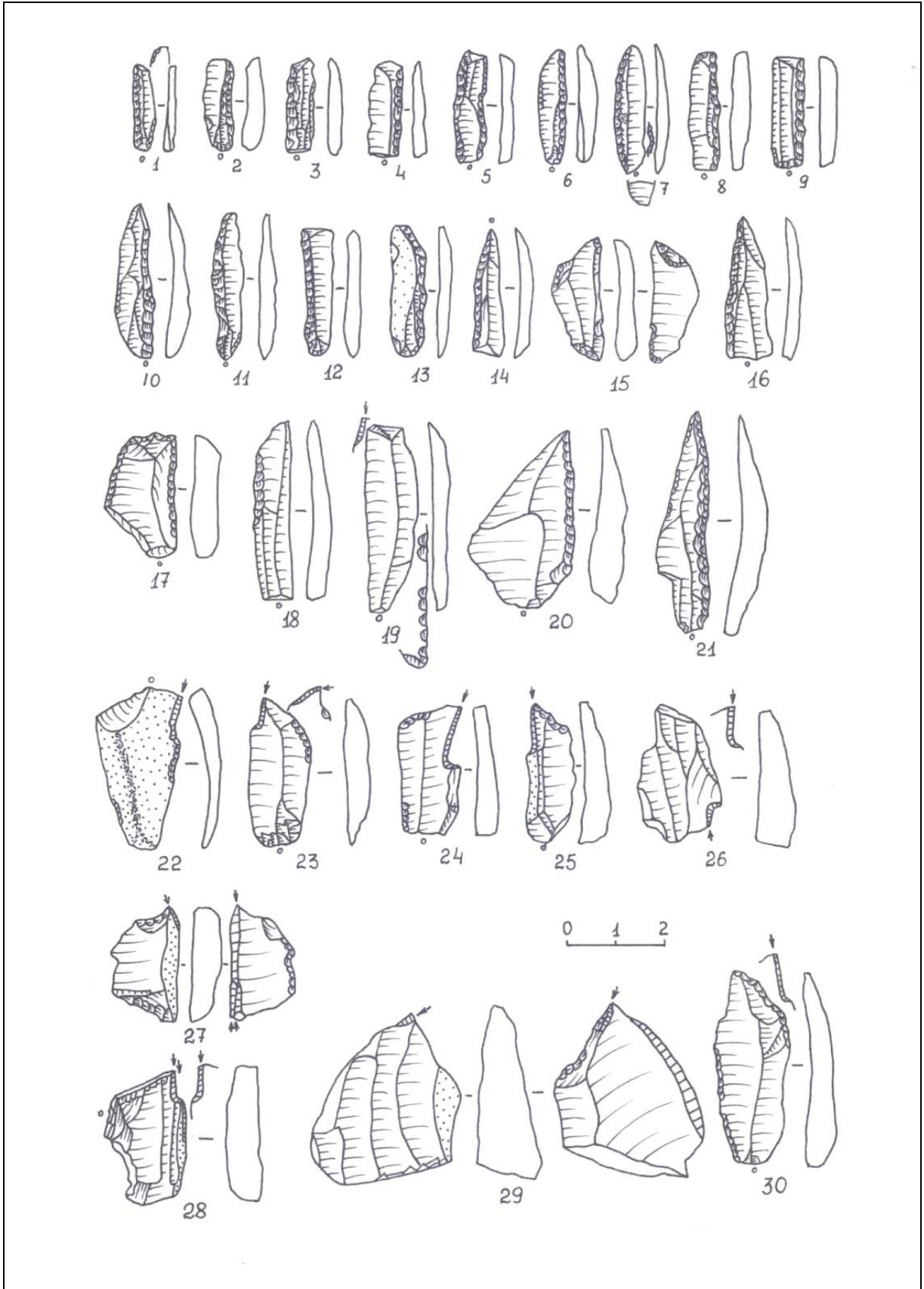

Рис 3. Кремневий інвентарь ділянки ЕИ/13-22 пізньопалеолітичного поселення Анетівка 2.

РОЗВИТОК НАРОДОНАСЕЛЕННЯ ТА СТІМКІ КЛІМАТИЧНІ ПОДІЇ РАНЬОГО ГОЛОЦЕНУ У ПІВДЕННО-СХІДНІЙ ЄВРОПІ (XI-VII ТИС. ДО Н. Е.)

Південно-Східна Європа – ключовий регіон для розуміння процесів неолітизації Південної та Центральної Європи. Особливу увагу привертає період, що безпосередньо передуює появі відтворюючої економіки (XI-VII тис. до н. е.). Цей відтинок кам'яної доби – мезоліт – був часом розквіту громад мисливців-збирачів і в той же час носив у собі зародки майбутніх суспільств з принципово відмінним економічним базисом та соціальною організацією.

Виявлені пам'ятки XI – початку VI тис. до н. е. розподілені в регіоні нерівномірно. Вони концентруються у Північно-Західному Причорномор'ї, ущелинах Середнього Дунаю (Залізні Ворота, Д'єрдап), Егейській Греції та на східному узбережжі Адріатичного та Іонійського морів.

Чи відповідав розвиток економіки давніх мешканців Південно-Східної Європи основним етапам еволюції палеоклімату? Для того щоб відповісти на це питання, необхідно порівняти два ряди датувань на каліброваній хронологічній шкалі. На сьогодні, як палеокліматологія, так і історія первісного суспільства накопичили досить відомостей для проведення цього дослідження. Кілька авторів намагалися встановити таку відповідність для Балканського півострову в цілому та для його окремих регіонів¹. Новизна нашого підходу полягає у наступному. Загальному синтезу передуює вивчення окремих мікро-регіонів з добре встановленою відносною та абсолютною хронологією археологічних пам'яток. І найголовніше, кореляція послідовно здійснюється виключно на основі каліброваних датувань.

Довгий час, у науці побутувала концепція виключності кліматичної історії Балкан². Ця теорія виявилася лише частково вірною. Безумовно, безпосередні прояви коливань температури та вологості, особливо у складі та поширенні рослинних біом, відрізнялися на середземноморському узбережжі від відповідних явищ у Середній Європі та Північній Атлантиці³. Проте, протягом останньої декади з'явився ряд аргументів на користь того, що загальні тенденції розвитку клімату мали значення і для Південно-Східної Європи. Аналізи глибоководних кернів на дні Адріатичного моря, озерних відкладів в Болгарії, гірських палінологічних колонок в Румунії добре корелюються з хронологією гренландських кернів⁴. Крім того, на сьогодні, все більше даних свідчать про те, що палеокліматичні осциляції у Північній Атлантиці мали значення для всієї північної півкулі⁵. Тому ритм, датування та загальна спрямованість динаміки палеоекологічних умов були спільними для країн Північно-Атлантичного регіону і визначали їх і в глибині Європи, поступово затухаючи та зі все більшим часовим лагом⁶.

Останніми дослідженнями гренландських льодовикових кернів виокремлено п'ять таких значних змін атмосферних умов (стрімких кліматичних подій, rapid climatic events) протягом голоцену, що цілком можливо, відігравали роль на всьому континенті. Йдеться про кінець плейстоцену (закінчення I, Termination I), похолодання кінця пребореалу, аномалію 9,95 тис р. b2k, події 9,3 тис р. b2k та 8,2 тис р. b2k⁷. Цікаво розглянути чи відповідають поворотні пункти у археологічній періодизації цим палеоекологічним подіям. Для визначення еколого-економічних кореляцій ми застосовуємо дві відмінні методики. Перша з них формальна. Для порівняння потрібні як мінімум два ряди показників. Один з них характеризує екологічну складову, другий – історичний розвиток, події у соціальному світі. Ці процеси не мають єдиної узагальнюючої характеристики навіть у сучасності. З досить значним рівнем абстрагування, можна використати як такі характери-

стики середньорічну температуру та інтенсивність заселення. Якщо перший індекс інтуїтивно зрозумілий, то другий слід пояснити докладніше. Інтенсивність заселення – це комбінований показник, що характеризує щільність населення, тривалість мешкання на даному місці та активність господарської діяльності⁸.

Обидва індекси безпосередньо нам не дані, ми змушені звертатися до часткових, непрямих показників, які легко виміряти, але вони пов'язані з цільовими ознаками лише опосередковано, через низку інших факторів. Можна припускати, що вони змінюються разом з цільовими показниками, в той же час, їх зв'язок з ними неоднозначний, обумовлений низкою інших, невимірних досі факторів. У якості приблизної кількісної характеристики народонаселення використаємо суму ймовірностей радіовуглецевих дат з мезолітичних пам'яток мікрорегіону. Ця операція полягає у сумуванні зважених ймовірностей рік за роком. Наслідком її є усереднений розподіл, який має ті самі межі похибок, що й окремі визначення разом. Цей процес слід застосовувати, коли опрацьовуються датування незалежних одна від одної подій. В результаті одержимо діапазон, у якому відбулася хоча б одна з цих подій. Значення ймовірності 95,4 % тут означає, що 95,4 % подій мали місце у визначений проміжок часу⁹.

Показник загальної суми радіовуглецевих дат не досить досконалий. Він характеризує інтенсивність заселення території лише опосередковано. Прямо він залежить від кількості радіовуглецевих дат, а вона в своє чергу обумовлена наявністю коштів у дослідників, суб'єктивною оцінкою цікавості/важливості окремих комплексів, наявністю матеріалів для датування та ін. Тому одне добре датоване поселення може викривлювати картину інтенсивності заселення.

У зв'язку з очевидними обмеженнями такого підходу, на додачу ми застосуємо і якісний, змістовний аналіз. Датування поворотних пунктів в розвитку матеріальної культури порівнюємо з палеокліматичними подіями значної амплітуди.

Сума радіовуглецевих дат зі стоянок Залізних воріт відбиває інтенсивне використання цього мікрорегіону протягом пізнього мезоліту та кілька окремих набагато менш виразних епізодів заселення у ранньому голоцені (рис. 1а). Цілком можливо, що в даному випадку такий вигляд кривої був викликаний переважною увагою дослідників до доби, що безпосередньо передуює появі відтворюючого господарства. Все ж таки, навіть у такому разі, перевага щільності на пізньому відрізку каліброваної шкали над раннім кидається у вічі.

Більша частина радіовуглецевих датувань припадає на час від 7100 до 6200 р. calBC. Тим не менш, у їх розподілі є мінімум, який розташовується прямо перед поширенням у регіоні неолітичної культури. Це досить виразне пониження співпадає у часі з найпомітнішим похолоданням голоцену – подією 8,2 тис. р. b2k. К. Бонсел з співавторами відзначили, що фінальний мезоліт (за ними час від 6260 до 5790 р. calBC) представлений лише у Лепенському Вірі та зовсім відсутній на інших добре датованих поселеннях дунайських ущелин¹⁰. На їх думку, цей факт слід пояснювати тимчасовою депопуляцією регіону у зв'язку зі значними повеннями, що часто траплялися протягом цього кліматично нестабільного періоду¹¹. Їм заперечували Д. Боріч та П. Міракл. Вони одержали низку радіовуглецевих датувань для стоянок Падіна та Хайдучька Воденіца, частина з яких були фінально-мезолітичними у сенсі К. Бонсела¹².

Зниження активності мезолітичних рибалок у зоні Залізних Воріт протягом цього часового відрізка не можна заперечувати. Це ясно видно з графіку суми радіовуглецевих дат. В той же час повної депопуляції регіону не відбулося і певне населення зберігалося. Ці явища відповідають події 8200 тис. р. b2k, під час якої значно знизилася температура та вологість. Безпосередні механізми впливу кліматичної кризи на життя давніх людей поки що можуть бути реконструйовані лише гіпотетично. Наявність катастрофічних повеней на Дунаї у цей час і досі не була доведена прямо. Гіпотеза К. Бонсела та співавто-

рів являє собою інтерполяцію відомостей одержаних на середньо-європейських річках¹³. Можливим наслідком раптового похолодання та посухи могло бути порушення міграційних циклів анадромної риби, яка була одним з основних об'єктів рибалки мешканців Залізних Воріт. У такому разі регіон Д'ердапу втрачав значну частку своєї привабливості для давніх рибалок.

Помітне зростання щільності дат припадає на кінець кліматичної події, хоча ми й не маємо достатньо відомостей про час, який передував цій осциляції, а отже не можемо і довести її значення для давнього населення.

Для раннього голоцену існують тільки кілька абсолютних датувань, тому будь-які гіпотези щодо впливу палеоекологічного фактору здаються передчасними. Зауважимо лише, відсутність дат у часи похолодання кінця пребореалу – події 11,4 тис. р. b2k.

Графік суми радіовуглецевих дат зі стоянок Егейської Греції побудовано за значною кількістю визначень, тому він відображає часті коливання (рис. 1б). Заселення протягом раннього мезоліту було щільнішим та варіабельнішим ніж у попередньо розглянутому випадку. Мезолітичне населення з'являється на цих землях після похолодання кінця пребореалу. Виразні мінімуми на кривій щільності відповідають подіям 9,95 та 9,3. Щоправда, найзначніше пониження розпочалося за кілька сторіч до події 9,3. Однак відновлення функціонування мезолітичних стоянок відбулося відразу по закінченню цього явища. Кілька мінімальних значень щільності не знаходять відповідності на палеокліматичній шкалі. Подія 8200 тис. р. b2k впливала вже на носіїв відтворюючого господарства.

Сума радіовуглецевих дат з пам'яток північно-східного узбережжя Адріатичного моря утворює досить своєрідний графік (рис. 1в). Тут широко представлені стоянки раннього мезоліту, що дає змогу виявити зниження інтенсивності використання території протягом пребореального похолодання. Події 9,3 тис. р. b2k відповідає початок повільного тренду до падіння щільності датувань, що знаходить свій максимум під час осциляції 8,2 тис. р. b2k. Завершення останньої марковане новою інтенсифікацією використання території.

У разі змістовного аналізу відзначимо, що перехід від середнього до пізнього совтеру приблизно відповідає аномалії 9,95 тис. р. b2k, а отже межа між пізнім та фінальним проявами совтерського технокомплексу співпадають з подією 9,3 тис. р. b2k.

Зі стоянок південно-східного узбережжя Адріатичного моря походять нечисленні датування для кількох комплексів (рис. 1г). Їх безумовно замало для певних висновків. До того ж значна частина дат походить з однієї пам'ятки – печери Одмут. Вони відображають переважно пізньомезолітичне заселення території. Пониження щільності радіовуглецевих дат припадають на аномалію 9,95 тис. р. b2k, та подію 8,2 тис. р. b2k. Крім того, існують періоди геть не забезпечені радіокарбонними визначеннями.

Мезоліт Карпато-Бузького регіону забезпечений радіовуглецевими датуваннями ще в меншій мірі (рис. 1д). Загальний вигляд графіку близький до вище розглянутого. Помітний вплив події 8,2 тис. р. b2k. Привертає увагу значний пік заселення біля 7700-7400 років calBC. Поки що, можна зробити висновок про дискретність функціонування археологічних пам'яток, що дійшли до нас і були досліджені. Вони здебільшого зосереджені у часових відрізках 8200-7300 р. calBC та 6500-5700 р. calBC.

Узагальнюючий графік для Південно-Східної Європи в цілому опукло відобразив основні риси простежені нами для окремих регіонів (рис. 1е). Лише окремі датування відносяться до початку голоцену. Вони переважно концентруються на межі між льодовиковим періодом та сучасністю. По тому (під час пребореальної осциляції) їх кількість стрімко знижується і наступне відносне зростання щільності ймовірності починається від 8600 р. calBC та закінчується аномалією 9,95 тис. р. b2k. Кліматичній події 9,3 тис. р. b2k відповідає пониження інтенсивності заселення, яке, проте, почалося на кілька століть

раніше. Після цього відбувається швидкий стрибок кривої суми радіовуглецевих дат та встановлюється стабільно висока інтенсивність використання регіону протягом пізнього мезоліту, яка тимчасово падає лише під час кліматичної події 8,2 тис. р. b2k.

Описана структура соціо-кліматичних відповідностей знаходить своє підтвердження та інтерпретацію за змістовного розгляду. Початок голоцену маркований зменшенням кількості стоянок та особливостями системи розселення та складу знахідок у культурних шарах. Більшість стоянок цього часу виглядають як спеціалізовані, зі спрощеним набором інвентарю. Поширюються «збіднені» комплекси. Відбувається загальна перебудова способу життя та господарювання. Цілком можливо, що цей процес затягнувся та утруднився через потужну пребореальну осциляцію – зниження температури, короткочасове і неповне повернення льодовикових умов слідом за катастрофічно стрімким потеплінням межі плейстоцену та геологічної сучасності.

Розвиток матеріальної культури надалі йшов еволюційним шляхом, що свідчить про стабільність людських суспільств цього часу. Аномалія 9,95 тис. р. b2k викликала зниження інтенсивності використання регіону людьми, проте не призвела до радикальної адаптивної перебудови їх господарства. Продовжувалася еволюція попередньо існуючих технокомплексів. У Північному Причорномор'ї та Криму виникають культури пізньомезолітичного вигляду – з регулярною технікою відщеплення пластинок та геометричним набором мікролітів – наконечників стріл¹⁴.

Суперечності між потребами суспільства та можливостями екологічних ніш накопичувалися і поглиблювалися. Ранньомезолітичне суспільство вступало у чергову фазу кризи мисливського господарства. Тому зниження інтенсивності використання регіону почалося повільно, за кілька століть до похолодання 9,3 тис. р. b2k. Воно, в свою чергу, могло поглибити вже наявну кризу. Невдовзі по закінченню цього природного явища і стабілізації кліматичних умов у Південній та Західній Європі відбувається стрімке «революційне» поширення комплексів пізньомезолітичного типу (Тарденуаз, Кастельнов'єн та інші)¹⁵.

Лише подія 8,2 тис. р. b2k мала безпосередній вплив на населення регіону, що вивчається. Катастрофічний характер похолодання та посухи призвів до значних змін у екосистемах, які використовувалися давніми рибалками, мисливцями та збирачами. Це в свою чергу викликало значне зменшення інтенсивності використання території. На нашу думку, це могло бути викликано як власне зменшенням кількості населення, так і змінами у стратегіях життєзабезпечення – змінами усталених систем розселення, розширенням ресурсної бази, відходом окремих груп людей у інші регіони.

На наш погляд, відзначена структура не дозволяє інтерпретувати розвиток народонаселення Південно-Східної Європи у термінах основної ролі природного фактору. Останній безумовно відігравав своє роль, проте навряд чи вона була визначальною. Взаємодія природи та людини не була односторонньою і однозначною. Слід враховувати і активну роль людини, багатство адаптивних механізмів для реакції на кліматичні зміни та власний розвиток людських суспільств. Тому більш адекватною інтерпретативною моделлю може бути теорія кризи привласнюючого господарства.

ПРИМІТКИ:

1. *Сминтина О. В.* Зональність ранньопервісних культур: дослідження, факти, теорії – Одеса, 2001; *Станко В. Н.* Колебания уровней Черного моря и расселение человека в мезолите Северного Причерноморья // НВМДУ. – 2005. – №. 11. – С. 8-16; *Bonsall C., Maclin M. G., Payton R. et al.* Climate, floods and river gods: environmental change and the Mesolithic transition in southeast Europe // Before Farming. – 2002. – Vol. 3-4. – P. 1-15; *Chapman J.* Demographic Trends in Neothermal South-east Europe // The Mesolithic in Europe. Papers presented at the Third International Symposium, Edinburgh, 1985 / Ed. C. Bonsall. – Edinburgh,

1989. – P. 500-515; *Dergachev V. A., Dolukhanov P. M.* The Neolithisation of the north Pontic area and the Balkans in the context of the Black Sea floods // *The Black Sea Flood Question. Changes in Coastline, Climate and Human Settlement* / Ed. V. Yanko-Hombach, et al. – Springer, 2007. – P. 489-514.

2. *Bottema S.* The late glacial in the Eastern Mediterranean and the Near East // *The Environmental History of the Near and Middle East Since the Last Ice Age* / Ed. W. C. Brice. – London, 1978. – P. 15-28; *Cârciumaru M.* L'analyse pollinique des coprolithes de la station archeologique de Vlasac // *Vlasac. Mezolitsko naselje u Derdapu* / Ed. D. Srejović and Z. Letica. – Beograd, 1978. – II. – P. 31-34; *Mišić B.* Ekološko-fitocenološka istraživanja / B. Mišić, D. Ćolić, A. Dinić // *D. Srejovic Lepenski Vir. Nova Praistorijska Kultura u Podunavlju* – Beograd, 1969. – P. 207-223.

3. *Willis C.* The vegetational history of the Balkans // *Quaternary Science Reviews*. – 1994. – Vol. 13. – P. 769-788.

4. *Stefanova I., Atanassova J., Delcheva M. et al.* Chronological framework for the Lateglacial pollen and macrofossil sequence in the Pirin Mountains, Bulgaria: Lake Besbog and Lake Kremensko-5 // *Holocene*. – 2006. – Vol. 16. – P. 877-892; *Feurdean A., Wohlfarth B., Björkman L. et al.* The influence of refugial population on Lateglacial and early Holocene vegetational changes in Romania // *Review of Palaeobotany and Palynology*. – 2007. – Vol. 145. – P. 305-320; *Asioli A., Trincardi F., Lowe J. J. et al.* Rapid communication – Short-term climate changes during the Last Glacial-Holocene transition: comparison between Mediterranean records and the GRIP event stratigraphy // *Journal of Quaternary Science*. – 1999. – Vol. 14. – P. 373-381.

5. *Ruth U., Bigler M., Rothlisberger R. et al.* Ice core evidence for a very tight link between North Atlantic and east Asian glacial climate // *Geophysical Research Letters*. – 2007. – Vol. 34. – P. 706-711.

6. *Alley R. B.* Ice-Core Evidence of Abrupt Climate Changes // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. – 2000. – Vol. 97. 4. – P. 1331-1334; *Alley R. B., Gow A. J., Johnsen S. J. et al.* Comparison of deep ice cores // *Nature*. – 1995. – Vol. 373. – P. 393-394.

7. *Rasmussen S. O., Vinther B. M., Clausen H. B. et al.* Early Holocene climate oscillations recorded in three Greenland ice cores // *Quaternary Science Reviews*. – 2007. – Vol. 26. 15-16. – P. 1907-1914; *Vinther B. M., Clausen H. B., Johnsen S. J. et al.* A synchronized dating of three Greenland ice cores throughout the Holocene // *Journal of Geophysical Research*. – 2006. – Vol. 111. – P. D13102.

8. *Neustupný E.* Metoda archeologie – Plzeň, 2007.

9. *Ramsey Bronk C.* Probability and Dating // *Radiocarbon*. – 1998. – Vol. 40 (1). – P. 461-474; *Ramsey Bronk C.* Radiocarbon Calibration and Analysis of Stratigraphy: The OxCal Program // *Radiocarbon*. – 1995. – Vol. 37(2). – P. 425-430.

10. *Bonsall C., Maclin M. G., Payton R. et al.* Cited work... – P. 7-9.

11. *Ibid.*

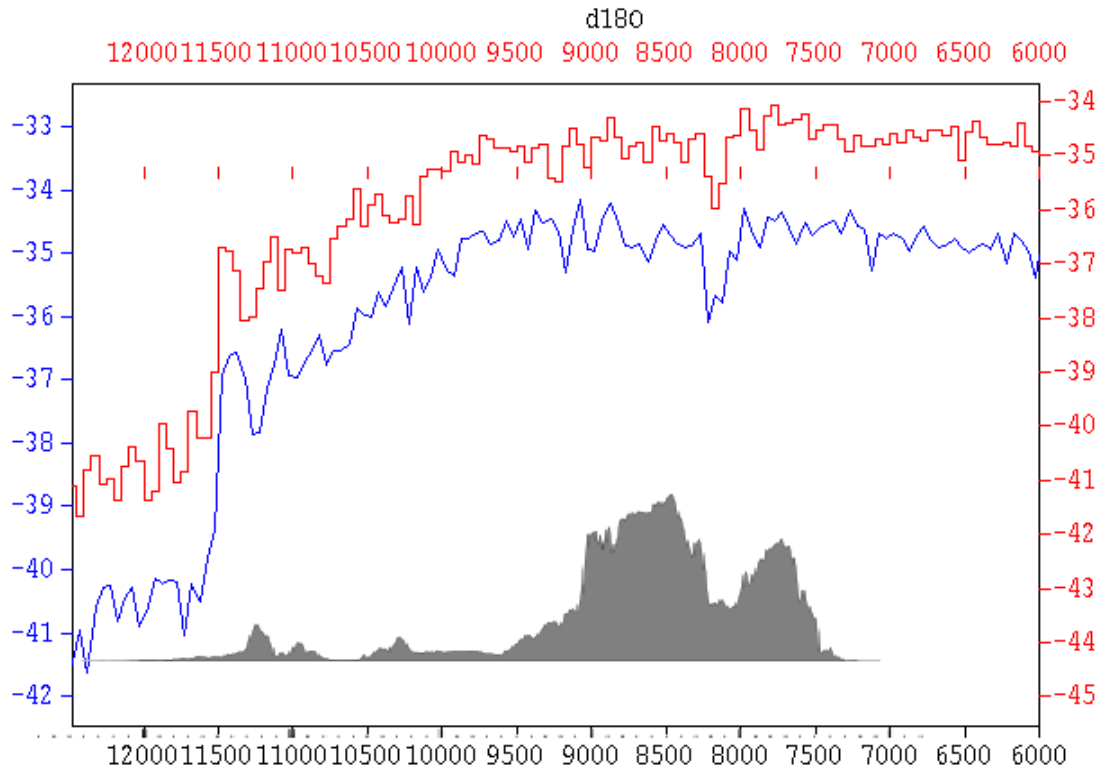
12. *Borić D., Miracle P.* Mesolithic and Neolithic (dis)continuities in the Danube Gorges: new AMS dates from Padina and Hajdučka Vodenica (Serbia) // *Oxford Journal of Archaeology*. – 2004. – Vol. 23(4). – P. 341-371.

13. *Bonsall C., Maclin M. G., Payton R. et al.* Cited work... – P. 2-4.

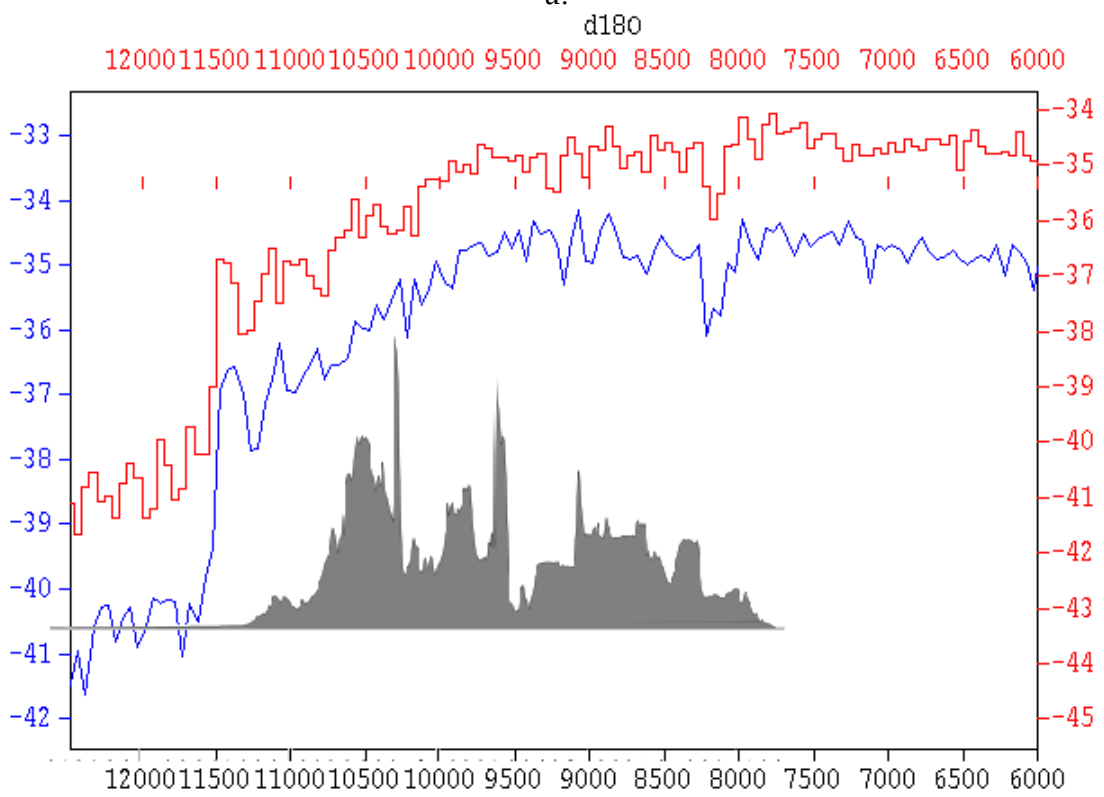
14. *Станко В. Н.* Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья – К., 1982; *Телегін Д. Я.* Мезолітичні пам'ятки України (IX-VII тис. до н. е.). – К., 1982.

15. *Barbaza M.* Les civilisations postglaciaires. La vie dans la grande forêt tempérée – Paris, 1999. – P. 52-55.

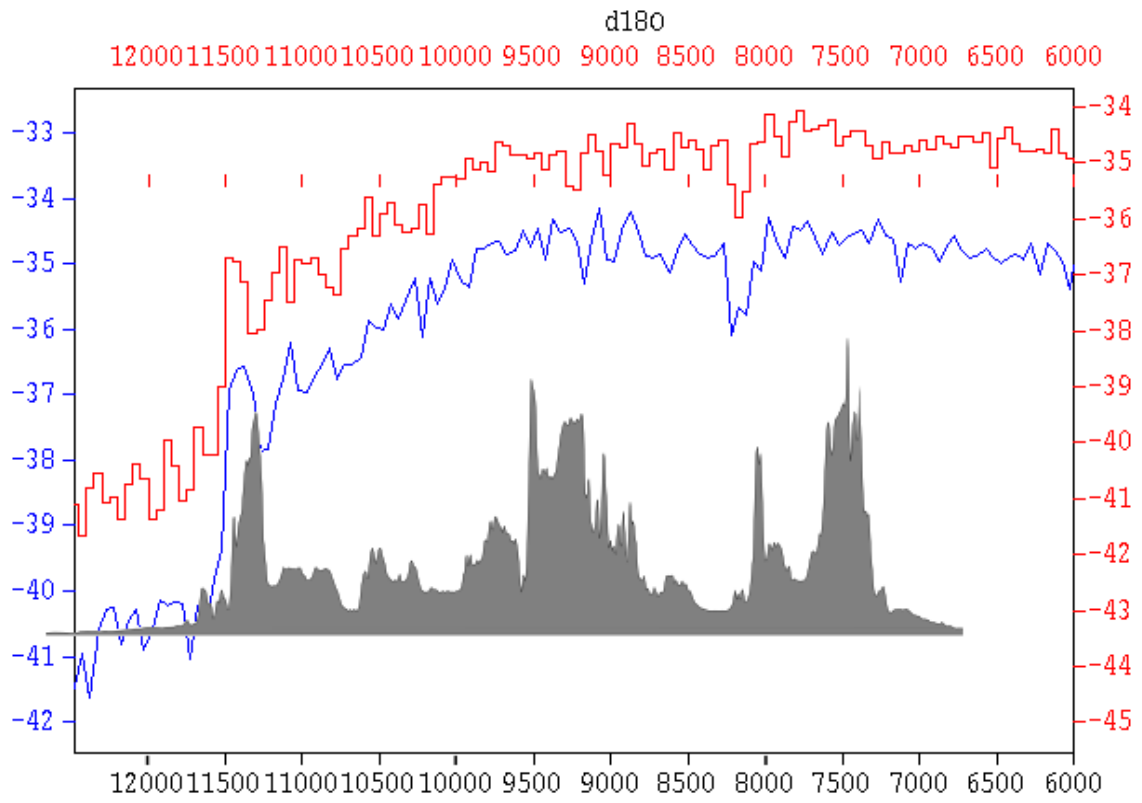
Рис. 1. Еколого-економічні кореляції

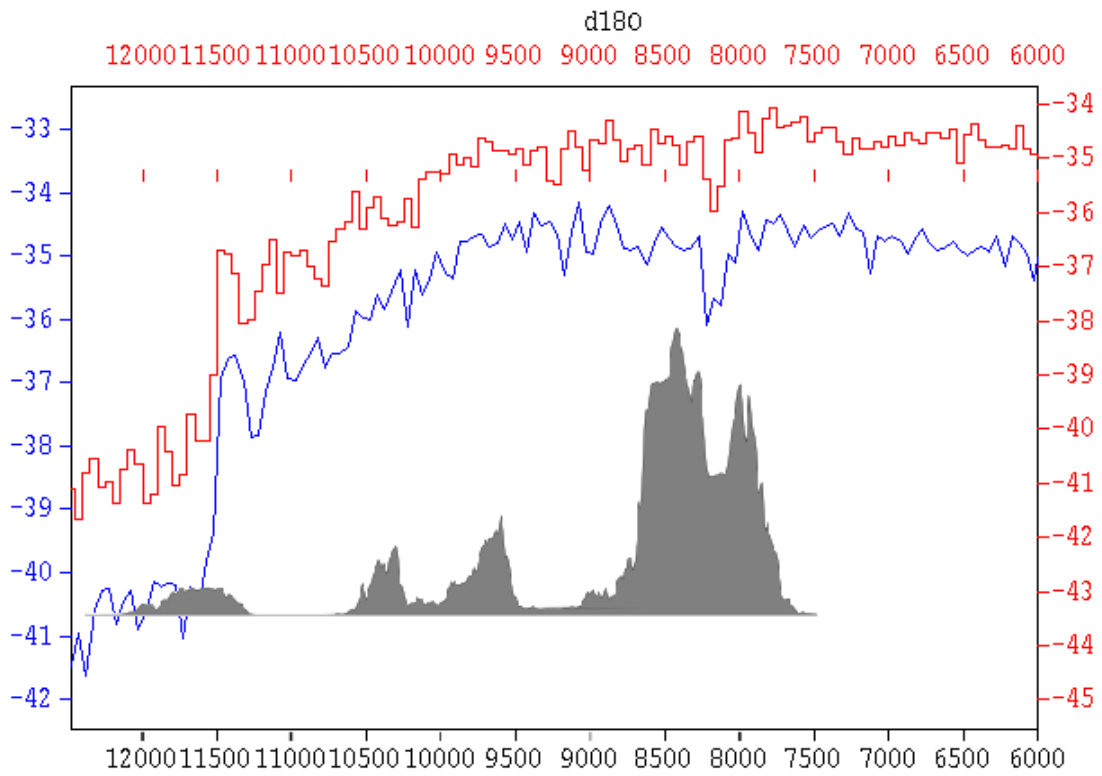
a.

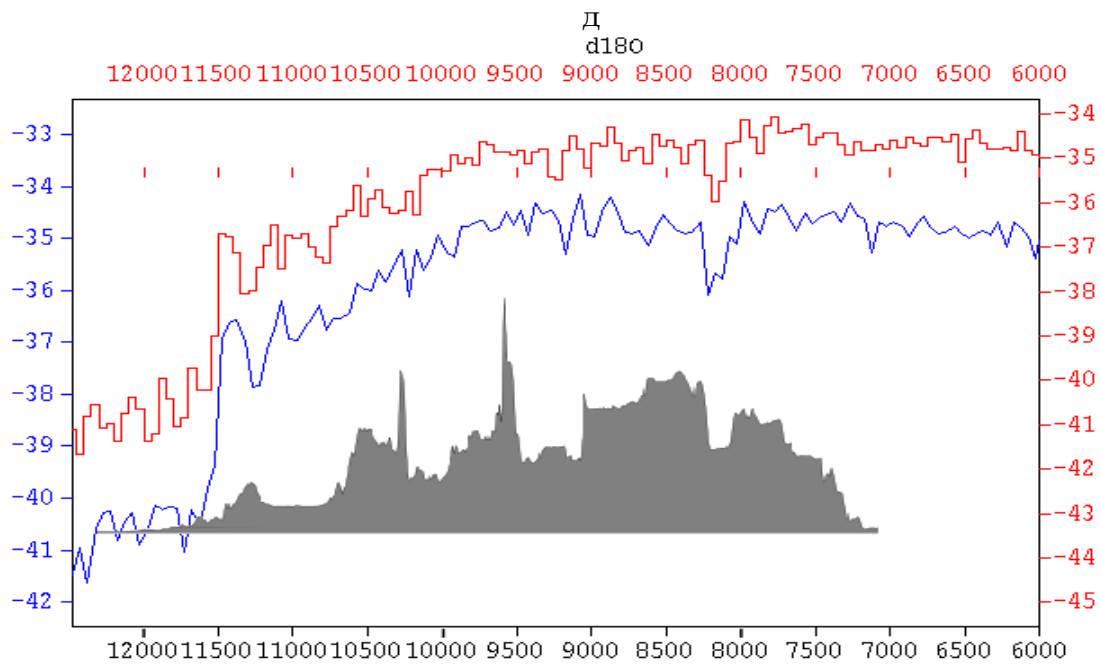
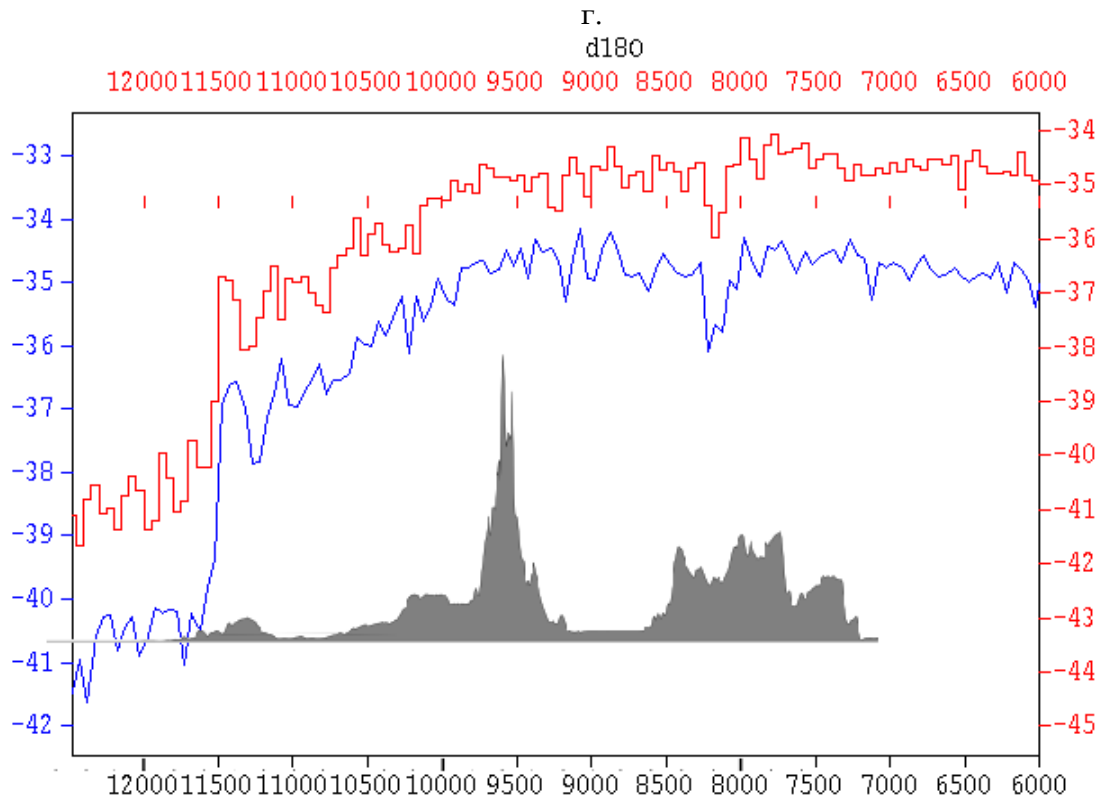

б.

в.

Є

Зміни d180: горішній графік – льодовиковий керн GRIP, показники усереднені за 50 років, нижній графік – льодовиковий керн NGRIP, показники усереднені за 50 років. Крива з заповненням – сума радіовуглецевих дат: а – Залізні Ворота, б – Егейська Греція, в – північно-східне узбережжя Адріатичного моря, г – південно-східне узбережжя Адріатичного моря, д – Карпатсько-бузький регіон, є – загальна сума за стоянками Південно-Східної Європи.

ФРАКИЙСКИЕ ОЧАГИ-ЖЕРТВЕННИКИ

В центре древней Фракии близ города Стара Загора болгарские археологи исследовали три архитектурных комплекса виллы у реки Чаталка и на одном из них в местности Ламбата в верхнем слое открыли остатки жилищ с каменными стенами, сложенными насухо (кладка насухо или просто на глине – это было в традиции коренного фракийского населения), очаги, римские подобыя греческих пифосов – долии (*dolia*), грузы для ткацкого стана и прочее, вероятно, относящееся к IV-V вв. н. э.¹ Интересно, что очаги этих «ткачей» представляли собой площадки, постланные и огражденные черепицей, причем с южной стороны каждого из них неизменно была вертикально вкопана керамическая водопроводная труба. Нечто подобное было обнаружено также во фракийском ареале на сербской территории в районе Костолаца². Несколько таких очагов со следами горения сверху сравнительно недавно были открыты археологом из Перника В. Любеновой среди руин оставленного позднеримским населением вероятного ремесленного и культового центра (либо эмпория³) близ нынешнего села Арбанас у города Радомир на трассе античного пути из Стоб через Пауталию (ныне Кюстендил) в Сердику (ныне София), минуя Элею⁴. Любопытно, что один из очагов был сооружен в алтарной части разрушенной раннехристианской церкви, которая была сооружена, согласно мнению В. Любеновой, при Константине Великом.

В 1990 г. советская группа в составе совместной болгаро-советской экспедиции второй сезон раскапывала позднеантичный объект у села Долна Граштица на древней переправе через Стримон (ныне Струма) одного из путей из Пауталии в Сердику⁵. Сначала сотрудник ИА АН СССР, А. М. Смирнов обнаружил и раскрыл один очаг-жертвенник (рис. 1), после чего был расчищен еще один (рис. 2). Эти находки близ Кюстендила вполне убедительно доказывают их местный, фракийский характер, причем сооружение очагов подобного рода осуществилось еще до начала активного строительства здесь укрепленной виллы (на ее базе по приказу Юстиниана воздвигли для обороны подходов к Пауталии с севера крепость – это произошло лет двести–двести пятьдесят спустя), то есть не позднее конца II – первой половины III в. н. э. Оба удовлетворительной сохранности очага были открыты почти на трехметровой глубине возле южной оконечности вероятного фракийского селища, в полутора десятках метров один от другого вне интерьеров (см. одно «святилище» на чертеже – рис. 3) строительных остатков. Судя по характеру рельефа местности, очаги располагались практически на одном уровне, то есть они были сооружены одновременно или же очень близко по времени.

Первый очаг был сложен из четырех стандартных плинф (0,32 x 0,32 x 0,04 м) и с северо-восточной стороны двух орфостатно поднятых половин плинф, за которыми обнаружился фрагмент вертикально вкопанной трубы. Поверхность близ очага была уплотнена и содержала признаки большого горелого пятна, а на самой эсхаре были собраны разбитые на месте краснолаковый, декорированный штампованным орнаментом сосуд (рис. 4), наподобие найденного в Кюстендиле при раскопках на месте Старой школы⁶, традиционная для этих мест серая чашка-канфар (II-IV вв.) с тремя несохранившимися ручками и «курильница» (рис. 5) типа обнаруженной в Северо-Западном Причерноморье в античной Тире в слое римского времени (II-III вв.)⁷. Краснолаковый сосуд из Пауталии датирован II-III вв., а «курильница» мезийского типа из Тире могла относиться только ко времени оккупации города римскими войсками во II – первой половине III вв.⁸, хотя в последнее время утвердилось заключение об уничтожении римского гарнизона в Тире готами лишь в 269/270 г.⁹ Собственно в Нижней Мёзии похожие лаковые

сосуды производились во II-III вв.¹⁰, что же касается курильниц образца найденной нами, то их производство осуществлялось во второй половине II – начале III в.¹¹

На втором очаге были открыты крупные фрагменты «серой македонской» («сива македонска») керамики (II-IV вв.) и рядом – великолепная ручка бронзового сосуда¹². Эта эсхара также была построена из плинф и их крупных фрагментов и с северо-восточной стороны снабжена вертикально вкопанной трубой. Возле очагов были исследованы остатки строений, сложенных с техническими особенностями II-III вв., в частности, с применением раствора с осколками керамики¹³. Позднее, во второй половине III – первой половине IV в. н. э. остатки строений и эсары оказались под основами комплекса роскошной укрепленной виллы, сооруженной в смешанной технике (*opus mixtum*), популярной на Балканах в III – рубеже VI-VII вв. н. э.¹⁴, на розовом растворе с шамотом. Следует добавить, что две плинфы первой эсары имели повернутые вверх функциональные для лучшего схватывания раствора пальцевые штрихи крест-накрест и параллельно краям, что было характерно, согласно наблюдениям Ат. Милчева¹⁵, для III-IV вв. Впрочем, это не опровергает примерной датировки открытых возле Нижней Граштицы очагов первой половиной III в. н. э.

Было бы опрометчивым находить в последней детали скрытый сакральный смысл, тем более что солярная символика не должна бы соответствовать хтоническому характеру культа домашнего очага, к которому имели непосредственное отношение фракийские эсары. Согласно заключениям М. Домарадского¹⁶, культ домашнего очага и вообще огня относится к числу древнейших и с эпохи ранней бронзы был известен на обширных территориях от Передней Азии до Центральной Европы. Он выделяет в качестве атрибутов культа, прежде всего, орнаментированные глиняные алтари или «очаги», затем «коньки» – фигурки с головой (или двумя) животного, плоские сосуды на трех ножках или сосуды на высокой ажурной подставке («курильницы»), намеренно разбитую бытовую посуду. Таким образом, определять этногеографическую природу какого-либо из типичных проявлений культа домашнего очага совершенно бессмысленно хотя бы уже потому, что сложился этот культ задолго до оформления достаточно определенной этнической карты Евразии. Удивительно похожие атрибуты культа у кельтов и фракийцев IV в. до н. э. явились реминисценциями одного общего древнего культа домашнего очага-эсары (даже более широкого по распространению, нежели общеиндоевропейский)¹⁷.

Если ориентироваться на одну из последних вышедших у нас крупную археологическую работу по индоевропеистике¹⁸, то еще до Чатал-Хюйюка и, вероятно, производной от него европейской культуры Винча были характерны культовые сооружения с монументальным украшенным очагом. Над очагом по традиции на столбе вывешивался букраний, пластический орнамент покрывал плоскости печей, очагов и жертвенников, причем жертвенники украшались лепным декором, метопами с применением вообще распространенных на винчанской керамике криволинейных, спиральных и прямоугольных мотивов¹⁹. М. Домарадский²⁰ некоторые атрибуты культа домашнего очага отыскал в IV тыс. до н. э. в культурах Куро-Аракской и Лендъел, а В. А. Сафронов пытался доказать преемственность и производность культуры Лендъел от более ранней – Винча. У вероятных индоариев – носителей андроновской культуры – одним из шести типов очагов являлись правильные, прямоугольной формы, причем именно такие предположительно имели культовое назначение²¹. Е. Е. Кузьмина тут же отмечает наличие аналогов культовым круглым и прямоугольным очагам в Древнем Риме, причем квадратный очаг у римлян посвящался мужским божествам и предкам. Греческой богине-покровительнице домашнего очага и вообще огня в Риме соответствовала Веста²², которой обычно, будто бы, предназначался круглый очаг для приготовления пищи.

В период между расселением индоариев и эпохой античности великолепные, богато орнаментированные очаги-жертвенники украшали дворцы минойцев и ахейцев, более

скромные известны на территориях Румынии (культура Витенберг) и Украины (Жаботин). Примеру владык Крита и Микен спустя века следовали одрисские цари Фракии, очень похожие атрибуты культа домашнего очага наблюдались у фракийцев, гетов, скифов, кельтов, причем во Фракии В. Любенова прослеживает их до рубежа IV-V вв. н. э. Таким образом, эсхары из Нижней Граштицы и прочие фракийские очаги-жертвенники являются памятниками одной очень давней традиции.

В античном Северном Причерноморье каменные алтари прямоугольной формы являлись важной частью культового комплекса V-III вв. до н. э. в Мирмекии²³; очаги-жертвенники, помимо зольников Китея, Илурата и того же Мирмекия встречались и просто в быту Боспорского царства. В Зеноновом Херсонесе очаги с обгорелыми остатками жертвоприношений открыты в слое V-VI вв. – заключительного периода функционирования городища на мысе Зюк²⁴. В каждом конкретном случае встает вопрос о вероятной интерпретации таких памятников. В Северо-Западном Причерноморье в конце VI – первой половине V в. до н. э. в Ольвии и Никонии функционировали культовые комплексы с эсхарами для почитания хтонических, вероятно, связанных с земледелием божеств²⁵. Фракийцы тоже обращались к горным силам с пожеланием обеспечить плодородие и изобилие. Так, Р. Георгиевой исследованы фракийские культовые ямы²⁶, и она, аналогично В. Любеновой, приходит к заключению о глубокой связи во фракийском мире хтонических культов мертвых и плодородия, когда на алтаре очищение огнем сопровождалось дарами и жертвоприношениями вкупе с возлияниями²⁷. Принимая эти утверждения, можно попытаться все же истолковать наличие близ алтарей из Нижней Граштицы и Чаталки вертикально вкопанных труб. Вполне возможно, что сущность производившихся на таких эсхарах священнодействий объясняет наблюдение из довоенного исследования Кл. Шеффера об Угарите, воспроизведенное и развитое у И. Ш. Шифмана²⁸: «Значение магической церемонии, приносящей удачу, имеет, в частности, жертвоприношение Анату перед тем, как начать хлопоты о доме для Баалу:

«Помести в землю жертву хлебную;
положи во прах мандрагоры;
вылей воздаяние в глубины земли,
спрячь котел в глубину полей».

Существование такого обряда подтверждается и археологически: при раскопках была найдена глиняная трубка, зарытая в землю в вертикальном положении, через нее совершались возлияния. На разных уровнях в трубке были сделаны отверстия, так что жидкость уходила в землю. У нижнего конца трубки были зарыты котлы и ритоны, содержавшие, несомненно, ритуальные приношения. Связь описываемой церемонии с земледельческими культами очевидна; возможно, что в обычных условиях она совершалась перед началом полевых работ».

Конечно же, призрачная аналогия с Ближнего Востока XIII в. до н. э. отнюдь не убеждает в правомерности подобной реконструкции ритуала у фракийцев на своих эсхарах – на Балканах всегда была иная природная среда и свои глубокие традиции, ориентированные не только на специфику культурно-хозяйственного типа. В современной балканистике настойчиво ставится вопрос о выделении фракийских реликтов в болгарской средневековой культуре и некоторых даже в нынешней, то есть речь идет об устойчивом этнокультурном континуитете на землях древней Фракии²⁹.

Имеется редкое, практически забытое исследование знаменитого российского слависта А. М. Селищева с довольно интересными наблюдениями по Македонии³⁰. Так, невзирая на запрет еще императора Феодосия (Cod. Theod. XVI. 10, 12) приносить кровавые жертвы, эта «греко-фракийская» традиция продолжилась, причем кровь жертвенных

животных у греков даже в XI-XIV вв. выпускали и на землю, и на очаг³¹. Вопреки противодействию православия это продолжалось и потом. По мнению А. М. Селищева, к XVII-XIX вв. среди славян только будто бы у русских, благодаря многовековому соседству с финскими народами, и у болгар, вследствие их близости к фракийцам и грекам, сохранились кровавые жертвоприношения. Для обеспечения плодородия кровь животных спускали на землю, а иногда – на очаг (например, у финнов-вотяков). У древних греков в целях освящения и очищения места погребения на могилы умерших приносили поминальные продукты и резали черных животных, обычай заклания жертв над специальным отверстием отмечен еще Гомером (Od. XI. 33-36). Издавна хтоническим силам в честь героя-покровителя дома кровь черных животных выпускали на землю и очаг для обеспечения благополучия дому, то есть семье и роду.

Любопытные моменты обрядов «стопан» (хозяин) или «стопанова гостба» и «наместник»³² в Болгарии истекших столетий, вероятно, воспроизводили магические действия далеких предков: «очаг очищали от пепла, делали в нем отверстие, зажигали огонь и по одной свече по обеим сторонам очага и у дверей; затем старейшая женщина резала жертву – черную курицу, так что вся кровь стекала в отверстие, после чего оно заравнивалось и замазывалось глиной», иначе же «закалывали совершенно черного барана над отверстием (ботросом), выкопанным на правой стороне очага, так что вся кровь стекала в него, после чего в отверстие складывали и внутренности барана, заравнивали и замазывали сверху глиной, а кровью смазывали и противоположную сторону очага; кровью жертвы рисовали кресты в левом углу у очага». В итоге эти, казалось бы, чисто домашние, празднества заканчивались поеданием жертвенной пищи почему-то снаружи, вне дома. Продолжая анализ материалов, собранных Е. Теодоровым, вспоминается праздничное жертвоприношение «сбор», которое могло иметь и общественный, и семейно-частный характер, а также обряд «оброк», при котором жертвоприношение и пир осуществлялись непременно вне дома в особом месте – оброчном³³. Кстати, место для оброка обычно имело деревья, жертвенник и воду, то есть традиционно выбиралось в дубравах и у источников. Замечу, что нижнеграштицкие эсхары открыты у берега старого русла Струмы (гомеровского Стримона), где вблизи и донныне бьют холодные ключи. Они располагались вне интерьеров построек и вполне могли использоваться как жертвенники оброчного места.

Эта статья является уточненной доработкой публикации³⁴ обнаруженных советским археологическим отрядом совместной болгаро-советской экспедиции близ города Кюстендила своеобразных очагов с вертикально вкопанными трубами и касается других подобных находок, обнаруженных на древних фракийских землях и не получавших прежде научной интерпретации. Вполне возможно, что это были эсхары автохтонного населения горнобалканских районов, связанные с очень архаичным, универсальным для многих народов сельскохозяйственным культом, либо же поминовения предков.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Николов Д.* Тракийската вила при Чаталка, Старозагорско // РП. – XI. – София, 1984. – С. 41, илл. 48.

2. *Милошевић Г.* Ранновизантијска архитектура на светињи у Костолацу // Старинар. – XXXVIII. – 1987. – С. 39.

3. *Найденова В.* Римската вила в с. Кралев Дол, Пернишки окръг // РП. – XIV. – София, 1985. – С. 7-8.

4. См.: Извори за Българската история. – Т. 2. – София, 1958. – С. 24. Считаю своим долгом выразить признательность В. Любеновой за помощь в изучении этих очагов и возможность осмотреть объект у с. Арбанас летом 1990 г., то есть ознакомиться как с опубликованными материалами, так и с самими памятниками наглядно для поиска аналогий.

5. См.: *Иванов Й.* Северна Македония. – София, 1906. – С. 20, 407; *Захариев Й.* Кюстендилска котловина (географско-етнографско изследване). – София, 1963. – С. 276; *Дремсизова-Нелчинова Цв., Слокоска Л.* Археологически паметници от Кюстендилски окръг. – София, 1978. – С. 16, 43, 83; *Крыкин С. М.* Позднеантичное и ранневизантийское «Градиште» у с. Долна Граштица близ Кюстендила // *Болгаристика в системе общественных наук. II Всесоюзная конференция по болгаристике. Тезисы докладов.* – Харьков, 1991. – С. 24-25. В 1989-1990 гг. автор возглавлял российский отряд совместной болгаро-русской экспедиции, созданной стараниями, прежде всего, тогдашнего директора Кюстендилского музея И. Прокопова.

6. *Mikhailov St., Sestrimska M.* The Old School in Kyustendil. Materials from archaeological excavations. – Sofia, 1981. – P. 66-69.

7. *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Древний город Тира. – К., 1985. – С. 108, рис. 35.

8. См.: *Клейман И. Б., Сон Н. А.* Западно-понтийские и провинциально-римские культурно-экономические связи Тиры // *МАСП.* – К., 1983. – С. 47-59, рис. 1.

9. *Крапивина В. В.* К вопросу о застройке Ольвии во II-III вв. н. э. // *Античная культура Северного Причерноморья.* – К., 1984; *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Указ. соч. – С. 101, 132; ср.: *Буйских С. Б.* Фортификация Ольвийского государства (первые века н. эры). – К., 1991. – С. 140-141; *Krapivina V.* Olbia in the Roman Period // *Limes.* – Bologna, 1994. – P. 190.

10. *Sultov B.* Ceramic production on the territory of Nicopolis ad Istrum (II-nd-IV-th c.) // *Terra Antiqua Balkanica I* (ГСУ. Исторически факултет. – LXXVI, 2. – 1983.) – София, 1985. – P. 76-79.

11. *Ibid.* – P. 81. Table XVII; XL, 5; L, 5.

12. Фигура сатира на виноградном листе, высотой 0,13 м, сделанная из практически чистой меди предположительно в III в. н. э., очищена реставратором П. Игнатовым в августе 1990 г. и хранится в фондах Исторического музея города Кюстендила.

13. *Бобчев С. Н.* Смесената зидария в римските и ранновизантийските строежи // *ИИАИ.* – Т. XXIV. – София, 1961. – С. 155: строительный раствор из белого превратился в розовый благодаря добавкам толченого шамота предположительно в середине III в.

14. Там же. – С. 195.

15. *Милчев Ат.* Археологически разкопки и проучвания в долината на Средна Струма // *ГСУ. Философско-исторически факултет.* – Т. 53. – Кн. 1. – 1959. – София, 1960. – С. 396.

16. *Домарадски М.* Произход и хронология на зооморфните култови фигурки в Тракия през I хил. пр. н. е. // *Thracia Antiqua*, 2. – София, 1977. – С. 95-100.

17. См.: *Чичикова М.* Жертвенники эллинистической эпохи во Фракии // *Studia Thracica*, 1: Фрако-скифские культурные связи. – София, 1975. – С. 180-195; *Любенова В.* Антична зооморфна пластика от окръжния музей – Перник // *Terra Antiqua Balcanica* – 2. (ГСУ. Исторически факултет. Т. LXXVII, 2). – София, 1985. – С. 260-273; *Крыкин С. М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. – М., 1993. – С. 156-161.

18. *Сафронов В. А.* Индоевропейские прародинны. – Горький, 1989. – С. 92.

19. Там же. – С. 75-79.

20. *Домарадски М.* Указ. соч. – С. 97.

21. *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии? – М., 1994. – С. 80-81.

22. *Штаерман Е. М.* Веста // *МНМ.* – Т. 1. – М., 1987. – С. 234; *Тахо-Годи А. А.* Гестия // Там же. – С. 299.

23. *Виноградов Ю. А.* Мирмекий // *Очерки археологии и истории Боспора.* – М., 1992. – С. 110-111.

24. *Масленников А. А.* Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // *Очерки археологии и истории Боспора.* – С. 155, 168.

25. Козуб Ю. И. Древнейший культовый комплекс Ольвии //Художественная культура и археология античного мира. – М., 1976. – С. 124-130.; Секерская Н. М. Античный Никоний и его округа в VI-IV вв. до н. э. – К., 1989. – С. 96-98.
26. Георгиева Р. Обредни ями в Тракия (края на II-I хил. пр. н. е.) //Археология. – 1991. – № 1. – С. 1-11; Георгиева Р. Обредни ями (края на II-I хил. пр. н. е.) //Етнология на траките. – София. 1999. – С. 165-183.
27. Подробно см. написанные Р. Георгиевой две главы «Этнологии фракийцев» («Етнология на траките». – С. 216-232 и 233-241) – «Погребението (края на II-I хил. пр. н. е.)» и «Поминални практики (края на II-I хил. пр. н. е.)».
28. Шифман И. Ш. Культура древнего Угарита (XIV-XIII вв.). – М., 1987. – С. 99.
29. См.: Фол А. Политика и култура в Древна Тракия. – София, 1990. – С. 7-34.
30. См.: Селищев А. М. Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки Северо-Западной Македонии. – София, 1929.
31. Там же. – С. 267; Теодоров Е. Древнотракийско наследство в българския фолклор. – София, 1972. – С. 114.
32. Селищев А. М. Указ. соч. – С. 273-275; Теодоров Е. Указ. соч. – С. 107-110.
33. Теодоров Е. Указ. соч. – С. 111-113.
34. Крыкин С. М. Долна Граштица-90: фракийские очаги жертвенники //ЭО. – 2000. – № 1. – С. 81-87.

Рис. 1. Фракийский очаг-жертвенник, найденный около г. Кюстендил

Рис. 2. Фракийский очаг-жертвенник, найденный около г. Кюстендил

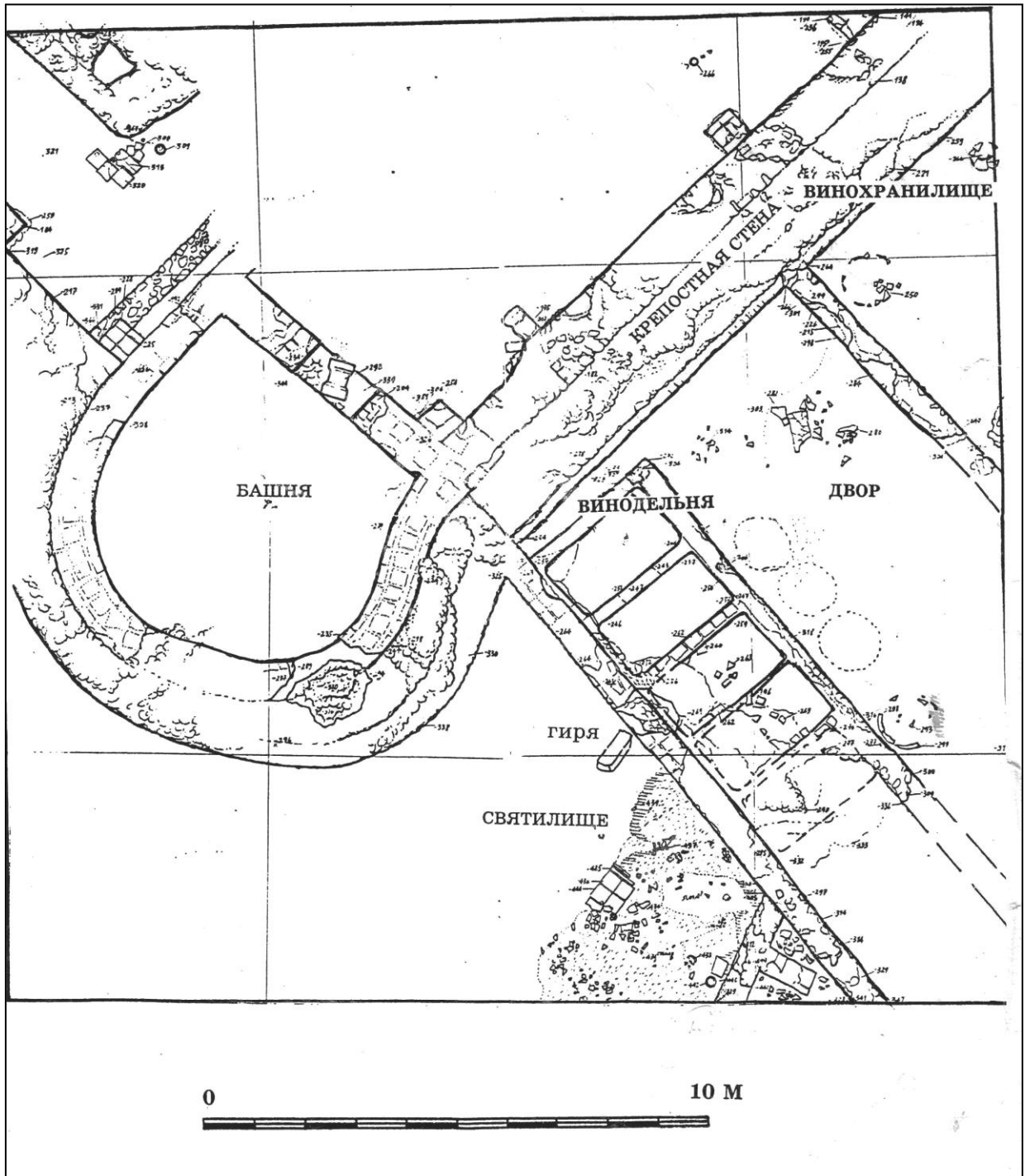

Рис. 3. «Святылище» на чертеже фракийского селища около г. Кюстендил

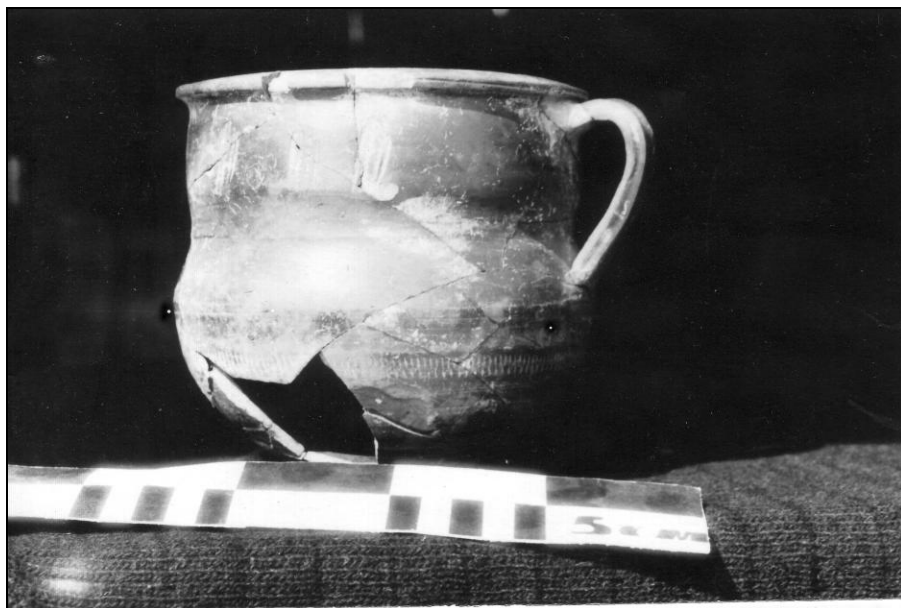

Рис. 4. Краснолаковый сосуд, найденный около г. Кюстендил

Рис. 5. «Курильница», найденная около г. Кюстендил

**СТЕПОВЕ ПОБУЖЖЯ ТА ПОДНІСТРОВ'Я У ІХ-ІІІ СТ. ДО Н. Е.
ПОЛЕМІЧНІ ЗАМІТКИ З ПРИВОДУ МОНОГРАФІЇ Ю. С. ГРЕБЕННІКОВА
«КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ СТЕПНОГО ПОБУЖЖЬЯ. ІХ-ІІІ ВВ. ДО Н. Э.»
(НИКОЛАЕВ, 2008. - 192 С., ИЛЛ.)**

Вітчизняна наука досягла значних успіхів у вивченні історії киммерійців та скифів. Але специфіку цих культур у окремих регіонах досліджено нерівномірно. Не дивлячись на те, що на теренах Степового Побужжя поселення, курганні та безкурганні могильники, а також випадкові знахідки ІХ-ІІІ ст. до н. е. почали вивчатися ще з ХІХ століття, все ж ця територія довгий час залишалася «білою плямою» на археологічній мапі України. Узагальнюючого монографічного дослідження до цього часу написано не було. Зробив спробу заповнити прогалину Ю. С. Гребенніков.

Монографія (рис. 1) складається із Вступу, 4-х розділів, Висновків, ілюстрацій та бібліографії. У «Вступі» (с. 5-8) розглядаються природні особливості Степового Побужжя та коротка історія вивчення пам'яток ІХ-ІІІ ст. до н. е.

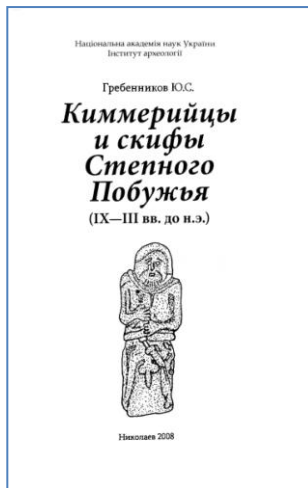
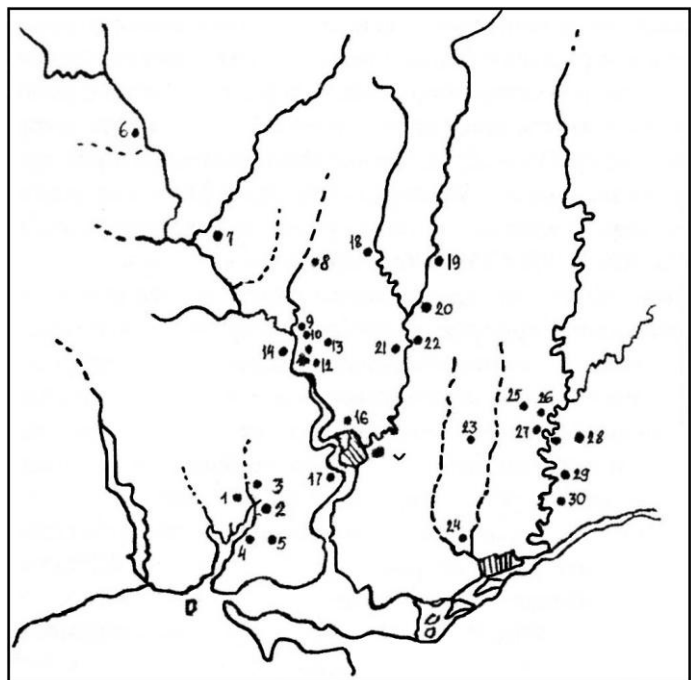

Рис. 1. Титул монографії Ю. С. Гребеннікова

На жаль, дослідник чітко не окреслює географічних меж, не визначає північних, східних, й особливо західних кордонів території свого дослідження. Якщо судити за схематичними мапами (рис. 2, 4-5) та використаними в роботі матеріалами, поняття «Степове Побужжя» у автора є тотожним «Миколаївщина», території, що входить до сучасної Миколаївської області. «Степове Побужжя» є термін історико-географічний, який входить складовою частиною у більш широке поняття – Північне Причорномор'я¹. У межах останнього виокремлюються мікрорегіони та райони – Подунав'я, Подністров'я, Потилігулля, Побужжя, Подніпров'я тощо. Межі Північного Причорномор'я та його окремих частин, в залежності від кліматичних умов та історичних обставин, змінювалися як у просторі, так у часі². В скифо-античний час на заході територія Нижнього Побужжя частково співпадала з територією Ольвійського

Рис. 2. Киммерійські поховання Степового Побужжя та суміжних територій: 1 – Яблуня; 2 – Мефодієвка; 3 – Нечаяне; 4 – Кам'янка; 5 – Благодатне; 6 – Виноградний Сад; 7 – Новогригорівка; 8 – Калинівка; 9, 10 – Нова Одеса, групи ІV, ІІІ; 11-13 – Нова Одеса ІІ, Кашперівка, Новошмідтівка; 14 – Ковалівка; 15 – Тернівка; 16 – Мала Корениха; 17 – Антонівка; 18 – Отрадне; 19 – Констянтинівка; 20 – Костичі; 21 – Христофорівка; 22 – Широфанка; 23 – Чорнобаївка; 24 – Краснопілля; 25 – Висунськ; 26 – Пришиб; 27 – Павлівка; 28 – Нововасилівка; 29 – Лиманці (за: Гребенніков, 2008, с. 8, карта 1)

полісу, доходила в окремі періоди до Потилігуля та сучасної Одеси³. На жаль, степова частина Березансько-Дністровського міжлімання з точки зору киммеро- та скіфознавства з об'єктивних (мала кількість новобудовних дослід-жень) та суб'єктивних причин вивчена ще недостатньо. Киммерійські та скіфські старо-житності району репрезентуються головним чином випадковими знахідками. З іншого боку, район басейну р. Інгулець має більше підстав бути віднесеним до Нижнього Подніпров'я, ніж до Степового Побужжя.

У першому розділі «Передскіфський період у Степовому Побужжі (IX – перша половина VII ст. до н. е.)» (с. 9-25) автор аналізує археологічні пам'ятки цього часу, зазначаючи, що вони репрезентуються *лише* підкурганними похованнями. Вибірка невелика – 42 поховання, більш чи менш рівномірно розпорошені по території, що досліджується. Ще меншою є кількість поховань, що датується безпосередньо передколонізаційним часом (рис. 2). Приблизно така ж картина спостерігається й у степах на захід від Південного Бугу⁴.

Проаналізувавши поховальний обряд та інвентар поховань, автор зробив важливі висновки щодо складу, господарчої діяльності та рівня соціальної диференціації населення Степового Побужжя в передскіфський час. На думку Ю. С. Гребеннікова, в формуванні населення Степового Побужжя в IX – першій половині VII ст. до н. е. приймали участь два компоненти – місцевий, для якого характерними є підбійні могильні споруди, скорчений стан похованих й східна орієнтація, та пришлий, який вирізняється витягнутим трупокладенням з західною орієнтацією. Єдиною формою господарчої діяльності населення було кочове скотарство. Воно було слабо диференційованим. Висновок в основному співпадає з висновками фахівців з історії бронзового віку⁵, та грецької колонізації краю⁶. Ми ж звертаємо увагу на *повну* відсутність поховань пізніх киммерійців у районі майбутньої Ольвії. Зате у самій Ольвії у якості кнехта було використано киммерійську антропоморфну стелу (рис. 3)⁷.

Цікавим, але дискусійним, є другий розділ «Ранній період скіфської історії регіону» (VI-V вв. до н. е.)» (с. 27-54). Увесь масив археологічних пам'яток автор розподіляє на ранні (VII-V вв. до н. е.) та пізні (кінець V – початок III ст. до н. е.). Для раннього часу

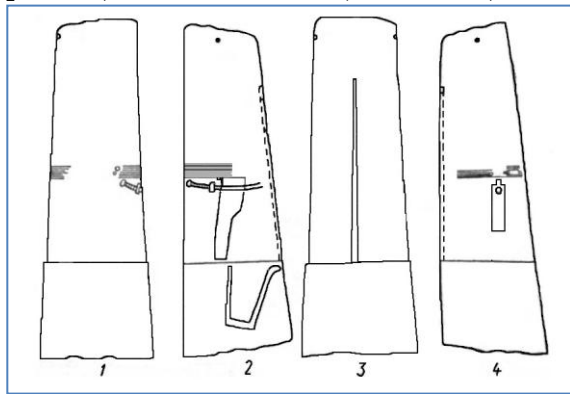

Рис. 3. Стела передскіфського часу із Ольвії (за: Тереножкін О. І. Киммерійські стели // Археологія. – 1978. – Вип. 27. – С. 16. – Рис. 4)

Ю. С. Гребенніков виокремлює дві локальні групи: степову та приольвійську (рис. 3).

Дослідник вперше дає докладну характеристику скіфським пам'яткам Степового Побужжя ранньої хронологічної групи. За даними автора, в зазначеному районі зараз відомо біля 60 ранніх поховань. Але лише одне з них у низинах Інгульця (с. Лиманці-2, кург. 9) датується першою половиною VI ст. до н. е. Всі інші відносяться до кінця VI – середини V ст. до н. е.

Весь масив пам'яток Ю. С. Гребенніков поділяє на два локальні варіанти: степову та приольвійську. Дослідник детально характеризує поховальний обряд степового варіанту, зазначаючи, що він у головних рисах відпові-

дає ранньоскіфському поховальному обряду на інших територіях. До рідкісного типу відноситься двокамерна гробниця на кшталт катакомби в кургані 50 біля с. Нововасилівка (рис. 4, 14). Її побудовано на рівні давньої денної поверхні із вертикально вкопаних в ґрунт вапнякових плит й обкладено такими ж плитами по периметру. На жаль, поховання було пограбоване ще в давнину. За знахідками в заповненні фрагмента кіліка, автор датує комплекс першою половиною V ст. до н. е.

Важливим є спостереження Ю. С. Гребеннікова щодо статевого та соціального стану похованих скіфів у степовій групі. З'ясувалося, що в більшості випадків вони належать чоловікам-воїнам. Виключенням є лише захоронення в курганах 6 та 7 біля с. Кам'яна Балка, що належали чоловіку, жінці та підлітку. На думку автора монографії, тут була похована сім'я.

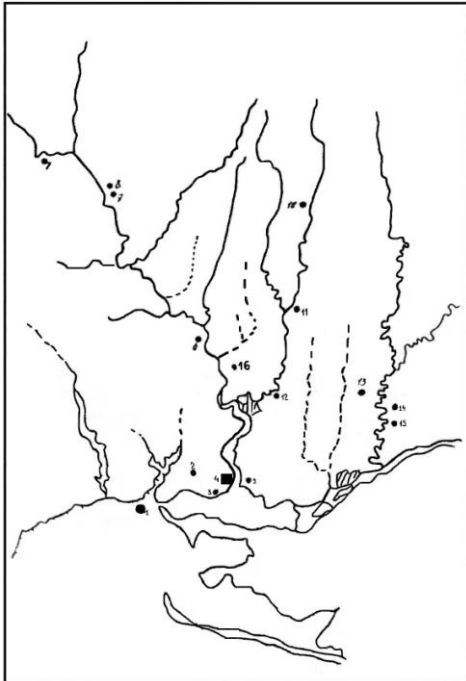
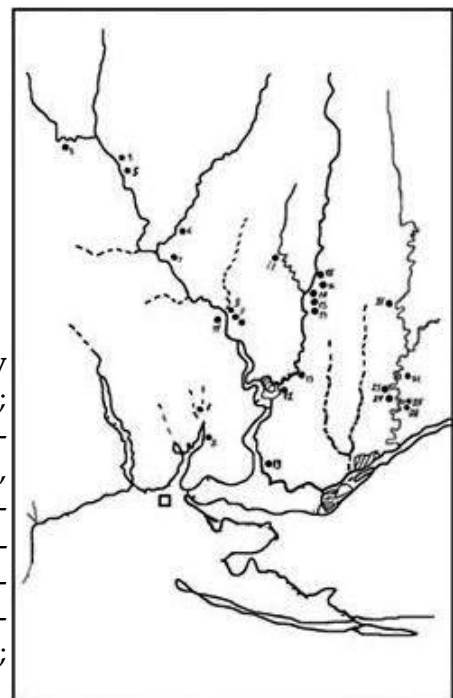

Рис. 4. Пам'ятки ранньоскіфського часу у Степовому Побужжі:

1 – Острів Березань; 2 – Матросівка; 3 – Аджиголь; 4 – Ольвія; 5 – Лупарівка; 6 – Ковалівка; 7 – Кам'яна Балка; 8 – Константи́нівка; 9 – Бузький (Арбузинський р-н); 10 – Новорозанівка; 11 – Константи́нівка (Баштанський р-н); 12 – Калинівка; 13 – Кобзарці; 14 – Нововасилівка; 15 – Лиманці (за: Гребенников, 2008, с. 26, карта 2)

сті, за якими кочовики без гострої необхідності не порушували кордони держави.

Рис. 5. Пам'ятки V – початку III ст. до н. е. у Степовому Побужжі: 1 – Нечаяне; 2 – Кам'янка; 3 – Кам'яна Балка; 4 – Константи́нівка (Арбузинський р-н); 5 – Бузьке 6 – Таборівка; 7 – Новогригорівка; 8-10 – Нова Одеса (групи IV, II), Кашперівка; 11 – Ковалівка; 12 – Миколаїв; 13 – Лупарівка; 14 – Антонівка; 15 – Відрадне; 16 – Булгакове; 17 – Константи́нівка (Баштанський р-н); 18 – Піски; 19 – Христофорівка; 20 – Калинівка; 21 – Висунськ; 22 – Нововасилівка; 23 – Братівка; 24 – Олександрівка; 25 – Лиманці; 26 – Тимофіївка (за: Гребенников, 2008, с. 26, карта 3)

Більш проблематичним є виокремлення приольвійської групи пам'яток (17 поховань). До скіфських автор відносить могильники біля сіл Солончаки (Аджиголь) та Матросівка, хоч і зазначає значну відмінність їх поховального обряду від власно скіфського.

Далі Ю. С. Гребенніков детально аналізує поховальний реманент: залишки лука, наконечники стріл, мечі та кинджали, ножі, списи, захисний облаштунок, кінське спорядження, кам'яну антропоморфну скульптуру, люстру, ліпну та античну кераміку тощо. Загалом, опис та датування артефактів не викликають сумнівів.

Значний масив нового матеріалу вводиться до обігу і в третьому розділі монографії «Степове Побужжя наприкінці V – на початку III ст. до н. е.» (с. 57-107). На даний час кількість скіфських зафіксованих пам'яток цієї хронологічної групи перевищує 250, але автор використовує вибірку в 250 поховань із 121 кургану. Ю. С. Гребенніков детально описує топографію, дає характеристику поховань та інвентарю, зазначаючи, що скіфських курганів IV-III вв. до н. е. в безпосередній близькості від Ольвії не зафіксовано (рис. 5). Подібна картина спостерігається й в перші століття н. е., коли сарматські поховання, за незначним виключенням, концентруються поза кордонами Ольвійської держави⁸. На думку дослідників, між Ольвією та номадами існували якісь форми домовленості,

Автор зазначає, що в цілому поховальний обряд скіфів Побужжя відповідає поховальному обряду інших груп пам'яток степової Скіфії. В той же час фіксується значно більше використання каменю при спорудженні кріпід та закладів у катакомбах, посилення античного впливу при облаштуванні могил. Докладним є й опис реманенту. Дослідник спростовує усталену думку про те, що нібито чим ближче до Ольвії розташовується поховання, тим більше античного імпорту у нього клалося. На його думку, основну роль тут відігравав майновий та соціальний стан похованого.

Позитивним в монографії є те, що при аналізі поховального обряду та інвентарю, Ю. С. Гребенніков використовує окремі *елементи* структурно-семіотичного підходу. Такий підхід є виправданим. Пам'ятки матеріальної культури, особливо в системі поховальних обрядів, діють як засоби збереження й передавання складного комплексу інформації. Виокремлюються утилітарний, знаковий, міфологічний, естетичний та інші аспекти. Тільки поліфункціональна природа побутових речей робить їх фактором власно людської культури⁹. «Суттєвим, реальним є лише те, що сакралізоване, а сакралізованим є лише те, що становить частину космосу, походить із нього. Тільки у сакралізованому світі відомі правила його організації, що відносяться до структури простору та часу. Поза ним – хаос, царина випадковостей»¹⁰. У контексті поховального обряду артефакт є «пізнавальним знаком», за допомогою якого померлого могли «розпізнати» у царині мертвих¹¹. У традиційних культурах існувало велике різномаття інсигній, за допомогою яких визначалася приналежність тієї чи іншої особи до військової, суспільної чи релігійної влади. Подібні знаки складають значну частину соціокоду традиційних культур, котрі мали забезпечити життєдіяльність соціального організму, сприйняття й передавання інформації від попередніх до майбутніх поколінь¹².

Про наявність у скіфів подібних «знаків», свідчать як письмові джерела, так і археологічні знахідки¹³. З огляду на значну мілітаризацію суспільства, до інсигній влади у скіфів належала зброя. Вона мала полярну символіку, що зводилася до протиставлення життя-смерть¹⁴. Зброя була атрибутом богів й царів-воїнів¹⁵.

До сакральних речей з протилежними властивостями, а також одним із головних знарядь шаманської діяльності у традиційних суспільствах відносилися лук і стріли. У системі поховального обряду вони були символом приналежності до військової касті, однією із інсигній вищої влади. Лук та Життя були омонімами – ΒΙΟΣ. За словами Геракліта Ефеського, «ім'я луку – життя, а справа його – смерть»¹⁶. Меч був маркером світового дерева, світової вісі, символом відродження¹⁷.

Хоч лук займав важливе місце у віруваннях номадів (*Herod. IV, 8-10*), залишки цього виду зброї рідко зустрічаються в скіфських могилах. Рідкість знахідок луків в стародавніх похованнях, потрібно розглядати як свідчення передавання їх у спадок¹⁸. Зображення воїнів, котрі натягують лук, або ж споряджають його до бою, – розповсюджений мотив у мистецтві¹⁹. Натягування луку входило до комплексу дій з екзамінування воїнів, було сакральним дійством у багатьох народів²⁰. Змагання по ритуальній стрільбі із лука засвідченні в Ольвії та на Боспорі²¹. Цікавими є ольвійські монети з іменем ΕΜΙΝΑΚΟ та монети Атея²².

До залишків лука з обмовками Ю. С. Гребенніков відносить кістяний артефакт із поховання 1 кургану 4 біля с. Бузьке (с. 39, рис. 12, 16). Дослідник не визначає типу тварини. На нашу думку, тут ми маємо справу зі спробою відтворити образ «вухастого грифона», що побутував у VI-V вв. до н. е.²³

У багатьох скіфських похованнях Побужжя знаходять наконечники стріл. Деякі з них знаходилися у сагайдаках, інші – кинуті у могили у якості апотропеїв (с. 39-40; 79-80, 82-84)²⁴. Дослідник пропонує цікаву гіпотезу про те, що в деяких випадках подібні артефакти могли виконувати роль «оболу Харона». З огляду на знахідки в кургані 4 біля с. Ковалівка 2, у спеціальному заглибленні, двох «дельфінчиків»²⁵, а також істрійських

монет у скіфських могилах Нижнього Подунав'я²⁶. Таке припущення має вагомі засади²⁷. Хоч за грецьким ритуалом плату за перевіз через «річку смерті» потрібно було класти до рота покійника, але реальна практика була більш різноманітною²⁸. Розглядаючи проблему наявності в скіфському обряді ідеї «оболю Харона», слід також урахувувати знахідки в могилах мушель типу Sauri (с. 170. – Рис. 38, 9), які в первісних суспільствах виконували роль грошей²⁹.

Ю. С. Гребенніков фіксує значну кількість знахідок мечів у скіфських похованнях Побужжя (с. 41-42; 84-85). Інвеститатурна роль меча добре відома³⁰. У скіфів меч виконував роль соціального символу, вважався втіленням бога війни, вказував на належність володаря до касти воїнів, обожнювався³¹. Особливо показовим у цьому плані є меч із поховання 1 кургану 9 біля с. Піски (рис. 6, 2-3)³².

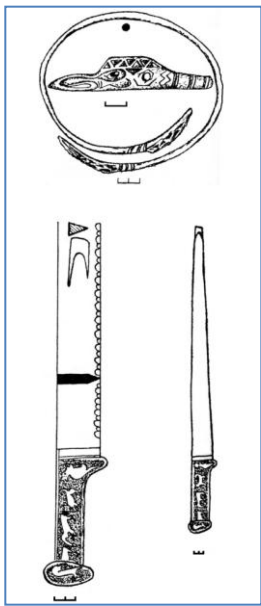

Рис. 6. Вироби в звіриному стилі із поховання 1 кургану 9 біля с. Піски: 1 – золота гривня; 2-3 – меч (за: Гребенніков, 2008, с. 168, рис. 36)

В похованнях обох хронологічних груп знаходять наконечники списів та утоків до них (с. 42, 80, 86-87). Наконечники дротиків зустрічаються лише в захороненнях IV-III вв. до н. е. (с. 86-87). Списи покладені до могил у зламаному вигляді. Зазвичай на озброєнні воїнів було 2-3, а то й більше списів та дротиків³³, але в поховання рідко клали більше одного наконечника. Причини заміни повного списа його символом, на нашу думку, знаходяться в системі координат ідеологічного характеру. Це обумовлювалося наявністю у скіфів специфічних поминальних церемоній³⁴. Семантика артефактів близька до семантики мечів та наконечників стріл³⁵. Із списку випадає поховання в кургані 9 біля с. Нововасилівка (с. 46, 140. – Рис. 9, 1), де навколо спеціального заглиблення для померлого було встромлено в землю 7 наконечників списів. На думку дослідника, це підтверджує особливий статус похованого. При цьому, він нагадує, що скіфський пантеон складався із семи богів. На нашу думку, поховання належало жерцю-енарею (?). Про це можуть свідчити знахідки фрагментованого кам'яного «блюда»³⁶.

У похованні був також *ліпний* світильник, що імітує античний прототип (с. 117. – Рис. 13, 2)³⁷. Останній елемент з'явився у скіфському поховальному обряді під грецьким впливом³⁸. Світильники вважалися символом вогню життя, носіями ідеї божества, душі; були апотропеями (*Arist. De anim. passim; Plato. Phaedz., 2451; Plut. Qu. S. 702 ibid; Mor. 72, 75*), були атрибутами богів та героїв. В могилах вони мали «освітлювати» дорогу небіжчику в потойбічний світ. Звичай ставити світильники в поховання виник на Близькому Сході та в Егеїді в епоху бронзи, отримав подальший розвиток в античну епоху.

Він був розповсюджений у містах Північного Понту³⁹.

До речей військового спорядження Ю. С. Гребенніков відносить оселки. Один екземпляр походить із кургану 5 біля с. Лиманці (с. 86). Оселки були одним із атрибутів степової аристократії, вважалися символами плодючості та відродження в потойбічному світі⁴⁰. У Нартському епосі оселки наділяються якостями, пов'язаними з лікувальною магією. Оселки могли «оживити» померлого⁴¹. Про зв'язок оселків з культом плодючості, свідчить графіто III-II вв. до н. е. на амфорній ручці із Ольвії: *φαλής* – «фалос». І далі: *Νουρίνουος ἄκονη* – «оселок Нуменія»⁴².

До владних інсигній в кочівницьких суспільствах відносилася нагайка. Вона не тільки послугувала для управління конем, але й була зброєю, за допомогою якої убивали ворогів, наказували підлеглих та рабів⁴³. В іранців з нагайкою пов'язувався цикл переказів, один із яких знайшов відгук у Геродота (*Herod. IV, 1-4*). Мотив був настільки розповсюдженим, що його зображення розміщалися на видатних витворах греко-скіфської

торевтики⁴⁴. Про те, що батіг у номадів був символом влади, свідчить його присутність на кам'яних «бабах»⁴⁵. Залишки нагайок інколи знаходять у багатьох скіфських курганах⁴⁶.

Як і в інших давніх народів, у культовій практиці скіфів значне місце займав посуд⁴⁷. Він використовувався при виконанні поховальних обрядів, сключенні обрядів побратимства, клятвених договорів, поклонінні богам, гаданні тощо. Чаша була серед атрибутів влади, які отримав Колоксаї (*Herod. IV, 5-7, 10*). Глиняний, дерев'яний, металевий та шкіряний посуд у великій кількості зустрічається в могилах Скіфії, у всіх хронологічних групах. Ю. С. Гребенніков дає детальну характеристику цієї категорії поховального інвентарю, фіксує наявність великої кількості античного імпорту (с. 49-50, 98-104).

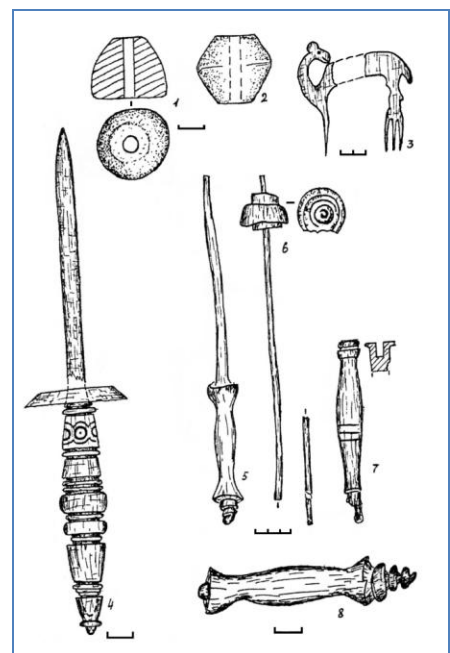
Автор монографії фіксує знахідки трьох казанів для приготування та зберігання їжі (с. 46-47, 101). Подібні речі мали особливий статус у побуті й духовному житті скіфів та інших кочових народів Євразійських степів у всі періоди їх існування⁴⁸. Достатньо згадати, що саме в Побужжі розташовувався головний релігійний центр Скіфії – Ексампей, середину якого маркував великий бронзовий казан⁴⁹. Зупинимося на призначенні цієї категорії виробів у системі поховального обряду⁵⁰. Головними тут були поминальні функції. В могилах вона є маркерами «старшого казана», тобто голови сім'ї, роду, племені⁵¹. Подібні речі не завжди клали навіть у престижні могили. Часто їх залишали в якості реліквій⁵². Подібний символізм виник під впливом важливого значення суспільних трапез у житті стародавніх суспільств. С. Н. Кореневський пропонує називати подібні поховання могилами «улаштувачів трапез»⁵³.

Ю. С. Гребенніков вважає (с. 101, 116), що знахідки майже повного набору (срібні сидула та лутерії, керамічні амфори та кубки для пиття) для проведення суспільних трапез за давньогрецькими канонами, в похованні 1 кургану 9 біля с. Піски, свідчать про значні впливи еллінської культури на скіфів.

У похованнях регіону другої хронологічної групи знаходять пряслиця та веретена (с. 89, 114). На думку Ю. С. Гребеннікова, подібні артефакти свідчать про заняття скіфських жінок ткацтвом та прядінням. Ми ж нагадуємо, що в контексті поховального обряду побутове трактування артефактів має похідне значення. «Продовження» роботи майстра у потойбічному світі було гарантією стабільності всього космосу⁵⁴. Це стосується й речей, що пов'язуються з ткацтвом та прядінням⁵⁵. До цієї категорії артефактів відноситься й глиняне пірамідалне грузило для античного вертикального ткацького станка із поховання 15 кургану 12 біля с. Конstantинівка (с. 89, 116-117). Робити висновок про знайомство скіфів з вертикальним ткацьким станком, базуючись на поодинокій знахідці, нам здається передчасним. У греків Північного Причорномор'я, з огляду на призначення та форму, грузила відносилися до категорії сакральних речей⁵⁶. У контексті скіфського поховального обряду вони, як і скляні пірамідалні підвіски⁵⁷, виконували роль амулетів⁵⁸.

Інколи в могилах (Отрадне, Кам'янка) знаходять залізні спиці для в'язання. Ю. С. Гребенніков вважає (с. 89, 114), що це свідчить про наявність серед скіфських жінок в'язальниць. Поховання з голками та шилами є знаком того, що їх «володарі» приймали участь у таємних ритуалах, завданням яких було пошиття «священного одягу». Це були не жерці, а інші поважні

Рис. 7. Знаряддя праці прядь із скіфських курганів Миколаївщини (за: Гребенніков, 2008, с. 166, рис. 34)

члени соціуму, що мали певну релігійну та соціальну владу⁵⁹. Ритуальним шиттям та прядінням у скіфів займалися особи найвищого соціального рангу⁶⁰.

На думку Ю. С. Гребеннікова, до знарядь праці, що пов'язувалися з обробкою шерсті, слід відносити дерев'яний гребінець (рис. 7, 3) із поховання 2 кургану 5 біля с. Булгаково (с. 94, 114, рис. 34, 3). З огляду на невеликі розміри й неможливість використовувати його за прямим призначенням, виріб слід віднести до розряду вотивних. Про сакральність артефакту свідчить і наявність зображення коня, виконаного в традиціях ольвійської школи звіриноного стилю⁶¹. Хоч семантика коня у номадів була багатоплановою⁶², але у даному контексті на перший план висувається аспект плодючості. Туалетні гребінці добре відомі в античний час⁶³. У скіфів гребінці зустрічаються у чоловічих військових та жіночих багатих похованнях⁶⁴. Відомі унікальні екземпляри⁶⁵.

Невиробничий мотив мався на увазі, коли в тому ж похованні, в одну із шкатулок було покладено шерстяну пряжу. В стародавніх народів була розповсюджена віра в магичні властивості шкір та вовни тварин, особливо, овечого та козячого руна, чи одягу, пошитого із нього: подібні артефакти мали забезпечувати плодючість у всіх її аспектах, ширше – взагалі всякого багатства та щастя⁶⁶.

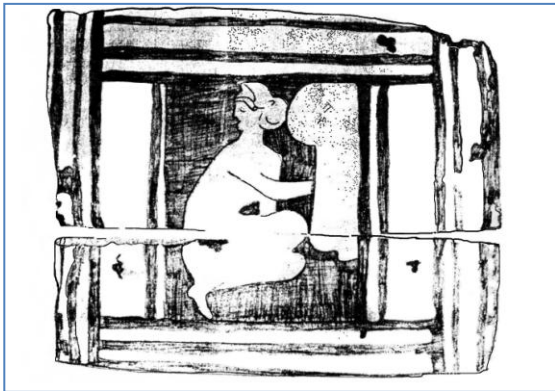

Рис. 8. Дерев'яна шкатулка із зображенням Афродіти із поховання 2 кургану 5 біля с. Булгаково (за: Гребенников, 2008, с. 178, рис. 46, 2)

додати⁶⁷, семантичним еквівалентом якій у скіфському пантеоні була Аргімаса⁶⁸. Як нам здається, шкатулку було завезено з Ольвії, чи Березані, де набув розповсюдження культ Афродіти-Уранії – богині плодючості, богині неба та води⁶⁹.

Не менш показовим був вміст іншої шкатулки. В її відсіках були зерна, пряжа та кістяні округлі платівки. На внутрішній стороні шкатулки збереглися залишки напису в три строчки (рис. 9). У тому ж похованні були ще два лантушки з зернами злакових та залишками трави. Ю. С. Гребенніков робить висновок про те, що в парній могилі були поховані скіф-воїн та його дружина-гречанка (с. 116-117). Джерелознавчу базу можна було б значно посилити, якби грецький текст обробили епіграфісти, а палеоботаніки визначили вид злакових та трави. На нашу думку, жінка була пов'язана з виконанням релігійних

Маркерами соціально значимих жіночих поховань є шкатулки античного походження з парного поховання 2 кургану 5 біля с. Булгаково. На одній із них у поліхромному стилі (жовта та чорні фарби) зображено голу жінку. Вона немов би знімає з рук останні прикраси, щоб зануритися у ванну (рис. 8). Автор монографії констатує, що манера малюнку є суто грецькою, але не робить спроби визначити стиль розпису, не ідентифікує персонаж (с. 97,

рис. 46, 2). Сюжет розпису автори запозичили з червонофігурного вазопису та гліптики. Особливо популярним він був у творчості Дексамена Хіоського. Подібні зображення передають образ Афродіти

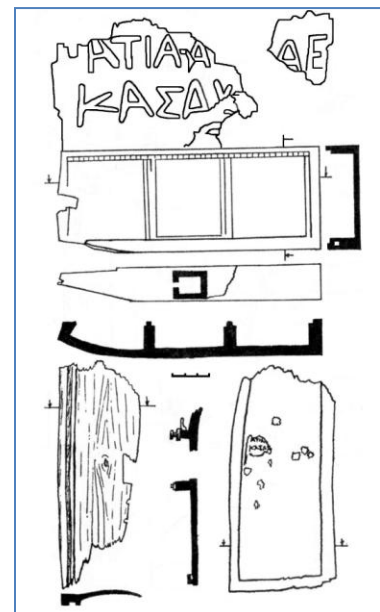

Рис. 9. Друга шкатулка з написом із поховання 2 кургану 5 біля с. Булгаково (за: Гребенников, 2008, с. 167, рис. 35)

функцій. Цікаво, що в Ольвії та на Березані спостерігається інша тенденція – наявність багатих жіночих поховань зі значними варварськими елементами⁷⁰.

Одним із індикаторів жрецьких скіфських поховань є бронзові люстра⁷¹. Ю. С. Гребенніков дає хронологічну та стилістичну характеристику дзеркалам Побужжя (с. 48-49, 97-98). Автор зазначає, що в комплексах першої хронологічної групи дзеркала зустрічаються вкрай рідко. Це два екземпляри із Аджигольського могильника. В могилах другої хронологічної групи знайдено 14 екземплярів. На жаль, автор не описує умов знахідок й не розглядає призначення люстер у системі ідеологічних поглядів номадів⁷².

Певне місце в монографії відведено стилістичній характеристиці прикрас та амулетів. Це гривні, браслети, персні, кільця, намисто тощо (с. 91-92). Ми ж звертаємо увагу на знахідку в кургані 9 біля с. Василівка (поховання знатного воїна V ст. до н. е.) унікальної для регіону, що вивчається, але не Скіфії взагалі, скарабеоїда із бірюзового скла у золотій оправі⁷³. На його пласкому боці відтиснуте профільне зображення оленя. Диспозиція геми біля черепа похованого не дозволяє вбачати в ній печатку – знак власності. Артефакт використано в якості амулета. Скіфи ще не мали класичного інституту приватної власності. В даному випадку інталія привернула увагу кочовиків як зразок «квазізвіриного» стилю. Літики із зображенням копитних знаходять в скіфських похованнях Подніпров'я. Деякі з них є копіями гем, що належать руці Дексамена Хіоського та його учнів⁷⁴. На жаль, рівень відтворення геми в публікаціях не дозволяє зробити детальний аналіз виробу.

На прискіпливу увагу заслуговує й знахідка в похованні 1 кургану 17 біля с. Василівка «ока Гора» із «єгипетського фаянсу» (автор невірно визначає матеріал як камінь – с. 98). В останні десятиліття в курганах Нижнього Подніпров'я виявлено низку подібних виробів, що відтворюють образи єгипетських божеств – скарабеїв, бесів, «око Гора» тощо⁷⁵.

Цікавими є й два оброблених ікла, що знаходилися серед речей, які супроводжували меч в кургані 9 біля с. Піски. На думку Ю. С. Гребеннікова, вони виконували роль амулетів (с. 98, рис. 38, 1). Дослідник не визначає виду тварини, якій належали ікла. З огляду на форму та розміри кісток, вони належали вепру⁷⁶.

На жаль, дослідник не дає хоча б побіжної характеристики одній із важливих складових скіфської культури – звіриному стилю, хоч колекція виробів, прикрашених у

Рис. 10. Золота накладка на дерев'яну чашу із кургану 3/2 біля с. Ковалівка (за: Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. Указ. соч. – Рис. 31, 3)

цьому стилі, є репрезентативною. В ній відтворюється вся «тріада»⁷⁷. У скіфів та греків Побужжя були розповсюджені зображення голів хижих птахів за принципом *pars pro toto*. Набір речей, прикрашених подібними мотивами, є різноманітним. Із поховання 3 кургану 2 групи II походить золота накладка (рис. 10) від дерев'яної чаші із зображенням голови птаха, що імітує скіфський наверхник⁷⁸. Виріб відноситься до кола артефактів, що побутували наприкінці VI – у V ст. до н. е.⁷⁹ Багато дослідників відносять частину подібних прикрас до ольвійського виробництва⁸⁰. Для цього є вагомі підстави. У лісостеповому Дніпровському лівобережжі, на Боспорі та Кубані подібних обкладинок немає. В оформленні аплікацій там домінують інші мотиви. Знахідки платівок із зображенням орлиних голів у Поволжі можна пояснити контактами савроматів з Ольвійським полісом⁸¹. З Ольвії походить рогова заготівка, що імітує аплікації в вигляді наверхника⁸².

Шість бронзових бляшанок у вигляді профільної орлиної голівки знайдено в кургані 6 біля с. Ковалівка (рис. 11, 1-6)⁸³. З Ольвії походять прес-форми для тиснення золотих виробів⁸⁴. З Березанського поселення походить форма для відливання

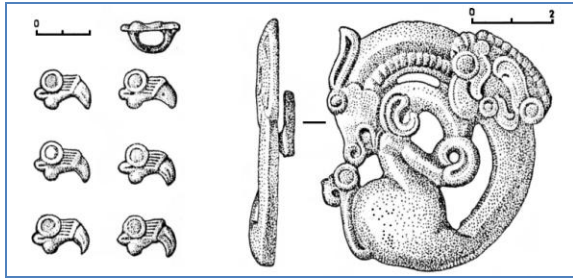

Рис. 11. Бронзові бляшанки, виконані у звіриному стилі із кургану 6 біля с. Ковалівка (за: Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. Указ. соч. – Рис. 31, 3)

Лимани, на лівому березі Бузького лиману (рис. 12). Чітка форма паль-метки дозволяє датувати виріб не пізніше V ст. до н. е. Рослинні мотиви, що супроводжують нашого звіра, ще раз підкреслюють, що грифон сприймався одночасно як демон смерті, і як геній природи⁸⁷. Хто був володарем на-лобника – варвар чи грек, відповісти важко. Але немає сумніву, що пам'ятку створив античний (ольвійський?) майстер⁸⁸.

1976 р. під час розвідок в улоговині р. Тилігул, поблизу с. Новопетрівка було знайдено інший кінський налобник⁸⁹. Він становить з себе бронзову протому хижака кошачої породи з лапами, що «звисають» (рис. 13).

Рис. 13. Бронзова протома хижака кошачої породи із Потилігулля

2004 р. на правому березі Тилігульського лиману, в районі курганної групи, що тягнеться вздовж плато, знайдено бронзову литу бляшанку з профільним зображенням голівки звіра вусів, засічок, та (рис. 14), пантеру, подібного

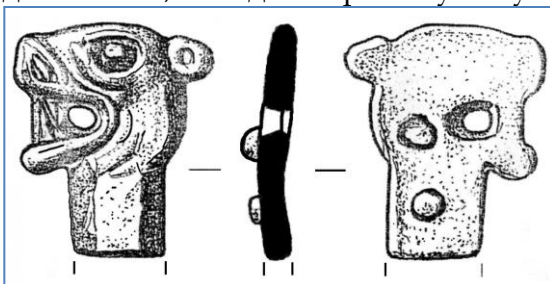

Рис. 14. Бронзова прикраса з району Тилігульського лиману

бутеролей мечів, основа яких прикрашена зображеннями орлиних голівок у геральдичній позі⁸⁵.

З образом хижого птаха в мистецтві звіриного стилю пов'язані зображення грифонів – істот, які поєднували у собі прикмети хижого птаха та лева, тобто зооморфних утілень обох потойбічних світів. Грифони були супутниками Володарки звірів – андрогенного, або ж напіврослинного божества⁸⁶. Про популярність образу в контактній зоні свідчить знахідка бронзового кінського налобника в вигляді протому грифона біля с.

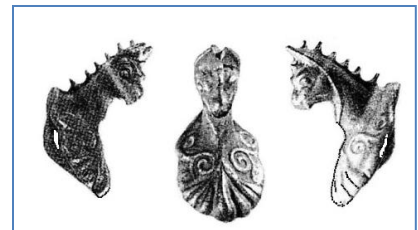

Рис. 12. Бронзова протома грифона із Нижнього Побужжя

Наносники у вигляді голівок та фігурок тварин у спорядженні вузди з'явилися в пізньоархаїчний час⁹⁰. Хоч повної аналогії новопетрівській прикрасі знайти не вдалося, але вона безсумнівно належить до групи зображень, що побутували наприкінці VI – у першій половині V ст. до н. е. Це фігурки кошачих хижаків із Сімферопольського (Золотого) кургану, Пантікапея та лісостепового Дніпровського Правобережжя. В. А. Іллінська вважала, що «левиця» із Золотого кургану є твором античного майстра, й що мотив запозичений у бронзове лиття з грецького вазопису. Подібні вироби випускали майстерні Ольвійського полісу та Боспору⁹¹.

Видові прикмети простежуються слабко. Наявність трактованих у вигляді косих овальна тильна частина голови дозволяють вбачати в тварині або ж лева. З огляду на знахідку виробу в одному із журівських

тилігульський артефакт був частинашчичника, або ж основою ручки

вотив-ного кинжальчика. Подібні сюжети були популярними в мистецтві звірино-го стилю. На різних територіях домінували певні канони виконання⁹⁴. Близькі паралелі зображенню, що аналізується, знаходимо в Ольвії та на її околицях. Це ерзац-форма (рис. 15, 3) з кургану 1 У Маріцинського могильника, бронзова прикраса з поселення Широка Балка⁹⁵, кістяний виріб з поселення Чортовате 7 (рис. 10, 1-2), а також подібні артефакти з Ольвії⁹⁶.

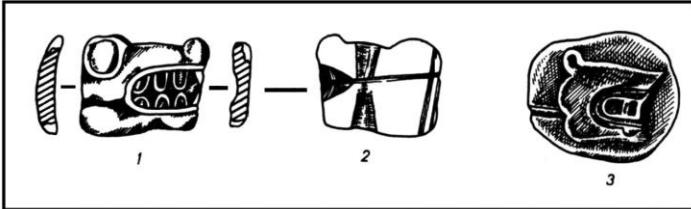

Рис. 15. Пам'ятки звірино-го стилю з ольвійської периферії: 1-2 – кістяна накладка з поселення Чортовате 7; 3 – ерзац-форма з кургану 1 У Маріцинського могильника

бляха із кургану Кулаковського. Більшість дослідників вважає ковалівський та сімферопольський екземпляри роботою античних майстрів. Знахідки на Березані форм для виробництва подібних сюжетів¹⁰¹, знімають з порядку денного це питання, хоч менш вичурні артефакти могли виготовлятися у лісостеповій Скіфії, Савроматії та інших місцях.

Рис. 16. Левоголовий грифон із поховання 1 кургану 9 біля с. Піски (Гребенников, 2008, с. 94-95, фото 2)

вбачають фольклорні витоки, відображення в мистецтві легенди (Herod. IV, 134) про битву, що не відбулася, між Дарієм та скіфами¹⁰⁵.

Всі проаналізовані пам'ятки звірино-го стилю, що походять із Побужжя, можна віднести до того варіанту мистецтва, яке В. А. Іллінська назвала «греко-скіфським бароко звірино-го стилю»¹⁰⁶. Одним із центрів виробництва подібних творів в цей час продовжувала залишатися Ольвія, про що свідчить знахідка в місті форми для виготовлення сюжетів зі сценами роздирання¹⁰⁷.

Цікавою є й бронзова бляха із кургану 6 біля с. Ковалівка⁹⁷. На виробі показано хижака вовчої породи, згорнутого в кільце⁹⁸. Зображення декороване за принципом «зооморфних перетворень»⁹⁹ лосиною голівкою й декількома голівками орлиних грифонів (рис. 11, 8). Образ хижака, згорнутого у кільце, з'явився у першій половині V ст. до н. е.¹⁰⁰ Близькою аналогією ковалівському виробу є

цікавими є зображення левоголових грифонів й пальмет (рис. 16-17) на платівках із кургану 9 біля с. Піски (с. 94-95, фото). Привертають увагу й зображення зі сценами роздирання оленя левом¹⁰². Вони прикрашали жіночий головний убір із поховання 2 кургану 21 біля с. Кам'янка¹⁰³.

Не менш цікавими є й платівки із поховання 3 кургану 17 біля с. Нововасилівка з реалістичним зображенням зайця, що лежить (с. 94, без ілюстрації). Зображення зайця широко репрезентовані у мистецтві народів степового поясу. У скіфів зустрічаються зображення як окремих фігурок тваринок на кшталт нововасилівських, так і сцени полювання на зайців вершників, переслідування зайців собаками тощо¹⁰⁴.

У сценах полювання дослідники

Рис. 17. Левоголовий грифон із поховання 1 кургану 9 біля с. Піски (Гребенников, 2008, с. 94-95, фото 1)

Закінчуючи огляд найпізнішої групи пам'яток звіриного стилю з Нижнього Побужжя, не можемо не згадати про знахідку чотирьох однотипних бронзових навершників (рис. 18) в одному із пограбованих ще в середині XIX ст. курганів у районі Тилігульського лиману¹⁰⁸. Одна група дослідників вважає, що вироби прикрашали верхні частини возів та дишел. Інші вчені вбачають в навершниках деталі шаманських інсигній¹⁰⁹. На нашу думку, подібні штандарти прикрашали пересувні вози-святилища, верховними жерцями яких часто були військові зверхники.

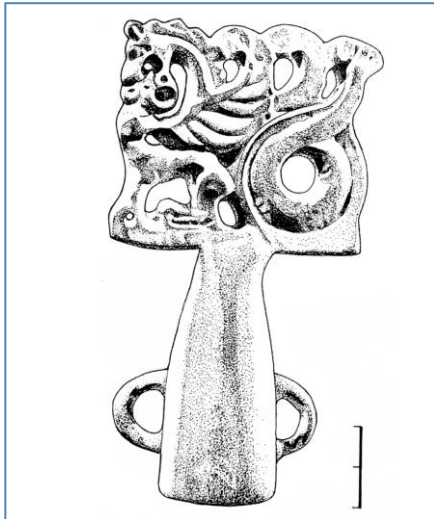

Рис. 18. Бронзове навершник із околиць Тилігульського лиману

Образ фантастичного крилатого страховиська зі зміїним тілом, згорнутим у кільце, не отримав широкого розповсюдження в мистецтві звіриного стилю. Він відсутній у бестиарії VI – першої половини IV ст. до н. е. Чотири подібні вироби знайдено в Краснокутському кургані, ще один – в кургані біля с. Водославівка в Криму. Всі вони датуються кінцем IV – початком III ст. до н. е.¹¹⁰ С. С. Безсонова вбачає в тварині утілення образу собако-птахо-дракона, притаманного іранській міфології. М. Н. Погребова вважала, що це гіпокамп. А. І. Мелюкова схиляється до думки, що у страховиську відбилися уявлення про іранського Сенмурва, і що творцем подібних творів був місцевий майстер, знайомий з грецькою міфологією, але, який працював у традиціях варварського мистецтва. Мирний образ гіпокампа він творчо переробив в образ хижого фантастичного звіра, більш близького номадам. У цей час з'являються синкретичні образи собако-птаха, собако-лева тощо¹¹¹. Гіпотезу щодо античного походження

образу притримується Ю. В. Болтрик¹¹². На його думку, на навершниках відтворено колісницю Триптолема, запряжену крилатими зміями. Якщо з точки зору антикознавця подібне трактування має право на існування, то з погляду знавця кочівницьких старожитностей, не зовсім. Триптолем був землеробським божеством¹¹³.

В істоті поєднуються риси суходільного хижака, птаха й водної істоти. Це відбиває його тернарну сутність (відповідність трьом природним стихіям й трьом рівням всесвіту). Її можна порівнювати з індійським Агні¹¹⁴, скіфським Тагімасадом, грецьким Аполлоном Гіперборейським тощо¹¹⁵. У фольклорі іранських народів стійко зберігається образ Сайтафарна¹¹⁶. Привертають увагу умови знахідок навершників. Всі вони належать або ж до випадкових знахідок, чи були знайдені в полах курганів¹¹⁷, й мають прикмети комплексів, що входять до асортименту «скарбів»¹¹⁸. З огляду на те, що функціонування звіриного стилю було пов'язане головним чином з військовим середовищем й панівною верхівкою кочовиків¹¹⁹, ми розглядаємо навершники як знаки влади скептухів (οι σκεπτοῦχοι) – скипетродержців, згадуваних у декреті на честь Протогена. Чи не були навершники, що аналізуються, фарнами народу саїв, або ж як приватний випадок – їх царя Сайтафарна?

У четвертому розділі – «Питання господарчої діяльності та етнічного складу населення Степового Побужжя» (с. 109-124) – Ю. С. Гребенніков на основі синтезу письмових та археологічних джерел робить спробу вирішити питання історичного рівня. Загалом погоджуючись з головними висновками, ми все ж приєднуємося до тієї групи дослідників, котрі вважають, що більшість пам'яток, розташованих на території ольвійської хори, у тому числі й стоянок, є греко-варварськими за своєю сутністю¹²⁰. Автор монографії детально зупиняється на характеристиці господарчої діяльності скіфів Степового Побужжя. Погоджуючись з основними висновками, ми все ж вимушені зробити певні

зауваження. На основі знахідки «ливарної форми» (рис. 15, 3) в похованні U Маріцинського могильника¹²¹, вслід за скіфологами-традиціоналістами¹²², Ю. С. Гребенніков, робить висновок, що тут було поховано майстра-ливарника варварського походження. Фахівці, які безпосередньо вивчали ольвійську хору, наголошують на античному характері могильника¹²³.

Дослідник не звернув увагу на ще одну важливу обставину. Маріцинську форму виготовлено із *вапняку*. Її не можливо використовувати в реальному ливарництві. Це *ерзац-форма*. Кочові скіфи, негативно відносилися до ремісничої діяльності¹²⁴. Сутність явища, що розглядається, потрібно шукати не стільки в матеріальній, скільки в ідеологічній площині, але не скіфського, а грецького суспільства¹²⁵. У свідомості носіїв традиційних культур, речі, що пов'язані з ремісничим виробництвом, вважалися сакральними¹²⁶ й передавалися у спадок. Вони мислилися в якості аналогів світової вісі¹²⁷. При створенні нової майстерні в діючій майстерні виконували обряд, освячуючи інструмент, й передавали його новому майстрові. До знарядь праці ремісників відносилися як до живих істот. Вони були «святиною, яку поважають, якою клянуться й проклинають»¹²⁸. Давньогрецькі банавси робили подарунки своїм небесним покровителям – вотивні таблички й вази із зображенням виробництв. Богам присвячувалася перша вдало зроблена річ – 'спархї та частина прибутку. Подібна обставина перекликається з явищем, засвідченим за матеріалами Березані, Ольвії, Ягорлицького поселення, Пантікапея та інших центрів: тут у могилах, в основах вогнищ, майстерень та будівель знаходять фетиші із вулканічних порід середземноморського походження. Вони були персоніфікацією демонів вогню, у тому числі вогню вулканічного, який ототожнювався з Гефестом¹²⁹. Грецькі переселенці привезли на північні береги Чорного моря рудименти архаїчних уявлень¹³⁰. Наявність графіті більш пізнього часу свідчать про поклоніння ремісників Північного Причорномор'я Гефесту та Афіні Ергані¹³¹. В Ольвії було святилище Гефеста¹³².

Загалом, монографія Ю. С. Гребеннікова написана на високому професійному рівні. Її поява має непересічне значення для фахівців, які вивчають кіммерійські та скіфські старожитності на схід та захід від Степового Побужжя. На жаль, у дослідженні не подано повного опису комплексів, що значно затрудняє роботу з джерельною базою. Непогано було б організувати видання Зводу археологічних джерел «Скіфські пам'ятки Степового Побужжя». Це в повній мірі стосується й Нижнього Подністрів'я. То ж, побажаємо авторові подальших успіхів у вивченні цієї важливої проблематики.

ПРИМІТКИ:

1. Шелов Д. Б. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество. – М., 1967; Брашинский И. Б. Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья // ВДИ. – 1970. – № 2; Марченко К. К. Античное Северо-Западное Причерноморье в историко-географическом аспекте // ДП. КСОО – 1993.

2. Иванова С. В., Островерхов А. С. Ландшафтная система «Тилигульский лиман» и ее роль в истории Северного Причерноморья // МИАСК. – Вып. 8. – Армавир, 2007; Иванова С. В., Островерхов А. С., Петренко В. Г. Археология и история западного берега Тилигульского лимана: проблемы исследования и охраны культурного наследия // ПЕБ. – 2004. – № 2 (12); Островерхов А. С. Гідроархеологія, історична географія, гідроніміка Нижнього Подністрів'я: досягнення, проблеми, перспективи. – Одеса, 2008.

3. Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В. и др. Сельская округа Ольвии. – К., 1989.

4. Ванчугов В. П. О древностях черноголовского-новочеркасского типа в Северо-Западном Причерноморье // ДП. КСОО – Одесса, 1993; Ванчугов В. П. Демографическая ситуация в Северо-Западном Причерноморье в позднем предскифском периоде // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья

V тыс. до н. э. – V в. н. э. – К., 1994; Ванчугов В. П., Островерхов А. С. Позднекиммерийский курган близ Одессы // Новые археологические исследования на Одессчине. – К., 1984.

5. Елисеев В. Ф., Клошинцев В. Н. О заселении территории ольвийской хоры в предскифский и последующий периоды // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов конференции. – К., 1985; Черняков И. Т. Фрако-киммерийский этнос у Нижньому Побужжі // Мир Ольвии. – К., 1996. – С. 196.

6. Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В. и др. Указ. соч. – С. 20.

7. Зберігається в Одеському археологічному музеї. В Каталозі Е. Р. Штерна зазначається: «Гранітний стовп, що послугував причалом для суден в Ольвії», був знайдений у водах лиману й поступив до музею 1907 р. Дослідники визначили киммерійську приналежність пам'ятки: Членова Н. Л. О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с востоком в киммерийскую эпоху // *Studia Thracia*. – София, 1975. – С. 85-87. – Рис. V; Тереножкін О. І. Киммерійські стели // *Археологія*. – 1978. – Вип. 27. – С. 16. – Рис. 4.

8. Симоненко А. В. Ольвия и сарматы // Проблемы исследования Ольвии; Симоненко О. В. Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави // *Археологія*. – 1999. – № 1; *Simonenko A. V. Eine sarmatische Bestattung mit Tamga-Zeichen im Gebiet Olbians* // *EA*. – 2004. – Т. 10.

9. Байбурун А. К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. – СМАЭ. – Вып. 37. – Л., 1981; *его же*. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л., 1989; Топорков А. Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Свод этнографических понятий и терминов. Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л., 1989.

10. Топоров В. Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // *УЗТГУ*. – 1973. – Вып. 308. – С. 114.

11. Цимиданов В. В. Социальная структура срубного общества. – Донецк, 2004. – С. 74.

12. Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // *Очерки истории естественных наук в древности*. – М., 1982. – С. 17.

13. Хазанов А. М. Социальная история скифов. – М., 1975. – С. 180-181.

14. Мейлах М. Б. Меч // *МНМ*. – 1992. – Т. 2. – С. 149.

15. Бессонова С. С. О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. – К., 1984; Анохин В. А. Монеты-стрелки // Ольвия и ее округа. – К., 1986; Папанова В. А. О символике оружия в античной мифологии // *Актуальні питання слов'янської міфології*. – К., 2000; *її ж*. Символика оружия в античных погребениях // *Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища*. – СПб., 2002.

16. Веселовский Н. И. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение // *ЗВО РАО*. – Пг., 1921; *Потанов Л. П.* Лук и стрелы в шаманстве у алтайцев // *СЭ*. – 1934. – № 3; *Ерофеева Н. Н.* Лук // *МНМ*. – 1992. – Т. 2.

17. Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. – М., 1985. – С. 119 и сл.

18. Черненко Е. В. Скифские лучники. – К., 1981. – С. 17; Симоненко А. В., Лобай Б. И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. – К., 1991. – С. 45.

19. Анучин Д. Н. О древнем луке и стрелах // *Тр. V АС в Тифлисе*. – М., 1887; *Зограф А. Н.* Лук и стрельба из лука на монетах Северного Причерноморья // *Нумизматика античного Причерноморья*. – М., 1982.

20. *Нот. Od.*, XIX, 575; XXI, 125; *Herod.* III, 21, 30; *Ktes. Knid. Hist. Pers.*, 29; *Яшт III*; Черненко Е. В. Скифские лучники. – С. 114. – Рис. 80; Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. – К., 1983. – С. 23.

21. *IOSPE*. – № 460; Яценко С. А. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // *РА*. – 1998. – № 3.

22. *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. – М., 1977. – С. 167-169. – Рис. 11; *Карышковский П. О.* Монеты Ольвии. – К., 1988. – С. 49-51; *Анохин В. А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. – К., 1989. – С. 15-17; *Русяева А. С.* Религия и культура античной Ольвии. – К., 1992. – С. 124.

23. *Погребова Н. Н.* Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики //КСИИМК. – 1948. – Вып. 22; *Капошина С. И.* О скифских элементах в культуре Ольвии //Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. – МИА. – 1956. – № 50. – С. 185; *Петренко В. Г.* Бронзовая бляха с головой грифона //КСИА АН СССР. – 1962. – Вып. 89.

24. Міфологема стріли співвідноситься з ідеєю світової вісі й культом померлих: *Бессонова С. С.* О культе оружия у скифов. – С. 11; *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. – С. 66-67; *Андреев В. Н., Саенко В. Н.* О семантике стрел в скифском погребальном обряде //ДСПК. – 1992. – Т. 3. – С. 159.

У шаманському фольклорі нижній світ ототожнюється зі стрілою. Зображення стріли розташовували по центру бубна, який був символом всесвіту. Вся магічна сила шамана зосереджувалася у стрілі, яку він отримував у спадок. Договір про побратимство та мир у епосі скріплювався лизанням стріли. У випадку порушення клятви однією із сторін, стріла мала убити негідника: *Луїц Р. С.* Образ батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. – М., 1984. – С. 77; *Ерофеева Н. Н.* Указ. соч. – С. 76.

Стріла асоціювалася зі змією та фалосом. Поранення стрілою розглядалося і як укус змії, і як еротична дія. Не випадковим є згадування Овідієм про те, що сармати змочували наконечники стріл отрутою: *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. – М., 1971. – С. 42; *Подосинов А. В.* Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. – М., 1985. – С. 181. – Прим. 306; *Луїц Р. С.* Указ. соч. – С. 73.

25. *Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Раскопки курганов у с. Ковалевка //Курганы на Южном Буге. – К., 1978. – С. 62. – Рис. 33, 4-5.

26. *Редина Е. Ф.* Находки античных монет в скифских погребениях Днестро-Дунайских степей //ДП. Чтения памяти П. О. Карышковского. – Одесса, 1989.

27. Однією із традицій, пов'язаних з підготовкою померлого до «відплиття» в інший світ, було спорядження його «оболом Харона» («death-coin»). В Ольвії міф про Харона відомий з VI ст. до н. е.: *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. – Л., 1988. – С. 31; *Козуб Ю. І.* Некрополь Ольвії V-IV вв. до н. е. – К., 1974. – С. 106; *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. – К., 1974. – С. 63, 130-133; *Папанова В. А.* Урочище «Сто Могил» (Некрополь Ольвии Понтийской). – К., 2005. – С. 217.

Фіксуються випадки знахідок монет у похованнях черняхівського часу: *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР. – М., 1961. – С. 51, 57-58, 86-87, 93. У Криму традиція не переривається й у ранньохристиянський час: *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР. – М., 1962. – С. 33-34. У VI-III ст. до н. е. поховання з «оболом Харона» з'являються на теренах Грузії та Вірменії: *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды. – Т. 2. – Тбилиси, 1950. – С. 76; *Ломадзе Г. А.* Археологические раскопки в Мцхета. – Тбилиси, 1955. – С. 60; *Хачатрян Д. Ж.* Античный некрополь (результаты раскопок 1956-1972 гг.) //Археологические раскопки в Армении. Гарни. – Ереван, 1976. – С. 22; *Лордкипанидзе Г. А.* Колхида в VI-II вв. до н. э. – Тбилиси, 1978. – С. 132-133. Монети у подібному положенні знаходять на території Китаю та Кореї ханського часу, Кушанської Бактрії, у согдійських та хорезмійських оссуаріях, мусульманських похованнях VIII-XV ст.: *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. – М., 1984. – С. 150-161. Подібний звичай побутував на теренах Русі: *Равдина Т. В.* Погребения X-XII вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог. – М., 1988. Монети зустрічаються й у похованнях середньовічних кочовиків: *Гошкевич В. И.* Погребения, датированные джучидскими монетами //ВОКК. – Секція археологічна. – Вип. 4-5. – Одеса, 1928; *Шалобудов В. Н., Андросов В. А., Мухомад С. Е.* Раскопки курганов у с. Дмухай-

- ловки // Древности Степного Приднепровья III-I тыс. до н. э. – Днепропетровск, 1983. Традиція просліджується у пам'ятках нового та новітнього часу: *Анучин Д. А.* Сани, ладья и кони как принадлежность похоронного обряда // Древности. Тр. МАО. – 1890. – Т. 14. – С. 102-104; 184; *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. – М., 1989. – С. 296-297; *Шаповалов Г.* Судноплавание у духовности давньої України. – К.-Запоріжжя, 2001. – С. 137.
28. *Русяева А. С.* Религия и культура античной Ольвии. – С. 175-176.
29. *Липс Ю.* Происхождение вещей. – М., 1954. – С. 208-230.
30. *Ланто-Данилевский А. С.* Скифские древности // ЗОРСА. – Т. 4. – СПб., 1887. – С. 53; *Кагаров Е. Г.* Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. – СПб., 1913. – С. 47-48.
31. *Herod. IV, 62; Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. – С. 153; *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. – С. 45-50.
32. Поклоніння мечу виникло у III тис. до н. е. Мечу поклонялися фракійці, іллірійці, греки, римляни, давньогерманські, кельтські (*Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. – С. 49; *ее же.* О культе оружия у скифов. – С. 49) та балто-слов'янські (*Иванов Вяч. Вяч.* Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии // Тр. ЗСТГУ. – 1969. – Т. 236) племена. Про поклоніння мечу персів, мідійців та савроматів, повідомляє Климент Олександрійський. Свідощтво Амміана Марцелліна: «У аланів голий меч встромляють у землю й вклоняються йому як Марсові» (*Антт. Marc. Res Gestae, XXXII, 2, 23*). У одній із боспорських епітафій згадується «буремний Арей номадів» (КБН: № 120). Про божественне походження меча Атілли повідомляє Йордан: *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. – М., 1990. – С. 60. У нартському епосі просліджується сліди культу Батрадза-меча, якому належать найбільш славні подвиги нартів. Про зв'язок Батрадза та його меча з блискавками, й меча як оборонця від злих сил, розповідають інші осетинські перекази: *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. – М., 1976. – С. 63-64; *его же.* Скифы и нарты. – С. 15.
33. *Нефедкин А. К.* Воины с тремя копьями на надгробиях I-II вв. // Боспорский феномен. – Ч. 1. Погребальные памятники и святилища. – СПб., 2002. – С. 72-76.
34. У киргизів зберігався звичай, за яким, піка тимчасово заміняла померлого воїна. На протязі року вона зберігалася у житлі померлого. Древко встромлялося у землю, а спис підіймався над юртою крізь прорізаний отвір у даху. Через рік під час церемонії річних поминок древко списа переломлювалося, а зламані частини встромлялися у могилу, або ж спалювалися: *Шишло Б. П.* Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды Средней Азии. – М., 1975. – С. 249-250.
35. Семантика списів та дротиків є близькою до семантики стріли (*Apoll. Rhod. 1, 466-470, Verg. Aen, X, 773-775; Pap. Stati. 548-550*). Списом клялися герої (*Apoll. Rhod. I, 466-470*), він же був знаком помсти. Древко списа та його наконечник були символом древа життя, мали сприяти відродженню померлого: *Пананова В. А.* Символика оружия в античных погребениях. – С. 282. Спису приділяється багато уваги в середньовічному епосі: *Липец Р. С.* Указ. соч. – С. 77-78.
36. Подібні артефакти знаходять у жіночих жрецьких похованнях лісостепової Скіфії, у савроматів, саків та інших народів. «Блюда» відомі в могилах Березані та Ольвії. Вони призначалися для відправлення обрядів, пов'язаних з культами плодючості, були особливою прикметою жінок, які займали особливе місце в суспільстві: *Смирнов К. Ф.* Савроматы. – М., 1964. – С. 162-170; *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. – К., 1968. – С. 150; *Вишневская А. О.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н. э. – М., 1973. – С. 86-87; *Кадырбаев М. К.* Каменные алтари – жертвенники из Северо-Западного Казахстана // СА. – 1977. – № 3; *Пшеничнюк А. Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. – М., 1983. – С. 99; *Скуднова В. М.* Указ. соч. – С. 31-32; *Русяева А. С.* Религия и культура античной Ольвии. – С. 178.

37. Гребенников Ю. С., Ребедаило Г. П. Скифское погребение V ст. до н. э. на Ингульце // Курганы Степной Скифии. – К., 1991. – С. 119-120. – Рис. 1, 14.

38. Евдокимов Г. Л., Фридман М. И. Скифские курганы у с. Первомайка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья. – К., 1987; Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. – К., 1986. – С. 249.

39. Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. – М., 1957. – С. 53; Корпусова В. Н. Некрополь Золотое. – К., 1983. – С. 28; Зубарь В. М. Сорочан С. Б. Светильники в погребальном обряде античных городов Северного Причерноморья // Античная культура Северного Причерноморья. – К., 1984; Зубарь В. М. О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического в позднеантичный период // Обряды и верования древнего населения Украины. – К., 1990. – С. 72-73; Папанова В. А. Урочище «Сто могил». – С. 214.

40. Грязнов М. П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. – Л., 1961. – С. 140-143; Андреев В. Н. К вопросу о скифских оселках // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов VI конференции. – Ростов-на Дону, 1992. – С. 23.

41. Яценко С. А. Сарматские погребальные ритуалы... – С. 70-71.

42. В грецькій мові слово *ἀκόνη* означає «оселок, точильний камінь», але в даному контексті воно має інший зміст – *membrum virile*, тобто *φαλής*. В. П. Яйленко вважає, що «глиняна копія фала могла послугувати Нуменію для магії, пов'язаної зі статевим життям – для дітонародження чи посилення чоловічої потенції». Автор не виключає, що напис на речі могла зробити жінка, котра бажала за допомогою магії вступити у зв'язок з Нуменієм: Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани і Ольвии. Ч. 2 // ВДИ. – 1980. – № 3. – С. 70-71. Виріб міг використовуватися й як *ολοβος*: Журавлев Д. В. *Ολοβος* из Пантикапея, или еще раз об интимной жизни в античном Северном Причерноморье // ДБ. – 2004. – Т. 7. – С. 135.

43. Подібні речі наділялися протилежними властивостями: «оживляти» померлих, наказувати непокірних тощо: Пропт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – М., 1986. – С. 196; Отроценко В. В. Костяные детали плеток из погребений срубной культуры // СА. – 1986. – № 3. «Священні батоги» згадуються у Рігведі серед «подарунків», котрі мусила принести жерцям людина, що провинилася: Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. – С. 134. Найбільша кількість свідочств про надзвичайні властивості нагайок збереглося в середньовічному епосі: Липец Р. С. Указ. соч. – С. 82-83. Знаком влади й знаряддям вбивства злочинців нагайка була й у запорозьких козаків: Скальковский А. А. Как судили и рядили в Сечи Запорожской // Селецкий А. Колдовство в Юго- Западной Руси в XVIII в. – К., 1886. – 45-46.

44. Манцевич А. П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. – Л., 1987. – С. 73-75. – Кат. 53; Великая Скифия... – С. 33.

45. Гребенников Ю. С., Ребедаило Г. П. Указ. соч. – С. 122.

46. Мозолевський Б. М. Товста Могила. – К., 1979. – С. 53. – Рис. 37; Мозолевський Б. М. Скiфський степ. – К., 1983. – С. 68, 71, 73; Евдокимов Г. Л., Фридман М. И. Указ. соч. – С. 88, 93. – Рис. 3, 6.

47. Посудина – вмістилище їжі та рідини, є близькою до образу жіночого божества плідності. Вона – не тільки символ, але й образ світу. Символіка посуду тісно переплітається з уявленнями про життя та смерть: Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. – М., 1984. – С. 121-134; *еє же*. Место умерших в жизни живых и погребальный инвентарь: археологические факты и исторические свидетельства (Месопотамия) // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М., 1999. – С. 23; Байбурина А. К. Семиотические

аспекты... – С. 73; *Дзиговский А. Н., Островецков А. С.* Стеклянная посуда как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени. – Одесса, 2000. – С. 184-186.

У посуду проходить зосередження й утілення єдності космологічної й прагматичної функцій. «Зв'язок форми та матеріалу посуду з його призначенням складала неподільне ціле... – наслідок властивої первісній думці особливості – не розділяти явище та його сутність» (*Антонова Е. В.* К исследованию места сосудов в картине мира древних земледельцев // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. – М., 1986. – С. 38, 47).

48. *Манцевич А. П.* Бронзовые котлы в собрании Государственного Эрмитажа. – Л., 1961; *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. – С. 103.

49. *Herod. IV, 6; Граков Б. Н.* Легенда о скифском царе Арианте // История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1968.

50. У міфології є згадки про чарівні казани, що були символами плодючості, життя та смерті, відродження воїнів до нових битв. У Рігведі вони вважаються еквівалентом богині Джіхани – чаші світу й богині плодючості: *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. – М.-Л., 1940. – С. 74; *Ростунов В. Л.* Опыт реконструкции сакрального пространства ранних курганов Европы и северного Кавказа. – Владикавказ, 2006. – С. 61.

51. *Швецов М. Л.* Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. – 1980. – № 2. – С. 200; *Студенецкая Е. И.* О большой семье у кабардинцев в XIX веке // СЭ. – 1950. – № 2. – С. 176.

52. *Скрипкин А. С.* Случайные находки сарматских котлов на территории Волгоградской области // СА. – 1970. – № 4. – С. 203-206; *Боковенко Н. А.* Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе // СА. – 1977. – № 4. – С. 234; *Косыненко В. М., Флеров В. С.* Бронзовые литые котлы Нижнего Подонья (к вопросу о типологии и хронологии) // СА. – 1978. – № 1. – С. 203.

53. *Корневский С. Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. – М., 2004. – С. 79.

54. Майстер, як і шаман, був вибранцем добрих духів. Як і жрець, він був медіатором між світом живих та світом померлих. Майстер є продовжувачем справи творців всесвіту, його робота має космологічний зміст: *Байбурин А. К.* Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Л., 1990. – С. 15.

У ведійських аріїв кожна річ, що була зроблена майстром, відсилається до виробника – *kárman*, який у Рігведі завжди визначає сакральну дію космологічного характеру: *Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н.* Мир вещей по данным Ригведы // Ригведа. Мандалы V-VIII. – М., 1999. – С. 496-497.

Прядіння та ткацтво мали магічний зв'язок з ростом рослин, збільшенням поголів'я худоби, здоров'ям худоби, асоціювалися з актом творіння, упорядкуванням Хаосу. У Рігведі поетичне мистецтво ріші – творця гімнів асоціюється з ткацтвом: *Елизаренкова Т. Я.* «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I-IV. – М., 1989. – С. 449. Ткацтво освячується у нартському епосі: *Шталь И. В.* Эпические предания Древней Греции. – М., 1989. – С. 211-213.

55. Веретено та прясло були атрибутами жіночих божеств. Їх визначають як богинь долі (*Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славян, преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. – Т. 3. – М., 1865. – С. 159-209; *Топоров В. Н.* Пряжа // МНМ. – 1992. – Т. 24; *Горан В. П.* Древнегреческая мифологема судьбы. – Новосибирск, 1990), а нитки розглядаються метафорично, співвідносяться з життям.

Нитка, що прядеться на веретені – це людська доля. Людське життя знаходиться в розпорядженні мойр: Клото пряде нитку, Лахесіс проводить її через примхи долі,

Атропос перериває нитку, перериваючи життя. У іранців такою богинею була Ардвісура Анахіта, яка була рівною «всім водам, що течуть по землі, взятих разом». Ріки ж, за уявленнями давніх іранців, також пов'язувалися з ідеями долі, смерті, були символом плінного часу: *Топоров В. Н.* Река //МНМ. – 1992. – Т. 2.

Веретено, що обертається, асоціювалося з сонцем – центром космосу: *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. – С. 180. Вісь веретена – це вісь всесвіту (*Plat. R.P., X, 617 b-e*). За допомогою веретена можна відганяти злих демонів: *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Заметки по славянскому язычеству. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах //Славянский и балканский фольклор. – М., 1981. – С. 58; *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. – М., 1981. – С. 240; *Ардзинба В. Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. – М., 1982. – С. 212; *Шкунаев С. В.* Примечания //Похищение быка из Куальнге. – М., 1985. – С. 466; *Дмитриева С. И.* Мезенские прялки //СЭ. – 1988. – № 1. – С. 91; *Кинжалов Р. В.* Символика «плексиса» в мифе, обряде, изобразительном искусстве древности и в современном фольклоре //Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Л., 1990. – С. 15.

56. *Максимова М. И.* Античные геммы и их оттиски на фрагментах глиняных сосудов //МИА. – 1962. – № 103; *Неверов О. Я.* Оттиски печатей на керамических изделиях из Северного Причерноморья //Античное Причерноморье. Сборник статей по классической археологии. – СПб., 2000. – С. 32 и сл.

57. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья //САИ. – 1978. – Вып. Г 1-12. – Т. 2. – С. 69. – Табл. 33, 48-49; *Островерхов А. С.* Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии //ВДИ. – 1985. – № 3. – С. 98-99.

58. Амулети у вигляді пірамідок відтворюють бетили (чіппі). Талісмани трактуються як символ рівноваги у боротьбі між добрими та злими силами. Це були й фалічні знаки: *Petrie W. M. F.* Amulettes, illustrated by the Egyptian collection in University college. – London, 1914. – Р. 16. – Pl. IVa-g. Бетили вважалися «будиночками богів». У пунійській традиції вони співвідносяться з Баал-Хамоном – «Володарем вівтаря й пахощів», або ж «Володарем священних бетилів», що ставилися перед вівтарями: *Циркин Ю. Б.* Карфаген и его культура. – М., 1986. – С. 142-144. Поширеними у еллінів були й надгробки пірамідальної форми: *Папанова В. А.* Урочище «Сто могил». – С. 145-146.

59. *Бесстужев Г. Н.* Нож и шило – аксессуары обряда посвящения //Материалы семинара «Древности Кубани». – Краснодар, 1987; *Ковалева И. Ф.* Кому принадлежали срубные погребения с бронзовыми иглами и шильями //Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Тезисы докладов конференции. – Т. 1. – Донецк, 1996.

60. *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. – С. 185, 196.

61. Пор.: *Островерхов А. С.* Звіриний стиль у культурі Ольвії //Археологія. – 1994. – № 2. – С. 61. – Рис. 2, 1; *Його ж.* Звериний стиль и античные города Северного Причерноморья //ВДИ. – 1996. – № 2. – Рис. 1, 3.

62. *Кузьмина Е. Е.* Конь в религии и искусстве саков и скифов //Скифы и сарматы. – К., 1977.

63. *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья //МИА. – 1971. – № 178. – С. 138; *Петерс Б. Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. – М., 1986. – С. 64-68.

64. Скифские погребальные памятники. – С. 250, 265, 270-271, 273, 320-321, 325, 334-335.

65. *Замятин С. Н.* Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежом //СА. – 1946. – Т. 8. – Рис. 36-37; *Манцевич А. П.* Гребень и фиала из кургана Солоха //СА. – 1950. – Т. 13. – Рис. 2 б-в, 4 а-б; *ее же.* Курган Солоха. – С. 57-60; *Евдокимов Г. Л., Фридман М. И.* Указ. соч. – С. 88. – Рис. 6, 2).

66. У міфології простежується мотив гнізда із руна як місце перебування вселенського змія: *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. – М., 1974. – С. 88. Добре відомий мотив руна, за яким зробили плавання аргонавти: *Зайцев А. И.* Аргонавты //МНМ. – 1992. – Т. 1.

Шерсть була одним із атрибутів, що забезпечували плодючість в елевсінських містечках: *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей: богослужение и сценические древности. – СПб., 1899. – С. 214-215; *Богаевский Б. Л.* Земледельческая религия Афин. – Пг., 1916. – С. 209-218.

Велику кількість свідочств про надзвичайні властивості шкіри та шерсті заковано в слов'янській міфології: *Афанасьев А. Н.* Указ. соч. – С. 689-692; *Потебня А. А.* О мифическом значении некоторых обрядов и верований. – М., 1865. – С. 70; *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. – М., 1882. – С. 166 и сл.

За свідченням Юлія Полідевка (*Polid.* VII, 70) у скіфів популярним був одяг у вигляді «шкіряного волосяного хітону, з рукавами», що мав назву «сісірна». Показовою є центральна сцена на пекторалі із Товстої Могили. Б. М. Мозолевський трактував її як утілення етапів ритуального дійства, «концепційний акт перетворення, головним героєм якого на міфологічному рівні є культовий герой чи божество, а на рівні соціально-політичному – його замісник... сам цар у архаїчній ролі першосвященика, першого жерця»: *Мозолевский Б. М.* Товста Могила. – С. 87, 221-223. С. С. Бессонова порівнює сюжет з хорезмійською легендою про Хушам-шаха – давньоіранського Хаошьянха-Хушенга: *Бессонова С. С.* Религиозные представления населения степной Скифии. Дис... канд. ист. наук //НАИА НАНУ. – К., 1979. – С. 141.

До діянь культурних героїв відносилися навчання людей шиттю одягу із шкір звірів та відокремлення домашніх тварин від диких: *Яценко С. А.* Некоторые культовые сюжеты в искусстве сарматов Северного Кавказа I в. до н. э. – I в. н. э. //Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н. э. – СПб., 1996. – С. 142.

67. *Неверов О. Я.* Геммы античного мира. – М., 1983. – С. 37; *Neverov O. J.* Les bagues et les pierres gravées provenant de Nymphaion //Archeologia. – Т. 46. – Warszawa, 1995. – Р. 72.

68. *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. – С. 81-98.

69. *Неверов О. Я.* Отгиски печатей... – С. 30-31. – Рис. 5; *Назаров В. В.* Святилище Афродиты в Борисфене //ВДИ. – 2001. – № 1; *Русяева А. С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху. – К., 2005. – С. 298.

70. *Скуднова В. М.* Указ. соч. – С. 31-32; *Русяева А. С.* Религия и культура античной Ольвии. – С. 178. – Рис. 57, 15.

71. *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. – С. 102-103.

72. У семантиці люстер виокремлюються два головні аспекти: 1) Дзеркало було символом сонця, плодючості та жіночого початку. Округле люстро сприймалося як зображення сонця та сонячного божества. Дзеркала були символами плодючості й сексуальної сили: *Максимова М. И.* Серебряное зеркало из Келермеса //СА. – 1954. – Т. 21. – С. 103; *Смирнов К. Ф.* Бронзовое зеркало из Мечет-Сая //История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1968. – С. 116. Вони відігравало особливу роль у весільних та поховальних обрядах: *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. – С. 97-100. 2) Люстро було тією магичною та мантичною річчю, котра уміщала у собі образ та душу людини, могло відбивати світ у цілому, вгадувати минуле й передбачати майбутнє. Люстро – символ зв'язку світу живих з світом мертвих. Дзеркало дозволяє фіксувати сховане від звичайного ока: *Литвинский Б. А.* Зеркало в верованиях древних ферганцев //СЭ. – 1964. – № 3. У хетській міфології побутував образ богинь підземного царства, подібних до мойр. Одна із них тримає веретено, інші – «наповнені люстра» – посуд з

водою, у якому все відбивається: *Геттербок Г. Г.* Хеттская мифология // Мифология древнего мира. – М., 1977. – С. 169-170.

Дзеркало – символ вічності. Звідси роль люстра в орфічному вченні про відродження. У міфах описується роздирання малюка Загрея у той момент, коли він дивився у дзеркало: *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. – С. 147, 172. Про гадання на люстрах у святилищі Деметри в Патрах повідомляє (*Paus.* VII, 21, 12).

Відомі міфи про чарівні люстра Олександра Македонського та героїні нартського епосу Сатани: *Мамиева Н.* Сатана в осетинском народном эпосе. – Орджоникидзе, 1971. Використовувалися й «музичні» властивості люстер, звучання яких могло відганяти злих духів: *Кузнецова Т. М.* Восточные музыкальные зеркала // ПАВ. – 1993. – Вып. 7.

73. *Гребенников Ю. С., Ребедаило Г. П.* Указ. соч. – С. 120-121, рис. 1, 3.

74. *Островецхов А. С.* Античная стеклянная глиптика на юге Восточной Европы (VI-II вв. до н. э.) //ВДИ. – 2006. – № 2. – С. 132. – Рис. 1, 1.

75. З приводу побутування амулетів єгипетського типу у Східній Європі існують різні погляди. Б. Б. Піотровський та В. Б. Виноградов вважали, що талісмани із зображеннями єгипетських богів, попадаючи в інше культурне середовище, губили свій первинний зміст й набували значення апотропеїв. На думку М. О. Коростовцева та М. М. Кобилюної, Чорноморське узбережжя було частиною античного світу, в якому релігійні погляди єгиптян були популярними, як і речі єгипетського культу. В. М. Корпусова вважає, що подібні амулети мали полісемантичне значення: *Коростовцев М. А.* Древнеегипетские находки в СССР //ВИМК. – 1957. – № 2; *Пиотровский Б. Б.* Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза //СА. – 1958. – № 1; *Виноградов В. Б.* Место египетских амулетов в религиозно-магической символике //Археолого-этнографический сборник. – Грозный, 1968. – С. 39; *Коровина А. К.* Фаянсовые подвески из некрополей Тирамбы и Фанагории //ВДИ. – 1972. – № 1. – С. 111; *Корпусова В. Н.* Указ. соч. – С. 82. Єгипетські амулети у контексті скіфського обряду, втілювали зовсім іншу, але не ворожу арійській релігії, космогонію та міфологію: *Эдаков А. В.* К вопросу о культурных связях Египта со Скифией //Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов V съезда. – Ростов-на-Дону, 1990.

76. Амулети із зубів тварин є оберегами універсальної дії: *Руслева А. С.* Религия и культура античной Ольвии. – С. 162. Ікла мали «захистити» від несприятливих зовнішніх впливів. Подібні артефакти були показниками соціального рангу та шаманськими атрибутами: *Стефанович С.* Клыки животных как возможный символ высокого социального положения в эпоху ранней бронзы в Мокрине (Сербия) //ССИА. – 2006. – Т. 3. – С. 209 и сл. У пращурів осетин існували любовні амулети – «зуби кохання» – «зуби Аркиза»: *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. – С. 19. У будівничих пазырикських курганів (*Черемисин Д. В.* О языке искусства звериного стиля в пазырыкских погребальных комплексах //ССИА. – 2006. – Т. 3. – С. 328), в савроматський та ранньоскіфський час набули розповсюдження орнаментовані кабанячі ікла. Їх використовували у якості амулетів для кінського спорядження та зброї, вони виконували роль псалій: *Grakow V. N.* Monuments de la culture scythique entre le Volga et les mounts Oural //ESA. – 1928. – Vol. 3; *Фабрициус И. В.* Скифо-сарматские орнаментированные клыки //НА ИИМК. – 1934. – Ф. 61/33; *Яковенко Э. В.* Клыки с зооморфными изображениями //СА. – 1969. – № 4; *Ghirshman R.* Le passebride en defense de sanglier cher les peuples iraniens //АА. – 1977. – Vol. 25. – P. 51-78; *Чежина Е. В.* Орнаментированные кабаньи клыки и их имитации в скифскую эпоху //АСГЭ. – 1991. – Вып. 31; *Буйских С. Б., Островецхов А. С.* Кабаний клык с зооморфным изображением из Глубокой Пристаны //ПССАСП – Запорожье, 1994.

Крім декоративних можливостей матеріалу для утілення задумів митця, важливе значення мав й образ вепра, який був символом бойової міцї та плодючості, однією із персоніфікації помираючого та воскресаючого бога. В іранській міфології з кабаном

пов'язувався образ Веретрагни – бога війни та перемоги. Його ім'я відповідає епітету Індри у ведійській міфології – Врітражан – «вбивця Врітри». У «Яшті» описані перетілення Веретрагни: у вітер, бика, коня, верблюда, вепра, коршуна (сокола), барана, козла та воїна. Веретрагна подарував Заратустрі чоловічу силу, силу рук, міць тіла та гостроту зору. Р. Гіршман пов'язує образ кабана саме з цим персонажем: *Ghirshman R. Op. cit.* – Р. 33.

77. У репертуарі звіриного стилю найбільше розповсюдження мали птахи, копитні та хижі звірі: *Шкурко А. И.* О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М., 1976. У такому наборі образів відбивається тернарна модель світу, що була притаманна давнім суспільствам. Птахи відповідали небу, копитні тварини – реальному земному світу, хижі звірі – хтонічному світу: *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. – С. 111.

78. *Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Указ. соч. – С. 60. – Рис. 31, 3.

79. *Берхин-Засецкая И. П., Маловицкая Л. Я.* Богатое савроматское погребение в Астраханской области // СА. – 1965. – № 3. – С. 251; *Манцевич А. П.* Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. – 1966. – Вып. 8. – С. 29. – Рис. 4, 18, 28; *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н. э. // САИ. – 1967. – Д 1-4. – С. 93. – Табл. 8, 16, 17, 19; *Черненко Є. В.* Скiфські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданова // Археологія. – 1970. – Т. 23. – С. 179. – Рис. 1, 4; *Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы у г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972-1975 гг.) // Скифия и Кавказ. – К., 1980. – С. 109. – Рис. 47; *Рябова В. О.* Дерев'яні чаші з оббивками з курганів скіфського часу // Археологія. – 1984. – Вып. 46. – С. 80; *Алексеева И. Л., Охотников С. Б., Редина Е. Ф.* Скифское погребение у г. Арциз // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н. э. – IV в. н. э.). Материалы полевого семинара. – Тирасполь, 1997. – С. 50. – Рис. 4, 23-24.

80. *Ілiнська В. А.* Про скіфські навершники // Археологія. – 1963. – Т. 15. – С. 56; *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья... – С. 57; *Шкурко А. И.* О локальных различиях... – С. 96; *Островерхов А. С.* Образ птицы в ольвийской школе звериного стиля // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. – К., 1984. – С. 68; *его же.* Памятники звериного стиля из ольвийской и никонийской округ (конец VI-III вв. до н. э.) // ССИА. – 2005. – Т. 2. – С. 234. – Рис. 7, 2.

81. *Граков Б. М.* Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? // Археологія. – 1947. – Т. 1; *Островерхов А. С.* Этапы и характер греко-скифских экономических связей в Поднепровье и Побужье // Исследования по античной археологии Юго-Запада СССР. – К., 1980; *его же.* Ольвия и торговые пути Скифии // Древности Северо-Западного Причерноморья. – К., 1981.

82. *Капошина С. І.* Пам'ятки скіфського звіриного стилю, знайдені в Ольвії // АП. – 1958. – № 7. – С. 43. – Рис. 5.

83. *Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Указ. соч. – С. 67. – Рис. 36, 9-15.

84. *Капошина С. И.* О скифских элементах в культуре Ольвии // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. – МИА. – 1956. – № 50. – С. 183. – Рис. 23; *Островерхов А. С.* Образ птицы... – С. 64-67. – Рис. 1, 1-2; *его же.* Памятники звериного стиля... – С. 234. – Рис. 5, 1.

85. *Островерхов А. С.* Звериный стиль у культурі Ольвії. – С. 98-99. – Рис. 6, 1-2.

86. *Погрєбова М. Н.* Грифон и его изображение в искусстве Северного Причерноморья в эпоху греческой колонизации. Дис... канд. ист. наук // НАИА РАН. – 1959. – № 364; *Шкурко А. И.* Фантастические существа в искусстве лесостепной Скифии // Тр. ГИМ. – 1982. – Вып. 54. – С. 3; *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. – С. 86.

87. *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. – С. 150.

88. *Островерхов А. С.* Образ птицы... – С. 73 и сл. – Рис. 2, 2; 3; *Островерхов А. С., Охотников С. Б.* О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея //ВДИ. – 1989. – № 2. – С. 59. – Рис. 3, 2.
89. *Островерхов А. С., Тоцев Г. М.* Скифський кінський налобник //Археологія. – 1985. – № 49.
90. *Ильинская В. А.* Скифы... – С. 121.
91. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья... – С. 40. – Табл. 19, 26; 20, 27; *Ильинская В. А.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве //СА. – 1971. – № 2. – С. 81, 83. – Рис. 9, 4; *Островерхов А. С., Охотников С. Б.* Указ. соч. – С. 50-54. – Рис. 1; *Островерхов А. С.* Звериный стиль у культуры Ольвии. – С. 91-92; *Поллидович Ю. Б.* Изображения хищников с повернутой анфас головой в искусстве скифского мира //Проблемы археологии древней и средневековой истории Украины. Тезисы докладов конференции. – Харьков, 1995. – С. 53-54.
92. *Островерхов А. С.* Памятники звериного стиля ... – С. 221, 225. – Рис. 1, 1.
93. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья... – Табл. 27, 33. *Граков Б. Н.* Скифы. – М., 1971. – Табл. XVIII ж.
94. *Смирнов К. Ф.* Савромато-сарматский звериный стиль //Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М., 1976. – С. 79. – Рис. 2, 5, 8а, 25; *Шкурко А. И.* О локальных различиях... – С. 95. – Рис. 2, 6, 15.
95. *Островерхов А. С.* Звериный стиль у культуры Ольвии. – С. 95. – Рис. 5, 4.
96. *Капошина С. I.* Вказ. праця. – Табл. 1, 1; *Островерхов А. С., Отрешко В. М.* Новый образец звериного стиля, найденный близ Ольвии //Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. – К., 1986. – С. 62. – Рис. 1, 1; 2, 1; *Островерхов А. С.* Памятники звериного стиля ... – С. 221. – Рис. 1, 3-5.
97. *Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Указ. соч. – С. 66-68. – Рис. 36, 3, 16; *Островерхов А. С.* Звериний стиль у культурі Ольвії. – С. 59. – Рис. 1, 2; *его же.* Звериный стиль и античные города... – С. 89-90. – Рис. 1, 1; 2.
98. Поза імітує положення тварин у череві матері. Вона є ідентичною формі світового змія, який з'їдає самого себе. «Подібна заміна має стільки засад, що ми вважаємо вовка за іншу форму міфологічного змія» (*Потебня А. А.* Указ. соч. – С. 279). Подібні зображення семантично тотожні нижньому світу (*Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. – С. 118-119; *Яблонский Л. Т.* Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). – М., 1996. – С. 64) є знаками «космічного чи есхатологічного вогню в цілому, вогню, який має всі якості, що співвідносяться з космічною структурою» (*Акишев А. К.* Искусство и мифология саков. – Алма-Ата, 1984. – С. 48-50).
99. Під «зооморфними перетвореннями» розуміють стилістичний прийом, який передбачає вписування додаткової тварини, тобто елементу «перетворення», в будь яку частину тварини, що зображується. Такий прийом є однією із прикмет мистецтва звіриного стилю: *Кантарович А. Р.* Зооморфные превращения в зверином стиле степной Скифии как изобразительный феномен //ПССАСП. – Запорожье, 1999; *его же.* Классификация и типология элементов «зооморфных превращений» в зверином стиле Степной Скифии //ССИА. – 2002. – Вып. 1. – С. 80.
100. *Вишневская А. О.* Указ. соч. – С. 158. – Табл. XVIII, 6-7; *Смирнов К. Ф.* Савроматы. – С. 223-225; *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья... – Табл. 31, 6; *Ильинская В. А.* Образ кошачьего хищника... – С. 84 и сл.; *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Е. Бранденбурга) //САИ. – 1977. – Вып. Д 1-33. – Табл. 13, 4; *Поллидович Ю. Б.* О мотиве свернувшегося хищника в искусстве скифского мира //РА. – 1994. – № 4.

101. *Острове́рхов А. С.* Звіриний стиль у культурі Ольвії. – С. 59. – Рис. 1, 1-3; *его же.* Звериний стиль и античные города... – С. 90-91. – Рис. 1, 1; 2, 1-3; *его же.* Памятники звериного стиля ... – С. 221. – Рис. 1, 7.

102. Композиціями із зображенням сцен роздирання відзначався ритуал тризни, тобто жертвоприношення. Вони знаходять пояснення у дуалістичних концепціях індо-європейських народів. Найбільш загальне трактування подібних сцен – безперервність життєвого циклу, відродження через знищення. На різних рівнях подібна тематика могла сприйматися або як апофеоз весни (зв'язок з календарним циклом та астральною символікою), чи як перемога божества, героя, царя над силами зла: *Хазанов А. М., Шкурко А. И.* Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М., 1976. – С. 40; *Топоров В. Н.* К семантике троичности (слав. *trizna* и др.) // Этимология 1977. – М., 1979. – С. 12 и сл.; *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. – С. 79 и сл.; *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. – С. 122-123, 151, 194-195 и др.

103. *Клочко Л. С., Гребенников Ю. С.* Скіфський калаф IV в. до н. е. // Матеріали по хронологии археологических памятников Украины. – К., 1982.

104. Хоч зображення тваринок зустрічаються вже на золотій пекторалі та срібній тарілці із Зівіє (*Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. – М., 1977. – С. 20-25), на ранніх скіфських творах мотив є додатковим. На більш пізніх виробах зайці завжди трактувалися у дусі еллінського зооморфного мистецтва: *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII-VI вв. до н. э.). – К., 1975. – С. 160. – Табл. II, 22; *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* Ранние скифы и Древний Восток. – М., 1992. – С. 147-148. Заєць асоціювався з ідеєю плодючості, звідси – символікою пір року. Йому ж приписувалося магічне значення у царині любовних чар. В античній міфології заєць був символом Діоніса, знаком нового життя: *Шталь И. В.* Эпические предания Древней Греции. – М., 1989. – С. 126. Тварина відповідала водній стихії, вважався маркером «нижнього світу» й породжуючого початку: *Кузьмина Е. Е.* Семантика изображений на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада // Искусство Востока и античность. – М., 1977; *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. – С. 60-63.

105. *Граков Б. Н.* Скифы. – С. 81; *Шкурко А. И.* Звериний стиль в искусстве и культуре лесостепной Скифии (VII-III вв. до н. э.). Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1975. – С. 17. – Табл. 1; *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. – С. 60-64; *Острове́рхов А. С., Охотников С. Б.* Указ. соч.; *Политович Ю. Б., Вольная Г. Н.* Образ зайца в скифском искусстве // Древности Евразии. – М., 2005.

106. *Ильинская В. А.* Скифы... – С. 111.

107. *Острове́рхов А. С.* Памятники звериного стиля... – С. 247. – Прим. 19.

108. *Острове́рхов А. С.* Указ. соч. – С. 245-246. – Рис. 8, 4.

109. *Ілїнська В. А.* Вказ. праця; *Болтрик Ю. В.* Бронзовые навершия скифских повозок // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н. э. – IV в. н. э.). – Тирасполь, 1997.

110. *Мелюкова А. И.* Краснокутский курган. – М., 1981. – С. 36-39. Рис. 9; *Черепанова Е. Н., Щепинский А. А.* Там, где пройдет Северо-Крымский канал. – Симферополь, 1975. – С. 75.

111. *Бессонова С. С.* Образ собако-птаха в мистецтві Північного Причорномор'я // Археологія. – 1977. – Вип. 27; *Погребова М. Н.* Указ. соч. – С. 362.

112. *Болтрик Ю. В.* Указ. соч. – С. 65.

113. Триптолем був героєм (*Нутт. Нот., V, 153, 474*), якому Деметра подарувала золоту колісницю з крилатими драконами та пшеничні зерна. Мандруючи по ойкумені, Триптолем засіяв землю й навчив цьому заняттю людей (*Apollod., I, 5, 2; Нуг., fab. 147*).

За свою праведність герой судить разом з Мінасом, Радамантом та Еаком померлих (*Plat. Apol., 41a*).

114. У Рігведі говориться про три іпостасі, сутності Агні: «В перший раз з неба народився Агні; в другий раз – від нас...; В третій раз – у водах...» (*Ригведа. Избранные гимны. – М., 1972. – С. 106*).

115. Тагімасада Геродот ототожнював з Посейдоном (*Herod. IV, 59*) – найбільш хтонічним божеством грецької релігії й перед усім – божеством плодючої води, не тільки морів, але й річок й взагалі всіх джерел. Вчені порівнюють Посейдона-Тагімасада з грецьким Ахіллом, іранськими Сенмурвом, Маздою та індійським Варуною: *Литвинский Б. А. Памирская космология // Страны и народы Востока. – Вып. 16. – М., 1975. – С. 255; Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – С. 220; Хазанов А. М. Социальная история скифов. – С. 44; Онайко Н. А. Аполлон Гиперборейский // ИКАМ. – М., 1977; Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. – С. 50-53; Островерхов А. С., Охотников С. Б. Указ. соч. – С. 54-55, 64-66. – Рис. 2, 2; 4, 4.*

116. *Беленицкий А. М. Хутгальская лошадь в легенде и историческом предании // СЭ. – 1948. – № 4; Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. – 1961. – Вып. 2. – С. 77; Болтенко М. Ф. HERODOTEANA. – МАСП. – 1962. – Вып. 4.*

117. *Zgusta L. Personennamen griechischer Studte der nordlichen Schwarzmeerkuste. – Praha, 1955. – S. 141, 184, 197, 236-239; Бертельс Е. А. История персидско-таджикской литературы. – М., 1960. – С. 37, 55, 60, 215; Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. – М., 1970. – С. 157-158; Хазанов А. М., Шкурко А. И. Указ. соч. – С. 46.*

117. У східній частині траншеї під насипом на «верхоземці» по бокам «проходу» – місця, яке залишився не засипаним могильним викидом, були складені у двох кучах залишки двох цілеспрямовано зруйнованих возів, бронзові прикраси у вигляді наверхників, нашивних бляшанок й деяких інших речей... В одній із куч... була «груда залізних вудил, що спеклися...», два кабанячих ікла ...прикраси на кшталт гудзиків. Під цією ж кучею «у материку було 54 бронзових наконечників стріл» (*Мелюкова А. И. Указ. соч. – С. 10*).

118. Таку категорію знахідок фахівці називають «скарбами», «скарбами спорядження вершника», «дивними комплексами» тощо: *Симоненко А. В. «Клады» снаряжения всадника II-I ст. до н. э.: опыт классификации и этнической интерпретации // II Кубанская археологическая конференция. – Краснодар, 1993; ego же. Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков н. э. // НАВ. – 2001. – Вып. 4.*

Характерною рисою подібних комплексів є відсутність в них поховань. Використання до подібних комплексів терміну «скарб», є не зовсім правомірним. До скарбів входять прикраси, ювелірні вироби, монети, або ж продукція й сировина кланових груп ремісників. «Дивні комплекси» мають іншу структуру. Це «язичницькі ризниці»: сакральне, символічне призначення речей кидається у вічі: *Дзиговский А. Н., Островерхов А. С. Памятки звіриного стилю з мікрорегіону Тилігул й деякі питання історії Північно-Західного Надчорномор'я // ЗІФ. – 2004. – Вып. 15.*

119. *Островерхов А. С. Памятники звериного стиля... – С. 251 и сл.*

120. *Буйских С. Б. Некоторые вопросы пространственно-структурного развития Ольвийской хоры // Ольвия и ее округа. – К., 1986. – С. 19-26; Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В. и др. Указ. соч. – С. 75.*

121. *Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson // PZ. – 1913. – V. V. – S. 9-11. – Abb. 6 a; Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. – Т. 1-2. – Пг., 1914. – С. 31. – Рис. 8; Островерхов А. С., Отрешко В. М. Указ. соч. – С. 63-64. – Рис. 1, 3; 2, 2; Островерхов А. С. Памятники звериного стиля... – С. 221. – Рис. 1, 3.*

122. *Ольговский С. Я.* Скифо-античная металлообработка архаического времени. – К., 2005 (бібліографія).

123. *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Критический очерк отечественной теории колонизации. – К., 1966. – С. 168-174.

124. *Herod.* III, 167; *Гаврилюк Н. А.* История экономики Степной Скифии VI-III вв. до н. э. – К., 1999. – С. 171.

125. Подібне явище фіксується головним чином на первісній периферії: *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. – М., 1976. – С. 166; *Кубышев А. И., Нечитайло А. Л.* Центры металлообрабатывающего производства Азово-Черноморской зоны (К постановке проблемы) // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К., 1991; *Нечитайло А. Л.* Особливості впливу металовиробництва Кавказу на Північне Причорномор'я за доби середньої бронзи // Археологія. – 1992. – № 2. Навіть поблизу рудників в Балкано-Карпатській гірнично-металургічній області поховання з аксесурами металургійного виробництва або ж металообробного ремесла майже не зустрічаються: *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. – София, 1978. – С. 283. Подібна картина спостерігається й у скіфських могильниках та грецьких некрополях, розташованих поблизу поселень з розвинутим ремеслом. Можна назвати ще одну подібну знахідку. Це уламок стулки форми для відливання налобників у вигляді голівки грифона із кургану біля с. Аксютинці: *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII-IV вв. до н. э. – К., 1986. – С. 131-132. – Рис. 31, 6. Традиція відроджується в VI-VII вв. н. е. в Поволжі, де в якості носіїв ливарної магічної майстерності діють дівчата-підлітки: *Голубева Л. А.* Девочки-литейщицы // Древности славян и Руси. – М., 1988. – С. 31-32.

126. Техніка та технологія у структурі архаїчних організацій не мислилися у якості самостійного феномену: *Кобзарь В. И., Сергеев К. А., Солонин Ю. Н.* Методологические аспекты истории формирования технических наук // ВФ. – 1982. – № 11. – С. 110-111. «Господарсько-виробничі функції... були не головними, навіть вторинними. В цей період ремесла вписувалися в іншу схему, побудовану перш за все на сакральних уявленнях, й співвідносилися із загальною космологічною схемою» (*Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Проблема функций кузнецов в свете семиотической типологии культур // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. – Т. 1 (5). – Тарту, 1974. – С. 87).

Виокремлення професії супроводжувалося встановленням особливої культової обрядовості. Кінцевий успіх залежав не тільки від навичок ремісників. Він забезпечувався магічною чистотою спорядження й матеріалів, виконанням заборон й допомогою божественних покровителів. Вся виробнича діяльність людей міфологічно осмислювалася: *Шмидт Р. В.* Металлургическое производство в мифе и религии античной Греции // ИГАИМК. – 1931. – Т. 9. – Вып. 8-10. – С. 1; *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. – Л., 1976. – С. 68.

Ремісники діяли у якості культурних героїв. З одного боку вони – борці проти темних хтонічних сил, здібні на те, щоб підкорити їх й використовувати на благо людей. Але вони одночасно й представники темного світу: *Граков Б. Н.* Ранний железный век. – М., 1977. – С. 15-17; *Очерки культуры...* – С. 120-124; *Вейнберг И. П.* Человек в культуре древнего Ближнего Востока. – М., 1986. – С. 83; *Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир.* – Новосибирск, 1988. – С. 107; *Дьяконов И. М.* Архаические мифы Востока и Запада. – М., 1990. – С. 208. – Прим. 27; *Кирилюк А. С.* Универсалии культуры и семиотика дискурса. Миф. – Одесса, 1996. – С. 194-105.

127. *Гиоргадзе Г. Г.* Производство и применение железа в Центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов // Древний Восток. Этнокультурные связи. – Вып. 80. – М., 1988.

128. Ардзинба В. Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток. Этнокультурные связи. – Вып. 80. – М., 1988.

129. Петрунь В. Ф. О вулканических породах из эмпория борисфенитов на о. Березань // СА. – 1964. – № 3; Островерхов А. С. Развитие черной металлургии в античных городах Северного Причерноморья // Очерки истории естествознания и техники. – Вып. 35. – К., 1988. – С. 97.

130. Латышев В. В. Указ. соч. – С. 10; Русяева А. С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. – К., 1979. – С. 136.

131. Найбільш яскраво образ Гефеста-ремісника царського ойкосу в оточенні сакральних знарядь праці – горну, наковальні, молота та обценьок змальовано у XVIII пісні (Нот. II, II, XVIII, 368 ff.), де він діє і як фетиш племені, і як повелитель вогню (Нот. II, 426; IX, 468; Нот. Од., XXIV, 71). Орфіки вбачали в Гефестові космічну силу у всій її фетишистській цнотливості. Він майстер й маляр, він же світло, вогонь та ефір. Він охоронець й всепожираючий демон (Шмидт Р. В. Указ. соч. – С. 62). Афіна Эргана (Plat. Legg., XI, 920d; Hes. Opp., 429-431) допомогла Прометею викрасти вогонь із кузні Гефеста (Myth. Vat., I, 1; II, 63-64). Особливою повагою богиня користувалася серед ремісників Афін. У еллінів були свята, що присвячувалися Гефесту, Афіні Ергані та Прометею. В Афінах популярним було ремісниче свято халкея. У Аттиці, де одна із філ носила ім'я Гефеста (Aesch. Eum., 13), свято відбувалося в останній день місяця піанопсіона (Шмидт Р. В. Указ. соч. – С. 65-66; Лосев А. Ф. Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии // УЗМГПИ. – 1953. – Т. 72. – С. 157-163). Можливо, на честь свята отримало свою назву Ягорлицьке поселення: Островерхов А. С. Рец.: С. Я. Ольговский. Скифо-античная металлообработка архаического времени. – К., 2005 // СППК. – 2006. – Т. 13. У Середземномор'ї були й інші свята, де Гефесту поклонялися разом з Афіною та Прометеем – гефестії та прометеї (Paus. I, 30, 2). В Афінійській академії був жертвник, присвячений Прометею. Від нього починався біг до міста з смолоскипами. Біг з смолоскипами також проводився на панафінеях та гефестіях (Schol. Aristoph. Ran., 131). Все це свідчить про тісний зв'язок Гефеста, Ергани та Прометея з культом вогню: Жебелев С. А. Афина и Афины // Записки коллегии востоковедов. – Т. 1. – М., 1925. – С. 275 и сл.; Лосев А. Ф. Указ. соч. – С. 53-133.

132. Русяева А. С. Религия и культура античной Ольвии. – С. 130. Рис. 41; *еє же*. Религия понтийских эллинов... – С. 428-429.

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ Р. МАЛЫЙ КУЯЛЬНИК

Летом 2007 г. в рамках археологической практики студентов исторического факультета ОНУ имени И. И. Мечникова под руководством автора были проведены археологические разведки в Ивановском и Ширяевском районах Одесской области (Открытый лист № 280/0694 от 26 июня 2007 г.). В ходе проведения разведок были обследованы долины рек Малый и Средний Куяльник, которые сливаются в селе Червонознаменка и прилегающая к ним балочная система (от северных границ Ивановского р-на до с. Бараново) (рис. 1), а также долины рек с прилегающими балочными системами Большого Куяльника (от пгт Ширяево до с. Ревово, что на Киевской трассе) и Журавки (от с. Викторовка до с. Червоный Кут) (Ширяевский район). Основные работы были сосредоточены в районе с. Червонознаменка.

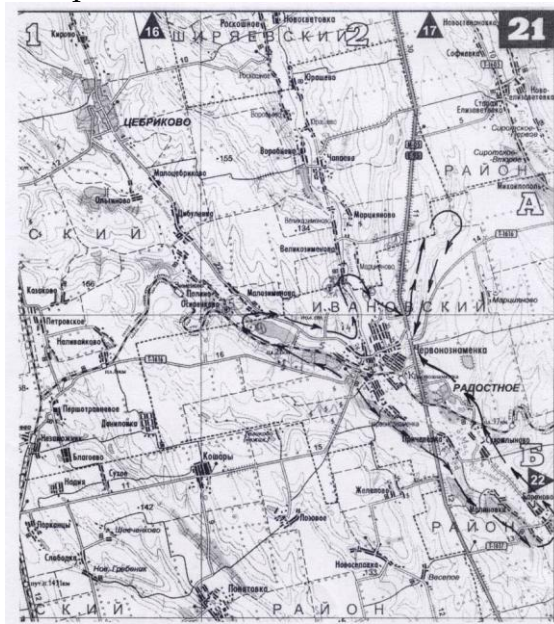
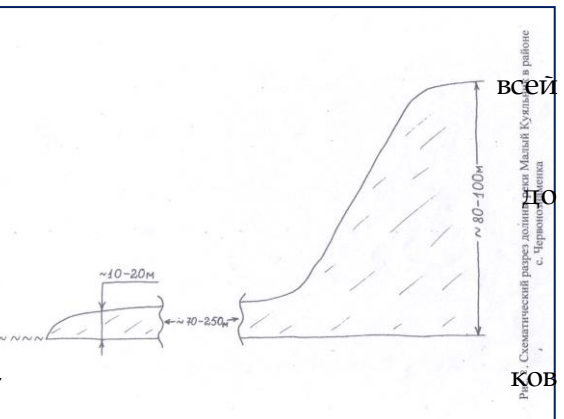

Рис. 1. Маршрут разведок в Ивановском районе

Визуальная описание геологической ситуации. Река Малый Куяльник впадает в Хаджибеевский лиман и имеет протяженность 89 км¹. Долина реки достаточно разработана. Ее ширина колеблется от 200/350-500 м (в 2 км к с-в от с. Червонознаменка) до примерно 1,5-2 км (к ю-в от пгт Радостное). Как указывалось выше, в с. Червонознаменка в р. М. Куяльник впадает р. Средний Куяльник, а так же, с северо-востока – безымянный водоток. В настоящее время эти «водные артерии» периодически пересыхают (как, например, это было в 2007 г.). К долинам рек примыкает многочисленны и разветвленные балочные системы, достигающие в длину, иногда, более 10 км. В весенний и осенний сезоны в этих балочных системах функционируют временные водотоки. Часто они перегораживаются плотинами для устройства небольших искусственных водоемов.

Врез речных долин в описываемом районе примерно составляет около 100 м. Ярво выраженные надпойменные террасы отсутствуют. Левые борта речных долин пологие, плавно переходят в водораздел. Правые – более крутые, обрывистые (рис. 2). В 60-е годы склоны правых берегов были подвергнуты террасированию с последующим их озеленением.

К правым бортам долин, практически по их протяженности, примыкает терраса (по В. И. Красковскому – террасовидный уступ)², ширина которой варьирует от 50 до 200 м при высоте от 10 до 20/40 м (величины определены визуальнo). В основании террасы – зеленые глины с карбонатными стяжениями или песчаники. Их покрывают отложения лессовидных суглинков и чернозема (часто отложения лессовидных суглинков отсутствуют). В отличие от низкой террасы,

отложения на самой высокой террасе несколько иные. Обследование высокой террасы правого берега реки М. Куяльник показало, что основание террасы (зеленые глины с карбонатными стяжениями или песчаники) перекрыто слоем чернозема мощностью до 1-1,5/2 м. Лессовидные суглинки практически полностью отсутствуют, либо их присутствие угадывается по окрашиванию чернозема в более светлый (с желтоватым оттенком) цвет в нижней части отложений. Мощность лессовых отложений постепенно увеличивается к водоразделу. Таким образом, лессовые отложения высокой террасы подвергались смыву и переотложению на более низкие террасовые уровни на рубеже плейстоцен / голоцен.

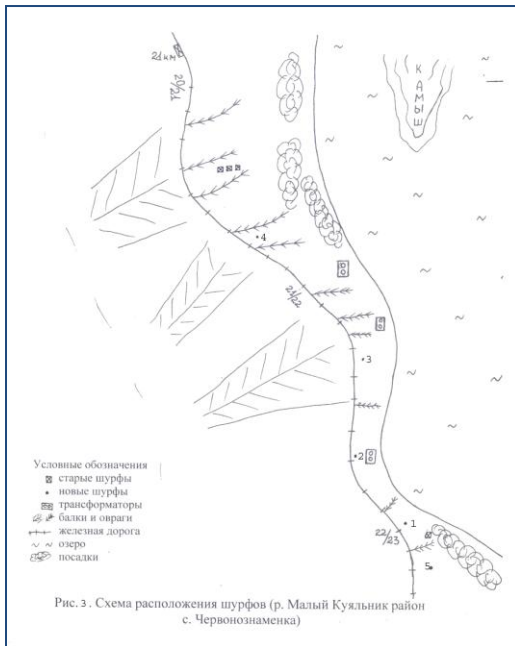
Обследование долины реки Малый Куяльник. Обследование верхних надпойменных террас правого и левого берега реки Малый Куяльник от трассы Одесса-Киев до границы Ивановского района не привело к находкам археологических объектов. Были обнаружены несколько отщепов и осколков кремня. Связано это, возможно, как указывалось выше, с переотложением (смывом) лессовых отложений на рубеже плейстоцен / голоцен. Наибольшее количество пунктов подъемного материала в долине реки М. Куяльник было обнаружено вдоль берега искусственного водоема в 2-х км к северо-западу от с. Червонознаменка.

Первые широкомасштабные работы по поиску памятников каменного века Одесской области связаны деятельностью П. И. Борисковского и В. И. Красковского³. Позже, результаты разведок и новые исследования в Одесской области были обобщены и интерпретированы в работах В. Н. Станко⁴. Датированы они были, по технико-типологическому составу кремневых коллекций, в пределах мезолита.

Первые пункты с находками материалов каменного века в районе с. Червонознаменка были обнаружены здесь разведками В. И. Красковского в 1965-1966 гг. Пункты получили названия Катаржино (по бывшему названию с. Червонознаменка) и Цибулевка (соседнее село в Великомихайловском районе) I-IV.

Местонахождение Катаржино обнаружено в 520 м к востоку от дамбы и в 2-х км от северо-западной окраины с. Червонознаменка⁵. Стоянка Цибулевка находится в 260 м на запад от дамбы. Рядом с. Цибулевкой обнаружены еще четыре пункта: Цибулевка 1 – в 220 м к востоку от Цибулевки, напротив дамбы (то есть между стоянками Катаржино и Цибулевкой); Цибулевки №№ 2, 3 и 4 на запад от стоянки Цибулевка соответственно в 80, 240 и 580 м⁶. То есть, даны довольно точные привязки. Однако в монографии В. И. Красковского 1978 г. для некоторых пунктов привязка и расстояния несколько другие⁷. Наиболее существенны нестыковки при определении местонахождения стоянки Цибулевка 1, местоположение которой в этом сборнике отличается от предыдущего издания на 180 м. Еще больше запутало картину с привязкой памятников изучение рукописного отчета В. И. Красковского в ОГАМ. В справочнике «Археологические памятники Одесской области» (Одесса, 1991) в качестве привязки для нескольких пунктов фигурирует какая-то мифическая станция (с. 61). Напоследок необходимо добавить, что стоянка Катаржино, по промерам по карте и на местности, реально находится примерно в 1,5-1,6 км от села Червонознаменка.

Все это накладывается на техногенные факторы рельефообразования. Когда В. И. Красковский проводил археологические разведки, железная дорога, проходящая вдоль озера, еще не была построена. Небольшая мощность отложений, перерывающих основание высокой террасы на ее перегибе и прилегающих к нему участках шириной до 200 м, видимо, повлияла на организацию большого количества карьеров, которые протянулись практически сплошной чередой от с. Червонознаменка до с. Полино-Осипенково. Грунт с карьеров транспортировался вниз на строительство железнодорожной ветки Раздельная – Ивановка и на сооружение отстойников в пойме р. М. Куяльник в 1,5 км к северо-западу от с. Червонознаменка. Кроме этого, Ширяевским лесхозом, в ходе про-

ведения противооползневых работ, было произведено террасирование склонов и посадка зеленых насаждений (сосна и акация).

Такая путаница с привязками и техногенные изменения рельефа сделали невозможным точную локализацию памятников, обнаруженных В. И. Красковским. Поэтому, было принято решение всем обнаруженным в ходе разведок пунктам давать новые названия – Катаржино, начиная с № 1, а привязку осуществлять от километровых знаков железнодорожного полотна (рис. 3).

Катаржино 1. Пункт расположен на мысу низкой террасы (террасовидного уступа) правого берега реки М. Куяльник, примерно в 80 м от дамбы, выше по течению. Данный мыс расположен напротив ж/д знака 22/23 км. На дороге, проходящей через мыс, обнаружены несколько отщепов и фрагмент наконечника. Рядом, у обрыва находился заплывший шурф. Зачистка обрыва показала, что часть мыса, по которому проходит дорога, явно техногенного происхождения. Поиск археологического материала выше по склону дал положительные результаты. В кучах земли, вырытых землеройными животными, было обнаружено 57 каменных изделий (рис. 4, 1-4).

Таблица № 1. Катаржино 1. Подъемный материал.

№	Наименование изделий	Кол-во
1	Нуклеусы 2-площадочные	1
2	Сколы обновления	2
3	Отщепы средние	9
4	Отщепы мелкие /чешуйки	17
5	Пластины средние	5
6	Микропластины	11
7	Отщепы с ретушью	1
8	Пластины с ретушью	1
9	Пластины и микропластины с ретушью использования	6
10	Скребок атипичный	1
11	Отщепы с ретушью /боковой скребок	1
12	Обломок наконечника	1
13	Отщеп мелкий (гнейс)	1
Всего		57

В местах наивысшей концентрации материала были заложены 3 шурфа.

Шурф № 1 дал полный профиль отложений (рис. 5).

Разрез по западной стенке:

- а) чернозем – мощность до 40 см;
- б) серый суглинок – до 20 см;

в) лессовидный суглинок – до 25-30 см;

г) глинистые отложения с карбонатными стяжениями – мощность неизвестна.

В шурфе 1 обнаружено 101 экз. кремневых изделия, 2 фрагмента керамики и 18 фрагментов фауны (рис. 4, 5-12).

Таблица № 2. Катаржино 1. Шурф 1.

№	Наименование изделий	Кол-во
1	Осколки	2
2	Нуклеусы 1-площадочные	3
3	Обломки нуклеусов	1
4	Сколы обновления	1
5	Отщепы крупные	1
6	Отщепы средние	5
7	Отщепы мелкие/чешуйки	44
8	Пластины средние	16
9	Микропластины	16
10	Скребки	2
11	Обломки лезвий скребков	1
12	Трапеция	1
13	Пластины и микропластины с ретушью использования	8
14	Фрагменты керамики	2
Всего		103

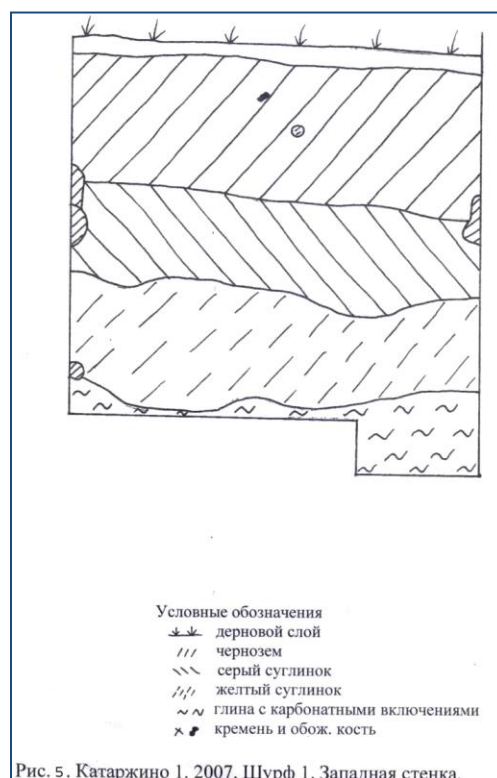

Рис. 5. Катаржино 1. 2007. Шурф 1. Западная стенка.

Основная масса материала залегала в черноземе на глубине 15-30 см, хотя отдельные находки встречались и в дерновом слое и до глубины 70 см. Туда они попадали по следам землеройных животных.

Шурф № 2 был прокопан до глубины 30 см, где были встречены, практически сплошным слоем, плитки известняка над и между которыми была обнаружена основная масса находок (рис. 6). Вымостка из плиток имеет искусственное происхождение.

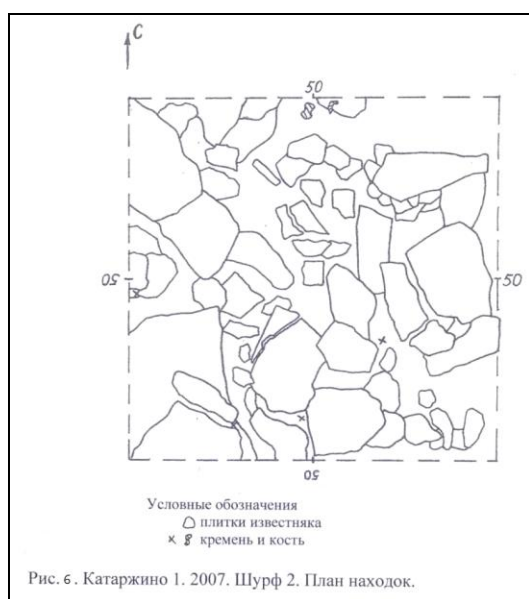

Рис. 6. Катаржино 1. 2007. Шурф 2. План находок.

Таблица № 3. Катаржино 1. Шурф 2.

№	Наименование изделий	Кол-во
1	Осколки	1
2	Сколы обновления	4
3	Отщепы крупные	1
4	Отщепы средние	4
5	Отщепы мелкие/чешуйки	34
6	Пластины средние	11
7	Микропластины	18
8	Отщеп с подтеской	1
9	Пластины с ретушью использования	3
10	Скребки	1
11	Пластины с резцовым сколом	1
Всего		79

В шурфе 2 обнаружено 79 экз. кремневых изделия и 21 фрагмент фауны (рис. 4, 13-15).

Шурф № 3 был прокопан до глубины 35-40 см, где были встречены, где также были встречены плитки известняка. Основная масса находок залегала на 10-15 см выше плиток на глубине 25-30 см. Плитки известняка из этого шурфа размерами меньше, чем в шурфе № 2 и залегают они менее плотно.

В шурфе 3 обнаружено 85 экз. кремневых изделия и 13 фрагментов фауны (рис. 4, 15-19).

Таблица № 4. Катаржино 1. Шурф 3.

№	Наименование изделий	Кол-во
1	Осколки	2
2	Сколы обновления	2
3	Отщепы крупные	1
4	Отщепы средние	3
5	Отщепы мелкие/чешуйки	31
6	Пластины средние	9
7	Микропластины	29
8	Трапеция	1
9	Пластины с ретушью использования	3
10	Скребки	1
11	Микроострие	1
12	Пластины с вентральной ретушью	1
Всего		85

Всего, шурфовкой и сборами подъемного материала, получено 324 изделия. Весь комплекс достаточно однороден. Нуклеусы представлены призматическими, плоскими и карандашевидными типами. Среди изделий со вторичной обработкой преобладают скребки. Представлены они подокруглыми формами, обломками лезвий и одним скребком концевое типа на первичном сколе. На пластинах и микропластинах с ретушью использования зафиксирована нерегулярная, разновеликая ретушь, которая образовалась в результате

работы данными предметами. Резцовые сколы, отмеченные на некоторых изделиях – случайны, образовались в результате фрагментации заготовок. Наличие микрорезцовой техники не зафиксировано. Найдены две трапеции. Ретушированное верхнее основание одной из них делает похожим ее на сегмент. Интерес представляют фрагменты керамики. Два небольших неорнаментированных фрагмента не позволяют пока делать далеко идущие выводы, но связь их с кремневым комплексом достаточно вероятна. Тем более, что в коллекциях подъемного материала некоторых местонахождений Одесской области наряду с кремнем встречается и керамика. Ближайший такой комплекс обнаружен В. И. Красковским в районе с. Карпово⁸. Такой же комплекс, возможно, представлен и у с Новоандреевка (Скосаревка)⁹. В целом, кремневый материал имеет выраженные гребениковские черты. Присутствие в шурфах фрагментов фауны предполагает наличие непереотложенного или частично переотложенного культурного слоя. Предварительно, данный памятник можно датировать рубежом мезолит/неолит – ранний неолит.

Катаржино 2. Пункт расположен на мысу низкой террасы (террасовидного уступа) правого берега реки М. Куяльник, примерно в 200 м от пункта Катаржино 1, выше по течению, около трансформатора. Данный мыс расположен напротив ж/д знака 7/8 22-го км (рис. 4). В срезе дороги, проходящей через мыс, обнаружены кремневые изделия (рис. 4, 20-23).

Зачисткой срезов дороги культурный слой обнаружить не удалось. Сильная засаженность мыса деревьями и кустарниками не позволила провести на данном пункте дополнительные исследования.

Катаржино 3. Пункт расположен на мысу низкой террасы (террасовидного уступа) правого берега реки М. Куяльник, между ж/д знаками 3/4 и 4/5 22 км (рис. 4). На мысу

обнаружены кремневые изделия и несколько фрагментов керамики 1-х вв. н. э. В шурфе, глубиной 1 м (чернозем – до 45 см, сероватый суглинок – до 30 см, ниже – лессовидный суглинок), заложенном в 100 м от ж/дороги на разной глубине обнаружено 5 кремневых изделия. Культурный слой не обнаружен. Всего, на памятнике найдено 9 кремневых изделий: нуклеус – 1 экз.; сколы обновления – 2; отщеп средний – 1; отщеп мелкий – 1 и по два экземпляра средних и микропластин. Кремневый инвентарь можно датировать каменным веком в пределах мезолита-неолита.

Таблица № 5. Катаржино 2. Подъемный материал.

№	Наименование изделий	Кол-во
1	Осколки	1
2	Кремневые гальки	2
3	Отщепы крупные	1
4	Отщепы средние	4
5	Нуклеусы	2
6	Пластины средние	5
7	Микропластины	2
8	Трапеция	1
9	Пластины с ретушью использования	1
10	Отщеп с ретушью	1
Всего		20

Катаржино 4. Пункт расположен на мысу низкой террасы (террасовидного уступа) правого берега реки М. Куяльник напротив ж/д знака 7/8 21 км (рис. 4). В шурфе, глубиной 90 см (чернозем – до 40 см, сероватый суглинок – до 15 см, ниже – лессовидный суглинок желтого цвета), заложенном в 80 м от ж/дороги на разной глубине обнаружено 6 кремневых изделий. Залегали они в слое чернозема до 25-30 см от дневной поверхности. Культурный слой не обнаружен. Всего, на памятнике найдено 7 кремневых изделий: скол обновления – 1; отщеп средний – 1; отщеп мелкий – 1; средняя

пластина – 1 и микропластин – 3. Кремневый инвентарь можно датировать каменным веком, в пределах мезолита-неолита.

Катаржино 5. Пункт расположен на мысу низкой террасы (террасовидного уступа) правого берега реки М. Куяльник, напротив ж/д знака 2/3 23 км, напротив дамбы. На мысу забито 3 шурфа в 20 и 40 м от ж/дороги, глубиной до 1 м, которые дали сходную стратиграфию (чернозем – до 45-50 см, сероватый суглинок – до глубины 75-80 см, ниже – лессовидный суглинок желтого цвета). Культурный слой не обнаружен. В подъемном материале присутствуют 5 кремневых изделий: нуклеус – 1; отщеп средний с вентральной ретушью – 1; скребок – 1 и микропластин – 2. Кремневый инвентарь можно датировать каменным веком, в пределах мезолита-неолита.

Кроме вышеперечисленных пунктов, отдельные кремневые изделия (отщепы) встречены: а) на мысе, образованном впадением р. С. Куяльник в р. М. Куяльник у кургана; б) на с-з окраине с. Червонознаменка, у покинутого домика ж/д смотрителя; в) на склоне левого берега р. Малый Куяльник, в 100 м от трассы Одесса – Киев напротив поворота на пгт Радостное.

В заключении необходимо отметить следующее:

– в перспективе необходимо провести дополнительные работы на стоянке Катаржино 1 для соотнесения кремневой коллекции с каменной выкладкой;

– практически все, обнаруженные в ходе разведок пункты подъемного материала из-за незначительного количества изделий невозможно датировать в достаточно узких хронологических или археологических пределах. Более-менее уверенно можно, предположительно, датировать только один пункт – Катаржино 1 – рубеж мезолит/неолит – ранний неолит (речь, в данном случае, идет не о хронологических рамках, а об археологическом критерии);

– наличие в коллекциях остальных пунктов сбора подъемного материала карандашевидного нуклеуса, микропластин (иногда шириной до, 0,5 см), подокруглых скребков

дает **возможность предположить** аналогичную датировку этих пунктов, а также однокультурность всех памятников;

– коллекции археологического материала, полученного на пункте Катаржино 1, близка коллекция стоянки Карпово.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Каталог річок України. – К., 1957.
2. *Красковский В. И.* Памятники мезолитического времени в долине реки Малый Куяльник // МАСП. – 1966. – Вып. 5. – С. 172.
3. *Борисковский П. И.* Разведки памятников каменного века между Тирасполем и Раздельной // МАСП. – 1957. – Вып. 1. – С. 4-9; *его же.* Разведки памятников каменного века в Одесской области в 1962 году // КСОГАМ. – Одесса, 1964. – С. 12-17; *Красковский В. И.* Памятники позднего палеолита и эппалеолита в Одесской области // ЗОАО. – 1960. – Т. 1. – С. 219-223.
4. *Станко В. Н.* Некоторые вопросы позднего мезолита Северо-Западного Причерноморья // ЗОАО. – 1967. – Т. 2. – С. 155-168; *его же.* Типы памятников и локальные культуры в мезолите Северного Причерноморья // МИА. – 1971. – № 185. – С. 252-261; *его же.* Некоторые итоги изучения палеолита и мезолита степей Северо-Западного Причерноморья // 150 лет Одесскому археологическому музею. Тезисы докладов юбилейной конференции – Одесса, 1975. – С. 7-10; *его же.* Периодизация памятников мезолита Северного Причерноморья // МАСП. – 1976. – Вып. 8. – С. 15-21.
5. *Красковский В. И.* Памятники мезолитического времени в долине реки Малый Куяльник // МАСП. – 1966. – Вып. 5. – С. 172-173.
6. *Красковский В. И.* Памятники мезолитического времени... – С. 173, 179.
7. *Красковский В. И.* Памятники палеолита и мезолита северо-западного Причерноморья. – К., 1978. – С. 52-53.
8. *Красковский В. И.* Карпово – новый памятник каменного века в долине р. Свиной // МАСП. – 1976. – Вып. 8. – С. 157-161.
9. *Красковский В. И.* Эппалеолитическое местонахождение Скосаревка // МАСП. – 1962. – Вып. 4. – С. 133-135.

УДК 94(477)(=512.165):655.41

Бошков В. М. (Одесса)

**ГАГАУЗСКОЕ КНИГОИЗДАНИЕ В УКРАИНЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ ГАГАУЗСКОГО НАРОДА**

Язык является одной из важнейших этнодифференцирующих черт гагаузского народа. Будучи очень близкими по культуре к другим народам Балканского полуострова, прежде всего, к болгарам и исповедуя одну с ними религию – православие, гагаузы во многом смогли сохранить свою самобытность, благодаря отличию их – тюркского – языка от языка соседей.

До недавнего времени гагаузский язык почти исключительно функционировал в качестве разговорного, «домашнего» языка, литература и сама письменность на нем отсутствовала. Пока подавляющее большинство гагаузов было сельскими жителями, и их культура почти целиком воспроизводилась в рамках семьи, семейно-родственных групп, односельчан, народ мог воспроизводить свою этничность и без элитарной культуры. Но когда патриархальная замкнутость была разрушена, судьбы большинства гагаузов стали связаны с городом, да и само село стало переживать процессы проникновения урбанизированной культуры и быта, без новых, современных средств трансляции культуры от поколения к поколению, народ неминуемо ожидает культурная и языковая ассимиляция.

Книгоиздание – составная часть книжной культуры, которая, в свою очередь, является «столпом» культуры каждого народа в целом. Культура же формирует определенный комплекс духовных ценностей, имеющих огромное значение в становлении каждого народа как самостоятельной единицы в этнокультурной карте мира. Определенные трудности в этом аспекте сопутствовали историческому развитию гагаузов.

Первое упоминание о гагаузах как самостоятельном народе датируется 1837 годом. Оно содержится в «Статистическом обзрении колоний Бессарабской области», составленном чиновником госдепартамента МВД России И. Толстым¹, хотя, по мнению большинства ученых, ядро гагаузской этнической общности сформировалось в Северо-Восточной Болгарии еще в средневековье². Безусловно, то, что впервые о гагаузах как о самостоятельном народе упомянуто в документах лишь в середине XIX века, не говорит о том, что гагаузского народа как такового до тех пор не существовало.

В своей монографии «Гагаузская художественная литература (50-х – 80-е гг. XX в.)» П. А. Чеботарь отмечает: «Самые ранние сведения о литературе на гагаузском языке относятся к началу прошлого века. В 1810 г. в Вене был издан переводной псалтырь»³. В известном библиографическом труде П. Драганова сообщается о переводах на гагаузский язык комедии Аристофана⁴. Этот же автор в другой своей работе пишет: «Братьями Николаем и Иваном Фазлы переведены следующие стихотворения Пушкина: «Зимняя дорога» («Кыш йолу»), «Беззаботная птичка» («Кахырсыз кушчааз»), «Зимний вечер» («Кыш геджеси»)»⁵. К сожалению, тексты этих переводов не сохранились, и судить об их качестве не представляется возможным...⁶

Но все эти единичные случаи носили окказиональный характер, преддверием же целенаправленного гагаузского книгоиздания стала творческая издательская деятельность протоиерея М. М. Чакира (1861–1938 гг.). С 1909 по 1912 гг. им на гагаузский язык были переведены книги: «Святое Евангелие» («Ау Evangeliya slavän bukvalarınnan»), «Божественная литургия» («Allahlı Liturgiya rus bukvalarınnan»), «История старых святых»

(«Eski Baalantının Ayozlu Istoriyası»), «История новых святых» («Eni Baalantının Ayozlu Istoriyası»), «Часослов» («Saatlar hem psaltirin psalomnarı») и др.⁷

А в 1934 г. М. Чакир издал книгу «Бессарабиялы гагаузларын исторিয়াсы» («История бессарабских гагаузов»)⁸, которой и было суждено стать первым оригинальным сочинением, написанным на гагаузском языке.

После этого яркого всплеска гагаузское книгоиздание кануло в небытие, вплоть до 1957 г., когда впервые в своей истории гагаузский народ обрел официальную письменность⁹.

А началом гагаузского книгоиздания следует считать 1959 г., когда в свет вышел первый литературный альманах на гагаузском языке «Буджактан сесләр» («Буджакские голоса»)¹⁰. С того времени в Молдове вышло в свет более ста различных изданий на гагаузском языке¹¹, что, несомненно, сыграло большую роль в национальном, духовном и политическом самоопределении гагаузского народа.

Гагаузы, проживающие в Украине, получили возможность издавать книги на родном языке только после обретения Украиной независимости. Постановлением Кабинета Министров Украины от 15. 08. 1992 г., № 472 было принято решение о создании «Головної спеціалізованої редакції літератури мовами національних меншин України» в г. Киев. А краевые издательства были перепрофилированы на издания книг на языках тех национальных меньшинств, которые проживают компактно в этих областях. На специализированное издание книг на гагаузском языке (наряду с болгарским и еврейским) было перепрофилировано издательство «Маяк» (г. Одесса).

Хотя и до этого переводчик с языков национальных меньшинств из Киева Степан Келарь в 1990 г. в издательстве «Веселка» выпустил «билингва» (на гагаузском и украинском языках) гагаузскую народную сказку «Оглан хем Мари-кыз»¹², а в 1992 г. – сборник «Балакир Шакалары» («Жарти Балакіра»)¹³, но все же первая оригинальная книга на гагаузском языке «Буджактан люзгәр» («Вітер з Буджаку») была издана в издательстве «Маяк» уже в 1993 году¹⁴. Именно этот год, по мнению гагаузского писателя Мирона Дерменжи, и следует считать началом гагаузского книгоиздания в Украине¹⁵.

Остановлюсь на некоторых проблемах и перспективах гагаузского книгоиздания. На данный момент в Украине выпущено в свет двадцать два издания (в том числе – шестнадцать в издательстве «Маяк», два – в «Головній спеціалізованій редакції літератури мовами національних меншин України» и два издания С. Ф. Келаря в издательстве «Веселка» (подробнее см. в «Списке литературы на гагаузском языке, изданной в Украине» в конце статьи).

В основном, это стихи гагаузских поэтов Одесщины, сборники фольклора, а также переводы официальных законодательных документов Украины. Первым официальным документом, переведенным на гагаузский язык, стал Закон України «Про національні меншини в Україні»¹⁶. После принятия Конституции независимой Украины, Основной Закон нашего государства был издан в издательстве «Маяк» на гагаузском языке¹⁷. Необходимость перевода Конституции на родной язык народов, населяющих Украины, очевидна. Но в этом случае возникает также необходимость составления и издания различных словарей специальной лексики.

Безусловно, этого недостаточно для полного и всестороннего формирования духовной культуры гагаузов Украины. Особенно актуально издание словарей и учебных пособий гагаузского языка, дефицит которых остро ощутим. Решение данной проблемы видится в более тесном сотрудничестве гагаузских писателей Украины и Молдовы. Но более важно сотрудничество двух стран на самом высоком, правительственном, уровне. Только в этом случае возможно духовное возрождение гагаузов Украины.

В связи с утверждением Народным Собранием Гагаузии окончательного варианта нового гагаузского алфавита, основанного на латинской графике (Постановление № 22-

VIII/I «О переводе гагаузской письменности на латинскую графику»¹⁸⁾ перед гагаузскими книгоиздателями встала еще одна дилемма, требующая оптимального разрешения. Суть проблемы в том, что все книги на гагаузском языке, изданные в Украине, вышли на основе старой кириллической графики. А гагаузы Молдовы перешли на латинскую графику 26 января 1996 года.

Таким образом, из-за отсутствия общности в вопросе графики гагаузского языка, гагаузская общественность как бы разделилась на две группы: «кириллографов» (приверженцев графики на основе кириллицы) и «латинографов» (приверженцев графики на латинской основе).

Нельзя не признать, что начало выпуска книг на гагаузском языке в Украине значительно усилило процесс не только самосознания гагаузского народа, но и процесс признания гагаузской культуры как равноправного субъекта в многонациональном украинском государстве¹⁹⁾.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии 1812-1861 гг. История Молдавии. Документы и материалы. – Т. 3. – Ч. 2. – Кишинев, 1969. – С. 179.

2. *Шабашов А. В.* Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. – Одесса, 2002.

3. *Чеботарь П. А.* Гагаузская художественная литература (50-80-е гг. XX в.). Очерки. – Кишинев: «Штиинца», 1993. – С. 6-7, где он ссылается на: Матфейя гөрә Евангелия. – Б. м., 1989. – С. 3.

4. *Драганов П.* Bessarabiana. – Кишинев, 1911. – С. 80.

5. *Драганов П.* Кто впервые принялся переводить А. С. Пушкина и прототипы его переводов на 50 языков и наречий мира // Исторический вестник. – СПб., 1899. – С. 688.

6. *Чеботарь П. А.* Указ. соч. – С. 7.

7. *Çakir Mihail.* Besarabiyalı gagauzların istoriyası // *Ay boba Mihail Çakir.* Gagauzlar: istoriya, adetlär, dil hem din. – S. 93.

8. *Ciachir M.* Basarabialâ Gagauzlarân istoriyasâ. – Chişinău, 1934. Современное переиздание: *Çakir Mihail.* Указ. соч.

9. *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка. – Кишинев: Лумина, 1990. – С. 4-5; Правила орфографии и пунктуации гагаузского языка (проект). – Комрат, 1994. – С. 12-13.

10. Буджактан сесләр (Буджакские голоса). Стихи, очерки, фольклор. / Сост. Д. Танасоглу. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1959.

11. *Чеботарь П. А.* Гагаузская художественная литература // История и культура гагаузов. Очерки. – Комрат-Кишинэу, 2006. – С. 540-543.

12. Оглан хем Мари-кыз (Оглан і Мари-кыз). Гагаузька народна казка. – К.: «Веселка», 1990.

13. Балакир шакалары (Жарти Балакіра). Казки (на укр. и гаг. яз.). Пер. С. Ф. Келарь. – К.: «Веселка», 1992.

14. *Бошков В. М.* Буджактан лүзгәр (Вітер з Буджаку). Вірші. – Одеса: «Маяк», 1993.

15. *Дерменжі М.* 40-ліття гагаузької літератури (загальний огляд) // Відродження. – Київ, 1999. – С. 39.

16. Закон України «Про національні меншини в Україні» (укр. і гаг. мовами). – К.: Голов. спеціаліз. ред. літ. мовами нац. меншин України, 1994.

17. Конституція України. Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року. (гаг. мовою). – Одеса: «Маяк», РІНО, 1997.

18. См.: «Комратские вести» от 05. 02. 1996 г.

19. Ярким примером этому служит включение гагаузских авторов в различные всеукраинские поэтические антологии: На нашій, на своїй землі: Антологія різномов. поезії

України (Упоряд. А. К. Мойсієнко). – Кн. I. – К., Голов. спеціаліз. ред. літ. мовами нацменшин України, 1995. – (Гагаузька поезія. – С. 63-87); *Сосюра В. Любіть Україну*. – К., 1998.

Список литературы на гагаузском языке, изданной в Украине:

1. Оглан хем Мари-кыз (Оглан і Марі-киз). Гагаузька народна казка (на укр. и гаг. яз.). Пер. С. Ф. Келарь. – К.: «Веселка», 1990. – 24 с.
2. Балакир шакалары (Жарти Балакіра). Казки (на укр. и гаг. яз.). Пер. С. Ф. Келарь. – К.: «Веселка», 1992.
3. *Бошков В. М.* Буджактан лүзгәр (Вітер з Буджаку). Вірші. – Одеса: «Маяк», 1993. – 64 с.
4. *Бошков В. М.* Айазма (Освячена вода): Вірші. – Одеса: «Маяк», 1995. – 48 с.
5. *Дерменжі М. М.* Итраф (Сповідь): Ессе. – Одеса: «Маяк», 1995. – 64 с.
6. *Сюрма Є. П.* Кыр чичӓӓ (Польова квітка): Вірші, пісні. – Одеса: «Маяк», 1996. – 40 с.
7. Мыр-мыр котобан (Кіт Мур-мур): Гагаузькі народні казки. Уклад. В. М. Бошков. – Одеса: «Маяк», 1996. – 56 с.
8. *Бошков В. М.* Бийаз дут (Біла шовковиця): Вірші. – Одеса: «Маяк», 1997. – 56 с.
9. *Сюрма Є. П.* Франческа булӓ (Пані Франческа): П'єси. – Одеса: «Маяк», 1997. – 28 с.
10. *Бошков В. М.* Букваларын хорусу. Айлерин айлеси (Таночок букв. Сім'я місяців). Книжка для розфарбовування. – К.: Голов. спеціаліз. ред. літ. мовами нацменшин України, 1997. – 24 с.
11. Маані. Уклад. С. С. Курогло. – Одеса: «Маяк», 1998. – 56 с. – Сер. «Гагаузька народна творчість».
12. Лаалелӓр (Гюльпани): Вірші, пісні. Уклад. Бошков В. М., Курогло С. С. – Одеса: «Маяк», 2001. – 96 с.
13. Гагауз халк масаллары (Гагаузькі народні казки). Уклад. В. М. Бошков. – Одеса: «Маяк», 2002. – 52 с.
14. *Дерменжі М. М.* Каршылышмаклар (Зустрічі). Повість. – Одеса: «Маяк», 2002. – 56 с.
15. Гӓӓл севгим – ана тарафым... (Мій край – моя любов). – Одеса: «Маяк», 2003. – 48 с.
16. Гӓн-кыз хем ӓч ок (Дочка Сонця та її невмируще кохання). Гагаузькі народні казки. – К., 2003.
17. Гагауз халк сӓлейишлери (Гагаузькі народні прислів'я). – Одеса: «Маяк», 2004. – 96 с.
18. Гагауз халк тӓркӓлери хем балладалары (Гагаузькі народні пісні та балади). /Уклад. В. М. Бошков. – Одеса: «Маяк», 2004. – 52 с.
19. *Бошков В. М.* Верилмиш атеш (Небом подарований вогонь). – Одеса: «Маяк», 2004. – 80 с.

Официальные издания:

20. Закон України «Про національні меншини в Україні» (укр. і гаг. мовами). – К.: Голов. спеціаліз. ред. літ. мовами нац. меншин України, 1994. – 15 с.
21. Конституція України. Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року. (гаг. мовою). – Одеса: «Маяк», РІНО, 1997. – 64 с.
22. Миллетлӓр аазлыкларыны корумак ичин Рамалы конвенциясы. Украина: герчеклештирмӓк (йапмак) халы (дуруму) (Рамкова конвенція про захист національних меншин. Україна: стан виконання). – К., 2004. – 72 с.

**ЕТНОЛОГІЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ ОДЕСЬКОГО ПЕРІОДУ НАУКОВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ
К. О. КОПЕРЖИНСЬКОГО**

Знаний український літературознавець Костянтин Олександрович Копержинський відомий, як науковець з широкими та різносторонніми інтересами. У 1920-1930-х роках Кость Копержинський (а саме так він підписував свої наукові праці під час роботи в Україні) був визнаним спеціалістом з історії та теорії літератури, шанованим літературним критиком, співробітником багатьох наукових установ. Однак, поряд з головною справою всього життя – літературою – його цікавили й інші галузі гуманітарних знань, зокрема, історія та етнологія. Хоча народознавчих праць К. Копержинського відомо значно менше, ніж робіт з літературознавства, вони залишили помітний слід в українській науці, а на думку деяких дослідників (наприклад, Н. Юсової), навіть вплинули певним чином на шляхи розвитку етногенетики та етнології¹.

Наукова спадщина Костя Копержинського ще чекає на своїх дослідників, як літературознавців, так й істориків та біографів. Не можна сказати також, що біографія вченого достатньо вивчена. К. Копержинський не входив до числа радянської наукової еліти. Відповідно й інформація про нього потрапляла до різних офіційних видань лише по мінімуму, не такими порціями, як про «заслужених діячів науки». Тому, дослідник біографії Костя Копержинського для розшуку потрібних фактів має добряче попрацювати.

На даний час нам не вдалося знайти вичерпної біографії вченого, лише біографічні довідки про основні віхи життя та діяльності. Певні відомості можна отримати зі статті П. Березовського в «Українській літературній енциклопедії», присвяченої К. О. Копержинському². Зокрема, автор вказує, що архів К. Копержинського зберігається у Публічній бібліотеці ім. Салтикова-Щедріна (м. Санкт-Петербург). На даний час ми намагаємось встановити листування з цією установою з метою отримання копій хоча б деяких документів вченого для залучення їх до наукового обігу. Зі статті П. Березовського дізнаємось і про те, що можна прочитати про Костя Копержинського – присутня 1 (одна!) назва: стаття М. Гуменюка «К. Копержинський – бібліограф і книгознавець»³. Особисто автора цієї статті така ситуація вразила. Професор декількох вищих навчальних закладів (у тому числі одеських) – і така мізерна література про нього.

Певна інформація про наукову діяльність Костя Копержинського вміщена у вже згаданій статті Н. Юсової «Становлення радянської етногенетики (в світлі глотогонічної теорії М. Марра)». На жаль, стаття не дає ясної картини внеску науковця у розвиток тієї ж таки етногенетики, оскільки присвячена вона загалом більш широкому колу проблем, ніж роль окремої особи (чи осіб) у цьому процесі.

Конкретно дослідженню спадщини К. Копержинського присвятив декілька публікацій Є. Назаренко, одна з яких торкається найбільш об'ємної роботи (до того ж, виданої в Одесі) – «Обжинків»⁴. Автор статті намагається співставити оцінки К. Копержинського з позиціями інших дослідників, показати, на що звернув науковець найпильнішу увагу. Є. Назаренко приходить до висновку, що інші дослідники свята Церери (римської богині врожаю) здебільшого бачили у ньому дивацтво місцевого землевласника Мархоцького, тоді як Копержинський намагався виявити його витоки, пов'язати зі слов'янськими обрядами, знайти сенс цього святкування. На жаль, у статті не розглядаються інші аспекти наукової діяльності Костя Копержинського.

Про причини репресій, застосованих до Копержинського дізнаємось з матеріалів, опублікованих на Інтернет-сторінці Міжнародного історичного товариства⁵. У довідковому матеріалі про т. зв. «Справу славистів» вказано, що К. Копержинський був одним з

фігурантів даної справи, заведеної на «ленінградську філію» Російської національної партії (саме так начебто називалась контрреволюційна організація, що готувала змову проти Радянської влади). До списків репресованих потрапили багато наукових та освітніх працівників, переважно гуманітаріїв (було заарештовано 37 чоловік)⁶.

Слабка обізнаність широкої аудиторії з біографією науковця та наближення роковин його смерті спонукали автора даного матеріалу написати біографічну статтю, що була опублікована у місцевій пресі⁷.

Обмеженою залишається наразі джерельна база вивчення біографії та наукової спадщини К. О. Копержинського. Крім згаданого вище архіву Копержинського (Публічна бібліотека ім. Салтикова-Щедріна, м. Санкт-Петербург), відомо про наявність деяких документів у Відділі рукописних фондів і текстології Інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України, Інституті рукопису НБ України ім. В. І. Вернадського, Центральному державному архіві вищих органів влади України, Центральному державному архіві громадських об'єднань, Державному архіві Одеської області. Часопис «Архіви України» опублікував декілька листів К. Копержинського та до нього у видавничих та інших наукових справах. Переважна більшість документів залишається недослідженою та неопублікованою.

Костянтин Олександрович Копержинський народився 23 жовтня (4 листопада) 1894 року в с. Глібів Новоушицького району Хмельницької області. Навчався у сільській школі, опісля – Кам'янець-Подільській гімназії, яку закінчив 1913 року. Вступив до Петроградського університету, історично-філологічний факультет якого закінчив у 1918 році, був одним з учнів видатного філолога, академіка В. М. Перетца. Після університету протягом 1918-1922 років викладав літературу в середніх навчальних закладах та історію літератури на педагогічних курсах у Петрограді. З 1922 року К. Копержинський, повернувшись на батьківщину, став викладачем Кам'янець-Подільського ІНО, за деякими джерелами – за короткий час навіть став професором⁹. Щоправда, ця інформація викликає сумнів, адже в ІНО Кость Олександрович працював трохи більше року, тому навряд чи можливо, щоб за такий короткий час навіть дуже талановитий викладач міг стати професором.

Вже 1923 року К. Копержинський повернувся до Петрограду, де протягом майже трьох років викладав історію літератури в університеті. З 1925 по 1929 рік Кость Олександрович працює в Одесі, викладає в місцевому Інституті народної освіти історію літератури та російську літературу, керує Українським відділом наукової бібліотеки, співпрацює з Одеською комісією краєзнавства, Одеським науковим товариством, Одеським бібліографічним товариством. Професійна діяльність зумовила тісні контакти вченого з колегами по інституту – А. Музичкою⁹, Р. Волковим¹⁰, М. Слабченком¹¹, Б. Комаровим. Як можемо судити з наявних у нас джерел, досить тісні стосунки у Костя Олександровича склалися з професором Андрієм Васильовичем Музичкою, колегою по науковому амплуа. Обоє вони викладали в інституті історію літератури, працювали над літературознавчою тематикою. Саме Костеві Олександровичу, як керівникові Українського відділу бібліотеки, А. Музичка подарував свою першу монографію – «Леся Українка: її життя, громадська діяльність та поетична творчість», а 1928 року – свою нову роботу – «Марко Черемшина (Іван Семанюк)» з дарчим надписом. Ці книги наразі зберігаються у фондах Наукової бібліотеки Одеського національного університету імені І. І. Мечникова. Характеризуючи стан українського наукового літературознавства за період з 1917 до 1927 року, Кость Копержинський досить високо оцінював праці А. Музички про творчість Лесі Українки, Івана Франка, Марка Черемшини¹².

Гоніння на українську інтелігенцію, що розпочались з кінця 1920-х років, зокрема справа «Спілки визволення України», що розгромила одеський українознавчий осередок, змусила Костя Копержинського переїхати до Києва, де він працював у Комісії давнього

українського письменства (під керівництвом свого вчителя академіка В. Перетца) та Історично-філологічної секції Академії наук, брав участь у редагуванні видань Академії. Але доля багатьох українських науковців не оминула і його. У березні 1934 року, вже перебуваючи у Ленінграді, К. Копержинський був засуджений за «Справою Російської національної партії» («Справа славистів») до трьох років виправних робіт у концентраційному таборі. Відбувши термін покарання, з 1937 до 1945 року Кость Олександрович працював у педагогічному інституті в Іркутську, де став завідувачем кафедри російської мови, професором. Після Великої Вітчизняної війни з'явилась можливість знову переїхати до Ленінграду, чим він і скористався. Деякі нещодавно віднайдені документи дозволяють стверджувати, що вже 1946 року вчений перебував у Ленінграді, позаяк його стаття була вміщена до одного з наукових збірників, що готувався до виходу у світ протягом 1946-1947 рр.¹³ Збірник мав бути видрукований 1947 року, потім планувався на 1949 р., але так і не з'явився через заборону влади. Таким чином, існує лише машинописна версія цього збірника, що перебуває у А. Горяїнова, який і знайшов документ під час ліквідації основної частини архіву Інституту слов'янознавства РАН – однієї з академічних наукових установ у Росії.

До своєї смерті Кость Копержинський працював викладачем слов'янської філології Ленінградського університету, був професором відповідної кафедри¹³. Помер Костянтин Олександрович Копержинський у Ленінграді 18 березня 1953 року.

За час своєї наукової діяльності Кость Копержинський опублікував не один десяток праць з літературознавства та історії літератури, серед яких найвідомішими на даний час є вже згадані «Українське літературознавство» та «Українське наукове літературознавство за останнє десятиліття 1917-1927» (Київ, 1929), «Бібліографічні уваги до історії української книги в Одесі 80-90-х рр. XIX ст.» (Одеса, 1927), значну кількість оглядів та рецензій¹⁴. Проте істориків та етнологів більше цікавлять праці народознавчої тематики, особливо з огляду на те, що в Одесі над такими проблемами К. Копержинський працював дуже швидко.

Наразі нам відомі наступні народознавчі дослідження Костя Копержинського: «Питання про наукову постановку справи вивчення побуту»¹⁵, «Особливості клубної роботи влітку»¹⁶, «Обжинки: обряди збору врожаю у слов'янських народів нової доби розвитку»¹⁷, «Господарчі сезони у слов'ян»¹⁸, «Яфетична теорія та її значення для етнології»¹⁹. Ймовірно, що стаття, згадана вище, теж була присвячена народознавчій тематиці, оскільки збірник мав на меті відзначити 70-річний ювілей академіка М. С. Державіна, який працював над проблемами слов'янознавства, що цікавило й К. Копержинського.

Стаття «Питання про наукову постановку справи вивчення побуту» дуже цікава з огляду на ті методологічні зауваги, які Кость Олександрович висуває до дослідників у галузі етнографії, передусім української. Автор критикує тих «спостерігачів», що етнографічний матеріал подають без його пояснення, вказівок – за яких умов і як саме відбувалась подія, де, в який час, у якому одязі й т. д. Висловлюючи своє бачення наукової методики етнографічних досліджень, К. Копержинський наголошує, що дослідник повинен за допомогою ряду порівняльно-історичних дослідів, співставлення матеріалу різних народів отримати підстави для обґрунтування соціологічних висновків²⁰. Відповідно до поглядів автора, треба «...сягнути глибини психології народної свідомості», аби зробити правильні висновки з даних етнографії. Прикметне, що автор високо цінував праці М. Грушевського, зокрема, «Історію української літератури», про що згадано і в аналізованій статті²¹. Загалом, публікація «Питання про наукову постановку справи вивчення побуту» виконала своє завдання, підвівши під етнографічні дослідження методичну базу. Щоправда, не всі дослідники дотримувались корисних рекомендацій, як видно з наступних публікацій з вказаної проблематики.

Одним з важливих завдань вивчення побуту К. Копержинський вважав опрацювання наукових вказівок для перебудови народного побуту на новій, соціалістичній основі. Тому деякі з робіт були присвячені дослідженням сучасного побуту, нових форм обрядовості. Так, стаття «Особливості клубної роботи влітку» саме й дає рекомендації щодо утвердження обрядів, відповідних новій ідеології та сучасним господарським завданням. Оскільки має стаття невеликий обсяг, особливо цікавого дослідницького матеріалу не містила (на той час), але вже зараз може послугувати джерелом вивчення методів та засобів впровадження соціалістичної побутової культури 1920-х років, що на сучасному етапі може стати самостійною темою вивчення. Як ми вважаємо, ця стаття була опрацьована уже під час одеського періоду роботи вченого.

1925 року Кость Олександрович, вже перебуваючи у складі Одеського наукового товариства, написав роботу, яка вийшла друком у наступному, 1926-му році, як окремих том «Записок...» Товариства. Досить об'ємна (на 60 сторінок), праця «Обжинки: обряди збору врожаю у слов'янських народів нової доби розвитку» стала, як на нашу думку, найзначнішою в народознавчій роботі К. Копержинського. У постановці завдань до своєї роботи автор вказує, що «...новіша доба розвитку обряду збору врожаю позначається тим, що в зв'язку з впливом культурного розвою слов'янства видозмінюється, набирає нового або поновленого змісту магічна основа, яку ми викрили в жнивній обрядовості. Простежити за цими видозмінами в зв'язку з загальним впливом еволюції соціального життя розселеного на великому просторі слов'янського племені – цікаве питання, що складає для дослідника окреме завдання для вивчення»²². Автор досліджує зв'язок обряду збору врожаю та весільних обрядів, порівнює цей зв'язок в українців, росіян, південних та західних слов'ян²³. Вивчаючи це питання, Кость Копержинський порівнює витоки весільних процесій у різних народів, знаходячи військові (князівсько-дружинні) та магічні корені весільних обрядів, залишки ритуалів викрадення нареченої та викупу. На прикладах багатьох регіонів проживання слов'ян зроблено порівняльний аналіз весільних обрядів. Автор на підставі різних джерел дослідив весільні процесії в Україні, Білорусі (Мінська губернія), Росії (Рязанська губернія), Сербії (Срез Болевачки), Славонії, Болгарії (Охрид, Кукуш), Польщі (Познань), Чехії (Храсті), Чорногорії, Моравії, серед сербів Лужице²⁴. Як бачимо, географія порівняльного аналізу дуже широка. Крім того, глибоко дослідив автор зразки типових процесій збору врожаю в Чехії²⁵. Застосування історично-порівняльного методу дало можливість Костю Копержинському виявити цілі пласти спільних для всіх слов'ян звичаїв та обрядів.

Значну увагу дослідник приділив аналізу святкування збору врожаю у Миньківцях у володіннях поміщика Мархоцького. Цей землевласник уславився, як досить екстравагантний господар, і крім новітніх методів обробки землі він запровадив у своєму господарстві давньоримське свято богині Церери, прагнучи відродити деякі пов'язані з ним обряди. Кость Копержинський мав за мету не лише простежити, як заходи Мархоцького вплинули на традиційну слов'янську обрядовість даної місцевості, але й дослідити, наскільки селянство сприймало ці зміни. Сприйнятливості до змін обрядовості цікавила дослідника з погляду запровадження нових форм обрядовості, пов'язаних з соціально-економічними змінами у житті селянства. У підсумку автор ставив (насамперед самому собі, як вченому) нове завдання – на основі традицій та новітніх суспільних та ідеологічних вимог розробити ці нові обряди («...за приписами з Москви чи Харкова, з трактором замість коня і т. д.»²⁶) та дати рекомендації для їх уведення до повсякденного побуту.

Подібний характер мала і стаття «Господарчі сезони у слов'ян». Певні аналогії використання історичних джерел та етнографічного матеріалу дають можливість припустити, що створювалась ця робота на матеріалі попередньої, лише були переставлені дослідницькі акценти. Стаття має менше задекларованого стремління до нової обрядовості, а більше наукової методології, що перекликається з «Питаннями про наукову по-

становку справи вивчення побуту», де головна увага звернена на теоретичні проблеми народознавства, методика проведення етнографічних досліджень.

Остання з відомих нам на даний час робіт народознавчого плану – «Яфетична теорія та її значення для етнології» – цілком присвячена теоретичним проблемам етнологічної науки та розкриває ставлення автора до поглядів одного з провідних радянських етнологів – М. Марра²⁷. Кость Копержинський поставив під сумнів цінність глотогонічної теорії для етнології. Як вказує один з дослідників даного питання, Н. Юсова, Кость Олександрович різко розкритикував «яфетичну теорію» М. Марра на засіданні Відділу примітивної культури і народної творчості Науково-дослідної кафедри історії України ВУАН 15 травня 1929 року²⁸. Як наслідок згаданої дискусії з'явилась стаття в офіційному виданні Відділу примітивної культури, одним зі співробітників якого був на той час К. Копержинський. Він не був самотнім у своїх негативних оцінках, а критика наукових поглядів автора теорії збіглася у часі з репресіями проти нього. Проте така ж доля спіткала й критиків, значна частина з яких були репресовані.

Як бачимо, народознавча тематика займає досить велику частку творчої спадщини Костянтина Олександровича Копержинського. Відзначимо, що зацікавлення етнографією значною мірою пов'язані з роботою в Одесі, де етнографічні осередки були досить сильними (зокрема, Етнографічно-діалектологічна секція Одеської комісії краєзнавства та Історично-філологічна секція Одеського наукового товариства). Ми поки що не аналізуємо більш пізніх робіт К. Копержинського (з періоду після 1934 року), тому не можемо судити, наскільки сталими були народознавчі зацікавлення вченого, як і не складаємо повної картини про частку етнографічних праць порівняно до загальної бібліографії творів професора. Подальші кроки у напрямку вивчення творчої спадщини Костя Копержинського вимагають студій як літературознавчих, так і етнографічних та історичних його робіт, що дасть нам змогу виділити народознавчі елементи у працях з історії літератури, простежити зразки застосування автором різних методик наукового дослідження у творах як однієї, так й іншої галузі знання. У 1920-х роках К. Копержинський відстоював методику роботи, що широко застосовується й сучасними дослідниками, тому не можна казати, що вітчизняна наука є якоюсь меншвартісною порівняно із закордонною. Інша справа, що певний час вона не могла повноцінно та вільно розвиватись через значні ідеологічні перепони. Проте, нам здається, що ідеї Костя Копержинського та його колег і однодумців наразі не є застарілими, а сучасні провідні західні етнологи та історики не відкидають досвіду своїх попередників, творчо застосовуючи його у своїй роботі. Дослідження одеських народознавців 1920-х років, включаючи до їх переліку й Костя Копержинського, не втратили своєї наукової вартості й на сьогоднішній день, а зважаючи на їх тривале забуття, потребують нового прочитання та сучасної оцінки. Сподіваємось на розширення історіографічної бази дослідження наукової діяльності Костя Копержинського, зокрема й за рахунок місцевих архівних фондів, і матеріалів особистого архіву вченого з Публічної бібліотеки ім. Салтикова-Щедріна у Санкт-Петербурзі, Відділу рукописних фондів Інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України (з яким вже зав'язано листування) та інших наукових установ. Без сумніву, поява нових документальних та історіографічних джерел зможе суттєво збагатити як біографію вченого, так й історію одеської науки загалом.

ПРИМІТКИ:

1. Юсова Н. Становлення радянської етногенетики (в світлі глотогонічної теорії М. Марра) // www.history.org.ua/zbirnyk/1519.pdf

2. Березовський П. І. К. О. Копержинський // Українська літературна енциклопедія. – Т. 2. – К., 1990. – С. 560.

3. Гуменюк М. П. К. Копержинський – бібліограф і книгознавець //Формування і використання бібліотечних фондів. – К., 1984. – С. 114-121.
4. Назаренко Є. Свято Церери в Миньківцях в оцінці Костя Копержинського //Моя газета +. – 2003. – 16 жовтня. – С. 4.
5. Дело «Российской национальной партии» («Дело славистов») //www.ihst.ru/projekts/sohist/material/dela/ slavist.htm.
6. Там само.
7. Бузейчук В. Одеський слід Костя Копержинського //Чорноморські новини. – 2008. – 20 березня.
8. Березовський П. І. Вказ. праця. – С. 560.
9. Про А. Музичку див.: Бузейчук В. М. Маловідомі сторінки життя професора А. В. Музички //Лукомор'я: Археологія, етнологія, історія Північно-Західного Причорномор'я. – Вип. 1. – Одеса, 2007. – С. 291-293.
10. Про Р. Волкова див.: Бугреєва А. Одеський етнографічний музей «Степова Україна»: коротке і яскраве минуле. Чи буде майбутнє? //Українська національна ідея: минуле, сучасне, майбутнє: Мат-ли міжнар. наук. конф. 21-25 листопада 1995 р. – Одеса, 1995. – С. 192-193.
11. Про М. Слабченка див.: Водотика С. Одеський академік – українознавець Михайло Слабченко в оцінці сучасної історіографії //Українська національна ідея: минуле, сучасне, майбутнє: Мат-ли міжнар. наук. конф. 21-25 листопада 1995 р. – Одеса, 1995. – С. 135-137; Курас І. Ф., Водотика С. Г. Академік М. Є. Слабченко //УІЖ. – 1993. – № 11-12. – С. 92-108; Музичко О. Листи Михайла Слабченка до Івана Линниченка //Київська старовина. – 2007. – № 2. – С. 130-145.
12. Копержинський К. Українське літературознавство //Україна. – 1927. – Кн. 3. – С. 154; його ж. Українське наукове літературознавство за останнє десятиліття 1917-1927. – К., 1929. – С. 20-25.
13. Березовський П. І. Вказ. праця. – С. 560.
14. Копержинський К. Ю. А. Яворський. Матеріали до галицько-руської бібліографії //Червоний шлях. – 1925. – № 5. – С. 200-202.
15. Копержинський К. Питання про наукову постановку справи вивчення побуту //Червоний шлях. – 1925. – № 5. – С. 103-111.
16. Копержинський К. Особливості клубної роботи влітку //Червоний шлях. – 1925. – № 6-7. – С. 50.
17. Копержинський К. Обжинки: обряди збору врожаю у слов'янських народів нової доби розвитку //Записки Одеського наукового при УАН товариства. Секція історично-філологічна. – 1926. – № 1. – 60 с.
18. Копержинський К. Господарчі сезони у слов'ян //Первісне громадянство та його пережитки на Україні. – Вип. 1. – К., 1928. – С. 12-26.
19. Копержинський К. Яфетична теорія та її значення для етнології //Первісне громадянство та його пережитки на Україні. – Вип. 3. – К., 1929. – С. 3-23.
20. Копержинський К. Питання про наукову постановку... – С. 105.
21. Там само. – С. 109.
22. Копержинський К. Обжинки... – С. 3.
23. Там само. – С. 5.
24. Там само. – С. 7-13.
25. Там само. – С. 21-29.
26. Там само. – С. 59.
27. Копержинський К. Яфетична теорія та її значення... – С. 3-23.
28. Юсова Н. Вказ. праця.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЗНАНИЯ ГАГАУЗОВ О ЦЕЛЕБНЫХ РАСТЕНИЯХ И НАРОДНЫЕ СПОСОБЫ ЛЕЧЕНИЯ БОЛЕЗНЕЙ**1. О понятии «народная медицина»**

В последнее время в силу различных причин социально-экономического, медицинского, этического планов резко повысился интерес к традиционным способам лечения со стороны жителей городов, рассматривающих народную медицину как альтернативу медицине научной, а также со стороны профессиональных медиков, пытающихся включить многовековой народный опыт в свою практику.

Народная медицина – это методы оздоровления, профилактики, диагностики и лечения, основанные на опыте многих поколений людей. С древних времен при лечении человека, наряду с магическими обрядами, использовались различные растения и минералы. Путем наблюдения за природой, животными и за человеческим телом были определены природные средства, которые вызывали изменения в организме. Те из них, которые способствовали оздоровлению организма, были включены в список народных средств лечения и применялись в народной медицине. Использование пламени костра, водяного пара, разогретых камней дали начало ряду традиционных лечебных приемов, таких как прогревание, прижигание, целебные ванны, бани. В зависимости от характера болезни использовали различные сочетания средств и приемов лечения; применяли различные наборы трав и снадобий.

В последнее время некоторыми учеными предпринимаются попытки провести грань между народной медициной и целительством¹. Под последним понимается экстра-сенсорика, биоэнергетика, колдовство, магия и прочие оккультные методы воздействия, в то время как народная медицина, по их мнению, занимается лечением телесного состава человека, не вторгаясь в духовный мир человека. Исходя из этого, делается вывод, что отождествление народной медицины и целительства неправомерно. Однако вряд ли возможно четкое разделение народной медицины и целительства, так как традиционно при приготовлении отвара из трав, а также при лечении человека травами совершали ряд магических действий и произносили молитву-заговор или заклинание.

Народная медицина существует как область традиционных знаний в неразрывной взаимосвязи с национальной культурой. У каждого этноса сложился свой арсенал народных способов лечения, который связан с их традициями и религиозной принадлежностью. В течение последних 15 лет народная медицина как живая часть человеческой культуры изучается в рамках соответствующих программ Всемирной организации интеллектуальной собственности.

2. Цель исследования и степень изученности вопроса

Целью данной статьи является изучение народной медицины гагаузов как части традиционных знаний, являющихся составной частью их народной культуры и сохраняющихся в форме устной и религиозной традиции. Исследование вопросов, относящихся к области культуры, позволяет глубже изучить воззрения народа на природу, его мифологию. В работе исследуются народные названия лечебных растений и область их применения, способы лечения болезней при помощи магических действий, заговоров, заклинаний и целебных трав, а также степень сохранности этих знаний. Исследование проведено на материалах, собранных автором в 2007-2008 гг. гагаузских селах юга Молдовы².

Для области народных знаний, основанной на лечении травами (*фитотерапия*), у гагаузов использовался термин – *evelli insanın ilaçları* (букв. «древние народные способы лечения»). Лечение же при помощи обрядовых действий и заговоров называется *okutaa*

(букв. «заговаривать»). Разновидностям гагаузских заговоров мы посвятили отдельную статью.

В настоящий момент нет публикаций, освещающих народную медицину гагаузов. В работе В. А. Мошкова имеются краткие сведения относительно некоторых способов народного лечения, использовавшихся гагаузами в конце XIX – начале XX вв.³ Отдельные названия растений и болезней взяты нами из гагаузских словарей (ГРМС, ГРРС)⁴.

3. Приуроченность сбора трав к календарным праздникам

В народе травы считались лечебными не только в силу своих природных свойств, но и в зависимости от того, когда были собраны. Основной сбор лечебных трав осуществлялся накануне праздника Хедерлез /День Св. Георгия (*Hederlezä karşı*). Согласно народным воззрениям, любое растение, собранное в этот день, обладает сверхъестественной силой и потому способно излечивать людей от различных болезней: «*Hederlez otu – pek büiük dualı iş*» /«Трава, собранная на Хедерлез, обладает огромной освященной (заговоренной) силой».

Ввиду того, что в данной местности народ продолжал жить, сохраняя во многом традиционные воззрения и ценности, медицинский персонал местной больницы также не пренебрегал знаниями народной медицины. Для пополнения лекарственными травами прикрепленных к больницам аптек они организовывали групповые походы женщин за сбором трав в указанный по народному календарю день и на те источники, которые почитались в народе как целительные. Так, медработники аптеки при Чадыр-Лунгской больнице ежегодно собирали группу местных женщин, которые на праздник Хедерлез ехали в специально установленные места для сбора лечебных трав. Предварительно женщины просили у местного священника благословения⁵.

В каждом селе существовало определенное место, которое наделялось особыми магическими свойствами. Так, женщины из Чадыр-Лунги и близлежащих сел на нескольких подводах ехали за травами к источнику, находившемуся вблизи села Тараклия, который, по-видимому, почитался в народе как целебный (*Taraklı çöşmesindä – sızıntı*). У этого источника был установлен специальный крест и икона⁶. В с. Бешгёз, накануне праздника Хедерлез, травы собирали на лугу, известном под названием *Stratan çayırı*⁷.

В селах сбор трав осуществляли не коллективно, а индивидуально бабками-лекарками, которых в каждом селе было 2-3. Они брали с собой на помощь двух ребят. Травы начинали собирать рано утром до восхода солнца, так как считалось, что до тех пор, пока день нарастает (*gün ileri gidärkänä*), растительность «наполняется» этой силой. После полудня нельзя было собирать растения, так как они могли принести вред здоровью человека.

Сохранение данной народной традиции происходило благодаря тому, что праздник Хедерлез в народном календаре наделялся особым значением и воспринимался как начало нового хозяйственного (скотоводческого) года и возрождения природы. В традиционном воззрении время перехода от одного календарного цикла к другому наделялось магическим значением и связывалось с действием потусторонних сил. Сверхъестественной целебной силой накануне этого дня наделялись не только растения, но и вся природа: «*Erdän imdat varmış insana*» /«В праздник Хедерлез избавление (лечение) людям идет от самой земли» (с. Джолгай). Росой мыли глаза и руки, чтобы не болели; по росе ходили босиком. Вода, принесенная рано утром из колодца, также обладала магической силой. Ее использовали в женских гаданиях. Обычай сбора трав в день св. Георгия широко распространен у многих европейских народов.

Травы собирали и в другие религиозные праздники, а также осенью во время уборки винограда и др. На Рождество Иоанна Крестителя (24 июня /7 июля) собирали чертополох (*genger*).

4. Использование в народной медицине трав, освященных в церкви

Целебными считались растения, освященные в церкви в специальные праздники: в Вербное воскресенье, в праздник Воздвижения Креста Господня, в Маккавеев день и др.

В обычае освящения трав в церкви проявляются элементы культа растений⁸. Освященные травы сплетали в веночек (*vençik*) и хранили под иконой. При недомогании, от головной боли, от разных болезней из венка брали пучки растений, делали отвар, который использовали при купании. Некоторые знахарки при «лечении» заговором использовали освященный веночек из лечебных трав (*fençä*).

Согласно гагаузским поверьям, после Троицы, разрешалось косить траву. Однако прежде чем начать заготовку сена на зиму ее освящали в церкви. На Троицу пол церкви покрывали травой, которая там лежала целую неделю. Впоследствии ее раздавали прихожанам, которые использовали эти растения при купании.

В с. Чок-Майдан на праздник Крестов день в церкви из цветов сплетали крест, который украшали базиликом (*donadardılar feslennän kruçayı*). Через неделю его расплетали, а базилик раздавали прихожанам. В день св. Маккавеев в церкви освящали мак и различные цветы.

В Вербное воскресенье, согласно христианской обрядности, освящали веточки вербы, которые также наделялись целительной силой. Ими выгоняли скот на пастбище⁹. Они, также как и травы, освященные в Маккавеев день, использовались в лечебной магии.

5. Ритуалы, совершавшиеся при сборе лечебных трав и приготовлении отваров

В магическом ритуале сбора трав тесно переплелись языческие представления с религиозной обрядностью. Перед тем как срезать растение, бабка-лекарка крестилась, произносила молитву («Отче наш»), поливала корень растения освященной в церкви водой (*ayazma*) и клала туда кусочек хлеба с солью¹⁰. Последнее, по-видимому, играло роль жертвоприношения духам местности или растения. Лишь после выполнения данного ритуала растение выкапывали лопатой. Как сообщила нам информатор, обычно в праздник Хедерлез она собирала целебных трав по 2 мешка.

Связь народной традиции с религиозностью и ее сохранность в немалой степени объясняется тем, что обычай сбора трав на праздник Хедерлез благословлялся местным духовенством, что в глазах народа освящало его. Ритуал приготовления лекарственных отваров также включал в себя элементы христианской обрядности. Так, в аптеках перед изготовлением настоек растения сбрызгивали освященной водой (*ayazma*). При приготовлении отвара знахарка «читала» 3 молитвы: *Otçe naş; Tatêl Nostru; Impêrat çerezit*¹¹. Они выполняли своего рода охранительную функцию – молитва-оберег. Таким способом пытались усилить их лечебное и оберегающее воздействие на человека («*duşmana deni bu otlar*»).

6. Названия и характеристики растений, использовавшихся гагаузами в народной медицине

Значительная часть из приведенных ниже названий растений использовалась при изготовлении лечебных отваров или для растираний. Некоторые из них применяли в лечебной магии как предохранительное средство – оберег от нечистой силы (№№ 7, 18-20). К сожалению, не всегда представлялось возможным дать сколько-нибудь подходящий перевод растений на русский язык.

Некоторые народные названия целебных трав (*ilaç otu*) и их характеристики были записаны нами у одного из информаторов с. Джолтай (Стамова Е. К.), которая в недавнем прошлом сама была лекаркой. Знания о целебных травах и народных способах лечения были переданы ей ее бабушкой (молдаванкой по национальности). Данное уточнение мы посчитали необходимым внести, так как в сообщенных указанным информатором сведениях проявляется большее молдавское влияние, что вполне объяснимо.

1. «*Lüzgär otu*» (букв. «ветряная трава»). Название растения связано с особенностями отыскания его при сборе трав. Его можно было обнаружить только при появлении ветра, от которого листья этого растения издавали особый звук (как бы скрипели). Им лечили тех больных, которых «ударял душман» (то есть нечистая сила), приходивший с ветром. Больного необходимо было купать в отваре из этой травы (с. Джолтай).

2. «*5 parmak otu*» («трава 5 пальцев»). Листья этого растения стелятся по земле. Его использовали при приготовлении отвара от порчи (*uramaâ* – букв. «набрести»), испуга, сглаза (с. Джолтай).

3. «*12 kardaş*» («12 братьев»). О данном растении рассказывают следующую легенду: 12 братьев поссорились и никак не могли найти общий язык. Иисус Христос помирил их («*baaraştırmış*»). С тех пор 12 братьев стали как один, то есть вместе (с. Джолтай).

4. «*Tadınsala*». По сведениям информатора, данное растение с белыми маленькими цветочками, стелется по земле и имеет неразветвленный корень. Им лечили от болезни ног (когда ноги опухали) (с. Джолтай).

5. «*Köpek otu*» («собачья трава»), использовалась при лечении от «собачьей болезни»¹². (Подробнее см. ниже.)

6. «*Genger*» / «*dragayka çiçää*» (чертополох); согласно сведениям, приведенным в ГРПС, для обозначения данного растения употреблялись и иные названия – *çökelek*, *şeytan yıldızı* (букв. чертова звезда)¹³. Употребленное информатором слово «*bembecik*» при описании данного растения, вероятно, следует рассматривать как указание на цветовую характеристику его цветков – «*rembecik*», то есть светло-вишневые. 9 цветков этого растения, срезанные накануне праздника Драгайка с произнесением молитвы (*okumaklan*), клали в мешок с другими травами, после того как они высохали (с. Джолтай).

7. «*Sarı salkım*» («желтая акация»). Данный вид акации, по сведениям информатора, встречается редко (распространенной является белая акация). При приготовлении отвара из трав необходимо было положить по 2 сережки (*küpâcik*) желтой акации, произнося при этом заклинание: «*Sân da ol koorucu onnara!*» /Ты же будь для них защитником! (с. Джолтай).

8. «*Salkım çiçää*» – букв. «цветок, имеющий форму кисти». При уточнении данного растения информатор употребил название «*ruja*» (календула). Из него делали отвар, который пили от воспаления и от цирроза печени¹⁴.

9. «*Papuşoy püskülü*» – кукурузные рыльца. Из него делали отвар, который пили вместо воды как мочегонное и желчегонное средство.

10. «*Lüläka*» / «*leläka*» (сирень). Использовали для приготовления спиртовой настойки при болезни ног (от ревматизма), при радикулите¹⁵. Средство настаивали в течение 10 дней. По сведениям В. А. Мошкова, отваром из сиреневой коры лечили зубную боль¹⁶.

11. «*Yası naani*» – сорт мяты, который использовался при лечении от насморка. У этого растения листья шире, чем у обычной мяты (*kara naani* – «дикая мята»), и оно без горечи.

12. «*Ren kökü*» (корень хрена). Использовали при изготовлении средства от боли в пояснице. Из листьев хрена «*hren yapraa*» делали настойку при болях в суставах ног.

13. «*Talah otu*» – из корня данного растения приготавливали настойку, используемую при болях в желудке. Его натирали на терке и настаивали на спирту две недели. Имелся и другой интересный способ приготовления настойки, который позволял сократить время, необходимое для выдержки настойки. Бутылочку с указанным содержимым клали в тесто и запекали в печи до тех пор, пока угли в печи не остывали. Затем процеживали и пили¹⁷.

14. «*Deli otu*» – белена. При зубной боли в кипящую воду бросали растение и дышали над паром. Считалось, что это способствует тому, чтобы из зуба вылез зубной червь (*kurt*). С такой же целью использовали семена белены (*deli otun tohumu*), которые клали на горячие угли и дышали идущим от них запахом (с. Бешгёз). В ГРМС приведено иное название данного растения – «*tâtula otu*».

15. «*Kır güli*» / «*yaban güli*» – шиповник (букв. степная роза / дикая роза).

16. «*Kaz otu*» – пустырник (букв. «гусиные лапки»). Считалось, что данное растение помогает больным, у которых увеличена печень. Отвар приготавливали следующим образом: пучок такого растения клали на литр воды и доводили до кипения (с. Бешгёз).

17. Названий некоторых растений, использовавшихся при приготовлении отваров, информаторы не помнили, но описывали их следующим образом: росло на полях и имело красные стебли (*kırmızı sapları*). Наряду с приведенными выше растениями, для лечения использовали также подорожник (*brıçka otu*), ромашку (*romaşka / laylaykúçka*)¹⁸, «*seviz yapraa*» – листья ореха, «*sarı çiçek*» (букв. желтый цветок – не помнит точного названия растения) – для обтирания ног, когда они болели; «*lekä otu*» – при приготовлении отваров от кожной сыпи¹⁹ и др.

18. «*Kenevir otu*» (конопля). Применяли при приготовлении отвара от поноса.

19. «*Çor otu*» (тмин). В народе считалось, что данное растение обладает сильнодействующим охранительным и оберегающим свойством. Его использовали при изготовлении талисманов-оберегов (*miskâ*). По сведениям одного из информаторов, в миску клали и бессмертник (*kılıç otu*)²⁰.

20. «*Makavey fesleni*» – базилик, освященный в Маккавеев день (1/14 августа);

7. О принципе классификации зафиксированных у гагаузов болезней

При перечислении известных им болезней информаторы описывали способы их лечения главным образом у детей. Сохранение довольно значительно числа народных способов лечения болезней именно у детей связано с тем, что они чаще болели и были подвержены заболеваниям как в силу еще неокрепшего организма, так и ввиду несоблюдения норм гигиены. Отсутствие же своевременной профессиональной медицинской помощи в селе, в свою очередь, приводило к большой детской смертности. В народе болезни делились на заразные «*ulaşıklı hastalık*» и незаразные «*hastalık*».

Под термином *aar (h)astalık* понимались разновидности тяжелых форм различных заболеваний, таких как тиф и др. По сообщениям информаторов, в 1946-1947 гг. во время голода и после него много односельчан умерло от чумы, тифа, холеры, лихорадки. Но в народе чума и тиф не разделялись. От некоторых болезней – чахотка, туберкулез (*óftiga*), камни в почках (*böbrek taşları*) и др., не удалось зафиксировать народных способов лечения. Ряд заболеваний лечили при помощи магии и заговоров (*kızılörük, yakma* (характер этих заболеваний не установлен), *korku için, nazar için* и др.), а другие – отварами и заговорами.

При описании способов лечения болезней мы сгруппировали их следующим образом: 1) болезни, вызванные нервными расстройствами; 2) кожные заболевания; 3) болезни внутренних и других органов тела; 4) простудные заболевания. Данная классификация является условной, так как многие болезни в равной степени можно отнести одновременно к двум или даже трем группам.

8. Названия и способы лечения болезней, вызванных нервными расстройствами

1. *Urama* – букв. «встретиться на пути», «набрести». Согласно народным воззрениям, человек, идя по улице, мог наступить на что-то (заговоренную вещь или воду), и вмиг заболеть: у него резко расслаблялись мышцы тела и он падал без сил (не мог идти); перекашивалось лицо; парализовало; терял рассудок. В таких случаях говорили *uradı* («набрел»). Болезнь, приобретенную таким таинственным образом, рассматривали как результат черной магии – порчи (*büü*), совершенной при помощи выброшенного на улицу предмета или вылитой воды. Считалось, что этой болезнью мог заболеть человек, который шел посреди улицы.

Согласно поверью, именно там обычно устраивает застолье нечистая сила. Наступивший на их трапезу человек заболел или даже мог умереть²¹. Однако считалось, что сильно заболеть можно и в том случае, если наступить на место, где была вы-

лита вода от постиранного белья (*giisi suyu*). Поэтому, согласно традиционным нормам, запрещалось выливать бельевую воду туда, где ходят люди.

Многие информаторы отмечали, что при наведении порчи чаще всего использовали яйцо, «мертвую воду» (*ölu suyu*), в которой купали умершего, или какой-то предмет (цветок и т. п.), взятый из гроба умершего. Воду заговаривали на определенного человека и выливали у порога дома. Считалось, что такую порчу сложно нейтрализовать, так как вылитую воду ничем не собрать.

Для снятия порчи необходимо было обладать специальными знаниями. Знахарки, умеющие снимать порчу (*çözmä* – букв. «развязать»), есть в каждом селе, но некоторые из них являются наиболее известными: в с. Баурчи, с. Копчак и в других селах. В с. Казаклия потомки фамилии Чакыр – два брата и сестра (Панти, Кости, Тудорка) являются потомственными знахарями. Они излечивают от тяжелой формы порчи («урама» – «бюю»). В народе хорошо помнят, что знахарством занимались их предки (*bobaların bobaları*), от которых им и достались эти знания²².

С целью исцеления от порчи прибегают к помощи особо известных знахарок, владеющих особыми приемами лечебной магии и заговорами. Она готовится отвар из трав (*su ottan*) и «купают» (*yıkêr*) больного в заговоренной воде. Для этого используется «молчаливая вода», которую берут из трех колодцев. Больной приносит с собой стакан меда, бутылку водки и нателное белье. Знахарь «читает» их и затем возвращает больному, который после купания в заговоренной воде надевает это белье. (Заговора от «урама» нам зафиксировать не удалось). Такую процедуру необходимо было совершить трижды и каждый раз после «купания» больной должен был переодеться в чистую одежду. То есть с целью выздоровления необходимо было устранить воздействие отрицательной энергии на организм, сохраняющейся в прежней одежде больного. Другим способом лечения от «урама» было чтение специальных молитв-заговоров, например: «*Kem saat*» (букв. «несчастливый, трудный, тяжелый час») и др. (с. Джолтай, г. Чадыр-Лунга).

2. *Nazar* – сглаз «лечили» в основном при помощи заговора. (Заговор от сглаза знала практически каждая гагаузка, имевшая детей). Приведенный В. А. Мошковым заговор и магические действия, сопровождавшие его, имеют древнее происхождение. При «лечении» зажигали ветки терна, а потом ножницами снимали угольки и бросали в воду с наговором. Эту воду давали отпить больному с четырех сторон сосуда, после чего он мыл ею руки и голову. Остатки воды выливали на собаку и смотрели: если она встряхнется – то больной выздоровеет, если нет – то умрет²³.

3. От испуга (*korkudan*) и связанного с ним заикания (*kekelemää*) использовали различные способы «лечения». Некоторые знахарки «заговаривали» в печной трубе кукурузную муку (*okardı bacalıkta papuşoy uununnan*), которую затем отдавали больному. Придя домой, мать больного клала кукурузную муку в железную посуду и нагревала ее на плите до тех пор, пока от нее не начинал идти запах (*papuşoy uunnu tütedärdi*). Ребенок должен был дышать этим запахом, накрывшись одеялом²⁴.

Согласно данным информатора из с. Гайдар, при «лечении» от испуга используют пшеничную муку (*pak un*) или отруби (*kepek*). При этом она уточнила, что в настоящее время применяют и другие способы заговаривания (*şindi başka türlü okunêr*). Сама она «читает» заговор в печной трубе: *Daya-taşa gitsin. Bendän yok olsun. Bana yaklaşmasın. Sendän yok olsun. Sendän yıraklaşsın. Sana yaklaşmasın!* / «Пусть уйдет в пустырь (возможно, скалу). Чтобы у меня исчезла. Чтобы ко мне не приближалась. Чтобы у тебя исчезла. Чтобы от тебя отдалилась. Чтобы к тебе не приближалась!». Во время чтения заговора знахарка бросает отруби в печную трубу и смотрит на вырисовавшееся там изображение, тем самым определяя, от чего испугался ребенок (собаки, лошади, человека и т. д.). Потом соскребают вместе с золой это изображение из печной трубы и размешивают в воде, которую дают выпить ребенку. Символическое значение данного магического действия заключа-

лось в уничтожении болезни при помощи ее «выпивания». Остатки воды уносят домой и в течение трех дней обмывают ему лицо, руки и ноги²⁵. Информатор с. Баурчи уточнила, что таких кучек с мукой должно быть 9. После того как знахарка соскребала след из последней брошенной в дымоход кучки отрубей, она бросала за спину ложку и трижды произносила: *Korkusu kalsın bacalıkta!* /Чтобы страх (испуг) остался в печной трубе!²⁶

Существовали и другие более несложные способы лечения этой болезни, которые были доступны и использовались матерью ребенка самостоятельно до визита к знахарке. Нательную одежду больного надевали на веник и оставляли на ночь в печной трубе или у печи (*ateş başında*). При этом никакого заговора не произносили. Утром одежду надевали на ребенка. Данную процедуру повторяли три раза (с. Баурчи).

По словам информатора, простым, но действенным является следующий способ. В кастрюлю наливали 9 стаканов воды (по 200 граммов) и кипятили до тех пор, пока не оставался всего один стакан жидкости. Затем воду процеживали и клали в нее немного сахара, так как на вкус вода становилась не очень приятной. Воду необходимо было пить каждое утро в течение 3 дней. Перед тем как ее выпить, нужно перекреститься и произнести заклинание: *Ey, Allahım, korkumu içerim. Pakla benim canımı!* /«Эй, Боже, выпиваю свой страх (испуг). Очисти мою душу!» (с. Баурчи).

Другой способ связан с религиозной обрядностью. В настоящее время многие прихожане приносят в церковь воду в банках, на которых написано имя больного ребенка. Ее оставляют возле алтаря. В течение недели священник «читает» над ними молитвы (*Allahın sıraları*). Затем ее дают пить ребенку и купают его в этой воде (с. Баурчи). Нередко данный способ лечения сочетается с приведенными выше народными методами.

4. *Klinu* – детская болезнь, называемая «клину», при которой новорожденный постоянно трет ножками. Способ избавления от этой болезни был несложным. Он включал в себя магические действия, совершавшиеся непосредственно матерью ребенка при его купании. Необходимо было «разрезать» невидимые пути, «связывающие» ноги ребенка. Для этого мать имитировала разрезание ножницами (нитей) между ног ребенка и у каждого сустава. Составной частью описанного магического действия был диалог. Один из присутствующих спрашивал: *«Naş kesersin ...?»* /Что ты режешь у (имя ребенка)? Мать отвечала: *«Klinusunu keserim ...!»* /Клину разрезаю у (имя ребенка)! Подобное купание, сопровождавшееся магическими действиями, совершали каждое утро в течение трёх дней²⁷.

5. **От постоянного плача ребенка** троекратно в течение 3 дней проносили на утренней заре под мостом (*köprü altından – alçacık*) (с. Гайдар). По сведениям информаторов, раньше ребенка проносили (*gecerârdilâr*) через так называемую водяную дыру (*su delii*). Целью совершения данного магического действия было «очищение» ребенка от негативного воздействия, оказанного на него потусторонней силой. Из приводимых В. А. Мошковым данных видно, что аналогичный обряд существовал у гагаузов 100 лет назад, что свидетельствует о его древнем происхождении²⁸.

6. Нередко определить болезнь ребенка было нелегко. Если при довольно хорошем аппетите ребенок не прибавлял в весе и выглядел худым и вялым, в таких случаях лечение было следующим. Необходимо было до восхода солнца – «пока солнце идет вперед» (*gün ileri gidârkânâ*) собрать в огороде 9 черенков (*çibik*). При этом собирающий должен был доставать их пальцами ног, а затем, отводя руку назад и не поворачиваясь, забирать их за спиной. После этого из земли вынимали деревянный кол (*kazık aaçtan*), который обмывали в тазу с водой; туда же клали собранные черенки. Затем воду подогревали и в ней купали ребенка. По окончании купания воду выливали в ямку, из которой был выкопан кол, и вставляли его на прежнее место. Туда же клали все использованные черенки. Такое ритуальное купание необходимо было совершать каждое утро в течение трёх дней²⁹.

Существовал и более простой «способ лечения» младенца при общем недомогании. При его купании мать должна была зажечь четыре спички с четырех сторон корыта и

бросить их в воду, произнося заклинание: «Бросаю в огонь» (*Ateş içinä sibiđerim*) (с. Баурчи).

9. Названия и способы лечения кожных заболеваний

7. *Köpek hastalı* – букв. «собачья болезнь». У детей, заболевших этой болезнью, «спина становится волосатой как у собаки» (*arkası tülü nicä köpektä*). По сведениям информаторов, ею заболевают те дети, у которых мать, будучи беременной (*aar güüdiynän*), пнула собаку ногой³⁰, или если ребенок долгое время находился возле собаки³¹.

Для лечения указанной болезни женщина-лекарка приносила с вечера из трёх колодцев так называемую «молчаливую воду». При этом строго соблюдали правило – нельзя было ни с кем разговаривать, даже если с тобой заговорят. На детскую пеленку она просеивала золу через сито, которое затем переворачивала вверх дном. Потом мать опускала ребенка ногой на пеленку с золой. Вокруг оставшегося следа лекарка проводила ножом. Эти действия повторяли трижды. Затем лекарка брала немного золы из оставшихся на пеленке следов и высыпала ее в кастрюлю с «молчаливой водой». Туда же клала половинку красного яблока, кусок сала, коноплю, «собачью траву» (*köpek otu*), яйцо и оставляла кастрюлю во дворе на ночь. До восхода солнца эту воду, с брошенными туда предметами, подогревала и в ней купала ребенка. Над головой ребенка разбивала яйцо, салом обводила вокруг туловища, произнося заклинание: *Yumurta gibi paklansın, kenevir gibi paklansın, alma gibi kızarsın, domuz gibi düzüksün!* / «Чтобы очистился как яйцо, чтобы очистился как конопля, чтобы зарумянился как яблоко, чтобы поправился как свинья!».

Описанную процедуру лечения необходимо было совершить 3 раза. При этом начинать нужно было в среду и обязательно тогда, когда месяц шел на убыль (*açan ay gider geeri*). Считалось, что это будет способствовать «убыванию» болезни (*uşaan deerdi geerlesin*). Затем необходимо было два раза искупать ребенка в период, когда месяц нарастал (*açan ay gider ileri – ay ileriykänä*) – чтобы ребенок набирался сил и креп – «*uşak ilerlesin*» (букв. «шёл вперед»). До восхода солнца воду следовало вылить на корень кого-то дерева, «чтобы ребенок рос и крепчал как дерево» (*uşak ilerlesin nicä fidan ileree*). Второй раз купание совершали в субботу (*cumeertesi*). К среде «лечение» необходимо было завершить³².

Один из информаторов упомянул о том, что с целью очищения от этой болезни читали заговор и проносили ребенка через так называемую «водяную дыру» (промоины, сделанные в земле вешними водами) (с. Баурчи). Другим способом было купание ребенка в воде, в которой прежде искупали щенка³³.

8. *Kancık memesi /köpek memesi* – медицинский термин «сучье вымя». Данное заболевание характеризуется фурункулезными нарывами обычно под мышкой. Они появляются в виде трех расположенных рядом опухолей, которые имеют неприятный запах. При этом заболевании обращались к врачу.

9. *Udma* – опухоль в виде шишки («своего рода раковая опухоль»), которая могла появиться на любой части тела (под мышкой, в паху и др.). Болезнь «лечили» при помощи заговора и некоторых народных средств. Знахарка разбивала яйцо и отделяла желток от белка. Затем брала кусок канатной веревки, трепала ее (*çati parçası – didärdi onu*), сверху поливала яичным желтком и произносила заговор («читала»). Средство выкладывали на повязку, прикладывали к больному месту и плотно повязывали. Через некоторое время опухоль рассасывалась (*urardı geeri*) (с. Бешгёз). По сообщению другого информатора из с. Баурчи, эту болезнь она лечила при помощи молитвы-заговора и прикладывания к больному месту черного камня, привезенного из мест паломничества. Нами зафиксировано употребление названия «удма» и при опухоли горла – свинке³⁴.

10. *Püsür yakmaa* – букв. «безобразное жжение». Название болезни происходит от действия, вызванного появлением на теле крупного прыща (*porka*), вокруг которого все становилось красным. В прежние времена болезнь лечили при помощи чтения заговора и яйца (*okardılar yumurtıylan*). Во время произнесения заговора яйцо разбивали и обводили им

9 раз вокруг пораженного места. Позднее, по сведениям информатора, такую болезнь лечили в Комратской больнице путем прижигания (*yakardılar*) (с. Джолтай).

11. *Kara yamk* – букв. «черное сторевшее». По замечанию информатора, «ужаснее этой болезни не было» («*bundan büyük yoktu*»). При данном кожном заболевании на теле появлялось что-то наподобие бородавки черного цвета, которая нестерпимо жгла (как уголек – *koor gibi*). В середине этот прыщ был коричневого цвета, а по краям – красного. Информатор упомянула лишь об одном способе «лечения» указанной болезни, применявшемся еще ее бабушкой, – чтение молитвы «Отче наш» (с. Джолтай). Обычные бородавки (*bradavita*) прижигали эссенцией.

12. *Kızamak/kızımak* – **корь, краснуха**. Считалось, что 3 дня она высыпает (*kızârêê*), 3 дня «стоит» (*durêr*) и 3 дня «убывает» (*geeri urêr/geçerer*). В течение этих дней соблюдали запрет на купание. Каких-либо способов лечения болезни не зафиксировано.

13. *Su çiçää* (*çiçek bozumu* – Ч. Л.) – **ветряная оспа, ветрянка**. Народное название этой болезни связано с ее основным признаком. Прыщики, наполненные жидкостью, называли «водяной цветок» (*su çiçää*), иногда *süt çiçää* «молочный цветок» (с. Баурчи). Процесс протекания этой болезни аналогичен кори и краснухе (9 дней карантина – изоляции от других детей).

Во время болезни ребенка соблюдали ритуальный запрет на использование острых предметов. Запрещалось шить и стирать, чтобы у ребенка не остались после болезни шрамы³⁵. Известна и другая форма кожного заболевания со схожим названием – *çiçek /halis çiçek* (букв. «цветок» / «настоящий цветок»), но для нее не характерны так называемые «водянистые цветки». Судя по названию, данным термином обозначали непосредственно оспу.

14. *Tatlı yara* – букв. «сладкая рана». По-видимому, данное заболевание представляет собой одну из форм дерматита. Для обозначения общего понятия «рана» / «язва» использовали слово *yara*.

15. *Giciik* – **чесотка**. При появлении на коже сыпи говорили, что ребенок «*dolmuş kurdeşinnän*». При заболевании чесоткой необходимо было обмазываться специально приготовленным составом, состоящим из серы (*kükürt*), перемешанным с каким-то средством для опрыскивания виноградников (*göktaşı*)³⁶. Одним из способов лечения кожных болезней было купание больного в отваре из целебных трав, взятого у лекаря.

16. *Lişa* – **лишай, парша**. Нами зафиксирована разновидность лишая, известная в народе как *kara taun götü* (букв. «зад черной курицы»). В основе лечения лежит симпатическая магия. Для этого брали черную курицу и ее задней частью обводили вокруг пораженного участка кожи.

17. *Harpacık* – **ячмень на глазу**. Считалось, что он мог появиться в результате сглаза (*üstünä sölemlär fäna laf nicä ani nazarlanêê*). От «ячменя» читали специальный заговор, который завершался заклинанием, произносимым трижды: *Tfu, büün gördüm – yarın görmeyim! Hav, hav, hav!* / «Тьфу, сегодня вижу, а завтра, чтобы не видела! Гав, гав, гав!» После этого на больной глаз брызгали «заговоренной водой»³⁷. Вероятно, звукоподражание лаю собаки, используемое при лечении данной болезни, было направлено на то, чтобы испугать болезнь, что подтверждается сведениями, приведенными В. А. Мошковым: «чтобы вылечить ячмень на глазу, нужно больного чем-нибудь напугать»³⁸.

Ряд способов избавления от ячменя, широко распространенный в народе, связан с цифровой символикой. Необходимо было сжечь или положить в цветочный горшок 3, 6 или 9 зерен ячменя. Считалось, что таким образом «ячмень» сгорит или сгниет. С числом 9 связан и другой способ избавления от данного заболевания. Брели черную нитку и делали на ней 9 узелков. Затем ее завязывали на средний палец, который в народе называли «цыганский» (*çingenä parmaa*), и носили до полного выздоровления (с. Бешгёз).

10. Заболевания внутренних и других органов тела и способы их лечения

18. *Babița* – детская диарея (несварение желудка, тяжелая форма поноса). Понос называли также терминами *sürgü*, *pîrpirița* [ГРМС], *ürek /ürek tutêr*, но за лечением к знахаркам обращались в основном при заболевании «бабица». По мнению информаторов, причиной данного заболевания, распространенного главным образом у детей, являлась жирная пища, сглаз, простуда и т. п. В прежние времена некоторые знахарки заговаривали болезнь в печной трубе (*okardılar bacalıkta*). В кружку с водой высыпали немного золы (*kül*), клали железную ложку (*demir kaşık*) и «читали» в дымоходе. Затем эту воду давали выпить больному (*içerderlär o suyu*). Золой делали крест на суставах и ступнях (*uşaan ekleni yalêrlar, kruşa yapêrlar hep o sudan*); ею же натирали ладони и пупок ребенка, трижды произнося заклинание. Считалось, что путем чтения заговора в печной трубе болезнь «изгоняется из тела» (с. Бешгёз).

В с. Гайдар нами было зафиксировано следующее средство, которое применяется и в настоящее время при тяжелой форме поноса у ребенка, сопровождающейся рвотой. Лекарка ставит кружку воды на огонь. В тарелку, находящуюся рядом, кладет коноплю (*kenevir otunu*), 3 нитки – пакли, нож, ножницы, 3 ложки. Затем все эти принадлежности она берет в руку и читает заговор над кипящей водой, а затем произносит его, держа кружку на уровне головы, живота и ступней ребенка. По окончании «чтения» заговора она дотрагивается до воды всеми принадлежностями поочередно. Стекающие с предметов капли собирает в одну из ложек. Затем эту жидкость дает ребенку выпить (*uşaa içerdersin*). В конце паклю и коноплю кладет на пупок ребенка, чтобы «живот собрался» (*göbâ toplansın*). Считалось, что ножом и ножницами «режут бабицу», ложкой разбрасывают, паклями сжимают и связывают болезнь (*keserim babiçasını, daadêrum, sikêrum, baalêrum*). Это процедуру «лечения» необходимо было совершать в течение трех дней до еды три раза в день. Как добавила информатор, в больнице одному больному от этой болезни даже капельницы ставили – не помогало. Тогда привели к ней; после ее «лечения», все прошло³⁹.

Другим способом лечения «бабицы» было натирание живота отваром из чеснока, сам же чеснок употребляли внутрь⁴⁰. По сведениям информатора, чесноком растирали также руки и ступни, а также так называемое «узdechko» (*damaani*), находящееся во рту под верхней губой (с. Бешгёз).

19. *Solucan* – глисты. Считалось, что употребление в пищу сырых тыквенных семечек позволяет избавиться от глистов.

20. *Dalak şiş / dalak olma* – заболевание селезенки, при котором вздувается живот и человек пьет много воды («болезнь наподобие водянки»). Нами зафиксирован архаичный способ лечения этой болезни у детей – *kesmää dalam* (букв. «резать селезенку»). Возможно, у взрослых оно осуществлялось аналогичным образом. Главными атрибутами лечения являются соль, вода и магические заклинания. На бумагу, которую клали прямо на порог дома, просеивали через сито немного соли. Затем ребенка одной ножкой опускали на просеянную соль. В то время, когда лекарка обводила ножом вокруг его ступни, мать должна была спрашивать: *Naş kesersin?* / «Что ты режешь?» Лекарка отвечала: *Uşaan dalanı keserim!* / «Режу селезенку ребенка!» Вопрос–ответ необходимо было произнести трижды. Затем знахарка брала три щепотки соли от оставшегося на бумаге следа от ступни, заворачивала ее в клочок бумаги и отдавала матери ребенка. В течение 3-х дней до восхода солнца мать ходила к колодцу с ключевой водой (*sızıntı pınar*) и высыпала немного соли в след от лошадиного копыта (*izindän*), где обычно скапливалась вода. Если время было засушливым и воды в копытце не оказывалось, то она должна была налить туда воды из колодца и насыпать немного соли, произнося при этом заклинание: *Nicä tuz er(iy)e, uşaan daala da ölä erisin!* / «Как соль тает, пусть также растает селезенка ребенка!»⁴¹

21. *Kısma* – паралич, костный туберкулез. По словам информаторов, эта болезнь встречалась довольно часто, и ужаснее ее не было (*hepsindän büüktü*). Если ее вовремя не лечить, человек становился горбатым. Основным средством лечения было чтение заговора, во время которого знахарка делала на теле больного лезвием небольшие порезы (*okêêr hem lamıylan keseer*).

22. *Sancı* – острая боль, колики, рези. При подобном заболевании обычно прибегали к помощи знахарок. Существовали различные способы ее лечения, которые основаны главным образом на заговорах и магии. Так, при болях в боку и в животе знахарка разбивала яйцо и, читая заговор, водила им (*gezdridi o yumırtıyı*) по животу (с. Джолтай). Где желток растекался (*daalêr*), там и находился больной орган. Считалось, что такая процедура способствовала исцелению. Некоторые знахарки для определения и лечения пораженного органа аналогичным образом использовали морскую раковину, привезенную из мест паломничества⁴². Из приводимых В. А. Мошковым сведений видно, что способ лечения этой болезни при помощи раковины использовался гагаузами и сто лет назад. Раковину, привозимую в Бессарабию из чужих стран, клали в чашку с водой. Через два часа, когда в воде покажутся звездочки, воду нужно было выпить⁴³.

23. *Sarılık* – желтуха. В народе известны различные ее разновидности, в частности, *kara sarılık* – букв. «черная желтуха»⁴⁴. Ее симптомами были физическая усталость, сонливость, но при этом цвет кожи больного не приобретал характерный при желтухе желтый цвет. Со слов информатора, при данном заболевании под языком и на внутренней стороне верхней губы появляется небольшой прыщик (*porkasık*). Знахарки прижигали (*yakardılar*) их кусочком стекла, нагретым на свече, или эссенцией. Другим способом было разрезание этих прыщей лезвием, в результате чего «плохая кровь» (*fäna kan*) вытекала, и больной выздоравливал.

24. *Vaş aarısı* – головная боль. В зависимости от характера головной боли использовали различные способы лечения. Холодную картошку, разрезанную дольками, накладывали на лоб и повязывали голову платком (г. Чадыр-Лунга). Один из информаторов сообщила другой интересный способ лечения головной боли. Вокруг головы плотно повязывали специальными шерстяными нитями (*kafamı sıkardı kiliplän – yapa kilin*), которые затем перекручивали (*kıvradardılar*), по-видимому, для того, чтобы сильнее их стянуть⁴⁵. Когда боль проходила их развязывали. В зависимости от времени года могли использоваться и разные способы лечения головной боли: летом на голову накладывали холодное полотенце, а зимой – холодную соленую капусту⁴⁶.

25. *Ak /ak benek* – бельмо на глазу. Согласно приведенным В. А. Мошковым сведениям, бельмо «стараются вылечить, снимая его с глаза пухом, растущим на поверхности листа подсолнечника, если дело происходит летом, если же зимой, то вылизывают друг у друга языком»⁴⁷. Способ «вылизывания» болезни является, по-видимому, древним. Данные действия сопровождались сплевыванием. Несмотря на то, что он в своей работе не упоминает о заговоре при подобном способе лечения, можно предположить, что при «сплевывании болезни» произносили какое-то заклинание.

26. *Çapak* – глазной гной излечивали при помощи сока, собранного при обрезке виноградной лозы (с. Бешгёз, с. Баурчи). С этой же целью глаза смазывали слабой заваркой чая или мочой⁴⁸.

27. *Kulak aarısı* – боль в ухе лечили при помощи соли или отрубей. Их нагревали на плите и прикладывали к больному уху. В качестве согревающего средства применяли теплое растительное масло, которое закапывали в ухо (с. Бешгёз, с. Джолтай). В случае появления в ухе опухоли прибегали к услугам знахарки. Она брала тарелку с водой и листочек свежесорванного зеленого цветка (*yaprak eşil çiçektän*) (вероятно, от какого-то лечебного комнатного растения) и обводила им вокруг больного уха, читая заговор⁴⁹.

Боль в ухе лечили также при помощи луковицы порея (*praso*). Ее клали в горшок с горячей золой и держали над ним ухо. Затем сок от этой луковицы закапывали в ухо⁵⁰.

Одно из народных названий вирусного заболевания известного как «свинка», отражает симптом болезни, затрагивающий область ушей: *kaba kulak* (букв. «мягкое ухо»)⁵¹.

28. *Ürek aarısı* – **боль в животе**. Считалось, что она вызвана физическим перенапряжением. Довольно часто у ребенка в результате чрезмерной активности (при прыганье, беге и др.) появлялись боли в животе. В таких случаях говорили, что у него «развязался пуп» (*gübä çözülmüş*). Данное недомогание излечивали довольно просто. Для того чтобы «собрать пуп» («*gübek saarma*» / «*gübeyni toplamaa*»), указательным пальцем, завернутым в носовой платок, вертели в пупке по часовой стрелке слегка надавливая (закручивали – *kıvrardılar*). Потом руку больного клали на живот, а его самого поворачивали на бок, оставляя полежать в таком положении некоторое время.

По сведениям В. А. Мошкова, пуп у человека мог «развязаться» если он надорвался на работе или сильно оступился при ходьбе. Интерес представляет описанный им способ лечения при помощи поваренной соли: «посыпают ее на пуп, на колени и на плечи, а, кроме того, три раза правят руки и ноги (? – Е. К.). Хорошо также поставить на пуп сухую банку из горшка, внутри которого зажигается пакля»⁵².

Схожий (с последним описанным указанным исследователем) способ лечения болезни был записан нами у одного из информаторов с. Бешгёз. При данном заболевании, охарактеризованном как «разваливание живота» (*açan ürek daalêêr*), женщины обращались за помощью к знахарке, которая делала специальный массаж и «собирала живот» (*ürek toplamaa*), «закручивала пуп», сверху ставила банку. Напоследок она обвязывала женщине живот большим платком, с которым та должна была проходить 2-3 дня.

29. *Yılançık* – **аппендицит**. Появившаяся в нижней части живота (*kasık*) опухоль ассоциировалась в народных представлениях с маленькой змеей (с. Бешгёз, с. Баурчи), от чего и произошло название болезни. При данном заболевании обращались к врачу.

30. **При болях в пояснице** готовили специальное согревающее средство из корня хрена, пропущенного через терку (*ren kökü*). Предварительно некоторое время его настаивали на спирту. Хрен выкладывали на платок, которым обвязывали поясницу (с. Бешгёз).

31. **От болей в ногах** делали ванны из кипяченой воды с солью и держали там ноги⁵³. При болях в суставах ног использовали листья капусты или лопуха, которые намазывали медом и прикладывали к больному месту, или делали спиртовую настойку из листьев хрена – *hren yapraa* (с. Бешгёз).

11. Способы лечения простудных заболеваний

32. *Sıtma* – **лихорадка** относится к одной из наиболее распространенных в прошлом болезней. Основным ее симптомом был озноб (*titireder, üşüder*). Поэтому больного укладывали в теплое место и делали растирание (с. Баурчи, с. Бешгёз). В ГРПС зафиксировано народное название этой болезни – *silkmäk* (букв. «трясучка»), которое отражает состояние человека, заболевшего лихорадкой. Согласно данным В. А. Мошкова, распространенным средством от лихорадки было ношение «муски» – талисмана оберега. Ребенка, заболевшего этой болезнью, три раза проносили через «водяную дыру (*su delii*)»⁵⁴. В народных воззрениях данное заболевание связывалось с воздействием на человека нечистой силы.

33. **При простуде** – *suuklamak* – и для общего оздоровления организма детей водили к бабкам-лекаркам. Они делали массаж (*uêrlar*), используя при этом свиной жир, ставили на спину банки (*banka*), а затем лезвием делали на спине небольшие порезы. Считалось, что втирание в тело свиного жира способствует прибавлению крови у ребенка (с. Джолтай). При воспалении у женщин половых органов делали согревающие процеду-

ры: нагревали казан, накрывали его мешковиной и садились на него (*kızdırdı çaun da otrardı onun üstünä*) (с. Бешгёз).

34. **От насморка** – *duma / duma olma* – дышали, накрывшись одеялом, паром от вареной картошки или картофельной кожуры. Интерес представляет схожий способ лечения при помощи «винного пара» (*buu şaraplan / şarap buusu*). Для этого в таз клали большой раскаленный камень (*kızdırdılar taşı*), который время от времени поливали вином, и дышали паром, накрывшись одеялом⁵⁵. Вместо вина использовали также воду.

Существовал и другой способ лечения насморка с применением специального сорта мяты – *yası naanı*. Высушенное растение посыпали на небольшой кусок ткани синего цвета, которую затем поджигали. Больной должен был дышать этим запахом.

35. **При сильном кашле**, известном в народе как *yorgaca* (**коклюш**), ребенку давали пить лошадиное молоко⁵⁶, которое, как известно, имеет большой процент жирности. Для обозначения данной болезни использовали также понятие «*eşek üüsü*» (букв. «ослиный кашель») [ГРРС]. Интересно отметить, что в народе сохранилось название «*yorgaca delii*» для обозначения сквозного отверстия в скале, образовавшегося в результате действия воды или ветра. Можно предположить, что такое «отверстие» использовали для «пронесения» ребенка, заболевшего указанной болезнью (как при «лечении» от упомянутой выше лихорадки).

Известен и другой способ лечения от сильного кашля (*üsürük için*) и воспаления с помощью вина и отрубей (*şaraplan kepek*). Немного вина наливали в казан и ставили на плиту. Когда вино закипало, туда постепенно подсыпали отруби, постоянно помешивая. Получалась своего рода лепешка (*pitacık*) наподобие мамалыги. Когда она немного остыла, ее клали на грудь⁵⁷. В качестве внутреннего согревающего средства употребляли подслащенное кипяченое вино с перцем (*kaunmuş şarap*).

36. **Ангину** – *buaz* – некоторые лекарки лечили путем так называемого «поднятия гланд» (*buazları kaldırma*). Знахарка делала на платке три узелка и «поднимала» гланды, после чего «они уменьшались и больше не увеличивались» (*onnar yasilêr, birtan(e) büümerlär*)⁵⁸.

12. Сохранность знаний народной медицины у гагаузов в настоящем.

Из приведенного в работе материала видно, что у гагаузов широко использовались народные способы лечения травами (*фитотерапия*), многие из которых основывались на многовековом опыте пастухов и крестьян. Широко применяли отвары из лечебных трав, которое употребляли внутрь или использовали при купании; активно применяли согревающие процедуры из соли, отрубей; лечение паром и др.; широко использовался мед и др. (*апитерапия*). В разнообразных способах лечения с использованием целебных свойств вина при простудных заболеваниях ярко проявляется хозяйственная деятельность гагаузов – занятие виноделием. Древним средством лечения кашля у детей является использование лошадиного молока. Вместе с тем отметим, что, по-видимому, под влиянием христианства в обычной жизни гагаузы не употребляют ни мяса, ни молока лошади.

Использование золы (или древесного угля) при «лечении» поноса, является одним из древнейших оздоровительных средств. Еще в Древнем Египте более трёх тысяч лет назад врачи широко применяли древесный уголь (пористый порошок черного цвета) для «очищения тела и духа от скверны» в качестве средства наружного и внутреннего применения. Целительные свойства древесных углей отмечали в своих работах врачи Древней Греции, в том числе Гиппократ. На Руси древесный уголь широко использовался при традиционных народных способах лечения. Им присыпали раны, давали внутрь взрослым и детям при поносах и отравлениях⁵⁹. В настоящее время хорошо известны различные функции древесного угля – связывание (адсорбция за счёт освобождающейся структуры микропор) и выведение из организма токсинов, образующихся при интенсивном разрушении посторонних вредных бактерий (дисбактериозы кишечника) и т. д.

Аналогичное действие по своему содержанию оказывал чеснок, который использовался как внутреннее, так и наружное средство от поноса.

В настоящее время характер медицинской культуры гагаузов претерпел значительные изменения. Развитие государственной системы здравоохранения привело к тому, что современные поколения пользуются в основном квалифицированной медицинской помощью. Однако при ряде заболеваний, а также когда лечение, предлагаемое врачами неэффективно, прибегают к средствам народной медицины.

Не утратили своей практической значимости народные способы лечения, составной частью которых является магия и заговоры. Вера в их силу и действенность не является современным модным увлечением, а основано на традиционных воззрениях, сохраняющих свою значимость и в начале XXI в. Материалы этнографических исследований показали, что во многих гагаузских населенных пунктах нередко обращаются к знахаркам. В каждом селе имеется несколько особо известных профессиональных лекарей, которых называли *ilaççı* (от глаг. *ilaçlamaa* «лечить»). Лучшая сохранность лечения при помощи магии и заговоров, по сравнению с лечением лекарственными растениями, в определенной степени объясняется и тем, что знахари применяли индивидуальный подход и лечили те болезни, которым официальная медицина не уделяла должного внимания (от заикания, от испуга и т. д.).

Немалая часть народных способов лечения тесно связана с мифологическими представлениями народа о болезнях как живых существах, в основе которых лежит страх перед природой и болезнями (особенно эпидемическими). Уникальные способы народного лечения зафиксированы нами в с. Гайдар, в которых сохраняется связь слова (заговора) с магическим действием, со временем суток и положением луны. Поскольку болезни представлялись в виде живых существ, то и способы борьбы с ними были соответствующие традиционному обществу: порезать, сжечь, проглотить (выпить свой испуг) и т. д. В качестве связующего звена между живым и потусторонним миром выступал дымовод, в котором совершали магические действия и произносили заговоры.

Многие из заговоров сопровождались совершением ритуальных действий с использованием магических предметов (нож, ножницы, сито и др.) и растений (конопля, базилик и др.), выполнявших функцию оберега. В лечебной магии часто встречаются числа 3 и 9. Нередко использовавшееся число 3 в совокупности давало число 9, например: 3 раза совершать магическое действие (ритуал) в течение 3 дней и т. д.; либо количество использовавшихся в обряде предметов в целом давало число 9 (конопля, нож, ножницы, 3 пакли, 3 ложки).

Непременным атрибутом многих магических обрядов является яйцо – символ возрождения жизни. В лечебной магии оно используется как средство, вбирающее в себя всю отрицательную энергию и очищающее организм. Вместе с тем, яйцо выполняло функцию обезболивающего средства способного одновременно снимать опухоль.

Всякие болезни, особенно нервные, приписывали порче, сглазу или действию нечистой силы. С целью предохраниться от болезней носили талисман-оберег («муска»), соблюдали ритуальные запреты в определенные праздники, а также совершали жертвоприношения как от имени семьи, так и от всего сельского общества. В первом случае они состояли из продуктов земледелия (лепешки с медом), а во втором – в жертву приносили крупный рогатый скот. Вероятно, в этом проявляется сочетание двух традиций – земледельческой и скотоводческой.

Жизнестойкость народной медицины у гагаузов заключается в том, что она сохраняет свою значимость в системе жизнедеятельности и в мировоззрении народа и является составной частью современной народной культуры. Сохранявшиеся в быту вплоть до конца XX в. патриархальные начала, а также компактное проживание в сельской местности во многом способствовали консервации народной обрядности и тради-

ционных ценностей. Немаловажным фактором сохранения народных способов лечения являлось то, что материальный уровень большинства сельских семей был невысоким, поэтому оплата услуг знахарей представляла значительную трудность. Это в свою очередь способствовало передачи народных знаний по лечению болезней, особенно детских, от матери к дочери или от бабушки к внучке. В немалой степени на сохранность народной медицины оказало влияние то, что профессиональных врачей и больниц в Бессарабии было недостаточно. Помимо этого в сознании крестьян достаточно глубоко укоренилось недоверие к лечению лекарствами.

В заключение отметим, что в народной медицине выбор средства лечения совершался с учетом традиций народной культуры и религиозных воззрений. Значительное влияние на народную медицину оказало христианство: использование числа 3, призывание на помощь Христа, Богородицы (в заговорах), чтение молитв (от головной боли, от глаза – «Отче наш», от испуга, паралича – «Кем саат» и т. д.)⁶⁰. Тот факт, что практически все элементы религиозно-магической обрядности гагаузов и связанные с ней представления находят широкие аналогии в мировоззрении и обрядовой практике народов Юго-Восточной Европы, объясняется общностью их происхождения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Соколов И. И., Степанов В. В. Народная медицина – наука и традиционное знание. – СПб., 2001. // vvs@aari.nw.ru
2. Полевые материалы автора – Е. Н. Квилинковой (далее – ПМА), собранные в 2007-2008 гг. в гагаузских селах юга Молдовы.
3. Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда // ЭО. – 1901. – № 4. – С. 18-20.
4. Гагаузско-русско-молдавский словарь (далее и в тексте – ГРМС). – М., 1973; Гагаузско-русско-румынский словарь (далее и в тексте – ГРРС). – Chişinău, 2002.
5. ПМА. с. Джолтай, Стамова Е. К.
6. ПМА. с. Джолтай, Стамова Е. К.
7. ПМА. с. Бешгёз, Караджа М. Д.
8. Квилинкова Е. Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. – Кишинев, 2007. – С. 91-95.
9. Квилинкова Е. Н. Гагаузский народный календарь. – Chişinău, 2002. – С. 83; *её же*. Гагаузы Молдовы и Болгарии (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). – Chişinău, 2005. – С. 226.
10. ПМА. с. Джолтай, Стамова Е. К.
11. ПМА. с. Джолтай, Стамова Е. К.
12. ПМА. с. Гайдар, Маноли А. И.
13. ГРРС. – С. 168, 626.
14. ПМА. г. Чадыр-Лунга, Стамова Л. Г.
15. ПМА. с. Бешгёз, Руссу В. В., Славюгло Е. С.
16. Мошков В. А. Указ. соч. – С. 18.
17. ПМА. с. Бешгёз, Славюгло Е. С.
18. ГРМС. – С. 93, 315.
19. ПМА. с. Баурчи, Кристева Е. Д.
20. ПМА. с. Баурчи, Кристева Е. Д.
21. ПМА. с. Гайдар, Кара Ф. С., Манол Е. К.
22. ПМА. с. Баурчи, Кристева Е. Д.
23. Мошков В. А. Указ. соч. – С. 17.
24. ПМА. с. Бешгёз, Руссу В. В.
25. ПМА. с. Гайдар, Кара Ф. С.
26. ПМА. с. Баурчи, Кристева Е. Д.

27. ПМА. с. Гайдар, Маноли А. И.
28. *Мошков В. А.* Указ. соч. – С. 20.
29. ПМА. с. Гайдар, Маноли А. И.
30. ПМА. с. Гайдар, Маноли А. И.; с. Бешгёз, Славиогло Е. С.; г. Чадыр-Лунга, Потоска О. Ф.
31. ПМА. с. Баурчи, Кристева Е. Д.
32. ПМА. с. Гайдар, Маноли А. И.
33. ПМА. г. Чадыр-Лунга, Потоска О. Ф.
34. ПМА. с. Баурчи, Кристева Е. Д.
35. ПМА. с. Бешгёз, Славиогло Е. С.
36. ПМА. с. Баурчи, Кристева Е. Д.
37. ПМА. с. Бешгёз, Руссу В. В.
38. *Мошков В. А.* Указ. соч. – С. 18.
39. ПМА. с. Гайдар, Маноли А. И.
40. *Мошков В. А.* Указ. соч. – С. 19.
41. ПМА. с. Гайдар, Маноли А. И.
42. ПМА. с. Гайдар, Капсамун Е. И.
43. *Мошков В. А.* Указ. соч. – С. 19.
44. ПМА. с. Бешгёз, Славиогло Е. С.
45. ПМА. с. Бешгёз, Руссу В. В.
46. *Мошков В. А.* Указ. соч. – С. 18.
47. Там же.
48. ПМА. с. Бешгёз, Славиогло Е. С.
49. ПМА. г. Чадыр-Лунга, Стамова Л. Г.
50. *Мошков В. А.* Указ. соч. – С. 18.
51. ГРМС. – С. 224.
52. *Мошков В. А.* Указ. соч. – С. 19.
53. ПМА. с. Бешгёз, Караджа М. Д.
54. *Мошков В. А.* Указ. соч. – С. 27, 20.
55. ПМА. с. Бешгёз, Руссу В.В.
56. ПМА. с. Бешгёз, Руссу В. В., Славиогло Е. С.; г. Чадыр-Лунга, Стамова Л. Г.
57. ПМА. с. Бешгёз, Руссу В. В.
58. ПМА. с. Бешгёз, Караджа М. Д.
59. <http://www.ctp-sorbent.ru/idu.htm>
60. ПМА. с. Бешгёз, Попова Е. Д., г. Чадыр-Лунга, Стамова В. С.

ПОЛЯКИ ПІВДЕННО-СХІДНОГО ПОДІЛЛЯ В УСНІЙ ІСТОРІЇ (ДО ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМИ)

Поляки в Україні – одна з найчисельніших етнічних груп. Розселені вони компактно і дисперсно переважно у західній частині країни, але і на півдні, зокрема на теренах Південно-Східного Поділля польська шляхта була однією з найбільш чисельних громад. Вказаний регіон тривалий час був порубіжжям Речі Посполитої і Османської порти. На початку XVIII ст., за активної діяльності князя Йосипа Любомирського, край активно заселявся переселенцями з різних регіонів України, Молдови та Польщі. Тоді з'явилися моноетнічні поселення польських переселенців. Проживали поляки в українських і молдавських селах. Один з найбільш населених поляками районів Південно-Східного Поділля – долина річки Кодими. Вона, як природній і державний кордон, не тільки розділяла дві держави (навіть береги мали відповідні назви – правий – «турецький», лівий – «польський»), а й виконувала роль контактного регіону, в межах якого активно розвивалась торгівля, а відтак ремесла і промисли. До того ж, широка пойма Кодими зі сприятливими для землеробства ґрунтами, гарними умовами для розвитку скотарства приваблювала сільське населення. Тому долина Кодими в кінці XVIII – на початку XIX ст. стала густонаселеною і серед інших переселенців було чимало й поляків. Немає сумніву щодо ролі і місця поляків в житті зазначеного регіону. Представники польської громади за весь час її існування брали активну участь в економічному і культурному розвитку краю, були зв'язуючою ланкою між поляками Поділля і, зокрема, поляками Одеси. Не випадково покодимську групу виокремлювали як особливу під назвою «покодимська шляхта».

Однак сільське життя і культура польської шляхти не вивчені. Брак інформації є наслідком політики XIX ст., яка не стимулювала дослідників до студіювання історії і культури польської шляхти. А якщо брати до уваги, що в цей період відбувалось становлення етнографічної науки, то відсутність належної джерельної бази є об'єктивною реальністю. Однак можливість збору етнографічної інформації ще існує. В останні роки набувають все більшої актуальності усно-історичні дослідження. Зростання інтересу до цього методу пояснюється його ефективністю особливо у вивченні проблем, які не мають належної джерельної бази. Мета даної розвідки з'ясувати наскільки реальною є можливість використання у наш час методу усної історії для поповнення джерельної бази, з'ясування найменш вивчених питань, насамперед етнографічного характеру.

Оскільки нас цікавлять питання ідентичності сільської культури поляків, необхідно визначити носіїв відповідної інформації. Це, насамперед, ті, хто усвідомлював себе поляком, і ті, хто належав до інших етносів, але безпосередньо контактував у повсякденному житті з поляками, мав можливість спостерігати за «чужими» звичаями, побутом, традиційною культурою в цілому. Це здебільшого українці, частково, станом на початок XX ст., молдовани, євреї.

Виразниками польської ідентичності були етнічні поляки. Їх можна віднести до основної, першої, групи інформаторів. Всіх інших – до другої. Інформатори першої групи могли передавати свої знання безпосередньо, бути об'єктом спостереження. Точних статистичних даних щодо їхньої чисельності ми не маємо. Опубліковані цифри не відображають реальної, на час фіксації, ситуації. У дійсності поляків було більше. Однак навіть така статистика дає можливість простежити динаміку зміни їхньої чисельності. Принаймні вона є підтвердженням існування шляхти як носія польської ідентичності.

Таку динаміку можемо простежити на основі даних, наведених Михайлом Карачківським, який 1928 року відвідав низку сіл пристепової частини Південно-Східного

Поділля у межах Балтського повіту². Вивчення етнічного складу, кількісне співвідношення представників різних етносів по кожному селу і містечку стало одним з його завдань. Важливо, що Карачківський наводить чисельність населення за двома показниками – станом на кінець XVIII ст. чи 1800 рік і 1928 рік. Щоправда, існує сумнів щодо належності до шляхти тільки поляків. Але М. Карачківський у наведеній ним статистиці чітко ідентифікує українців і поляків.

Інший дослідник, Левко Юркевич, мав можливість знаходитись в етно-соціокультурному середовищі і безпосередньо спілкуватися з людьми, які усвідомлювали себе поляками. Він вивчав покодимську шляхту у 1927 році і підтверджує польськість шляхти низкою аргументів. Зокрема прізвищами, що закінчуються на *-ський, -цький, -ович, -евич* (Габдзінські, Будзінські, Сенчковські, Літньовські, Пршездецькі, Рихліцькі, Залинські, Сербіновичі, Каплинські, Димінські, Валічковські, Гладішевські, Шиманські, Вержбінські Щипановські, Зелімбінські, Курдибановські, Сліжевські, Касевичі, Мазуркевичі інші). За парафіяльними відомостями 1915 року шляхти латинського обряду нараховувалось 3607 осіб, а села Великий і Малий Бобрік з присілками вважались столицями покодимської шляхти.

Ще один вагомий аргумент щодо польськості покодимської шляхти – це гербові папери. Один з них Юркевичу показав мешканець Великого Бобріка Степан Юліанович Лозінський. За авторським описом він мав такий вигляд (подається в авторській редакції): «чернилами вимальовано три пера, під перами сухими фарбами, жовтим кольором корона, під короною синє поле, обведене жовтою облямівкою, з трьома гвіздками на облямівці вгорі, під короною, напроти – внизу праворуч і ліворуч; поле з облямівкою таке завбільшки як яйце; в полі серед «яйця» – підкова з хрестом на взірці «георгієвського», над і під підковою, підкова і хрест білі; з-за півкруга верхньої частини яйця визирають: рукояті від шабел – дві, два списи з малиновими стягами та два бердаші; з-за півкруга нижньої частини «яйця» визирають жерла двох гармат; під «яйцем», коло кінців списів зі стягами – дві літаври. Під гербом напис: *Detineatis... „Wpolu Blenkitnym podkova wezlami Nagol, w Srodku jej jeden Kzyz Kawalierski, takiz Drugi na Barku Podkovy w... Ch... Frzy Piora... po Bitve z Prusacami ot Leszka piontego nadany Bunduz... Lubyzowi Roku 1199 Tem 2 (?) Sal 76 do wpisania pa... y... – Herbnicy. Urodzeni Lozinsky, Lusanovsky, Lu... Lozinsky...»* Ймовірно йдеться про герб.

Автор використовує ще один аргумент – антропологічний. «Покодимський шляхтич ...відзначається вище-середнім та високим зростом, довгими ногами, гнучким станом, сухорлявістю, довгими розмашними пальцями з вузькими овальними пазнігтями; обличчя продовгасте, ніс здебільшого довгий, губи тонкі, ...русяві вуса – донизу, на котрі спирається кінчик носа, ...борода бриється, хоч би у столітнього діда... Очі найбільш блакитні, або сірі, сірозелені». Відмічає дослідник й відмінний від інших жінок, вигляд шляхтянок.

Етнографічні порівняння цим не закінчуються. Цінність їх в тому, що вони супроводжуються наведенням конкретних характеризуючих ознак. «Місцеві українські та напівмолдавські села відзначаються густотою розбивки та незначною рослинністю. Городи коло українсько-молдавських хат теж невеликі, над городом домінує поле; хати звичайно скраю обійстя, над дорогою, тип хатів звичайний український на чотири фронтових вікна без ганку, з призьбою. Шляхетське село найперше дивує своєю розкиданістю. Хата від хати досить далеко. Обійстя на півдесятини, десятину, навіть дві і три. Хата в глибині подвір'я. Від воріт до хати часами йде алея з різного дерева, але найбільш акації або й верби. В подвір'ях садки або й паркові дерева: осокорі, берези, липи. Село як один сад, як гай».

Щоправда вже на той час зникає польська мова, шляхта спілкується українською, хоча українську традиційну обрядовість не запозичує. У 1920-х роках українці, молдова-

ни, євреї сприймають шляхту не тільки як соціальну групу, а й як таку, яка вирізняється своєю культурою, вірою. Разом з тим, відмічають й зближення громад, наслідки якого проявляються у повсякденному житті: «...усіх тих Баландюків, та Кравчуків, та Полуденків, то, живучи поруч з Голембійовськими та Пршездецькими, вони так само «опляхетилися», як ці «омужичилися». Усе властиве шляхті по надкодимських селах подільського берега є властивим і для руснаків: той самий побут, господарський обихід, мова, назвисько, навіть вдача, лиш зовнішній вигляд видає сухорлявого гнучкого шляхтича і округлого кремезного руснака. Решта – те саме аж до ономастики».

Наскільки ж репрезентативною була польська шляхта?

До таблиці (див. табл. 1), складеної на основі даних М. Карачківського, внесено, для розуміння, співвідношення тільки чисельність українців і шляхти.

Таблиця 1. Чисельність шляхти та українців в селах Покодим'я і Подністров'я

Назва поселень	На кінець XVIII – поч. XIX ст.				На 1 січня 1928 року	
	Чисельність шляхти службової	Чисельність шляхти чиншової	Чисельність скарбових селян мазурів	Чисельність скарбових селян українців	Чисельність польських господарств	Чисельність господарств українців
Кодима	5	11	10	555		749
Будеї	3	78	-	582	13	1146
Обжила	-	20	-	618	-	661
Євгодія	4	13	-	281	4	321
Єленівка	3	49	10 ¹	314	-	309
Мирони	-	21	-	158	Дані відсутні	Дані відсутні
Мошняги	11	-	-	213	1	288
Фернатія	-	12	-	266	-	402
Березівка	11 ²	15	-	Дані відсутні	-	512
Лабушна	16 ²	4	-	373	Дані відсутні	Дані відсутні
Плоть (Молдова)	4 ²	139	5 ³	96	Дані відсутні	Дані відсутні
Гараба (Молдова)	11 ⁴		3 ⁵	Дані відсутні	Дані відсутні	372
Єржів (Молдова)	5 ⁴	11	-	18	14	490
Рибниця (Молдова)	1 ¹	11	-	105	Дані відсутні	Дані відсутні
Гидирим (Молдова)	-	3	-	26	10	186
Вихватинці (Молдова)	-	3	-	38	-	-
Зозулянське (Молдова)	13 ⁶	1 садиба	-	11 садиб	Дані відсутні	Дані відсутні
Попенки (Молдова)	-	18	-	34	Дані відсутні	Дані відсутні
Круті	7 ⁷		14 ³	160	Дані не уточнені	Дані не уточнені

1 – Шляхта, що жила за умовою; 2 – Шляхта правна; 3 – Шляхта правна, що служить скарбу; 4 – Шляхта скарбова; 5 – Шляхта правна доживотна; 6 – Шляхта посесійна; 7 – Шляхта правна дідична.

Статистика засвідчує тенденцію зменшення чисельності шляхти, однак вона на кінець 1920-х років ще вирізнялася серед інших етно-соціальними характеристиками. Слід брати до уваги існуючу на той час певну упередженість щодо поляків, яка, як вказувалось, позначилась і на статистиці. Достатньо порівняти дані, наведені М. Карачківським. Нашадки чисельної крутянської шляхти проживають й до наших часів, однак М. Карачківський про них не згадує під час своєї подорожі.

Про поляків і їхню культуру пам'ятають й досі. Носіями історичної пам'яті є респонденти другої групи. Це насамперед нащадки польських родів, які володіють знаннями, переданими від попередніх поколінь 1920-1930-х років, необхідних для історичних, соціальних, господарсько-побутових реконструкцій.

Носіями інформації про поляків є й українці. Вони успадкували переважно оцінюючі судження про польську шляхту.

Крім історичної пам'яті, від польської шляхти залишилось чимало з матеріальної спадщини. До такої слід віднести розпланування садиби, ландшафтно-паркових комплексів, елементів польської архітектурної традиції в народній архітектурі українців. Першочерговими об'єктами досліджень мають стати села, що мають пряме відношення до поляків-першопоселенців, інші села, в яких польські громади були достатньо чисельними як, наприклад, у селі Круті. Заслужують на увагу села, в яких поляки селилися окремою частиною, що й відображено у мікротопонімах. У деяких селах регіону збереглись залишки парків, створення і існування яких пов'язані з історією і культурою польської громади.

Таким чином, на сьогодні існують реальні можливості для здійснення усно-історичних досліджень. Вони значно поповнять наші уявлення про історико-культурну спадщину польської шляхти. Знання традиційної культури, у даному контексті покодимської шляхти, важливо для розуміння наслідків українсько-польських взаємин та відображення їх у традиційній культурі українців.

ПРИМІТКИ:

1. *Нол В.* Трансформація громадянського суспільства. Усна історія української селянської культури 1920-30 років. – К., 1999; Український голокост 1932-1933. – Т. 1-3. – К., 2003-2006; *Кушнір В. Г., Петрова Н. О., Поломарьов В. М.* У скорботних 1932-1933 роках. – Одеса, 2008.

2. *Карачківський М.* Північно-Західна Балтщина (мапа) // Рукописний фонд бібліотеки Вернадського. – Ф. 10. – Од. зб. 11635; *Гавриленко Т., Карачківський М.* Північно-Західна Балтщина // Історично-географічний збірник. – Т. 3. – К., 1929; Матеріали до історії міст на Поділлі в кінці XVIII в. // Рукописний фонд бібліотеки Вернадського. – Ф. 10. – Од. зб. 11632; До історії міст Поділля поч. XIX в. // Там само. – Од. зб. 17441; *Гавриленко Т., Карачківський М.* Вказ. праця.

К ВОПРОСУ О РОЛИ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ГАГАУЗОВ

Вопрос об этногенезе гагаузов вот уже более ста лет является предметом оживленных дискуссий. Значимость таких дискуссий не вызывает сомнений, ведь именно самобытность гагаузов послужила основанием для создания Автономно-территориального образования Гагауз Ери. Более того, рост национального самосознания предполагает интерес к прошлому, к историческим корням, и острота дискуссий усиливается вместе с этим ростом. Многочисленные версии, выдвигаемые учеными, можно свести к двум основным: гагаузы это отуреченные болгары¹, и – гагаузы – это народ, в этногенезе которого в начале II тыс. н. э. сыграли роль остатки тюркоязычных кочевых племен, осевших на территории Северо-Восточной Болгарии². Но такое пристальное внимание к элементам, из которых сложился этнос, долгое время заслонял вопрос о факторах консолидации их в этнокультурную общность. А ведь эти факторы имели не меньшее значение, так как без них не могло сложиться данной общности.

Одним из важнейших из факторов консолидации является принадлежность гагаузов к христианскому миру (и, прежде всего, – к православию). Именно она предопределила культурные стереотипы гагаузов, именно она повлияла на формирование первой историософской концепции гагаузов. *Предметом изучения в данной статье является та роль, которую в этногенезе и в формировании этнического самосознания гагаузов сыграла их конфессиональная принадлежность.* Такой подход к проблеме этногенеза исключает внимание к ранним этапам этнической истории гагаузов.

Большое значение для процесса создания этнокультурной общности имел балканский период. Именно на территории Северо-Восточной Болгарии происходила консолидация элементов, составивших гагаузский этнос. И именно там состоялась христианизация гагаузов. В настоящий момент нет данных о том, как это происходило, но известно, что на IX – первую половину XI вв. приходится принятие христианства в качестве официальной государственной религии у большинства народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы³. Процесс шел и «вширь и вглубь» – уже с начала IX в. ускорилась христианизация славян Византийской империи, и если до этого времени принятие христианства не было обязательным условием, как для зачисления на византийскую службу, так и для вступления с империей в зависимо-договорные отношения, то в этот период ситуация меняется⁴. Введение христианства в этих областях в целом было завершено к началу X в., хотя крещение отдельных небольших групп, проживавших в основном в труднодоступных горных районах продолжалось и в XI в. Все это способствовало унификации культурной среды в Византии.

Важно отметить, что и для Болгарии это имело особое значение – этногенез болгар и формирование болгарской нации оказались тесно связаны с вопросом конфессиональной принадлежности членов общности. Приход тюрко-болгар на Балканы (VII в.) и соприкосновение их со славянским этническим массивом, к тому времени уже значительно ассимилировавшим фракийский этнический массив, сделали еще более пестрой этническую картину региона. В этих условиях именно введение единой религии, в данном случае христианства, стало важным средством консолидации общества, преодоления «этнического дуализма» в стране и важнейшей ступенью в формировании единой болгарской народности⁵. Элементы языческих верований, в частности фракийских⁶, были инкорпорированы христианством.

В 864 г. при хане Борисе (852-889) болгары приняли христианство по греческому обряду. В правление Симеона (893-927) совершился переход к церковнослужению на славянском языке. С 927 г., при Петре (927-970), церковь Болгарии обладала рангом патриархии.

В 1018 г. Первое Болгарское царство прекратило свое существование. До 1186 г. земли Болгарии были подчинены Византии. Первоначально представители болгарского духовенства были оставлены на местах. Ранг патриархии был ликвидирован, но болгарское архиепископство с центром в Охриде получило статус автокефального. С конца 30-х гг. XI в. церковь была передана в руки византийских церковнослужителей. *Несмотря на все коллизии, постепенно население Болгарии стало осознавать свою общую принадлежность вместе с жителями прочих провинций к единому в церковно-вероисповедальном отношении восточно-христианскому ареалу.* Этому содействовало не столько верховенство византийских иерархов над местной церковью, сколько схизма между западной и восточными церквями в 1054 г., и в особенности действия прошедших (в 1096, 1147 и 1189 /90 гг.) через Балканы крестоносцев⁷.

В период существования Второго Болгарского царства Охридская архиепископия временно (до 1246 г.) вернулась под власть государей Болгарии, затем западные и юго-западные земли были отторгнуты Византией и центр церкви переместился в Тырново. В 1204 г. в результате унии Калояна с папством архиепископ Тырново получил сан примаса⁸, а в связи с разрывом унии, обрел сан патриарха⁹.

В период, когда на земли Северо-Восточной Болгарии активно стали проникать тюркские племена, они принадлежали Византии (1018-1186).

Так как регион был пограничным, беспокойным, византийцы опасались основывать здесь свои вотчины. Земли в основном вошли в домен императора, в нем основывались крупные скотоводческие хозяйства¹⁰. С конца XI в. византийские императоры стали раздавать болгарские земли в пронию, причем в Северо-Восточной Болгарии пронию получали преимущественно знатные пришельцы¹¹. Помимо этого, спецификой северо-восточных земель было то, что именно там более широким был слой лично-свободного налогообязанного крестьянства¹². Господство Византии в этом регионе оказалось нестабильным из-за почти непрерывных вторжений кочевников (печенегов, узов, половцев), постепенно оседавших здесь и укреплявших связи с менее крупной, чем на западе, но более сплоченной болгарской знатью. Воспользовавшись благоприятной обстановкой, бояре Асени возглавили вспыхнувшее здесь в 1186 г. антивизантийское восстание, которое и привело к основанию Второго Болгарского царства. До второй половины XIV в. глава государства сдерживал децентрализаторские тенденции, используя в качестве союзников временно нанимавшиеся целые племенные объединения кочевников: в XIII в. – половцев, в XIV в. – турок¹³.

К середине XIV в. обозначилось обособление северо-восточного района государства. В 70-е годы при правителе удела Добротице, как и при его сыне Иванко, эта территория фактически стала независимым государством Добруджей¹⁴. Таким образом, в регионе не сложилось условий достаточных для ассимиляции тюркоязычных элементов. Помимо того, установлено, что движение кочевников из Анатолии было более длительным процессом, оно продолжалось в XV-XVI вв., и даже периодически в XVII в. Известно, что в результате этого процесса Фракия, Македония, северо-западная часть Румелии, а также районы Добруджи и Варны стали местами поселений турков. Наличие в топонимике этих районов названий, свидетельствующих о важной роли в поселении тюркских дервишей-колонизаторов, показывает, что здесь создались условия, сходные с теми, что были при тюркизации Анатолии¹⁵.

Вместе с тем, надо отметить, что не произошло ассимиляции гагаузов новыми волнами тюрков-переселенцев. *Единственным фактором, препятствующим этому, могла быть их принадлежность к православию.*

Второе Болгарское царство существовало в сложной международной обстановке. С 1242 г. Болгария выплачивала дань монголо-татарам¹⁶. В 1352 г. первый набег на Болгарию совершили османские отряды. К концу XIV в. Болгария была завоевана османами.

В ходе завоеваний османы воспользовались ненавистью балканских христиан к римско-католической церкви и их взаимной политической неприязнью. На территории османов не было всеобщей исламизации христиан, менее всего – в принудительном порядке. Христиане становились мусульманами по собственному выбору¹⁷. Выбор «облегчался тем обстоятельством, что хотя все подданные султана были равны или, что тоже самое, бесправны перед лицом верховной власти»¹⁸. С точки зрения административно-судебной и налоговой практики, все подданные султана делились на два класса: военных (аскери) и податных (рейя)¹⁹. Реально политическая власть в государстве принадлежала мусульманам.

Иногда выбор в пользу ислама был своего рода реакцией на события недавнего прошлого. Например, в числе причин, объясняющих широкий масштаб исламизации в Боснии, была та, что, оказавшись под управлением османов, ислам выбрали богомилы, представители еретического движения, страдавшие от произвола католической церкви²⁰.

Вместе с тем, особенностью османской административно-политической структуры были миллеты – автономные религиозно-политические образования иноверческого населения, пользовавшегося значительными правами внутреннего самоуправления: рум миллети (византийский миллет), яхуди миллети (еврейский миллет) и эрмение миллети (армянский миллет)²¹. Все эти миллеты, при условии признания верховной власти султана и уплаты подушной подати джизье, пользовались полной свободой культа и самостоятельностью в решении внутриобщинных дел. Не имея определенной территории, эти своего рода церковно-конфессиональные государства обладали, тем не менее, всей полнотой внутреннего суверенитета. Лишь в вопросах экономической и политической жизни решающее слово принадлежало мусульманскому государству.

Управление миллетом находилось в руках духовенства. Во главе его стоял миллет-баши (в рум миллети – патриарх), входивший в имперский совет. Миллет-баши утверждался султаном и отвечал перед ним за состояние дел в миллете. Миллет-баши назначал иерархов миллета, имел собственную казну, тюрьму, полицию, собирал налоги и различного рода пожертвования. В его руках был суд, школа, религиозные и благотворительные учреждения. Судопроизводство основывалось на законах и обычаях миллета (у православных – византийский свод законов XIV в. и каноны церкви). Эти законы регулировали всю сферу семейно-брачных отношений, имущественное право, другие гражданские и ряд уголовных дел²². *Следует отметить, что, например, в XVI в. на Балканах численность мусульман не превышала 20 % населения. Но и остальные 80 %, в основном – православные, а также тринитарии, богомилы, иудаисты – были не менее лояльными подданными султана, чем самые фанатичные поборники ислама, и поддерживали его борьбу с латинским Западом*²³.

Система миллетов обеспечивала сотрудничество высшего духовенства немусульманских народов с Портой. Вместе с тем, они в какой-то мере поддерживали этногосударственные традиции своих народов²⁴.

В фундаментальном коллективном труде современных турецких историков, посвященном истории и культуре Османской империи, сделаны следующие выводы о культурном влиянии османов: мнение о том, что господство османов оказало отрицательное влияние на население Южных Балкан, препятствуя его национальному разви-

тию, и что османские завоеватели замедлили приобщение жителей Балкан к европейской культуре и цивилизации не подтверждается исследованиями, основанными на османских архивных источниках. Хотя османские завоеватели открыли путь для важных перемен на территориях, заселенных местными этносами они в то же время обеспечили сохранение их национальной идентичности²⁵.

Турецкие исследователи указывают на то, что благодаря османскому завоеванию закончился период славянской и греческой ассимиляции значительной части албанцев (они также выбрали ислам), была предупреждена ассимиляция славянами валахов и греков, поставлена преграда давлению венгров-католиков и латинян²⁶. Парадоксально, но и для сохранения православия было сделано немало. Страх перед угрозой завоевания неоднократно вызывал попытки заключить унию между православной и католической церковью. После османского завоевания эти попытки прекратились.

В Юго-Восточной Европе полномочным и единственным посредником всех православных жителей империи в сношениях с Портой стало греческое духовенство. Самостоятельные Тырновская (болгарская) и Печская (сербская) патриархии были уничтожены²⁷. Не подлежит сомнению высокая степень конфессионализации сознания в довозрожденческой Болгарии (в XVI, XVII и в первой половине XVIII вв.)²⁸. *Но, с середины XVIII в., наблюдается отмирание этноконсолидирующей функции православной церкви. Намечается тенденция к восприятию ею этнических позиций. У болгар на индивидуальном уровне это выразилось, прежде всего, в появлении «История славяноболгарска» Паисия Хилендарского (1762), в которой декларируется мысль о необходимости религиозной организации по узко-этническому признаку и, кстати, которая написана для тех, кто любит и знает «свой род и язык»²⁹. Таким образом, объединяются этническая, языковая и религиозная идентификация.*

Пробуждение национального самосознания балканских народов становится важной чертой общественно-политической жизни Османской империи конца XVIII в.³⁰ И к тому времени, когда Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г., в качестве одной из целей преобразований (танзимата) провозгласил обеспечение безопасности жизни, чести и имущества для всех подданных империи, вне зависимости от религиозной принадлежности³¹, процесс складывания национального самосознания уже был необратимым. Это приводило к неожиданным последствиям: с ростом национального самосознания росли и претензии возрождающихся наций друг к другу. В частности, после утверждения независимости Греции (1830), в среде греческой буржуазии и интеллигенции начинает получать распространение идеи панэллинизма. В 1840-е гг. правящая партия открыто предъявляет претензии на соседние с Грецией территории. С этого времени становятся заметны резкие перемены в отношении греческого клира к духовно-национальным запросам славян³². Конфликт завершится утверждением самостоятельной болгарской церкви (1870).

Важно отметить, что гагаузы оставались опорой Константинополя в Варненской метрополии³³. В богослужении они использовали греческий язык, священниками у них также были греки. Но для гагаузов, переселившихся в степи Буджака, усиление противостояния греческого и болгарского духовенства (относящееся к периоду, когда переселение в основном уже завершилось) не имело такого значения, как для тех, кто остался в Болгарии. Тем не менее, важно отметить, что те процессы, которые шли среди болгар – формирование национального самосознания, связанное с борьбой за самостоятельную церковь и за использование родного языка (в том числе в богослужении) среди гагаузов в тот период не происходили.

Переселение в Буджак стало следующим важным этапом в процессе этногенеза и формирования этнического самосознания гагаузов. Именно в этот период из разнородных элементов окончательно сложилось целостное образование. И именно к этому пе-

риоду относится формирование первой историософской концепции гагаузов. Но значение этого периода еще шире. Известно, что в истории Южной Бессарабии один турецкий элемент сменялся другим, но практически только с переселением гагаузов и болгар, а также других народов, было положено начало не только становлению некоего специфического этнокультурного феномена, которым является Юг Молдовы, но и включению его в культурное пространство Молдовы как однородного в конфессиональном отношении элемента.

Одним из важнейших факторов консолидации в конце XIX в. явилась религиозная идентификация всех гагаузов как христиан-православных. По преимуществу, православными были в этот период и остальные жители Бессарабии. Важным моментом, свидетельствующим о росте этнического самосознания, стало появление первой историософской концепции.

Одной из особенностей менталитета гагаузов является отсутствие у них воспоминания о событиях более ранних, нежели те, что непосредственно предшествовали переселению их в Бессарабию. Показательно и то, что за редкими исключениями, балканский период выпадает из исторической памяти гагаузов.

Отсутствие исторической памяти о периоде ранее XVIII в. объясняется различными обстоятельствами. Одним из них является отсутствие интереса к истории вообще. Показательно, что, среди ученых-гагаузов, изучающих свой народ, преобладают этнографы, а не историки. Исторические труды, посвященные гагаузам (труды И. И. Мещерюка, И. А. Анцупова), раскрывают тенденции социально-экономического развития региона в XVIII-XIX вв. Отсутствие интереса к истории характерно для культуры, которую Ю. М. Лотман называет «бесписьменной»³⁴. В такой культуре, по его словам, на первый план выступают не летопись или газетный отчет, а календарь, обычай, фиксирующий порядок и ритуал, позволяющий сохранять необходимое в коллективной памяти³⁵.

Другим фактором, повлиявшим на состояние исторической памяти гагаузов о прошлом, является их представление о себе в настоящем. Для этнической идентификации гагаузов в настоящем важна их религиозная идентификация как православных. Именно это определяет содержание исторической памяти, которая сохранила именно воспоминание о том, что сохраняя веру, они покинули Болгарию и переселились в Бессарабию и не сохранила то, что представлялось незначимым – события до христианизации и до того времени, когда они смогли спокойно существовать такими, какими хотели бы быть – православным тюркоязычным народом, обитающим в Буджакских степях.

До переселения в Буджак не существовало историософской концепции, которая бы выстраивала линию развития от некоего начала (Золотого века), или вела бы к некоему финалу (созданию Великой Гагаузии). Точкой отсчета стало переселение. Была создана концепция, в которой есть и элемент самоопределения – значимость сохранения веры, и элемент испытаний и элемент чудесного избавления. Факты, не укладывающиеся в парадигму, остались за пределами объема исторической памяти. Но эта точка отсчета – скорее событие, которое произошло «во время оно» и не служит началом пути, а просто предопределило реалии. Это вполне соответствует тому, что в архаическом сознании существует время, когда был сотворен мир и порядок вещей в нем, время, отделенное от настоящего длительным промежутком, но к которому можно вернуться во время ритуала. Версия о причинах переселения представлена несколькими вариантами.

Наиболее известен вариант, представленный протоиреем Дмитрием Чакиром в его «Биографическом очерке рода и фамилии Чакир», написанном в 1893 г.: «Долгом считаю объяснить, на основании достоверных рассказов старожиллов, то обстоятельство, почему некоторые болгары православного вероисповедания говорят по-турецки и получили название «гагауз». Обстоятельство дела следующее: турки, по завладении Болгарией,

всеми мерами старались отуречить всех болгар, покорившихся по необходимости их власти. По этому поводу издан был фирман (указ) султанский, содержание которого выражалось в следующей дилемме: или принять магометанскую веру и удержать свой язык национальный болгарский, или переменить свой национальный болгарский язык на турецкий и удержать свою веру христианскую. Указ этот приводился в исполнение, как нужно предполагать, суровыми мерами, вследствие чего некоторые из болгар согласились язык болгарский переменить на турецкий, а веру свою православную твердо и непоколебимо сохранить, а некоторые из болгар согласились переменить свою веру христианскую на магометанскую и удержать свой национальный болгарский язык. По истечении более ста лет те из болгар, которые согласились скорее переменить свой национальный язык на турецкий и сохранить свою христианскую веру, по каким-то притеснениям со стороны турок, бунтовались и произвели разные беспорядки. Для усмирения бунтовщиков употребляли телесные наказания, при этом, телесно наказывая, выговаривали: «гагауз-уз-олсун», что означало: не поднимай носа»³⁶.

Несоответствие данной концепции историческим реалиям (тому, что существовал рум миллет, реальным отношениям между властью и населением) очевидно. Но важно то, что она появилась, так как это – значимый момент для складывания этнического самосознания, а также и то, что ее создателем был священник.

К концу XIX в. гагаузское общество в основном консолидировалось и обрело черты моностилистической культуры, ядром которой стало православие. Ядро это сложилось еще ранее – в балканский период истории гагаузов. Но к указанному времени оно обрело новые функции – фактически стало основой для формирования национальной парадигмы истории и, таким образом, способствовало процессу роста национального самосознания.

В начале XX в. процесс складывания национального самосознания активизировался. Достаточно ожидаемым свидетельством этого стало появление литературы – прежде всего религиозной – на родном языке. Одним из первых взялся за перевод религиозной литературы протоирей М. Чакир, в 1907 г. получивший на это разрешение Синода.

У многих народов возрождению (или созданию) государственности предшествовало создание «программных» исторических сочинений (вспомним тот же труд П. Хилендарского). У гагаузов так же было создано такое программное сочинение – труд протоиерея М. Чакира «Бесарабиялы гагаузларын историясы» «История бессарабских гагаузов» (1934) – первое оригинальное сочинение, написанное на гагаузском языке. Родственник Д. Чакира, также священник, говорит о тюркском происхождении гагаузов, отвергает версии о том, что гагаузы – болгары или греки и помимо лингвистических доводов приводит различия в этнических стереотипах гагаузов и болгар. Хотя достаточно часто автор ссылается на данные научных исследований в этом вопросе (как и в вопросе о происхождении гагаузов), он прибегает к использованию источника информации, характерного для традиционного общества – мнения авторитетного старика «одного очень умного, видного гагауза 80-ти лет из села Авдарма»³⁷.

М. Чакир не только предлагает «тюркскую версию» происхождения гагаузов, но и выдвигает версию если не о «Золотом веке» гагаузов, то о времени их «могущества» и предлагает своего рода политический миф о существовании государства гагаузов. Генеалогия гагаузов возводится к легендарному Огуз-хану (стоит отметить, что в знаменитой «Огуз-наме» гагаузы не упоминаются)³⁸. В качестве основателей его назван Кей-Кавус, а территорией объявлена Добруджа. При том, что тюркский элемент в этом регионе представлен был достаточно широко, основания для отождествления различных тюркских племен конкретно с гагаузами самим Чакиром не приводятся. Стоит отметить, что М. Чакир не был историком и его исторические изыскания не могли быть профессиональными. Вот несколько примеров этому. Существование гагаузской державы он от-

носит к XIII-XIV вв. и связывает с именем Иззеддина Кей-Кавуса. На деле же XIII в. был временем монгольских завоеваний.

В 1243 г. монголы нанесли жестокое поражение сельджукскому султану Кей-Хюсреву II в битве при Кёсё Даге³⁹, в результате чего Румский султанат оказался под контролем монгольских ханов. Один из сыновей Кей-Хюсрева Иззеддин Кей-Кавус II⁴⁰, проиграв в борьбе за престол, вынужден был искать покровительства. Некоторое время он провел при дворе Михаила Палеолога, практически на положении пленника⁴¹. Константинопольский император Михаил Палеолог заточил Кейкавуза в крепость. Тогда его брат Рукн-эд-Дин обратился с просьбой к хану Берке о вызволении Кейкавуза из заточения. Берке с полчищами татар осадил Константинополь и освободил Кейкавуза. После этого добруджанских турок перевели в Дешт-Кыпчаке, дали султану в вотчинное владение Солхат и Судак⁴². В Крыму Кейкавуз и умер в 1279 г.⁴³ Сары Салтук, которого Кейкавуз якобы оставил после себя губернатором⁴⁴, на самом деле был членом братства бекташей, последователем Бабы Ильяса Хаджи Бекташа. В 1261 г. он переселился в Добруджу. Согласно преданиям, Сары Салтук, переодевшись в монашескую рясу и вооружившись деревянным мечом, проповедовал ислам в церквях⁴⁵.

В XIII в. татары преобладали в регионе. Хан Ногай, внук одного из младших братьев Батыя – Бувала являлся фактически самостоятельным правителем западной части улуса Джучи – от Нижнего Дуная до Днепра. Ставка его находилась в районе г. Исакчи в низовьях Дуная⁴⁶. Там чеканились монеты: серебряная акче с легендами на греческом языке, выпущенная с именами Ногая и его сына Джеки (найденная в округе Тулча в Румынии), медные монеты, на одной стороне которых есть тамга Ногаидов (найденные на Нижнем Дунае и в северной Добрудже), чисто исламские серебряные монеты Ногая (битые в Исакчи в конце XIII в.)⁴⁷ Ногай (будучи мусульманином) был зятем Михаила Палеолога (в 1270 г. татары участвовали вместе с болгарами Тиха в попытке захватить Михаила. Избежав пленения, Михаил породнился с Ногаем, выдав за него свою побочную дочь Евфросинью)⁴⁸. В Болгарии монгольское владычество просуществовало до начала XIV в., кульминацией его стало вступление на царский трон Болгарии Джуке (Джеки), сына Ногая (правда правил он недолго – в 1299-1301 гг. и был вскоре убит)⁴⁹. В конце XIV в. регион был захвачен османами. Баязид I ликвидировал Болгарское царство и деспотат Добруджа⁵⁰.

Важно, однако, не то, что именно писал об историческом прошлом гагаузов М. Чакир, а то, что впервые была представлена новая историософская концепция, связывающая историю гагаузов с историей тюркского мира, и то, что эту концепцию представил также представитель православной церкви. Важным был и само обращение к прошлому в поисках государства гагаузов, так как он отражал рост этнического самосознания. То есть для обоснования потребностей настоящего времени М. Чакир обращается к прошлому, создавая легендарную историю. Несоответствие приводимых им фактов исторической действительности не умаляет значения созданной им легендарной истории.

Вместе с тем, ни труд М. Чакира, ни его концепция широкого распространения не получила. Эта историческая парадигма возродилась только в начале 1980-х, причем в форме литературного произведения. Именно в этой форме в тот период предлагались историософские концепции и новые политические идеи. Таким образом, появление романа Д. Танасоглу «Узун Керван» вполне соответствовало духу времени.

Суровые реалии XX в. не остановили процесс формирования этнического самосознания. Ни «румынский период» с активной политикой румынизации и включением православных приходов в Румынскую православную церковь, ни «советский период» с русификацией и с атеистической пропагандой не снизили значения гагаузского языка и конфессиональной принадлежности гагаузов. Правда, проникновение русского языка

особенно сильно стали сказываться вследствие широкого распространения школьного образования, стремившегося заменить семью в качестве института социализации. Разрешение конфликта старых и новых культурных норм и ориентаций гагаузов происходило в форме частичной ассимиляции. Для нее характерно то, что нормами и требованиями инокультурной среды руководствовались практически в одной из сфер жизни – на работе, а в семье, на досуге, в религиозной сфере по-прежнему значимы были нормы традиционной культуры⁵¹. Важным фактором активизации процесса формирования этнического самосознания стало появление собственной письменности (с 1957 г. – на кириллице) и собственной литературы, а также становление гагаузоведения.

XX век положил конец монолитности религиозной традиции гагаузов. Рост религиозного плюрализма внес коррективы в содержание понятия «христиане». Если Л. С. Берг называет гагаузов весьма религиозными⁵², а В. А. Мошков «твердыми христианами»⁵³, то они, не уточняя, подразумевают под этим «православные христиане». В настоящее время рост религиозного плюрализма предопределяет необходимость включение в понятие «христиане» баптистов, адвентистов, пятидесятников, свидетелей Иеговы, харизматов и т. д.

В конце XX века процессы этнической мобилизации, приведшие к развалу Советского Союза и созданию национальных государств, подтолкнули рост национального самосознания гагаузов. Именно в рамках независимого государства Республика Молдова было создано АТО Гагауз Ери. Показательно то, что первым монументом, поставленным в автономной Гагаузии стал памятник священнику М. Чакиру в Чадыр-Лунге.

Процессы этнической мобилизации повысили роль языковой идентичности, но не снизили роль конфессиональной. «Устойчивость» значимости религиозной идентичности обусловлена рядом факторов – внутренних и внешних. Внутренний фактор связан с *необходимостью обеспечить «наполнение» этнической самобытности конкретными чертами. Своеобразие гагаузов в том, что они тюркоязычные христиане.* Если принадлежность к православному миру как таковая не является уникальной для Молдовы, более 90 % населения которой является православными, то своеобразное сочетание принадлежности к тюркоязычным народам и одновременно к православию – нестандартно. Внешний фактор связан с характерным для немногочисленного народа поиском более широкой общности, необходимостью включения в цивилизационную общность. Такой общностью мог бы быть «тюркский мир» и «православный мир» (как разновидность христианского мира). *Этнические стереотипы гагаузов, их мировосприятие и оценка тех или иных событий обусловлены их принадлежностью к христианскому миру.* Та роль, которую духовенство в лице М. Чакира сыграло в процессе роста этнического самосознания, отчасти им не утрачена.

Косвенно на это указывает то, что и Всемирный Конгресс гагаузов в 2006 г. и ряд конференций, включая представительную международную конференцию «Православие и идентичность гагаузов» (в ноябре 2008 г.) открывал молебен в Комратском храме.

Особенно активен на политическом поприще настоятель Свято-Димитриевского монастыря г. Чадыр-Лунги протоиерей Дмитрий Киорогло. Помимо того, что он развернул в Чадыр-Лунге активную строительную деятельность (в городе, где последняя церковь была взорвана в 1972 г. в настоящее время функционирует три храма, включая монастырь), проводит Общеобразовательные Чакировские Чтения, руководит Культурно-просветительским центром им. М. Чакира и православным клубом «Встреча», он напрямую вмешался в политическую жизнь, став депутатом Народного собрания Гагаузии прошлого созыва.

Вносят свой вклад и представители неправославных христианских церквей. Ими создается и издается литература духовного содержания на гагаузском языке: песенник «Гагауз арфасы» (издан Христианской благотворительной Миссией «Ажианнык» в

1994 г.)⁵⁴, а также полный перевод «Нового Завета» «Eni Baalanti» (переведен Степаном Байрактарем, издан в 2006 г. Институтом перевода Библии на латинице и кириллице)⁵⁵.

Итак, практически на каждом из этапов этногенеза гагаузов большое значение имела их принадлежность к христианскому (прежде всего, православному) миру. В Балканский период именно христианизация гагаузов предотвратила ассимиляцию гагаузов тюрками-мусульманами. В XIX в., уже на землях Буджака, конфессиональная идентичность способствовала дальнейшей консолидации этноса. Именно на ее основе возникла первая историософская концепция гагаузов, созданная Д. Чакиром. В XX в. священник М. Чакир способствовал появлению книг на гагаузском языке (первоначально религиозного содержания) и сформулировал вторую историософскую концепцию гагаузов, связав историю гагаузов с историей тюркского мира. Процессы этнической мобилизации повысили роль языковой идентичности гагаузов, но не снизили роль конфессиональной. Связано это отчасти с необходимостью обеспечить «наполнение» этнической самобытности конкретными чертами. Своеобразие гагаузов в том, что они тюркоязычные христиане. По-прежнему, культурные стереотипы гагаузов предопределены их принадлежностью к христианскому миру.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Гургууров Д.* Гагаузы – потомки тюркок-огузов или славяно-болгар? – Кишинев, 1998.
2. *Губогло М. Н.* Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова: К вопросу о происхождении гагаузов. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 1967; *Шабашов А. В.* К проблеме этногенеза гагаузов. Новые подходы //История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины (Сборник статей к 100-летию со дня рождения И. И. Мещеряка). – Кишинев, 1999. – С. 154-176; *его же.* Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. – Одесса, 2002; *его же.* Этногенез //История и культура гагаузов. Очерки. – Комрат-Кишинэу, 2006. – С. 8-43; *Маруневич М. В.* Поселения, жилища и усадьба гагаузов Южной Бессарабии в XIX – начале XX века. – Кишинев, 1980. – С. 7.
3. Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. – М., 1988. – С. 3.
4. *Иванова О. В.* Распространение христианства у славян в Византии //Принятие христианства... – С. 20.
5. *Макарова И. Ф., Жила Л. И.* Конфессии и формирование болгарской нации //Роль религии в формировании южно-славянских наций. Эдиториал УРСС. – М., 1999. – С. 195.
6. История на България. – София, 1993. – С. 167.
7. *Литаврин Г. Г., Наумов Е. П.* Межэтнические связи и межгосударственные отношения на Балканах в VII-XII вв. //Раннефеодальные государства на Балканах. – М., 1985. – С. 302.
8. История на България. – С. 163.
9. Там же. – С. 165.
10. История Европы. – Т. 2. – М., 1992. – С. 159.
11. Там же. – С. 160.
12. Там же. – С. 356.
13. Там же. – С. 358.
14. Там же.
15. История Османского государства, общества и цивилизации. – Т. 1. – М., 2006. – С. 10.
16. История Европы. – Т. 2. – М., 1992. – С. 363.
17. *Лорд Кинросс.* Расцвет и упадок Османской империи. – М., 1999. – С. 34.
18. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI-XVIII вв. //История Востока. – Т. 3. – М., 2000. – С. 82.

19. Там же. – С. 83.
20. История Османского государства, общества и цивилизации. – С. 11.
21. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI-XVIII вв. //История Востока. – С. 78.
22. Там же.
23. Там же. – С. 73.
24. История Европы. – Т. 3. – М., 1993. – С. 261.
25. История Османского государства, общества и цивилизации. – С. 12.
26. Там же. – С. 12.
27. История Европы. – Т. 3. – М., 1993. – С. 261.
28. Макарова И. Ф., Жила Л. И. Указ. соч. – С. 213.
29. Паусий Хилендарский. История славянобългарска. – Велико Търново, 1992. – С. 19.
30. История стран Азии и Африки в Новое время. – Ч. 1. – М., 1989. – С. 263.
31. Там же. – С. 273.
32. Макарова И. Ф., Жила Л. И. Указ. соч. – С. 209.
33. Там же. – С. 218.
34. Лотман М. Ю. Альтернативный вариант: бесписьменная культура, или культура до культуры? //Семиосфера. – СПб., 2000. – С. 365.
35. Там же. – С. 365.
36. Чакир Д. Биографический очерк рода и фамилии Чакир //Страницы истории и литературы гагаузов XIX – начала XX вв. – Кишинев, 2005. – С. 29.
37. Там же. – С. 92.
38. Фазлаллах Рашид-ад-Дин. Огуз-наме. – Баку, 1987.
39. История Востока. – Т. 2. – М., 2000. – С. 283.
40. Безертинов Р. Н. Татары, тюрки – потрясатели вселенной. – Новосибирск, 2001. – С. 553.
41. Успенский Ф. И. История Византийской империи. – Т. 5. – М., 2002. – С. 341.
42. Смирнов В. Д. Крымское ханство под главенством Оттоманской империи. – М., 2005. – Т. 1. – С. 58.
43. Золотая Орда в источниках. – Т. 1. – М., 2003. – С. 55.
44. Чакир М. История гагаузов Бессарабии //Страницы истории и литературы гагаузов... – С. 88.
45. Еремеев Д. Е., Мейер М. С. История Турции в средние века и в новое время. – М., 1992. – С. 108.
46. Горский А. А. Москва и Орда. – М., 2000. – С. 14.
47. Хейвуд К. Некоторые проблемы нумизматического доказательства правлений хана Ногая и Джеки //Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. – Казань, 2002. – С. 136.
48. Успенский Ф. И. История Византийской империи. – Т. 5. – М., 2002. – С. 336.
49. Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. – М., 2006. – С. 172.
50. История Османского государства, общества и цивилизации. – С. 13.
51. Ионин Л. Г. Социология культуры. – М., 1998. – С. 19.
52. Берг Л. С. Бессарабия. – Кишинев, 1993. – С. 126.
53. Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. – Кишинев, 2004. – С. 6.
54. Гагауз арфасы. – Кишинев, 1994.
55. Eni Baalanti. – М., 2006.

**УКРАЇНО-РОСІЙСЬКІ ПАРАЛЕЛІ У ВЕСІЛЬНІЙ ОБРЯДОВІСТІ
(ЗА МАТЕРІАЛАМИ ДОСЛІДЖЕНЬ НИЖНЬОГО ПОДУНАВ'Я)**

У поліетнічних регіонах, одним з яких є Нижнє Подунав'я, розвиток традиційної культури і, зокрема, весільної обрядовості, відбувається в умовах тісного контакту з носіями інших культур. Сотні років українці та росіяни проживають поруч, однак питання про наслідки українсько-російських взаємин та їх вплив на традиційну культуру в цілому і на весільну обрядовість зокрема не втратило актуальності. Метою дослідження є визначення українсько-російських паралелей в системі весільної обрядовості українців і росіян Нижнього Подунав'я в 1950-1980-х роках за матеріалами досліджень, проведених науковцями в кінці ХХ – на початку ХХІ ст., виявлення специфічних рис в обрядовості українців та росіян, виокремлення відмінностей в обряді. Для порівняння використовується весільна обрядовість українців і росіян Кілійського району Одеської області, зокрема: с. Василівка (росіяни), с. Мирне (українці та росіяни), с. Шевченкове (українці). Ці села засновані у період колонізації Нижнього Подунав'я, розташовані одне від одного на невеликій відстані.

Село Василівка Кілійського р-ну Одеської області засноване наприкінці ХVІІІ століття переселенцями з Обоянського повіту Курської і частково з Орловської губерній. Село розташоване на березі озера Китай, у 12 км від Кілії¹. Мешканці села, яких називають обоянами, зберегли елементи традиційної культури росіян, за віросповіданням є православними.

Село Мирне Кілійського р-ну Одеської області засноване у 1821 році на місці колишнього татарського селища. До 1957 року носило назву Карячка². В селі проживають українці та росіяни, більшість населення складають росіяни-старообрядці.

Село Шевченкове Кілійського р-ну Одеської області, одне з найбільших в регіоні, де компактно проживають українці, засноване у 1813 році. До 1946 року носило назву Карамхмед³. За етнічним складом в селі чисельно домінують українці.

Джерельною базою для написання роботи стали матеріали досліджень традиційної культури українців та росіян Одещини, зокрема сіл Мирне, Василівка, Шевченкове проведених студентами та науковцями кафедри археології та етнології Одеського національного університету впродовж 1996-2000-х років.

Дослідження проблем, пов'язаних із трансформацією весільних обрядів, чинників, що впливають на зміни в обрядовості, здійснювались у сусідніх регіонах Н. Гаврилук, С. Курогло, Л. Лоскутовою⁴. Результати проведених досліджень актуальні і для нашої роботи, оскільки автори розглядають весілля, в основі якого є традиційна обрядовість, однак така, що постійно змінюється під впливом новацій: релігійних, суспільно-правових тощо. Акцентується увага на обрядах, що зникають, виокремлюється поява спільних для весілля поліетнічних середовищ символів, трансформованих обрядів, їх виявилось достатньо, щоб, узагальнивши, виділити варіант весілля етноконтактної зони (українсько-молдавської)⁵.

Традиційне весілля українців та росіян Одещини вивчали В. Кушнір та Н. Петрова, в працях яких були підведені підсумки багаторічних етнографічних досліджень, простежена варіантність українського весілля регіону, визначено чинники, що впливали на формування відмінностей, зокрема і в процесі взаємодії з представниками інших етносів⁶.

Заслуговує уваги запис весілля в селі Шевченкове, який зробили Віра Шаргородська та Кузьма Смаль⁷. На думку дослідників, і це підтверджують зроблені ними записи структурних елементів обряду, а також тексти пісень, саме тут (в Шевченковому) збереглися самобутні весільні обряди, звичаї та пісні⁸.

Предметом наукової уваги був весільний фольклор українців та росіян Одещини, порівняльна характеристика обрядових пісень українців та росіян, зафіксованих польовими дослідженнями⁹. У контексті дослідження весільної обрядовості у полікультурному середовищі проаналізовано традиційну систему спілкування молоді та підготовки її до шлюбу¹⁰. Окреме дослідження присвячене росіянам с. Василівка¹¹.

Вивчення культури росіян-старообрядців є частиною наукової роботи викладачів кафедри археології та етнології України Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, зокрема весіллю присвячена низка публікацій, які дають змогу проаналізувати структуру весільного ритуалу¹², але питання міжетнічних взаємовпливів, проблем контактів, запозичень ще потребують подальшого вивчення.

Традиції дошлюбного спілкування, як і весільна обрядовість українців та росіян Нижнього Подунав'я, вирізняються наявністю різноманітних варіантів, однак, це стосується структури весілля, яка як в українців, так і у росіян поділяється на три цикли: передвесільний, власне весільний та післявесільний.

За матеріалами досліджень російського весілля с. Василівка, російського і українського весілля с. Мирне і українського весілля с. Шевченкове Кілійського р-ну Одеської області, можна сказати наступне.

Дошлюбне спілкування українців і росіян майже не відрізняється за формою проведення дозвілля, але слід відзначити, що навіть у межах одного села (с. Мирне) українці і росіяни-старообрядці (липовани) збиралися окремо і між собою не спілкувалися, тобто це були досить ізольовані групи. Звичайно, те саме стосувалося і укладання шлюбу. Дотримувалися моноетнічних шлюбів: росіяни надавали перевагу росіянам, навіть з іншого села, а шлюби з представниками інших народів не схвалювалися, хоча українці були більш вільні у виборі шлюбного партнера.

Весільний цикл обрядів як українців, так і росіян зберігся у своїй традиційній основі. Цікавим є факт, що українці с. Мирне вживають трансформований від російського термін «свайба», досить розповсюджений на Одещині, на відміну від українців інших населених пунктів зазначеного регіону, у яких розповсюджений традиційний термін «весілля».

У передвесільному циклі обрядодій спостерігаємо деякі відмінності. У всіх зазначених селах сватанню передували розвідки. У росіян-обоян села Василівка і українців села Мирне сватання проходило за участі парубка і дівчини, у липован Мирного присутність парубка не була обов'язковою, а в українському селі Шевченкове без участі дівчини, бо сватанню там передував обряд «рушники», під час якого дівчина перев'язувала рушниками старостів і хусткою нареченого, тим самим даючи згоду на одруження. У Василівці не зафіксовані інші обрядодії передвесільного циклу, крім сватання, але після сватання батьки обов'язково йшли оглядати «подвор'є». У Шевченковому складовими сватання були договори і заручини, втім, їх ще пам'ятають як окремий обряд. У липован с. Мирне на сватанні домовлялися про день «запою» - наступного етапу весільних обрядодій. Після сватання, за 1-3 тижні до весілля проходив «договір». Так само договір зберігся окремою обрядодією в українців Мирного.

У Василівці придане називалося «дзестра», що можна вважати запозиченням відомого аналогічного весільного терміну у болгар та молдован, у Шевченковому – придане. Збереглися відомості про те, що до приєднання цих територій до СРСР і скасування приватної власності на землю, до складу приданого входив і земельний наділ: дві-три десятини давали багатим нареченим, одну десятину – бідним. Після весілля земельний наділ переходив у загальну власність родини.

У Василівці у разі розірвання угоди про шлюб однією з сторін парубок повертав дівчині подаровану йому на сватанні хустину, найчастіше він чіпляв її на ворота дівчини. Ініціатори відмови мусили компенсувати збитки «потерпілій» стороні. У липован

Мирного у випадку, коли дівчина відмовлялась від весілля вже після сватання, наречений розривав хустину.

Весілля справляли переважно восени – після збору врожаю, значно рідше одружувалися у зимовий м'ясоїд. Склад і функції весільний чинів практично не відрізнялися.

Велике значення при підготовці весілля надавалося виготовленню обрядового весільного хліба: короваю, шишок, леженя, хліба. У с. Василівці випікали коровай у четвер або в п'ятницю. Для цього запрошували як дівчат, так і жінок. Зазначимо, що в українців зазвичай «на коровай» запрошували тільки жінок щасливих у шлюбі, і обов'язково парну кількість. У нареченої обрядовий хліб пекли дружки, у нареченого – тітки. Учасники обряду повинні були щось принести: яйця, цукор, борошно. У липован села Мирне коровай випікали жінки похилого віку. Обов'язково випікали 2 великих коровай округлої форми, печиво, горішки і хрустики. Коровай прикрашали шишками, шишки прикрашались білковим кремом і прапорцями. В українській частині с. Мирне хліб випікали 5-6 жінок. Вони приносили миски з борошном, пекли коровай і шишки. У Шевченковому обрядовий весільний хліб випікали у четвер. Для цього запрошували жінок, сімейне життя яких відповідало традиційному уявленню про родинне щастя. У деяких родинах ще дотримуються звичаю парної кількості коровайниць, а в інших вже не надають цьому значення. Кожна з жінок щось приносила для приготування короваю: борошно, цукор, молоко, масло, сироватку, яйця (обов'язково парну кількість).

У липован Мирного у неділю напередодні вінчання близько чотирнадцятої години дня приходили запрошені дівчата (подруги нареченої), їм надівали воскові букети. Подружки одягали наречену у вінчальну сукню. Молодий викупував молоду. На ранок, коли «девішнік» закінчувався, ділили коровай і роздавали незаміжнім дівчатам. В українців Мирного «девішнік» проходив у п'ятницю ввечері. Дівчата з молодою вили гільце і втикали його у коровай. У Василівці обрядодія «девішнік» чи «шишки» проходила у суботу ввечері. У нареченого частували бояр, потім вони приходили до нареченої, де їм роздавали шишки. Після роздачі шишок залишалися тільки пари дружок і бояр. Бояри викупували у дружок хусточки, старший боярин мав сплатити найбільшу суму грошей. Після девішніка наречені і дружка ночували разом у нареченої.

Перший день власне весілля у росіян-обоян Василівки проходив у суботу, в українців Шевченкового – у неділю, у липован Мирного – у понеділок, але в українців Мирного першим днем весілля вважалась субота, після вечірні; у неділю – «справжнє весілля».

У Василівці обдаровування проходило у перший весільний день, подружнім парам при цьому роздавали розрізаний на скибки коровай. У липован Мирного «дари» проходили у другий весільний день – вівторок, тут молоді по черзі підносили кожній парі гостей два стакани вина. В українців Мирного обдаровування проходило у перший день, за подарунок кожному гості давали шишку, або одну шишку на подружжя. У Шевченковому, покравявши коровай, бояри ставили на стіл гільце молодої й обривали з нього квітки для подарунків. Мати молодої клала на тарілку хустину і зверху шишку та шматок дівування – обрядового печива у вигляді гілки. Старший боярин клав середину з короваю і квітку з житом та калиною. Склад подарунків у всіх селах суттєво не відрізняється.

У росіян-обоян Василівки під час обряду покривання молодої дружки знімали фату і одягали кички (традиційний жіночий головний убір росіян), перша шлюбна ніч проходила «у чужих». У липован Мирного священник покривав голову нареченої кичкою по закінченні вінчання. Липованки носять кичку постійно.

В українців Мирного перша шлюбна ніч проходила в хаті молодого. У Шевченковому свашки покривали і молоду, і молодого, потім через хустину виводили до сусідів для першої шлюбної ночі.

Другий весільний день у Василівці називали «кури». У цей день переодягалися у ряджених. Дуже схожий сюжет фіксуємо в українців села Шевченкове. У липован Мирно-

го, як вже згадувалось, у другий день забирали «дари», потім проходила «перезва». Українці Мирного святкують весілля найдовше з усіх зазначених сіл – чотири дні, тому тут «ряджені» ходили селом на третій день.

Весільний обряд означених населених пунктів зберігся в своїй основі. Насамперед, йдеться про структуру традиційного весілля з трьох циклів, весільних атрибутів, весільних чинів. Вони несуть особливе функціонально-змістове навантаження, без якого неможливе виконання будь-якого обряду.

Наведений матеріал демонструє наявність спільних для українців і росіян рис весільного обряду і локальних особливостей. Спільні риси спостерігаємо у структурі весілля, у більшості репрезентованих атрибутів та весільних чинів. Стійкими виявилися обряди, пов'язані з рослинними землеробськими культурами (квіти, гільце, коровай, зерно). Ціла низка обрядів є достатньо архаїчними (приготування весільного печива), елементи обрядів післявесільного циклу. Деякі з них однозначно запозичені від молдавського населення. Відмінності носять більш виражений характер. Вони простежуються не тільки між весільними обрядами українців і росіян, але й у межах двох сусідніх українських сіл.

ПРИМІТКИ:

1. История городов и сел Украинской ССР: Одесская область. – К., 1978. – С. 501.
2. Там само. – С. 503.
3. Там само. – С. 506.
4. Гаврилюк Н. К., Курогло С. С., Лоскутова Л. Д. Общее и особенное в семейной обрядности украинцев и молдаван. – С. 319–341.
5. Там само. – С. 327–329.
6. Кушнір В. Г., Петрова Н. О. Весільна обрядовість українців південно-західної України: порівняльний аналіз // Проблеми етнології, фольклористики, мистецтвознавства Поділля та Південно-Східної Волині: історія і сучасність. Науковий збірник. – Кам'янець-Подільський, 2002. – С. 118–126; *ix же*. Традиційна весільна обрядовість українців Одещини (20–80-ті рр. ХХ ст.). – Одеса, 2008.
7. Просили батько, просили мати / Запис Віри Шаргородської і Кузьми Смаля. Упорядкування та нотографія Кузьми Смаля – Чернівці, 2005.
8. Там само. – С. 5.
9. Петрова Н. О. Деякі аспекти вивчення весільного фольклору Одещини (за матеріалами етнографічних досліджень українського та російського населення) // Друга Всеукраїнська науково-практична конференція молодих науковців «Національні та етносоціальні процеси в Україні». Матеріали. – Чернівці, 1997. – С. 169–173; *iii ж*. Весільні пісні Буджака (за матеріалами етнографічних досліджень українського та російського населення Одещини) // Заселення Півдня України: проблеми національного та культурного розвитку. Наукові доповіді. Міжнародна науково-методична конференція. Частина друга. – Херсон, 1997. – С. 244–247.
10. Петрова Н. О. Традиційні ігри та розваги в дошлюбному спілкуванні українців і росіян Одещини. // Етнічна історія народів Європи. Традиційна етнічна культура слов'ян. Збірник наукових праць. – К., 1999. – С. 102–107; *iii ж*. Дошлюбне спілкування: ігри та розваги українців та росіян Одещини // ЗІФ. – 1999. – Вип. 9. – С. 51–56.
11. Петрова Н. О. Дошлюбне спілкування і весільна обрядовість росіян-обоян Нижнього Подунав'я // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. – Т. 3. Збірник наукових праць. – Одеса, 2002. – С. 329–331.
12. Петрова Н. О. Етнічні традиції та особливості весільної обрядовості старобрядців Одещини // Историческая память. Историко-краеведческий ежегодник. – Вип. 2. – Одесса, 2000. – С. 101–104; *iii ж*. Общее и особенное в свадебной обрядности липован (середина ХХ в.) // ЗІФ. – 2000. – Вип. 10. – С. 118–133; *iii ж*. Весільна обрядовість старо-

обрядців Українського Подунав'я (порівняльний аналіз) // ЗІФ. – 2001. – Вип. 11. – С. 199-206; *ii ж.* Весільна обрядовість старообрядців Українського Подунав'я (спроба порівняльного аналізу) // Етнос. Культура. Духовність: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Інноваційні моделі розвитку туристичної інфраструктури України. Буковинське та світове старообрядництво: історія, культура, туризм». Чернівці, 23-24 вересня 2006 р. – Ч. 2. – Чернівці, 2006. – С. 206-213; *ii ж.* Свадебные обычаи и обряды // Липоване: история и культура русских старообрядцев. – Вип. 4. – Одесса, 2007. – С. 95-101; *ii ж.* Добрачное общение молодежи // Там само. – С. 139-142.

**К ВОПРОСУ О МНОГОЛИКИХ СТОРОНАХ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В МОЛДАВСКОМ ПОСТСОВЕТСКОМ
СООБЩЕСТВЕ)¹**

Прежде чем перейти к рассмотрению проблемы, следует оговориться. Под понятием «политическое» в контексте разговора следует понимать ценности, касающиеся внеэтнических понятий. Прежде всего, среди них следует назвать гражданские ценности, которые во многом взаимообусловлены с политическими приоритетами, складывающимися в современном сообществе Молдовы.

Этнические ценности также можно идентифицировать в социальном значении, но это будут социально-групповые ценности, лишь как часть многогранного социального. Гармонизация этих составляющих в полиэтничном сообществе представляет собой актуальную задачу не только для аналитиков, но и для практиков.

С трансформационными процессами в бывшем СССР и Восточной Европе связано повышенное внимание к проблеме идентичности². Идентичность относится к одному из сложных соционормативных определителей личности. В теоретико-методологической монографии «Идентификация идентичности» российский исследователь М. Н. Губогло анализирует многоликие стороны идентичности: этническую, конфессиональную, гражданскую, гендерную и многие другие, справедливо отмечая во введении, что при желании исследователи могут выделить еще целый спектр идентичностей³. Идентичность как бы аккумулирует в себе ценности, значимые для индивида и общества.

Последнее время исследователи – этнологи и этносоциологи ведут дискуссию о том, согласно какому механизму выстраивается этническое самосознание. В современной историографии выделяется несколько подходов к пониманию проблемы: примордиалистский, инструменталистский и конструктивистский. Первый делит на социобиологическое и эволюционно-историческое направления. Ярким показателем социобиологических взглядов является концепция Л. Н. Гумилева. Другие представители примордиализма отталкиваются от эволюционно-исторического направления, широко распространенного во всем мире и не имевшего альтернативы в СССР. Сторонники этого направления рассматривают этнос как реально эмоционально существующую общность, характеризующуюся определенными отличительными характеристиками, такими как язык, культура, психо-эмоциональные показатели и др. Эту позицию отражал в своих исследованиях известный этнолог советского периода – Ю. В. Бромлей. Среди целого ряда современных специалистов, стоящих на позициях этого направления, можно назвать М. Н. Губогло.

Конструктивисты утверждают, что прерогативой этничности является плод деятельности национальной элиты, которая и выступает в качестве конструкта⁴. К сторонникам данного подхода в Европе относятся Э. Геллнер, Э. Хобсбаум⁵, в России ярким примером выступает В. А. Тишков⁶.

Еще один подход, называемый в этносоциологии инструменталистским, можно рассматривать с нескольких точек зрения: с одной стороны как самостоятельное направление, с другой – как попытку примирения примордиализма и конструктивизма. Сторонники инструменталистского подхода объясняют сохранение этнических групп необходимостью обеспечить членов определенного сообщества равными правами. Они реконструируют идентичность посредством анализа усваиваемых в процессе жизни индивида и общества ценностей и возможностей, которые в конечном итоге и формируют ком-

плекс устойчивых ценностей. Исходя из попытки примирения этих двух концепций, можно утверждать, что изначально индивидуум и сообщество должны обладать определенными исходными или заложенными ценностями, которые с развитием и эволюцией могут меняться, в том числе и под воздействием конструктивистских сил.

Одну из попыток найти консенсус между сторонниками примордиализма и конструктивизма осуществил американский исследователь Д. Лейтин. В уже названной работе «Теория политической идентичности» он поддерживает свои аргументы ссылками на работы психологов З. Фрейда и Э. Эриксона, особенно цитируя последнего. Э. Эриксон, в частности, пришел к выводу, что индивиду присущи определенные ценности, которые он усваивает с рождения. Например, семья, общество. Вместе с Э. Эриксоном Д. Лейтин полагает, что эти и другие распространенные типологии идентичностей, которые окружают человека с детства, в конечном итоге ограничивают возможности самоидентификации личности⁷. С другой стороны, личность, развиваясь в коллективе, наряду с врожденными ценностями формирует в себе и целый комплекс приобретенных или выбранных идентичностей.

Автор не случайно остановился на теории идентичности, дабы лишний раз подчеркнуть, что эта проблема уже перестала быть просто научной, она выходит на широкие практические горизонты. Вопросы: «Кто мы», «Куда идем», «с кем» и «с чем» мы будем, являются вечными и особенно остро начинают волновать людей в период трансформации, с которой столкнулись страны социалистического лагеря и Республика Молдова в том числе.

В публикации рассматривается феномен этнических ориентиров мажоритарного этноса Молдовы; фактор регионального сознания, который необходимо учитывать, говоря о формировании этнических, гражданских и политических ценностей; кратко, в силу ограниченности объема публикации анализируется лингвистическая ситуация, сложившаяся в Республике Молдова к 2007 г.; затрагивается проблема общего имени молдавского сообщества.

Характеризуя полиэтничное сообщество, прежде всего, необходимо остановиться на ситуации, сложившейся в среде мажоритарного этноса. **Этнические ориентиры мажоритарного этноса** действительно можно охарактеризовать как **феномен**. Пережив, наряду с другими бывшими союзными республиками в начале 90-х гг. XX в. всплеск национально-политических вызовов, Молдова выделилась среди них тем, что, по сути, только в ней наиболее радикальная часть мажоритарного этноса отказалась от этнического имени и провозгласила свою идентичность с мажоритарным этносом соседней Румынии. Годы молдавской независимости позволяют констатировать, что проблема раскола в идентичности мажоритарного этноса Молдовы сохраняется⁸. Исследователь Д. Лейтин пишет о происходящем кризисе идентичности в Молдове. В этом нельзя не согласиться с автором, но одновременно необходимо отметить, что это далеко не первый кризис, который переживает мажоритарное население Молдовы, а равно с ним и представители национальных меньшинств, проживавшие на этой территории. Кризис идентичности прослеживается уже в факте деформации национального сознания на начальном этапе создания буржуазной молдавской нации в XIX в., под влиянием русской культуры и новорумынской культуры (речь идет о территориях запрутской Молдовы, вошедших в состав образованной тогда усилиями сильнейших государств Европы современной Румынии).

Последние годы исследователи уделяют серьезное внимание проблеме *региональной идентичности*. Особую актуальность проблема приобретает в многонациональном сообществе. *Следует отметить, что региональная идентичность может носить как ярко выраженную этническую окраску, так и выступать в качестве характеристики общих представлений жителей многонационального региона*. Особую устойчивость

региональная идентичность приобретает в границах исторически сложившихся географических и политических областей государства. В Румынии, например, это исторические области Ардял, Банат, Запрутская Молдова и др. Причем у жителей этих регионов, граждан одного государства, одновременно выделяются представления о себе, как общности, равно как и характеристики соседей. Аналогичная разница прослеживается и у населения разных исторических территорий Франции: Бургундии, Шампани, Прованса и др. Подобных примеров на просторах Европы немало.

Говоря о молдавской идентичности, следует считаться с фактом того, что значительные по численности, компактно расположенные массы молдавского населения проживают в нескольких государственных образованиях.

Запрутские молдаване, входившие ранее вместе с бессарабцами в состав молдавского княжества, в настоящее время находятся в составе соседней Румынии и обладают иной политической и гражданской идентичностью. Этноним «молдаван» – «*moldovean*» превратился у них в регионализм с преобладанием общераспространенного сознания румынской идентичности. В немалой степени данному процессу способствовала официальная политика румынского государства, направленная на румынизацию сознания национальных меньшинств, чему в немалой степени способствовал период правления Н. Чаушеску⁹. Необходимо отметить, что государственная идеология Румынии и, соответственно, официальная историография не признают молдавскую этническую идентичность. Молдаване Румынии, как и молдаване Республики Молдова, считаются румынами. Сложилась парадоксальная ситуация: Румыния, первой признавшая независимость молдавской государственности после развала СССР, одновременно не признает право на независимость этнолингвистической идентичности титульного этноса Республики Молдова¹⁰.

Молдаване, живущие в междуречье Прута и Днестра, оказались в иных условиях. После 1812 г., попав под прямое влияние России, местные жители оказались в условиях, когда с одной стороны на них обрушилась волна русификации, а с другой, в силу внутренней политики Российской империи (и перенявшего эту практику СССР), сохранились местные устои и традиции регионов (позже союзных республик).

Такая политика привела к сохранению молдавской идентичности, которая, однако, находилась на пограничье восточнороманской и восточнославянской культур. Это наложило соответствующий отпечаток на *маргинализацию сознания* местных жителей. Процесс усилился событиями XX в.

На его протяжении местное население дважды с перерывом находилось под имперским и советским влиянием и испытало на себе воздействие политики румынской идентификации. Речь идет о межвоенном периоде и годах независимости. Это не могло не сказаться на результатах трансформации идентификационных ценностей.

В Республике Молдова, в свою очередь, можно выделить несколько исторически сложившихся регионов, в которых сформировались региональные идентичности – это Правобережная Молдова¹¹ (в настоящее время это территория, где *de iure* и *de facto* действуют законы Республики Молдова). Основная часть территории Правобережной Молдовы, ранее называемая Бессарабией, в свою очередь включает в себя часть исторической территории Буджака (который в исторических источниках еще известен как «Старая Бессарабия», «Древняя Бессарабия»). Опять же, события XX в. разделили эту территорию между двумя союзными республиками. В годы советской власти, на первый взгляд, это не ощущалось в связи с отсутствием внутренних границ и таможен, но это лишь на первый взгляд. Так или иначе, население попадало под влияние местных «правил игры». Районы Рени, Измаила, Аккермана на юге Молдовы и пограничные с Молдавской ССР районы Черновицкой обл., тоже ранее входившие в состав Бессарабии,

были включены в состав Украины. Это не могло не повлиять на формирование идентификационных ценностей у проживающего там украинского и молдавского населения.

Наконец, еще одна компактно проживающая общность молдаван присутствует на Левобережье Днестра. По мнению молдавского историка В. Н. Стати, этому способствовала не только переселенческая политика, это «даже было ускорено включением населения этих краев в сферу интересов молдавской церкви»¹². Историк констатирует тенденцию того, что численность молдаван, селившихся в левобережных районах в XIX в., растет, а доля их в этническом составе сокращается в сравнении с численностью представителей других национальностей, которые селятся здесь в этот период: украинцев, русских, евреев, немцев и др.¹³ Молдавское население Левобережных районов исторически имеет наиболее тесные контакты с восточнославянским населением. О чувствах региональной идентичности населения Приднестровья показательно свидетельствуют результаты исследований американских, российских и приднестровских ученых¹⁴.

Все исторические периоды с начала XIX в. и вплоть до провозглашения молдавской независимости объединены одной общей характеристикой – зависимым характером территории. В русский период с 1812 по 1918 г., в румынский период 1918-1940, 1941-1944, в советский период 1940, 1944-1989, в каждый из перечисленных периодов мажоритарный этнос, по сути, подавлялся внешним фактором (пусть даже и более прогрессивным). Совсем на иных условиях проистекали консолидационные процессы в среде мажоритарного населения Нового румынского королевства, отличающегося от Бессарабии, а позже МССР, своей самостоятельной государственностью. В условиях новой румынской государственности, созданной в условиях капиталистической трансформации Европы XIX в., стала формироваться идея румынской государственной и, соответственно, румынской политической идентичности. Национальная политика румынского государства осуществлялась таким образом, что к концу правления режима Н. Чаушеску идея румынской идентичности (прежде всего в гражданском смысле, равно как и в политическом) прочно превалировала даже среди национальных меньшинств Румынии. В Бессарабии, а позже в МССР молдавское население не ощущало себя в состоянии доминирующей в идеологическом плане силы, сказывалось сильное внешнее турецкое, русское, румынское, советское влияние. Это ставило мажоритарный по численности, но практически мало чем отличающийся от национальных меньшинств (которых в отличие от Румынии целенаправленно никто не ассимилировал) на одни условия существования, когда национальную политику осуществляли не внутренние силы (логично допустить, что превалировать должны при этом представители мажоритарно этноса), а внешний фактор. Историческая несамостоятельность породила у местного населения, как мажоритариев, так и национальных меньшинств, ряд общих психологических черт, одной из которых является *умение выживать и приспособливаться*.

Учитывая резкие смены и социальные жернова эпох можно сказать, что местное население оказалось не только в условиях активно действующей этноконтактной зоны, пограничья культурных традиций, но и под сильным прессингом маргинального фактора, проявлявшегося наиболее остро и наглядно во времена перемен.

Считаю целесообразным обратить внимание на тот факт, что, обладая государственностью, молдаване не являются вплоть до настоящего времени доминирующей нацией в плане идеологии этноса и поддержания чувства патриотизма (отчего-то принято считать, что данный термин является исключительно пережитком советской системы). Это объясняется и так называемым синдромом «малой нации», не излечившись от которого, можно потерять и собственную государственность.

Немалую роль играет и экономическая ситуация. До тех пор, пока экономика государства будет ориентирована на поступления от трудовых мигрантов, чувство стабильности у населения будет неустойчивым.

Говоря о молдаванах, следует учитывать, что речь идет о самом многочисленном в Республике Молдова этносе, а в силу этого можно утверждать, что их этнические проблемы становятся общими для всего населения. Отсюда вытекает еще один прослеживаемый в последнее десятилетие вывод: *национальные меньшинства более целенаправленно заинтересованы в сохранении молдавской идентичности мажоритарного этноса, нежели сами молдаване с разрозненной и полярно ориентированной элитой* (при этом нельзя однозначно утверждать, что сами национальные меньшинства представляют собой единую массу населения с общими интересами)¹⁵. Общее прошлое в период формирования современных наций, которое объединяет и молдаван, и не молдаван на одной территории, свидетельствует об их едином статусе во внешнем восприятии. И те, и другие должны были играть по одним правилам, диктуемым в разное время Турцией, потом Россией, затем, непродолжительное время Румынией, потом снова Россией, но уже в лице СССР. По сути, ни у молдаван, ни у национальных меньшинств края не выработалось чувства независимости и государственной самостоятельности. Ведь даже за обозримые последних два с лишним века наши территории находились либо в фанариотской зависимости, либо входили в состав России и Румынии. Таким образом, молдавская независимость, за последние более чем двести лет по возрасту походит на 16-летнего подростка (собственно столько лет республика и является независимой). А люди в этот период жизни весьма подвержены внешнему влиянию.

Украинский исследователь И. М. Варзар справедливо обратил внимание на проблему современной терминологии. В частности, на понятия «нация», «народ», «гражданство», «подданство», «национальность» и «гражданин» – терминологию, которая с одной стороны не отработана, а с другой не должна копироваться с Запада у нас. Там далеко не все народы-этноты достигли стадии нации, – а потому и недопустимо «размазывать» вышеозначенные понятия. По мнению исследователя, концептуально недопустимо, чтобы все народы назывались «национальностями», отождествлялись «этничность» и «гражданственность», «народ-этнос» и «народ-население» и др.¹⁶

Феноменальные трансформации, проистекающие в среде мажоритарного этноса, привели к тому, что современные исследователи пришли в определенное замешательство. Одним из фундаментальных вопросов стала проблема этнической и гражданской идентификации молдаван по обе стороны Днестра. «Все смешалось, – пишет московский исследователь М. Н. Губогло, – где «центр» молдавского народа, где его диаспора. На правом или левом берегу Днестра? Увы, несмотря на парадоксальность, эти вопросы обрели далеко не шуточное значение»¹⁷. Молдавский этнолог В. С. Зеленчук в своем последнем выступлении на международной конференции, посвященной 100-летию Российского этнографического музея в 2002 г. высказал следующую мысль: «Будут ли молдаване самостоятельным этносом или же они составят часть румынской нации – покажет будущее»¹⁸.

Исходя из факта сохранения в сообществе дискуссионности проблемы существования молдавской нации в качестве самостоятельной, возникает еще одна сторона вопроса **об этническом имени мажоритарного этноса и политическом имени молдавского сообщества**. Практически с начала 90-х гг. в Молдове то возникали, то на время затихали дискуссии об общем имени, объединяющем всех граждан республики, вне зависимости от национальности, политически и географически. В этой связи ряд молдавских ученых и политиков¹⁹ высказали соображение о необходимости возвращения к историческим корням и реанимации политонима «бессарабцы». Позже в основательной статье другого молдавского историка О. Галуценко «О так называемом „бессарабском“ этническом сознании»²⁰, было доказано, что данный термин «применительно к нашим дням является атавизмом»²¹. Если быть исторически корректным, то часть территории бывшей Бессарабии в настоящее время входит в состав соседней Украины (часть Одесской и

Черновицкой обл.). Получается, что жители этих территорий тоже могут именоваться бессарабцами. Но, являясь историческим, этот термин (бессарабцы) продолжает использоваться в качестве регионального определителя вплоть до настоящего времени. Его также пытаются возродить и как официальный термин²².

Во избежание этого, в том числе как этнополитического термина, могут прозвучать ряд аргументов. Во-первых, понятие бессарабцы несет под собой определенный дух зависимости, за последние два столетия этот термин использовался как в Царской России, так и в Румынии, подчеркивая, в том числе, и несамостоятельность населения, объединенного этим словом. В годы советской власти использовалось имя молдаване, как жители молдавской советской социалистической республики.

Региональный определитель может перерасти в понятие более высокого порядка. Это видно на примере термина «приднестровцы». Выступая в качестве регионального определителя, данное понятие в настоящее время, после образования непризнанной ПМР, превратилось в политоним.

Возвращаясь к термину «бессарабцы», следует отметить, что если даже допустить его использование на уровне политонима, это сразу ограничивает представление о Республике Молдова, отделяя от нее и так реально отторженное Приднестровье, так как последнее никогда Бессарабией не было, и одновременно привлекая земли, уже находящиеся в Украине, которые соответственно Молдовой тоже не являются.

Процесс идентификации определяется и внешним фактором. Автор должен констатировать, что последние годы жители ближнего зарубежья, в частности украинцы и белорусы, используют политоним «молдовці» (молдовцы), применительно ко всем жителям Республики Молдова.

В современной Молдове зачастую можно услышать термин «молдоване», который тоже иногда пытаются использовать в качестве политонима (по мнению молдавского академика А. М. Лазарева, правильное звучание этнонима молдавского народа – «молдовень»).

Думается, что искусственное изобретение этнонимов и названий для всего населения Республики Молдова – дело малоперспективное. Исторический опыт свидетельствует, что именно время вырабатывает наиболее устойчивые этнические и региональные имена. Нельзя также забывать специфику произношения того или иного термина на разных языках.

Близкие проблемы переживает и современная Украина. Украинский исследователь И. М. Варзар в своей работе «Політична етнологія як наука» обращает внимание на выступление экс-президента Украины Л. Кравчука 12 января 1993 г. в Кнессете Израиля, в котором подчеркивается, что «Каждая этническая общность на Украине развивается по своим традициям, обычаям. Но, одновременно, все они... представляют собою одну политическую нацию – украинский народ»²³. Исследователь делает справедливое замечание о том, что, говоря о «политической нации», правильнее было использовать выражение «народ Украины»²⁴, аналогичный термин «народ Молдовы» применим и к Молдове.

Озабоченность построением политической нации в Молдове и Украине понятна. Но думается, что это процесс еще не законченный и однозначно болезненный²⁵.

Одним из ярких определителей личности и этносоциальной группы является язык. Краткий анализ лингвистической ситуации в преломлении к разговору о сохранении этнических и формировании общих (надэтнических) ценностей просто необходим.

В годы независимости в Республике Молдова лингвистический фактор приобрел поистине знаковую роль. Следует подчеркнуть особое влияние, которое оказали на развитие этнолингвистических процессов два последних столетия – период, за который местное население прошло путь нескольких формаций.

С 1812 г. Бессарабия вошла в состав Российской империи. В силу специфики исторических процессов и национально-психологического климата, распространенного в крае, а позже и в МССР, в отличие от других союзных республик (например, Грузии, Узбекистана) знание молдавского языка, равно как и языков национальных меньшинств оказалось как бы на втором плане. Это стало необязательным, особенно в городской среде. *Произошла парадоксальная ситуация: тянущиеся к высокой русской, единоверческой культуре молдаване считали обязательным обучить своих детей русскому языку. Что же касается представителей национальных меньшинств – они поступали также, но при этом выпадал сам молдавский язык, как язык большинства, который стал во многих сферах заменяться русским.* Последняя волна распространения русского языка имела место в период восстановления народного хозяйства 40-70 гг. XX в. Ситуация начала меняться к середине 80-х гг. XX в., когда было подготовлено достаточное количество специалистов – представителей мажоритарного этноса. А 80-е гг. характеризуются целым парадом сменяющих друг друга 1-х секретарей ЦК, началом перестройки и агонией СССР. Русский язык стал терять основу своего статуса.

Общедоступный русский язык стал неудобен национал-радикалам Молдовы начала 90-х годов в качестве языка, претендующего на какой-либо статус. Ведь статус русского как языка межнационального общения ни к чему не обязывает. Элита не боится языков без статуса, не боится она и бесписьменных языков. В XIX в. в Бессарабии практически только элита, в том числе и молдавская, владела русским языком. В силу того, что Бессарабия была аграрным краем, основная масса населения общалась на этнических языках. Знание русского было престижно и дало свои плоды уже во второй половине XIX столетия. Особенность заключается еще в том, что Бессарабия, в отличие от стран Закавказья, была присоединена к России мирным путем, без многолетней войны. Таким образом, население края, видя в лице Российской империи избавителя от гнета турок и единоверца, не воспринимала Россию в качестве оккупанта. Дореволюционная Россия характерно отличалась от других могучих держав тем, что ее колонии находились в составе империи и социально-экономический статус многих из них, в частности Бессарабии, значительно улучшился.

Бессарабия Российского периода была известна в качестве вольницы. Здесь отсутствовало крепостное право, жителям края были дарованы многочисленные льготы. Изменился статус местной знати. Пустующие земли Новороссии, в которую входила Бессарабия, притягивали к себе не только лиц, официально переселяемых на новые территории, но и наиболее пассионарных личностей, беглых от крепостничества и панщины из центральных регионов Украины и России. Полиэтничность края и полилингвизм, исторически сложившиеся в нем, отличали данную территорию от ряда других окраинных земель империи. Эти и другие факторы способствовали осознанию жителями края себя единой общностью – бессарабцами (региональная идентификация). В Бессарабии XIX – первой половины XX в., а позже в Советской Молдавии со стороны государства не уделялось внимание региональным языкам. Их никто не запрещал и никто не поощрял. Они сохранились в силу естественной защитной реакции этнических групп в составе иноэтничного окружения с одной стороны, и в связи с аналогичной реакцией по отношению к государственному – русскому языку.

Начало 90-х годов связано в Молдове с приходом к власти национал-радикалов и жесткой чисткой аппарата управления республики. Этому способствовали и такие глобальные политические события, как конфликт с Приднестровьем и гагаузское противостояние. В основе этих, до сих пор неурегулированных региональных проблем, лежало, прежде всего, отсутствие политического решения языковой проблемы. В результате произошло отделение от центра регионов, в которых элита и население по своей ментальности и национальному составу не воспринимали молдавский язык в качестве **един-**

ственного – государственного. Сегодня в Гагаузии и Приднестровье задекларировано по три языка, имеющих статус государственных. Позже в республике был создан Тараклийский уезд с компактным проживанием болгар. В нем, в отличие от Приднестровья и Гагаузии, статус государственного языка имеет только молдавский. Однако, несмотря на разницу в статусе и положении, во всех трех регионах наиболее распространен русский язык, как в делопроизводстве, так и в образовании. На бытовом уровне население предпочитает общаться на этнических языках и русском²⁶.

Во многих работах уже говорилось, что за годы независимости в Молдове, Приднестровье и Гагаузии выросло целое поколение новых людей, которые знают о прошлом уже лишь понаслышке. Но лингвистический вопрос и вопрос идентичности переходят к детям от родителей, которых нельзя винить в том, что они не решили эти животрепещущие вопросы современности, а оставляют их в качестве наследства за свободу и демократию своим потомкам. Жить в переходный период ответственно и непросто, а уж быть рожденным и подавно.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. С докладом, близким освещаемой проблеме, автору довелось выступить на международной конференции, «Интеграционные процессы в Республике Молдова. Разработка национальной стратегии», проходившей в Кишиневе в марте 2000 г.

2. *David D. Laitin. Identity in Formation: The Russian-speaking Population in the Near Abroad.* – Ithaca and London, 1998. Более доступным исследованием Дэвида Лейтина является его исследование, переведенное на русский язык, с которым известный американский аналитик выступил на конференции в Кишиневе в 1998 г. См.: *Лейтин Д. Д. Теория политической идентичности // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция.* – М., 1999. – С. 65-102.

3. См.: *Губогло М. Н. Введение // Губогло М. Н. Идентификация идентичности.* – М., 2003.

4. Подробнее см. *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология.* – М., 1999. – С. 32-35 и др.

5. *Геллнер Э. Нации и национализм.* – М. 1991; *Хобсбаум Э. Нации и национализм.* – СПб., 1998.

6. *Тишков В. А. Концептуальная эволюция национальной политики в России // Исследования по прикладной и неотложной этнологии.* – № 100. – М., 1996.

7. См. *Лейтин Д. Д. Теория политической идентичности.* – С. 81 и др.

8. На эту проблему неоднократно обращалось внимание не только зарубежными, но и молдавскими историками, писавшими в разные годы независимости. См., например, *Шорников П. М. Покушение на статус.* – Кишинев, 1997. – С. 6-21. Нельзя не назвать свежую монографию автора, которую можно охарактеризовать, как одну из лучших работ, посвященных анализу молдавизма – «Молдавская самобытность» (Тирасполь, 2007). Много о данной проблеме писал молдавский историк В. Н. Стати. См.: *Стати В. История Молдовы.* – Кишинев, 2003. На анализе проблемы останавливались и авторы первой коллективной «Истории Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней» (Кишинев, 2002). Здесь же можно указать доклад И. Ф. Грека: *Грек И. Ф. Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации // Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации (материалы круглого стола).* – Кишинев, 1999. – С. 14-15; *Степанов В. П. Указ. соч. и мн. др.*

9. Историческая наука не любит сослагательного наклонения, однако гипотетически вполне допустимо, что при сохранении системы правления периода Н. Чаушеску и

его самого до настоящего времени, перековка этнорегионального сознания молдаван Румынии в общерумынское продолжалось бы.

10. Впрочем, похожих ситуаций в мировой практике не так уж мало. В качестве примера хотелось бы привести гагаузскую проблему. В ряде стран, в том числе в Украине, России, непосредственно в Республике Молдова, гагаузы официально признаны как тюркский этнос. В Республике Молдова учреждена гагаузская автономия (подробнее в тексте). Иначе гагаузов расценивает Турция и Болгария. Официальная историография этих государств расценивает гагаузов соответственно в качестве турок и болгар. В качестве третьего примера можно привести проблему искусственного возрождения русинства, речь идет о попытке внесения раскола в историческую украинскую этническую группу, вторую по численности после молдаван в Республике Молдова. Из сказанного видно, что независимая Молдова подвергается испытаниям в устойчивости этнической идентичности в разных этносоциальных средах и со стороны как внутренних, так и внешних составляющих.

11. В определенной степени сложилась парадоксальная ситуация: сейчас существует как бы две «Правобережные Молдовы», одна исторически с 1812 г. входит в состав Валашского государства (ныне территория Румынии).

12. *Стати В. Н.* История Молдовы. – Кишинев, 2003. – С. 229.

13. Там же – С. 231.

14. *Бабилунга В., Бомешко Б.* Приднестровский конфликт. Исторические, демографические, политические аспекты. – Кишинев, 1998, С. 35-37 и др.; *Губогло М. Н.* Тяжкое время конкурирующих идентичностей. Опыт Приднестровья // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. – 2000. – № 4. – С. 13-35; *его же.* Идентификация идентичности. – М., 2003; См. также: *Troebst Ștefan.* «Noi suntem Transnistrieni!» Istoria politică în «PMR».

15. Подробнее с предварительными данными этносоциологического исследования можно познакомиться в докладе автора «Динамика гражданской и этнической идентичности в современной Молдове», прозвучавшем на международной конференции «Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость», проходившая в 22-23. 10. 2003 г. в Кишиневе. – Кишинев, 2003. – С. 254-269.

16. Політична етнологія як наука. Історіологія, теорія, методологія, праксеологія. – К., 1994. – С. 167.

17. *Губогло М. Н.* Тяжкое бремя конкурирующих идентичностей. Опыт Приднестровья // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. – Тирасполь, 2000. – № 4. – С. 14.

18. *Зеленчук В. С.* Проблемы внутренней структуры этноса (румыны – молдаване) // Музей. Традиции. Этничность. – СПб.-Кишинев, 2002. – С. 183.

19. Например, *Солонарь В.* Я бессарабец! // Молодежь Молдавии. – 1990. – 1 февраля.

20. *Галущенко О.* О так называемом «бессарабском» этническом сознании // Мысль. – 1999. – № 1 (5), март. – С. 52-54.

21. Там же. – С. 54.

22. Бремя нашей мифологии: «Каин, где твой брат Авель?» – Дух румынизма и дух молдовинизма – проблема синхронизации. Статья доктора наук Виктора Боршевича // Независимая Молдова. – 2007. – 28 февраля.

23. *Варзар І. М.* Указ. соч. – С. 135, со сноской на Выступление Президента Украины Л. М. Кравчука на заседании Кнессета Израиля: «Еврейские вести». – 1993. – № 2 (22), январь.

24. Там же.

25. *Толочко П.* Мы уже договорились до того, что Иисус Христос был ширим украинцем, гуцулом // Бульвар Гордона. – 2006. – № 10 (46), март.

26. Подрoбнее анализ этнолингвистических ценностей представителей разных национальностей см.: *Степанов В. П.* Национальная идентичность и языковые предпочтения в межэтническом диалоге: по материалам этносоциологического опроса в Республике Молдова // *Minoritățile Naționale și Relații Interetnice – tradiția europeană și experiența noilor democrații pentru Moldova.* – Vol. 2. – Iași, 2002. – P. 170-183.

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА РОДА И ПЛЕМЕНИ В ИМПЕРИИ ХУННУ

В конце XX – начале XXI вв. проблема формирования патриотизма стала ключевым вопросом в повышении самосознания новых этносов (новых государств).

В научном мире сложилось следующее деление на стадии патриотизма:

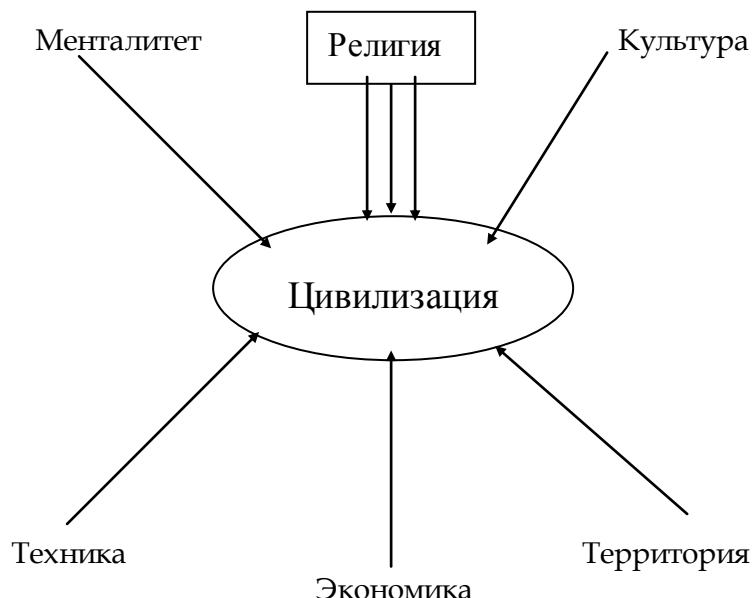
- а) Первичный патриотизм, который относится к патриотизму рода и племени (родовой патриотизм);
- б) Культ императора, Шаньюя-Модэ, кагана и т. п.;
- в) Патриотизм Земли (трансформация культа рода, культа кагана в условиях становления государства. Для болгар в условиях Великой Болгарии «культ всадничества»;
- г) Патриотизм земли – отечества (в условиях государства).

Предметом настоящего исследования является генезис первичного патриотизма проточуваш в рамках их пребывания в составе империи хунну. Автор на основе цивилизационного подхода пытается охарактеризовать социально-политическую ситуацию, а также проследить становление первичного патриотизма проточувашей в условиях империи хунну.

Цивилизационные этапы. Древнечувашская (древнеболгарская) цивилизация в своем развитии прошла ряд этапов:

- а) языческо-христианский (Северный Кавказ);
- б) языческо-мусульманский (Волжская Болгария);
- в) мусульманско-языческий (с 1236 г. Золотая Орда и Казанское ханство);
- г) православный (с 1551 г. в составе России).

Как видно при изложении данных этапов парадигмой для нас служит религия. Цивилизационные матрицы любой цивилизации по утверждению О. Шпенглера¹, А. Тойнби², С. П. Хантингтона³ – это религия.

Поэтому, мы в основе цивилизационных этапов древнечувашской истории положили «кирпичики» (модули) цивилизаций. Как мы знаем, «кирпичики» (матрицы) цивилизаций являются элементами и патриотического воспитания.

Этнорелигиозная, этнопсихологическая, этноязыковая, этнокультурная среда влияет на формирование патриотического сознания.

2. По моему мнению, у древнечувакской цивилизации существуют трансформационные эпохи:

- а) алтайский (до I в.);
- б) северокавказский (со II в. по 40-50-е гг. VIII в.);
- в) волжско-камский (с 40-50-х гг. VIII в. по 1236 г.);
- г) ордынский (с 1243 по 1552 гг.);
- е) российский (с 1551 г.).

Древнечувакская цивилизация шла по пути трансформации: социально-экономической, военно-политической, этнокультурной, религиозной, территориальной, антропологической.

Трансформация:

1. Преобразование;
2. Превращение;
3. Изменение свойств, при помощи трансформации;

Суть теории трансформации:

- а) невозможность использования старых механизмов в развитии общества;
- б) внедрение новых (инновационных) методов управления и т. д.;
- в) глубина преобразований;
- г) хронологическая удлинненность.

Мы говорим о понятии патриотизма, как о «культе земли», который существовал в государствах:

1. Империя хунну;
2. Империя Аттилы;
3. Западнотюркский каганат;
4. Великая Болгария;
5. Суварское царство в составе Хазарского каганата;
6. Волжская Болгария;
7. Золотая Орда;
8. Казанское ханство;
9. Россия.

Был ли догосударственный патриотизм у древних чувашей (болгар, сувар)? У чувашей (до середины XIX в.) сохранялся культ почитания предков (культ предков). Тюркское язычество болгар и сувар в империи хунну доминировало.

Основа любой цивилизации – это этнос, культура, менталитет, духовно-нравственные ценности. Болгары всегда были любознательны. Болгарин, как человек Востока, имел склонность к размышлению, он созерцал и думал. У него имелась внутренняя любовь к природе. Таким образом, истоки духовно-нравственных ценностей чувашской цивилизации находятся на Востоке.

Чем же отличается Восток от Запада?

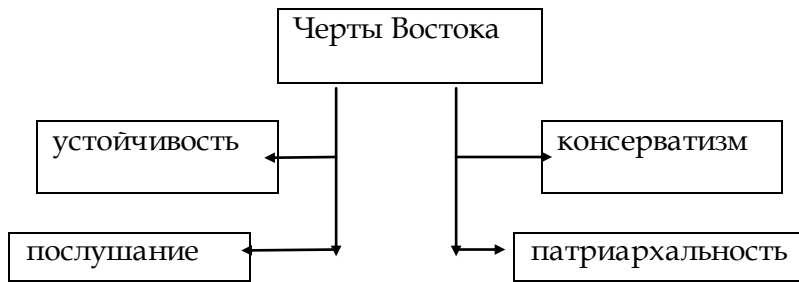
1. В устойчивости Восточной цивилизации состоит первая особенность Востока. Запад движется вперед как бы рывками. И каждый рывок (Античность, Средневековье и т. д.) сопровождается крушением старой системы ценностей, а также политических и экономических структур. Развитие Востока, напротив, предстает как сплошная линия. Новые веяния здесь не разрушают устои цивилизации: они органично вписываются в старое и растворяются в нем.

Восток очень гибок, он способен вобрать и переработать многие чуждые себе элементы. Так, по мнению Н. Я. Бичурина – одного из крупнейших востоковедов, «нашествия «варваров» не только не уничтожили китайское государство, но даже не

прервали его существования... И даже в северной части страны, где образовались «варварские» королевства, эти королевства очень скоро перестали быть «варварскими», превратившись в те же китайские». Коренное китайское население этой части страны ассимилировало пришельцев и привило им свою цивилизацию

Кроме того, в отличие от Европы, на Востоке сосуществовало множество религий, и даже ислам, непримиримый в отношении западного христианства, довольно спокойно уживался с традиционными восточными верованиями. Таким образом, какие бы потрясения в обществе не происходили, основы восточной цивилизации оставались неизблемыми.

Таким образом, чувашская цивилизация имеет свои специфические черты Востока:

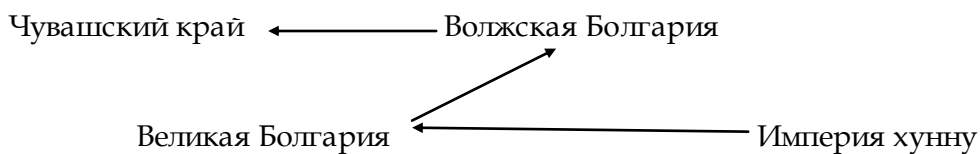
2. Второй важной особенностью Востока являлось то, что общество не потеряло связи с природой.

3. Третьей особенностью является приверженность к традициям.

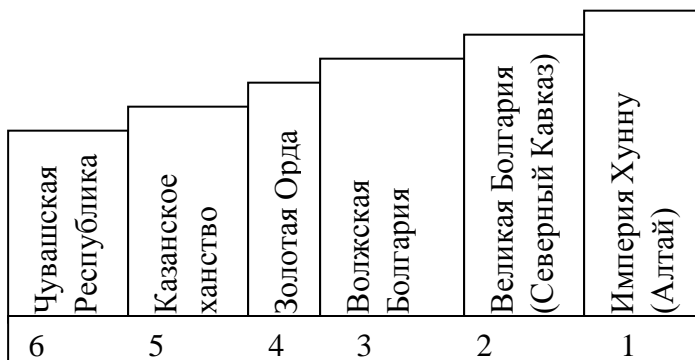
Таким образом, все традиции Востока сохранились в чувашском народе:

1. Устойчивость (консерватизм);
2. Связь с природой;
3. Приверженность традициям;
4. Послушание (исполнительность).

Праосновой патриотизма является уважение родителей или «культ предков». Эти элементы у чуваш сохранялись долгое время. Почему? Древнечувашская цивилизация часто перемещалась.

Территория и государства менялись, постоянно происходило территориальное сокращение расселения проточувашей (болгар и сувар).

- 1) до I в. – алтайская эпоха (более 1500 лет);
- 2) северокавказская эпоха (около 800 лет);
- 3) волжско-камская эпоха (500 лет);
- 4) ордынская эпоха (316 лет);
- 6) российская эпоха (около 500 лет).

Как видно из хронологии существования этих государств, государственный патриотизм не мог сформироваться быстро. Поэтому «культ предков», как форма «проточувашского патриотизма», сохранялся так долго (до середины XIX в.). На первой стадии (кочевой) проточувашский патриотизм ограничивался рамками рода или племени. Лев Гумилев о хунну пишет: «В эпоху Модэ хуннский род был патриархальным, т. е. дети принадлежали к роду отца, а не матери. Вдова старшего брата становилась женой младшего, который был обязан о ней заботиться, как о своей любимой жене. Круговая порука рода подразумевалась как обязательное условие. Это видно из того, что за преступление, совершенное одним членом семьи, несла ответственность вся семья. Эти черты показывают, что род был крепок и отнюдь не разлагался. С отцовским родом всегда бывает связана экзогамия, и у хуннов она налицо, так как жен полагалось брать исключительно из чужого рода, что видно на примере брачного права шаньюев»⁴.

Кочевой образ жизни был присущ хунну. Л. Н. Гумилев далее пишет: «Китайская история сохранила описание жизни ху, предков хуннов, в доисторический период их жизни. Это тем более интересно, что в этом описании ху мало похожи на исторических хуннов по социальному строю, но близки к ним по бытовым черточкам.

В древности, по-видимому, никакого государственного устройства у хуннов не было. Отдельные семьи кочевали по степи со стадами, состоявшими из лошадей, крупного и мелкого рогатого скота и в меньшей степени верблюдов и ослов.

Кочевой быт отнюдь не предполагал беспорядочного блуждания по степи. Кочевники передвигались весной на летовку, расположенную в горах, где пышная растительность альпийских лугов манила к себе людей и скот, а осенью спускались на ровные малоснежные степи, в которых скот всю зиму добывал себе подножий корм. Места летовок и зимовок у кочевников строго распределялись и составляли собственность рода или семьи. Так было и у хуннов»⁵.

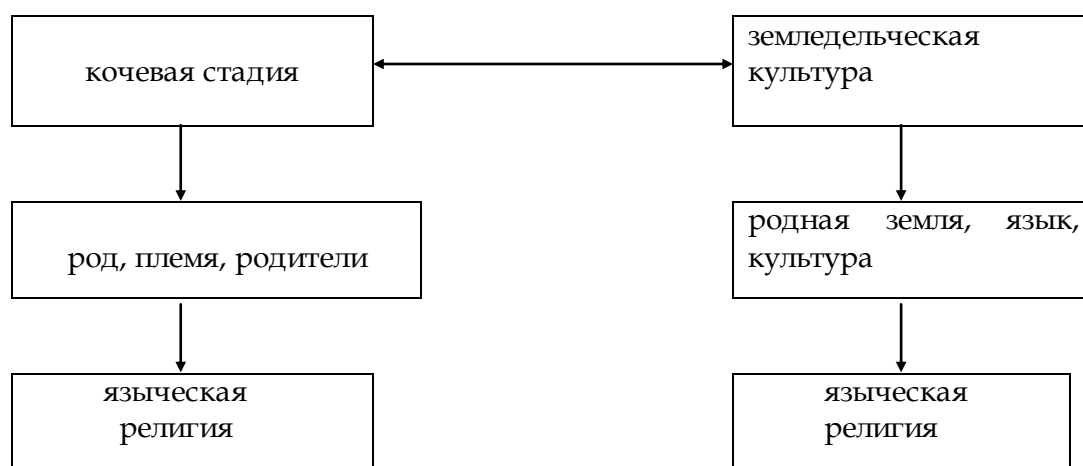
Таким образом, по мере «оседания» проточувашей происходит переход к «земледельческой культуре», а с нее и формируется «патриотизм земли» и государства, формирование государства трансформирует патриотизм рода, семьи в патриотизм земли. Этот процесс у хунну начинается с приходом к власти Модэ (219 г. до н. э.).

Шаньюй Тумань имел двух сыновей от разных жен. Для того чтобы обеспечить престол любимому младшему сыну, он решил пожертвовать старшим – Модэ и отдал его в заложники юэчжам. Напав на последних, Тумань надеялся, что они убьют его сына. Но Модэ оказался человеком решительным. Ему удалось похитить у юэчжей коня и вернуться к отцу, о предательстве которого он, конечно, знал. Тумань, искренне восхищенный удалью Модэ, не только не убил его, но дал ему в управление тюмень, то есть 10000 семейств. Модэ немедленно начал обучать военному делу свою конницу и научил ее пользоваться стрелой, издававшей при полете свист. Он приказал всем пускать стрелы лишь вслед за его свистящей стрелой; невыполнение этого приказа каралось смертной казнью. Чтобы проверить дисциплинированность своих воинов, Модэ пустил свистящую стрелу в своего аргамака и не выстрелившим в великолепного коня приказал отрубить головы. Через некоторое время Модэ выстрелил в свою красавицу-жену. Некоторые из приближенных в ужасе опустили луки, не находя в себе сил стрелять в беззащитную молодую женщину. Им немедленно были отрублены головы. После этого Модэ на охоте направил свистящую стрелу в аргамака своего отца, и не было ни одного уклонившегося.

Увидев, что воины подготовлены достаточно, Модэ, следуя за отцом на охоту, пустил стрелы в отца⁶.

Н. Н. Крадин, отрицая убийство отца (Тоуманя) сыном, отмечает, что неправдоподобен факт отцеубийства. В истории кочевого мира в борьбе за престолонаследие часто встречались случаи убийства братьев, кузенов, дядей и других родственников с последующей узурпацией престола. Практически все основатели степных империй были узурпаторами автократами, которые пришли к власти путем насилия. Но вот отцеубийство (особенно в той форме, как это было изложено Сыма Цянем) больше характерно для фольклора, чем для реальной истории кочевников Центральной Азии⁷.

Все ученые приписывают слова: «земля – основа государства» шаньюю Модэ (Н. Н. Крадин⁸, В. Ф. Каховский⁹). Таким образом, «патриотизм земли» и патриотизм государства (отчизны) можно отнести к императору хуннского государства Модэ. В эпоху хуннской империи формируется «культ земли», культ императора-шаньюя, «культ воина» (патриотизм воина). В хуннском обществе сохраняется «двойной патриотизм».

Культ предков трансформируется в культ вождя (шаньюя).

Во главе хуннской державы стоял шаньюй, что в переводе означает «величайший»¹⁰. Само название показывает, что это не царь, противопоставленный подданным, а первый между равными прочими старейшинами, власть которого отнюдь не абсолютна.

В. С. Паскин подробно проанализировал китайские источники и выявил обширный круг обязанностей шаньюя:

1) Шаньюй являлся верховным правителем хуннской империи, представлял империю в политических и экономических отношениях с другими странами и народами. В его компетенцию входило объявление войны и мира, заключение политических договоров, право получения «подарков» и дани и их редистрибуция, заключение династических браков и т. д.

2) Шаньюй был верховным главнокомандующим империи. Он определял военную стратегию, назначал командующих крупными воинскими подразделениями, поручал им ведение военных кампаний, а также нередко лично руководил наиболее крупными военными операциями.

3) Шаньюй являлся верховной судебной инстанцией, принимавшей окончательные решения по самым спорным или наиболее важным вопросам.

4) Шаньюй выполнял высшие жреческие функции: он проводил религиозные обряды, обеспечивал подданным покровительство со стороны сверхъестественных сил¹¹.

Первоначально шаньюй был как будто выборным. Но институт избрания имел лишь условное значение. Главной формой передачи власти было завещание, хотя, чаще всего, шаньюй передавал престол сыну.

Шаньюй дважды в день совершал официальные поклонения солнцу и луне.

Изучая хуннское общество, можно увидеть:

1. Наличие императора;
2. Аппарат управления;
3. Существование законов;
4. Существование армии;
5. Объединительная религия – язычество.

Л. Н. Гумилев отмечал в работе «Хунну», что шаньюй мог делать все, что не противоречило интересам его рода.

Система чинов. Аппарат управления у хуннов был чрезвычайно громоздок и сложен. Можно даже выделить несколько классов чиновников или, вернее, вельмож, разделившихся на восточных и западных. Понятия «восточный» и «западный» значили также «старший» и «младший». Первый класс – чжуки-князь (слово «чжуки» означает «мудрый», отмечал Л. Н. Гумилев). Восточным чжуки-князем должен был быть наследник престола, но это правило часто нарушалось. Второй класс – лули-князь; третий – великий предводитель; четвертый – великий дуюй; пятый – великий данху. Эти высшие чины всегда были членами шаньюева рода. Все они не имели родовых потомственных уделов, но получали их вместе с занимаемой должностью. При повышении менялся удел соответственно степени родства с шаньюем. Принцы крови занимали свои посты исключительно по признаку аристократизма. Признак этот далеко не всегда совпадал с талантом и пригодностью. Поэтому наряду с аристократией крови существовала аристократия таланта, служивая знать (не родственники шаньюя). Название их было «гудухэу», они были «помощниками» высших вельмож и выполняли всю работу по управлению. Подобно высшим вельможам, они были связаны не с отдельными родами, а с центральной системой управления. Все вельможи имели личные дружины: «высшие – по 10 тыс. человек, а низшие – по несколько тысяч. Кроме 24 вельмож, была родовая знать: князья, связанные с родами, своеобразные начальники кланов. Таковы были Хучжюй и Хуньше – князья, кочевавшие в предгорьях Алашаня, Сижу, Гуси – на восточной границе и другие.

Итак, мы установили три категории хуннской аристократии: принцы крови, служивая аристократия и родовая знать. С такой мощной силой шаньюи были вынуждены считаться, так как обходиться без нее они не могли. Вельможи и старейшины опирались не только на традиции, но и на свои дружины, и часто шаньюи ничего не могли поделать с неудобными им князьями. Это, конечно, отчасти связывало руки правительству, так как ограничивало власть шаньюев и мешало им превратиться в деспотов. Из приведенных материалов видно, что хуннская «держава» по существу была олигархией, возникшей в условиях патриархального рода.

Воины. Реформы Модэ превратили патриархальное племя хуннов в военную державу Хунну. Каждый хунн стал воином, имел начальника и был обязан строго подчиняться ему. Однако старая родовая система не была нарушена, и во главе боевых подразделений стояли не выходцы из низов, как случилось позднее у монголов при Чингисхане, а принцы крови и родовые старейшины. Разделение власти между шаньюями и знатью ограничивало произвол и тех и других. Такие реформы Модэ, как введение поголовной воинской обязанности, безусловного подчинения начальникам и создание системы чинов, а главное – взгляд на территорию как на основу государства, следует понимать как консолидацию племени, которая предотвратила разложение родового строя, законсервировала его на много веков.

Рядовой хунн, родившись воином, должен был быть только им и никем иным. Но, хотя честолюбие при этом страдало, он получал надежные гарантии того, что его положение не ухудшится, так как род не мог его оставить на произвол судьбы. Богатеть он мог за счет добычи, которая была его неотъемлемой собственностью. Жизнь рядового хунна в мирное время состояла из перекочевок (2-4 раза в год), военных упражнений и отдыха во время весеннего и осеннего приволья. Не случайно китайские министры отмечали высказывания пограничных рабов, что у хуннов воинам «весело жить». Поэтому китайцы нередко стремились перебежать к ним.

Войско. Общую численность войска китайцы исчисляли в 300 тыс. человек. Кажется, это несколько завышенная цифра, так как, если даже принять, что все мужчины были в войске (а нам известно, что боеспособные мужчины составляли 20 % населения), то всего на территории Монголии получится 1,5 млн. человек, т. е. вдвое больше, чем сейчас. Скорее всего, здесь одно из обычных преувеличений старых китайских хроник.

Основным оружием легковооруженного хуннского всадника был лук (болгарский лук). Он бил до 300 шагов. Тактика хуннов состояла в изматывании противника. Например, под городом Пинчэн хунны окружили авангард китайского войска. Хунны численно превосходили китайцев. Китайцы были истомлены морозом, непривычным для жителей юга (китайцы, времен хунну проживали в более теплых краях), и голодны, так как были отрезаны от своих обозов. И, несмотря на это, хунны не отважились на атаку. Однако тут дело не в трусости или чрезмерной осторожности. Рукопашная схватка была хуннам не нужна. Неустанно тревожа блокированного противника, они стремились добиться полного утомления врага, такого утомления, при котором оружие само выпадает из рук и ратник думает не о сопротивлении, а лишь о том, чтобы опустить голову и заснуть.

Будучи нестойкими в бою, хунны восполняли этот недостаток искусным маневрированием. Повторным отступлением они умели заманивать в засаду и окружали самонадеянного противника. Но если враг решительно переходил в наступление, хуннские всадники рассыпались, «подобно стае птиц», для того чтобы снова собраться и снова вступить в бой. Отогнать их было легко, разбить – трудно, уничтожить – невозможно.

Так как военная служба была долгом каждого хунна, за нее не полагалось никакого вознаграждения. Убив врага, воин получал «кубок вина и право на всю захваченную им добычу». Надо думать, добыча, захваченная без боя, поступала в дележ (дуван) с отчислением в пользу шаньюя, ибо иначе трудно было объяснить приведенную цитату. Война приносила немалый доход и была сравнительно безопасна, так как задачей хуннского воина было застрелить врага из лука с изрядного расстояния или, измучив его до полусмерти, связать и привести домой как раба.

Хунны – народ кочевой; они в изобилии имели продукты скотоводства, но весьма нуждались в продуктах земледелия и тканях. При меновой торговле китайские и согдийские купцы обманывали неискушенных кочевников. Но зато потерянное в торговле возмещалось при удачном налете, и «справедливость» торжествовала. Военные успехи хуннов обеспечили экономическое развитие кочевого скотоводческого хозяйства. Племенная консолидация затруднялась внутренними межэтническими столкновениями и постоянными грабежами, связанными с попыткой некоторых племен добиться независимости от империи хунну.

Доходы. Для содержания шаньюя и вельмож требовались средства, которые не взыскивались с народа. Патриархальному обществу чуждо понятие налога; свободный воин не согласен никому ничего платить, так как в факте уплаты он усматривает ущемление свободы. Эти средства поступали от несвободных, т. е. подчиненных, племен в виде дани и от врагов в виде военной добычи. Покоренные дунху уплачивали дань воловьими и лошадиными шкурами и овчинами. Большие подати платили богатые земледельческие

районы оазисов Восточного Туркестана. Оттуда же, по-видимому, хунны получали железное оружие, так как его изготовлением славились тангуты, обитавшие около озера Лобнор, в княжествах Жокянь и Лэулань (Шаньшань). Меха поступали, вероятно, с северной границы – от кипчаков, динлинов и хакасов. Но наряду с покоренными отсталыми племенами важным источником дохода шаньюев был Китай. Прямую дань китайцы категорически отказывались платить, считая это для себя унижительным. Вместе с тем, они посылали хуннам подарки, что было замаскированной формой дани. Так, например, когда Модэ в 176 г. послал с посольством в Китай скромный подарок: одного верблюда, двух верховых лошадей и две конские четверки, он получил взамен с ответным посольством богатейшие дары: вышитый кафтан на подкладке, длинный парчовый кафтан, золотой венчик для волос, золотом оправленный пояс и носороговую пряжку к нему, десять кусков вышитых шелковых тканей темно-малинового и зеленого цвета¹².

Выводы:

1. По мнению Н. И. Ашмарина в империи хунну проточуваши находились до 71-68 гг. до н. э.¹³
2. Империя находилась на кочевой ступени развития и трансформировалась в земледельческую культуру.
3. Сохранился «первичный патриотизм» рода, племени.
4. По мере «оседания» и формирования общего языка, религии появляется патриотизм земли («Земля – основа государства» по Модэ).
5. Формирование «патриотизма земли» происходит в процессе установления географических, этнокультурных, этноязыковых границ в рамках «общего» государства (империя хунну).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Шпенглер О. Закат Европы. – М., 2004.
2. Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М., 2004.
3. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций. – М., 2003.
4. Гумилев Л. Н. Хунну. – М., 1960. – С. 81.
5. Там же. – С. 27.
6. Гумилев Л. Н. Хунну. – С. 63; Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. I. – М.-Л., 1950. – С. 46-47.
7. Крадин Н. Н. Империя хунну. – М., 2002. – С. 51.
8. Там же.
9. Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. – Чебоксары, 2003.
10. Бичурин Н. Я. Указ. соч. – Примеч. к с. 46.
11. Крадин Н. Н. Указ. соч. – М., 2002.
12. Гумилев Л. Н. Указ. соч. – С. 76-81.
13. Ашмарин Н. И. Болгары и чувашаи. – Чебоксары, 2000.

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ ЛИЧНЫХ ИМЕН НОГАЙЦЕВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Данное исследование основывается на том понимании методов, принципов и значения изучения антропонимии ногайцев Северного Причерноморья, которые были представлены в нашей статье в предыдущем выпуске «Лукоморья»¹. Здесь мы значительно расширяем источниковедческую базу исследования и, соответственно, сам список личных имен изучаемой этнической группы. Сам словарь построен таким образом, чтобы он мог быть использован в качестве источника для дальнейших исторических, этнологических и лингвистических исследований.

Следует добавить, что помимо изучения вопроса степени исламизации (проблема, которая была поставлена нами в предыдущей статье), изучение антропонимии мусульманизированных тюркских этнических групп Евразии позволяет реконструировать имеющиеся у них до- и неисламские религиозные верования и мировоззренческие представления, динамику иноэтнических и инокультурных влияний, а также вопросы этногенеза, в смысле изначальной этнокультурной специфики конкретных тюркских народов.

При изучении антропонимии исторических тюркских народов возникает целый ряд сложностей. Одно из них – тесное переплетение у них личных имен с титулатурой. Такие лексемы как *мырза*, *бей*, *ага*, *султан*, *хаджи* и др. могут быть как титулами, обозначающими достоинство, так и компонентами личных имен. Например, слово *хаджи* может быть как почетным титулом человека, совершившего паломничество в Мекку, так и именем человека, родившегося в месяц хаджа²; *бек* «правитель, вождь, бек, князь» может выступать в своем основном значении, но может также являться лишь имяобразующим аффиксом³ и т. п. В каждом отдельном случае необходим индивидуальный подход для того, чтобы определить, что в наименовании человека следует считать его титулом, а что – компонентом личного имени.

Следующей особенностью тюркской антропонимии вызывающей сложности в изучении является переплетение в названиях аулов родовых названий и личных имен. Не всегда можно однозначно определить восходит ли ойконим к имени главы аула (близкого предка главы) или является родовым названием.

В контексте понимания особенностей системы личных имен, традиционной для тюркских народов, также необходимо отметить тесное переплетение личных имен и прозвищ. В отличие от европейских и других народов, тюрки не имели постоянных, раз и навсегда данных имен. Одно имя давалось человеку от рождения, а другое (другие) он получал со временем. Как, например, отмечал Л. Н. Гумилев в отношении древнетюркской антропонимии, она репрезентовалась «не канонизированными именами, а описательными, меняющимися с возрастом и общественным положением человека. Это скорее прозвища»⁴. Это (эти) вторичное имя отражало определенные личные особенности человека (внешний облик, профессию или занятие, общественное положение, особенности характера и т. п.). Одной из принципиальных задач, которая может пролить свет на ряд фактов исторического процесса, является разграничение «первичного» и «вторичных» имен, что, однако, часто сделать очень сложно.

Также мотивы номинации у тюрков были чрезвычайно широки, практически любое понятие могло выступать в качестве личного имени. Так, как верно отмечает Менгес, «многие шаманистские племена имели обычай называть младенца именем первого предмета, который попался на глаза отцу, когда он покидал шатер, где впервые видел но-

ворожденного. Этим обеспечивается широкий диапазон антропонимических средств»⁵. Вместе с тем, это не единственный способ имянаречения у тюрков, вытекающий из их древних верований и обычаев. С другой стороны, некоторые тюрко-монгольские народы, напротив, имя давали обычно не сразу после рождения, а по прошествии нескольких недель, месяцев или лет. Мальчикам часто давали имя только в 10 лет и старше, а до этого его называли просто «мальчик», «маленький мальчик», «сын» и т. п.⁶ В ряде случаев (особенно, если в семье часто умирали дети), новорожденным давали «грязные», «скверные» имена⁷, в том числе «собачьи» имена, которые должны были отпугивать злых духов, не прельщающихся на малоценную добычу. Часто детям давались различные благопожелательные имена, отражающие желательные физические качества или особенности характера. Косвенно в таком качестве могли выступать объекты или явления природы, названия животных и птиц, термины родства, титулы.

Еще один мотив номинации – обстоятельства, в том числе время, рождения (на основе веры в то, что обстоятельства рождения определяют будущую судьбу?)⁸.

В связи с многообразием и противоречивостью мотивов номинации, а также полисемантией тюркской лексики, сделать выбор в пользу той или иной этимологии тюркского личного имени зачастую оказывается чрезвычайно сложно, если, вообще, возможно.

Источники, из которых мы извлекали ногайские имена следующие: непосредственные упоминания имен ногайцев в российских и других исторических документах, обычно это имена различных предводителей и старейшин. Большой массив этих документов опубликован и проанализирован в работах А. А. Скальковского⁹, А. Сергеева¹⁰, А. А. Новосельского¹¹, Б.-А. Б. Кочакаева¹², В. В. Трепавлова¹³, С. Н. Гизера¹⁴ (сокр. в тексте словаря – Гизер) и др.

Еще одним источником выявления ногайских именами явились названия ногайских аулов. У ногайцев, как и у других тюркских кочевых народов, аулы назывались либо по именам их старейшин или прародителей, либо по родовым названиям. Значительная часть последних также восходит к эпонимам. Список аулов ногайцев Буджакской Орды, перед их окончательным выселением из края в 1807 г., включающий около 200 наименований, опубликован А. А. Скальковским (сокр. в тексте словаря – Скальк.)¹⁵. Названия ногайских аулов содержатся также в картографических материалах. Так, например, несколько сотен названий ногайских аулов приводится в известной карте голландского картографа Бауэра (сокр. в тексте словаря – Бауэр)¹⁶. Названия аулов ногайцев Северного Приазовья приводятся А. Сергеевым (сокр. в тексте словаря – Серг.)¹⁷.

Важным подспорьем являются данные топонимии (сокр. в тексте словаря – гидр. [гидроним]). На территории, где в прошлом расселялись ногайцы, до сих пор от них сохранился целый ряд географических названий, в том числе репрезентующих ногайские личные имена. Но особенно важны ранние топонимические сведения, относящиеся к времени сразу после выселения ногайцев. Так, например, «Статистическое описание Бессарабии», начало составления которого относится к 1821 г., содержит в себе десятки ногайских топонимов¹⁸, впоследствии вышедших из употребления.

Используя вышеуказанные источники, нам удалось собрать порядка 250 личных имен и компонентов личных имен ногайцев нынешней территории Южной Украины. Этот список может быть в дальнейшем расширен. Однако имеющиеся источники не позволяют выявить женские имена ногайцев, ни одно из них нами не было обнаружено. Собранный материал отражает именник правящей ногайской аристократии, имена представителей простого народа, которые могли значительно отличаться от имен знати, встречаются в единичных случаях.

Предлагаемая структура словарной статьи следующая: 1. Заголовок статьи, выделяемый полужирным курсивом, – анализируемая реальность, то есть личное имя или компонент личного имени; 2. Чем является это слово, в выявленных именах: личным именем (ЛИ), компонентом личного имени (КЛИ), компонентом фамилии (КФ), титулом (Т); 3. Приводятся (курсивом) полные имена всех конкретных людей, имевших это слово в качестве личного имени или компонента личного имени с указанием (в скобках, сокращено) источника, в котором это имя было обнаружено или названий, в которых присутствует личное имя. Поскольку в иноязычных источниках ногайские имена, как правило, искажались, мы предлагаем, помимо оригинального, свое прочтение имени, которое приводится в необходимых случаях также курсивом после косой линии; 4. Даем краткую этимологию этого имени, включая его передачу арабской или персидской графикой, в случае его соответствующего происхождения, и латинской транскрипцией арабского или персидского слова; 5. При имеющихся данных, определяем возможный мотив номинации. Если имя восходит к слову, имеющемуся в большинстве тюркских языков, используем помету тюрк., если только в некоторых из них – приводим 1-2-3 языковых примера наиболее близких этнически и географически к изучаемым группам ногайцев.

Орфография ногайских имен и слов в ряде случаев упрощена. Так, тюркский звук *ö* передаем буквой *ё*, тюркский звук *i* – буквой *ю*, аффрикату *ž* через буквосочетание *дж* (которую в алфавите ставим после буквы *д*), задние звуки *кь*, *нъ*, *гъ* хотя и обозначаем, алфавитно не разграничиваем с *к*, *н*, *г*. На наш взгляд, это значительно облегчает восприятие и работу со словарем, тем более, что не всегда можем с уверенностью определить какой звук имел место в каждом конкретном случае: *кь* или *к*, *нъ* или *н*.

СЛОВАРЬ

А

Абдулл, ЛИ: *Абдул-Аджи / Абдулл-хаджи* (Скальк.), КЛИ: *Абдувели Смаилов / Абдулвели Смаилов* (Серг.) *Абдулл + Вели*.

Араб. *Абдулла* ('*ābd Allāh*) عبد الله «раб Аллаха», либо – сокращенная форма от имен, в которых первая часть состоит из компонента «Абдул», например, *Абдулкарим* ('*ābd al-Karīm*) عبد الكريم «раб Щедрого», *Абдулджамил* ('*ābd al-Ġamīl*) عبد الجميل «раб Доброго»¹⁹.

Абдулвели, ЛИ: *Абдувели Смаилов / Абдулвели Смаилов* (Серг.). Состоит из двух компонентов арабского происхождения: '*ābd* عبد «раб» и *Īalī* ولي «друг, близкий (Аллаху)», «святой»: '*ābd al-Īalī* عبد ولي «раб друга, близкого (Аллаху)».

Абубекир, ЛИ: *Абубекир мурза Сеитов / Абубекир-мурза Сеитов* (Серг.). Состоит из двух компонентов арабского происхождения: куньи '*Abū* ابو «отец (такого-то)», которая в личных именах может терять самостоятельное значение, а также либо имени *Бекир* – тюрк. варианта араб. *Vakr* بكر – имени Абу Бакра ас-Сиддика – первого праведного халифа (632-634), либо имени *Bāqir* باقر «изучающий, постигающий», являвшегося прозвищем шиитского имама Мухаммада ибн Али.

Адиль, ЛИ: *Адиль-мурза Дивеев* – предводитель Буджакской Орды в первой половине XVII в. (Гизер), *Адыл-Байрактар / Адиль-байрактар* (Скальк.) «Адиль-знаменосец», КЛИ: *Адиль Гирей мурза Аксаков / Адильгирей-мурза Аксаков* (Серг.) *Адиль + Гирей*.

Араб. '*Ādil* عادل «справедливый», эпитет мусульманских правителей.

Азу, КЛИ: *Азубай Оразашев* (Серг.) *Азу + Бай*.

Тюрк. *азуу* и под. (фонетич. совпадает со ср.-кыпч., узб. диал. Хорезм. *azu:*, чаг. *azi*) «клык» (животного), «коренной зуб»²⁰. Мотивы номинации не ясны.

Азубай, ЛИ: *Азубай Оразашев* (Серг.) *Азу + Бай*.

Ай, КЛИ: *Ай-Демир* – мурза Буджакской Орды в первой половине XVII в. (Гизер) «луна» + «железо», *Айнас мурза Джанаев* (Серг.) *Джань* + «луна», КФ, ЛИ (?): *Сатемир мурза Канаев* (Серг.), *Канай мурза Султан Мурат беев* (Серг.), возможно, *Къань* + «луна».

Тюрк. *aj* «луна, месяц». «По языческим представлениям, детям, родившимся в полнолуние, обычно давали имена, содержащие в своем составе компонент *aj* «луна, месяц». Позднейшая метафоризация значения: «луна» → «красивый, хорошенький, миленький, счастливый»²¹. У северокавказских ногайцев зафиксирован в качестве личного имени²².

Айвас, ЛИ: *Калигерей мурза Айвас Гадмиев* (Серг.).

Возможно, из перс. *'Aquad* عوض «замена».

Айдар, ЛИ: *Aidar Kastangalij* / *Айдар Костангъгалы* (Бауэр) (*костангалы* – ногайское родовое название²³), то есть аул *Айдара* из рода *костангалы*, *Айдар-оглу* (Скальк.) «сын *Айдара*».

Араб. *Haïdar* حيدر «лев» – прозвище четвертого праведного халифа Али бен Аби Талиба (656-661), с характерным для многих тюркских диалектов отпадением *h* в анлауте.

Айдемур, ЛИ: *Ай-Демур* – мурза Буджакской Орды в первой половине XVII в. (Гизер) «луна» + «железо».

Айнас, ЛИ: *Айнас мурза Джанаев* (Серг.).

Возможно, из араб. *'Anas* انس «радость, веселие».

Акъ, ЛИ: *Ack Mursa* / *Акъ-мурза* (Бауэр), *Акъ-мурза* – бей племени Орак-оглу Буджакской Орды в 1807 г. (Скальк.), КЛИ: *Akaratan Agi* / *Акъараманъ-агъа* (Бауэр) «белый, счастливый, благословенный» + «заветная мечта», *Akbasch* / *Акъбаиш* (Бауэр) «белый, счастливый, благословенный» + «голова, глава», *Ak-Buta* / *Акъбута* (Скальк.) «белый верблюжонок», *Ackbolat* / *Акъболат* (Бауэр) «белый, счастливый, «благословенный» + «булат, сталь», *Akambet mursa Kanbulatov* / *Акъмамбет-мурза Къанъбулатов* (Серг.) «белый, счастливый, «благословенный» + *Мамбет*, *Aksakal* / *Акъсакъл* (Бауэр) «белобородый».

Тюрк. *aq* букв. «белый», с метафоризацией «счастливый», «благословенный» (белый цвет имел магическое значение у тюрко-монгольских народов, с ним связывается все чистое, светлое, доброе) или «долгожитель», «чтобы дожил до старости»²⁴.

Акъай, КЛИ (?), КФ: *Ибрагим Сарсакъев* (Серг.). Гапология от тур. *sarsak* «разбитый, уставший, слабый» + *акъай* «старший мужской родственник» = *сарсакъакъай* > *сарсакъай*.

Тюрк. *aka* / *aqqa* «старший мужской родственник» + зват. аф. -j²⁵.

Акъараманъ, ЛИ: *Akaratan Agi* / *Акъараманъ-агъа* (Бауэр) «белый, счастливый, благословенный» + *Arman*.

Акъбаиш, ЛИ: *Akbasch* / *Акъбаиш* (Бауэр) «белый, счастливый, благословенный» + «голова, глава» – «светлоголовый», «светловолосый», «седовласый» (дано новорожденному по особенностям внешнего вида или как прозвище по тому же мотиву) или благопожелательное имя: «чтобы дожил до седых волос, до старости».

Акъболат, ЛИ: *Ackbolat* / *Акъболат* (Бауэр) «белый, счастливый, благословенный» + «булат, сталь».

Акъбута, ЛИ: *Ak-Buta* / *Акъбута* (Скальк.) «белый верблюжонок».

Акъмамбет, ЛИ: *Akambet mursa Kanbulatov* / *Акъмамбет-мурза Къанъбулатов* (Серг.) «белый, счастливый, благословенный» + *Мамбет*.

Акъсакъл, КФ, ЛИ (?): *Адиль Гирей мурза Аксаков* / *Адильгирей-мурза Акъсаков* (Серг.).

Тюрк. (кр.-тат., тур. и др.) *aksak* / *aqsaq* «хромой»²⁶.

Акъсакъл, ЛИ: *Aksakal* / *Акъсакъл* (Бауэр) «белобородый».

Алакъл, КФ, ЛИ (?): *Мамбет Алаказов* (Серг.).

Вероятно, из тюрк. *ala* «пестрый, пятнистый (о масти животных)»²⁷ и *qaz* «гусь» – «пестрый гусь»²⁸.

Алемши, ЛИ: *Alemschi* / *Алемши* (Бауэр).

Можно предложить две этимологии этого имени: 1. гаг. *аллем / алле / аллелем* «кажется, видимо, наверное», тат., баш. *алмэ* + уменьшит. аф. *-ши*²⁹. Быть может, прозвище человека часто употреблявшего это слово. 2. араб. *ʿĀlim* علم «знающий осведомленный», эпитет мусульманских правителей + уменьшит. аф. *-ši*.

Али, ЛИ: *Alebei / Али-бей* (Бауэр), *Али-бек* – мурза Буджакской Орды в первой половине XVII в. (Гизер), *Ali Mursa / Али-мурза* (Бауэр), *Али Мурза / Али-мурза* (Серг.), *Almaga / Али-агъа* (Бауэр), в связи с тем, что по карте Бауэра это ногайское поселение (в районе современного с. Задунаевка) расположено в нескольких километрах к западу от реки *Алияга*, сохранившее это название до сих пор, *Алмага* Бауэра следует считать искажением от *Алияга*, а последнее – стяжением от антропонима *Али-агъа*, *Алияга / Али-агъа* (гидр.), *Менгли Али-Байрактар ага* (Серг.), *Tschawschali / Чауш-Али* «старшина Али», *Кали Герей-мурза / Къалигерей-мурза* (Серг.), известна каз. форма имени *Али – Кали*³⁰, КЛИ: *Бегали-Ага / Бегали-агъа* – посол от молочанских ногайцев в Буджакскую Орду в 1807 г. (Серг.) «бек, правитель» + *Али*, *Алипаша мурза Мамбет беев* (Серг.) *Али + паша*, *Калигарей мурза Коразов / Къалигерей-мурза Къоразов* (Серг.) *Къали + Герей*, *Юсуф-Али-Хаджи / Юсуфали-хаджи* (Скальк.), *Юсуф + Али*.

Араб. *ʿAlī* علي «высший», «могучий» – имя четвертого праведного халифа Али бен Аби Талиба (656-661).

Алипаша, ЛИ: *Алипаша мурза Мамбет беев* (Серг.) *Али + паша*.

Алавгат, ЛИ: *Алавгат мурза Ораков / Алавгат-мурза Ораков* (Серг.).

Этимология не выяснена.

Ареламбет, ЛИ: *Ареламбет мурза Сатеев* (Серг.).

Этимология не выяснена, вторая часть, вероятно, – сокр. от *Мамбет*.

Асанъ, ЛИ: *Asan Aga / Асанъ-агъа* (Бауэр), *Gadgi Assan / Гаджи Ассанъ* (Бауэр), *Асан-Эфендий / Асанъ-эфенди* – кади молочанских ногайцев в начале XIX в. (Серг.). Ср. *Гассан*.

Араб. *Hasan* حسن «добрый, хороший» – имя старшего сына четвертого праведного халифа Али бен Аби Талиба, внука пророка Мухаммада.

Аталыкъ, КЛИ: *Аталык-улу* (Скальк.) «сын отчима».

Тюрк. *atalyq* < *ata* «отец» + аф. *-lyq*, «неродной отец, отчим».

Аталыкъ-улу, ЛИ: *Аталык-улу* (Скальк.) «сын отчима».

Тюрк. *atalyq* < *ata* «отец» + аф. *-lyq*, «неродной отец, отчим» и *улу* тюрк.-кыпч. «сын» (*ул*) в изафетной форме. Возможно, дано ребенку, родившемуся у неродного отца (взявшего в жены беременную женщину). Подобные ситуации в жизни кочевников, в которых набеги и умыкание женщин были повседневным явлением, были достаточно типичны. Так, в монгольском «Сокровенном сказании» рассказывается, что предок Чингисхана – Бодончар в одном из набегов захватил «в половину беременную женщину», которая вскоре родила сына. «Так как его считали сыном чужого племени, то и назвали его Чжа-дарадай»³¹, что, вероятно, является монгольским вариантом рассматриваемого имени.

Ашыкъ, ЛИ: *Aschikeoi / Ашыкъ-кёй* (Бауэр) «село Ашика».

Из кр.-тат. и др. *ашыкъ* «влюбленный, поклонник; поэт-песенник, ашуг, темой песен которого обычно была любовь» из араб. *ʿĀšiq* عاشق «любящий, беззаветно преданный».

Ашим, ЛИ (?), КЛИ (?): *Aschim Gaschi / Ашим-гаджи* (Бауэр).

Этимология не выяснена, о том что это – личное имя (вероятно, существенно искаженное при иноязычной передаче) может свидетельствовать вторая часть – тюрк. из араб. «паломник».

Ашим-гаджи, КЛИ: *Aschim Gaschi / Ашим-гаджи* (Бауэр) «Ашим-паломник».

Б

Багъадур, см. *Батыр*.

Бад / Баты, ЛИ: *Баты-мурза* (Серг.), КЛИ: *Badseren / Бадсерен* (Бауэр) «крепкий, сильный» + «долгая жизнь».

Бур.-монг. *бата* «крепкий, сильный», имя внука Чингисхана – *Батыя*.

Бадсерен, ЛИ: *Vadseren / Бадсерен* (Бауэр).

Из бур.-монг. *бата* «крепкий, сильный» + *цэрэн / цырен* (из тибет.) «долгая жизнь»³².

Имя свидетельствует о присутствии среди буджакских ногайцев буддистско-калмыцкого этнического компонента.

Бадур, ЛИ: *Vadur / Бадур* (Бауэр). Возможно, фонетич. вариант от *Батыр*.

Бады, КЛИ, см. *Бадыосмань*.

Бадыосмань, ЛИ: *Бады-Османь / Бадыосмань* (Скальк.). Первый компонент – либо от араб. *Vadī* ڤدي «редкий», «превосходный», «совершенный (эпитет Аллаха)», либо от *Бад / Баты* + *Османь*.

Бай, КЛИ: *Азубай Оразашев* (Серг.) *Азу* + *бай*, *Vaitimir / Байтемир* (Бауэр) «железный бай», *Edelbai / Еделбай* (Бауэр) «большая река» + *бай*, *Kosjūbai / Къосыбай* (Бауэр) «безбородый» + *бай*, *Kurtschak Denisbai / Курчак Денизбай* (Бауэр) «море (океан)» + *бай*, *Togusbai / Тогъузбай* (Бауэр) «девятый бай», *Мусюрман Честанбаев / Честаньбай* (Серг.) *Честань* + *бай*.

Тюрк. *бай* «богатый, богач», в Центральной Азии, в отличие от титула-имени *бей*, характерного для представителей родовой верхушки, потомственных степняков-аристократов, присоединялось к именам богачей неочевнического (сартского) происхождения, занимавшихся в основном торговлей³³. Широко распространен у северокавказских ногайцев, как личное имя и компонент личного имени³⁴.

Байтемир, ЛИ: *Vaitimir / Байтемир* (Бауэр) «железный бай».

Балабань, ЛИ: *Balaban / Балабань* (Бауэр).

Кр.-тат. и др. *балабань* 1. «большой», 2. «охотничий сокол».

Бань, КЛИ: *Бантемир* (Скальк.) *Бань* + «железо». Возможно, из болг., срб.-хрв. *бан* «господин», «господарь», «областной владетель», «отец семейства» (ср. рус., укр. *пан*). В этом случае, устанавливается славянское влияние на ногайскую антропонимию. Хотя, возможно, это – ошибочное написание другого названия, например, *Къаньтемир*.

Баньтемир, ЛИ: *Бантемир* (Скальк.) *Бань* + «железо».

Баты, см. *Бад*.

Батыр / Багъадур, ЛИ: *Batir Mursa / Батыр-мурза* (Бауэр), *Багъадур* (*Батырбий*) – предводитель Буджакской Орды в начале XVII в. (Гизер), КЛИ: *Батыр-Кази-эфенди / Батыркъази-эфенди* (Серг.) «богатырь» + *къази*, *Батыршах-Кёй* (Скальк.) «село *Батыршаха*» *Батыр* + *шах*.

Тюрк. *bağatur / batır* «герой, богатырь, силач, храбрец и т. п.»³⁵, возможно, монгольского происхождения.

Батыршах, ЛИ: *Батыршах-Кёй* (Скальк.) «село *Батыршаха*», *Батыр* + *шах*.

Баиш, КЛИ: *Akbasch / Акъбаиш* (Бауэр) «белая голова», *Karabasch / Къарабаиш* (Бауэр) «черная голова».

Тюрк. *baş* «голова, глава».

Баязет, ЛИ: *Баязет-Бей* (*Бей-Ясиш-бей* ?) / *Баязет-бей* – мурза Едисанской Орды в конце XVIII в., «начальник» молочанских ногайцев в начале XIX в. (Серг.).

Тюрк. из араб. *'Abū Jazīd* ʾأبو جازيد, где *'Abū* ʾأبو КЛИ, образующий кунью, «отец (такого-то)», однако, в составе многих куний собственного значения не имеет + араб. *Jazīd* جازيد «дарованный».

Бебе, КЛИ: *Bebeul / Бебе-ул* (Бауэр) «сын младенца; сын братишки».

Возможно, тюрк. *bebe* «младенец», ног. «братишка»³⁶.

Бебеул, ЛИ: *Bebeul / Бебеул* (Бауэр) «сын младенца; сын братишки».

Бег, КЛИ, Т: *Бегали-Ага / Бегали-агъа* – посол от молочанских ногайцев в Буджакскую Орду в 1807 г. (Серг.) «князь, бек, правитель» + *Али*. См. *бей*.

Бегали, ЛИ: *Бегали-Ага / Бегали-агъа* – посол от молочанских ногайцев в Буджакскую Орду в 1807 г. (Серг.) «князь, бек, правитель» + *Али*.

Бей, ЛИ: *Bei Mursa / Бей-мурза* (Бауэр), Т.

Тюрк. *bej / beg / bek / bij* «князь, бек, правитель», «глава рода или племени», «титул, присоединяется к мужским именам, придавая оттенок уважения», в Центральной Азии, в отличие от титула-имени *бай*, характерного для богачей неочевнического (сартского) происхождения, занимавшихся в основном торговлей, присоединялось к именам представителей родовой верхушки, потомственным степнякам-аристократам³⁷. У северокавказских ногайцев зафиксирован компонент личного имени *bij*³⁸.

Бекир, ЛИ: *Bekirolu / Бекир-олу* (Бауэр) «сын Бекира», КЛИ: *Абубекир-мурза Сеитов* (Серг.) *Абу + Бекир*.

Либо от *Бекир* – тюрк. варианта араб. *Bakr بك* «крепкий, прочный» – имени Абу Бакра ас-Сиддика – первого праведного халифа (632-634), либо от араб. *Bāqir باقر* «изучающий, постигающий», являвшегося прозвищем шиитского имама Мухаммада ибн Али.

Бек, КЛИ: *Bektasch / Бекташ* (Бауэр) *бек + «камень»*, см. *бей*.

Бекташ, ЛИ: *Bektasch / Бекташ* (Бауэр) *бек + «камень»*.

А. Гафуров это имя переводит как «крепкий как камень»³⁹. Хотя такая метафоризация слова *бек* и возможна, здесь скорее – в основном значении – «князь, бек, правитель». *Бекташи* также название суфийского братства *Бекташии* и этноконфессиональной группы тюрков Передней Азии и Балканского п-ова.

Белкай, ЛИ: *Белкай мурза Давеев* (Серг.).

Этимология не выяснена.

Беи, КЛИ: *Беидин* (Скальк.) «*пять вер*».

Тюрк. *beş* «*пять*».

Беидин, ЛИ: *Беидин* (Скальк.), *беи + дин* «*пять вер*». Неясно.

Будаць, ЛИ (?): *Budack / Будаць* (Бауэр).

Тат. ЛИ *Будаг* «ветка», «отпрыск». Возможно, также – родоплеменное название, ср. с *будаг* – узбеки-кипчак⁴⁰.

Бузир, КФ, КЛИ (?): *Суюн Тазбузир* (Серг.) «лысый» + *Бузир*.

Этимология не выяснена.

Болат / Булат, ЛИ: *Bulat Mursa / Булат-мурза* (Бауэр), КЛИ, КФ: *Ackbolat / Акъболат* (Бауэр) «белый, счастливый, «благословенный» + «булат, сталь», *Kotschbolat / Кочболат* (Бауэр) «убегать» + «булат, сталь», *Акамбет мурза Канбулатов / Акъмамбет-мурза Къанъбулатов* (Серг.) *Къанъ + «булат, сталь»*.

Тюрк. из перс. *bolat < pūlād پُلَاد* «булат, сталь».

Буре, КЛИ: *Какбуре мурза Шантемиров* (Серг.) «сизый, сивый волк».

Тюрк. *böri* «волк». Волк – тотем многих тюркских народов⁴¹.

Бурлакъ, ЛИ (?): *Burlack Agi / Бурлакъ-агъа* (Бауэр), *Бурлак* (Скальк.).

Либо родовое название, известное у ногайцев, либо имя, образованное от прозвища – ног. и др. *бурлакъ* «неженатый парень»⁴².

Бута, ЛИ: *Ак-Бута / Акъбута* (Скальк.), *Акъ + бута* «белый верблужонок».

Тюрк. *botu, bota, buta* (тат., баш.) «верблужонок, верблужонок по первому году»⁴³.

В

Вали, КФ, ЛИ (?): *Джаум мурза Валеев* (Серг.). Ср. *Вели*.

От араб. *Ḥalī حَلِي* «друг, близкий (Аллаху)», «святой».

Вели, КЛИ: *Вели-Шах-мурза / Велишах-мурза* – мурза Буджакской Орды в первой половине XVII в. (Гизер) *Вели + Шах, Абдувели Смаилов / Абдулвели Смаилов* (Серг.) *Абдул + Вели*. Ср. *Вали*.

Араб. *Ḥalī حَلِي* «друг, близкий (Аллаху)», «святой».

Велишах, ЛИ: *Вели-Шах-мурза / Велишах-мурза* – мурза Буджакской Орды в первой половине XVII в. (Гизер) *Вели + Шах*.

Г

Гадми, КФ, ЛИ (?): *Калигерей мурза Айвас Гадмиев* (Серг.).

Этимология не выяснена.

Гаджи, ЛИ или Т (?): *Gadsche / Гадже* (Бауэр), КЛИ: *Gadge Batıjr / Гаджибатыр* (Бауэр) «паломник» + «богатырь», *Gadgi Assan / Гаджи-Асань* (Бауэр) «паломник» + *Асань*, *Ion Gaschi / Ион-гаджи* (Бауэр) *Ион* + «паломник», *Aschim Gaschi / Ашим-гаджи* «Ашим-паломник».

Тюрк. из араб. *ḥāǧī* حاج / *حاجی* «паломник», либо почетный титул, дающийся человеку, совершившему паломничество в Мекку, либо имя человека, родившегося в месяц паломничества, «утробный паломник». Ср. *Хаджи*.

Гази, КЛИ: *Dongasi / Донъгази* (Бауэр) «платье; штаны; халат и т. п.» + *Гази*, *Джиенгазы Ниязов / Джиенъгази* (Серг.) «племянник / племянница по сестре» + *Гази*, *Джелигазы Байрактар-ага* (Серг.) *Джели* + *Гази*, *Гусейнгазы Байрактар-ага* (Серг.) *Гусейн* + *Гази*.

Тюрк. из араб. *ǧāzī* غازی «воитель за веру», «победитель».

Гассан, ЛИ: *Gassin Paqa / Гассань Пага* (Бауэр), *Гассань-Ходжа* (Скальк.). См. *Асань*.

Гирей / Герей, КЛИ: *Хаджи-Гирей-мурза / Хаджигирей-мурза* (Серг.) «паломник» + «бритва», «острый, как бритва», либо «паломник» + тюрк.-монг. этноним *кереит*, *Кали Герей-мурза* (Серг.) *Кали* от араб. *Али* + «бритва», «острый, как бритва», либо тюрк.-монг. этноним *кереит*, *Калигарей мурза Коразов / Къалигерей-мурза Коразов* (Серг.) тоже, *Калигерей мурза Айвас Гадмиев* (Серг.) тоже, *Сагадет Гирей (Сегедет Гирей) / Сагъадетгирей* (Серг.) «чистый, правильный закон» (?) + «бритва», «острый, как бритва», либо тюрк.-монг. этноним *кереит*, *Адиль Гирей мурза Аксаков / Адильгирей-мурза Акъсаков* (Серг.) *Адиль* + «бритва», «острый, как бритва», либо тюрк.-монг. этноним *кереит*.

От тюрк. *keräj/ girej/ gäraj* «бритва», «острый, как бритва», часто встречающееся в тюркской антропонимии, в частности, у северокавказских ногайцев имеется имя *qylyş gerej* «меч-бритва»⁴⁴. Многие тюркские антропонимы возникли на почве метафоризации значения названия оружия разных видов, в частности, еще у древних гуннов отмечен культ меча, как острого режущего оружия, к подвиду которого относилась и бритва – острый стальной предмет для бритья, обычно в виде складного ножа⁴⁵. А. В. Шабашов отстаивает другую гипотезу, согласно которой слово восходит к широко распространенному у многих тюрк.-монг. народов племенному названию *кереит*, с характерным для огузских языков звонким согласным в анлауте и отпадением монгольского аф. мн. ч. *-т*. Само же название этого племени восходит к имени тотемного животного – вороны⁴⁶. Эта гипотеза может подтверждаться тем, что многие личные имена у тюрков происходят от этнонимов, а также тем, что кереиты сыграли большую роль в формировании крымских татар и ногайцев⁴⁷. Этой же гипотезы придерживались сами крымские татары, представителям правящей династии которых присваивалось по наследству имя Гирей. Согласно их легендам, основатель независимого Крымского ханства Хаджи-Гирей имел своим наставником (аталыком) человека, принадлежавшего к роду гирей, от которого хан и взял свое второе имя, ставшее впоследствии своеобразным родовым именем династии⁴⁸. Имя может восходить также к самой основе, от которого образован этноним – монг. *кэрэ* «ворона» (мн. ч. *кэрэит* или *кэрээт*)⁴⁹, так как названия животных широко представлено и в антропонимии, а монголы, как показано в работах А. В. Шабашова, оказали большое влияние на формирование кыпчаков⁵⁰ и ногайцев⁵¹. Имеющаяся версия, производящая имя от тюрк. *Keraĭ* «сильный, могучий», никак не обоснована⁵².

Гусейн, КЛИ: *Гусейнгазы Байрактар-ага* (Серг.) *Гусейн* + *Гази*.

Араб. *Husajn* حسين «добрый, хороший», ласкат. форма от *Хасан*.

Гусейнгази, ЛИ: *Гусейнгазы Байрактар-ага* (Серг.) *Гусейн* + *Гази*.

Д

Давлет, ЛИ: *Давлет Мурза Мамбетов / Давлет-мурза Мамбетов* (Серг.).

Тур., кр.-тат. и др. *devlet* «богатство, счастье, государство, страна».

Деве /Давей, ЛИ, КФ: *Deoi Mijrsa /Деве-мырза (Бауэр), Белкай мурза Давеев (Серг.), Давей-мурза /Девей-мурза (Серг.), Давей мурза Досан Мамбетов /Девей-мурза Досан Мамбетов (Серг.)*.

Тюрк. *deve* «верблюд» (?).

Дениз, КЛИ: *Kuptschak Denisbai /Къыпчаць Денъизбай (Бауэр)* «море (океан)» + *бай* – «чтобы был могучим, как океан баем!» из рода *кыпчац*.

Тюрк. *tāñiz* «море (океан)»⁵³. Вероятно, в монгольской огласовке – *Чингиз* – лег в основу имени-титута великого завоевателя.

Денизбай, ЛИ: *Kuptschak Denisbai /Къыпчаць Денъизбай (Бауэр)* «море (океан)» + *бай* – «чтобы был могучим, как океан баем!». *Къыпчаць* – родовое название ногайцев – *кыпчац*, «*Денизбай* из рода *кыпчац*».

Демир, см. *Темир*.

Дин, КЛИ: *Беидин (Скальк.)* «пять вер».

Тюрк. *din* из араб. *dīn* دین «вера».

Дмимал, ЛИ: *Дмимал мурза Суюншов /Дмимал-мурза Суюншов (Серг.)*.

Этимология не выяснена.

Догуз-бей, ЛИ: см. *Тогузбай*.

Дон, КЛИ: *Dongasi /Донгази (Бауэр)* «платье; штаны; халат и т. п.» + *Гази*.

Возможно, от тюрк. *dop* «платье; штаны; халат и т. п.».

Донгази, ЛИ: *Dongasi /Донгази (Бауэр)*, возможно, «платье; штаны; халат и т. п.» + *Гази*.

Досан, ЛИ: *Давей мурза Досан Мамбетов /Девей-мурза Досан Мамбетов (Серг.)*.

Этимология не выяснена.

Дж

Джабаш, ЛИ: *Джабаш-бей* – глава рода Джамбулат-оглу Буджакской Орды в 1807 г. (Скальк.).

Этимология не выяснена.

Джам, ЛИ: *Джам-Бай /Джам-бай (Скальк.)*.

Можно предложить три варианта этимологии имени. 1. Из тюрк. *žat* «стекло»; 2. искаженное от араб. *ġāmī* جامع «Всеобщий, Совершенный (эпитет Аллаха)»; 3. тюрк. *žamī* из араб. «пятница», «пятничная, соборная мечеть».

Джань, ЛИ: *Dscham Mursa /Джань-мурза (Бауэр)*, КЛИ: *Джан-Мамбет /Джаньмамбет* – владетель Буджакской Орды в 1770 г. (Серг.) *Джань* + *Мамбет*, *Dschangsuit /Джаньсьют (Бауэр)* *Джань* + «молоко», *Dschanijsuit /Джаньсьют (Бауэр)* тоже, *Kuitschuk Dschangsut /Кючюк Джаньсьют (Бауэр)* «малый Джаньсьют», *Viik Dschangsut /Бююк Джаньсьют (Бауэр)* «большой Джаньсьют», *Dschantimir Mursa /Джаньтемир-мурза (Бауэр)* *Джань* + «железо», *Хаджи Темир Жан Байрактар /Хаджи Темирджань-байрактар (Серг.)* «железо» + *Джань*, *Dschantu /Джаньту (Бауэр)*, *Айнас мурза Джанаев (Серг.)* *Джань* + «луна».

Тюрк. *žañ* из перс. *gān* گان «душа, милый».

Джаньбай, КФ, ЛИ (?): *Айнас мурза Джанаев (Серг.)* *Джань* + «луна».

Джаньмамбет, ЛИ: *Джан-Мамбет /Джаньмамбет* – владетель Буджакской Орды в 1770 г. (Серг.) *Джань* + *Мамбет*.

Джаньсьют, ЛИ: *Dschangsuit /Джаньсьют (Бауэр)* *Джань* + «молоко», *Dschanijsuit /Джаньсьют (Бауэр)* тоже, *Kuitschuk Dschangsut /Кючюк Джаньсьют (Бауэр)* «малый Джаньсьют», *Viik Dschangsut /Бююк Джаньсьют (Бауэр)* «большой Джаньсьют».

Джаньтемир, ЛИ: *Dschantimir Mursa /Джаньтемир-мурза (Бауэр)* *Джань* + «железо».

Джаньту, ЛИ (?): *Dschantu /Джаньту (Бауэр)*.

Возможно, от тюрк. из перс. *gān* گان «душа, милый» + архаичный тюрк. аф. *-tu*, образующий прилагательное от основы – «душевный».

Джапар, ЛИ: *Dschapar /Джапар (Бауэр)*.

Араб. *Ġabbār* جَبَّار «Могущественный, Всемогуший (эпитет Аллаха)».

Джаум, ЛИ: *Джаум Хаджи-мурза* – один из пяти главных мурз Едисанской Орды в 1770 г. (Серг.), *Джаум мурза Валеев* (Серг.).

Этимология не выяснена.

Джаут, ЛИ: *Джаут-мурза* (Серг.).

Этимология не выяснена.

Джели, КЛИ: *Джелигазы Байрактар-ага* (Серг.) *Джели* + *Гази*.

Возможно, от араб. *Ġalīl* خَلِيل «великий, величественный».

Джелигазы, ЛИ: *Джелигазы Байрактар-ага* (Серг.) *Джели* + *Гази*.

Джиен, ЛИ: *Джиенгазы Ниязов / Джиенъгази* (Серг.) «племянник по сестре» + *Гази*, КФ, ЛИ (?): *Мустафа Челибий Джиенальский* (Серг.).

Тюрк. *jegen / žijen* и т. п. «племянник по сестре»⁵⁴.

Джиенгазы, ЛИ: *Джиенгазы Ниязов / Джиенгази* (Серг.) «племянник по сестре» + *Гази*.

Е

Едел, КЛИ: *Edelbai / Еделбай* (Бауэр) *Едел* + *бай*.

Тюрк. *edel* восходит к древнетюркскому названию большой реки (отсюда тюрк. название Волги – тат. *Итиль*, чув. *Атӑл*⁵⁵).

Еделбай, ЛИ: *Edelbai / Еделбай* (Бауэр) *Едел* + *бай*.

И

Ибраим / Ибрагим, ЛИ: *Ibraim Agi / Ибраим-агъа* (Бауэр), *Ибраим Байрактар ага* (Серг.), *Ибрагим Сарсакаев* (Серг.), КЛИ: *Kara Braim / Къараибраим* (Бауэр) «черный Ибраим».

Араб. *Ibrāhīm* اِبْرَاهِيم < Авраам (др.-евр. «отец народов»).

Ики, КЛИ: *Ischeke Mursa / Ишики-мурза* (Бауэр) «сподвижник, сотоварищ» + «два» – «второй товарищ».

Тюрк. *iki* «два».

Илияс / Ильяс, ЛИ: *Илияс-Ага / Илияс-агъа* – посол от молочанских ногайцев в Буджакскую Орду в 1807 г. (Серг.), *Илияс-Эфенди / Ильяс-эфенди* (Серг.).

Араб. *Iliās* اِلْيَاس < Илия (др.-евр. «сила Божья»).

Иса, ЛИ: *Isakiwi / Иса-кюю* или *Иса-кёй* (Бауэр) «село Исы» или «колодец Исы».

Араб. *Īsā* عِيسَى < пророк Иисус (др.-евр. «милость Божья»).

Ислам, ЛИ: *Islome / Ислам* (Бауэр), огубление «а» характерно для узбекского и иранских языков, *Ислам-ага* (Скальк.), *Ислям-мурза* – один из пяти главных мурз Едисанской Орды в 1770 г. (Серг.), *Ислам-Аджи-кой / Ислам-хаджи кьой* (Скальк.) «деревня *Ислам-хаджи*».

Араб. *Islām* اِسْلَام «Ислам», название религии.

Исмаил / Смаил, ЛИ: *Ismail Mursa / Исмаил-мурза* (Бауэр), *Смаил мурза Султан Мурат беев / Смаил-мурза Султан Мурат беев* (Серг.), *Исмаил мурза Темиров* (Серг.), КФ: *Абдувели Смаилов* (Серг.).

Араб. *Ismā'īl* اِسْمَاعِيل < пророк Измаил (др.-евр. «бог слышит»).

Ион, ЛИ: *Ion Gaschi / Ион-Гаджи* (Бауэр) – *Ион* + «паломник».

Ион, вероятно, – молд. форма имени *Иван*. Имя может свидетельствовать о наличии молдавского этнического компонента в составе буджакских ногайцев.

Ион-Гаджи, ЛИ: *Ion Gaschi / Ион-Гаджи* (Бауэр). *Ион* + «паломник».

Иш, КЛИ: *Ischeke Mursa / Ишики-мурза* (Бауэр) «второй товарищ».

Тюрк. *iş* «сподвижник, сотоварищ». Не менее вероятно, от родоплеменного названия, ср. *эшиге* – киргизы – сары багыш⁵⁶. См. *Йеш*.

Ишики, ЛИ: *Ischeke Mursa / Ишики-мурза* (Бауэр) «второй товарищ».

Й

Йеш / Еш / Эс / Ми, ЛИ: *Jesch Mursa / Йеш-мурза* (Бауэр), *Эс-Мурза* (Скальк.).

Тюрк. *jes / iš* и т. п. «сподвижник, сотоварищ», такое имя давалось, когда у родителей до этого не было детей, чтобы ребенок, получивший такое имя, в дальнейшем стал им товарищем, помощником⁵⁷, либо – родоплеменное название, ср. *эс* – казахи-найман⁵⁸, КЛИ: *Ischeke Mursa / Ишики-мурза* (Бауэр) «второй товарищ». Ср. *Иш*.

К

Къадырали, ЛИ: *Кадралы-Хаджи / Къадыр*али-хаджи (Скальк.), *Къадыр* + *Али*.

Къадыр, КЛИ: *Кадралы-Хаджи / Къадыр*али-хаджи (Скальк.), *Къадыр* + *Али*.

Араб. *Qādir* قدير «всемогущий (эпитет Аллаха)».

Къазакъ, ЛИ: *Kasak Mursa / Къазакъ-мурза* (Бауэр).

Тюрк. *qazaq* «казак, откочевавший, мятежник», «свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга»⁵⁹, ног. «тот кто уходит с родины на заработки»⁶⁰ и т. п., либо тюркское название украинских и русских казаков⁶¹.

Къази / Къазы, ЛИ, Т (?): *Казы-мурза* (Серг.), *Казы мурза Султан Муратов* (Серг.), КЛИ: *Батыр-Кази-эфенди / Батыркъази-эфенди* (Серг.) «богатырь» + *къази*, *Къырымкъазы* (Серг.) *Кързым* + *къазы*.

Тюрк. *qazi* из араб. *gāzī* غازی «судья», возможно, также от араб. *Кад*и قاضي «ведущий верный путем (эпитет Аллаха)» (ср. чередование *д ~ з* в слове *рамазан ~ рамадан*).

Къазы, см. *Къази*.

Къай, ЛИ: *Meschen Caımursa / Мешен Къай-мурза* (Бауэр), *мешен* – название родового подразделения ногайцев, *Къай-мурза* из рода *мешен*, *Kaitschuk / Кайчук* (с уменьш. аф. *-чук / -джук*), КЛИ: *Kai Mambet Bai Mursa / Къаймамбетбай-мурза* (Бауэр) *Къай* + *Мамбет* + *Бай*.

Возможно, *кай* – из монг. «змея»⁶².

Къаймамбетбай-мурза, ЛИ: *Kai Mambet Bai Mursa / Къаймамбетбай-мурза* (Бауэр) *Къай* + *Мамбет* + *Бай*.

Къайчук, ЛИ: *Kaitschuk / Кайчук* (Бауэр) *Къай* + тюрк. уменьш. аф. *-чук / -джук*.

Къали, известная у казахов форма арабского по происхождению имени *Али*.

Къалимбет, ЛИ: *Къалимбет-оглу* (Скальк.) *Къали* (*Али*) + *Мбет*, сокр. от *Мамбет*.

Къалмыкъ, ЛИ: *Kalmıjk Mursa / Къалмыкъ-мурза* (Бауэр), *Калмик мурза Ораков / Къалмыкъ-мурза Ораков* (Серг.).

Тюрк. *qalıtıq* «калмык, (название народа)», также как нарицательное с негативной коннотацией: «жестокий», «жирный» и т. п. Этимология этнонима носит дискуссионный характер. По одной из гипотез происходит от тюрк. глагольной основы *qal-* «оставаться» + аф. *-таq* – «остаток, оставшийся», либо видоизменение от самоназвания калмыков *халимаг / хальмг* – от глагола *халихуу* «стремительные, воспарившие вверх»⁶³.

Къанъ, ЛИ: *Kan Mursa / Къанъ-мурза* (Бауэр), КЛИ, КФ: *Kantemir Mursa / Къанътемир-мурза* (Бауэр) – имя известного предводителя Буджакской Орды первой половины XVII в. – *Канъ* + «железо», *Акамбет мурза Канбулатов / Акъмамбет-мурза Къанъбулатов* (Серг.) *Къанъ* + «булат, сталь».

Тюрк. *qan / хан* «хан, правитель, предводитель, повелитель», при этом отмечается, что данное слово «присоединялось к именам всех ближайших родственников главы племени»⁶⁴. Менее вероятно, из тюрк. *qan* «кровь». У северокавказских ногайцев зафиксировано как компонент личного имени⁶⁵.

Къанъай, КФ, ЛИ (?): *Сатемир мурза Канаев* (Серг.), *Канай мурза Султан Мурат беев* (Серг.).

Возможно, от тюрк. *kün* «солнце» + *aj* «луна», в русском историческом ономастиконе зарегистрированы имена *Кунай*, *Куней*, которые сравнивают с татарским *aj köp*. Тюркские имена с компонентами *kün*, *aj* и под. хранят следы поклонения древних тюрков небесным светилам⁶⁶. Имена с компонентами «солнце», «луна» известны у северокавказских ногайцев⁶⁷. Либо из *Къанъ* + *ай*.

Къанъбулат, ЛИ, КФ: *Акамбет мурза Канбулатов / Акъмамбет-мурза Къанъбулатов* (Серг.), *Касай мурза Канбулатов / Къасай-мурза Къанъбулатов* (Серг.), *Мамбет Керей мурза Канбулатов* (Серг.) «хан» + «булат, сталь» или «кровь» + «булат, сталь».

Къанъбул, ЛИ: *Kanbul / Къанъбул* (Бауэр). Возможно, сокр. от *Къанъбулат*.

Къанътемир, ЛИ: *Kantemir Mursa / Къанътемир-мурза* (Бауэр), имя известного предводителя Буджакской Орды первой половины XVII в. «железный хан» или «кровавый хан».

Къаплан, ЛИ: *Kaplan / Къаплан* (Бауэр), *Kaplan Jerei / Къаплан Йерей* (Бауэр), *Kaplan Mursa / Къаплан-мурза* (Бауэр).

Тюрк. *qarlan / kaplan* «тигр, леопард, барс, крупный хищник семейства кошачьих»⁶⁸, «чтобы был отважным и яростным как тигр». В кыргызском героическом эпосе «Манас» *каплан* (*кабылан*) – традиционное поэтическое прозвище богатыря. Это слово обычно означает не конкретного хищника, а большого тигроподобного зверя вообще. «Барс» как символ силы и верности издавна был нарицательным именем киргизских вождей, которые нередко были известны не только по именам собственным, но и по прозвищам. Это животное, вероятно, присутствовало среди тотемов древнетюркских племен⁶⁹.

Къара, ЛИ: *Кара-мурза* (Серг.), КЛИ: *Karabasch / Къарабаши* (Бауэр) «черная голова», *Kara Braim / Къараibraим* (Бауэр) «черный Ибраим», *Kara Mambet / Къарамамбет* (Бауэр) «черный Мамбет», *Kara Magmet / Къарамахмет* (Бауэр) «черный Махмет».

Тюрк. *qara* «черный, могучий».

Къарабаши, ЛИ: *Karabasch / Къарабаши* (Бауэр) «черноголовый», «темноволоосый».

Къараibraим, ЛИ: *Kara Braim / Къараibraим* (Бауэр) «черный, могучий» + *Ибраим*.

Караджа, ЛИ: *Karadsche Mursa / Караджа-мурза* (Бауэр), *Караджа-Бураган* (Скальк.).

Тур. и др. *karaca* «косуля, олень; черноватый, темный».

Карай, ЛИ: *Karai Mursa / Къарай-мурза* (Бауэр).

Тюрк. *qaraj* «караим», название народа. Существуют две основные гипотезы этимологии этого этнонима: либо от др.-евр. *карай* «чтец» (человек, читающий Священное Писание, то есть Ветхий Завет), либо от тюрк. *qara* «черный»⁷⁰.

Къарамамбет, ЛИ: *Kara Mambet / Къарамамбет* (Бауэр) «черный, могучий» + *Мамбет*.

Къарамахмет, ЛИ: *Kara Magmet / Къарамахмет* (Бауэр) «черный, могучий» + *Махмет*.

Карашикюр, ЛИ: *Karaschikiur / Къарашекюр* (Бауэр) «черный, могучий» + *Шекюр*.

Къасай, ЛИ: *Kasai / Къасай* (Бауэр), *Kasai Mursa / Къасай-мурза* (Бауэр), *Касай-мурза* (Серг.), *Касай мурза Канбулатов / Къасай-мурза Канбулатов* (Серг.), *Къасай мурза Ораков* (Серг.).

Этимология не выяснена.

Кедер, КЛИ: *Kedertambet Mangit / Кедермамбет Мангит* (Бауэр), *Кедер* + *Мамбет*.

Тюрк. видоизменение от араб. *Qādir* قدير «всемогущий (эпитет Аллаха)».

Кедермамбет, ЛИ: *Kedertambet Mangit / Кедермамбет Мангит* (Бауэр) *Кедер* + *Мамбет*.

Кемаль, ЛИ: *Кемаль-бек* – мурза Буджакской Орды в первой половине XVII в. (Гизер).

Тур. *kemal* из араб. *katāl* كمال «зрелость, совершенство».

Керей, ЛИ: *Мамбет Керей мурза Канбулатов* (Серг.). См. *Гирей*.

Кёк, КЛИ: *Какбуре мурза Шантемиров / Кёкбуре-мурза Шантемиров* (Серг.) «сизый, сивый волк».

Тюрк. *kök* «синий, сизый, голубой».

Кёкбуре, ЛИ: *Какбуре мурза Шантемиров / Кёкбуре-мурза Шантемиров* (Серг.) «сизый, сивый волк».

В кыргызском героическом эпосе «Манас» к его главному герою – богатырю Манасу постоянно применяется эпитет «сивогривый» (*көк жал*). Он, очевидно, восходит к образу волка, который с давних времен почитался в качестве родоначальника и тотема тюркских народов. Эпитет «сивогривый» стал символом храбрости, силы, непобедимости. Этот эпитет переключается с рассматриваемым именем⁷¹.

Къоджа, ЛИ: *Kocsche Mursa* / *Къоджа-мурза* (Бауэр), КЛИ: *Куле-Коджа* / *Къуликъоджа* «его раб» + «муж; жених», «огромный; старый; взрослый; известный, знаменитый, почетный» (Скальк.).

Кр.-тат. *къоджа* «муж», тур. *коса* «муж; жених», «огромный; старый; взрослый; известный, знаменитый, почетный», гаг. *кожа* «муж; супруг» «взрослый, пожилой; известный, знаменитый»⁷², вероятно, с пожеланием быть известным, знаменитым, либо – дожить до старости.

Козель, ЛИ: *Козель-Хаджи* / *Козель-хаджи* (Скальк.)

От кр.-тат., гаг., тур. и др. *гузель* / *гөзель* / *güzel* «красивый», с закономерным огузско-кыпчакским чередованием *г ~ к* в анлауте.

Къоджимет, ЛИ: *Коджимет Аджигельдиев* (Серг.). Вероятно, от *къоджа* «муж; жених», «огромный; старый; взрослый; известный, знаменитый, почетный» + *Мет* – стяж. от *Мамбет*, *Мухаммад*.

Къонкалай, ЛИ: *Конкалай Оразашев* (Серг.).

Этимология не выяснена.

Къораз, КФ, ЛИ (?): *Султан Мамбет мурза Коразов* (Серг.), *Калигарей мурза Коразов* / *Къалигарей-мурза Къоразов* (Серг.).

Возможно, из тур., гаг. *horoz*, кр.-тат. *хораз* «петух».

Къоркъмаз, ЛИ: *Korkmas* / *Къоркъмаз* (Бауэр).

Из тюрк. глагольной основы *kork-* / *qorq-* «бояться» и аф. отрицания *-maz* – «не бойся!», «бесстрашный».

Къосы, КЛИ: *Kosıjbaı* / *Къосыбай* (Бауэр) «безбородый» + *бай*.

Вероятно, из кр.-тат. *косе*, гаг. *көсә* и др. «безбородый».

Къосыбай, ЛИ: *Kosıjbaı* / *Къосыбай* (Бауэр) «безбородый» + *бай*.

Къочболат, ЛИ: *Kotschbolat* / *Къочболат* (Бауэр) «убегать», «бежать», «избегать, сторониться, избавляться», «удаляться, уходить, проходить» + «сталь, булат».

Къоч, КЛИ: *Kotschbolat* / *Къочболат* (Бауэр) «убегать» + «сталь, булат».

Вероятно, из тюрк. *каç* «убегать», «бежать», «избегать, сторониться, избавляться», «удаляться, уходить, проходить», этот компонент использовался в именах внебрачных детей (мальчиков) или же давался перебежавшим из других родов-племен лицам мужского пола⁷³.

Кудур, ЛИ: *Kuduruglıu* / *Кудур-оглы* (Бауэр) «сын бешенного».

Тюрк. *kudur* / *kutuz* / *kiduz* «бешенный, неуравновешенный, вспыльчивый».

Къули, КЛИ: *Куле-Коджа* / *Къуликъоджа* (Скальк.) «его раб» + «муж; жених», «огромный; старый; взрослый; известный, знаменитый, почетный».

Тюрк. *qulı* «его раб».

Къуликъоджа, КЛИ: *Куле-Коджа* / *Къуликъоджа* (Скальк.) «его раб» + «муж; жених», «огромный; старый; взрослый; известный, знаменитый, почетный».

Къутлукъ, КЛИ: *Кутлуг-шах-мурза* / *Къутлукъшах-мурза* – мурза Буджакской Орды в первой половине XVII в. (Гизер).

Тюрк. *qutluq* «обладающий жизненной силой, счастьем», «приносящий счастье», «благодатный», «благословенный», один из наиболее продуктивных компонентов при образовании древнетюркских личных имен⁷⁴.

Къутлукъшах, ЛИ: *Кутлуг-шах-мурза* / *Къутлукъшах-мурза* – мурза Буджакской Орды в первой половине XVII в. (Гизер) *Къутлукъ* + *Шах*.

Къызыл, ЛИ: *Кызил-Бай-Кёй* / *Къызыл-бай кёй* (Скальк.) «село бая *Къызыла*».

Тюрк. *qyzıl* «красный».

Къырым, КЛИ: *Кримказы* / *Къырымкъазы* (Серг.) *Къырым* + *къазы*.

Вероятно, от тюрк. *Qurıt* «Крым», название п-ова, его этимология не выяснена.

Къырымкъазы, ЛИ: *Кримказы* / *Къырым* (Серг.) *Къырым* + *къазы*.

М

Мамай, ЛИ, КФ: *Мамай-мурза* – один из пяти главных мурз Едисанской Орды в 1770 г. (Серг.), *Мамай мурза Мамаев / Мамай-мурза Мамаев* (Серг.), *Юсуп мурза Мамаев* (Серг.), *Мамай* (Скальк.).

Тюрк. *тата* – этимология этого имени остается не до конца выясненной, но наиболее признанная возводит его к термину родства *тата* «старший родственник и мужского, и женского пола»⁷⁵ + зват. аф. *-j*. У северокавказских ногайцев встречается имя *татаş* = *тата* + уменьшит. аф. *ş*⁷⁶.

Мамбет, ЛИ, КФ: *Мембет-Казадже / Мамбет Казадже* (Скальк.), *Мамбет Керей мурза Канбулатов* (Серг.), *Давлет Мурза Мамбетов / Давлет-мурза Мамбетов* (Серг.), *Давей мурза Досан Мамбетов / Девей-мурза Досан Мамбетов* (Серг.), *Мамбет Алаказов* (Серг.), *Mambetsche / Мамбетче* (Бауэр) (форма с тюрк. уменьшит. аф. *-çe*), *Султан Мамбет мурза Коразов* (Серг.), *Алипаша мурза Мамбет беев* (Серг.), *Мусса мурза Мамбет беев* (Серг.), КЛИ: *Акамбет мурза Канбулатов / Акъмамбет-мурза Къаньбулатов* (Серг.) «белый, счастливый, «благословенный» + *Мамбет, Джан-Мамбет / Джанъмамбет* – владетель Буджакской Орды в 1770 г. (Серг.) «душа, милый» + *Мамбет, Kai Mambet Bai Mursa / Къаймамбетбай-мурза* (Бауэр) «змея» + *Мамбет* + *бай*, *Kara Mambet / Къарамамбет* (Бауэр) «черный Мамбет», *Kedertambet Mangit / Кедермамбет Мангъыт* (Бауэр), *Ortambet Mursa / Ормамбет-мурза* (Бауэр), сокращ. от *Ураз-Мухаммад, Rostambet / Росмамбет* (Бауэр).

Стяженная форма от имени пророка Мухаммада, араб. *Muhammad محمد* «хвалимый, прославляемый».

Мамбетче, ЛИ: уменьшит.-ласкат. (с помощью аф. *-че*) от *Мамбет*.

Манчыр, ЛИ (?): *Mantschjyr / Манчыр* (Бауэр). Возможно, искаженное от перс. *Манучер* < *Maniçehr* منوچهر «из рода Ману».

Махмет, КЛИ: *Kara Magmet / Къарамахмет* (Бауэр) «черный Махмет».

Махмет – стяженная форма от имени пророка Мухаммада, араб. *Muhammad محمد* «хвалимый, прославляемый».

Меми, ЛИ: *Meti Aga / Меми-агъа* (Бауэр).

Вероятно, сокращ. от *Мемет* – сокращ. от *Мухаммед*.

Менгли, ЛИ: *Менгли Али-Байрактар ага* (Серг.), возможно, *Менлели-Ага-Нокус / Менгли-ага Нокус* (Скальк.).

Тюрк. *теңлиг* «имеющий родинку (родинки)», что у тюрков считалось признаком счастливой судьбы, с другой стороны, имеются сведения о том, что, если ребенок при рождении уже получил имя, а впоследствии обнаружилось у него родимое пятно, ему дают второе имя с этим компонентом, иначе считалось, что родимые пятна могут распространиться на все тело и лицо ребенка⁷⁷.

Мрас / Мирас / Мурас, ЛИ: *Мрас-Челеби / Мрас-челеби* – посол от молочанских ногайцев в Буджакскую Орду в 1807 г. (Серг.), *Мирас Юнусов* (Серг.) дважды, *Мурас Мурза* (Серг.).

Возможно, из чаг. *miras* «наследство»⁷⁸.

Мурат, ЛИ, КФ: *Канай мурза Султан Мурат беев* (Серг.), *Sultan Murat / Султан Мурат* (Бауэр) *Султан* + *Мурат*, *Смаил мурза Султан Мурат беев / Смаил-мурза Султан Мурат беев* (Серг.) тоже, *Казы мурза Султан Муратов* (Серг.), *Султан Мурат-авлы* (Скальк.) тоже.

Араб. *Murād مراد* «желанный».

Мурза / Мырза, Т: широко распространенный титул у представителей правящей знати у ногайцев Северного Причерноморья, но в некоторых случаях это слово, вероятно, выступало и в качестве личного имени, ЛИ: *Мирза-Бей / Мырза-бей* (Скальк.).

Тюрк. *murza* «князь, представитель правящей знати», тюркский титул, произошедший от перс. *mirza* < араб. *amir* أمير «эмир, государь, правитель» + перс. *zade* زاد «сын» > (*a*)*mir za(da)* «сын эмира, князя, дворянин»⁷⁹.

Муртаза, ЛИ: *Murtasa / Муртаза* (Бауэр), имя исторического лица – бей *Муртазы*, брата последнего золотоордынского хана Сеид-Ахмеда, который несколько лет находился в Буджаке, между Килией и Аккерманом⁸⁰. Его имя сохранилось также в названии лимана на юге Одесской области – *Муртаза* (гидр.).

Араб. *Murtadā* مرْتَدِي «избранник, любимец».

Муса, ЛИ: *Мусса-Челеби / Муса-челеби* – посол от молочанских ногайцев в Буджакскую Орду в 1807 г. (Серг.), *Мусса мурза Мамбет беев* (Серг.).

Араб. *Mūsā* موسى < пророк Моисей (др.-евр. «дитя»).

Мустафа, ЛИ: *Мустафа Челибий Джиенальский* (Серг.), *Мустафа-Хаджи* (Скальк.).

Араб. *Mustfā* مصطفى «избранник [Аллаха] (эпитет Мухаммада)».

Мусюрман, ЛИ: *Мусюрман Честанбаев* (Серг.).

Тюрк. от перс. *muslim* مسلم «спасенный», «предавшийся Аллаху», «мусульманин».

Н

Наурыз, ЛИ: *Naures Mursa / Наурыз-мурза* (Бауэр).

Перс. *Naŕŕŭz* نوروز «Навруз, домусульманский, иранский по происхождению праздник», имя давалось человеку, родившемуся во время этого праздника.

Небзедь-мурза, ЛИ: мурза Буджакской Орды в первой половине XVII в. (Гизер). Этимология не выяснена.

Нияз, ЛИ, КФ: *Джиенгазы Ниязов* (Серг.).

Перс. *Nijāz* نِيَاذ «милость».

О

Омар / Умар, ЛИ: *Otarbi / Омар-бей* (Бауэр), *Omeer / Омер* (Бауэр), *Umar / Умар* (Бауэр).

Араб. 'Umar عمر «паломник» – имя второго «праведного» халифа Умара бен ал-Хаттаба ал-Фарука (632-644).

Оразаиш, КФ, ЛИ (?): *Азубай Оразаишев* (Серг.), *Конкалай Оразаишев* (Серг.). От *Ораза / Ураза* «мусульманский пост», «родившийся в мусульманский пост» + уменьш. аф. -ш.

Оракъ, ЛИ: *Orak Gasi / Оракъ-гази* (Бауэр), *Орак-мурза* (Серг.), КФ: *Аллавгат мурза Ораков / Аллавгат-мурза Ораков* (Серг.), *Калмик мурза Ораков / Калмык-мурза Ораков* (Серг.), *Урак-мурза*, зять Кантемира, известного предводителя Буджакской Орды первой половины XVII в. (Гизер), КФ: *Касай мурза Ораков* (Серг.), имя – эпоним одного из крупнейших племен Буджакской Орды – *Орак-оглу* «сыновья Орака» или «род Орака», являвшегося (*Орак*) историческим лицом.

Тюрк. *oraq / oryaq* «серп, месяц жатвы»⁸¹, вероятно, дано человеку, родившемуся в месяц жатвы. Ср. с укр. *серпень*.

Ормамбет, ЛИ: *Ortambet Mursa / Ормамбет Мурза* (Бауэр) *ор* + *Мамбет*. Эпоним одного из основных племен буджакских ногайцев, от имени исторического лица.

Or, вероятно, сокращ. от тюрк. *oraza / uraza* «мусульманский пост; месяц поста» (известно имя ногайского мурзы *Ураз-Мухаммед*) – «родившийся в месяц поста».

Османъ, ЛИ: *Осман Сеитов* (Серг.), КЛИ: *Бады-Османъ / Бадьюсманъ* (Скальк.).

Араб. 'Usmān عثمان «костоправ» – имя третьего «праведного» халифа Усмана бен Аффана (644-656).

П

Пашиа, ЛИ: *Pascha Mursa / Пашиа-мурза* (Бауэр), КЛИ: *Алипашиа мурза Мамбет беев* (Серг.) *Али* + *пашиа*.

Тюрк. *paşa* < перс. *pāšā* پاشا «наместник, паша».

Р

Росмамбет, ЛИ: *Rosmambet / Росмамбет* (Бауэр). Вероятно, стяженная форма от *Урус-Мухаммед*, *Урус-Мамбет* – имя исторического персонажа.

С

Сагдадетгирей, КЛИ: *Сагадет Гирей (Сегедет Гирей) / Сагдадетгирей* (Серг.) «чистый, правильный закон» (?) + *Гирей*.

Возможно, из тюрк. *saγ* «чистый, прямой, правильный, здоровый» и *adet* «закон, обычай».

Сайдакь / Сейдакь, ЛИ: *Saidack Mursa / Сайдакь-мурза* (Бауэр), *Сейдак Мурза* (Серг.).

Тюрк. *saγdaq* «колчан», «лук», «весь комплекс метательного оружия», ср. *saγdaqǵu* «лучник», также «воин, богатырь, герой»⁸⁰.

Сакъал, КЛИ: *Aksakal / Акъсакъал* (Бауэр) «белый, счастливый, «благословенный» + «борода».

Тюрк. *sakal / saqal* «борода».

Салмаш-мурза, Салмаша, см. *Сальманшах*. Форма с тюрк. уменьшит. аф. -ǵ.

Салман, КЛИ: *Сельман-Шах (Салмаш-мурза, Салмаша)* – брат известного предводителя Буджакской Орды первой половины XVII в. *Кантемира* (Гизер) *Салман* + *Шах*, ср. *Шоломан*.

Араб. *Salmān سلمان* «благополучный».

Салманъшах, ЛИ: *Сельман-Шах (Салмаш-мурза, Салмаша)* – брат известного предводителя Буджакской Орды первой половины XVII в. *Кантемира* (Гизер) *Салманъ* + *Шах*, ср. *Шоломанъ*.

Санъ, см. *Шанъ*.

Санъсют, ЛИ: *Sansuit / Санъсют* (Бауэр). См. *Шанъсют*.

Сарсакъ, КЛИ, КФ: *Ибрагим Сарсакаев* (Серг.) Гапшология от тур. *сарсакъ* «разбитый, уставший, слабый» + *акъай* «старший мужской родственник» = *сарсакъакъай* > *сарсакъай*.

Тур. *sarsak / sarsaq* «разбитый, уставший, слабый».

Сарсакай, ЛИ, КФ: *Ибрагим Сарсакаев* (Серг.). Гапшология от тур. *сарсак* «разбитый, уставший, слабый» + *акай* «старший мужской родственник» = *сарсакакай* > *сарсакай*.

Сары, ЛИ: *Сары Мурза* (Серг.), *Сары-оглу* «сын Сары».

Тюрк. *saryu / sary* «желтый, светлый»⁸³.

Сати, КФ, ЛИ (?): *Ареламбет мурза Сатеев* (Серг.).

От тюрк. глагольной основы *sat-* «продавать». Подобные имена давались в магических целях новорожденным, в семьях, в которых не выживали дети, ср. гаг. *сатылы* «проданный».

Сатемир, ЛИ: *Сатемир мурза Канаев* (Серг.), возможно, из тюрк. *saγ* «чистый, прямой, правильный, здоровый» и «железо».

Сеит, КФ, ЛИ (?): *Осман Сеитов* (Серг.), *Абуббекир мурза Сеитов / Абуббекир-мурза Сеитов* (Серг.).

Араб. *Saʿīd سعيد* «предводитель глава», титул потомков пророка и халифа Али.

Сейдак, см. *Сайдак*.

Сельман-Шах, см. *Салманшах*.

Серен, КЛИ: *Badseren / Бадсерен* (Бауэр) «крепкий, сильный» + «долгая жизнь».

Бур.-монг. (из тибет.) *цэрэн / цырен* «долгая жизнь»⁸⁴. Свидетельствует о присутствии среди буджакских ногайцев буддистско-калмыцкого этнического компонента.

Слемен, ЛИ: *Слемен Байрактар ага* (Серг.).

Этимология не выяснена.

Смаил, см. *Исмаил*.

Султан, ЛИ: *Тимур Султан-мурза* – один из пяти главных мурз Едисанской Орды в 1770 г. (Серг.), *Канай мурза Султан Мурат беев* (Серг.), *Султан Мамбет мурза Коразов* (Серг.), *Sultan Murat / Султан-Мурат* (Бауэр) *султан* + *Мурат*, *Смаил мурза Султан Мурат беев / Смаил-мурза Султан-Мурат беев* (Серг.), *Тан Султан мурза Суюншиов* (Серг.), *Казы мурза Султан Муратов* (Серг.), *Султан-Мурат-авлы* (Скальк.).

Тюрк. *sultan* «правитель», чаще – «сын правителя, наследник престола» из араб. *Sulṭān* سلطان «повелитель, император».

Сурум, ЛИ: *Surum Agi* / *Сурум-ага* (Бауэр).

Возможно, из кр.-тат. *сырым* «утес» (учитывая закономерное чередование в тюркских языках *ы* и *у*) – «чтобы был крепким, прочным как утес».

Сююн, ЛИ: *Сююн Тазбузир* (Серг.).

Этимология не выяснена.

Сююниш, КФ, ЛИ (?): *Дмимал мурза Сююниш* (Серг.), *Тан Султан мурза Сююниш* (Серг.).

Этимология не выяснена.

Сюм, КЛИ: *Sschansüt* / *Шанъсюм* (Бауэр) «слава, доблесть; доброе имя, достоинство, честь» + *сюм*, *Sansuit* / *Сансюм* (Бауэр) тоже, *Dschangsuit* / *Джанъсюм* (Бауэр) «душа, милый» + *сюм*, *Dschanijsuit* / *Джанъсюм* (Бауэр) тоже, *Kuitschuk Dschangsut* / *Кючюк Джанъсюм* (Бауэр) «малый Джанъсюм», *Buik Dschangsut* / *Бююк Джанъсюм* (Бауэр) «большой Джанъсюм».

Тюрк. *süt* «молоко».

Т

Тагай, ЛИ: *Tagai Kastangalij* / *Тагай Кастангалы* (Бауэр) *кастангалы* / *костангалы* – ногайское родовое название⁸⁵, то есть *Тагай* из рода *кастангалы*.

Либо из тюрк. *taġai* – звательная форма от *taġa* «дядя, брат матери»⁸⁶, либо из араб. *Tiġāi* طغاي «довольный, удовлетворенный».

Таз, КФ, КЛИ (?): *Сююн Тазбузир* (Серг.) «лысыый» + *Бузир*.

Тюрк. *taz* «лысыый».

Тазбузир, КФ, ЛИ (?): *Сююн Тазбузир* (Серг.) «лысыый» + *Бузир*.

Таки, ЛИ: *Таки-Хаджи* (Скальк.).

Араб. *Taqī* تقي «праведный».

Танъ, ЛИ: *Тан Султан мурза Сююниш* (Серг.).

Крх.-уйг., алт., хак., шор. *tan* «прохладный вечер»⁸⁷, тур., кр.-тат. *tan* «утро, заря, рассвет».

Таиш, КЛИ: *Bektasch* / *Бектаиш* (Бауэр) *бек* + «камень», представитель суфийского братства *Бектаишия*.

Тюрк. *taş* «камень», с метафоризацией «прочный как камень», благопожелательное.

Темир /Тимур /Демир, ЛИ: *Тимур Султан-мурза* – один из пяти главных мурз Едисанской Орды в 1770 г. (Серг.), *Темир Мурза* (Серг.), КЛИ: *Айдемур* – мурза Буджакской Орды в первой половине XVII в. (Гизер) «луна, месяц» + «железо», *Kantemir Mursa* / *Къанътемир-мурза* (Бауэр) «хан» + «железо» или «кровь» + «железо», *Schantimir Mursa* / *Шанътемир-мурза* (Бауэр) «слава, честь» + «железо», *Vaitimir* / *Байтемир* (Бауэр) «бай» + «железо», *Бантемир* (Скальк.), *Dschantimir Mursa* / *Джанътемир-мурза* (Бауэр) «душа, милый» + «железо», *Сатемир мурза Канаев* (Серг.) «чистый, прямой, правильный, здоровый» + «железо», *Хаджи Темир Джан Байрактар* / *Хаджи Темирджанъ-байрактар* (Серг.) «железо» + «душа, милый», КФ: *Какбуре мурза Шантемиров* (Серг.) «слава, доблесть; доброе имя, достоинство, честь» + «железо», *Исмаил мурза Темиров* (Серг.), *Шахтемир-Бей* – глава рода Орумбет-оглу Буджакской Орды в 1807 г. (Скальк.) *шах* + «железо».

Тюрк. *temir* / *temür* / *demir* «железо» – одно из наиболее распространенных у разных тюркских народов имен, вошедшее и в соседние языки (например, рус. *Тимур*), с пожеланием «чтобы был прочным, крепким как железо», «неумирающим»⁸⁸.

Темирджанъ, ЛИ: *Хаджи Темир Джан Байрактар* / *Хаджи Темирджанъ-байрактар* (Серг.) «железо» + «душа, милый».

Тениз, см. *Дениз*.

Тинъай, ЛИ: *Тинъай-агъа* – старшина Едисанской Орды в 1770 г. (Серг.).

Из кр.-тат. *тена* «уединенный, укромный, тихий; пустынный» + зват. аф. -й.

Тогъуз /Докъуз, КЛИ: *Togusbai* / *Тогъузбай* (Бауэр), *Докъуз-Бей* (Скальк.).

Тюрк. *toquz / doquz* «девять» – девятый сын в семье. Числу «девять» у тюрков свойственно значение полного предела количества предметов или действий. С другой стороны, тур. *dokuz babaly* «внебрачный ребенок», букв. «имеющий девять отцов»⁸⁹.

Тогъузбай / Докъуз-бей, ЛИ: *Togusbai / Тогъузбай* (Бауэр), *Докуз-Бей*, 2-й *Докуз-Бей* (Скальк.) «девятый бей / бай».

Толмаз, ЛИ: *Tollmos / Толмаз* (Бауэр).

Глагольная основа *tol-* «становиться полной (о луне)» весьма продуктивна в тюркской антропонимии. В древности, скорее всего, образ полной луны воплощал в себе мужскую мощь, также образ полной луны символизировал счастье⁹⁰. Семантика *tol-* в тюркской антропонимии тесно связана с *aj* «луна». Однако в данном случае используется форма отрицания *-maz* – «не становится полной (о луне)». В связи с этим, можно предположить, что здесь присутствует вторичная семантика основы *tol*, представленная, например, в турецком – *dolu* «полный, наполненный, изобильный», то есть – «не полный», «ущемленный», «не изобильный».

Топал, ЛИ: *Topal / Топал* (Бауэр).

Кр.-тат. и др. *топал* «хромой».

У

Ул, КЛИ: *Vebeul / Бебеул* (Бауэр) «сын младенца; сын братишки», *Аталык-улу* (Скальк.) «сын отчима».

Тюрк.-кыпч. *ul* «сын».

Умар, ЛИ: *Umar / Умар* (Бауэр), см. *Омар*.

Уньбет, ЛИ: *Unbet Agi / Уньбет-агъа* (Бауэр).

Этимология не выяснена.

Х

Хаджи, КЛИ, КФ: *Hadschibriam / Хаджибриам* (Бауэр) *хаджи* + *Ибриам*, *Хаджи-Гирей-мурза / Хаджигирей-мурза хаджи* + *Гирей* (Серг.), *Коджимет Аджигельдиев / Хаджигельды* (Серг.) «пришедший (то есть родившийся) в месяц хаджа». Ср. *Гаджи*.

Араб. *hāǧī* حَاج / حَاجِي «паломник».

Хаджибриам, ЛИ: *Hadschibriam / Хаджибриам* (Бауэр). Первая часть имени – тюрк. из араб. «паломник», вторая – не выяснена, возможно, искаженное *Ибраим*.

Халиль, ЛИ: *Халиль-Ага (Халиль-Эфенди-Ага) / Халиль-агъа* – «начальник» Причерноморских ногайцев в 1783 г. (Серг.).

Араб. *Халил Ḥalīl* حَلِيل «верный друг».

Ч

Чауш, КЛИ, Т (?): *Tschawschali / Чауш-Али* (Бауэр) *чауш* + *Али*.

Тур. *çavuş* «старшина; офицер султанской гвардии, который передавал и оглашал султанские приказы».

Чаушали, ЛИ: *Tschawschali / Чауш-Али* (Бауэр). «старшина Али».

Честанъ, КФ, КЛИ (?): *Мусюрман Честанбаев* (Серг.) *Честанъ* + *бай*.

Этимология не выяснена.

Честанъбай, КФ, ЛИ (?): *Мусюрман Честанбаев* (Серг.) *Честанъ* + *бай*.

Ш

Шабанъ, ЛИ: *Шабан-Эфендия / Шабанъ-эфенди* (Серг.).

Араб. *šā'bān* شَعْبَان «родившийся в месяц шабан».

Шанъ / Санъ, КЛИ: *Schantimir Mursa / Шанътемир-мурза* (Бауэр) «слава, доблесть; доброе имя, достоинство, честь» + «железо», *Sschansüt / Шанъсют* (Бауэр) «слава, доблесть; доброе имя, достоинство, честь» + «молоко», *Sansuit / Санъсют* (Бауэр) тоже, КФ: *Какбуре мурза Шантемиров* «слава, доблесть; доброе имя, достоинство, честь» + «железо» (Серг.).

Из кр.-тат. и др. *шанъ / санъ* «слава, доблесть; доброе имя, достоинство, честь».

Шанъсют, ЛИ: *Sschansüt* /Шанъсют (Бауэр) «слава, доблесть; доброе имя, достоинство, честь» + «молоко». Ср. *Санъсют*.

Шанътемир, ЛИ, КФ: *Schantimir Mursa* /Шанътемир-мурза (Бауэр), КФ: *Какбуре мурза Шантемиров* (Серг.) «слава, доблесть; доброе имя, достоинство, честь» + «железо».

Шах, КЛИ: *Вели-Шах-мурза* (Гизер) *Вели* + *шах*, *Сальманшах* (Гизер) *Салман* + *шах*, *Кутлуг-шах-мурза* (Гизер) «счастливым *шах*», *Шахтемир-Бей* – глава рода Орумбет-оглу Буджакской Орды в 1807 г. (Скальк.) *шах* + «железо».

Тюрк. *šah* из перс. *šāh* شاه «царь, правитель», титул иранских правителей.

Шекюр, КЛИ: *Karaschikiur* /*Карашикюр* (Бауэр) «черный, могучий» + *Шекюр*.

Араб. *šakūr* شكور «благодарный, признательный» (один из эпитетов Аллаха)».

Шоломанъ, ЛИ: *Scholotan* /Шоломанъ (Бауэр дважды), фонет. вариант от *Салманъ*, см. *Сальманшах*.

Э

Эс, ЛИ, см. *Йеш*.

Ю

Юнус, КФ, ЛИ: *Мирас Юнусов* (Серг.) дважды.

Араб. *Yūnus* يونس < библейский Иона (др.-евр. «голубь»).

Юсуп /Юсуф, ЛИ: *Юсуп мурза Мамаев* (Серг.), КЛИ: *Юсуф-Али-Хаджи /Юсуфали-хаджи* (Скальк.) *Юсуф* + *Али*.

Араб. *Yūsif* يوسف < библейский Иосиф (др.-евр. «приумноженный»).

Я

Якуб, ЛИ: *Ягуб-Яджи /Якуб-хаджи* (Скальк.).

Араб. *Ya'qub* يعقوب < библейский Яков (др.-евр. «идуший следом»).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Худайбердыева (Аширгельды-гызы) О. А.* Антропонимия и религиозные верования ногайцев Буджакской Орды // *Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья*. – 2008. – Вып. 2. – С. 119-126.

2. *Гафуров А.* Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. *Словарь*. – М., 1987. – С. 68.

3. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика*. – М., 2001. – С. 664.

4. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. – М., 1967. – С. 82-83.

5. *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». – Л., 1979. – С. 94.

6. *Вайнштейн С. И.* Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев // *Ономастика*. – М., 1969. – С. 125.

7. Там же. – С. 128.

8. Подробно см.: *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков*. – С. 619-723.

9. *Скальковский А. А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730-1823. – Ч. 2. С 1796-го по 1823-й год. – Одесса, 1838; *его же*. Болгарские колонии Бессарабии и Новороссийского края. – Одесса, 1848; *его же*. Історія Нової Січі, або останнього Коша Запорізького. – Дніпропетровськ, 1994; *его же*. О ногайских колониях Таврической губернии // *Памятная книга Таврической губернии*. – Вып. 1. – Симферополь, 1867. – С. 358-412.

10. *Сергеев А.* Ногайцы на Молочных водах (1790-1832). Исторический очерк // *ИТУАК*. – 1912. – № 48. – С. 1-144; *его же*. Уход Таврических Ногайцев в Турцию в 1860 г. // *ИТУАК*. – 1913. – № 49. – С. 178-222.

11. *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. – М.-Л., 1948; *его же*. Борьба Московского государства с татарами во второй

половине XVII в. //Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). – М., 1994. – С. 13-115.

12. Кочераев Б.-А. Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVII вв. – Алма-Ата, 1988.

13. Третьяков В. В. История Ногайской Орды. – М., 2002.

14. Гизер С. Н. Кантемир – предводитель Буджакской Орды. Страницы биографии // Настоящее издание. – С. 214-235.

15. Скальковский А. А. Болгарские колонии Бессарабии и Новороссийского края. – С. 47-53.

16. Carte de la Moldavie pour servir a L’Histoire militaire de la guerre entre les Russes et les Turcs levee par L’Etat Major sous la direction de F. G. Bawr.

17. Сергеев А. Ногайцы на Молочных водах (1790-1832). – С. 19, 45-46; *его же*. Уход Таврических Ногайцев в Турцию в 1860 г. – С. 193-196 и др.

18. Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака, с приложением генерального плана сего края, составленное при гражданской съемке Бессарабии, производившейся по высочайшему повелению размежевания земель оной на участки, с 1822 по 1828 гг. – Аккерман, 1899.

19. Здесь и далее этимологии арабских и персидских имен даются по: Гафуров А. Имя и история.

20. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 229.

21. Там же. – С. 630.

22. Мужские имена. Женские имена //Ногайско-русский словарь. – М., 1963. – С. 485, 487.

23. Шабашов А. В. Ногайские поселения Буджака 1770-1807 годов //Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. – Вып. 2. – Одесса, 2006. – С. 15.

24. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 679-680; о символике цветообозначений у тюрков см., например: *Габышева Л. Л.* Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов). Автореф. дис. ...доктора филол. наук. – М., 2003.

25. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 291.

26. Здесь и далее языковые примеры из крымскотатарского языка приводятся по: *Усеинов С. М.* Къырымтатарджа-русча лугъат. – Симферополь, 2005, из турецкого по: *Украунаса-türkçe. Türkçe-украунаса.* Б/м., б/г.

27. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 607.

28. Там же. – С. 171.

29. *Гайдаржи Г.* Гагаузский язык //Сын Буджака. Светлой памяти Гавриила Аркадьевича Гайдаржи. – Кишинэу, 2000. – С. 12-14; *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. – М., 1964. – С. 4.

30. *Гафуров А.* Указ. соч. – С. 155.

31. Сокровенное сказание монголов. – Рязань, 2009. – С. 290.

32. Бурятские имена: <http://amarhuu-borhuu.narod.ru/name.html>

33. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 668-670.

34. Мужские имена. Женские имена //Ногайско-русский словарь. – С. 485-487.

35. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 560.

36. Мужские имена. Женские имена //Ногайско-русский словарь. – С. 307.

37. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 320, 664, 669.

38. Мужские имена. Женские имена //Ногайско-русский словарь. – С. 485.

39. *Гафуров А.* Указ. соч. – С. 134.

40. *Лезина И. Н., Суперанская А. В.* Словарь-справочник тюркских родоплеменных названий. – Ч. 1. – М., 1994. – С. 130.

41. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 159, 642-643.

42. *Шабашов А. В.* Центральноазиатские древности Буджака (к вопросу о соотношении родоплеменного состава ногайцев Буджакской Орды и государства кочевых узбеков) // *Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья.* – 2007. – Вып. 1. – С. 123; *Çakir M.* Prut hem Dnestr aralarında moldovadaki kasabaların, komunaların, küülerin hem fermaların türk-tatar adlarının açıklamaları hem bu adlarla baalı korunmuş kimi legendalar // *Çakir M.* Gagauzlar: istoriya, adetlar, dil hem din. – Chişinău, 2007. – S. 129.
43. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 448.
44. Мужские имена. Женские имена // *Ногайско-русский словарь.* – С. 486.
45. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 674-675.
46. *Шабашов А. В.* Центральноазиатские древности Буджака. – С. 123-124.
47. Там же.
48. *Бартольд В. В.* Гирей // *Бартольд В. В.* Сочинения. – Т. 5. – М., 1968. – С. 522.
49. *Авляев Г. О.* Происхождение калмыцкого народа (середина IX – I четверть XVIII вв.). – М.-Элиста, 1994. – С. 74.
50. *Шабашов А. В.* О монгольском элементе в составе средневековых кыпчаков // *Цырендоржиевские чтения-2008.* – Т. IV. Тибетская цивилизация и кочевые народы Евразии: кросскультурные контакты. Сборник научных статей. – К., 2008. – С. 610-619.
51. *Шабашов А. В.* Племена монгольского происхождения в составе Буджакской орды // *Цырендоржиевские чтения-2006.* Т. III. Тибетская цивилизация и кочевые народы Евразии: кросскультурные контакты. Сборник научных статей. – К., 2006. – С. 373-389.
52. *Гафуров А.* Указ. соч. – С. 157 и другие, см.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 675.
53. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 89.
54. Там же. – С. 293.
55. Там же. – С. 90.
56. *Лезина И. Н., Суперанская А. В.* Указ. соч. – Т. 2. – С. 459.
57. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 660-661.
58. *Лезина И. Н., Суперанская А. В.* Указ. соч. – Т. 2. – С. 457.
59. В отношении этимологии этой лексемы существует обширная литература. Среди нее отметим: *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. – Вып. 2-3. – СПб., 1889. – Стлб. 364 и сл., *Бартольд В. В.* Казак // *Бартольд В. В.* Сочинения. – Т. 5. – М., 1968. – С. 535-536, из последних сводок: *Бушаков В.* До питання про походження терміна «казак» // *Східний світ.* – 1997. – № 1-2. – С. 21-26.
60. *Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.* Ногайцы. Историко-этнографический очерк. – Черкесск, 1988. – С. 164-165.
61. *Усеинов С. М.* Указ. соч. – С. 93.
62. *Плетнева С. А.* Половцы. – М., 1990. – С. 27.
63. *Авляев Г. О.* Указ. соч. – С. 206-207.
64. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 321, 666-668.
65. Мужские имена. Женские имена // *Ногайско-русский словарь.* – С. 485-488.
66. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 628-630.
67. Мужские имена. Женские имена // *Ногайско-русский словарь.* – С. 485-488.
68. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 157-158.
69. Манас. Киргизский героический эпос. – Кн. 4. – М., 1995. – С. 20, 378, 721.
70. Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки. – М., 2003. – С. 16-17.
71. Манас. – С. 10, 368, 719.
72. Здесь и далее языковые примеры из гагаузского языка приводятся по: Гагаузча-русча-молдованжа лафлык. – М., 1973.
73. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 701-702.

74. Там же. – С. 686-687.
75. Там же. – С. 665-666.
76. Мужские имена. Женские имена // Ногайско-русский словарь. – С. 486.
77. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 687-688.
78. Там же. – С. 348.
79. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. – Баку, 1992. – С. 246.
80. Киртоагэ И. Г. Юг Днестровско-Прутского междуречья под османским владычеством (1484-1595). – Кишинев, 1992. – С. 12-13.
81. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 469.
82. Там же. – С. 567, 561.
83. Там же. – С. 601-602.
84. Бурятские имена.
85. Шабашов А. В. Ногайские поселения Буджака... – С. 15.
86. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – С. 297.
87. Там же. – С. 42.
88. Там же. – С. 635.
89. Там же. – С. 587-588.
90. Там же. – С. 697.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ПРИ ЯЗЫКОВЫХ ПРИМЕРАХ:

алт. – алтайский язык		
араб. – арабский язык		
баш. – башкирский язык		
болг. – болгарский язык		
бур.-монг. – бурятско-монгольские языки		
гаг. – гагаузский язык		
др.-евр. – древнееврейский язык		
кр.-тат. – крымскотатарский язык		
крх.-уйг. – караханидско-уйгурский язык		
молд. – молдавский язык		
монг. – монгольский язык		
ног. – ногайский язык		
перс. – персидский язык		
рус. – русский язык		
ср.-кыпч. – среднекыпчакский язык		
срб.-хрв. – сербохорватский язык		
тат. – татарский язык		
тибет. – тибетский язык		
тур. – турецкий язык		
тюрк. – тюркские языки (общетюркское)		
тюрк.-кыпч. – тюрко-кыпчакские языки		
тюрк.-монг. – тюрко-монгольские языки		
узб. диал. Хорезм. – хорезмийско-узбекский диалект		
укр. – украинский язык		
хак. – хакасский язык		
чаг. – чагатайский язык		
чув. – чувашский язык		
шор.	–	шорский язык

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ ОДЕСЩИНЫ

Национальные меньшинства занимают значительное место в населении Одесской области. Среди них особо следует отметить компактные этнические группы, которые составляют большинство в одном или ряде населенных пунктов региона. Они в настоящее время представлены русскими, болгарами, молдаванами, гагаузами и албанцами¹. В прошлом в регионе многочисленной была и немецкая диаспора. Немцы составляли большинство в десятках населенных пунктов современной Одесщины, как в ее юго-западной, заднепровской части, так и в окрестностях Одессы. Однако в результате событий Второй мировой войны немецких поселений в Южной Украине не осталось². Представители этих народов не только значительны по численности, но и сыграли большую роль в истории, хозяйственном и культурном освоении причерноморских степей, после выселения отсюда кочевого тюркского населения. Особенно это касается юго-западной части области – юга Пруто-Днестровского междуречья, так называемого Буджака или Южной Бессарабии.

Вскоре после их переселения на нынешние территории расселения в конце XVIII – начале XIX вв., эти народы привлекли внимание исследователей, пытавшихся изучить особенности нового населения Российской империи, прежде всего, для их обустройства и оптимального управления ими. За истекшие с тех пор два столетия появилось множество разного рода работ этнологического характера, посвященных рассматриваемым этническим группам. Однако эти народы до сих пор изучены неравномерно, одни темы изучены лучше, другие мало или вообще не привлекали внимания специалистов. Целью настоящей работы является осветить главные этапы, достижения и недостатки в этнологическом изучении основных, компактных национальных меньшинств Одесщины, одновременно определить наименее изученные проблемы, с тем, чтобы эти лакуны в дальнейшем были заполнены, определить перспективы и актуальную тематику дальнейших исследований.

Историографические обзоры

Среди исследований, касающихся истории изучения этнологии компактных этнических групп на Одесщине, прежде всего, следует отметить историографические обзоры. В наибольшей степени к этому жанру можно отнести несколько исследований в области болгаристики. Впервые библиография исследований XIX в. о болгарских переселенцах в России приведена в обобщающем труде Н. С. Державина «Болгарские колонии в России»³. Эта библиография не анализируется автором, она не велика по объему, однако, следует заметить, что само количество работ, посвященных данной проблеме, в это время было еще очень небольшим. В приложении к исследованию Н. С. Державина, между прочим, помещен подробный анализ развития этнографии болгар метрополии, с соответствующей библиографией⁴.

Если не рассматривать краткие историографические обзоры в работах по исследованию конкретной проблемы, следующим, после Н. С. Державина, исследованием данного жанра является достаточно краткая, но, вместе с тем, содержательная статья Е. В. Капачны, опубликованная уже в конце XX в.⁵ Автор считает, что в этнографическом изучении болгарского населения Украины и Молдовы в XIX – начале XX вв. имелось два главных направления, одно из них – сбор и популяризация этнографических знаний о болгарях России. Второе направление прослеживается с началом деятельности научных обществ, ставших аккумулятором этнографических сведений о народах России (70-80-е

гг. XIX в.). Общества, распространяя свои программы по сбору этнографического материала, организуя научные экспедиции, содействовали развитию научных методов в этой области знаний. На рубеже XIX–XX вв. в России произошло оформление этнографии как науки, что дало толчок научным разработкам в области этнографии народов России, в том числе болгарского населения, научное описание которого осуществил Н. С. Державин⁶. Основное содержание статьи Е. В. Капацны – характеристика исследований по этнографии болгар России в хронологической последовательности в соответствующие периоды.

В какой-то степени этнологическая проблематика нашла отражение в историографических обзорах, касающихся изучения истории болгар Молдовы и Украины. Наиболее замечательной в этом плане является содержательная статья Н. Н. Червенкова⁷. Однако общим недостатком работ историков является лишь подспудный интерес к этнологическим исследованиям, несмотря на то, что этнология в традиционной у нас систематике наук является составной частью истории.

Библиографическим указателем литературы, посвященной болгарам Молдовы и Украины, является фундаментальная работа коллектива авторов молдавских болгаристов⁸. В ней, помимо перечисления литературы, в которой речь идет о болгарских переселенцах в Российскую империю и их потомков, в ряде случаев приводится и очень лаконичная аннотация соответствующих работ. Авторам удалось не только сделать свод известной литературы по болгаристике, но и выявить много работ, которые практически не использовались исследователями и не были предметом внимания историографов.

Этнологические источники и литература приводятся в подразделе «Традиционная народная культура. Этнография» второго раздела «Болгары в Бессарабии и Северном Причерноморье в новое время» (более 150 наименований)⁹, «Культура. Духовная жизнь» третьего раздела «Болгары Молдовы и Украины в новейшее время. Участие в революциях и гражданской войне» (26 наименований)¹⁰, «Этнология» четвертого раздела «Болгарское население СССР в 1944-1991 гг.» (более 60 наименований)¹¹ и «Культура. Духовная жизнь» раздела «Болгары Украины в 1991-1995 гг.»¹², имеются они и в других разделах указателя. В этой работе, однако, не ставится задача анализа собранной литературы, тем более – истории изучения этнологии болгар Украины и Молдовы.

Несколько статей, посвященных этнологическому изучению болгар Южной Украины в Одесском университете, вышло из под пера В. Н. Станко и А. В. Шабашова¹³. Последний также является автором еще одной обстоятельной статьи, посвященной развитию этнологической болгаристики в Одесском (Новороссийском) университете – одном из основных традиционных центров по изучению болгар диаспоры¹⁴. Исследователь рассматривает изучение этой этнической группы на широком фоне этноболгаристических штудий в одесском, а для более позднего периода – и в общесоветском масштабе¹⁵. В работе предлагается оригинальная периодизация эволюции исследований в Одесском университете, которую он подразделяет на этапы: эмбриогенез, становление, всплеск и кладогенез. В целом, статья А. В. Шабашова является хорошим введением в историю этнологического изучения болгар Украины и Молдовы.

Подобную же задачу в отношении гагаузов ставил перед собой В. М. Бошков¹⁶. Но, поскольку традиции гагаузоведения только зарождаются в Одесском университете, работа более ограничена по своему объему и содержанию, чем предыдущая.

Кроме вышесказанного, историографические обзоры имеются в ряде диссертационных исследований, в которых рассматриваются различные аспекты традиционной культуры болгар и гагаузов Одесского региона, появившихся в конце XX – начале XXI вв. Они, однако, ограничены определенной проблематикой: традиционным жилищем и строительством¹⁷, костюмом¹⁸, календарной обрядностью¹⁹, народной медицинской

практикой²⁰, похоронной обрядностью²¹, конфессиональными особенностями²². Более универсальный характер по своему подходу имеют работы, посвященные гагаузам – А. В. Шабашова²³ и Е. Н. Квилинковой²⁴. Последняя, правда, в меньшей степени касается гагаузов Украины, так как объект ее исследований – гагаузы Республики Молдовы и Болгарии.

Таким образом, для болгар и гагаузов Одесщины, хотя и не существует цельных историографических обзоров, значительные шаги в этом направлении уже сделаны. Что касается молдаван, албанцев и русских (за исключением, в какой-то степени, старообрядцев) – такую работу еще предстоит проделать.

Проблема периодизации

Молдавские авторы делят библиографию работ в области изучения болгар Украины и Молдовы на следующие периоды: «Болгары в Бессарабии и Северном Причерноморье в новое время», под которым подразумевается период со времени переселения болгар в Северное Причерноморье до 1917 г. «Болгары Молдовы и Украины в новейшее время. Участие в революциях и гражданской войне», под «новейшим временем» авторы понимают период 1918-1944 гг., «Болгарское население СССР в 1944-1991 гг.» и последний период, попавший в содержание исследования – 1991-1995 гг. Эта периодизация касается скорее самого развития болгарской диаспоры, нежели этапов ее изучения, хотя, естественно, изменения общественно-политической ситуации влияют, хотя и не всегда автоматически, и на тенденции науки, изучающей народы.

Попытку периодизации развития собственно этнологической болгаристики сделала Е. В. Капацына. Ее периодизация верхним пределом ограничена началом XX в. Следует понимать, что первым рубежом в развитии таких исследований автор считает 70-80-е гг. XIX в. – начало деятельности в России научных обществ, ставивших своей задачей, в частности, изучение населения империи, вторым – рубеж XIX-XX вв. – оформление в России этнографии как науки, проявившееся для болгар в эпохальных работах Н. С. Державина.

На наш взгляд, если, в целом, в изучении народов Юго-Западной России такая периодизация верно отражает действительность, то для болгар, как и для других рассматриваемых народов, она не точна. Деятельность научных обществ, таких как Российское географическое общество, Одесское общество истории и древностей, Историко-филологическое общество при Новороссийском университете, результаты Шестого Всероссийского археологического съезда (Одесса, 1884), на котором была разработана программа для сбора этнографического материала в населенных пунктах юга России, этнографическая экспедиция А. Афанасьева-Чужбинского и пр. эпохальные события и институты, сыгравшие исключительную роль в изучении других народов Северо-Западного Причерноморья, в исследованиях болгар, гагаузов, молдаван, русских и албанцев современной Одесщины не сыграли переломной роли, хотя и расширили их эмпирическую базу. Да и то, например, описание болгарских и гагаузских поселений Южной Бессарабии, составленные в конце позапрошлого века по программе археологического общества, стали широко известны только в настоящее время.

Периодизация А. В. Шабашова касается развития этнологической болгаристики только в Одесском (Новороссийском) университете и лишь косвенно может быть экстраполирована на объект нашего исследования в целом.

Думается, что исходя из критериев накопления эмпирических данных по этнографии этнических групп нашего региона, уровня их научно-теоретического осмысления, развития инфраструктуры науки, изменения направлений и целей исследований и связи их с общественными процессами, в целом, можно выделить следующие основные этапы. 1. Со времени появления первых наблюдений над жизнью и бытом «инородцев», поселившихся в приобретенных Россией землях Северо-Западного Причерноморья, до

появления первых попыток осмысления этнографических материалов на современном для того времени научном уровне – начало-конец XIX в. 2. Появление первых собственно научных исследований, посвященных этнологии болгар и гагаузов, значительное расширение предметной области и эмпирической базы таких исследований. Этот этап связан, прежде всего, с именами Н. С. Державина и В. А. Мошкова – конец XIX в. – 1917 г. 3. Румынский этап для Южной Бессарабии, 1918-1944 (краткосрочное присоединение территории в 1940-1941 гг. к СССР не успело привести к появлению новых исследований). В это же время приодесский регион, оставшийся в составе СССР, пережил в характеризующем отношении два периода: 1918-1931 гг. – дальнейшее развитие и углубление этнологических исследований, связанных для болгаристики с именем С. И. Цветко, и прекращение изучения национальных меньшинств с 1931 г. 4. Советский период – с 1944 по 1991 гг., характеризующийся дальнейшим развитием исследований национальных меньшинств Одесщины, но, вместе с тем, концентрацией исследовательских центров вне пределов изучаемой территории – в Москве, Кишиневе, Киеве, Ленинграде. 5. Современный период – начиная с 1991 г.

Охарактеризуем особенности каждого из этих этапов подробнее.

Первый, «эмпирический» этап в изучении этнических групп Одесщины

Пожалуй, первым сочинением в российской историографии, в котором упоминаются этнографические особенности болгар Северо-Западного Причерноморья, является вышедшее через год после официального присоединения Бессарабии к России описание «Заднепровской области», составленное ректором Кишиневской духовной семинарии П. Куницким²⁵.

История расселения русских старообрядцев Южной Бессарабии, вопросы их внутреннего устройства рассматривались, в первую очередь, в контексте изучения народонаселения Бессарабии. В XIX в. вышло много работ по истории Бессарабии, написанных преимущественно по заказу правительства, в которых находим краткие известия и о старообрядцах. Так, после русско-турецкой войны 1806-1812 гг. советник ведомства государственной коллегии иностранных дел П. П. Свиньин составил описание Бессарабской области, используя анкету, в которой были включены вопросы о границах области, численности и приросте населения, повинностях, основных занятиях и т. д. Описание содержит краткие известия о русских старообрядцах, их численности, культовых сооружениях²⁶.

В описании этнического состава Бессарабии он упоминает и болгар: «Болгары суть самые лучшие землепашцы, очень рачительны в работе, трезвы и постоянны, но характер имеют пылкий и мстительный и не терпят над собою начальства»²⁷. Здесь следует отметить, что первые российские наблюдатели культуры и быта населения Бессарабии не разграничивали болгар и гагаузов, поэтому эти сообщения одинаково могут относиться как к одному, так и к другому народу, либо к ним обоим.

Одно из ранних наблюдений, касающихся южнорусских болгар, было опубликовано в «Записках Одесского общества и древностей» действительным членом общества А. Кочубинским²⁸. Опубликованный им в конце XIX в. документ хранился в архиве Новороссийского генерал-губернатора. А. Кочубинский предположил, что он был написан между 1831 и 1835 гг. на юге России, но его автор установлен не был. Этот материал является важным этнографическим источником, так как в нем впервые в историографии подробно описан свадебный обряд болгар, их народный костюм.

Е. В. Капацына обращает внимание на детальное сходство этой публикации с описанием болгарской свадьбы П. Э. Задерацким, опубликованным в «Московитянин» в 1845 г., и приходит к выводу, что последний либо был автором обоих записок, либо воспользовался документом из архива Новороссийского генерал-губернатора при составле-

нии своих записок²⁹. Напротив, молдавские историографы предполагают, что этот материал записан в 1830 г. и, возможно, не в России, а в Валахии³⁰.

Кроме рассказа о болгарской свадьбе, П. Э. Задерацкий дал в своей статье описание внешнего облика болгарских колоний, внутреннего убранства домов колонистов, отмечая, что основная утварь привезена колонистами со своей родины, но некоторые предметы выходят из употребления, заменяясь заимствованными у соседних народов, народных гуляний, проходящих по воскресным и праздничным дням, в том числе – седянок (посиделок)³¹.

Важные сведения о хозяйстве задунайских колонистов сообщает А. Заблоцкий³².

В середине XIX в. с секретной миссией в Бессарабии побывал И. С. Аксаков. В своем отчете, а также письмах он привел некоторые известия о старообрядческом населении. Вот как описывает он жителей посада Вилково: «У великорусов... стоит церковь, но пустая; воскресенье также поджигают свечки и собирается народ, однако священника нет и некому совершать таинства... Маленькие дети бродят некрещеными, не раздаются свадебные песни, молодые пары живут невенчанные, с тяжелым чувством своего положения; если совершаются браки, так удаленные от отцовского дома, тайно, ночью... Великоруссы говорят самым чистым русским языком, которым не везде говорят даже вокруг Москвы... Ходят они в российский платье, женщины в сарафанах. Одно заимствовали они у местных жителей... Чистоту и опрятность в домах, которые также как молдавские делаются из камыша и обмазывались белой глиной как извне, так и внутри... Вообще заметно влияние вкуса южных женщин на женщин Вилково»³³.

Целую эпоху в изучении народов Южной Украины составляет творчество летописца Новороссийского края – А. А. Скальковского. В его трудах можно отметить две важнейшие линии – описание на основе оригинальных документов истории заселения и обустройства колонистов края и статистическая характеристика этого населения, включая его численность, расселение, хозяйственную деятельность и пр. В этих отношениях исследования А. А. Скальковского не потеряли своего значения до настоящего времени³⁴.

В отдельной работе, посвященной болгарским колониям России, автор уделяет определенное внимание и их культурному облику. А. А. Скальковский отмечает религиозность болгар: «Кто не знает их привязанности к вере православной... посещая колонии, во всякой увидите или великолепный Божий Храм, или церковь хотя бедную, но прилично содержимую и всегда посещаемую»³⁵, патриархальность быта и любовь к «семейной иерархии»: «Быт внутренний, быт семейный, чисто патриархальный, представляет зрелище истинно отрадное. Глава семейства, отец, иногда даже прадед, сохраняет во всю жизнь власть свою над семейством, состоящим весьма часто из 3-х или 4-х поколений. Семейство вообще не любит делиться ни жилищем, ни имуществом, и даже старики, для обучения, для прибыли, не любят отсылать свою молодежь в другие колонии, а тем более не болгарские, не своего «языка», не своей веры... супружеский союз, и с тем вместе девичья скромность, есть настоящая святыня для болгар, отступление от нея очень редки»³⁶.

А. А. Скальковский также характеризует жилище, его внутреннее устройство, некоторые особенности домашней жизни болгар: «Домы строят болгары, по наружности, во многом сходные с хорошими малороссийскими хатами. Но в Болграде, Комрате и др. колониях найдете уже прекрасные дома в два и в полтора этажа, с восточными украшениями, крыльцами и византийскими колонадками. Расположение внутреннее больше похоже на восточное, какое видим в Крыму или в Турции; быть может сходно оно и с древним болгарским. Женщины имеют всегда особую половину, куда посетитель не проникает, и которая закрыта занавесом поверх дверей. Иногда в знак особого почета и уважения, болгарин зовет, приударив по перегородке, жену и даже дочь для приема; но

они, обыкновенно: войдут, поклонятся, и сказав краткое приветствие, немедленно удаляются. Изба, куда входит чужой человек, или «светлица», имеет, по восточному обычаю, широкие диваны, иногда сделанные из земли, и всегда покрытые коврами, на которых в нужде может спать до 50-и человек. Стены тоже украшены коврами, «ручниками» (работой и приданным невест), часто тарелками, вокруг которых расположены пучки засушенных цветов. В «красном углу» изобилие святых икон, и перед ними, как и у всех русских, теплится одна или несколько лампад. В Болграде, Комрате и др. колониях есть уже у многих колонистов комнаты, отделанные и убранные по европейски или, как говорят болгары, «по-русски», со стульями и столами»³⁷.

Он также упоминает народные развлечения и музыку болгар: «Болгары любят гостеприимство и веселость. При малейшей возможности у них является музыка и танцы, особенно «жок» (игра), который можно видеть всякий праздник около трактиров, как в Малороссии. Танец этот весьма не весел и не жив, состоит в простом и медленном движении тела и рук, но удивительно забавляет и самих пляшущих и смотрящих на пляску»³⁸, некоторые этнопсихологические их черты: «Говоря о народном характере болгар следует сказать, что скупость, или вернее – излишняя бережливость болгар, следствие прежней необеспеченности и совершенной произвольности их быта под владычеством турок... затем упрекают еще болгар в неточности данного слова, в крутости, мстительности и строптивости»³⁹.

В заключительной части своего сочинения, посвященного болгарам, а точнее – задунайским колонистам, А. А. Скальковский приводит краткие сведения о каждой колонии, среди которых в это время были все болгарские, гагаузские и албанское поселения в Новороссийском крае, а также ряд молдавских поселений, приписанных к тому же ведомству. Исследователь приводит данные о численности населения, этническом составе, времени основания, происхождении названия, а также некоторые, хотя и очень лаконичные, но интересные этнографические наблюдения. Например, о молдавском селе Анадолка (совр. Долинское): «Жители охотно занимаются виноделием, садоводством, шелководством и снабжают Рени съестными припасами и строевым камнем», Барта (Плавни): «Жители занимаются виноделием и садоводством, промышленяют ломая камень-дикарь (все – с успехом)», албанском Каракурт (Жовтневое): «Жители отличаются трудолюбием, прекрасным хозяйством и особенною чистотою нравственности».

Определенное место в творчестве А. А. Скальковского занимает и изучение русских старообрядцев Новороссии. Он исследовал происхождение казаков-некрасовцев, историю поселения их в Бессарабии, приводил их численность⁴⁰.

Гагаузы впервые упоминаются не только в российской, но и в мировой литературе в 1837 г. в «Статистическом обозрении колоний Бессарабской области», составленном чиновником хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, надворным советником И. Толстым, который подчеркивает, что «болгары» разделяются на «болгар черных, на гагауз... арнаут... и ...румелийских переселенцев»⁴¹.

Следующим гагаузов выделяет П. Кёппен, сообщая также многие другие важные сведения о задунайских переселенцах⁴². Основные результаты работы легли в основу изданной в 1851 г. этнографической карты европейской части России.

В конце 1850-х – начале 1860-х годов выходит еще несколько интересных этнографических описаний народов Южной Бессарабии. Молдаван и болгар Аккермана изучал И. Енакиевич⁴³. Предметом его интереса, в частности, стали обряды, сопровождавшие рождение, погребение и свадебный цикл. Болгар Рени описал учитель приходского училища г. Рени Н. Левицкий⁴⁴. Н. Левицкий делит народные обычаи бессарабских болгар на религиозные, народные и суеверные. Подчеркивая, что описанные религиозные и народные обычаи распространены среди «масс болгарских колонистов в классе хлебопашцев», он замечает, что они же «начинают терять свою первоначальную простоту

и принимают другой вид» «у нескольких полудесятков семейств, которые можно отнести к торговому классу». Например, в этой среде массовые празднества с приготовлением курбана переносятся в семейный круг, с приглашением священника, «бабин день» заменен «посещением крестников и крестниц» роль гайдаржи (волынщика) на свадьбах исполняют «сносные музыканты»⁴⁵.

В начале 1860-х годов плодотворно трудился по сбору материалов для статистического описания Бессарабии офицер Генерального штаба А. Защук. Его исследование по истории, этнографии и статистике края было опубликовано, как отдельным изданием, так и в «Записках Одесского общества истории и древностей»⁴⁶.

Определенный вклад в изучение задунайских колонистов в эти же годы внес первый декан историко-филологического факультета профессор Виктор Иванович Григорович. Он одним из первых попытался классифицировать представителей этой полиэтнической группы, определить их этнолингвистические особенности, места выселения с прародины, а для гагаузов – и их происхождение. В. И. Григорович, в частности, писал: «...в болгарском поселении Бессарабии можно выделить несколько национальностей, которые покрываются одним именем – болгары. О численном соотношении определенно не могу говорить, но могу допустить, что чисто славянская народность в колониях не превалирует. Кроме албанцев, выселенцев из села Арбанаси, значительную часть колоний населяют так называемые гагаузы. Это суть выселенцы из Добруджи и других восточных окраин Болгарии. Гагаузы говорят турецким языком и мало понимают болгарский. По моему мнению, гагаузы – потомки половцев, которые поселились в Болгарии в XI и XII веках. Рано обращенные в христианство они не восприняли славянский язык»⁴⁷. Эти рассуждения, пожалуй, являются первой в науке попыткой объяснить происхождение гагаузов.

Далее он предлагает этнографическую характеристику собственно болгар: «Первый отдел – это старые переселенцы из Болгарии еще до времен русского господства. Поселившись гораздо прежде XVIII столетия среди молдаван, они усвоили себе язык румынский и слабо сохранили природный. Второй отдел составляют переселенцы разных эпох наших войн с турками, вышедшие из балканских сел, преимущественно из Сливни, Жеравни и Ямболи. Эти говорят наречием, которое преимущественно можно назвать болгарским. Третий, наконец, отдел обнимает переселившихся также во время наших войн с турками, но не с Балкан, а из западной окраины, смежной с Сербией. Этих переселенцев называют шопами»⁴⁸.

В 1869 г. вышла работа А. Клауса «Наши колонии»⁴⁹. Описывая иностранную колонизацию в России, он, в частности, описывает и болгарские колонии, коротко останавливается на этапах и причинах переселения, характеризует их хозяйственный быт и устройство колоний. Особенно важно то, что А. Клаус впервые обращает внимание на устройство общины колонистов, сравнивая материалы по болгарским, греческим и немецким колониям. Говоря об образовании болгар, исследователь дал анализ школьному делу в болгарских колониях, видя в отсутствии грамотности серьезный недостаток в их жизни и причину сохранения у них суеверий.

Интересные соображения в отношении этногенеза гагаузов в своей работе высказал профессор Новороссийского университета Ф. Брун. Он присоединился к теории, согласно которой гагаузы – потомки подданных иконийского султана Иззеддина Кейкавуса, переселившегося в Добруджу из Малой Азии в 1263 г.⁵⁰

Большой интерес с точки зрения источников, проливающих свет на различные стороны культуры болгар Южной Бессарабии, многие элементы которой вышли из быта за истекшие более ста лет, представляют собой описания их сел, появившиеся во второй половине XIX в. Часть из них принадлежит приходским священникам. Эти описания основаны на программе, разработанной Кишиневской епархией. Целью такого изучения

было выявление языческих, нехристианских обычаев и обрядов у местного населения для последующей борьбы с ними. Соответственно, основным предметом изучения священников были нерелигиозные обряды и представления. Имеются такие описания приходов сел Задунаевка, Исерлия (совр. Вольное), Чумлекиой (Виноградовка) и Твардица, в современной Молдове, опубликованные в «Кишиневских епархиальных ведомостях»⁵¹. К этой же группе примыкают и статьи Ст. Зографского «Нерелигиозные святочные обряды и поверья болгарского народа»⁵² и Ф. Варзопова, посвященная языческим кукерским обрядам, осуществлявшимся во время празднования Масленицы⁵³. В «Кишиневских епархиальных ведомостях» публиковалась и работа Г. Бахталовского «Посад Вилков» – история старообрядческого поселения на территории Буджака, которая была создана как на основе документов, так и с использованием полевых исследований – сообщений старожилов⁵⁴.

Другой тип описаний сел основан на этнографической программе, разработанной в результате работы Шестого Всероссийского археологического съезда, проходившего в 1884 г. в Одессе. Среди сел современной Одесщины известны такие описания Чийшии (Городнее), Кулевчи и Купорана (Ровное)⁵⁵. Эти описания, также представляющие определенный интерес в качестве источника, не были, однако, опубликованы в свое время. Они были обнаружены в архивах только в настоящее время.

Таким образом, к концу XIX в. складываются предпосылки для формирования этнологического направления, посвященного изучению этнических групп современной Юго-Западной Украины. Были разработаны первые этнографические программы, функционировали научные учреждения, этнология как наука, в целом, в Российском государстве достигла достаточно высокого уровня развития. К этому времени появился целый ряд информативных, хотя и чисто эмпирических описаний быта и культуры задунайских переселенцев. Однако подняться до уровня научной дисциплины в современном понимании изучение рассматриваемых групп смогло лишь в связи с именами Н. С. Державина и В. А. Мошкова. Работы этих исследователей, по нашему мнению, определяют следующий этап нашей периодизации.

Второй этап в изучении этнических групп Одесщины, формирование парадигмы науки

Наиболее замечательным и значительным событием в истории этнографии болгарского населения юга России стала научная деятельность Николая Севастьяновича Державина. Будущий выдающийся ученый родился в приазовском болгарском селе Преслав, что послужило стимулом для последующего изучения культуры и быта этой этнической группы. Первые его этнографические заметки увидели свет на рубеже XIX-XX вв.⁵⁶, а итогом этого направления творчества ученого – фундаментальный обобщающий труд, вышедший первоначально в 1908 г. в России⁵⁷, а затем – переработанный и дополненный материалами по болгарам Бессарабской губернии – был переиздан в 1914 г. в Болгарии⁵⁸.

Его исследование – энциклопедия традиционного быта болгар. Об этом можно судить уже по названиям разделов монографии: «...Болгарская колонизация Новороссийского края. Статистические данные о болгарском населении...»; «Основы водворения болгарских колонистов в Новороссийском крае и характеристика их первоначального быта у исследователей современников»; «Болгарские колонии... в этнографическом отношении и современное их культурное положение»; «Сельское хозяйство современной болгарской колонии, ее землевладение и землепользование»; «Двор и его постройки»; «Жилище и его обстановка: Материал для постройки, размеры жилого дома и его тип; План жилого дома; Убранство и обстановка жилища; Постройка дома; Отопление и освещение жилого помещения»; «Костюм»; «Пища и питье: Народное питание; виды кушаний и напитков; Приготовление пищи; Хлеб и его виды»; «Посуда. Меры жидкости.

Меры сыпучих тел. Меры веса. Дни недели, названия месяцев и времен года»; «Родство и свойство. Народные имена. Народные фамилии»; «Родинные обряды и обычаи. Воспитание молодежи. Детские игры. Увеселения. Школа»; «Свадебные обряды»; «Похоронные обряды»; «Народные праздники»; «Приметы: Счастье и несчастье; Смерть; Погода; Урожай; Гость»; «Поверья»; «Народное творчество». Сам Н. С. Державин по этому поводу писал: «Круг своих этнографических наблюдений я старался брать как можно шире и, мне кажется, в настоящем труде мне удалось не упустить из виду ни одной наиболее существенной стороны народной жизни, типичной для исследуемой народности и представляющей собою известный этнографический интерес...»⁵⁹

Исследование охватывает все основные этнотерриториальные группы болгар Новороссийского края: болгар Приазовья (села Андреевка, Софиевка, Романовка, Елисеевка, Преслав, Феодоровка, Цареводаровка, Гирсовка, Терновка, Диановка, Петровка), Крыма (Старый Крым, Кишлав), Буго-Днестровского междуречья (Терновка, Малый Буялык, Кубанка, Большой Буялык, Катарджа, Парканы) и Бессарабии (Болград, Чешма Варуита, Шикирли-Китай, Вайсал и Шоп Тараклия).

В основной своей части исследование носит, преимущественно, описательный характер, автор не приводит параллелей с другими народами или этническими группами. Однако Н. С. Державин впервые для болгар Новороссии на современном для того времени научном уровне ставит целый ряд этнологических проблем. Среди них: характер землевладения и землепользования, терминология и система родства⁶⁰, структура и эволюция семьи – вопрос о семейной задруге⁶¹, субэтническая и территориальная структура болгарской этнической группы России, и, наконец, автор попытался выделить ряд факторов, влияющих на характер эволюции традиционной культуры болгар.

Н. С. Державин выделил следующие такие факторы: природно-географические условия, систему расселения (компактная или дисперсная), степень урбанизации, этнический состав поселений и экономический фактор.

Вот как он сам характеризовал влияние каждого из этих факторов. *Природно-географические условия*: «Горные болгарские колонии более устойчивы в этнографическом отношении, нежели колонии степного пространства, легко подверженные влиянию всяких этнических случайностей... В первом случае мы имеем этнографическую эволюцию, – во втором случае процесс развития, осложняющийся всевозможного рода этнографическими наслоениями»⁶².

Система расселения: «все болгарские колонии... могут быть разделены на две группы: колонии уединенные и колонии сгруппированные. В наиболее благоприятном для сохранения своей национальности положении в этом отношении в настоящее время находятся колонии Бердянского у. и все колонии Бессар. губ., где, между прочим, народным обычаем строго осуждаются браки смешанные, т. е. болгарин здесь никогда не женится на русской девушке и наоборот... тарновский болгарин Мелитопольского у. или болгарин с. Парканы Херс. губ. Совершенно оторваны от остального болгарского мира и, в силу необходимости, с давних лет вступив в ближайшие сношения с своими инородными соседями, утратили многие типичные черты своей национальности...»⁶³

Степень урбанизации: «все болгарские колонии рассматриваемого нами района могут быть еще подразделены на две группы: колонии, расположенные вблизи так называемых культурных центров, и колонии, отдаленные от этих центров, т. е. колонии более просвещенные усвоением новейших успехов мещанской культуры и колонии более первобытные в этом отношении... Положение колонии в зависимости от культурного центра отражается и на частностях быта и на обще-нравственной физиономии колонии. Несомненно, процесс разложения национальности интенсивнее в первом случае, и устойчивее национальность в колониях более отдаленных от культурных центров»⁶⁴. А также: «колонии в соседстве с элементом более интенсивной культуры и колонии,

соседающие с элементом менее культурным. К первой группе мы отнесли бы колонии Бердянского уезда, соседящие с немецкими колониями, а также колонии, примыкающие к городским центрам с более интенсивной русско-мещанской культурностью... ко второй группе – колонии Феодосийского уезда, соседящие с бедными, полунищими татарскими и русскими поселенцами, а также болгарские колонии Херсонской губернии, соседящие с бедными малорусскими поселками бывших крепостных крестьян и запорожских казаков, и колонии Бессар. губ., соседящие с молдаванскими селами. Вторая группа болгарских колоний поставлена в более благоприятные условия в смысле сохранения своей национальности, нежели первые колонии»⁶⁵.

Этнический состав: «колонии чисто болгарские и колонии, в которых болгарский элемент составляет часть этнического состава... Этим обстоятельством определяется степень интенсивности этнической ассимиляции болгарского элемента с элементами инородными в различных болгарских колониях»⁶⁶.

Экономический фактор: «...степень экономического благосостояния колонии всегда отражается хотя бы на внешней ее культурности, и с этой точки зрения все наши болгарские колонии могут быть также подразделены на две группы: на более зажиточные, пользующиеся некоторыми культурными удобствами в своем быту, и менее зажиточные, примиряющиеся на удовлетворении примитивных потребностей»⁶⁷.

Кроме того, Н. С. Державин говорит и об общих условиях этнокультурного развития болгарской диаспоры. Негативными внешними факторами их развития исследователь считал: «невежество, безграмотность, отсутствие национальной школы, земельная неурядица в землевладении и в землепользовании, бесправие, юридическая беспомощность и сословная обособленность, произвол и бесконтрольный гнет низших органов деревенской администрации»⁶⁸. Более того, Н. С. Державин предлагает конкретные меры, которые должны способствовать прогрессивному развитию болгарского села. Помимо вопросов землевладения и землепользования, которые он разбирает подробно, исследователь предлагает: «Возможно более широкое распространение народной грамотности и просвещения на родном языке (отметим, что эта проблема для национальных меньшинств Одесщины не решена до настоящего времени), действительное обеспечение народу известных гарантий против господствующего в деревне административного произвола и усмотрения, уравнивание крестьянского сословия в правах и по суду со всем остальным населением России, сокращение косвенных налогов и введение налога подоходного, создание бессословной мелкой земской единицы и расширение ее компетенции, и т. д.»⁶⁹ Этими рассуждениями будущий академик фактически закладывает основы этносоциологического и этнополитологического изучения болгар Новороссийского края – и в этом еще одно важнейшее значение труда Н. С. Державина.

Большое внимание, как видим, Н. С. Державин уделяет проблеме народного образования и просвещению у болгар, считая, что это – один из важнейших факторов, влияющих на развитие этнических групп. Автор отмечает низкую грамотность болгар, их общекультурную отсталость, которая объясняет ничтожность процента лиц болгарского населения, получивших образование выше начального (0,8 %), а также то, что по данным переписи 1897 г. из общего числа в 170.170 человек болгар, числилось только 3 человека, посвятивших себя науке, литературе и искусству. Выход из сложившегося положения будущий академик видит в развитии образования на родном языке, находившегося под запретом⁷⁰.

После издания охарактеризованной монографии, Н. С. Державин отходит от проблем изучения болгарской этнической группы России, посвятив основные свои исследования другим проблемам славяноведения и достигнув в этом значительных успехов. Он лишь спорадически возвращается к изучению других балканских этнических

общностей Приазовья – гагаузам и албанцам, опубликовав по этим вопросам несколько разведок⁷¹.

Близким по характеру к исследованию Н. С. Державина является не менее фундаментальная работа В. А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда», фактически открывшая гагаузов для научного мира и более широкой общественности. Это исследование публиковалось в нескольких номерах основного этнографического журнала Российской империи «Этнографическое обозрение»⁷², а в последние годы было переиздано в виде отдельной книги (из которой была исключена глава, посвященная отношению гагаузов к другим народам)⁷³. Фактический материал В. А. Мошков черпал в изучении гагаузских сел, расположенных ныне на территории Молдовы, современные украинские гагаузские поселения исследователь не посетил. Но, учитывая относительное единство культуры гагаузского этноса, а также сохраняющуюся до сих пор слабую изученность гагаузов в целом (достаточно сказать, что многие стороны быта гагаузов после В. А. Мошкова больше предметом научных исследований не становились), его работа имеет исключительное значение и для этнографии гагаузов Украины.

Валентин Александрович Мошков оказался даже более подготовленным как этнолог, чем Н. С. Державин – профессиональный филолог. Его многочисленные работы посвящены изучению народного быта, языка, фольклора, народной медицины, музыки многих народов Российской империи и сопредельных стран (гагаузов, русских, поляков, карел, коми, удмуртов, марийцев, чувашей, ногайцев, казахов и др.), он был собирателем этнографических предметных и иллюстративных коллекций, хранящихся ныне в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН в Санкт-Петербурге⁷⁴.

Широта этнографического кругозора способствовала тому, что В. А. Мошков поднялся над простым описанием народного быта и культуры гагаузов (собственно этнография), проводя широкие параллели с другими народами (кросскультурный анализ, этнология). Правда, использование параллелей не приводит исследователя к далеко идущим выводам в отношении генезиса и особенностей эволюции культуры гагаузов, однако, учитывая, что все же В. А. Мошков по своей основной профессиональной деятельности был военным, а также точность и детальность его описаний, постановку многих этнологических проблем в отношении объекта исследования, «Гагаузы Бендерского уезда» можно считать образцовой для своего времени этнографической работой.

Труд В. А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда» содержит следующие разделы: Территория, занимаемая гагаузами, и их происхождение. Обычаи, родины и крестины. Игры и развлечения. Танцы, музыка и пение. Свадьба. Семейные и общественные отношения у гагаузов. Отношения гагаузов к другим народностям. Похоронные обряды и обычаи. Верования. Воззрения на природу. Великаны. Дом. Хозяйственные и надворные постройки. Домашняя посуда. Пища и курение. Одежда и ткацкое дело. Ручные ремесла. Хлебопашество. Огородничество. Виноделие и садоводство. Скотоводство. Народный календарь. Несмотря на то, что достаточно весомое место в исследовании занимает и рассмотрение материальной культуры, В. А. Мошков более детально и глубоко, в отличие от Н. С. Державина, рассматривает духовную культуру, верования и фольклор изучаемого народа.

Что касается общих проблем этнологии гагаузов, то В. А. Мошков одним из первых в своих работах поставил наиболее сложный в науке вопрос о происхождении этого народа. Он категорически отвергает гипотезу о болгарском происхождении гагаузов «как не выдерживающую серьезной критики» Присоединяясь к гипотезе К. Иречека о том, что гагаузы – остатки средневековых тюркских кочевников южнорусских степей, он совершенно справедливо замечает ошибку К. Иречека, смешивающего кумано-половцев с огузо-торками, и уточняет, что гагаузов следует связывать именно с огузо-торками.

Правда, и сам, в свою очередь, не различает огузо-торков от смешанного в этническом отношении объединения черных клобуков⁷⁵.

Исследования В. А. Мошкова в области этнографии гагаузов, в первую очередь, – «Гагаузы Бендерского уезда» – не потеряли своего значения до настоящего времени. Прежде всего, как уникальный источник, описывающий гагаузскую культуру на рубеже XIX-XX вв., а также как введение в кросскультурное изучение этого этноса.

Пожалуй, наиболее значимые работы этого периода, посвященные изучению русских-старообрядцев рассматриваемого региона, принадлежат перу В. И. Кельсиева, П. П. Короленко и А. П. Константинова.

В. И. Кельсиев собрал важный материал по истории некрасовцев, осветил их культуру и быт, привел данные об основании русских поселений в дельте Дуная, очертил последовательность расселения старообрядцев⁷⁶.

П. П. Короленко на основе опубликованных ранее материалов проанализировал время поселения некрасовцев в Бессарабии, условия их переселения, взаимоотношения с турецким, румынским и российским правительствами⁷⁷.

Работа А. П. Константинова представляет собой фактологическое обобщение материала, который был накоплен на то время по данному вопросу⁷⁸.

Третий этап в изучении этнических групп Одесщины, развитие и углубление этнологических исследований в советской Украине в 1918-1931 гг.

В 1918 г. Бессарабия переходит под юрисдикцию Румынии. Известно негативное отношение румынских властей к национальным меньшинствам Буго-Днестровского междуречья, тенденциозна и научная литература, посвященная им. Вместе с тем, в отечественной науке румынская историография, касающаяся народов Бессарабии, до сих пор остается практически неизученной. Не ставится эта задача и в настоящем исследовании. Таким образом, изучение румынского периода в изучении национальных меньшинств юга современной Одесской области (1918-1940 и 1941-1944 гг.) – задача будущих исследований.

Центральная и северная часть Одесщины, после перипетий Гражданской войны оказалась в составе советской Украины. С 1918 г. (конечно же, учитывая условность датировок, касающихся периодизации развития науки) для этой территории начинается новый этап в истории изучения национальных меньшинств.

Открывают этот этап две работы будущего всемирно-известного географа Льва Семеновича Берга. Это, в первую очередь, этнографическая карта Бессарабии, с обширными комментариями, характеризующими историю и этнические особенности народов, населяющих этот край⁷⁹ и монография, являющаяся своеобразным географо-историко-этнографическим предисловием к этой карте⁸⁰.

Характеризуя молдаван, Л. С. Берг высказывает свои соображения в отношении этногенеза и этнической истории этого народа и дает краткое описание их этно-психологического облика и культуры, с сожалением отмечая: «Быт молдаван Бессарабии, к стыду нашему, почти совершенно неизвестен. Кое-что сообщено Зацуком, писавшим в 1860 году, но автор этот не был специалистом этнографом и данные собирал попутно. Кроме того, имеются две-три крохотные заметки в журналах. И это все о миллионном народе, находящемся под властью России свыше столетия»⁸¹. Как ни печально, замечание Л. С. Берга, во многом, остается актуальным и поныне, особенно что касается молдаван Украины. Еще более лаконичные, но, вместе с тем, достаточно содержательные очерки посвящены болгарам, гагаузам, русским, албанцам и другим народам Бессарабии.

Оживление в исследованиях этнографии народов Южной Украины в 1920-е годы, как и других народов СССР, связано с политикой коренизации, проводившейся в качестве официального государственного курса. Этот период, пожалуй, наиболее продуктивный в изучении малых народов и этнических групп не только за всю историю

СССР, но и за историю Российской империи. В это время в Украине был создан целый ряд научных учреждений, изучавших национальные меньшинства, открыты печатные издания, публиковавшие результаты таких исследований, основаны этнографические музеи.

Проблемы этнографии национальных меньшинств Одесщины изучались в таких научных центрах, как этнографически-диалектологическая секция Одесской комиссии краеведения, Кабинет национальных меньшинств при Этнографической комиссии Всеукраинской академии наук (г. Киев), музей «Степная Украина» (Одесса).

Наибольшие успехи были достигнуты в этот период в изучении болгар Одесщины и эти успехи связаны, в первую очередь, с именем Сергея Ильича Цветко (1884-1947). Его этнологические и фольклористические исследования, базировались, в основном, на материалах его родного болгарского села Терновка на Николаевщине, болгар Крыма, но и приодесские села, такие как Большой Буялык (Благоево) также привлекали его интерес. Работы С. И. Цветко в постановке проблем и методике их решения уже носят по-современному научный характер, расширяют они и эмпирическую базу, предоставляя в наше распоряжение разнообразные факты, собранные в начале прошлого века. Нет необходимости здесь подробно останавливаться на жизни и творчестве этого выдающегося ученого, так как в последнее время вышел ряд исследований, посвященных этому. Среди них работы А. В. Шабашова⁸², И. Горбань⁸³, М. Ю. Ласинской⁸⁴. Отметим, что С. И. Цветко, помимо постановки и попытки решения общих проблем, касающихся эволюции традиционной культуры болгар, происхождения и этнического состава болгар Украины, их субэтнического разнообразия, условий этнокультурного развития и этнических связей, внес определенный вклад в изучение таких конкретных этнографических тем, как свадебная и другая обрядность, формы досуга, народные представления о болезнях и способах их лечения, ткачество, история изучения болгарской диаспоры (эта работа С. И. Цветко, правда, до сих пор не введена в научный оборот) и др.⁸⁵ С. И. Цветко также занимался музейной работой, в частности, собирал этнографические артефакты из болгарского быта для музея «Степная Украина».

Что касается последнего, то он, несмотря на короткий период своего функционирования, а открыт он был в 1927 г. (официально – в 1925 г.) и закрыт уже в 1931 г., сыграл значительную роль в пропаганде и изучении культуры народов Южной Украины. В нем имелось четыре отдела, помимо украинского, болгарский, немецкий и молдавский⁸⁶. Такая роль подчеркивается тем, что в последние годы репрессированный музей был восстановлен на базе Одесского историко-краеведческого музея.

Думается, что достижения в изучении национальных меньшинств были бы более значимыми, если бы в этот период в состав СССР входила бы и наиболее многонациональная, заднепровская часть нынешней Одесской области, а также, если бы этот яркий период в истории отечественной этнологии не был бы столь непродолжительным по времени.

После 1931 г. исследования национальных меньшинств Украины практически прекратились. Это связано со свертыванием политики коренизации и развертыванием борьбы с «буржуазным национализмом».

Следующий период формально можно начать с 1944 г., когда Бессарабия перешла под юрисдикцию СССР. С этого времени на Одесщине изменились общественно-политические и идеологические условия развития этнологии. Кроме того, как известно, в СССР в годы Великой Отечественной войны наметилась тенденция обращения к почвенническим ценностям, реабилитация церкви, идеи панславизма начинают заметно теснить пролетарский интернационализм. Однако практически, для изучения национальных меньшинств Одесщины эти тенденции реализовались уже с 1950-х годов.

Четвертый, советский период в изучении этнических групп Одесщины, 1953-1991 гг.

Этот период можно начать с 1953 г., так как в этом году, вероятно, вышло первое послевоенное исследование в области этнологии, касающееся исследуемой проблематики.

Речь идет о небольшой заметке известного московского ученого Геннадия Евгеньевича Маркова «Материалы по этнографии гагаузов»⁸⁷. Несмотря на скромные задачи, которые ставил перед собой автор, совершивший экспедиционную поездку в Пруто-Днестровское междуречье, этот очерк сыграл исключительную роль в дальнейшем развитии гагаузоведения, заложив парадигму советской молдавско-российской школы в изучении этого народа. Г. Е. Марков попытался выделить специфические черты этого народа, отличающие его от соседей, и попытался объяснить эти особенности кочевым прошлым предков гагаузов⁸⁸. Вслед за Г. Е. Марковым данная гипотеза стала смысловым ядром гагаузоведческих исследований его не менее известного ученика – Михаила Николаевича Губогло⁸⁹, а также гагаузоведов Молдавии, прежде всего, М. В. Маруневич, и С. С. Курогло.

М. В. Маруневич посвятила свои труды, прежде всего, материальной культуре гагаузов, внося наиболее весомый вклад в изучение этой стороны культуры народа⁹⁰.

Следует отметить, что она, также как и С. С. Курогло, достаточно широко использовали в своих исследованиях материалы по гагаузам Одесской области, которым посвящено и одно ее специальное исследование⁹¹.

С. С. Курогло писал, в основном, работы по обрядности гагаузов⁹². В его исследованиях, правда, как правило, гагаузы рассматриваются обобщенно и не ясно, какие материалы касаются каких групп этого народа. Это при том, что население различных гагаузских сел значительно различается друг от друга по обрядности, говору, некоторым другим сторонам культуры.

К 1950-м годам относится и начало творчества одного из наиболее плодотворных исследователей, прежде всего, материальной культуры болгар Украины и Молдавии – Людмилы Васильевны Марковой⁹³. Другая проблема, в изучение которой внесла значительный вклад Л. В. Маркова – особенности этнического развития болгар СССР⁹⁴. Работами в этом направлении исследовательница, по сути, заложила основы нового направления в этнологии болгар диаспоры – изучение особенностей трансформации этнической традиции, влияния внешних факторов на условия функционирования традиционной культуры.

Среди других исследователей советского периода, посвятивших свои работы болгарам Украины и Молдовы, необходимо упомянуть, прежде всего, Л. А. Демиденко, О. Р. Будину, Н. М. Калашникову, В. И. Наулко.

Здесь особо следует отметить работы киевской исследовательницы Л. А. Демиденко, специально изучавшей общественную культуру, свадебную и другую семейную обрядность, семейные отношения у болгар Болградского района Одесской области и защитившей по этой теме кандидатскую диссертацию⁹⁵. К сожалению, она рано ушла из жизни и не смогла продолжить исследования в этом направлении.

Оксана Рувимовна Будина посвятила несколько своих статей этнокультуре балканских этнических общностей Украины (прежде всего, – строительству и жилищу), в которых (хотя и в меньшей степени чем по Приазовью) используется и полевой материал по болгарам и албанцам Одесщины⁹⁶.

Работы ленинградской исследовательницы Н. М. Калашниковой посвящены музейным коллекциям одежды бессарабских болгар и других народов региона, прежде всего, хранящимся в современном Санкт-Петербурге⁹⁷.

Определенное место среди многочисленных работ известнейшего украинского этнолога Всеволод Иванович Наулко, в том числе посвященных едва ли не всем основным национальным меньшинствам Украины, занимает и болгарская проблематика⁹⁸.

Албанские поселения Юга Украины и, прежде всего, их основное материнское поселение – Каракурт (совр. Жовтневое) на Болградщине этнологически изучались Юлией Владимировной Ивановой⁹⁹.

Среди исследователей советского периода, посвятивших свои исследования русско-му населению Бессарабии, особо следует отметить работы И. В. Табака, в которых освещается время поселения старообрядцев в Бессарабии, определяются предыдущие места их проживания и пр.¹⁰⁰

Хронологически и по существу как бы мостом между характеризуемым и последующим периодом является творчество Юрия Григорьевича Розуменко. Этот первый дипломированный одесский этнолог работал в местном краеведческом музее, где, в частности, собирал, в ходе экспедиционных поездок, предметы быта народов Украины. Другим, помимо музееведения, направлением исследований этого ученого была история этнографической науки на юге Украины в XIX – начале XX века, чему и была посвящена его кандидатская диссертация¹⁰¹. К сожалению, жизнь исследователя очень рано трагически оборвалась и продолжить свою работу он не смог¹⁰².

Характеризуя данный этап в истории изучения национальных меньшинств Одесщины в целом, следует отметить, что в ходе его были достигнуты значительные успехи в изучении отдельных сторон традиционной культуры и их эволюции у рассматриваемых этнических групп. Это касается, прежде всего, таких традиционных для советской этнографии тем, как строительство и жилище, народный костюм, система питания, семейная и календарная обрядность, семейные отношения, межэтнические связи. Лишь Л. В. Маркова для болгар, в меньшей степени, – некоторые другие авторы – поставили проблему общих особенностей эволюции традиционной культуры этнических групп Одесщины и факторов их обуславливающих. Однако, по известным причинам, этнополитологическая и, в целом, этносоциологическая проблематика оставалась за пределами внимания исследователей.

Различные этнические группы Одесщины оказались изучены неравномерно. Наибольшие успехи были достигнуты в изучении болгарской диаспоры, значительный прогресс имели также гагаузоведческие, меньше – албановедческие исследования. Меньшие достижения, как и прежде, имелись в этнологическом изучении русских и молдаван Юго-Запада Украины.

Наметилась тенденция, которая в полной мере проявится в дальнейшем, обособления молдавской и украинской школ в изучении народов Южной Бессарабии. Это проявилось в том, что исследователи из этих союзных республик сосредотачивались на изучении населения своей территории и в меньшей степени работали среди тех же групп соседнего союзного государства. В Молдавии сложилась школа этнографов-гагаузоведов, тогда как в Украине большее внимание уделялось этнографическим болгароведческим студиям (при том, что в Молдавии, напротив, в отличие от Украины, сложились определенные традиции в историческом болгароведении).

Наконец, следует согласиться с тезисом, высказанным А. В. Шабашовым в отношении этнологической болгаристики, о том, что «до середины 1980-х годов они [этнографические исследования болгар. – Г. Ч.] проводились в научных центрах Москвы, намного меньше – Киева, Ленинграда и Кишинева, отражая общую тенденцию развития этнографии в СССР в послевоенные годы. Основной организационной особенностью советской этнографии... было ограничение ее рамками, прежде всего, академических научных центров... Поэтому не случайно, что изучение этнографии болгар Южной Бессарабии во второй половине XX в. концентрировалось, прежде всего, в рамках Инсти-

тута этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР... При этом в Одессе и, в частности, в Одесском университете в обозначенный период не имели дальнейшего развития не только исследования в области этнографии болгар, но и этнография в целом»¹⁰³ и расширить его в целом (учитывая вышеотмеченные оговорки) на этнографию национальных меньшинств Одесщины. Такое положение дел давало определенные преимущества, так как исследователи работали в больших профессиональных коллективах, благодаря чему обладали широким кругозором и могли легко сверять свою работу с успехами и недостатками коллег, работавших в смежной тематике, но и недостатки, которые заключались, прежде всего, в известной оторванности от «поля» и гипертрофированности кабинетной работы.

Пятый, современный этап в изучении этнических групп Одесщины (с 1991 г.)

Достаточно исчерпывающая характеристика этого этапа в изучении болгар региона представлена в фундаментальном исследовании А. В. Шабашова¹⁰⁴, гагаузов – в статье В. М. Бошкова¹⁰⁵, русских-старообрядцев – в диссертационном исследовании А. И. Федоровой¹⁰⁶. С другой стороны, имеющиеся тенденции находятся в динамике и могут быть оценены только по истечению определенного времени. Это снимает необходимость подробно останавливаться на рассмотрении современного этапа детально.

Следует дополнить, что в 1980-1990-х годов обрядовые традиции болгар изучались также Н. К. Гаврилук¹⁰⁷. Некоторые аспекты истории и культуры гагаузов нашли отражение в работах М. И. Ярмоленко¹⁰⁸. В этот период расширяются исследования русских, прежде всего, старообрядцев Одесщины¹⁰⁹, молдаван Украины¹¹⁰, а также – межэтнических отношений, этнокультурного и этнополитического развития этнических меньшинств в нижнедунайском регионе¹¹¹.

Значительное повышение интереса к последней проблематике, в контексте строительства независимого украинского государства и формирования его региональной этнополитики, наряду с расширением традиционных этнологических исследований и появлением попыток создания обобщающих работ, на наш взгляд, определяет особенности развития этнологического изучения национальных меньшинств Одесщины на современном этапе.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Чижов Г. П.* Этническая структура населения Украины (на примере Одесской области) // Південь України: етноісторичний, мовний, культурний та релігійний виміри. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції (Одеса, 26 жовтня 2007 р.). – Одеса, 2007. – С. 119-125; *его же.* Этнические группы Одесщины в контексте этнонациональной политики Украины // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. – 2008. – Вып. 2. – С. 127-136.

2. *Schmidt Ute.* Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer. – Potsdam, 2008; Нариси з історії села Красносілка (Гільдендорф) на Одещині. 200-річчю села присвячується. – Одеса, 2007 и др.

3. *Державин Н. С.* Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). Материалы по славянской этнографии // СБНУН. – 1914. – Кн. 29. – С. 28.

4. Там же. – С. 205-256.

5. *Капацына Е. В.* Этнографическое изучение болгарского населения южных губерний Российской империи XIX – начала XX в. // Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и на Украине. – Кишинев, 1993. – С. 169-186.

6. Там же. – С. 181-182.

7. *Червенков Н. Н.* Изучение истории болгар Молдовы и Украины // Страницы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины. – Кишинев, 1995. – С. 5-32.

8. Грек И. Ф. Болгары Молдовы и Украины: вторая половина XVIII в. – 1995 г.: (Библиогр. Указатель лит.) / Составители: И. Ф. Грек, Е. И. Челах, Н. Н. Червенков, И. И. Шпак. – Кишинев, 2003.
9. Там же. – С. 138-149.
10. Там же. – С. 255-257.
11. Там же. – С. 293-297.
12. Там же. – С. 302-304.
13. Станко В. Н., Шабашов А. В. Этнографическое изучение болгар Южной Украины в Одесском университете: Методика и направление исследований // ЗІФ. – 1996. – Вып. 3. – С. 79-86; *их же*. Етнографското изучаване на българите от Южна Украина в Одеския университет: методика и направление на изследванията // БЕ. – 1996. – Кн. 2. – С. 99-102; *их же*. Етнологическая болгаристика в Одесском университете // Украина і Болгарія: віхи історичної дружби (матеріали міжнародної конференції, присвяченої 120-річчю визволення Болгарії від османського іга). – Одеса, 1999. – С. 15-27.
14. Шабашов А. В. Етнологічна болгаристика в Одеському (Новоросійському) університеті: уроки і перспективи // ЗІФ. – 2005. – Вып. 16. – С. 35-54.
15. Там же. – С. 35-38.
16. Бошков В. М. Гагаузи у наукових дослідженнях учених Одеського (Новоросійського) університету // ЗІФ. – 2005. – Вып. 16. – С. 58-66.
17. Пригарін О. А. Етнічна виразність житла слов'янського населення Південно-Західної України (XIX–XX ст.). Автореф. дис. ...канд. іст. наук. – К., 1998.
18. Агафонова Т. А. Традиційний одяг українців і болгар Південно-Західної України (XIX – перша половина XX ст.). Автореф. дис. ...канд. іст. наук. – К., 1998.
19. Пригаріна Т. В. Традиційна календарна обрядовість слов'янського населення Південної Бессарабії та її трансформація протягом 20-70-х рр. XX ст. Автореф. дис. ...канд. іст. наук. – Одеса, 1999; Диханов В. Я. Календарна обрядовість болгар та гагаузів Південної України. Автореф. дис. ...канд. іст. наук. – К., 2001.
20. Серебряннікова Н. І. Обрядові аспекти народної лікувальної практики слов'янського населення Південно-Західної України. Автореф. дис. ...канд. іст. наук. – К., 2004.
21. Захарченко Г. М. Традиційна поховальна обрядовість слов'янського населення Південно-Західної України середини XIX–XX ст.: ритуальна структура та її статевовіковий аспект. Автореф. дис. ...канд. іст. наук. – К., 2004.
22. Федорова А. І. Старообрядницькі общини Південної Бессарабії у XIX – першій половині XX ст.: історико-конфесійний аспект. Автореф. дис. ...канд. іст. наук. – Одеса, 2005.
23. Шабашов А. В. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. – Одесса, 2002.
24. Квилинкова Е. Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии. (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). – Кишинев, 2005; *ее же*. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. – Кишинев, 2007.
25. Куницкий П. Краткое статистическое описание Заднепровской области, присоединенной к России по мирному трактату, заключенному с Портою Оттоманскою в Бухаресте в 1812 г. – СПб., 1813. – С. 12.
26. Свиньин П. Описание Бессарабской области // ЗООИД. – 1867. – Т. 6.
27. Там же. – С. 206.
28. Кочубинский А. Материалы для этнографии болгар из архива Новороссийского генерал-губернатора // ЗООИД. – 1889. – Т. 15. – С. 828-840.
29. Задерацкий П. Э. Болгаре, поселенцы Новороссийского края и Бессарабии // Московитянин. – 1845. – № 12. – Ч. 6. – С. 159-187; Капацына Е. В. Указ. соч. – С. 173.

30. Грек И. Ф. Указ. соч. – С. 140.
31. Задерацкий П. Э. Указ. соч.
32. Заблоцкий А. Статистические сведения об иностранных поселениях в России //ЖМВД. – 1838. – Ч. 28. – № 4. – С. 1-83.
33. Аксаков И. С. Письма из Бессарабии //Аксаков И. С. Письма из провинции. – М., 1991. – С. 287; *его же*. О бессарабских раскольниках //Русский архив. – 1888. – № 41. – С. 434-451.
34. Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. – Ч. 2.: с 1796 по 1823 гг. – Одесса, 1838; *его же*. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. – Одесса, 1848; *его же*. Опыт статистического описания Новороссийского края. – Ч. 1-2. – Одесса, 1850, 1853.
35. Скальковский А. А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. – С. 138.
36. Там же. – С. 139.
37. Там же. – С. 140-141.
38. Там же. – С. 144.
39. Там же.
40. Положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии 1812-1861 гг. История Молдавии. Документы и материалы. – Т. 3. – Ч. 2. – Кишинев, 1969. – С. 179.
41. Скальковский А. А. Дунайцы //КС. – 1885. – Кн. 1. – № 1. – С. 117-132; *его же*. Некрасовцы, живущие в Бессарабии //ЖМВД. – 1845. – Ч. 8. – С. 61-82.
42. Кёппен П. Об этнографической карте Европейской России. – СПб., 1852; *его же*. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. – СПб., 1861; Коерпен Р. Die Bulgarien in Bessarabia //Bulletin de la Classe des sciences. – Т. XI. – № 13-14. – St.-Pbg.-Leipzig, 1854.
43. Енакиевич И. О некоторых особенностях аккерманских молдаван //ВРГО. – 1857. – Ч. 19; *его же*. Нравы и обычаи аккерманских болгар //Одесский вестник. – 1858. – 12 июня.
44. Левицкий Н. Нравы и обычаи болгар, живущих в бессарабских колониях //ЗООИД. – 1860. – Т. 4. – Отд. 2-3.
45. Там же. – С. 461.
46. Защук А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Бессарабская область. – Ч. 1-2. – СПб., 1862; *его же*. Этнография Бессарабской области //ЗООИД. – 1863. – Т. 5. – Отд. 1. – С. 491-586.
47. Григорович В. И. Донесения об испытаниях в Тираспольском уездном училище, Кишиневской гимназии и о болгарских народных училищах в Бессарабии, представленные попечителю округа ординарным профессором Новороссийского университета В. И. Григоровичем //Григорович В. И. Собр. соч. – Одесса, 1916. – С. 136.
48. Там же.
49. Клаус А. Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. – Вып. 1. – СПб., 1869.
50. Брун Ф. Некоторые исторические соображения по поводу названия Добруджи //Брун Ф. Черноморье. – Ч. 2. – Одесса, 1880. – С. 333.
51. Казанаклий П. Твардица //КЕВ. – 1873. – № 18. – С. 664-669; № 19. – С. 692-702; № 20. – С. 731-735; Федоров М. Описание церкви и прихода села Задунаевки Аккерманского уезда //КЕВ. – 1876. – № 21. – С. 789-794; № 22. – С. 859-865; *его же*. Обыкновенные болезни в бессарабской деревне и их лечение //КЕВ. – 1877. – № 9. – С. 382-386; Чакир Д. Историко-статистическое описание церкви и прихода селения Исерлии Аккерманского уезда //КЕВ. – 1891. – № 17. – С. 524-535; № 19. – С. 610-618; № 20. – С. 628-639; № 21. – С. 686-690; № 22. – С. 736-742; № 23. – С. 776-784; Киранов С. Борьба приходского священника с пред-

рассудками и суевериями прихожан-болгар //КЕВ. – 1875. – № 21. – С. 770-788; № 22. – С. 818-823, см. также: М. Г. Изучение народного быта приходскими пастырями //КЕВ. – 1878. – № 13.

52. *Зографский Ст.* Нерелигиозные святочные обряды и поверья болгарского народа //КЕВ. – 1869. – С. 103-111.

53. *Варзопов Ф.* Кукиры – народная забава во время масленицы //КЕВ. – 1877. – № 9. – С. 386-391.

54. *Бахталовский Г.* Посад Вилков: Историко-статистический и бытовой очерк: По документам Вилкововской посадской управы, Вилковской Свято-Николаевской церкви и устным свидетельствам старожилов Сост. Г. Бахталовский //КЕВ. – 1882. – Отд. неоф. – № 4. – С. 231-237; № 6. – С. 350-363; № 9. – С. 462-475; № 13. – С. 706-725; № 14. – С. 760-771; № 15. – С. 812-826; № 20. – С. 1122-1135; № 21. – С. 1160-1171.

55. *Д..риев А.* Село Чийшия (Аккерманского уезда) //ИРНАНУ. – Ф. V. – Д. 678; *Кульчицкая Е.* Село Кулевча (Аккерманского уезда, Бессарабской губернии). Краткий очерк //ИРНАНУ. – Ф. V. – Д. 683; *Чебан Ф.* Описание селения Купаран, Аккерманского, Бессарабской губернии //ИРНАНУ. – Ф. V. – Д. 681.

56. *Державин Н.* Очерки быта южнорусских болгар. 1. Родинные и свадебные обычаи. 2. Поверья //ЭО. – 1898. – № 3. – С. 37-62; № 4. – С. 113-125; *его же.* У болгар в Таврической губернии. Этнографическая заметка //ЭО. – 1900. – № 4. – С. 52-67; *его же.* Этнографические условия развития болгарских колоний в Бердянском уезде Таврической губернии //ИСПСБО. – 1902. – № 2. – С. 2-7.

57. *Державин Н. С.* Болгарские колонии Новороссийского края. Херсонская и Таврическая губерния //ИГУАК. – 1908. – № 41.

58. *Державин Н. С.* Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). Материалы по славянской этнографии. //СБНУН. – 1914. – Кн. 29.

59. Там же. – С. XI.

60. *Шабашов А. В., Шабашова Ю. О. Н. С.* Державин как исследователь терминологии и системы родства болгар //Наукова спадщина М. С. Державина і розвиток слов'янознавства. Матеріали міжнарод. наук. конф. 15-17 травня 1995 року. – Запоріжжя, 1995. – С. 86.

61. До реконструкції типології сім'ї болгар і гагаузів Південної Бессарабії у 10-х – 60-х роках ХІХ ст. 1. Постановка проблеми. Загальна типологія родини //ЗІФ. – 2002. – Вип. 12. – С. 106-107.

62. *Державин Н. С.* Болгарские колонии в России... – С. 43.

63. Там же. – С. 44-45.

64. Там же. – С. 45.

65. Там же. – С. 47.

66. Там же. – С. 46.

67. Там же. – С. 48.

68. Там же. – С. 49.

69. Там же. – С. 67.

70. Там же. – С. 51-52.

71. *Державин Н. С.* О наименовании и этнической принадлежности гагаузов //СЭ. – 1937. – № 1. – С. 80-87; *его же.* Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР //СЭ. – 1948. – № 2. – С. 156-169; *его же.* Из исследования в области албанской иммиграции на территории бывшей России и УССР //Сборник в чест на проф. Л. Милетич. – София, 1933. – С. 504-512.

72. Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. (Этнографические очерки и материалы) //ЭО. – 1900. – № 1. – Кн. 44; 1901. – № 1. – Кн. 48; № 2. – Кн. 49; № 4. – Кн. 51; 1902. – № 3. – Кн. 54; № 4. – Кн. 55.

73. Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. (Этнографические очерки и материалы). – Кишинев, 2004.

74. Из последних работ о нем см.: Решетов А. М. В. А. Мошков как ученый (К 150-летию со дня рождения) //Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. (Этнографические очерки и материалы). – Кишинев, 2004. – С. 453-459; Курогло С. С. Валентин Александрович Мошков и истоки гагаузоведческой науки //Там же. – С. 469-476; его же. Ученый-этнограф В. А. Мошков: возвращение в жизнь //Там же. – С. 477-484; Булгар С. С. К столетию издания этнографических очерков В. А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда» //Там же. – С. 485-490.

75. Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. (Этнографические очерки и материалы). – Кишинев, 2004. – С. 13-21; см. также: Образцы народной литературы тюркских племен. – Ч. X. Наречия Бессарабских гагаузов. – СПб., 1904. – С. XIV-XXII; Мошков В. А. Турецкие племена на Балканском полуострове. Отчет о поездке на Балканский полуостров летом 1903 г. //ИРГО. – 1904. – Т. 40. – Вып. 3.

76. Кельсиев В. И. Очерк истории старообрядцев в Добрудже //Славянский сборник. – 1875. – Т. 1. – С. 605-620.

77. Короленко П. П. Некрасовские казаки: Исторический очерк, составленный по печатным и архивным источникам //ИОЛИКО. – 1900. – Вып. 4. – С. 1-74.

78. Константинов А. П. Русские в Южной Бессарабии: к истории колонизации //Русский архив. – 1902. – Кн. 2. – С. 150-160.

79. Берг Л. С. Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. Пг., 1923.

80. Берг Л. С. Бессарабия. Страна – Люди – Хозяйство. – СПб., 1918, переиздание: Кишинев, 1993.

81. Там же. – С. 82.

82. Шабашов А. В. Сергей Ильич Цветко: судьба и творческий путь этнолога и фольклориста болгарского населения Украины //Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. – Вып. 1. – Брянск, 2000. – С. 114-123; его же. Етнологічна болгаристика в Одеському (Новоросійському) університеті: уроки і перспективи. – С. 37; его же. Владимир Никифорович Станко и развитие этнологии в Одессе //Настоящее издание. – С. 388-391.

83. Горбань І. Сергій Цветко (1884-?) //НЗ. – 1996. – № 4. – С. 266-268; її ж. Фольклор і фольклористика болгар в Україні. – Львів, 2004. – С. 129-135.

84. Ласінська М. Ю. Сергій Ілліч Цветко: життя і діяльність етнолога, краєзнавця //НВМДУ. – 2005. – Вып. 11. Історичні науки. Збірник наукових праць. – С. 249-253.

85. Кветко С. І. Весільні звичаї і пісні у болгар на Херсонщині. (Село Тернівка на Миколаївщині) //ВОКК. – Ч. 2/3. – Одеса, 1925; Цветко С. І. Пісні болгар України і Криму //АІМФЕ. – Ф. 7-2. – Д. 11 (переиздание: Цветко С. Български народни песни от Украина и Крим. – София, 2005); Цветко С. І. Сидянки та меджії //АІМФЕ. – Ф. 1-4. – Д. 247. – Л. 1-12; його ж. Хороба «Урама» та її лікування в болгарській народній медицині //ЕВ. – 1932. – Кн. 10. – С. 107-122; його ж. Замови проти різних хороб у болгар, записані в Тернівці на Миколаївщині. (1926) //АІМФЕ. – Ф. 1-4. – Д. 246 (первые страницы в рукописи отсутствуют); його ж. Генеза мотиву крилатого змія в болгарських народних піснях //ЕВ. – 1930. – Кн. 9. – С. 3-30; його ж. Символічні речі й обряди в болгарському весіллі в порівнянні з українським //ЕВ. – 1928. – Кн. 6. – С. 1-15; его же. Славянские обряды и празднества сбора урожая в их историческом развитии //Рукописный фонд библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург). – Ф. 1006. – 415-417; його ж. Болгарський варстат

//Матеріали до етнології. – 1929. – № 2. – С. 89-103; його ж. Огляд літератури про болгарські колонії на Україні, в Криму та Бессарабії (1929) //ІР НАНУ. – Ф. 10. – Од. зб. 1066 и 22971.

86. Мисечко А. І., Шабашов А. В. До історії музею «Степова Україна» //Софійські читання. Матеріали III міжнародної науково-практичної конференції «Пам'ятки Національного заповідника «Софія Київська» та сучасні тенденції музейної науки» (м. Київ, 24-25 листопада 2005 р.). – К., 2007. – С. 332-337.

87. Марков Г. Е. Матеріали по етнографії гагаузов //КСИЭ. – 1953. – Вып. 19.

88. Критику этих взглядов Г. Е. Маркова см.: Шабашов А. В. К проблеме этногенеза гагаузов. Новые подходы //История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. (Сборник статей к 100-летию со дня рождения И. И. Мещеряка). – Кишинев, 1999. – С. 155, 166-167.

89. Среди его основных работ в области гагаузоведения: Губогло М. Н. Этническая принадлежность гагаузов (историография проблемы) //СЭ. – 1967. – № 3; его же. Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова: К вопросу о происхождении гагаузов. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 1967; его же. Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов //Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. (Материалы и исследования). – Кишинев, 1968; его же. Гагаузская терминология по скотоводству //Тюркская лексикология и лексикография. – М., 1971; его же. Гагаузская антропонимия //СТ. – 1973. – № 2. – С. 84-92; его же. К изучению гагаузов в тюркоязычном мире Юго-Восточной Европы //РЭ. – 1993. – № 17. – С. 7-20; его же. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. – М., 2004; его же. Культ волка у гагаузов. Этнокультурные параллели в тюркском мире //Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях (Этнологические очерки). – М., 2005. – С. 408-446; его же. Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов. – М., 2006.

90. Маруневич М. В. К вопросу о пережиточных формах заключения брака у гагаузов //ИАН МССР. – 1965. – № 1; ее же. Народное жилище гагаузов Чадыр-Лунгского района Молдавской ССР (на материалах сел Баурчи, Бешалма, Башкиой, Джолтай, Казаклия) //Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. – Кишинев, 1968; ее же. Некоторые черты традиционной усадьбы гагаузов Бессарабии конца XIX – начала XX вв. //Тезисы докладов VIII конференции молодых ученых Молдавии. – Кишинев, 1972; ее же. Традиционная свадебная обрядность у гагаузов Молдавской ССР //Этнография и искусство Молдавии. – Кишинев, 1972; ее же. Некоторые особенности развития народного жилища гагаузов в XIX – начале XX века //СЭ. – 1975. – № 5; ее же. Некоторые обряды и поверья гагаузов, связанные с жилищем //ИАН МССР. – 1975. – № 3; ее же. Поселения, жилища и усадьба гагаузов южной Бессарабии в XIX – нач. XX в. – Кишинев, 1980; ее же. Материальная культура гагаузов, XIX – нач. XX в. – Кишинев, 1988.

91. Маруневич М. В. Некоторые особенности материальной культуры гагаузов Одесской области УССР //Культурно-бытовые процессы на юге Украины. – М., 1979.

92. Курогло С. С. Свадьба и свадебный фольклор гагаузов //Женурь ши спечий фолклориче. – Кишинэу, 1972; его же. Изменения в гагаузской семейной обрядности //VIII конференция молодых ученых Молдавии. Тезисы докладов. – Кишинев, 1972; его же. Гагаузские обряды, связанные с рождением ребенка (XIX – начало XX в.) //ИАН МССР. – 1973. – № 2; его же. Поминальные обряды и обычаи гагаузов в XIX – начале XX в. //ИАН МССР. – 1975. – № 3; его же. Гагаузские обычаи, обряды и верования, связанные со смертью и похоронами //ИАН МССР. – 1977. – № 1; его же. Личные имена у гагаузов //Историческая ономастика. – М., 1977; его же. Изменение духовного облика гагаузского крестьянства за годы Советской власти //ИАН МССР. – 1979. – № 2; его же. Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX в. – Кишинев, 1980; Курогло С. С., Филимонова М. Ф. Изменение семейного и общественного положения гагаузской женщины за годы Совет-

ской власти // IX конференция молодых ученых Молдавии. Тезисы докладов. – Кишинев, 1975; *их же*. Прошлое и настоящее гагаузской женщины. – Кишинев, 1976.

93. *Маркова Л. В.* Поселения и жилище болгар-переселенцев в Бессарабии // КСИЭ. – 1955. – Вып. 24; *ее же*. Сельская община у болгар в XIX в. // ТИЭ. – 1960. – Т. 62; *ее же*. Землепользование у болгар и гагаузов в Бессарабии в XIX в. // Там же; *ее же*. Некоторые наблюдения над развитием календарных обрядов у болгар междуречья Прута и Днестра // ИЕИМ. – 1968. – Кн. 11. – С. 151-166; *ее же*. Типы болгарского жилища в Днестровско-Прутском междуречье // Этнография и искусство Молдавии. – Кишинев, 1972; *ее же*. О проявлении этнической специфики в материальной культуре болгар // СЭ. – 1974. – № 1. – С. 45-58; *ее же*. Традиции и инновации в устройстве и использовании жилища болгар западных районов Одесской области УССР // Культурно-бытовые процессы на Юге Украины. – М., 1979; *Маркова Л. В., Маруневич М. В.* Жилище народов Пруто-Днестровского междуречья // Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX в. – М., 1997.

94. *Маркова Л. В.* Некоторые тенденции развития культуры и быта болгар юго-западных районов СССР. (К вопросу об устойчивости этнических традиций). – М., 1966; *ее же*. Болгары Советского Союза: Тенденции этнического развития // РН. – 1984. – Вып. 14; *ее же*. Особенности этнического развития болгар СССР // Болгаристика в системе общественных наук: опыт, уроки, перспективы. Тезисы докладов и сообщений Второй Всесоюзной конференции по болгаристике (II Дриновские чтения). 5-7 февраля 1991 г. Доп. вып. – Харьков, 1991. – С. 23-24; *ее же*. Болгари України, Молдови та Росії: доля, культура, самосвідомість // Етнічні меншини Східної та Центральної Європи: компаративний аналіз становища та перспектив розвитку. – К., 1994; *ее же*. Эволюция этнической традиции болгарского населения Молдовы и Украины // Страницы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины. – Кишинев, 1995.

95. *Демиденко Л. А.* Громадський побут болгар Одещини. (На матеріалах Болградського району) // НТЕ. – 1965. – № 2. – С. 64-68; *ее же*. Семейный быт, общественная и культурная жизнь болгарского населения УССР. (На материалах колхозов Болградского района Одесской области). Историко-этнографическое исследование. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – К., 1967; *ее же*. Культура и быт болгарского населения в УССР. (На материалах колхозов Болградского района Одесской области). – К., 1970; *ее же*. Сватбата на българите в Болградски район УССР // БЕ. – 1975. – № 2. – С. 24-38; *ее же*. Сімейна обрядовість болгар Одещини. (На матеріалах колгоспів Болградського району Одеської області) // НТЕ. – 1966. – № 3. – С. 54-59; *Демиденко Л., Наулко В.* Современные этнокультурные процессы среди болгарского населения Украинской ССР // Първи международен конгрес по българистика. София, 23 май – 3 юни 1981. Доклади: Т. 2. Этнография и фолклор. – София, 1983. – С. 438-445.

96. *Будина О. Р.* Жилище болгар, греков, албанцев // Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище. – М., 1970. – С. 83-150; *ее же*. О некоторых обычаях при строительстве жилого дома // Новое в этнографии и антропологии // Итоги полевых работ Института этнографии в 1973 г. – М., 1975. – С. 76-83; *ее же*. О соотношении общих и локальных традиций (на примере балканских этнических групп на Украине и в Молдавии) // СЭ. – 1984. – № 2. – С. 15-27; *ее же*. К проблеме миграции в Россию: особенности культурно-бытовых традиций у потомков балканских мигрантов // История. Культура. Этнология. Доклады российских ученых к VII Международному конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. (Салоники, сентябрь 1994). – М., 1994. – С. 198-206.

97. *Калашникова Н. М.* Етнокултурни връзки между бесарабските българи и молдованите. (По данни на народного облекло) // Векове. – 1978. – № 6. – С. 34-35; *ее же*. Колекция от носи на бесарабските българи в Държавния етнографски музей на народите на СССР

//България 1300. – София, 1983. – С. 351-359; *ее же*. Этнокультурные особенности в одежде бессарабских болгар //Субэтнос в СССР. – Л., 1986. – С. 110-122; *ее же*. Българските колекции в етнографския музей на Русия. История и изследователи //БСП. – 1995. – Т. 4. – С. 339-347; *ее же*. Коллекция одежды бессарабских болгар в собрании Государственного музея этнографии //Страницы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины. – К., 1995. – С. 84-92; *Лукьянец О. С., Калашиникова Н. М.* Молдавские коллекции в собраниях Государственного музея этнографии народов СССР. – К., 1990.

98. *Наулко В. І.* Развитие межэтнических связей на Украине. – К., 1975. – С. 21, 39-42, 118, 131-132, 64, 66, 68, 78-79, 92-94, 97-99, 106, 138, 140-143, 146-147, 150, 154, 170-190, 209-218, 233-244; *его же*. Развитие межэтнических связей на Украине. Автореф. дис. ...доктора ист. наук. – М., 1976; *його ж.* Хто живе на Україні // *Наулко В. І.* Українознавство: Посібник. – К., 1994. – С. 55-68; *його ж.* Сучасні етнічні процеси серед болгарської діаспори південної України //Матеріали міжнар. круглого столу «Болгари в Україні: в пошуках національної ідентичності (минуле і сучасність)» – К., 1998. – С. 37-43; *його ж.* Сучасні етнічні процеси серед болгарської діаспори південної України //Наша школа. – 1999. – № 2-3. – С. 174-177; *його ж.* Формування болгарської діаспори на Україні //Україна і Болгарія : віхи історичної дружби: Матеріали міжнар. конф. – Одеса, 1999. – С. 145-148; *Наулко В. І., Кривцова В. М.* Болгары Украины в аспекте современных этнонациональных исследований //Резюме докладов конференции «Этнология балканских народов». – Комрат, 1999. – № 2-3. – С. 4-6.

99. *Иванова Ю. В.* Тенденция развития этнических групп в многонациональной среде (на примере албанских поселений на юге Украины в XIX–XX вв.) //СЭ. – 1981. – № 4.

100. *Табак И. В.* Особенности расселения и численность старообрядцев в Бессарабии (XVIII – начало XIX века) //Проблемы исторической демографии СССР и Западной Европы (период феодализма и капитализма). – Кишинев, 1991. – С. 141-153; *его же*. Русское население Молдавии. Численность, расселение, межэтнические связи. – Кишинев, 1990.

101. *Розуменко Ю. Г.* Етнографічні джерела другої половини XIX століття у фондах Одеського обласного державного архіву //НТЕ. – 1984. – № 1; *его же*. Изучение народонаселения Юга Украины и задачи научно-пропагандистской деятельности областных историко-краеведческих музеев //Музей и этнографические проблемы современности. Тезисы докладов научно-практической конференции Государственного музея этнографии народов СССР. Секция 1. – Л., 1984; *его же*. Задачи изучения и формы музейного показа памятников народной архитектуры на Юге Украины //Музей народной архитектуры и быта, принципы создания, проблемы развития в свете постановления ЦК КПСС «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев». Тезисы докладов (6-7 сентября 1984 г., г. Киев). – К., 1984; *його ж.* Етнографічне вивчення півдня України у XIX ст. (На матеріалах архіву Географічного товариства СРСР) //НТЕ. – 1985. – № 4; *його ж.* Матеріали по етнографії Поділля другої половини XIX – першої половини XX ст. в архівах, музеях Ленінграду та Одеси //Проблеми етнографії Поділля. Тези доповідей наукової конференції. – Кам'янець-Подільський, 1986; *его же*. Задачи этнографического музееведения //Изучение памятников фольклора и этнографии. – Вып. 1. – Одесса, 1986; *его же*. Этнографическое изучение населения Юга Украины в XIX – начале XX века. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Минск, 1986.

102. *Шабашов А. В.* Владимир Никифорович Станко и развитие этнологии в Одессе //Настоящее издание. – С. 394.

103. *Шабашов А. В.* Етнологічна болгаристика в Одеському (Новоросійському) університеті... – С. 38.

104. Там само. – С. 39-54.

105. *Бошков В. М.* Указ. соч. – С. 59-66.

106. Федорова А. І. Старообрядницькі общини Південної Бессарабії у ХІХ – першій половині ХХ ст.: історико-конфесійний аспект. Дисертація канд. ...іст. наук. – Одеса, 2005.

107. Гаврилюк Н. К. Общесоветское и этнически-специфическое в современной обрядности болгарского населения Украины //Единение народов – единение культур. Украинско-болгарские культурные связи: история и современность. К Х Международному съезду славистов. – К., 1987. – С. 102-126; *ii ж.* З досвіду вивчення болгарських обрядових традицій в Україні //Відродження мов і культур західних та південних слов'ян в Україні. – К., 1995. – С. 57-61; *ее же.* Из опыта изучения болгарских обрядовых традиций на Украине //Болгаристика в системе общественных наук: Опыт, уроки, перспективы. Тезисы докл. и сообщ. – Харьков, 1991. – С. 147-148.

108. Ярмоленко М. І. Поселення гагаузів в Придунав'ї //НВІДПУ. – 1998. – Вип. 3; *ii ж.* Етнічні функції матеріальної культури гагаузів півдня України //Етнічність в історії та культурі: матеріали і дослідження. – Одеса, 1998. *ii ж.* Гагаузи (історія і сучасність) //НЗІПЕД. – 1999. – Вип. 8; *ii ж.* Общность элементов материальной и духовной культуры гагаузов и болгар, компактно проживающих на юге Украины //Наша школа. – 1999. – № 2-3; *ii ж.* Церква і школа – провідники освіти і культури гагаузського населення Бессарабії у ХІХ ст. //НВІДПУ. – 2000. – Вип. 9; *ii ж.* Гагаузи на території нашого краю //СЧ. – Вип. 1. – Измаил-Одесса, 2000; *ii ж.* Гагаузи – один народ у двох державах //НЗ. – 2001. – № 3; *ii ж.* Розселення та облаштування гагаузів у Бессарабії (ХІХ – поч. ХХ ст.). Автореф. дис. ...канд. іст. наук. – Львів, 2001.

109. Андреева Е. А. Народоведение и этнография Бессарабии. Сборник материалов. – Измаил, 1996; Историчне краєзнавство Одещини. Збірник матеріалів. – Вип. 6. З історії та етнографії росіян Одещини. – Одеса, 1995; Кушнір В. Г. Народознавство Одещини. – Одеса, 1996; Пригарин А. А. Переселение некрасовцев из Добруджи в Бессарабию: 1830-1835 гг. //Культура русских старообрядцев в национальном и международном контексте. – Вип. 3. – Бухарест, 2001. – С. 376-404; *его же.* Русские старообрядцы и сектанты в Южной Украине и Бессарабии: численность и расселение в 1860-е гг. //Археологія та етнологія Східної Європи: Матеріали і дослідження. – Одеса, 2000; *его же.* Козаки-некрасівці на Дунаї: кінець ХVІІІ перша третина ХІХ ст. //Козацтво на Півдні України. Кінець ХVІІІ-ХІХ ст. – Одеса, 2000; *его же.* Семья у некрасовцев Бессарабии: по материалам ревизских переписей первой половины ХІХ века //Археологія та етнологія Східної Європи: Матеріали і дослідження. – Т. 3. – Одеса, 2002; *его же.* Возникновение старообрядческих общин на Дунае в ХVІІІ – первой трети ХІХ вв. //Липоване: история и культура русских старообрядцев. – Вип. 1. – Одесса, 2004; *его же.* Отражение процессов формирования в исторической памяти группы русских старообрядцев на Дунае //ГМЮР. – 2005. – № 1; 2006. – № 1; Савельева И. Старообрядцы в Молдавии и на Украине //ВРФС. – 2002. – № 4; Силантьева-Скоробагатова В. та ін. Вілкове: місто в дельті Дунаю. (До 250-річчя заснування). – Одеса, 1996; Таранец С. В. Старообрядці Південної Бессарабії //НВІДГУ. – 2002. – Вип. 12. – С. 19-20; *його ж.* Старообрядці в Південній Бессарабії (від початку поселення до 1917 р.) //Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. – Т. 7. – К., 2001. – С. 61-91; Українське Придунав'є. – Кн. 1. До 60-річчя Ізмаїльського державного педагогічного інституту. – Ізмаїл, 1998; Федорова А. І. Новогодні гадання липован Нижнього Подунав'я ХХ ст. //Етнографічні дослідження населення України: Матеріали Першої Всеукраїнської етнологічної конференції студентів та молодих вчених. – Одеса, 1996. – С. 75-77; *ее же.* Особенности масленичной обрядности липован Подунав'я (первая половина ХХ в.) //Національні та етносоціальні процеси в Україні: матеріали Другої Всеукраїнської науково-практичної конференції молодих науковців. – Чернівці, 1996. – С. 188-191; *ii ж.* Липовани як представники однієї з етноконфесійних груп України //Українознавство у навчально-виховному процесі вищого закладу освіти: Матеріали ювілейної науково-методичної міжвузівської конференції, 5-6 грудня 2000

року. – Одеса, 2001. – С. 128-131; *її ж.* До питання про заселення старообрядцями Південної Бессарабії та їх чисельність у ХІХ ст. //Археологія та етнологія Східної Європи: Матеріали і дослідження. – Т. 3. – Одеса, 2002. – С. 238-239; *її ж.* Новий рік у липован Українського Подунав'я //Науковий вісник. Гуманітарні науки: історія, соціологія, політологія, психологія, мистецтвознавство. – № 5. – К.-Одеса, 2002. – С. 8-13; *її ж.* Старообрядницькі общини Південної Бессарабії.

110. *Кривцова В. М.* Етнічна самоідентифікація молдован України (по даним опитування експертів – учасників установчий конференції Всеукраїнської молдовської національно-культурної асоціації. Інформаційно-аналітична записка. – Одеса, 1998; *Орлик В. М.* Молдавани в Україні (1920-1929 рр.). Автореф. дис. ...канд. іст. наук. – К., 1998; *Фетеску А. С.* Всеукраїнская национально-культурная молдавская ассоциация: опыт становления //Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость. – Кишинев, 2003; *Левандовская Т. М.* Этнокультурные общественные объединения молдавской диаспоры: (некоторые аспекты становления) //РЕС. – 2008. – Vol. 4. – С. 177-183.

111. *Кривцова В. М.* Правовий статус та особливості політичних орієнтацій етнічних меншин України //Уряду України. Президенту, законодавчій та виконавчій владі. Політична культура і політичні партії: Аналітичні розробки, пропозиції та рекомендації наукових і практичних працівників. – К., 1997; *її ж.* Етнокультурні процеси в сучасному Подунав'ї //УІЖ. – 1997. – № 6. – С. 63-70; *її ж.* Українське Придунав'я: історія, етнокультурний розвиток – Ізмаїл, 1995; *її ж.* О специфике этнического развития гагаузов Украины //Региональна політика України: концептуальні засади, історія, перспективи. – К., 1995. – С. 303-305; *її ж.* Буджак в годы его интенсивного заселения (к историографии вопроса) //Українське Придунав'я: Історія, етнографія, мова. – Ізмаїл, 1995. – С. 28-31; *її ж.* Етнічні групи українського Придунав'я у 70-80 рр. //Міжетнічні відносини у південних районах Одеської області: минуле і сучасне. – Ізмаїл, 1994. – С. 26-28; *її ж.* Особливості розвитку етносів Українського Придунав'я //Механізм вдосконалення процесу управління економічним і соціальним розвитком регіону. – Харків, 1997. – С. 77-79; *її ж.* Сучасна етнополітична ситуація на Півдні України і актуальні проблеми державного управління //Історичне краєзнавство і культура. – Харків, 1997. – С. 19-22; *її ж.* Сучасна етнокультурна та етнополітична ситуація на півдні України і актуальні проблеми державного управління. – Ч. 2. – Одеса, 1996; *її ж.* Конституція України та відродження культури національних меншин Одещини. – Одеса, 1998. *Чижов Г. П.* К проблеме изучения динамики численности гагаузов Украины //Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. – Вып. 1. – Одесса, 2007. – С. 108-113; *його ж.* Проблема етнологічного і правового визначення статусу етнічних спільнот України в контексті євроінтеграції //Проблеми національно-культурної самоідентифікації українців на Півдні і Сході України в контексті етнополітики Європейського Союзу. Матеріали наукової конференції 6 червня 2007. – Одеса, 2007. – С. 39-42; *єго же.* Этническая структура населения Украины. – С. 119-125; *єго же.* Этнические группы Одесщины в контексте этнонациональной политики Украины. – С. 127-136; *його ж.* Національні меншини Одещини в політичній системі незалежної України кінця ХХ – початку ХХІ ст.: до постановки проблеми //ЗІФ. – 2008. – Вип. 19; *Шабашов А. В., Чижов Г. П.* Конфликтный потенциал Украинского Причерноморья в условиях социально-экономического кризиса //Проблеми соціально-економічного розвитку Українського Причорномор'я в умовах фінансово-економічної кризи: Зб. матеріалів науково-практичної конференції (Одеса, 3 березня 2009 р.) – Одеса, 2009. – С. 198-203.

УДК 94(477.74):323.281"1953/1964"

Бажан О. Г. (Київ)

ПОЛІТИЧНІ РЕПРЕСІЇ НА ПІВДНІ УКРАЇНИ В ЧАСИ «ХРУЩОВСЬКОЇ ВІДЛИГИ»

Процеси часткової лібералізації окремих сфер суспільно-політичного життя в СРСР, в тому числі в Українській РСР, розпочаті радянським керівництвом в другій половині 1950-х – на початку 1960-х років в науковій літературі прибрали назву «хрущовська відлига». Перші паростки «відлиги», обережні спроби трансформації тоталітарних структур простежуються навесні 1953 року відразу після смерті Й. Сталіна. Початковий період десталінізації українського суспільства характеризувався припиненням масового терору, кампаній боротьби з буржуазним націоналізмом, уповільненням процесу русифікації, зростанням питомої ваги українців як в керівництві республіки, так і всього СРСР.

У період «хрущовської відлиги» зазнав змін і карально-репресивний механізм радянської держави. У відповідності з постановами Президії Верховної Ради СРСР від 13 березня та Ради Міністрів СРСР від 12 березня 1954 року зі складу Міністерства внутрішніх справ було виділено Комітет державної безпеки як самостійний орган при уряді зі значним скороченням функцій внутрішньополітичного контролю та розшуку. Із системи органів МВС-КДБ вилучались надані їм свого часу судові функції¹. Позитивне значення мали заходи по підвищенню ролі прокурорського нагляду. В системі Прокуратури СРСР утворювався відділ, що мав контролювати діяльність правоохоронних органів. Наступні кроки в даному напрямку конкретизувала постанова ЦК КПРС від 19 січня 1955 року «Про заходи по дальшому зміцненню соціалістичної законності й посиленню прокурорського нагляду». У липні 1954 року згідно з постановою Ради міністрів СРСР було знято деякі обмеження в політичному статусі спецпоселенців.

Позитивним змінам в країні сприяв комплекс заходів, здійснюваних державою для поновлення репутації, доброго імені громадян, незаконно притягнутих до кримінальної відповідальності в період утвердження й функціонування радянської тоталітарної системи. Початком масової реабілітації можна вважати амністію, проведену в березні 1953 року, в ході якої звільнено 1 млн. 201 тис. 738 чол.² У відповідності з указом Президії Верховної Ради СРСР від 27 березня 1953 року на кінець травня 1953 року було амністовано 2875 жителів в Миколаївській, 1850 чол. в Одеській (крім того, 2814 мешканців Одеси), 958 чол. в Херсонській областях³.

Процес широкомасштабної реабілітації розпочався у вересні 1953 року, коли Верховному Суду СРСР було надано право переглядати за протестами Генерального прокурора рішення колишніх колегій ДПУ, «трійок» і «особливої наради» при НКВС-МДБ-МВС СРСР. Перші рішення з цього приводу приймалися з певною обережністю та з урахуванням розстановки сил в середині політичного керівництва країни. Реабілітація торкнулася лише окремих партійних і державних діячів та членів їх сімей. Відносною масовості процес звільнення незаконно репресованих громадян набув у травні 1954 року з прийняттям постанови Ради Міністрів СРСР «Про перегляд кримінальних справ на осіб, засуджених за контрреволюційні злочини, що утримуються в таборах, колоніях і тюрмах МВС СРСР і знаходяться в засланні на поселенні». Вона передбачала створення центральних і місцевих комісій (до складу яких входили прокурори республік, країв, областей, міністри внутрішніх справ і голови КДБ республік, начальники управлінь МВС та управлінь КДБ країв і областей, міністри юстиції республік та начальники управлінь юстиції крайоблвиконкомів), наділених правами та повноваженнями на проведення реабілітації та звільнення безпосередньо у місцях позбавлення волі⁴.

У зв'язку з тим, що репресії в країні здійснювались системою судових та позасудових органів на рівні Союзу РСР, республік та областей, Рада міністрів СРСР поклала на Центральну комісію перегляд кримінальних справ на осіб, засуджених Колегією ОДПУ, Особливою нарадою при НКВС-МДБ-МВС СРСР, Військовою колегією Верховного Суду СРСР, воєнними трибуналами військових частин, а на республіканські крайові та обласні комісії відповідно справи на репресованих трійками НКВС-УНКВС та судовими органами (республіканськими, крайовими, обласними судами та воєнними трибуналами), а також спецсудами. Постанови Центральної та місцевих комісій по справах на осіб, засуджених у судовому порядку за пропозиціями комісій здійснювався у відповідних судових інстанціях за протестами прокурорів⁵.

Згідно з постановою президії ЦК КПРС «Про створення Центральної комісії і місцевих комісій щодо перегляду справ засуджених за «контрреволюційні злочини», які утримуються в таборах, колоніях, тюрмах і знаходяться у висланні на поселенні»⁶ в травні-червні 1954 року було створено 26 обласних комісій з перегляду справ осіб, які були засуджені за контрреволюційні злочини.

Кількість справ, переглянутих комісіями створених на Півдні України упродовж червня 1954 – лютого 1956 року виглядала таким чином:

Область	Кількість справ	Кількість осіб
Кримська	1964	2590
Миколаївська	1743	2171
Одеська	3654	4839
Херсонська	1699	2024 ⁷

Наведені дані свідчать про те, що перший реабілітаційний етап в південному регіоні супроводжувався досить несміливими і обережними діями місцевої влади. Зацікавленість вищого політичного керівництва СРСР в проведенні реабілітаційних процесів в країні, ослабленні репресивного законодавства, прийнятого в епоху Сталіна, суттєво сприяла зменшенню числа політичних в'язнів.

Ознайомлення з архівними документами радянських спецслужб, дають підстави стверджувати, що на практиці правоохоронні органи, партійно-державні структури не поспішали відмовлятися від принципів командно-адміністративної системи. Структурна та політична реорганізація спецслужб не змінила природи радянської каральної системи. Межі застосування політичного терору, масштаби репресій в період «хрущовської відлиги» різко скоротилися, але органи держбезпеки, як і в сталінські часи, зберегли за собою каральні функції. Незважаючи на значні штатні скорочення в «хрущовську відлигу», апарат чекістського відомства по числу співробітників в три рази перевищував довоєнні показники⁸. Єдиним виправдуванням високій штатній численності органів безпеки залишалась активна робота по виявленню серед широких верств населення «ворогів народу», «агентів імперіалістичних розвідок», «наклепників на радянський лад», «членів антирадянських організацій».

Статистика даних наркомюста СРСР за 1953-1956 роки переконує в тому, що політико-репресивна машина, хоча з набагато меншими обертами, все одно продовжувала функціонувати по старим законам сталінського часу. Кількість слідчих та судових справ порушених за контрреволюційні злочини у всесоюзному масштабі нараховувала в 1953 р. – 4267; 1954 – 732; 1955 – 395; 1956 – 307⁹. В 1953-1958 роках на основі наказу № 0062 МДБ СРСР від 24 січня 1953 року «Про заходи по ліквідації націоналістичного підпілля та його озброєних банд в західних областях Української та Білоруської РСР, в Литовській, Латвійській та Естонській РСР» органи держбезпеки з новою силою продовжили боротьбу з

«підривною діяльністю буржуазних націоналістів». Поряд з виконанням комплексу заходів, застосованих відносно активних учасників націоналістичного підпілля, важливе місце в своїй роботі органи КДБ УРСР відводили виявленню «ворожих груп» та осіб, які організовували антирадянські зборища, відкрито висловлювали критику на адресу партійного керівництва СРСР, виготовляли та поширювали антирадянські листівки. Наприклад весною та влітку на лаві підсудних опинилися одесити: інженер-конструктор П. Ліпов, працівник залізниці Л. Єфімов, різнороб В. Вербицька, будівельник П. Градовський, службовець М. Бурштейн, голова місцевої єврейської релігійної громади та равин І. Демент¹⁰. Не уникнули покарань за «гостре слівце» в бік можновладців жителі м. Сімферополя О. Лісовський, С. Ліпшиць, Г. Жуковський, М. Макаров, Г. Гофман, Х. Трелок, які привселюдно заявляли про існуючі утиски євреїв в Радянському Союзі, реальних проявах антисемітизму в школах, вузах та наукових установах¹¹. Порівняння Й. Сталіна з «червоним драконом» в момент його смерті стало приводом для порушення кримінальної справи проти домогосподарки з м. Херсона М. Санжикової¹². За подібні звинувачення у березні 1953 року була заарештована продавець газетного кіоску у м. Миколаєві С. Дорфман¹³.

У 1954 році політична складова була стрижнем кримінальної справи, порушеної проти жителів м. Одеси І. Гельмана, М. Співака, М. Рейза (засуджували національну політику СРСР стосовно євреїв)¹⁴. Як злочин кваліфікували працівники Управління КДБ у Миколаївській області прагнення жителів обласного центру В. Вайнштока та М. Країнського виїхати до Ізраїлю та прослуховування передач зарубіжних радіостанцій¹⁵. Внаслідок пошукових дій правоохоронних дій був встановлений та підданий судовій розправі (червень 1955 р.) автор анонімного листа на адресу радіостанції «Звільнення» радист з м. Сімферополя Б. Акімчиков¹⁶.

Розтривожена рішеннями XX з'їзду КПРС українська громадськість вимагала повної правди про злочини сталінізму. Окрім закликів виправити помилки в національному питанні, виступаючи на засіданнях первинних партійних організацій гостро критикували недоліки в роботі міністерств, відомств, вказували на формалізм в роботі, грубість, відірваність від мас деяких відповідальних працівників державного апарату. Не справились розрахунки вищого політичного керівництва СРСР на те, що засудження «періоду культу особи» автоматично зніме відповідальність з найближчого оточення Сталіна та місцевих керівників за організацію політичних процесів, необґрунтованих масових репресій. Майже на кожних зборах, присвячених обговоренні «секретної доповіді» М. Хрущова присутніми задавались однакові запитання: «Як зрозуміти той факт, що на протязі ряду років творились такі неподобства, а все викривається тільки зараз, адже більшість теперішніх членів ЦК працювали зі Сталіним?» У деяких виступах рядових комуністів розносу підлягали вчинки, спосіб життя місцевої партійної номенклатури.

Проводячи моніторинг, розбурханого хрущовськими реформами та подіями в Польщі, Єгипті, Угорщині українського суспільства, органи держбезпеки констатували, що в другій половині 1956 року кількість антирадянських проявів серед інтелігенції та молоді, особливо в потужних промислових та культурних центрах УРСР, різко збільшилась. За спостереженнями спецслужб, прояви антирадянської діяльності, найбільше помічено в колективах вчених, серед професорсько-викладацького складу, середовищі творчої інтелігенції. Аналізуючи протестні настрої серед населення Української РСР, органи КДБ прийшли до висновку, що в переважній більшості антирадянські прояви виражалися:

– у закликах до зміни державного устрою в СРСР, наклепах на марксистсько-ленінську теорію, внутрішню та зовнішню політику КПРС (проявів такого характеру було зафіксовано з серпня 1955 року по січень 1956 року – 6, з січня по жовтень 1956 року – 24, а за останні 2 місяці 1956 року їх налічувалось – 16);

– у намірах проведення внутріпартійної дискусії з питань внутрішньої та зовнішньої політики, наклепницьких висловлюваннях про радянську дійсність та умови життя

трудящих в СРСР (за даними КДБ подібного роду судження та думки в серпні-грудні 1955 року мали 12, в січні – вересні 1956 р. – 70, а в жовтні-листопаді 1956 їх зареєстровано 50) найчастіше були помічені викладачі соціально-економічних дисциплін, наукові працівники суспільних наук, літератори, журналісти;

- використанні розгорнутої ідеологічної кампанії проти культу особи для критики діяльності правлячої партії, образах на адресу керівників партії та уряду (зафіксовано за період з березня по листопад 1956 року – 98 висловлювань).

Проте найбільша кількість антирадянських проявів з боку різних верств населення України, на думку аналітиків, стосувалась подій в Угорщині. Протягом жовтня – листопада 1956 року органи КДБ зафіксували 141 випадок публічних виступів, розмов на побутовому рівні, присвячених Угорській революції¹⁷.

Відмінні від офіціозу думки і погляди жителів України на події в сусідній країні працівники ІV Управління КДБ систематизували таким чином:

1. Реагування, які виправдовують дії реакційних сил в Угорщині та засуджують збройну інтервенцію СРСР.

2. Реагування, які демонструють солідарність з «заколотниками» та «закликають до відкритих контрреволюційних виступів проти радянської влади, а також висловлюють сподівання, що події в Польщі та Угорщині знайдуть відгук серед народів СРСР і викличуть зміни в політичному устрої нашої країни».

3. Поширення панічних настроїв серед населення про неминучість, в найближчий час, початку військових дій між СРСР та країнами капіталістичного табору¹⁸.

Невдоволення зовнішньою політикою СРСР спостерігалось і серед мешканців південного регіону України. 26 жовтня 1956 року у м. Миколаєві поблизу корабельно-будівельного інституту була знайдена листівка такого змісту: «Радянські громадяни! Зверніть увагу на агресивну політику радянського уряду на території Угорщини. На проліту радянськими військами <...> братську кров громадян Угорщини, які спробували звільнитися від комуністичного гніту <...> Протестуйте проти кривавої розправи наших військ в Угорщині»¹⁹.

Безпосередньо з Угорським повстанням радянські спецслужби пов'язували збільшення випадків погроз на адресу комуністів, колгоспного активу, працівників радянського апарату, зростання числа страйків, невиходу на роботу²⁰.

З метою призупинення наростаючої хвилі протестів в Україні правлячий режим вдався до випробуваних методів – політичних репресій. Як свідчать архівні документи у період з 1 жовтня по 14 листопада 1956 року в Україні було заарештовано 52 особи²¹. В ході превентивних заходів органів КДБ за ґратами опинився житель Миколаївської області Г. Є. Глущенко, якому було висунуто звинувачення в написанні 25 анонімних антирадянських листів на адресу різних державних установ²². 6 листопада 1956 року в Криму були затримані: перебуваючий на відпочинку, фельдшер лікарні селища Буча Київсько-Святошинського району Київської області І. Веретильний²³, 20 днів по тому – робітник селища Гаспра Ялтинського району Кримської області О. Іванов, який закликав робітників до припинення будівництва, повстання проти радянської влади²⁴, а також клепальник Сімферопольської артілі В. Шмельов, звинувачений у розповсюдженні антирадянських листівок²⁵. На початку грудня 1956 року у м. Херсоні за «погрози на адресу комуністам у зв'язку з подіями в Угорщині» був заарештований шофер морського порту О. Пронь²⁶.

Попри жорсткий пресинг, вчинений органами КДБ протягом тривалого часу звести нанівець протидію акціям СРСР в Угорщині так і не вдалося. З різних регіонів України надходили повідомлення про окремі антирадянські виступи, факти розповсюдження листівок та прокламацій. Арешти, пов'язані з неправильним трактуванням подій в Угорщині відбулись навесні 1957 року в одній з пошивних майстерень Одеської області²⁷.

Співчуття угорським повсталим коштувало свободи інспектору портового нагляду м. Херсона Б. Міцкевичу²⁸.

30 січня 1958 р. у м. Миколаєві відбувся суд над В. Ф. Макаренком, який на початку осені 1957 року виготував листівку, в якій критикував дії КПРС та уряду і схвально відгукувався про революцію в Угорщині²⁹.

Разом з тим, антикомуністичне повстання в Угорщині, зростання невдоволення в самому СРСР, спонукало вище політичне керівництво країни вдаватися до поступового згорання процесу десталінізації радянського суспільства, до прийняття рішень, які перетинали шлях до плюралізму думок і поглядів. Політичним підсумком 1956 року, що розпочався ХХ з'їздом, став лист ЦК КПРС від 19 грудня 1956 року «Про посилення політичної роботи партійних організацій в масах і припинення вилазок антирадянських ворожих елементів», підготовлений спеціальною комісією під головуванням Л. Брежнєва. Можна припустити, що схвалені в грудні 1956 року документи дозволили партійним організаціям, правоохоронним органам подолати породжену ХХ з'їздом розгубленість, націлити їх на рішучу боротьбу з нонконформістськими силами.

У другій половині 1950-х років за антирадянські висловлювання до різних років ув'язнення були засуджені жителі Криму будівельник І. Зуєв, токарь В. Харчевников³⁰. За критику політики М. Хрущова потрапив до тюрми херсонський робітник Л. Тогушев³¹.

Іншим напрямком діяльності радянських спецслужб в «хрущовську відлигу» був контроль за молодіжним середовищем. Начальник 4 Управління КДБ при РМ УРСР підполковник Шульженко в листопаді 1957 року звертав увагу партійних органів на те, що «окремі представники націоналістично налаштованої інтелігенції, троцькісти та інші антирадянські елементи в останній час намагаються підпорядкувати своєму впливу політично нестійку частину молоді та залучити її в антирадянську роботу... В результаті слабкої постановки виховної роботи в школах та деяких вищих навчальних закладах до останнього часу виникають різноманітні клуби, товариства та угруповання серед учнів та студентів, учасники яких під приводом критики недоліків по суті скочуються на антирадянські позиції і можуть бути використані ворожими елементами в їх злочинній діяльності». Упродовж 1957 – квітня 1958 рр. 3 відділом 4 Управління КДБ при РМ УРСР і 4 відділами УКДБ областей республіки було викрито 23 антирадянські молодіжні групи, з числа учасників яких заарештовано 27 чол. та 75 осіб профілактовано. В зазначений період антирадянські групи були викриті:

Області	1957 р.	1958 р.	1959 р.
Кримська	2	-	2
Одеська	2	-	2
Миколаївська	1	-	1 ³²

В 1957 році Управлінням КДБ при Раді міністрів УРСР по Кримській області в ході агентурно-оперативних заходів була попереджена спроба учнів кораблебудівного технікуму м. Севастополя Ю. Володіна та О. Фролова, а також студента Сімферопольського медичного інституту О. Чебаніка розповсюдити антирадянські листівки на свято 1 травня³³.

Вже на червень 1958 року Управління КДБ при РМ УРСР по Миколаївській області рапортувало про проведення профілактичних заходів стосовно групи студентів Миколаївського кораблебудівного інституту, які створили товариство «ВСХНИТ» («Великие сыны хотят найти истину тайн»). Його учасниками були Федотов, Жила, Ракочий, Пермяков, Качалов та інші (всього – 11 осіб). Вони ставили собі за мету об'єднати студентів, які цікавляться різними науками, в товариство, де було б можливим без опіки комсомольських та інших громадських організацій висловлювати свої погляди³⁴.

Невдовзі діяльність цього «товариства» була піддана гострій критиці комсомольською організацією інституту. Жилу, Федотова і Пермькова було позбавлено студентського квитка, а організатора «товариства» Ракочія за «рекомендацією» КДБ засуджено до 3 років ВТТ³⁵.

Відбувалися гоніння на молодь і за так зване «преклоніння перед Заходом». В доповіді начальника Управління КДБ при РМ СРСР в Миколаївській області полковника І. Сидорова вказувалося, що з боку окремих осіб здійснюються спроби до створення груп «стильної молоді» із числа учнів старших класів, училищ, а також окремих студентів інститутів. В 1957 р. була проведена профілактика біля 80 осіб, серед яких були студент суднобудівного технікуму Дендерін і студентка педінституту Іванова, які були ініціаторами створення товариства «Блакитна куля» любителів рок-н-ролу³⁶.

Завдання боротьби за поглиблення та подальший розвиток процесу десталінізації радянського суспільства, ствердження «чистоти» марксистсько-ленінської ідеології ставила перед собою підпільна організація «Демократичний союз соціалістів», утворена в 1962 р. директором середньої вечірньої школи с. Серпневе Одеської області М. Драгошем, за участю студентів молдавських вузів В. Постолати, С. Чемиртана, М. Кучеряну. В листівках, розповсюджених ними в Ленінграді, Харкові, Києві, Одесі та інших містах, ставились питання про необхідність посилення ролі Рад, які перетворилися в придатки партійних комітетів, своєчасність встановлення обмежень в термінах перебування на виборних посадах, доцільність ухвалення законів, що гарантували б справжню свободу слова, діяльність будь-яких політичних і громадських організацій, створення умов для функціонування профспілок тощо³⁷.

Курс на лібералізацію політичного режиму, проголошений на XX з'їзді КПРС, досить швидко позначився майже в усіх сферах суспільно-політичного та культурного життя в Українській РСР. Певні позитивні зрушення в республіці в середині 1950-х років спостерігались і в царині державно-церковних відносин. Зосередженість правлячої партійної верхівки на питаннях боротьби за владу між собою спричинила звуження державного втручання у справи релігійних організацій. Скориставшись послабленням атеїстичних чинників у політиці Кремля, різноманітні релігійні організації активізували свою місіонерську роботу, направлену на залучення у свої ряди широких кіл населення і особливо студентів та дітей шкільного віку. Активній місіонерській діяльності представникам різних конфесій багато в чому сприяв розпочатий в країні процес реабілітації, в ході якого в Україну, на серпень 1957 року, повернулось з місць ув'язнення понад 1000 священнослужителів.

Органи КДБ, які невинно моніторили стан релігійного життя в УРСР, у своїх спецдонесеннях на адресу вищого політичного керівництва відзначали, що в центрі уваги «церковно-сектантських елементів» перебуває переважно молодь, яка піддається спеціальній «обробці»:

а) методом індивідуального впливу та поширення усної пропаганди під гаслом «від оселі до оселі»;

б) шляхом розповсюдження різного роду релігійних листівок, брошур та журналів;

в) методом залякування різними провокаційними біблейськими трактуваннями, як-то: «про швидкий кінець світу», «наближення страшного суду», «загибелі не віруючих і вічному небесному царстві для віруючих», інсценуванні так званих «чудес», відновлення ікон, видужування хворих і т. п.;

г) шляхом надання благодійницької допомоги особам, які опинились в матеріальній скруті;

д) організацією при церковно-сектантській громаді музичних, драматичних та хороших гуртків з молоді³⁸.

Про посилення проведення священнослужителями різних конфесій місіонерської роботи серед молоді свідчила й відповідна статистика. Два легальні релігійні угруповання в Україні Євангельські християни-баптисти та Адвентисти сьомого дня упродовж 1953-1956 рр. залучили до своїх рядів 17432 чол., з них 4938 осіб молодше 25 років. Керівний склад єговістів, перебуваючи в умовах підпілля, з 1952 по 1957 роки зумів поповнити число своїх симпатиків на 2144 чол. (з них 35 % молоді).

Значний відсоток росту легально діючих протестантських громад за рахунок юнацтва в середині 1950-х років спостерігався у Волинській, Чернівецькій, Рівненській, Сталінській, Одеській, Черкаській, Харківській, Вінницькій, Миколаївській та інших областях, в яких із загальної кількості віруючих, які прийняли хрещення молодь складала від 25 до 70 %. Успіхи в молодіжному середовищі протестантських громад органи КДБ вбачали у добре продуманій агітаційній роботі церковного активу. Зі статистичного звіту нелегального центру єговістського підпілля довідуємось, що для поширення усної пропаганди єговістського віросповідання в 1956 році використано 23 тисячі годин, а за період з 1952 по 1957 рр. – 2,8 млн. год. Упродовж 1955-1956 рр. в підпільних друкарнях виготовлено і згодом розповсюджено серед населення понад 20 тисяч екземплярів журналів та брошур релігійного змісту. Лише в 1956 році члени єговістських громад зібрали на організаційні потреби близько 643 тисяч крб., з яких понад 440 тисяч крб. було використано на місіонерську діяльність та надання матеріальної допомоги для вступу новим членам³⁹.

Для більш ефективного залучення молоді в релігійні товариства та поширення вчень Ісуса Христа серед населення, керівний склад багатьох громад в Україні вдавався до створення при релігійних осередках музичних та хорових гуртків, які інколи виїжджали на гастролі в інші населені пункти республіки. За спостереженнями відповідних державних органів, які здійснювали контроль за релігійним життям в республіці, хорові гуртки існували не тільки серед протестантських громад, а й при абсолютній більшості православних, римо-католицьких, старообрядських та реформістських церквах, в складі яких було помічено значний відсоток молоді.

Як переконуємось з наявних архівних документів, духовенство Російської православної церкви нарівні з іншими релігійними організаціями, існуючими в Україні, посилено займалось місіонерською роботою серед різних за віковою категорією груп населення. Про успіхи місіонерської роботи зі сторони священнослужителів РПЦ в часи «хрущовської відлиги» свідчило значне збільшення грошових прибутків церкви. Досить чітко простежувалась тенденція до збільшення відвідування населенням культових об'єктів, що належать РПЦ, особливо в дні релігійних свят. Органи КДБ звертали увагу партійного керівництва республіки й на непоодинокі факти розповсюдження серед громадськості так званих «святих листів», які за своїм змістом закликали невіруючих прислухатись до вчення Христа, розповідали про чудодійні ікони, різні випадки зцілення тощо.

Занепокоєння негласних кураторів церкви викликало також діяльність монастирів РПЦ, їх роль в поширенні релігійної ідеології. За даними 5 відділу 4 Управління КДБ при РМ УРСР в 1955-1957 рр. монахами було «оброблено» та прийнято в монастирі до 200 осіб молодого віку⁴⁰.

Лише впливом духовенства та монахів РПЦ пояснювали радянські спецслужби непоборне бажання студентів вузів, технікумів, випускників шкіл до вступу в існуючі в Україні 3 духовні семінарії. Факти свідчать, що в 1956 р. було подано заяви про прийом в семінарії від 392 юнаків, 50 % з яких закінчили середню школу⁴¹.

Причиною піднесення релігійного життя в УРСР в середині 1950-х років та залучення значного числа молоді в релігійні організації аналітики Комітету держбезпеки вбачали в слабкій постановці політико-виховної роботи серед юнацтва та атеїстичної пропаганди в школах. З метою припинення місіонерської діяльності з боку священнослужи-

телів різних конфесій у молодіжному середовищі начальник 5 відділу 4 Управління КДБ при РМ УРСР Сухонін пропонував вищестоящим структурам:

«1. Посилити політико-виховну роботу через комсомольські та піонерські організації в навчальних закладах та школах. Підняти на належний рівень роботу культурно-просвітницьких організацій та клубів в сільській місцевості.

2. Покращити атеїстичну пропаганду серед молоді як шляхом читання змістовних доповідей та лекцій на атеїстичні теми, а також шляхом організації бесід радянсько-партійним активом, особливо в селах, з особами, які піддаються впливу церковників та сектантів, зі застосуванням конкретних фактів місіонерської та ворожої діяльності місцевих релігійних організацій.

3. Ширше практикувати відкриті судові процеси над злочинцями та сектантами, а також публікацію судових процесів та матеріалів, що розвінчують ворожу і провокаційну діяльність цих осіб, в республіканській, обласній та районній пресі.

4. Вимагати від Рад у справах Російської православної церкви та релігійних культів посилення контролю за діяльністю церковно-сектантських громад, і тих священників та пресвітерів, які ведуть місіонерську діяльність серед молоді та дітей шкільного віку, знімати з реєстрації.

5. Домогтися через урядові інстанції суворого покарання осіб, які займаються нелегальною церковно-сектантською діяльністю, і внести по цьому питанню відповідну статтю в розроблюваний новий кримінальний кодекс»⁴².

Як зазначають автори підручника «Історія радянських органів державної безпеки» виключно важливе значення для співробітників КДБ «в боротьбі з антирадянськими елементами з середовища церковників та сектантів» мав закритий лист ЦК КПРС від 24 грудня 1956 р. «Про посилення політичної роботи партійних організацій в масах та припиненні вилазок антирадянських, ворожих елементів». Керуючись вимогами, викладеними в закритому листі ЦК КПРС, секретними циркулярами центрального апарату КДБ при РМ УРСР, органи КДБ на Миколаївщині провели ряд успішних агентурно-оперативних заходів, направлених на викорінення релігійності в регіоні, ізоляції та блокуванні релігійно-інституційної інфраструктури в області. За інформацією начальника обласного управління КДБ І. Сидорова на території Миколаївської області в другій половині 1950-х років діяло 998 громад РПЦ, які обслуговували 89 священників, а також «сектантські формування баптистів, п'ятидесятників та адвентистів» загальною кількістю близько 4 тисяч віруючих⁴³.

У березні 1957 року органи державної безпеки в Миколаївській області ліквідували підпільну ієговістську «стрєфу» (групу), заарештувавши 3 активних учасників – Я. Лєсюка, П. Олєфіренка та М. Ковальчака. Відкритий показовий судовий процес, відбувався у м. Первомайськ в липні 1959 року, в ході якого П. Олєфіренка на основі ст. 7 ч. II та ст. Закону від 25 грудня 1958 р. «Про кримінальну відповідальність за державні злочини» було засуджено до 10 років ув'язнення; Я. Лєсюка – відповідно до 6 років; М. Ковальчука – на 5 років⁴⁴.

За релігійні переконання у травні-червні 1957 року потрапили на лаву підсудних жителі Одеської області Р. Іванов, Д. Тирновян, Ф. Мандриченко, С. Середа, І. Тостоган, В. Вакарь, яким інкримінувалась участь у секті «Свідки Єгови»⁴⁵.

Працівники КДБ південного регіону брали активну участь у обмеженні діяльності громад п'ятидесятників та їх впливу на різноманітні категорії населення. В січні 1954 р. потрапив за ґрати активний учасник громади християн віри євангельської м. Євпаторія К. Воцило⁴⁶. Протягом 1957-1959 років відбулись судові процеси над керівниками нелегального центра християн віри євангельської Бідашем, Кружко, Левчуком і Коренякою, єпископами Белих, А. Коркосенко (житель м. Сімферополя, який разом з Д. Пешковим, М. Голишевим, Г. Терещенком звинувачувався в організації в обласному центрі Криму

секти п'ятидесятників-трясунів⁴⁷) Колишевим, Агафоновим в Кримській та Черкаській областях⁴⁸. Утиски та відверті репресивні заходи п'ятидесятники Криму відчували на собі і в наступні роки. Тільки в 1962 р. в Кримській області за «антигромадську діяльність» було засуджено 24 «сектанта»⁴⁹.

Подібні судові розправи мали місце в Миколаївській області. У січні 1960 р. в обласному центрі відбувся судовий процес, на якому розглядалася антирадянська діяльність Волкова, Подрезова, Гончарова, Гупаленка і Кучера, які очолювали дві групи п'ятидесятників⁵⁰. Черговий процес над п'ятидесятниками відбувся у квітні 1964 року. Перед судом в Доманівському районі Миколаївської області постали провідник групи п'ятидесятників І. Уманець та його дружина Є. Уманець⁵¹.

Досвід державної політики у сфері релігійного життя впродовж «хрущовської відлиги» свідчив про те, що певна лібералізація відносин з РПЦ, іншими «лояльними» об'єднаннями поєднувалась з активним нищенням тих релігійних угруповань, які не хотіли співпрацювати з тоталітарним режимом.

Тотальний контроль здійснювався не лише за конкретними діями й намірами окремих представників опозиційних сил, а й навіть над думками й настроями, що побутували серед населення. Зокрема, суворо каралися спроби власної оцінки подій і явищ в суспільному житті, діяльності керівних органів партії й держави, викладені в численних скаргах і заявах на адресу ЦК КПРС, президії Верховної Ради СРСР, Ради міністрів СРСР.

Як антирадянські документи кваліфіковані анонімні листи на адресу вищого політичного керівництва, посольств іноземних держав у СРСР конторника на залізничній станції Миколаїв О. П. Солоняра, який різко критикував внутрішню і зовнішню політику Радянської держави. У березні 1962 р. О. П. Солонярь був заарештований Управлінням КДБ при РМ по Миколаївській області, суд над яким відбувся наприкінці травня 1962 року (реабілітований 23 квітня 1992 р. відповідно до ст. 1 Закону України «Про реабілітацію жертв політичних репресій в Україні» від 17. 04. 1991 р.)⁵².

В ході «чекістських операцій» восени 1961 р. за виготовлення листівок з програмою «Ленінської комуністичної партії Радянського Союзу» органами держбезпеки до кримінальної відповідальності був притягнутий лікар м. Ялти О. Васильєв⁵³. В 1962 р. на лаві підсудних опинились жителі м. Сімферополя К. Дідук, Л. Куш, Ю. Яловенко, які в ніч 8 червня 1962 р. розповсюдили в обласному центрі листівки під назвою «Іскра» від імені «ЦК підпільної комуністичної партії Радянського Союзу» із закликом боротися з «антирадянським урядом Хрущова, що свідомо викривляє ідеї ленінізму»⁵⁴. Тривалим тюремним терміном для пенсіонера м. Старий Крим О. Крупина обернулась спроба в лютому 1964 р. опублікувати за кордоном антирадянські рукописи «Російська Голгофа», «Суворі правда»⁵⁵. За період з 1957 по 1964 за нашими підрахунками в Одеській та Херсонській областях було притягнуто до відповідальності 54 чол.⁵⁶

Навіть такі розпорошені вузько локалізовані прояви опору сприяли зростанню самосвідомості різних верств населення, стали важливим фактором у формуванні широкої опозиції тоталітарному режиму на Півдні України в 1960-1980-х роках.

ПРИМІТКИ:

1. ДАРФ. – Ф. 9401-С. – Оп. 12. – Спр. 517. – Арк. 97-98 зв.
2. Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социс. – 1991. – № 7. – С. 9.
3. Политическое руководство Украины. 1938-1989. – М., 2006. – С. 191.
4. РДАНІ. – Ф. 1. – Оп. 5. – Спр. 234. – Арк. 34.
5. Жертвы репрессий. – К., 1993. – С. 246-247.
6. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. – Т. I. Март 1953 – февраль 1956. – М., 2000. – С. 116-117.

7. ЦДАГО України. – Ф. 1. – Оп. 24. – Спр. 4306. – Арк. 27.
8. *Пожаров А. И.* КГБ и партия (1954-1964 гг.) // Отечественная история. – 1999. – № 4. – С. 169.
9. ДАРФ. – Ф. 9492. – Оп. 6 с. – Спр. 14. – Арк. 14.
10. 58-10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953-1991. Аннотированный каталог. – М., 1999. – С. 13, 30, 44, 70, 75, 116.
11. Там само. – С. 63, 172.
12. Там само. – С. 113.
- 13 Там само. – С. 31.
14. Там само. – С. 228.
15. Там само. – С. 234.
16. Там само. – С. 242.
17. ДАСБУ. – Ф. 1 – Оп. 11. – Спр. 42. – Арк. 96-102.
18. Там само. – Ф. 2. – Оп. 21. – Спр. 9. – Арк. 46-56.
19. ЦДАГО України. – Ф. 1. – Оп. 24. – Спр. 4250. – Арк. 364.
20. Там само. – Спр. 9. – Арк. 77, 150-151.
21. ДАСБУ. – Ф. 2. – Оп. 21. – Спр. 10. – Арк. 29.
22. 58-10. Надзорные производства Прокуратуры СССР... – С. 273.
23. ДАСБУ. – Ф. 2. – Оп. 21. – Спр. 10. – Арк. 34.
24. Там само. – Арк. 18.
25. Там само. – Арк. 15.
26. 58-10. Надзорные производства Прокуратуры СССР... – С. 271.
27. Там само. – С. 300.
28. Там само. – С. 313.
29. Там само. – С. 417.
30. Там само. – С. 527.
31. Там само. – С. 466
32. ДАСБУ. – Ф. 2. – Оп. 11. – Спр. 42. – Арк. 356-358.
33. 58-10. Надзорные производства Прокуратуры СССР... – С. 322.
34. Там само. – Спр. 38. – Арк. 56-62.
35. ДАСБУ. – Ф. 1. – Оп. 11. – Спр. 38. – Арк. 62.
36. Там само. – Оп. 18. – Спр. 12. – Арк. 46-56.
37. РДАНІ. – Ф. 5. – Оп. 36. – Спр. 454. – Арк. 110.
38. ДАСБУ. – Ф. 16. – Оп. 5-а. – Спр. 3. – Арк. 181.
39. Там само. – Арк. 185.
40. Там само. – Арк. 210.
41. В 1954 р. в 3 семінарії в Україні було зараховано 98 юнаків, а в 1956 – 129 чол. (ДАСБУ. – Ф. 16. – Оп. 5-а. – Спр. 3. – Арк. 211).
42. Там само. – Арк. 216.
43. ДАМО. – Ф. 7. – Оп. 8. – Спр. 969. – Арк. 89-92.
44. Там само. – Арк. 93-105.
45. Там само. – С. 311, 337.
46. 58-10. Надзорные производства Прокуратуры СССР... – С. 214.
47. Там само. – С. 524.
48. *Войналович В. А.* Партійно-державна політика щодо релігії та релігійних інституцій в Україні 1940-1960-х років: політологічний дискурс. – К., 2005. – С. 520.
49. Там само. – С. 521.
50. ДАСБУ. – Ф. 1. – Оп. 18. – Спр. 12. – Арк. 46-57.
51. *Войналович В. А.* Вказ. праця. – К., 2005. – С. 521.

52. Архів УСБУ у Миколаївській області. – Спр. 12581-с. – Арк. 1-20.
53. 58-10. Надзорные производства Прокуратуры СССР... – С. 568.
54. Там само. – С. 607.
55. Там само. – С. 659.
56. Підраховано за: 58-10. Надзорные производства Прокуратуры СССР...

СУФИЗМ В УКРАИНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Рассматривая проблему распространения суфизма в Украине, следует отметить крайнюю скудость исследований в этом направлении – как в отечественном, так и в мировом востоковедении. В настоящее время ситуация начинается меняться в лучшую сторону – после долгого перерыва стали доступны некоторые архивные материалы, появились исследователи, занимающиеся именно этим вопросом. Среди них следует отметить, прежде всего, Абдульвапова Н., Гайворонского О. и Бахревского Е. В., Усеинова Т., Иззетову Л., которые занимаются изучением истории деятельности тарикатов в Крымском ханстве. Отдельно нужно упомянуть о значительной активизации соответствующих исследований в Турции, которая по части суфийского теоретического и литературного наследия располагает весьма значительным потенциалом. Для примера, турецкий исследователь Мустафа Ашкар в журнале «Тасавуф» за сентябрь 2000 г. опубликовал библиографический список диссертационных исследований, осуществленных за последние полвека в Турции (в основном, на богословских факультетах ряда ведущих университетов): количество исследований составляет 414 диссертаций, из них 178 – докторских¹.

Однако практически отсутствуют исследования деятельности тарикатов на остальной территории современной Украины в период от позднего средневековья до новейшего времени, в частности, не исследован вопрос о деятельности суфийских сообществ среди казанских татар в местах их компактного проживания на территории Украины. В рамках нашей статьи мы попытались осветить вопрос об истории распространения тарикатов на территории современной Украины на примере Крыма, а также вопрос о распространенности тарикатов в современной Украине. Что касается проблемы деятельности суфийских братств за пределами Крымского полуострова, прежде всего, среди казанских татар, то она требует отдельного изучения и выходит за рамки данной статьи.

Появление и начальный этап распространения суфизма в Крыму связаны с появлением и распространением в Крыму ислама в целом, то есть приходится на вторую половину XIII в.² Как отмечает Н. Абдульвапов, даже при самом поверхностном ознакомлении, роль суфизма в соответствующих процессах вырисовывается достаточно значимой и даже символической. Дело в том, что процесс исламизации в Крыму осуществлялся, главным образом, при самом активном участии лиц, бывшими основными персонажами именно истории суфизма. Более того, по его утверждению, именно представителям различных дервишеских групп суждено было стать основными героями процесса активного распространения ислама в Крыму во второй половине XIII в.

Однако прежде чем приступить непосредственно к проблеме распространения суфизма в Крыму, следует несколько слов сказать о собственно крымских татарах, которые являются основными носителями ислама в Украине. Крымскотатарский этнос сформировался в результате слияния мигрировавшего в Крым кочевого тюркоязычного населения и оседлых жителей горных и прибрежных частей полуострова (тавров, греков, аланов, готов и др.). Тюркоязычные группы проникали в северную часть Крыма из причерноморских степей (гунны, тюрко-болгары в VII-VIII вв., печенег и половцы в XI-XII вв., различные группы татаро-монголов – в XIII в.). Южное побережье было частично тюркизировано во время сельджукских завоеваний XI-XII вв.³ В 1221-22 гг. войскам сельджукского правителя Коньи султана Кайкубада I удалось занять Судак. В городе построили мечеть и назначили кадия, хатыба, муэдзина. Однако перед вторжением монго-

лов сельджуки покинули полуостров. В 1239 г. войска хана Батыея завоевали степную часть полуострова и включили ее в состав Золотой Орды в качестве улуса.

В контексте нашего исследования немаловажным является тот факт, что именно суфиям принадлежит заслуга обращения в ислам золотоордынских предков современных крымских татар в этот период, а точнее во время правления ханов Берке (1255-1266 гг.) – младшего брата знаменитого хана Бату (Батыея), пятого правителя Золотой Орды и первого хана-чингизида, принявшего ислам, и хана Узбека (1313-1342 гг.), при котором ислам стал государственной религией. Как отмечает И. Измайлов «...Берке-хан принял ислам... от суфийского шейха Шамс ад-Дина ал-Бахарзи, ученика Наджм ад-дина Кубра (выдающийся суфий, основатель тариката Кубравийа – *авт.*). Трудно сказать, был ли Берке суфием, но факт большого влияния именно суфийских сообществ (*тауифа*) на политику Золотой Орды, видимо, нельзя не признать»⁴.

Как указывает Н. Абдульвапов⁵, в середине XIII в. в результате массовых переселений, связанных в первую очередь с монгольским продвижением на Запад, в Крым стекаются представители различных дервишеских групп, объединяемых обычно в религиозно-суфийское движение *бабаи* (от тюрк. *баба* – отец, глава). Приходили они, в основном, с территории Средней Азии (Бухара), а также ряда религиозных центров на территории нынешних Афганистана и Ирака. Причем помимо непосредственно членов института «бабаи», в это движение входили представители ряда тарикатов, прежде всего Йасавийа. В частности, один из наиболее известных представителей движения «бабаи» Сейид Сары Салтук Баба (ум. в 1293 или в 1296 г.) являлся последователем шейха Ахмеда Йасави, и именно по указанию последнего «...отправился на запад со священной миссией распространения ислама на территориях Малой Азии и близлежащих регионов Европы»⁶.

Дервиши, возглавляемые Сары Салтуком, прибыли в Крым с еще одной яркой исторической фигурой – одним из последних сельджукских правителей (султанов) Рума Изеддином Кейкавусом II (1238?-1278), который в середине 1260-х гг. был приглашен в Крым ханом Берке. Последним султану было пожаловано два города – в Солхат (Старый Крым) и Судак. В контексте нашего исследования важно то, что Кейкавус был юристом легендарного суфия и поэта Джеляледдина Руми (1207-1273). Как указывает Н. Абдульвапов, довольно длительный период проживания Кейкавуса в Крыму дает основания предполагать, что имя Руми и его суфийское творчество могли стать известными в Крыму уже при жизни поэта⁷.

В 1385 г. Тамерлан разгромил Золотую Орду, что послужило одним из решающих факторов для создания кочевой знатью Крыма собственного юрта. Длительная междоусобная борьба внутри феодальных группировок закончилась в 1443 г. победой Хаджи-Гирея, основавшего независимое Крымское государство⁸.

Однако уже к концу XV в. Крым попадает в сферу турецкого влияния. В 1475 г. Турция захватила Генуэзские колонии и княжество Феодоро, а Крымское ханство стало ее вассалом. Параллельно с этим завершился и процесс исламизации Крымского полуострова⁹.

Одним из основных методов распространения ислама в этот период служила поддержка ханской администрацией суфийских проповедников, которые не только строили *текке* (суфийские обители), но и являлись основателями вакуфных¹⁰ комплексов и новых мусульманских поселений. Например, селение Кара Алп, в котором суфии построили не только текке, но и сооружения, обслуживавшие его: мельницы, лавки и др.¹¹

Поэтому неудивительно, что суфии занимали заметное место в религиозно-политической жизни Крымского ханства. О влиянии мусульманского духовенства (состоящем в основном из представителей различных тарикатов) в Крымском ханстве свидетельствует прежде всего его месторасположение в диване¹². Сразу за *калгой* (наследник хана,

сидевший от него по правую руку) традиционно стоял глава ханафитского мазхаба на полуострове – *шейх-уль-ислам*, которым обычно был известный ученый богослов-дервиш (то есть суфий)¹³. В пользу влияния суфиев свидетельствует и то, что ханские ярлыки обращаются к «шейхам и суфиям» наряду с должностными лицами и правящими сословиями ханства¹⁴.

На сегодняшний день важнейшим источником по истории деятельности тарикатов в Крыму является книга турецкого путешественника и суфия¹⁵ Эвлии Челеби «Книга путешествий (Сейахатнаме)»¹⁶, но к ней мы обратимся чуть позже.

Еще одним авторитетным источником о деятельности тарикатов в Крыму является фундаментальная работа В. Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII столетия». В нем автор говорит про существование большого количества материалов по суфизму в Крыму, которые находятся в турецко-татарских источниках, с которыми он работал. Также он оставляет ряд ценных замечаний, например, отмечает, что татарские беки издревле «предавались подвижничеству, предписываемому тем или иным уставом (тарикатом), как это явствует из частого присоединения монастырско-настоятельного титула «шейх» к именам эмиров»¹⁷.

Можно встретить упоминания о суфиях в Крыму и в книгах некоторых путешественников, прежде всего, у П. Сумарокова в его «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году»¹⁸, или же у Ж. Ромма¹⁹. Описанный у Ромма ритуал дервишей представляет собой ритуалы Мевлевийа, и подтверждает тем самым наблюдения Челеби о широкой распространенности этого тариката в Крыму.

Что же касается «Сейахатнаме» Челеби²⁰, то о суфиях Эвлия говорит уже во вступительной главе о Крыме и крымских татарах: «...Здесь (в Крыму) есть улемы, праведники, шейхи и суфии на пути мистики и экстаза, их до 40 тысяч – единопольников суфиев... На Крымском острове находится всего 21 тысяча соборных и квартальных мечетей. В этих молельнях ночью и днем татарские суфии предаются молитве и зикру. Там очень много мужей единопольия и экстаза»²¹. В Гезлеве (современная Евпатория) Эвлия насчитал 3 текке, лучшее из которых, по его мнению, принадлежало халифе Ахмеда-эфенди из селения Колеч (Колечли)²². В селении Качи Эвлия гостил в текке святого Хызра Шах-эфенди, у которого, по указанию Эвлии, насчитывается 40 тысяч мюридов. В пригороде крепости Инкерман Эвлия посетил гробницу Якуба-эфенди, о котором говорили, что он достиг степени Кутба. Гробница располагалась возле соборной мечети, в которой постоянно находились суфии. По мнению Челеби Якуб-эфенди принадлежал к тарикату Хальветийа²³. Суфийское братство Хальветийа сложилось в конце XIV в. Северо-Западном Иране, и входило в число 12 «материнских» тарикатов. Основатель – Захир ад-дин Умар ал-Халвати особое внимание уделял индивидуальному воздержанию (*зухд*) и затворничеству (*халва*)²⁴.

В Бахчисарае Эвлия насчитал 9 текке, среди которых крупнейшим суфийским центром была соборная мечеть Сахиб Герай-хана, в которой «находится множество мужей халя, ясновидцев из общины праведников». В Карасубазаре (Белогорск) находилось 4 текке, названия которых автор не указывает. В Кафе (Феодосии) Эвлия насчитал 7 суфийских текке – братств Хальветийа, Джальветийа, Кадирийа, Гульшенийа и Йасавийа, – лучшее из которых (текке Ахмеда-эфенди), по мнению Челеби, расположена за западной окраиной Кафы, в пригороде под названием Топраклык. Одно текке Эвлия видел в Керчи, но о нем не сообщает никаких подробностей²⁵. В Ак Месджите (Симферополь) Эвлия обнаруживает 3 текке братств Хальветийа, Колечли и Чуюнчили²⁶.

На наш взгляд, следует подробнее остановиться на братстве Колечли, поскольку оно занимало важную роль в истории Крымского ханства. К примеру, в своем труде Эвлия отдельно упоминает об особом районе – «области деревень Колеч», – в котором преобладали селения суфиев, расположенном в северо-восточной части Крыма. Одно из селений

этого района, Кара Алп, Эвлия посетил вместе с Мухаммед Герай-ханом IV, направлявшимся в Дагестан. Это селение Эвлия называет «деревней татарских сопу, или суфиев, последователей святого Ахмеда-эфенди из Колеча»²⁷.

По мнению ряда исследователей, Колечли – в это одно из многочисленных ответвлений Накшбандийа²⁸. Мироззрение этого братства представляло собой соединение двух линий суфизма: городского, отраженного в доктринах Абд ал-Халика ал-Гиджувани, и кочевого тюркского – Ахмада ал-Йасави. Название братство получило по имени Баха ад-дина Накшбанд – крупнейшего представителя среднеазиатского суфизма XIV в. Основной частью практики Накшбандийа является тихий зикр (*хафи*) – мысленное помяновение имени Аллаха, в отличие от громкого, произносимого вслух зикра, практикуемого другими братствами, в частности Йасавийа.

Эвлия сообщает о приверженности суфийскому учению представителей ханской династии. Так, например, один из султанов, Хаджи Герай, был отшельником и уединенно жил около садов Качи. Суфием Эвлия называет и Селим Герай-султана, будущего хана, впоследствии четырежды занимавшего престол: «Он дружен с господами сердца и абдалами, то есть принадлежит к мужам халя. У него увлекающийся и беспокойный нрав, он – обладатель (мистического) пути». О Мухаммед Герай-хане Эвлия сообщает, что тот – «знаток тайных наук», «аскет», «постоянно занимается зикром Божиим», и указывает, что Мухаммед Герай-хан IV принадлежал к братству Мевлевийа, носил суфийский головной убор и хырку, устраивал суфийские собрания²⁹.

Таким образом, данные «Книги путешествия» Эвлии Челеби указывают на значительное распространение суфизма в Крыму, наличие огромного числа последователей учения во всех классовых прослойках крымского общества. Как отмечает Е. В. Бахревский, суфийские братства функционировали во всех городах Крыма, по крайней мере, в наиболее значительных, во многих селениях. Наибольшее число обитателей отмечается в Бахчисарае (9), в Кафе (7), в Карасубазаре (4). Распространены были как турецкие тарикаты (Мевлевийа), так и местные формы суфизма (Колечли, Чуюнчили). При этом наиболее часты упоминания последователей святого Ахмеда-эфенди из Колеча, что указывает на их многочисленность. Как мы уже упоминали, по мнению ряда исследователей, описанные Челеби признаки указывают на то, что Колечли были одним из многочисленных ответвлений братства Накшбандийа, с выраженным военизированным характером.

По мнению Е. В. Бахревского, военизированный характер является вообще характерной чертой суфийских братств в Крыму, поскольку Эвлия многих шейхов называет «в равной степени аскетами и муджахедами»³⁰. Однако в данном случае мы не склонны делать столь однозначные выводы. Вопрос о принадлежности колечли на наш взгляд, остается открытым, поскольку Накшбандийа хотя и отличается активной политической позицией, но не носил военизированного характера. В то же время под подобную характеристику в гораздо большей степени подходит тарикат Бекташийа, основанный Хаджи Бекташем Вали Нишапури Хоросани в XIII в. Являясь суннитским, с особым уважением относится к четвертому праведному халифу Али. Получил широкое распространение в Турции, на Балканском полуострове и, что особенно важно, – в Крыму. В контексте нашего исследования следует также подчеркнуть, что Бекташийа был тесно связан с янычарским корпусом, а основатель тариката Хаджи Бекташ считался покровителем янычар³¹. Однако для окончательных выводов о принадлежности Колечли необходимы дальнейшие исследования.

Еще раз подчеркнем наличие большого числа представителей Мевлевийи, что не удивительно в свете близости Турции (как в географическом, так и в политическом отношении). Как отмечает известный османский историк Сейид Мухаммед Риза (ум. в 1756 г.), большое число крымских объединений суфиев являлись последователями шейхов Кемаль-ата и Чобан-ата из Старого Крыма, которых тот называет «мевляна»³². Это указы-

вает на их принадлежность к малоазийскому тарикату Мевлевийа – суфийскому братству, основанному Джелал ад-дином Руми в Конье в середине XIII в. В то же время, по мнению некоторых исследователей, основная заслуга в создании этого тариката принадлежит сыну Руми – Султану Веледу³³. Отличительной особенностью Мевлевийа является широкое использование во время зикра особых движений, в частности, – вращения (*сема*)³⁴.

Что касается распространенности тарикатов на территории Украины в период советской власти, то суфийские общины продолжали действовать в Крыму, включая первые годы существования СССР. В 1923 г. в Крыму насчитывалось несколько десятков суфийских текке, однако уже с середины 20-х годов из библиотек изымается исламская литература, закрываются медресе и мечети, разрушаются мавзолеи святых. В 1944 г. существование суфизма (и ислама в целом) на территории Крымского полуострова было прекращено в связи с депортацией его основного носителя – крымских татар.

Анализируя положение дел с распространением тарикатов в Украине в наши дни, можно говорить о том, что в Украине отмечается высокая степень активности традиционных суфийских групп. Прежде всего, обращает на себя внимание деятельность тарикатов Накшбандийа, Кадирийа и Рифайиа, представители которых тесно сотрудничают с Духовным управлением мусульман Украины (ДУМУ). Более того, председатель ДУМУ, муфтий Украины шейх Ахмед Тамим сам является шейхом перечисленных тарикатов (причем представляет две ветви накшбандийа), и имеет право на их передачу (*иджаза*)³⁵. Кадирийа – один из наиболее известных и старейших тарикатов, распространенный во всем мире. Основан в XII в. выдающимся ханбалитским проповедником Абд ал-Кадиром ал-Гилани (1077-1166). В этом тарикате используется как индивидуальный тихий (*хафи*), так и коллективный громкий зикры (*джахри*), а также особые движения (*сема*). Рифайиа – старейший материнский тарикат, основан в XII в. потомком пророка Мухаммада Ахмадом ал-Халидом ар-Рифаи. Отличительными особенностями этого тариката является практика громкого зикра (*джахри*) и «специализация» на лечебных практиках на основе Корана и Сунны и практиках экзорцизма.

Среди этнических таджиков и узбеков отмечается деятельность мюридов среднеазиатских шейхов Муджадидийа-Хусайнийа (одно из ответвлений Накшбандийа), прежде всего, учеников хазрата ишана Ибрахима Коканди. Первая часть названия этой ветви, то есть *муджаддидийа*, происходит от почётного титула индийского накшбандийского шейха Ахмада Сирхинди (ум. в 1624 г.), которого современники называли *Муджаддид-и алф ас-сани* («Обновитель второго тысячелетия»). Второй компонент *хусайнийа* в названии этой линии тариката произошел от имени знаменитого шайха Накшбандийа-Муджаддидийа первой половины XIX в. Халифы Хусайна (ум. в 1833-34 г.)³⁶.

В рамках чеченской диаспоры имеет место присутствие представителей вирдовых братств «Кунта-ходжи», «арсановых» и Накшбандийа-Халидийа. *Кунта-ходжиевцы* («ходжи-мюриды», *устар.* – «зикристы») считают себя последователями кадирийского шейха Кунта-Ходжи Кишиева. Кунта-Ходжи жил и проповедовал в то же время, что и вел освободительную борьбу имам Шамиль (50-60-е годы XIX в.), однако занимал диаметрально противоположную позицию. В своих религиозных проповедях, обращенных к народу, Кунта-ходжи призывал к миру, смирению, осуждал кровопролитие, призывал горцев прекратить сопротивление царской власти во имя сохранения народа³⁷. В настоящее время среди последователей этого течения много членов наиболее авторитетного в Чечне тейпа Бенной, в том числе и нынешний президент ЧР Р. Кадыров.

Вирдовое братство «арсановых» представляет собой последователей накшбандийских шейхов Дени Арсанова и его сына Бахауддина Арсанова. Дени Арсанов (мюриды его имя не произносят, называя таинственным именем Деде, что означает главу ордена, достигшего высшую степень посвящения) по некоторым источникам является предста-

вителем тейпа Энгеной, и относится к чеченской ветви накшбандийа, идущей от шейха Элаха-муллы, принадлежащего к суфийскому братству аксайского шейха Абу (Башира). Тот, в свою очередь, получил право передавать тарикат Накшбандийа от шейха Абдурахмана ас-Сугури, который получил *иснаду* (разрешение) на распространение тариката от шейха Джамал ад-Дина Казикумухского, учителя и тестя имама Шамиля. Сам же Джамал ад-Дин Казикумухский был учеником легендарного накшбандийского шейха Мухаммада Ярагского, одного из наиболее известных муршидов Дагестана³⁸.

Накибандийа-Халидийа представляет собой ветвь тариката Накшбандийа, и связана с деятельностью курдского шейха Маулана Халида аль-Багдади (умер в 1821 г.), являющегося ее основателем. Особенность этой ветви – ориентация верующих на активное участие в социально-политических процессах, протекавших в регионах проживания мусульман. В Накшбандийа-Халидийа политическим вопросам отводилось важное место. Призывая мусульман сражаться против социальной несправедливости, исходящей от собственных угнетателей и колонизаторов, это учение составляло основу идеологии национально-освободительных движений, возникавших в ряде мусульманских стран. Следует отметить, что именно на базе Накшбандийа-Халидийа возникло движение мюридизма во главе с легендарным «горцем» Шамилем, в которое помимо мюридов тариката Накшбандийа входили простые крестьяне, осознавшие необходимость освобождения от социального гнета, защиты своей родины от внешнего врага.

Среди выходцев из Дагестана (прежде всего аварцев) преобладают представители тарикатов Накшбандийа и Шазилийа. При этом имеются как мюриды аварца Саида Чиркави, последователи которого контролируют ДУМ Дагестана, так и мюриды шейхов (как правило, не-аварцев), находящихся в оппозиции.

Существует также неподтвержденная информация о деятельности представителей Мевлевийа в Крыму (среди турок). Среди поволжских татар отмечается деятельность мюридов накшбандийского шейха Махмуда-эфенди из Стамбула.

Помимо деятельности традиционных суфийских (или собственно суфийских) групп в Украине наблюдается фрагментарная деятельность квази-суфийских объединений, прежде всего, последователей М. Норбекова, Ошо и Л. Тираспольского (Ниматулахийа), с периодическими всплесками активности в виде проведения различных мероприятий, конференций.

Отдельно следует упомянуть о деятельности групп турецкого происхождения Сулейманджи и Нурджулар, которые иногда относят к нео-суфийским организациям. Их активность растет, прежде всего, в Крыму, где находится организационный центр Сулейманджи (г. Севастополь). Основателем этой организации считается накшбандийский шейх Сулейман Хилми Тунахан (1888-1959), который ратовал за возрождение ислама и очищение его от искажений привнесенным секуляризованным обществом³⁹. Однако после его смерти идеология Сулейманджи претерпела трансформацию и приобрела радикальный характер. Ряд исследователей (в первую очередь – российских, например, Юнусова А. Б.) обращают внимание на связь Сулейманджи с турецкой разведкой (Милли Истикбарат Тескилати (МИТ) – Национальная разведывательная организация), указывая в частности, что сегодня руководителем Сулейманджи является бывший глава этой организации Сонмез Коксаль⁴⁰. Однако в других источниках (европейских и турецких) подтверждения данной информации нам обнаружить не удалось.

Как мы видим на основе имеющейся информации, суфизм в различных своих проявлениях занимал прежде и занимает сейчас важное место в истории Украины. Более того, существует высокая вероятность того, что со временем влияние суфийских групп на социально-политическую обстановку в Украине будет увеличиваться. Подобные выводы базируются как на общемировых, так и на внутриукраинских тенденциях. Относительно мировых тенденций следует отметить, что в последнее десятилетие интерес к суфизму со

стороны западных исследователей резко возрос, и что более важно, изменил свой характер. И если прежде этот интерес был в большей степени направлен в сторону духовных, эзотерических аспектов суфизма, то теперь он фокусируется в первую очередь на его социально-политических аспектах.

Подобное изменение приоритетов объясняется началом так называемой «Четвертой мировой войны» – войны с международным терроризмом, не последнюю роль в котором играют различные исламистские организации. Объявив войну терроризму, и попытавшись решить проблему «кавалеристским наскоком», то есть традиционным военным способом, страны антитеррористической коалиции столкнулись с противоположным результатом – усилением террористической деятельности. Более того, изменился сам характер войны – если в 1-й и 2-й мировых войнах сражались армии, 3-я мировая (обычно именуемая «холодной») в большей степени носила информационно-идеологический характер, то 4-я, по мнению исследователей, является «асимметричной», «мятежевойной», когда одна из воюющих сторон (а именно террористы) стремится опереться на поддержку местного населения⁴¹. Как справедливо указывает известный французский исламовед Жиль Кепель, террористические акции 11 сентября 2001 г. представляли собой беспрецедентную по масштабам провокацию, целью которой являлись репрессии против мирного населения ряда стран (прежде всего Афганистана и Ирака)⁴². В соответствии с замыслом исламистов, эти репрессии в конечном итоге должны привести к солидарности мирного населения с террористами (как это произошло в Палестине). В этом случае террористы «...станут катализатором социального движения под знаменем джихада против «неверных», захвативших земли ислама и истребляющих мусульман»⁴³.

Фактический провал антитеррористической операции привел страны Запада (в первую очередь США) к необходимости поиска новых путей решения проблемы международного, в частности исламистского терроризма. В результате в середине 2000-х годов вышла серия докладов, подготовленных известными аналитическими центрами (например, легендарной «Корпорацией РЭНД», Центром Никсона и др.). В них содержались рекомендации правительствам стран антитеррористической коалиции изменить стратегию решения проблемы терроризма, отказавшись от военных методов. Предлагалось искать союзников внутри самого мусульманского сообщества, к которым авторы докладов отнесли представителей традиционного ислама, в первую очередь – суфийские организации, которые всегда являлись противниками исламистских течений⁴⁴.

Реакция исламистских структур была достаточно предсказуемой: не имея массовой поддержки среди мусульман (в отличие от суфийских тарикатов, пользовавшихся традиционным авторитетом практически во всем исламском мире), они не могли себе позволить без поддержки своих спонсоров на Западе и в арабском мире⁴⁵ вступить в открытую конфронтацию с представителями традиционного ислама. Тогда они пошли путем мимикрии под суфийские организации. Примером тому может служить изменение риторики спикеров исламистских организаций: если в последней четверти XX в. они традиционно обвиняли суфизм в том, что он противоречит исламу, то в начале XXI в. все чаще стала предъявляться информация о благосклонном отношении главных идеологов исламизма (таких, как Ибн Таймийа или Юсеф Кардауи) к суфизму, а то и вовсе об их принадлежности к тарикатам⁴⁶. При этом познания этих новоявленных «суфиев» о суфизме весьма поверхностны, а иногда и вовсе нелепы. К примеру, на одной из конференций автор на вопрос о том, к какому же тарикату якобы принадлежал главный идеолог современного исламизма Ибн Таймийа, получил ответ от представителя одной из исламистских структур, действующих в Украине – «к тарикату мусульман»! Как говорится, комментарии излишни...

Таким образом, сегодня мы становимся свидетелями нарастающего противостояния между представителями традиционного суфизма и псевдо-суфизма за право называться

«настоящими» суфиями. А, учитывая растущую украинскую умму, широкую представленность в ней как суфийских, так и исламистских организаций⁴⁷, стремление Украины интегрироваться в международные структуры (и, соответственно, взять на себя определенные обязательства – в том числе обязательство бороться с международным терроризмом), мы можем лишь повторить сделанный нами ранее вывод о том, что существует высокая вероятность роста влияния суфийских групп на социально-политическую обстановку в Украине.

Таким образом, на основе проведенных исследований и проанализированной литературы мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, суфизм играл ключевую роль в распространении ислама на территории Крыма в XIII в. Позднее, во времена Крымского ханства, суфии продолжали оказывать серьезное влияние на общество, и определяли религиозную жизнь мусульман Крыма;

Во-вторых, мы можем констатировать, что в настоящее время в Украине наблюдается высокая активность традиционных суфийских групп, причем представители суфизма присутствуют практически во всех этнических группах украинских мусульман;

В-третьих, существует высокая вероятность роста влияния суфийских групп на социально-политическое положение в Украине, поскольку в настоящее время это общемировая тенденция: суфизм представляется правящими кругами на Западе (хотя подобные тенденции отмечаются практически во всем мире) в качестве наиболее приемлемой альтернативы исламистским течениям;

В-четвертых, существует вероятность роста напряженности в исламском сообществе Украины в связи с попытками исламистских организаций, действующих на ее территории, мимикрировать под суфийские организации и вероятной негативной реакцией на это последних.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Абдульвапов Н.* Актуальные проблемы изучения суфизма в Крыму // УЗТНУ. – 2005. – Т. 18 (57). – С. 179-192.
2. Там же. – С. 180.
3. *Бойцова Е. Е.* Роль ислама в этногенезе крымских татар // КНП. – 1999. – № 7. – С. 73-76
4. Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань, 2001. – С. 44-45.
5. *Абдульвапов Н.* Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // КНП. – 2006. – № 79. – С. 140-149.
6. Там же. – С. 145.
7. Там же.
8. *Абдуллаева З. З.* Крымскотатарское духовенство накануне присоединения Крыма к России // КНП. – 2000. – № 14. – С. 59-63.
9. *Бойцова Е. Е.* Роль ислама в этногенезе крымских татар // КНП. – 1999. – № 7. – С. 73-76.
10. *Вакф, вакуф* (араб., букв. – удержание) – имущество, в соответствии с мусульманским правом, отказанное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели.
11. *Бойцова Е. Е.* Методы исламизации в Крымском ханстве // КНП. – 2004. – № 55. – Т. 2. – С. 7-10.
12. Верховное правительствующее учреждение и высшая судебнo-религиозная инстанция в Крымском ханстве.
13. *Абдуллаева З. З.* Указ. соч.

14. Бахревский Е. В. Суфизм в Крыму (по материалам «Книги путешествия Эвлии Челеби» // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Вып. 1. – Симферополь, 1997. – С. 395.

15. Относительно тариката, к которому принадлежал Э. Челеби существуют разногласия. По мнению ряда исследователей, это – Накшбандийа, в то же время само имя Челеби может указывать на принадлежность к Бекташийа (челеби называли потомков легендарного основателя Бекташийа Хаджи Бекташа Руми). Хотя следует учитывать, что слово «челеби» в ряде языков Балканского полуострова и Передней Азии приобрело и другие значения, например, *тур.* «образованный, воспитанный, благородный, господин, gospodarь».

16. Челеби Э. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641-1667). – Симферополь, 1996.

17. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887. – С. 123.

18. Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. – М., 1800.

19. Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 году. – Л., 1941.

20. Обзор данного труда сделан на основе статьи Е. В. Бахревского «Суфизм в Крыму».

21. Бахревский Е. В. Указ. соч. – С. 396.

22. Там же. – С. 397.

23. Там же.

24. Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991. – С. 267.

25. Бахревский Е. В. Указ. соч. – С. 398.

26. Там же. – С. 397.

27. Там же. – С. 399.

28. Там же. – С. 400.

29. Там же. – С. 399.

30. Там же. – С. 400.

31. Ислам. – С. 39-41

32. Асеб о-ссейяр или Семь планет, содержащих историю крымских ханов от Менгли-герей хана I до Менгли-герей хана II. Сочинение Мухаммеда Ризы, изданное Казанским Университетом под наблюдением Мирзы Казем-Бека. – Казань, 1832. – С. 78-79.

33. Фомкин М. С. Султан Велед и его тюркская поэзия. – М., 1994. – С. 20-29.

34. Сема – ритуальная церемония тариката Мевлевийа, исполняемая членами братства в состоянии мистического наития (*иляхи джезбе*). Сема состоит из круговых вращательных движений, исполняемых в определённом порядке под аккомпанемент *нея* (флейты) и в сопровождении чтецов, как правило, рецитирующих мистические духовные стихи. Участников радения называют *семазен*; человека, который руководит радением, называют *семазен-баши*. Во время круговращений повторяется имя Аллаха. Раскрывая во время поворотов руки, семазены располагают их в виде арабской буквы «лам», то есть само их тело изображает собой слова молитвы «Ля илаха илля Аллах» («Нет Бога, кроме Аллаха») [Фуат Йёндемли. Обучение в суфийском братстве мевлеви // Восточная коллекция. – 2005. – № 1. – С. 108-116].

35. Материалы IV Съезда мусульман Украины (из личного архива автора).

36. Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования). – СПб., 2001. – С. 345-346.

37. Акаев В. Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Грозный, 2003. – С. 59.

38. Там же. – С. 49-50.

39. Nakan Yavuz M. Islamic Political Identity in Turkey. – Oxford, 2003. – С. 145-149.

40. Юнусова А. Б. Радикальные идеологии и мусульманская молодежь в России // <http://www.muslims-volga.ru/?id=376>
41. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера (Российский военный сборник). – М., 2005. – С. 542.
42. Кепель Ж. Джихад: экспансия и закат исламизма. – М., 2004. – С. 11-12.
43. Там же. – С. 12.
44. См., например: Cheryl Benard. Civil democratic Islam, partners, resources, and strategies. – RAND Corporation, 2003. – С. 46; Baran Z. Hizb ut-Tahrir: Islam's Political Insurgency. – Washington, DC: The Nixon Center, December 2004. – С. 132-133.
45. Королевство Саудовская Аравия, активно финансировавшая в свое время организацию «Братья-Мусульмане», в 2002 г. прекратило свою финансовую поддержку (по крайней мере, на официальном уровне). 18 декабря 2002 г. министр внутренних дел Королевства Саудовская Аравия, принц Нэйеф обвинил это течение в том, что «они политизировали ислам». Он заявил: «Мы чересчур поддерживали «Братьев-мусульман», которые являются причиной проблем в арабском мире и, возможно, также в мусульманском мире» (Понкин И. В. Ислам во Франции. – М., 2005. – С. 9).
46. См., например: Юсуф Хаттар Мухаммад. Энциклопедия суфизма. – М., 2005. – С. 64, 93-94.
47. О деятельности исламистских организаций в Украине см., например: Украинцы прославляют шахидов // <http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2009-01-07/3318.html>; Российско-украинские отношения и экстремизм в Украине // http://www.niurr.gov.ua/ru/ukr_rus/bulletin_2/ekstremizm.htm; Трофимов А. Ю. Отражение деятельности тоталитарных религиозных культов в СМИ // КНП. – 2003. – № 37. – С. 308-312.

ВІЗАНТІЯ ТА ГАЛИЦЬКЕ КНЯЗІВСТВО В НИЖНЬОМУ ПОДУНАВ'І У XII СТ.

Джерел, які висвітлюють русько-візантійські стосунки у XII ст. збереглося дуже мало. Тому ці проблеми в історичній літературі зачіпаються тільки побіжно. Частина висновків апріорні і базуються скоріше на політичних поглядах авторів ніж на розгорненій аргументації. Візантія завжди приділяла велику увагу Нижньому Подунав'ю через яке різноманітні кочовики вторгалися в причорноморські та болгарські області, які перебували під її контролем. Після страшної поразки під Манцикертом (1071) імперія була змушена концентрувати свої сили на сході. Область у межиріччі Дністра та Серета і Нижнє Подунав'я була своєрідними воротами між морем і Карпатами. Через ці ворота у XI-XII ст. кочовики проникали на Балкани. Не маючи сил опанувати цю область, Візантія, на слушну думку відомого російського візантиніста Г. Літаврїна, не заперечувала проти її опанування сильним галицьким князем, виділяючи стосунки з ним окремо від стосунків з Києвом¹.

В кінці XI ст. у пізнішій Галицькій землі закріпилися князі-ізгої Ростиславичі. Вони зуміли спертися на місцеві еліти, які ще пам'ятали епоху давніх хорватських князівств², та родинні зв'язки з Угорщиною. Їх мати Ленке (Ілона) була дочкою короля Бели I.³ Через Галицьку землю проходив знаменитий *бурштиновий шлях* (Вісла-Сян-Дністер та Німан-Південний Буг-Дністер), який з'єднував Балтійське та Чорне моря. По Дністру лежала і найкоротша дорога до Візантії, через Нижнє Подунав'я можна було вийти більш безпечно суходолом до візантійських міст. Але у кінці XI ст. цим шляхам заваджали печеніги.

29. 04. 1091 р. на березі р. Маріци біля фортеці Хіріни візантійський василевс Олексій I Комнен з допомогою половецьких ханів Тугоркана і Боняка розгромив печенізьке військо. Після цієї події печеніги взагалі зникають з джерел. Дочка імператора Анна так оцінила цю битву: *«В той день відбулося децю незвичайне: згинув цілий народ разом з жінками і дітьми, чисельність якого складала не 10 тисяч чоловік, а виражалась у величезних цифрах»*⁴. В числі учасників битви Анна називає 5 тисяч гірських жителів, які прибули на допомогу імператору⁵. Відомий візантист В. Василевський бачив в них дружину теребовельського князя Василька Ростиславича⁶. Теребовельська дружина рухалась по Серету і мусила переходити гори, йдучи на з'єднання з василевсом, тому і потрапила в «горяни». Теребовельський князь не менше від Візантії був зацікавлений в усуненні з Дністровського Пониззя печенігів. Крім того активний союз з Візантією дозволяв Ростиславичам стримувати Угорщину, яка на той час зблизилась з їх противниками.

Союз з Візантією сприяв також планам князя Василька Ростиславича щодо освоєння Пониззя Дністра. Ці плани зафіксував автор літописної «Повісті про осліплення князя Василька», який був його сучасником князя і чув про ці плани безпосередньо від нього в драматичний період відразу після осліплення князя⁷.

20. 07. 1104 р. дочка старшого з Ростиславичів перемишльського князя Володаря Ростиславича – Ірина вийшла за сина василевса Олексія Комнена – Ісаака⁸. Це був перший випадок прямого союзу Візантії з окремим руським князівством, до того ж скріплений династичним шлюбом. Попри великий успіх зовнішньої політики Ростиславичів вартує зауважити, що подібна політична комбінація мусила бути потрібною перш за все Візантії, яка дуже розбірливо ставилася до династичних шлюбів.

Напевно до того часу володіння галицьких князів наблизилися до Нижнього Подунав'я. Про останнє свідчить відома грамота князя Івана Ростиславича месемврійським купцям від 20. 05. 1134 р., де згадуються його володіння в Пониззі Дністра та Дунаю, в числі яких Малий Галич (Галац), Бирлад і Текуч⁹.

Автентичність грамоти князя Івана Ростиславича визнавали П. Голубовський¹⁰, М. Дашкевич¹¹, М. Грушевський¹², П. Мутафчієв¹³, В. Пашуто¹⁴, О. Насонов¹⁵, М. Левченко¹⁶, А. Фроловський¹⁷, О. Зимін¹⁸, В. Потін¹⁹, М. Брайчевський²⁰, Р. Рабінович²¹, Л. Войтович²² та О. Майоров²³. Прихильники версії щодо фальсифікату поважних аргументів не висунули (І. Богдан²⁴, О. Соболевський²⁵, П. Панаїтеску²⁶, М. Мохов²⁷, М. Котляр²⁸, П. Павлов²⁹, В. Спінеї³⁰, С. Каштанов³¹, Б. Перхавко³²). Як вірно зазначив Р. А. Рабінович, всі вони, починаючи з І. Богдана, наперед виходили з постулату, що звенигородський князь Іван Ростиславич не міг володіти Бирладом і Пониззям Дністра та Пруту³³. Чи надійно обґрунтований цей постулат?

Грамоту вперше ввів в науковий обіг відомий румунський історик і філолог-славіст Богдан Петричейку Хаждеу (1836-1907). Оригінал і первинна копія грамоти втрачені ще у ХІХ ст. Противникові автентичності грамоти відомому лінгвістові О. Соболевському вдалося довести лише те, що текст грамоти написаний в орфографічних і лінгвістичних традиціях молдовських і болгарських документів ХІV-ХV ст.³⁴ Вартує зауважити, що болгарських документів ХІІ-ХІІІ ст. у розпорядженні дослідника не було, а подібні молдовські документи в цей період просто не існували. Висновок О. Соболевського тільки дозволяє говорити, що до Б. П. Хаждеу потрапив список з грамоти, виготовлений у ХІV-ХV ст., або ж фальсифікат, зроблений в цей період, при фабрикації якого були використані достовірні джерела і відомості. Необхідністю переписки грамоти в «молдовські» часи було намагання продовжити традицію торговельних пільг для деяких міст, як вірно зауважив Р. Рабінович³⁵. Але для подібної фабрикації потрібно було мати під рукою достовірні документи. Хто міг в Молдові у ХІV-ХV ст. знати про князя Івана Ростиславича?

Найбільш дошкульним місцем грамоти противники її автентичності вважають фразу «князь Бирладський від стола Галицького». Якщо вважати Івана Ростиславича сином перемишльського князя Ростислава Володаревича і звенигородським князем, столиця якого знаходилася у Звенигороді на Білці на території Володаревичів, то ця фраза виглядає позбавленою змісту. Адже за рішенням Любецького снему 1097 р. Володар Ростиславич та його нащадки отримали західну частину пізнішої Галицької землі з Перемишлем, а Василько Ростиславич – східну з Теробовлею. Але Іван Ростиславич був сином теробовельського князя Ростислава-Григорія Васильковича і володів Звенигородом, що знаходився у Теробовельському князівстві³⁶.

Л. Махновець вважав, що столицею першого уділу Івана Бирладника міг бути Звенигород на лівому березі Стрипи, лівій притоки Дністра, городище якого збереглося біля сучасного с. Звенигорода Бучацького р-ну Тернопільської області, або ж Звенигород на лівому березі Дністра біля правого берега ріки Дзвенячки, городище якого збереглося поблизу нинішнього с. Дзвенигорода Борщівського р-ну Тернопільської обл.³⁷

В тому ж районі між впадінням Серету та Збручу трохи ближче до першого на високому мисі на околиці с. Більче-Золоте того ж Борщівського р-ну знаходиться ще одне велике городище ХІ-ХІІІ ст. біля якого було селище (знищене котлованом) та могильник. З напільного боку городище півколом захищене трьома рядами валів та ровів. Тут знайдено енкалпціон із зображенням чотирьох євангелістів по кутах, бронзовий браслет, застібку, срібну пряжку, багато залізних ножів, сокирок та наконечників стріл, два уламки скляних браслетів, уламки посуду. Спеціальних розкопок тут не проводилося, лише закладалися розвідувальні шурфи³⁸.

Ще один Звенигород за переказами знаходився за Збручем на городищі в урочищі Княже Замчисько поблизу с. Гольнищева Чемерівецького р-ну Хмельницької області. Вали городища збереглися на висоту 6 м, частина урочища носить назву Дівечі і там за переказами був жіночий монастир.

В котрому із Звенигородів була столиця уділу князя Івана Бирладника? Судячи з опису бойових дій 1144 р.³⁹, коли київське та галицьке війська рушили до Звенигорода,

йдучи берегами Серету і стали біля міста, будучи цією рікою розділені⁴⁰ (що виключає Звенигороді на Білці, який знаходиться нині у Пустомитівському р-ні Львівської обл.), це місто знаходилося ближче до впадіння Серету у Дністер. Тому найкраще підходить городище біля с. Більче-Золоте Борщівського р-ну. Розміри тутешнього городища та знахідки на ньому під час звичайних археологічних розвідок, дозволяють припускати саме тут можливу наявність столиці уділу Івана Бирладника. Але розв'язання цієї проблеми потребує подальших археологічних досліджень.

Ростислав-Григорій Василькович помер між 1127 /1141 рр., ближче до першої дати; його брат Ігор-Іван Василькович – у 1141 р.⁴¹ Теревельський князь міг виділити своєму синові уділ з центром у Звенигороді на Дністрі, куди ввійшло все Пониззя Дністра та Пруту аж до Дунаю. Після смерті брата Ростислава Ігор приєднав його частку, а звенигородський князь залишився його васалом (звідси і формула «князь Бирладський від стола Галицького»). Навіть, якби грамота від 20. 05. 1134 р. була датована 1144 р., як вважав М. Грушевський (що більш ніж сумнівно), то це би могло означати тільки, що після того як Володимирко захопив галицьку і теревельську частки, його племінник залишився васалом тепер вже князя всієї Галицької землі.

Видніший географ XII ст. Абу Абдаллах Мухаммед ібн Мухаммед ал-Ідрізі (1100-1165) у своїй географічній енциклопедії «Розваги втомленого в подорожах по областях», написаній при дворі сицилійського короля Рожера II (1130-1154), в країні ар-Русийя в числі восьми відомих йому міст називає Раміслі [Перемішль] та Галісійя [Галич]⁴². Ще А. Петрушевич ототожнив Галісійя ал-Ідрізі, виходячи з опису сицилійського географа, з Галичем на Дунаї⁴³.

Територія Нижнього Подунав'я, Подністров'я і Попруття як частина Русі згадується і в такій цікавій пам'ятці, як «Список руських городів дальніх і ближніх»⁴⁴. Первісний варіант цього списку був укладений ще на початку XIII ст., а остаточний варіант пам'ятки сформований у 1375-1381 рр.⁴⁵ (але не пізніше 1409 р.)⁴⁶. Тут розміщені такі міста як Дичин, Кілія, Білгород, Яський торг, Романів торг, Немеч, Сучава, Серет та інші. Дичин (Дцин) як місто, куди відійшли бирладники після нападу на Олешшя, згаданий у Іпатіївському літописі⁴⁷. Як Дисина це місто згадано ал-Ідрісі⁴⁸ (суперечка навколо деяких розходжень джерела успішно, на мій погляд, вирішена А. Плахоніним⁴⁹). Яський торг, згаданий вперше під 1412 р. у валашській грамоті та у польського хроніста Я. Длугоша, пов'язаний з аланами-ясами, які з'явилися у цьому регіоні з середини XIII ст. після походу Бату⁵⁰. Нині це м. Ясси в Румунії.

Археологічні знахідки в дельті Дунаю, зокрема у Діногетії поблизу Галаца (Малого Галича) містять елементи руської матеріальної культури і датуються широким діапазоном X-XII ст.⁵¹

Що ж стосується локалізації самого Бирлада (місто Бирлад на р. Бирлад поблизу Дунаю, на думку румунських археологів, має слабкі шари XII-XIII ст., в яких відсутні давньоруські матеріали⁵²), то залишаючи в стороні тенденційність висновків румунських археологів та поверховий характер самих розкопок, та беручи до уваги доволі чисельну наявність виробів давньоруського походження (шиферних пряслиць, лунниць, колтів, металевих браслетів, скляних перснів і браслетів, янтарних бус, енкалпціонів, нашійних хрестиків, керамічних яєць-писанок⁵³), враховуючи дані топоніміки, лінгвістики і писемних джерел, можна погодитися з версією Р. Рабиновича, що літописний Бирлад («Ескі-Бирлад» – «Старий Бирлад») знаходився на березі Дунаю в Добруджі поблизу сучасного Хіршова⁵⁴.

Про давню належність цих територій до Галицької землі свідчить і ряд інших аргументів, зокрема топонімічних⁵⁵, а також включення вірменських парафій у Сереті, Сочаві (Сучаві) та Молдові до львівської вірменської єпископії у кондаку від 13. 08. 1388 р. католікоса Теодороса II, із згадкою про Львів, як «найблагоденнішу, що охороняється

Богом, столицю, славу матір міст християнських королів», що відбиває часи Галицько-Волинської держави⁵⁶. Зрештою давні молдовські грамоти писані староукраїнською мовою, а молдовські літописи – церковнослов'янською (аж до реформи господаря Василя Лупу у 1636 р. ця мова залишалася офіційною). Якщо слов'янську церковну номенклатуру (поп, вечерня, утрєня і т. д.) у румунській церкві ще можна пояснювати давньо-болгарськими впливами на цей регіон⁵⁷, то використання мови в діловодстві нічим окрім давньої і довгої політичної належності Нижнього Подністров'я і Попруття до Галицького князівства пояснити не вдасться.

Візантія, зацікавлена у прикритті дунайських земель силами галицьких князів, могла сприяти розгортанню діяльності звенигород-дністровського князя, також зацікавленого у розвитку тамтешніх міст Бирладі, Текуча та Малого Галича, в першу чергу останнього, стимулюючи купців з візантійської Месемврії до торгівлі з цими центрами в Нижньому Подунав'ї.

Крім думки, що Пониззя Дністра та Дунаю у XII ст. знаходилося під контролем Галицького князівства⁵⁸, в історичній літературі досить інших різноманітних версій. Одні вважають, що ці території були заселені одними *бродниками*, які були окремим племенем, близьким до *чорних клобуків*⁵⁹, людьми неясного етнічного походження з яких потім пішли запорозькі козаки⁶⁰, чи втікачами від кріпосного гніту – «сбродом»⁶¹. За археологічними матеріалами основне населення Пониззя Дністра складала нащадки *тиверців*⁶² і *гето-даків* [волохи]. До них долучилися зафіксовані літописами галицькі «вигінці» (бояри, які з різних причин змушені були покинути старі оселі), ремісники та смерди (яких приманювали пустуючі землі) та купці-промисловики, які просто не могли обминути цю територію, з'єднану найкоротшим шляхом з дунайськими володіннями Візантії.

Не вдаючись у дискусію про *бродників*, можна зауважити, що вони могли бути просто корпорацією, яка обслуговувала броди, перевози і переволоки, стоянки біля порогів на низу Дністра, Пруту, Бугу і Дніпра. За свою роботу вони брали плату з купецьких караванів, а крім того, напевно, займалися і мисливством та рибальством. Зимом *бродники* сходилися в міста, де проживали свій заробіток. Звичайно, що вони мусили мати якусь свою військову організацію для оборони від кочовиків. Їх старшини поповнювали ряди місцевих феодалів. Чисельність цієї корпорації, звичайно, була невеликою, але в джерела вони потрапили, оскільки відігравали в цих місцях помітну роль⁶³.

Зрозуміло, що це різнорідне осіле населення потребувало військового захисту від постійної сваволі кочовиків якоїсь держави, будучи готовим взамін навіть добровільно віддавати певну частку своїх продуктів, а етнічно його елементи, принаймні значна частина їх, були близькі до сусідньої Галицької держави⁶⁴.

Частина дослідників, не приводячи твердих писемних чи археологічних аргументів, вважала, що в середині XII ст. низів'я Дністра, Пруту і Сирету, напевно, знаходилася під контролем половців⁶⁵ (зрозуміло, що межі вторгнень та міграцій кочовиків завжди були важковловимі), а стабільна межа галицьких земель проходила по лінії міст Ушиця, Кучелмин, Онут, Микулин, Коломия⁶⁶, не доходячи навіть до сучасного Могильова на Дністрі⁶⁷. Ці висновки, також не додаючи ніяких аргументів, прийняв і сучасний російський візантиніст М. Бібіков⁶⁸. Нечисленні джерела, що збереглися, дозволяють спростовувати подібні думки. Залишимо в стороні повідомлення В. Татищева про війну Володимирка Володаревича з дунайськими болгарами та візантійцями у 1144 р. Хоча нічого фантастичного у цьому повідомленні немає. Більше того, у 1148 р. розгорнулася половецько-візантійська війна, основні події якої розгорталися якраз в межиріччі Серету і Бирладу⁶⁹. Можливо, що ця війна була наслідком попередніх подій 1144 р. А вже на початку 1150-х рр. за візантійським хроністом Іоанном Кіннамом галицький князь Володимирко Володаревич був союзником василевса Мануїла I⁷⁰.

Потім ситуація змінилася. У 1164 р. війна Угорщини з Візантією закінчилась миром. За умовами цього миру спадкоємець угорського престолу Бела мав прибути в Константинополь як почесний заложник. Василевс Мануїл Комнен відразу ж заручив з ним свою єдину дочку Марію. З'явилась ідея візантійсько-угорської унії, котра була небезпечною для Галицького князівства. Тому Ярослав Володимирович, не вагаючись, підтримав претендента на візантійську корону брата василевса Андроніка Комнена. Андронік Комнен був сином Ісаака Комнена та Ірини Володарівни і, схоже, володів руською мовою⁷¹.

У 1164 р. Андронік втік з візантійської столиці. «...і лише він досяг кордону Галицької землі, де розраховував знайти пристанище, як потрапив у пастку деяких мисливців народу волохів», які мало не передали його візантійським властям. Однак принцу вдалося добратися до галицького князя, де він отримав підтримку, що на думку того ж Іоанна Кіннама було порушенням галицько-візантійської угоди⁷².

Пізніше, в пам'ять про перебування в Галицькій землі, Андронік прикрасив розписами палату, яку побудував у Константинополі біля храму Сорока мучеників. Ось як описує ці розписи один з кращих візантійських письменників Микита Хоніат: «Живопис представляв кінську їзду, полювання з собаками, крики птахів, гавкіт собак, погоню за оленями і травлю зайців, пробитого списом кабана і пораненого зубра (цей звір більший казкового ведмеда і плямистого леопарда і водиться переважно у тавроскіфів), сільське життя з його палатками, нашвидко приготований обід із спійманої здобичі, самого Андроніка, власними руками розрубуючого на частини м'ясо оленя або кабана і ретельно піджарюючого його на вогні, і другі предмети в цьому ж роді, які свідчили про життя людини, у котрої вся надія на лук, меч і прудкого коня»⁷³. Судячи з опису – це могли бути степи Нижнього Подністров'я.

Вже в наступному 1165 році відбувся обмін посольствами. Візантійське посольство привезло послання василевса Мануїла Комнина, яке починалося фразою: «Ми не станемо наслідувати Тобі в неприязні, яку Ти без будь-якої потреби показав стосовно нас, відкинувши слова і угоди, в яких Ти клявся раніше»⁷⁴. Це свідчення про наявність кількох угод, які підтверджували союзні стосунки, причому мова йде угоди укладені вже за правління Ярослава Осмомисла. Поряд з тим Візантія пропонувала компроміс. Конфронтація не була вигідна обом сторонам.

Галицький єпископ Кузьма поїхав в Константинополь, де отримав не тільки гарантії для Андроніка, але й нове підтвердження союзу⁷⁵. Галицький князь також відмовився від ідеї шлюбу своєї дочки з королем Угорщини Стефаном III, яким мав бути скріплений галицько-угорський союз. Її заручили з принцом Белою, майбутнім королем Белою III, але видали за князя Мстислава Ростиславича, батька Мстислава Удатного⁷⁶. Наслідком цієї поїздки було і розширення володінь руського монастиря на Афоні у 1169 р.⁷⁷, а також згадка Русі у візантійсько-генуезькій угоді 1169 р.⁷⁸

Євстафій Солунський згадує про часті посольства галицького князя до василевса Мануїла⁷⁹. «Скіфська кіннота», яка брала участь у нещасливій битві візантійського війська проти сельджуцького султана Килидж-Арслана II при Міріокефалоні 17. 09. 1176 р.⁸⁰, була, напевно, галицького походження⁸¹.

Візантія розглядала галицького князя як *hypospondos*, що по візантійській вселенській термінології прирівнювалось до давнього – союзний Риму народ – *socii populi Romani*. Цікаво, що найбільше свідчень візантійських авторів відноситься до Галицького князівства, володар якого часом протиставляється володарю Києва і розглядається як цілком самостійний⁸². Можливо, що саме до тих часів тісних зв'язків з Візантією стосується граффіті в Константинополі на мармуровій балюстраді хорів собору св. Софії: «*Ματφῆνι ποπῆ γαλιχῆσκυ*»⁸³.

На цей період галицький князь реально був найсильнішим з усіх володарів у Київській Русі. Він не мав зовнішніх противників і не боровся за Київ. Його князівство крім усього не було роздроблене на уділи. Варфоломій Англійський (XIII ст.) взагалі

ототожнював Галицьку землю зі всією Руссю: «Галиція дуже обширна область, котра охоплює більшу частину Європи, дуже багата, деякими вона називається Руссю»⁸⁴.

Конфронтація між Візантією і Галицьким князівством наступила лише після загибель Андроніка Комнина (1185), коли до влади прийшла династія Ангелів.

Останнім часом з новою силою розгорнулися дискусії навколо довіри «Слову о полку Ігоревім» як автентичній пам'ятці тобто історичному джерелу. З цього приводу я вже висловлював свою думку, вказуючи на вражливі місця в аргументації Е. Кінана⁸⁵. Опублікована через сорок років після написання книга О. О. Зиміна⁸⁶ також не знімає ряду проблем, зокрема мечів харалужних⁸⁷ (знахідки в с. Харалуг на Волині слідів металургійного виробництва і криці, з якої можна було виготовляти мечі, тоді як знайдені археологами на території Русі клинки належать до імпортованих⁸⁸, а також сумнівність версій етимологій назви «харалуг» і явне нерозуміння цього терміну автором «Задонщини» не дозволяють відкидати такий поважний аргумент, враховуючи, що інформацію про мечі харалужні як і про особливості шоломів латинських жоден фальсифікатор у XVIII ст. не міг знати) чи топографічних реалій околиць Пліснеська в «мутному сні Святослава»⁸⁹ («дебра Кисаня» виявилася реальним топонімом на оболоні Пліснеська⁹⁰, як і Вороняки та Бусова гора). Вийшли нові ґрунтовні дослідження в підтримку автентичності «Слова»⁹¹. Отож, на сьогодні немає підстав відкидати свідчення «Слова» як наративного джерела кінця XII ст.

Тоді фраза «по Дунаю гради укріпив, купцями населив, торгуючими через море во Греки...» відбиває результати діяльності галицького князя Ярослава Володимировича в Нижньому Подністрів'ї та Подунав'ї.

На загибель Андроніка Комнена галицький князь відреагував посольством, про яке згадує Микита Хоніат⁹². Не знайшовши порозуміння з новим імператором Ісааком II Ангелом, князь Ярослав Володимирович вирішив підтримати повстання в Болгарії.

Навесні 1186 р. брати Петро і Асень підняли повстання у Болгарії, яка залишалася візантійською провінцією. Після перших же невдач болгарські вожді відступили за Дунай, а навесні 1187 р. продовжили боротьбу. З ними прийшли «кумани, народ досі вільний, негостинний і дуже войовничий, і ті, що походять з Вордони, які сміються з смерті, гілка тавроскіфів, народ милий богу війни»⁹³. Згадуючи шість разів тавроскіфів у своїй «Історії»⁹⁴, Микита Хоніат постійно мав на увазі руських⁹⁵. «Вордона» може бути спотвореною назвою «бродників», як вважав Ф. Успенський⁹⁶. Стосовно участі бродників в цих подіях погоджується і М. Бібіков⁹⁷. «Вордона» може бути і спотвореною назвою Бирладі. Можливо, що сам галицький князь підштовхнув болгарських сепаратистів після загибель Андроніка Комнена⁹⁸, а коли ті опинилися у скрутному становищі – надав необхідну допомогу.

Докладно аналізуючи аргументи противників версії Ф. Успенського, зокрема грецького історика Ф. Малінгудіса⁹⁹, які вважають, що болгарським повстанцям допомагали тільки кумани-половці, відомий російський візантист Г. Літаврін прийшов до беззаперечного висновку, що «восени 1186 р. у критичний момент розвитку повстання... військову підтримку повсталим разом з половцями надали руські»¹⁰⁰.

Цілий ряд дослідників, особливо румунських, дотримуються версії «волоського» походження Асенів¹⁰¹. Поза сумнівами активна участь волохів у цьому повстанні¹⁰². Територія Бирладсько-Дністровської волості мала змішане слов'янське і волоське населення, тоді як у самій Болгарії присутність волоських масивів не доведена, що і змусило болгарських істориків сумніватися в ролі волохів у повстанні Асенів¹⁰³.

Новий василевс Ісаак Ангел відразу ж вирішив задушити повстання болгар з двох сторін. Угоду з Угорщиною було скріплено шлюбом василевса з юною Маргаритою, дочкою Бели III. Угорський король зайняв ворожу позицію щодо болгарських повстанців та їх союзників. Картина безпосередньої участі галицьких військ у болгаро-дунайській кампанії 1186-1187 рр., як звернув увагу М. Тіхоміров, розгорнена автором «Слова».

У «Слові» читаємо, що Ярослав «заступив королю шлях, замкнув Дунаю ворота». Це явне свідчення блокади проходів у Болгарію. Замкнути Дунаю ворота найкраще було в районі Залізних воріт, в ущелині, де Дунай, затиснутий відрогами Трансільванських Альп і, підступаючими до них з другого боку, горами Магоча. Тоді й фраза «меча бремені через облаки» означала певний реальний факт, спогади про який могли оживити у сучасників картину переправи катапульта і пороків, які разом з лучниками могли «замкнути». Залізні ворота¹⁰⁴. Саме цей епізод міг зіграти вирішальну роль у ході болгаро-візантійської війни. Напевно удар в спину угорських військ міг змінити хід подій або, навіть, привести до повної поразки Асенів. «...рища тропу Траяню через поля на гори» – також ремінісценція болгарської війни¹⁰⁵. За Д. Ангеловим «Троянів прохід» – гірський прохід від Пловдива, званий пізніше Василицею, добре відомий у болгаро-візантійських війнах XII-XIV ст.¹⁰⁶ Саме боротьба в горах та гірських проходах приносила найбільші невдачі візантійцям. Вперті бої в районі круч Гема у 1187 р. проходили за участі тих, що походять з Вордони, які сміються з смерті, гілки тавроскіфів¹⁰⁷, тобто галицької допомоги.

Ярослав Осмомисл і справді «підпер гори Угорські своїми залізними полками». Як свідчать дослідження львівського археолога М. Рожка¹⁰⁸, карпатська лінія оборони була неприступною і тому пізніші походи угорського війська на Галич відбувалися в її обхід через Сянок і Перемишль.

Отже можна стверджувати, що саме позиція галицького князя Ярослава Володимировича і його безпосередня допомога болгарським повстанцям у найскрутніші моменти змусила Ангелів визнати незалежність Болгарської держави. Половецька допомога, яка постійно підтримувала болгарських повстанців, очевидно, пропускала через підконтрольні Галицькому князівству території Нижнього Подністров'я і Нижнього Подунав'я.

Період галицько-візантійської конфронтації був короткочасним. Відновлення візантійсько-галицького союзу відбулося в часи Романа Мстиславича близько 1200 р., коли Добриня Ядрейкович бачив в Константинополі галицьке посольство у складі Твердяти Остромирича, Недана, Домажира і Негвара. М. Котляр навіть вважає, що угода була укладена раніше – у 1197 чи 1198 рр.¹⁰⁹, з чим можна погодитися. Але це вже тема наступної розвідки.

Візантійсько-галицькі стосунки впродовж XII ст. склалися переважно дружньо. Потребуючи прикриття своїх дунайських володінь від постійних нападів кочовиків, Візантійська імперія встановила союзні стосунки з галицькими князями і сприяла їх закріпленню у Нижньому Подністров'ї та Нижньому Подунав'ї. В свою чергу закріплення у цьому регіоні було важливим для галицьких князів перш за все для прикриття важливих торговельних шляхів, які з'єднували її з Візантією та Сходом. Крім того позиція Візантії впливала на позицію Угорщини та київських князів, в чому галицькі князі були особливо зацікавлені. Конфронтація наступила тільки після загибелі василевса Андроніка Комнена, близького родича галицького князя. Разом з половцями галицькі війська зіграли значну роль у відновленні Другого Болгарського царства. Союз Візантії і вже нового політичного об'єднання Галицько-Волинської держави був відновлений в самому кінці XII ст., бо залишався вигідним обом сторонам.

ПРИМІТКИ:

1. Литаврин Г. Г. Русь и Византия в XII веке // Литаврин Г. Г. Византия и славяне. – СПб., 1999. – С. 505-506.

2. Войтович Л. В. Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н. э.: Начальные этапы формирования государственности // *Rossica Antiqua*. Исследования и материалы. 2006 г. – СПб., 2006. – С. 6-39.

3. Войтович Л. Княжа доба на Русі: Портрети еліти. – Біла Церква, 2006. – С. 323.

4. Анна Комнин. Алексиада. – М., 1965. – С. 237.
5. Там само. – С. 236.
6. Васильевский В. Византия и печенеги // *Васильевский В. Труды.* – Т. 1. – СПб., 1908. – С. 101.
7. ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 240-241.
8. Войтович Л. Княжа доба на Русі. – С. 333.
9. Памятники русского права. – Вып. 2. – М., 1953. – С. 26.
10. Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX-XII вв. – К., 1884. – С. 207.
11. Дашкевич Н. П. Грамота Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. // Сб. стат. по истории права, посвящ. М. Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями / Под ред. М. Н. Ясинского. – К., 1904. – С. 366-369.
12. Грушевський М. Історія України-Руси. – Т. 2. – Львів, 1905. – С. 421-422.
13. Мутафчиев П. Избранные произведения. – Т. 2. – София, 1973. – С. 364-365.
14. Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. – М., 1950. – С. 169-171; його ж. Внешняя политика Древней Руси. – С. 194.
15. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. – М., 1951. – С. 143.
16. Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. – М., 1956. – С. 437-438.
17. Фроловский А. В. Чешско-русские торговые отношения X-XII вв. // *Международные связи России до XVII в.* – М., 1961. – С. 75.
18. Зимин А. А. Историко-правовой обзор. Грамота Ивана Ростиславича Берладника // *Памятники русского права.* – Вып. 2. – М., 1966. – С. 30-31.
19. Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X-XIII вв. – Л., 1968. – С. 228-229.
20. Брайтчевський М. Ю. Географічні межі Галицького князівства близько 1185 р. (з коментарів до «Слова о полку Ігоревім») // *Галич і Галицька земля. Збірник наукових праць.* – К.-Галич, 1998. – С. 26-27.
21. Рабинович Р. А. Призрачная Берладь. О достоверности одной фальсификации // *Stratum plus.* – СПб.-Кишинев-Одесса. – 1999. – № 5. – С. 357-407.
22. Войтович Л. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.). Склад, політична і суспільна роль. – Львів, 2000. – С. 152.
23. Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. – СПб., 2001. – С. 220-222.
24. Богдан И. И. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. // *Труды VIII Археологического Съезда.* – Т. 2. – М., 1895. – С. 163-164.
25. Соболевский А. И. Грамота кн. Ивана Берладника 1134 г. // *Труды VIII Археологического Съезда.* – Т. 2. – М., 1895. – С. 173-176.
26. Panaitescu P. P. Diploma barladeana din 1134 si hrisovul lui lung Koriatovici din 1347 // *Revista istorica Romana.* – 1932. – Т. 2. – V. 1.
27. Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма. – Кишинев, 1964. – С. 82-83.
28. Котляр М. Ф. Русь на Дунаї // *УІЖ.* – 1969. – № 9. – С. 20-22; його ж. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. – К., 1985. – С. 78-82.
29. Павлов П. За руското присъствие на Долни Дунав и българо-русские връзки през XI-XII // *Добруджа.* – Сб. 3. – 1986. – С. 12-13.
30. Spinei V. Moldova in secolele XI-XIV. – Chişinau, 1994. – P. 21.

31. *Капитанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X-XVI вв. – М., 1996. – С. 71-72.
32. *Перхавко Б. В.* Князь Иван Берладник на Нижнем Дунае // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. – М., 1996.
33. *Рабинович Р. А.* Призрачная Берладь. – С. 357-358.
34. *Соболевский А. И.* Грамота кн. Ивана Берладника 1134 г. – С. 173-17.
35. *Рабинович Р. А.* Призрачная Берладь. – С. 377-379.
36. *Войтович Л.* Княжа доба на Русі: Портрети еліти. – С. 338, 347.
37. [*Махновець Л.*] Літопис Руський. – К., 1989. – С. 551.
38. *Ратич О. О.* Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. – К., 1957. – С. 60; *Свешніков І. К.* Археологічні роботи Львівського історичного музею в 1952-1957 рр. – Львів, 1959. – С. 12-13; *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западно-русских земель X-XIV вв. – Л., 1967. – С. 12.
39. ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 318-319.
40. ПСРЛ. – Т. 1. – Стб. 311.
41. *Войтович Л.* Княжа доба на Русі. – С. 334.
42. *Рыбаков Б. А.* Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. – 1952. – Вып. 43. – С. 3-44; *Коновалова И. Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. – М., 1999. – С. 164-156. Повний переклади ал-Ідрісі див.: *Al-Idrisi. Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare student».* – Fasc. 1-9. – Neapoli-Romae, 1970-1984.
43. *Петрушевич А.* Было ли два Галичи, княжеские города, один в Угорско-Словацкой области, а другой по сю сторону Карпат над Днестром, или нет // Научный сборник, издаваемый Литературным обществом Галицко-русской матицы. – Вып. 1. – Львов, 1865. – С. 24-49.
44. *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // ИЗ. – Т. 40. – М., 1952. – С. 223.
45. *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV-XV вв.). – М., 1975. – С. 366.
46. *Наумов Е. П.* К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники. 1973 г. – М., 1974. – С. 150-163.
47. ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 505.
48. *Недков Б.* България и съседните земи през XII век според Идриси. – София, 1960. – С. 104-105.
49. *Плахонін А.* Північно-Західне Причорномор'я в «Нузхат ал-Муштак» ал-Ідрісі: спроба географічного аналізу історичного джерела // Історіографічні дослідження в Україні. – Вып. 10. Збірки наукових праць на пошану академіка В. А. Смолія (з нагоди 25-річчя наукової діяльності та 50-річчя від дня народження). – Ч. 1. – К., 2000. – С. 449-457.
50. *Бубенок О. Б.* Аланы-Асы в Золотой Орде (XIII-XIV вв.). – К., 2004. – С. 230-234.
51. *Varnea I.* Elementy dawnej kultury materialnej ruskiej I wschodniej (X-XII w.) w Dinogetia koło Gałacu // Postępy Archeologii. – 1956. – № 5. – S. 211-258.
52. *Spinei V.* Op. cit. – P. 178.
53. *Комша М.* Изделия древнерусских городов на территориях к юго-западу от Киевской Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев, 18-25 сентября 1985 г. – Т. 3. – Вып. 1а. – М., 1987. – С. 100-110.
54. *Рабинович Р. А.* Призрачная Берладь. – С. 357-407.
55. Ці аргументи були зібрані у доповіді Андріяна Шийчука (Румунія) «До питання південних кордонів Галицької Русі (за матеріалами візантійської історіографії)», виголошених на П'ятому міжнародному конгресі українців у Чернівцях 28. 08. 2002 р. на за-

сіданні секції «Галицько-Волинське князівство». На жаль вони залишилися неопублікованими.

56. *Дашкевич Я.* Давній Львів у вірменських та вірмено-кипчацьких джерелах // *Україна в минулому*. – Вип. 1. – К.-Львів, 1992. – С. 10-11.

57. *Grecu A.* Panowanie bułgarskie na północ Dunaju w IX-X w. // *Postępy Archeologii*. – 1956. – № 5. – S. 211-258.

58. *Мавродин В. В.* Русские на Дунае // *УЗЛГУ. Серия гуманитарных наук*. – 1943. – № 87. – С. 12 та ін.

59. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. – М., 1968. – С. 115-116; *Бубенок О. Б.* Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). – К., 1997.

60. *Котляр М. Ф.* Кто такі бродники (До проблеми виникнення українського козацтва) // *УІЖ*. – 1969. – № 5. – С. 95-101.

61. *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв. // *Тихомиров М. Н. Древняя Русь*. – М., 1973. – С. 181.

62. *Тельнов Н. П.* Восточнославянские древности VIII-IX вв. Днестровско-Прутского междуречья // *Stratum plus*. – СПб.-Кишинев-Одесса. – 1999. – № 5. – С. 313-327; *Бырня П. П.* Процесс градообразования в Поднестровье в период раннего средневековья // *Там же*. – С. 328-337.

63. *Версія М.* Котляра не суперечить такой гипотезі (*Котляр М. Ф.* Русь на Дунаї // *УІЖ*. – 1966. – № 2. – С. 19-21; *його ж.* Кто такі бродники? (До проблеми виникнення українського козацтва) // *УІЖ*. – 1969. – № 5. – С. 95-101).

64. *Успенский Ф. И.* Образование Второго Болгарского царства. – Одесса, 1879. – С. 36-37; *Шушарин В. П.* Свидетельство письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Причерноморья пер. пол. XIII в. // *История СССР*. – 1978. – № 2. – С. 43; *Литаврин Г. Г.* Новое исследование о восстании в Паристрионе и образовании Второго Болгарского царства // *ВВ*. – 1980. – Т. 41. – С. 111; *Юрасов М. К.* Поэтический и реальный образ Ярослава Осмомысла // *Образование и Православие*. – 2006 // www.tellur.ru.

65. *Расовский Д. А.* Половцы. III. Пределы «поля половецкого» // *Анналы Ин-та им. Н. П. Кондакова*. – 1937. – Т. 9. – С. 158; *Кудряшов К. В.* О местоположении половецких вож в Северном Причерноморье в XII в. // *ТИЭ. Новая серия*. – 1947. – Т. 1. – С. 109.

66. *Кудряшов К. В.* Половецкая степь. – М., 1948. – С. 125.

67. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. – С. 168-171.

68. *Бибииков М. В.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII-XIII вв.) // *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1980 г. – М., 1981. – С. 119.

69. *Bolşacov-Ghimpu A. A.* La localisation de la cité Byzantine de Demnitzikos // *Revue de etudes Sud-Est Européens*. – 1967. – Vol. 5. – № 3-4. – P. 543.

70. *Ioannis Cinnami Epitome rerum...* / *Rec. E.Meineke*. – Bonnae, 1836. – P. 115.

71. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. – С. 195-196; Про знання мови див.: *Niceta Choniata. De Manuele Comneno*. – Lib. 4. – Cap. 2. – С. 172-173.

72. *Бибииков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. Тексты, перевод, комментарий. – М., 1977. – С. 66.

73. *История Никиты Хониата* // *Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной Академии*. – Т. 1. – СПб., 1860. – С. 420.

74. *Бибииков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам... – С. 66-67.

75. *Войтович Л.* Княжа доба на Русі. – С. 343.

76. Там само. – С. 349.

77. *Мошин В.* Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI-XII вв. // *Byzantinoslavica*. – 1950. – Т. 11. – S. 32-60.

78. Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. – Bd. 3. – Vindobonae, 1865. – P. 35.
79. Биби́ков М. В. Византийские источники по истории Руси... – М., 1981. – С. 76.
80. Choniatae Nicetae. Historia /Rec. I. A. van Dieten. – Berolini, 1975. – P. 247; *Ioannis Cinnami*. Epitome rerum... – P. 267; Из хроники Михаила Сирийца //Письменные памятники Востока. – М., 1984. – С. 83; *Lilie R.-J.* Die Schlacht von Myriokephalon (1176): Auswirkungen auf das byzantinische Reich in ausgehenden 12. Jahrhundert //Revue des Etudes Byzantines. – 1977. – Т. 35. – P. 257-275.
81. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях... – С. 636.
82. Биби́ков М. В. Русь в византийских памятниках и Византия в древнерусских произведениях (к сравнительному изучению) //Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 г. – М., 1989. – С. 168.
83. Welt der Slaven. – № 22. – 1977. – S. 86-88.
84. Матузова В. И. Английские средневековые источники IX-XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. – М., 1979. – С. 74, 76-77, 83-85, 91.
85. Войтович Л. Кілька реплік з приводу дискусії про автентичність «Слова о полку Ігоревім» //Україна в Центральній-Східній Європі. – Вип. 6. – К., 2006. – С. 595-608.
86. Зимин А. А. Слово о полку Игореве. – СПб., 2006.
87. Войтович Л. Чи були мечі харалужні? //ВІА. – 2007. – Вип. 2. – С. 74-79.
88. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. – Вып. 2. – М.-Л., 1966.
89. Стаття з цього приводу готується до друку в черговому томі «Записок НТШ».
90. Гронський Й. Топоніміка літописного Пліснеська //Ольжині читання. Пліснеськ, 10. 10. 2005. – Львів, 2005. – С. 27-35.
91. Зализняк А. А. Слово о полку Игореве. Взгляд лингвиста. – М., 2004; Чернов А. Три имени автора «Слова о полку Игореве». Текст как оттиск личности автора: кто укрылся под псевдонимом Ходына. – 2005 //chernov-trezin.narod.ru.
92. Nicetae Choniatae. Historia. – 3. 323-325.
93. Nicetae Choniatae. Orationes et epistulae. – Berolini et Novi Eboraci, 1972. – P. 93.
94. Ibid. – P. 129. 29-30; 312. 1-4; 333. 50-57; 347. 39-40; 348. 62-65.
95. Литаврин Г. Г. Новое исследование... – С. 111.
96. Успенский Ф. И. Образование второго Болгарского царства. – Одесса, 1879. – С. 35-36.
97. Биби́ков М. В. Византийские источники по истории Руси... – С. 77.
98. Войтович Л. Кілька реплік з приводу дискусії про автентичність «Слова о полку Ігоревім». – С. 597-598.
99. Malingoudis Ph. Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des zweiten bulgarischen Staates //Byzantina. – 1978. – № 10. – S. 49-148.
100. Литаврин Г. Г. Два етюда о восстании Петра и Асеня //Литаврин Г. Г. Византия и славяне. – СПб., 1999. – С. 354-362.
101. Brătianu G. Rechercher sur Vicina et Cetatea Alba. – Bucharest, 1943. – P. 93.
102. Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. – München, 1940. – S. 287; Wolff R. L. The Second Bulgarian Empire. Its Origin and History to 1204 //Speculum. – Vol. 24. – 1949. – P. 167-206.
103. Мутафчиев П. Владелите на Просень. – София, 1913. – С. 6-7; Златарски В. Потеклото на Петра и Асеня на воданите на възстанието въ 1185 год //Списание на Българската Академия на науките. – Т. 45. – София, 1933. – С. 427; Никол П. Второ българското царство. 1186-1936. – София, 1937. – С. 23.
104. Тихомиров М. Н. Киевская Русь //Тихомиров М. Н. Древняя Русь. – М., 1975. – С. 33.
105. Там само. – С. 34.

106. *Ангелов Д.* Съобщително-операционни линии и осведомителна служба във войните и външно-политическите отношения между България и Византия през XII-XIV вв. //ИБИД. – Кн. 22-24. – София, 1948. – С. 219.

107. *Литаврин Г. Г.* Новое исследование... – С. 109-110.

108. *Рожко М. Ф.* Карпатські фортеці доби Київської Русі //Київська Русь: культура, традиції. – К., 1982. – С. 12-20; *його ж.* Тустань давньоруська наскельна фортеця. – К., 1996; *його ж.* Міста, дерев'яне будівництво, наскельні та оборонні споруди Карпат IX-XIV ст. //Етногенез та етнічна історія населення Українських Карпат. – Т. 1. – Львів, 1999. – С. 361-460; *його ж.* Наскельні оборонні комплекси Карпат на території України і Польщі (проблеми дослідження та інтерпретації) //Етногенез та рання історія слов'ян: нові наукові концепції на зламі тисячоліть. Матеріали Міжнародної наукової археологічної конференції. 30-31 березня 2001 року. – Львів, 2001. – С. 268-276.

109. *Котляр М. Ф.* Історія дипломатії Південно-Західної Русі. – К., 2002. – С. 82.

КАНТЕМИР-МУРЗА - ПРЕДВОДИТЕЛЬ БУДЖАКСКОЙ ОРДЫ. СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

С начала XVII в. в истории ногайских кочевников Буджака начинается один из наиболее ярких и интересных периодов, связанный с именем мангытского мурзы Кантемира (Хантимура). Его многолетнее правление буджакскими ногайцами оставило кровавый след в памяти соседних народов. За набеги на земли Речи Посполитой, поляки называли его «кровавый меч», а султан пожаловал титул «блюстителя польско-турецких границ». При Кантемире политический вес и значение Буджакской Орды почти сравнялись с авторитетом самого Крымского ханства, она достигла уровня полунезависимого княжества в составе Османской империи. Никогда, ни до, ни после Кантемира буджаки не были так сильны.

Интерес к личности Кантемир-мурзы, как к вождю Буджакской Орды возник у историков в связи с исследованиями вопросов военно-политической истории Северного Причерноморья начала XVII в. Рассматривая международные отношения в указанный период, исследователи обратили внимание на значительную роль буджаков и их предводителя во внешней политике Крымского ханства и Османской империи. Выдающийся русский востоковед В. Д. Смирнов, опираясь на турецкие и татарские источники, довольно подробно осветил участие Кантемира в борьбе отдельных татарских родов за власть в Крымском ханстве¹.

Украинский историк и литератор П. Кулиш, в одной из своих работ, рассмотрел некоторые аспекты отношений Речи Посполитой и Буджакской Орды во времена правления Кантемир-мурзы. Особенно интересно, в этом контексте, его замечание о том, что Буджакская Орда *«Образовалась из крымских беглецов, которые своевольничали против «перекопского царя» так точно, как донские казаки против царя московского, а запорожские – против короля польского. Буджакские татары охотно повиновались начальникам дунайских пашалыков, лишь бы не быть в зависимости от ханских чиновников, которые раздражали их взиманием известной доли добычи... В начале XVII в. бежал на Буджаки из Крымского юрта мурза Кантемир, и увлѣк за собой целый рой воинственных родственников своих. Белгородские татары стали называться Кантемировой ордой»*².

Большое внимание данному вопросу уделено и в работе советского историка А. А. Новосельского. На материалах архива посольского приказа Русского государства, автор рассматривает наиболее интересные и значительные факты русско-татарской борьбы в первой половине XVII в. Многие страницы исследования посвящены крымско-ногайским отношениям, в частности, конфликту крымских аристократических родов с ногайским родом мансуров, ярким представителем которого был Кантемир-мурза. А. А. Новосельский подчеркивал, что инициатива этих столкновений принадлежала крымской знати, которая не могла согласиться с усилением влияния ногайских мурз на политику хана и значительным возвышением самого Кантемира³.

Среди современных авторов, обращавших своё внимание на личность Кантемир-мурзы, можно отметить небольшую работу Г. О. Аствацатурова, в которой затронута деятельность Кантемира на посту паши Бендер⁴. Некоторые страницы биографии ногайского мурзы рассматриваются в большом монографическом исследовании политической истории Ногайской Орды В. В. Трепавлова. Главной источниковой базой работы, наряду с восточными и западноевропейскими документами, послужили фонды Российского государственного архива древних актов, где хранится обширная ногайско-русская и крымско-русская дипломатическая переписка. По мнению В. В. Трепавлова, *«Главный*

антагонист правящей династии, мангытский карачи-бек Хантимур превратил Буджак в базу для своей борьбы с ханами, фактически обособившись от Крымского государства. Вот эти-то события и могут считаться началом существования Буджакской Орды»⁵.

Западноевропейские наблюдатели в Крыму и Речи Посполитой очень подробно описывают события продолжительной междоусобной борьбы крымско-татарских группировок в первой трети XVII в., дают оценки Кантемиру и ногайским мурзам, их роли в конфликте Бахчисарая с Османской империей. По достоверности и информированности европейские источники можно разделить на путевые записки, дневники людей лично посетивших Крым в первой трети XVII в.; мемуары участников Хотинской войны 1621 г. и последующих мирных переговоров, отчёты посольских миссий; хроники и летописи; наконец, деловая переписка государственных и военных деятелей.

К подобного рода литературе можно отнести записки монаха-доминиканца Жан де Люка – «Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин», который в 1620-х годах объехал Крым, Северный Кавказ и Закавказье. Он описал расселение, образ жизни и быт ногаев – подданных крымского хана, в том числе и буджаков⁶. Его соратник по ордену – Эмиддио Дортелли де-Асколи в это же время наблюдал политическую жизнь Крыма изнутри, так как прожил там более десяти лет. На основе своих личных наблюдений и расспросов доминиканец составил «*Descriptione del Mar Negro e della Tartaria*» («Описание Чёрного моря и Татарии»), где в подробностях рассказал о восстании Кантемира против хана Мухаммед-Гирея и его брата калги Шагинь-Гирея⁷. В 1630 г. на Украину приезжает французский военный инженер Гильом де Боплан, его пригласило правительство Речи Посполитой для строительства пограничных крепостей. По возвращению на родину де Боплан пишет «*LA DESCRIPTION D'UKRANIE*» («Описание Украины»). На службе он сталкивался, в основном, с буджакскими ногайцами и выразил свои впечатления о воинском деле, общественных отношениях и положении ногайской знати в Крыму⁸.

Весомое место среди источников занимают документы мемуарного характера. Примером такой литературы могут служить записки Якова Собесского «История Хотинского похода». Яков Собесский о татарах знал не понаслышке. Сын люблинского воеводы, он получил образование в Краковской академии и активно участвовал в политической жизни своей страны. Несколько раз он назначался комиссаром от сейма для сопровождения армии, принимал участие в работе Государственного совета, присутствовал на посольских приёмах. В записках наибольший интерес вызывает описание тактики буджакских татар в ходе Хотинской компании, и информация о сложных отношениях между Кантемиром и ханом Джанибек-Гиреем⁹.

Набегами буджакских татар обеспокоен и знаменитый киевский воевода, польский коронный гетман Стефан Жолкевский. В его «Записках о Московской войне»¹⁰ и письмах к королю эта тема проходит красной нитью¹¹. Победитель Северина Наливайка, активный участник событий «Смутного времени» в России, человек откровенно презрительно относившийся к украинскому казачеству, надежда и защита Речи Посполитой, он всю свою жизнь посвятил борьбе с турками и татарами и погиб в битве с Кантемиром.

Ценный немецкий источник по истории Хотинской войны 1621 г. – «Вести из Валахии» (1622). Это – дневник неизвестного немецкого офицера, непосредственного участника Хотинской войны, наёмника в войске Речи Посполитой. В дневнике события освещаются с 26 августа по конец октября 1621 г., до возвращения войска из-под Хотина во Львов¹².

Большой интерес вызывает также официальный отчет великого посла Кшиштофа Збаражского о его дипломатической миссии в Стамбул в 1622-1623 гг. О том, кому предназначалось «Донесение» можно судить по часто встречающемуся в тексте обращению «Ваше королевское величество» (WKW). Основной целью посольства было утверждение

Хотинского договора 1621 г. Кроме того, К. Збаражскому поручалось выкупить из плена оставшихся в живых участников сражения при Цецоре, добиваться смещения Кантемира с поста бейлербея Силистры, и Стефана Томши с поста молдавского господаря. О том, как послу удалось выполнить эти поручения и рассказывается в его отчете¹³.

Как источники по данному вопросу, обращают на себя внимание и польско-турецкие мирные соглашения первой четверти XVII в.: «Договор Османской империи с Польшей 1607 г.»; «Бушевский мирный договор», подписанный в сентябре 1617 г. у местечка Яруга на Днестре С. Жолкевским и силистрийским бейлербеем Искандерпашою; «Хотинский мирный договор 9 октября 1621 г.» и «Польско-турецкий договор 1623 г.». Значительный интерес представляет также и «Каменецкая хроника», составленная Агопом, а позже отредактирована, дополнена и продолжена его родным братом Аксентом в 1650-1652 гг. на армянском и кыпчакском языках. Агоп и Аксент – представители армянской аристократической верхушки г. Каменца. «Хроника» Агопа и Аксента отражает события, происходившие на Правобережной и Западной Украине, в Молдавии и Валахии, но главным образом в самом Каменец-Подольском с 1430 по 1652 г. Наиболее важная для нас часть хроники относится к периоду обострения польско-турецких отношений, кульминацией которого стали битва под Цецорой и Хотинская война¹⁴.

Важным источником по истории Крыма XVI-XVII в. служит труд крымского историка XVIII в. Саид-Мухаммед Ризы «Ас-саб ас-сийар фи ахбар-и мулук-и татар» («Семь планет в известиях о татарских царях») – краткое описание царствования семи ханов с 1445 г. по 1745 г. Здесь также рассматриваются ногайско-крымские отношения после расселения мангытов в Крымском Юрте¹⁵.

Практически ничего не известно о дате рождения ногайского мурзы. Сам Кантемир был из рода крымских-мангытов мансур и, по мнению А. А. Новосельского, являлся потомком знаменитого мурзы Дивея, нападавшего много раз на земли Речи Посполитой, Московской Руси ещё во времена Ивана Грозного, и умершего в русском плену¹⁶. Распад Большой Ногайской Орды и образование со второй половины XVI в. целых трёх ногайских улусов привело и к появлению в них своих собственных беков. Потомки Дивея ибн Хасана придерживались старых обычаев: старший в их семье становился мангытским беком. По данным русских источников 1610-1620 гг., мангытскими верховными беками (карачи) в Крыму были Азамат и Али, а беками так называемого Дивеева улуса были Багадур (Бахадур), затем Али, за ним – Кантемир (Хантимур)¹⁷.

В начале XVII в. Кантемир перебрался из Крыма в Буджак вместе со своими многочисленными соплеменниками. Являясь типичным представителем степной кочевой аристократии, от других ногайских мурз Кантемир, может, отличался лишь большей решительностью, воинской удачей и организационным талантом.

Относительно родоплеменного состава Буджакской Орды в начале XVII в. историки не пришли к единому мнению. Одни считают, что она сложилась из родов «Малого Ногай», другие предпочитают здесь видеть только едисан, третьи связывают её формирование с крымскими мансурами. Вероятно истина, как обычно, находится где-то посередине. Некоторые итоги дискуссии подвёл В. В. Трепавлов. Известно, что основную часть буджакских ногайцев составляли рода Урак-улу и Урмамбет-улу. По его мнению: «Урак-улы – это не что иное, как Ураковы, т. е. казыевские мирзы потомки Урака ибн Алчагира, а Урмамбет-улы – хорошо знакомые нам Урмаметевы из Больших Ногаев. Следовательно в Буджаке собрались остатки обеих ногайских Орд после их распада»¹⁸.

Уже в самом начале своего пребывания в Буджаке, в январе 1606 г. Кантемир пытается напасть на окрестности Немирова и Винницы, но разведка вовремя известила поляков о намерении татар, и он получает отпор от войск гетмана С. Жолкевского у села Каравайны¹⁹. С такого, на первый взгляд, незначительного эпизода польско-татарских

столкновений и начинается многолетняя непримиримая борьба этих, безусловно, выдающихся людей своего времени.

Параллельно с приходом новых ногайских сил из Крыма и Поволжья возвышению Кантемира способствовали также и ряд других немаловажных военно-политических и экономических факторов. А именно:

1) Османская империя нуждалась, после завершения войны с Австрией 1593-1606 гг., в пополнении людскими ресурсами своих придунайских провинций, так как Буджак и Молдавия – территории весьма далёкие от основного театра военных действий, также пострадали в ходе войны (поход 20 тыс. венгерского отряда на Бендеры и мужественная борьба с турками господаря Валахии Михаила Храброго)²⁰. Принимая во внимание этот момент, османские власти спокойно отнеслись к новому массовому переселению ногайцев на земли к западу от Днепра.

2) Разгром и подавление гетманом Стефаном Жолкевским казацко-крестьянского восстания под руководством Северина Наливайка и Григория Лободы 1594-1596 гг. и гибель многих запорожцев на некоторое время ослабило украинское казачество, обеспечив, тем самым временную передышку для турок и татар от казацких наездов.

3) Правительство Речи Посполитой, в очередной раз и надолго, увязло на востоке, пытаясь посадить на московский трон своего ставленника, что конечно, могло отвлечь внимание польской дипломатии от южных границ.

4) Нападения калмыков в 1608 и 1613 годах вынудили улусы бия Большой Ногайской Орды Иштерека перейти на правый берег Волги, разорвать свои вассальные отношения с Москвой и искать покровительства у султана²¹.

Толчок, данный калмыками волжским ногайцам, отозвался на кочевниках всего Северного Причерноморья и вызвал новые нападения татарских орд на земли Речи Посполитой и Московской Руси. Не случайно именно в годы «смутного времени» А. А. Новосельский отмечает повышенную активность татар и указывает, что в набегах на русские земли участвовали все татарские силы – крымские татары, Малые и Большие Ногаи и даже Белгородская Орда²². Предводитель Большой Ногайской Орды князь Иштерек сначала был верным московскому правительству, однако, когда он убедился, что законный русский царь Василий Шуйский не в состоянии вновь захватить восставшую против него Астрахань, он вторгся в Московские земли с войском около 100 тыс. ногайских всадников и захватил большой полон.

Согласно его официальному заявлению, это было сделано ногайскими татарами для того, чтобы наказать неверных подданных русского царя. В действительности, однако, князь Иштерек восстановил в 1608 г. Ногайское княжество в качестве независимой страны и открыто принимал в своей столице Сарайчик послов турецкого султана, крымского хана и Бухары. Крымский хан Селамет-Гирей предложил, чтобы Большая Ногайская Орда и Крым начали совместно кампанию против Москвы. Аналогичное предложение было сделано в 1610 г. ногайским князем Петром Урусовым, который убил русского самозванца Дмитрия II, и его союзником Ураз-Махметом, правителем Малой Орды. Оба они получили поддержку со стороны С. Жолкевского.

Из воспоминаний С. Жолкевского известно, что Кантемир прибыл под Серпухов в июле 1610 г. как союзник русского правительства: *«Шуйский употребил все средства, какие только мог. Он призвал татар, сделавши им подарки. Двое знаменитых мурз – Батербий и Кантемир-мурза привели с собой до 15 тыс. татар и почти во время самой битвы при Клушине, узнав от взятых языков о потере сего сражения, не хотели переправляться с табором на ту сторону Оки, а выслали только 4 тыс. человек»*²³. Московские разрядные записи свидетельствуют о более представительном составе татарского войска: *«Того ж лета приходили ис Крыму царевич, да Араслан князь Сулешев, и мурзы на помощь; и царь Василей посылал к ним под Серпухов боярина князя Бориса Михайловича Лыкова да околничего Ортемья Васильевича*

Измайлова с людми. И царевич и мурзы на бой к вору не пошли, воротились назад, а Колуской вор прииош под Москву и стал под Коломенским»²⁴.

Упомянутые события относятся ко времени правления царя Василия Шуйского (1606-1610). Военные успехи объединенных русско-шведских войск во главе с племянником царя М. В. Скопиным-Шуйским в начале 1610 г. не спасли царствование Шуйского. Заключительную точку поставило поражение, нанесенное С. Жолкевским под селом Клушино 24 июня 1610 г. войскам царского брата, воеводы Дмитрия Шуйского. И действительно, ногайцы и не собирались помогать русским. Вступать в бой с превосходящими силами польской армии было не в их интересах. Они лишь воспользовались ситуацией для грабежа окрестных селений, и обременённые добычей ретировались с театра военных действий.

Как известно, военные неудачи нового русского царя привели к дворянскому мятежу, которым руководил З. Ляпунов. 17 июля 1610 г. царя отстранили от престола и насильно постригли в монахи. Власть перешла к боярскому правительству – «Семибоярщине», которое заключило договор с гетманом С. Жолкевским о призвании на русский трон польского королевича Владислава. В. И. Шуйский был вывезен в Польшу и умер в заточении²⁵.

Примерно до 1617 г. источники связывают наезды буджакских ногаев на земли Речи Посполитой с именем бека Багадура (Батырбий у Жолкевского – С. Г.). Кантемира упоминают значительно реже – видимо молодой мурза ещё находился в тени своего старшего родственника. Тяжело, что-нибудь сказать об их отношениях, источники молчат по этому поводу, и нет никаких сведений о конфликтах между двумя этими влиятельными мурзами. В письме от 17 мая 1615 г. С. Жолкевский сообщает, что силестрийский бейлер-бей перешёл Дунай и у Аккермана (Белгорода) ждёт подхода основных сил из Румелии, чтобы вместе с белгородскими (буджакскими) татарами и ханом идти на Польшу, и отомстить за казацкие нападения на турецкие приморские города. Батырбий уже выдвинулся было на границу, но султан отозвал его: «...чтобы людей и коней не морить», до соединения с другими отрядами. Поход состоялся в сентябре того же года, под началом хана Джанибек-Гирея, с участием ногайцев Батырбия²⁶.

В письмах и речи Жолкевского на сейме в Варшаве 1618 г., других источниках довольно подробно представлена хронология событий за последние несколько лет: 1612 г. – поход Буджакской Орды на Каменец; 1614 г. – поход Батырбея на Украину; 1615 г. – морской поход запорожских казаков на предместья Стамбула. Как уже отмечено выше, в отместку крымский хан в августе-сентябре, тремя колоннами вторгается в Подолию и Вольнь, левым флангом татарского наступления командовал Батырбей²⁷.

Если верить сведениям русских послов в Крыму И. И. Спешнева и Б. Нестерова, поход был довольно удачным для татар. Хан Джанибек-Гирей подошёл к Очакову, где соединившись с отрядом бендерских янычар, двинулся на Подолию. Информаторы послов – крымские мурзы, уверяли, что, не трогая населённые пункты, войско прошло далеко в глубь польской территории, до Тернополя, Бара и Львова и только здесь хан распустил свои коши для грабежа. По словам одного из пленных – уроженца Львова Якуба Квасневского, в Крым пригнали около 12 тыс. человек, но многие пленные были изрублены на переправе через Днепр, когда закончилось продовольствие для полона²⁸.

В тоже время, когда ногайцы Кантемира, совместно с татарами Иштерека (Большой Ногай) и казиевцами (Малый Ногай) весной 1615 г. ходили на московские «украины», это вызвало бурную реакцию Бахчисарая. Хан велел своим дворовым людям отобрать у них награбленное и переселить ногайцев, вместе с семьями, во внутренние области Крыма. Видимо, на тот момент для хана и его сюзерена – султана нападения украинских казаков и военная угроза турецким владениям в Крыму представляли куда более важную реальность, чем грабёж земель московского царя²⁹.

А запорожцы не заставили себя ждать. Уже следующей весной 1616 года казаки совершили стремительный поход на судах. Сначала спустились по Днестру до Аккермана, сожгли посад и татарские сёла вокруг крепости; затем морем дошли до устья Дуная и разграбили богатые торговые пристани – Килию, Бабадаг и др.³⁰ Это был отвлекающий манёвр казацкой флотилии, основные силы запорожцев под руководством Сагайдачного напали на Кафу, Азов, Синоп и Трапезунд³¹.

Тем не менее, несмотря на столь бурные и опасные для татар события пограничной войны, с каждым годом росли силы и авторитет Кантемир-мурзы. Зимой 1616-1617 гг. силы татарских мурз разделились на два направления: крымские татары пошли на Канев и Белую Церковь, а ногайцы Кантемира в сторону Львова. Почти не встретив сопротивления, с богатой добычей они возвращаются на зимовку к Аккерману. Следующий поход весной 1617 г. в район Каменец-Подольского проходит практически без потерь³².

Особенно ярко талант Кантемира проявился во время польско-турецкого конфликта вокруг претендентов на место молдавского господаря в 1617 г. Поляки стремились ослабить турецкое господство в Молдавии и посадить господарем там своего ставленника. Чтобы предотвратить нежелательный для себя ход событий, турецкая армия, возглавляемая Искандер-пашою, вошла в Молдавию, имея намерение продвигаться далее на север – в Подолию.

По данным С. Жолкевского, турецкое войско насчитывало 30 тыс. чел. К нему присоединились отряд волохов – несколько тысяч, 12 тыс. венгров трансильванского князя и 20 тыс. татар. Гетман предупредительно выслал посла – парламентаря с предложением мирных переговоров, посол застал Искандер-пашу у Бабадага, где паша сам назначил место встречи двух враждебных сил – на Днестре. Переправившись через Дунай в районе «Tulczyku-Smilin» (крепость Измаил – С. Г.), турецкая армия подошла к назначенному месту. Противники встретились на берегу Днестра возле местечка Яруга (современная Винницкая область). Кантемир совершил обходной манёвр, в надежде, что Жолкевский разделит свои силы. Отряды ногайцев ворвались в Подолию и взяли Рашев, остановившись в 20 верстах от Каменца. Но гетман не поддался на эту уловку³³.

До столкновения между поляками и турками дело не дошло. Польское правительство не было заинтересовано в большой войне с Османской империей, так как в это время готовился очередной поход на Москву, с целью посадить польского королевича Владислава на русский трон. Именно С. Жолкевский, как опытный стратег и воин, должен был сыграть в нём важную роль. Поэтому, в Варшаве решили отказаться от намеченных планов в Молдавии, и пойти на попятную. Перспектива большой войны с Польшей не устраивала и турок, занятых войной с персидским шахом. Если верить Жолкевскому, крымский хан с большой частью войска к осени 1617 г. уже переправился на кораблях в Трапезунд на помощь султану и многие татары, не желая участвовать в Персидском походе, ушли к Кантемиру³⁴.

23 сентября 1617 г. у местечка Яруга Искандер-паша и гетман С. Жолкевский заключили соглашение – так называемый Бушевский договор, по которому поляки пошли на некоторые уступки – согласившись выплачивать татарам ежегодные «упоминки», не вмешиваться в молдавские дела и запретить казакам «ходить на море», то есть нападать на турецкие корабли и приморские города. Со своей стороны турки обещали удерживать татар от нападений на земли Речи Посполитой³⁵. Примечательно, что ещё до подписания договора, на военном совете в ставке Искандер-паши Кантемира ознакомили с его текстом. Однако мурза потребовал от паши битвы с Жолкевским и активно протестовал против мирного соглашения. Он прямо заявил туркам, что не будет выполнять его условия и не прекратит набеги на Польшу. Долго не раздумывая, мурза тут же исполнил обещанное, не подчинился приказу Искандер-паши и 17-21 сентября, пройдя 50 польских миль, учинил набег в район Самбора и Галича, а на обратном пути, двигаясь через

Бессарабию, ограбил подданных господаря Молдавии – вассала султана, демонстрируя тем самым своё недовольство и вызывающее неповиновение представителю османского государства³⁶.

С течением времени изменилось и отношение к татарам со стороны правящих кругов Речи Посполитой. Если в феврале 1605 г. польский канцлер Ян Замойский на Варшавском сейме мог открыто и пренебрежительно говорить о татарах, называя их слугами: «Они отзываются к нам с великой дружбой, но и поминков домогаются. Это не удивительно. Наши слуги, когда им что-либо нужно, у нас просят и мы должны дать им. Так и татары; они теперь бедны, поэтому и ищут у нас помощи. Я полагаю, не мешает иметь на своре эту борзую собаку; при случае ее можно спустить и схватить посредством ее что-либо»³⁷; то в польско-турецком договоре 1607 года (в пункте 10), указывалось об обязательной уплате «упоминок» хану и прямой зависимости от этого безопасности польских границ: «До тех пор, пока король платит его высочеству татарскому хану то, что положено по традиции, и не нарушает мира, со стороны хана и его войска не должно наноситься никакого ущерба землям и людям короля, его права следует соблюдать»³⁸.

Пункт первый договора составленного Искандер-пашою и Жолкевским под Яругой запрещал казакам выходить в Черное море и обязывал поляков «усмирить и покарать землю (запорожского) войска и самих казаков». В пункте втором стороны договорились, ссылаясь на прежний договор с Яном Замойским от 1595 г., что «обычные дары в дальнейшем брать чаушу светлейшего султана и послу хана к его королевскому величеству». В четвёртом пункте договора Жолкевский обещал не поддерживать претендентов на молдавский престол: «Обещаем: тем, кто захочет туда вступить, ни войском, ни деньгами помогать не будем»³⁹.

На первый взгляд поляки потерпели дипломатическое поражение, им пришлось отказаться от Молдавии. Но это был единственно верный шаг, Речь Посполитая не выдержала бы войны на два фронта. Сложность ситуации хорошо понимал король Сигизмунд III, настоятельно напоминая комиссарам сейма на переговорах в Москве в июне 1618 г. «...что не видать никаких способов для продолжения сей войны, не только по причине сделанной Нам на прошлом Сейме от всех станов декларации, но и от нового приближения неверных к Нашим пределам, для уничтожения пограничных замков»⁴⁰.

Правоту короля можно проиллюстрировать словами знаменитого армянского писателя XVII в. Симеона Лехаци. Возвращаясь во Львов в 1619 г., он записал в дневнике: «Приехав в Молдавию, я увидел страну разорённой и безлюдной. Точно так же, въезжая в Польшу, я увидел разрушения и развалины, оставшиеся после татар. Много городов, сёл, деревень, посёлков и крепостей были безлюдны... ибо нечестивые татары два-три раза в год, подряд, никого не страшась и не боясь, приходили и уходили, сжигали и убивали, грабили, а прочих уводили в плен в свою страну»⁴¹.

Естественно, что такой договор не мог удовлетворить амбиции Кантемира, запрещение набегов лишало ногайцев источника доходов, «упоминки» же, целиком получал хан. Обе стороны не собирались выполнять условия договора, о чём свидетельствуют следующие события. 1618 год начался с двух удачных набегов буджакских и крымских ногайцев под предводительством Адиль-мурзы Дивеева. Согласно информации русского посольства в Крыму ногайцы дошли до Львова и вернулись с большой добычей: «А бою им с литовскими людьми не было нигде, приходили безвесна...»

Тем не менее, во время осеннего похода калги Девлет-Гирея и Кантемира удача отвернулась от татар. По замыслу силестрийского бея Искандер-паши, татары должны были прикрывать турецкий отряд во время строительства укреплений на Днепре от нападений казаков. Однако калга отказался подчиниться приказу и экспедиция сорвалась. Вместо этого он занялся делом, на его взгляд, более выгодным, чем охрана турецких

строителей. Выйдя из Аккермана, Девлет-Гирей с ногайцами двинулся по привычному маршруту в Подолию.

На этот раз Жолкевский сделал выводы из прошлых неудач и загодя предупредил шляхту пограничных провинций о готовящемся нападении. Распустив свои отряды на обширной территории от Винницы и Ямполья, до Бара и Тернополя татары захватили полон и попытались было вернуться другой дорогой – Черным шляхом на Днепр и в Крым.

Гетману Жолкевскому удалось в нескольких сражениях разбить отряды калги и Кантемира и отбить большую часть полона. Сам Девлет-Гирей вернулся в Крым 5 ноября (по старому стилю) с «..немногими людми», но большая часть войска ушла в Аккерман (Белгород) из-за невозможности переправиться через Днепр – «..что на Днепре вода была велика и студёна... и лошади у татар на Днепре многия патанули». В сражении с войсками гетмана погибло несколько видных ногайских и крымских мурз – Джан-мурза, Янашь-мурза, князь Олександр Урусов «..и иных многих мурз и чёрных татар побили. И в Крыме колгу осудили, что он на премой бой к таборамъ ходил и людей многих потерял..»⁴² Кантемир же благополучно вернулся к себе в Буджак в ожидании более удобного случая. Вскоре ему представилась возможность свести счёты со своим давним обидчиком и заклятым врагом С. Жолкевским.

Нельзя сказать, чтобы поляки заблаговременно не готовились к новым нападениям. На Сейме 1619 г., с подачи короля, было принято решение о введении нескольких новых налогов на содержание 24-х тысячной армии для борьбы с татарами, а в случае выступления османских войск объявлялось «посполите рушение». Кровавопролитная битва турок и татар с польским войском в сентябре 1620 г. на полях Цецоры закончилась полным разгромом поляков и гибелью их предводителя гетмана Станислава Жолкевского. Катастрофа под Цецорой стала для Польши грозным предупреждением, а для Кантемира ещё одной ступенькой к славе и власти. По мнению современников, этой победой турки во многом были обязаны ему и другим ногайским мурзам.

Вот как говорит о Цецорской битве автор «Каменецкой хроники» Агоп: *«1620 (1069) от Р. Х., 19 (9) сентября, суббота, Рождество Богородицы. Состоялась битва при Цецоре нашей польской армии с турками и татарами. В этой битве во главе турецкого войска стояли Искендер-паша и Сарымсак-паша, во главе татарского – калга-султан, брат татарского хана, под началом которого находилось 120 тысяч татар. А турок было 8 тысяч. А во главе нашего польского войска были канцлер Жолкевский, полный гетман Конецпольский, князь Корецкий и Струсь, у которых было 12 тысяч боеспособных людей. А всего было около 20 тысяч человек. В тот же день они выступили из укреплений, схватились с турками очень мужественно, так что бились с самого утра и до вечера. Уже опустилась тьма, когда остановились. В этой битве погибло много неверных татар; были погибшие и с нашей стороны. После такого несчастья в том цецорском укреплении наше войско просидело восемь дней... Наконец наше войско было вынуждено, обороняясь, уйти из Цецоры, поскольку стало не хватать продовольствия. И во время отступления бились в пути каждый божий день, ибо неверные не давали и часа передышки. Черной тучей окружив со всех сторон лагерь, неустанно с четырех сторон атаковали с громкими криками и возгласами – и во время отхода, и на марше, и на привалах... Но вот на расстоянии около полуверсты от Днестра наше войско остановилось на ночлег. Среди наших и казаков вспыхнули распри, стали они нападать друг на друга. А к этому времени неверные татары уже было успокоились и не рассчитывали добиться какого-либо результата, а многие из них даже отстали, только Хантемир-мурза с 12 тысячами татар был поблизости. И когда услышал, что в лагере начались распри, то сразу с теми 12 тысячами напал на лагерь и прорвал его, а затем подоспели и*

остальные татары. Наши в панике стали разбегаться – и кого зарубили, кого схватили живым, кто утонул в Днестре, а некоторые спаслись. Вот так и перевернули лагерь вверх дном. А канцлеру Жолкевскому отрубили голову. Польного гетмана Конецпольского схватили молдаване и передали Искендер-паше...»

Вместе с Кантемиром в битве принимали участие калга Давлет-Гирей и родственники ногайского вождя – Адиль-мурза Дивеев, Урак-мурза (его зять), всего 25 тыс. крымских и ногайских татар и 8 тыс. турок. Ясно, что именно Кантемир с 12 тыс. своих ногайцев прорвал оборону лагеря Жолкевского и решил судьбу сражения⁴³. Как видим, под Яругой и Цецорой предводитель Буджакской Орды вёл себя как вполне самостоятельная политическая фигура, активно влияя на польско-турецкие отношения с выгодных ему позиций.

Возможно, и Хотинский поход султана Османа 1621 г. начался, не только из-за морских походов запорожских казаков на турецкие портовые города, но и из-за провокационных набегов Кантемира на Украину, который сознательно поддерживал напряжение на границах Подолии и «Дикого поля». В результате, эта война вознесла Кантемира на небывалую для ногайского мурзы высоту, и напротив, весьма сильно пошатнула авторитет и положение крымского хана Джанибек-Гирея (1610-1622) в глазах султана. Практически все участники Хотинской компании со стороны Речи Посполитой, оставившие нам свои воспоминания, в один голос отмечают удачные действия Кантемира.

В первые дни осады польского лагеря, Кантемир перекрыл дорогу на Каменец, тем самым, отрезав армию Ходкевича от основной базы снабжения. Затем, спустя некоторое время, он с 50 тыс. татар двинулся на Замостье и Люблин, грабя и сжигая всё на своём пути, и возвратился в турецкий лагерь через пятнадцать дней с большой добычей⁴⁴.

Вот как описывает, например, его тактику Яков Собеский: *«Мурза Кантемир, ободрённый постоянными удачами во многих предыдущих войнах с поляками, пожелал дать почин в наступательной войне. Он укрылся в лесу с пяти тысячным отрядом старых и опытных татар и послал своего брата во главе двух тысяч, поручив ему, напасть врасплох на польскую стражу, а те с диким криком привели в смятение наш лагерь»⁴⁵.*

Отрезав польскую армию от баз снабжения, Кантемир поставил Ходкевича в очень сложное положение. В лагере распространялись болезни и голод, дисциплина падала, участились случаи дезертирства и самоубийства. По словам немецкого офицера – автора брошюры «Вести из Валахии»: *«Редко в каких войнах приходилось испытывать такие тяготы, какие были в Валахии, когда ели собак и кошек. Некоторые говорили, что в осажденном Смоленске в Московии, хоть и приходилось есть собак и кошек и не иметь по десять, по двенадцать дней хлеба, но по крайней мере там можно было достать хорошее питье. Здесь же хорошей воды не было четыре недели... Дорогу нельзя было удержать под контролем, так как нельзя было построить мост через Днестр. На той стороне реки татары делали свои набеги: все опустошали, убивали, угоняли к туркам многих людей из подольской шляхты, мужчин и женщин, угоняли быков и лошадей. Мы были, по сути, окружены с двух сторон: татарами с одной стороны, турками – с другой»⁴⁶.*

Невзирая на провальные для турок результаты войны, султан Осман II (1618-1622) остался доволен действиями Кантемира, наградил его должностью силистрийского бейлербея, то есть – пашы Силистры, Очакова и Бабадага и титулом «блюстителя турецко-польских границ»⁴⁷. В руках ногайского мурзы оказались доходы целой провинции Османской империи, его власть распространялась от Очакова до Добруджи включительно, с такими торговыми центрами как Аккерман, Килия, Измаил, Силистра и др. Фактически, в данном случае Порта повторила приём, опробованный ещё во времена крымского хана Гази-Гирея (1588-1608), когда султан предоставил хану доходы Силистрийского бейлербейства для возмещения убытков, понесенных татарами во время

венгерского похода 1598 года. Но Гази-Гирей был царствующим монархом, а Кантемир не принадлежал к многолюдной династии Гиреев.

Не удивительно, что такой взлёт ногайского предводителя вызвал острое недовольство Джанибек-Гирея и крымской аристократии. Ханское самолюбие было уязвлено слишком большой, не по рангу, султанской наградой. Яков Собесский отмечал: «Татарский хан в своём диком тщеславии с презрением смотрел на Кантемира, низшего по происхождению и общественному положению, его собственного подданного. Который, однако, пользовался большим почётом у всех турок и у самого Османа, и сделан был правителем Силистрии и Бессарабии, несмотря на то, что были люди старше его»⁴⁸.

Вероятно, в этот период Кантемиру удалось утвердить свою фактическую независимость от Крыма. По сообщениям русских дипломатов, он во время Хотинского похода «...отъехал к турецкому», а жена его, находившаяся в Крыму, бежала под защиту турок в Кафу⁴⁹. Султан принял его под своё покровительство и потребовал от Джанибек-Гирея выдачи его семьи, имущества и улусных людей. Таким образом, Кантемир стал главой, уже официально, Буджакской Орды, подчинённый непосредственно султану, и крупнейшим сановником Османской империи. В связи с этим, как уже было отмечено выше, в современной ногаеведческой литературе появилась тенденция связывать начало существования Буджакской Орды именно со времени обособления Кантемира от Крымского ханства.

К сожалению, у нас нет данных о том, каким был политиком и администратором Кантемир на должности силистрийского бейлербея, да и занимал он этот пост очень короткое время. Громкое имя его породило среди историков суждения о большом фортификационном строительстве между Днестром и Дунаем в период правления ногайского мурзы. Некоторые историки ошибочно считали его основателем крепости Татар-Бунар, построенной на дороге между Аккерманом и Килийей, ему приписывают реконструкцию крепости Бендер – насыпка земляного вала с башнями и артиллерией⁵⁰. Можно только говорить уверенно то что, политика Кантемира в отношении Речи Посполитой не претерпела никаких изменений и после его возвышения.

Польский дипломат князь Кшиштоф Збаражский – посланник короля в Стамбуле для подготовки нового договора, считал главным и самым серьёзным препятствием для мира с турками крымских и белгородских татар: «Белгородскими повелевает Кантемир, убрать которого турки, безусловно, не захотят, поскольку он хорошо их поддерживает против казаков в нынешних мирных условиях. Этот Кантемир многие пустующие земли заселил ногайскими татарами, к которым он сам принадлежит, сильно укрепился и продолжает укрепляться. Если сперва их было 5-6 тысяч, то сейчас наберётся до 20 тысяч. Начал было проникать в Молдавию, и если будут продолжаться казачьи набеги, вероятно, ему разрешат расселить их до Днестра. Этот Кантемир объединился теперь с крымским ханом, у них одни кочевья, замыслы одинаковые»⁵¹.

И действительно, в деле борьбы с казаками Кантемир и Джанибек-Гирей были едины. В период Хотинской войны Буджакская Орда очень сильно пострадала от запорожцев. В самом начале войны казаки под предводительством гетмана Бородавки, сменившего на короткое время П. Сагайдачного, вошли в Молдавию и в сражении с турецко-татарским войском убили силистрийского бейлербея Хусейна. Затем, в сентябре 1621 г. 80 казацких чаек напали на мост через Дунай, а другой отряд погромил близлежащие посёлки татар и турок, жители которых вынуждены были бежать под защиту турецкого гарнизона в Измаиле⁵².

В отчёте о ходе переговоров с турецкими сановниками К. Збаражский отмечает большое значение набегов Кантемира в польско-турецких отношениях. Фактически, это единственный вопрос, по которому стороны долго не могли прийти к согласию. Если финансовые вопросы – выплата ежегодной дани, подарки султану и сановникам,

выкуп пленных и т. д. были благополучно решены, то вопрос об удалении из Буджака Кантемира стал камнем преткновения этих переговоров. Султанское правительство не хотело терять такой крупный козырь. Даже во время переговоров Кантемир, в нарушение предварительных договорённостей под Хотинном, совершал набеги на Подолию⁵³.

В первой статье польско-турецкого мирного договора, заключённого под Хотинным 9 октября 1621 г., Польша обязуется запретить запорожским казакам выходить в море и разорять владения султана – *«Речь Посполитая должна будет освободить весь Днепр от казаков, что бы они не выходили оттуда в море и не разоряли владения султана...»* Вторая статья полностью посвящена татарам: *«Ни молдаване, ни татары добружанские, белгородские, тегинские, килийские, очаковские, крымские не должны причинять какого-либо ущерба владениям, замкам, городам, сёлам, скоту, имуществу, людям короля и Речи Посполитой, а также совершать набеги...»* В письме султана Мустафы польскому королю Сигизмунду III представлены пункты нового польско-турецкого мирного договора 1623 г., где почти дословно повторяются положения соглашения 1621 г. – *«Землям короля польского не наносить ущерба молдаванами, добружанцами, белгородцами, тегинцами, татарами, там (на границе) находящимися»*⁵⁴.

Как видим, в договоре нет упоминания о Буджакской или Белгородской Орде, татары здесь перечислены по местам их проживания, согласно турецких административных единиц – «нахий». Точно также не найдём мы этих названий и в предыдущих польско-турецких договорах 1607 и 1617 гг. Обычно, в документах такого рода употреблялись определения – «татары» или «люди крымского хана и бейлербеев»⁵⁵.

Это можно объяснить лишь тем, что формально на территории подвластной Османской империи не было такого административно-территориального образования как Буджакская Орда. Так, например, если мы обратимся к трактату турецкого автора Али-Чауша из Софии (1653 г.), то в списке провинций и вассальных государств империи мы не найдём другого татарского государственного образования, кроме Крымской Орды. Основной административной единицей Османской империи был санджак или лива на арабском языке. Некоторое число санджаков составляло бейлербейлык или эйялет во главе с бейлербеем (бей над беями). Силистрийский эйялет занимал территорию севернее Старой Планины в Болгарии, юг Бессарабии (Буджак) и входил в состав Румелийского бейлербейства⁵⁶. К середине XVII в. в Румелийское бейлербейство входило 24 санджака. Силистрийский эйялет был разделён на отдельные административные единицы, среди них лива (санджак) Бендер и лива Аккерман⁵⁷.

Административный правитель – паша, одновременно командовал и сипахийским ополчением и другими отрядами, рекрутированными в санджаке. Санджак, в котором жил санджакбей или бейлербей назывался «паша-санджак». Есть предположение, что резиденция Кантемира была в Бендерах⁵⁸. Таким образом, назначая Кантемира пашою, султан давал ему власть не только над татарами, но и над всем многонациональным населением пограничной провинции – в том числе и над турками.

Буджакские ногайцы жили на землях ханского «мюлька» и их предводитель, прежде всего, был ленником крымского хана, а потом уже вассалом султана. Строгая феодальная иерархия формально не позволяла Кантемиру действовать от своего имени или от имени своих соплеменников – ногайцев, через голову хана. По этой причине в официальных межгосударственных соглашениях нет упоминания об этом кочевом объединении, хотя европейские дипломаты хорошо различали буджакских татар от крымских. В русских и польских источниках буджаков чаще называли Белгородской или Аккерманской Ордой, белгородскими или аккерманскими татарами.

Сделав Кантемира бейлербеем, султан Осман II вывел его из под юрисдикции крымского хана, подчинив напрямую себе. В лице Кантемира и буджакских ногайцев турки получили сильное оружие, посредством которого они могли угрожать не только

Речи Посполитой, но и, при необходимости, усмирять не в меру самостоятельных крымских ханов. В свою очередь, для Крыма отделение буджаков таило в себе явную угрозу раскола Крымского юрта. В Северо-Западном Причерноморье постепенно сложился центр ногайской оппозиции крымским ханам. Возросший авторитет ногайского предводителя в ногайских улусах Крыма, Поволжья и Северного Кавказа привлекал к нему тысячи новых сторонников, что, конечно, не могло не беспокоить крымскую родовую знать. Отсюда многолетняя, кровопролитная гражданская война – борьба Кантемира с главными крымскими родами, закончившаяся только после его смерти.

Главными врагами Кантемира в этой войне стали два брата – Мухаммед-Гирей и Шагинь-Гирей. В 1610 г. первая их попытка свергнуть с трона хана Селяметь-Гирея оказалась неудачной, и они вынуждены были скрываться в Буджаке. Собрав вокруг себя разбойничью ватагу из лично преданных им татар, братья занялись не санкционированным грабежом приграничных районов Подолии, что вызвало обострение отношений между султаном и королём. Хан по приказу Порты решил навести порядок и наказать зарвавшихся родственников. Выступив на Аккерман, он разгромил братьев на «аккерманском поле». Мухаммед-Гирей сдался туркам и уехал в Стамбул просить милости у султана, а Шагинь ушёл к границам Речи Посполитой, скрываясь, какое то время в «Диких полях», где его не могли достать люди хана. Селяметь-Гирей обратился к королю за помощью в поимке беглеца.

Тем не менее, король не спешил исполнить эту просьбу, а по данным русских информаторов, напротив, попытался использовать внутренние противоречия врагов в своих целях. Из инструкции московскому посольству Г. К. Волконского и П. Евдокимова в Крым, 15 июля 1614 г.: *«Ведомо государю, царю.., што Шаин-Гирей царевич, Саадет-Киреев царёв сын, который изменил турецкому, что жил в Белегороде, а с крымским царём у него бой был, ныне у польскова короля, а с ним многие люди есть крымские и ногайские и черкасы горские беглецы, и черкасы запорожские днепровские. А даёт им король корм, а хочет с ним посылать от себя запорожских черкас воевать крымские улусы и турецково городы и под Жанбек-Гиреем царём крымского юрта искать.*

Вышел из Литвы шляхтич королевского двора пан Михайло Желобовской, и он сказывал, что он про то ведаёт подлинно, что при нём от Шаин-Гирея царевича х королю приезжали тотарове о том, что турецкой царь на него, царевича, розгневался, назвав его изменником, и велел, де, был его убить. И его бог ублюл, сам тех побил, которые были посланы его убить, и от турецково отстал и ныне казаком. А на отца его юрте на Крымском государстве племянник его Джанбек-Гирей царь, а посадил его турецкой мимо его Шаин-Гирея царевича не поделно, довелось было ему быти. И король бы помочь ему учинил, послал с ним на крымского царя и на Крым своих людей с вогненным боем, а запорожские черкасы готовы с ним, чтоб ему над царём поиск учинити и крымский юрт достигнути.

И король, де, тех его татар, подарив, к нему отпустил и своего коморника с поминки с ними вместе к Шаин-Гирею царевичу послал. А приказал к нему, что он ему помочь учинит, как управитца с великим государем нашим, а он бы ныне тут стоял. А стоит царевич з запорожскими черкасы в Белые Церкви. А он, король, учнёт его казною и запасы ссужать, и велел ему король с свое земли казны и запасы всякие давать и людем охочим велел к нему збиратца»⁵⁹.

Видимо, отношения между королём и Шагинь-Гиреем не были столь безоблачны, как это представляли русские информаторы. Иначе нельзя объяснить тот факт, что Шагинь-Гирей не побежал в королевский владения, когда летом 1614 г. хан Джанибек-Гирей разгромил небольшую его банду на р. Тилигул. Шагинь-Гирей сумел уйти за Дунай в Добруджу, а затем тайно перебраться в Иран и поступить на службу к персидскому шаху⁶⁰.

В этом эпизоде крымских противоречий, не совсем ясна позиция Кантемира. Видимо ногайские мурзы в начале конфликта приняли братьев вполне благожелательно,

не впервые буджаки принимают у себя крымских оппозиционеров. Однако, под давлением хана и султана, вынуждены были отказать им в гостеприимстве и выступить против них. Обращает на себя внимание и тот факт, что бой между ханом и Шагинь-Гиреем состоялся, по информации С. Жолкевского, на Тилигуле – «на полях белгородских»⁶¹. Исходя из этого сообщения, можно говорить, что понятие «белгородские поля» или «аккерманское поле», часто встречаемое в источниках, соответствует не только областям, примыкающим к Белгороду (Аккерману), но и степи между Днестром и Тилигулом. Таким образом, братья нашли убежище на левом берегу Днестра – в «диких полях», где не было ни ханской администрации, ни турецких гарнизонов, и где они надеялись переждать султанский гнев.

Пока в Стамбуле правил султан Осман II положение Кантемира было достаточно прочным. Но в мае 1622 г. восстали стамбульские янычары, султан был убит, власть принял его брат Мустафа (май 1622 – сентябрь 1623 гг.). Военный переворот в столице империи получил своё продолжение и в Крыму. Джанибек-Гирею не удалось удержаться у власти в новых условиях и уже в следующем году его сменил Мухаммед-Гирей III (1622-1627). Первым мероприятием нового хана была организация похода против Кантемира, для усмирения вышедших из повиновения ногайцев. Летом 1623 г. Мухаммед-Гирей собрал большое войско и двинулся в Буджак. В сентябре он вернулся в Крым, принудив Кантемира вместе с его улусами (около 30 тыс. чел.) перекочевать на Молочные Воды⁶².

Очевидно, что эта акция была проведена с согласия нового султана и при сильном давлении Польши. Вероятно, усилия пана К. Збаражского не прошли даром, ведь именно он настоятельно требовал от турок убрать Кантемира из Буджака. Поводом к таким требованиям послужили регулярные нарушения буджакскими ногайцами Хотинского перемирия. Кроме того, пассивное содействие им оказывал молдавский господарь Томша, пропуская буджаков через молдавскую территорию⁶³. В таких условиях Кантемиру, потерявшему покровителя в столице, ничего не оставалось делать, как подчиниться ханской воле.

Католический миссионер в Крыму и непосредственный свидетель событий Эмиддио Дортели де-Асколи, связывает это нападение хана с кровавым инцидентом между родственниками Кантемира и Мухаммед-Гирея: *«Двенадцать лет тому назад (в 1622 г.), некий знатный черкас зять хана Махмет-Гирая, по вымышленному предлогу умертвил одного из братьев Кантемира, который, за невозможностью тотчас отомстить убийце, выжидал время и случай...»*. За смерть родственника отомстил брат Кантемира, ногайский мурза Сельман-шах. *«Видя, что Салмаша бежал, хан немедленно отправил гонца в Татарию (то есть в Крым – С. Г.) к Шаин-Гираю (Шагинь-Гирей), с приказанием схватить Кантемира и содержать его под верной стражей, ибо это убийство могло быть совершено Салмашою (Сельман-шах) лишь по совету старшего брата. Шаин-Гирай вместе со многими приближенными, неотложно принялся за дело, но ничего не достиг, так как Кантемир, заблаговременно узнав от Салмаши об успехе, ушёл из татарию через Ор или Перекоп. Сильно озлобленный неудачей, Шаин-Гирай захватил всех жён обоих братьев с их имуществом, рабами и скотом, обращаясь с ними крайне жестоко»*. Шагинь-Гирей разорил стойбища Кантемира, казнил прислугу и детей, а беременную его жену насадил на вертел и поджаривал её, пока не лопнуло чрево и не выпал плод⁶⁴.

Вскоре обстановка в правящих кругах империи вновь изменилась, к власти приходит новый султан Мурад III (1623-1640). Воспользовавшись удобным случаем, Кантемир возвращается в Буджак, где ведёт переговоры с турками о возвращении в Крым бывшего хана Джанибек-Гирея. С этого времени противоречия между Мухаммед-Гиреем и Портой принимают необратимый характер, и часто носят форму прямых вооружённых столкновений. В своей борьбе, хан и его брат – калга Шагинь-Гирей зашли так далеко, что пошли на беспрецедентный шаг, вступив в союз со злейшим врагом османских султанов – за-

порожскими казаками. Калга в декабре 1623 г. сам поехал к днепровским казакам договариваться о совместных действиях против Кантемира. Русские агенты в Крыму сообщали в Москву, что в конце года калга отправил на Низ 1000 овец, 300 коров, хлеб и другие продукты с объявлением похода на Кантемира⁶⁵. В помощь братьям запорожцы выставили 8 тыс. чел. (по турецким источникам – 800 чел.) и, кроме того, отправили на Босфор 150 чаек⁶⁶.

Оставшиеся в живых приверженцы Кантемира попытались скрыться за стенами турецкой Кафы, но и там не нашли спасения. Хан осадил Кафу, требуя заменить кафинского бейлербея Бычакчи Ибрагим-пашу. Жители города выдали пашу и городского кадия (судью) Хамида-эфенди с условием, что хан не будет их грабить. Хан приказал их задушить, но сам не выполнил своих обещаний. При поддержке запорожцев Шагинь-Гирей взял штурмом город⁶⁷.

Следующей зимой 1624-1625 гг. собрав большое войско из крымских татар и Малых Ногаев, калга продолжил нападения и ограбил окрестности Аккермана, Измаила, Килии, то есть, турецкие владения. Переправился в Добруджу, где разорил многие селения. В свою очередь Кантемир, с разрешения султана, собрал в Добрудже около 30 тыс. татар и отряды местного ополчения. Ожесточённая битва завершилась победой Кантемира, но калге и в этот раз посчастливилось, он переправился в лодке через Дунай и бежал в Крым⁶⁸. Султан, занятый войной с иранским шахом, не имел возможности должным образом отреагировать на попытки братьев освободиться от османской опеки. Но, появление в Крыму и Буджаке новых турецких отрядов, поражение Шагинь-Гирея, несколько остудило боевой пыл мятежников. По сведениям русских дипломатов, Кантемир даже вернулся в Крым, где пробыл до 1627 г.⁶⁹

Между тем, даже в такое неблагоприятное время, ногайцы не оставляли своих попыток поживиться за счет своих, более миролюбивых северных соседей. Для набегов объединялись все татарские группировки, вне зависимости от политической ориентации. В 1623 г. буджакские татары вместе с азовскими и крымскими татарами, под общим руководством ногайского Урак-мурзы ходили на Московские земли. В 1625 г., по версии А. А. Новосельского, или в 1623 г., по сообщению Симеона Лехаца, что представляется ближе к истине, состоялся совместный поход Кантемира, хана и турецких войск силистрийского бейлербея Абаз-паши в направлении Бара, Галича и Львова. Поход прошёл крайне неудачно для татар – они потеряли около 10 тыс. человек убитыми и пленными, многие из них погибли во время переправы через Днестр по льду. В этом походе погиб один из сыновей Кантемира, а организатор неудавшегося предприятия – Абаз-паша – казнён по приказу султана⁷⁰.

Однако затишье в борьбе двух татарских группировок было недолгим и лишь оттягивало развязку конфликта. Порта, напуганная масштабом восстания мятежных Мухаммед-Гирея и Шагинь-Гирея, видя реальную перспективу потерять Крым, решила вернуть Джанибек-Гирея, воспользовавшись услугами Кантемира. Тем более что сам ногайский предводитель жаждал мести за принесённые ему обиды и смерть семьи. В феврале 1627 г. он вместе со своими родственниками и людьми уходит из Крыма к султану с предложением изгнать братьев. Попытка Шагинь-Гирея настигнуть его в Добрудже не увенчалась успехом. В начале 1628 г. Кантемир и Джанибек-Гирей при поддержке турецких войск осадили столицу – Бахчисарай, где укрылся Мухаммед-Гирей. Калга выскользнул из Крыма и снова ушёл на Днепр к казакам просить помощи⁷¹.

На помощь братьям запорожцы собрали отряд в 4 тыс. чел. с пушками, за что Шагинь-Гиреем было обещано выплатить 100 тыс. червонных злотых и передать несколько сот лошадей. Сводный казацко-татарский отряд поспешил на выручку Мухаммед-Гирею, по пути отбиваясь от атак кантемировых ногайцев. Де-Асколи описывает эти события так: *«Но вот после 28 дневной осады пришли в Татарию казаки с 4-мя малыми*

орудиями. Узнав, что они находятся на расстоянии одного дня пути от Бахчасарая, Кантемир снял осаду и двинулся против казаков, с целью победить их и взять в рабство. Но казаки сражаясь отважно и защищаясь, всё шли вперёд, а в пяти милях от Бахчасарая стали стрелять из орудий. Услышав залпы, Шиян-Гирай отвечал тем-же и все радостно вышли из города встречать казаков, а Кантемир и его ногойцы рассеялись в смятении»⁷².

Таким образом, фортуна снова повернулась лицом к братьям, в феврале 1628 г. осада была снята, Кантемир разбит и спасается бегством под защиту турецкого гарнизона Кафы. Победителям в качестве трофеев достались 12 польских пушек, захваченных Кантемиром в сражении при Цегоре. Однако, несмотря на победу, казаки вынуждены были уйти из Крыма. Большие потери (по некоторым данным до 1000 чел.) и гибель их предводителя Михаила Дорошенко не позволила закрепить успех, и вскоре под ударами воспрянувшего Кантемира союзники отступают, и братья ищут убежища на Днепре.

По версии де-Асколи, поражение братьев было вызвано следующими обстоятельствами. Появление казаков вынудило вмешаться в конфликт турецкого пашу Кафы и перейти на сторону Джанибек-Гирея влиятельных представителей крымской родовой аристократии: «Между тем, паша поспешил послать морем извещение к падишаху о прибытии в Татарию стольких тысяч казаков по приглашению Шиян-Гирея, и об их присоединении к нему, для взятия совместными силами Кафы и передачи этого города казакам, причём единственной защитой города оставался Кантемир со своими людьми. В виду этого паша просил прислать скорее войска на помощь и позаботиться об избрании нового хана, так как теперешний оказался мятежником»⁷³.

Братья потребовали от кафинского паша выдачи Кантемира, как своего взбунтовавшегося подданного, угрожая взять город штурмом. Паша всячески стал затягивать переговоры и отвечал: «... что он впустил ногойцев в город для того, чтобы те не ушли, и что они неизбежно очутятся в руках Шиян-Гирея, но сам город принадлежит падишаху, почему паша и счёл необходимым его уведомить обо всём, иначе город мог быть разграблен, а что ему, Шиян-Гираю стоит только лишь немного подождать и он непременно получит своё. Хан и Шиян-Гирай легко поверили этим словам, тем более что паша, при их силах, не мог бы не исполнить сказанное. Казаки возражали, советуя не верить, а ворваться в город, рассчитывая на добычу. Шиян-Гирай сам был склонен к тому-же, но хан все еще затруднялся, говоря, что он не помышляет о захвате владений падишаха»⁷⁴.

По приезду в Кафу вновь назначенного хана Джанибек-Гирея все ожидали кровопролитной битвы, но ситуация разрешилась довольно быстро. Один из приспешников братьев – некий Мемет-ага, «... который быть может, был подкуплен, пошёл целовать полу нового хана, вместе с знатнейшими татарами, и тем признал его своим законным государём и повелителем (теперь Мемет-ага состоит визирем и на все руки в Татарии). Затем, тотчас возник ропот в станах и в полках или, как говорят турки, в таборах хана Махмета и Шияна, так что озадаченный Махмет-Гирай, опасаясь худшего, немедленно покинул свой табор... И на добром коне, сопровождаемый 12-ю приверженцами, направился к лесу и горам... Шиян-гирей, видя, что одному ему ничего не сделать, ушёл со всеми казаками и несколькими орудиями, под прикрытием надёжных укреплений, по Арабатской дороге»⁷⁵.

Вскоре братьям удалось собрать новое войско, подойти к Перекопу, надеясь при содействии оставшихся в Крыму тайных приверженцев, вернуть себе власть. Кантемир и хан Джанибек-Гирей разбили мятежников, и, по информации де-Асколи, казаки убили Мухаммед-Гирея, обвинив его в предательстве. Шагинь-Гирей снова бежал в Персию, затем на Кавказ и провёл в скитаниях несколько лет. Затем, в 1632 г. неожиданно появился в Стамбуле и добровольно сдался на султанскую милость. Султан простил ему его преступления и отправил в почётную ссылку на о. Родос⁷⁶. В Крыму снова стал править Джанибек-Гирей, а Кантемир вернул себе свои улусы и приобрёл положение одного из самых влиятельных людей в государстве.

Надо отметить, что рассказ де-Асколи отличается от информации турецких летописцев, представленной у В. Д. Смирнова, только некоторыми деталями. Так, например, в турецких источниках Джанибек-Гирей вместе с Кантемиром руководит осадой Бахчисарая⁷⁷, а согласно сведениям русских информаторов Кантемир бился с братьями самостоятельно при осаде Бахчисарая и во время защиты Кафы, что подтверждает сообщение де-Асколи. В связи с этим здесь уместно заметить, что А. А. Новосельский считает информацию турецких источников об этих событиях не точной и больше доверяет русским источникам⁷⁸.

Многолетняя усобица привела к подрыву экономики Крыма, достаточно сильно зависимой от внешнеполитических факторов и климатических условий. Многие ногайские улусы были разграблены, их «животи» и лошадей отдали крымским мурзам. В свою очередь, после возвращения Джанибек-Гирея, ногайцы мстили за прошлые унижения новыми насилиями и грабежами. Кроме того, ситуацию усугубило моровое поветрие, охватившее всё Северное Причерноморье. По словам де-Асколи, *«Пять лет назад (то есть в 1629 г.) жесточайшая чума свела сотни тысяч людей. Четыре года кряду появлялась саранча, каждый раз в большом количестве и раннее прежнего, причиняя невероятные убытки не только людям, в виде сильной дороговизны, но кроме того, в зимнее время погибло великое множество скота по недостатку подножного корма и запасов сена; наконец выпадали часто великие снега при сильнейших морозах»*⁷⁹.

Неудивительно, что, как обычно, в годы засушливого лета или суровой зимы, когда кочевое скотоводство и примитивное земледелие не позволяло прокормиться, татары искали выход в набегах за живым товаром – пленными и скотом. После небольшого затишья, связанного с татарской «смутой», нападения возобновляются. Осенью 1629 г. совместный набег на Подолию калги Девлет-Гирея и Кантемира закончился катастрофой для татар: из 20 тыс. участников похода не вернулось около 15 тыс. чел., среди них и сын Кантемира, в плен попал представитель правящей династии Ислам-Гирей. Остатки войска ушли к Аккерману, но и здесь многие погибли от морового поветрия. Татары не привели из этого похода ни одного пленного⁸⁰.

Тем не менее, султан Мурат высоко оценил заслуги Кантемира перед османами. Кроме почётного подарка из рук султана – кафтана и сабли, ему возвратили должность бейлербея – «правителя берегов Чёрного моря и устьев Дуная с Силистрией и Аккерманом»⁸¹. В это время звезда Кантемира достигла своего зенита. Повторное возвышение ногайского вождя не могло не вызвать зависть и опасения со стороны крымской родовой аристократии и самого хана Джанибек-Гирея. С момента ухода Кантемира под султанское покровительство, усиливается влияние ногайских мурз на внутреннюю и внешнюю политику Крыма. Этот факт вызывал естественное недовольство представителей главных крымских родов, так называемых карачаев. Конфликт начал приобретать новые формы. Внутреннее противостояние феодальных группировок, борьба за власть и влияние на хана, за раздел военной добычи, были определяющими факторами внутренней политики Крымского государства в 20-30-х гг. XVII в.

Выше уже отмечалось, что политика Джанибек-Гирея во второе его правление проводилась под давлением группировки ногайских мурз во главе с Кантемир-мурзой. Хан и крымские мурзы, вынуждены были терпеть Кантемира во время борьбы с Мухаммед-Гиреем и Шагинь-Гиреем, хорошо понимая, что без его поддержки победа над мятежными братьями была бы призрачна. Авторитет Кантемира среди многочисленных ногайских племён и его покровители в Стамбуле сыграли, в данном случае, на руку Джанибек-Гирею. Его поддержка была настолько значительна, что позволяла ногайскому вождю считать себя человеком, вернувшим хану власть и требовать для себя и своих родственников соответствующего вознаграждения.

Хан не решался порвать с Кантемиром, не смотря на подстрекательства крымских мурз и бесчинства, совершаемые в Крыму ногайцами. Ситуацию точно охарактеризовал турецкий источник: «Князь Кантемир-мурза был начальником мансурицев. Этот народ никогда не высказывал повиновения ханам, а после отличия полученного Кантемиром, особенно возгордился»⁸². Некоторое время после победы Джанибек-Гирея Кантемир со своими улусами находился в Крыму, но из-за угрозы покушения вынужден был вернуться в свою ставку в Аккермане⁸³.

Последующие годы правления в Крыму Джанибек-Гирея отмечены резким повышением военной активности ногайцев и крымских татар, связанной с относительной внутренней политической стабилизацией и ухудшением польско-турецких отношений. Казацкая разведка регулярно докладывала правительству Речи Посполитой о передвижениях татарских отрядов. В мае 1630 г. полковник Калиновский уведомил короля о переходе нескольких тысяч татар из Крыма в «бужакские поля». В июле 1632 г. гетман Петрижицкий предупреждал власти пограничных воеводств о предстоящем набеге крымских и белгородских татар, переправившихся на левую сторону Днестра и отряда турецких янычар стоящего у переправы Маяки и в районе Кучургана⁸⁴.

В 1632 г. умер польский король Сигизмунд III Ваза, и русское правительство, воспользовавшись замешательством в Речи Посполитой, решило вернуть территории, утраченные в годы «смутного времени». Годом ранее, Москва отправила к Кантемиру послов с «поминками», с целью заручиться его поддержкой, или хотя бы нейтралитетом в будущей войне. Но, видимо московские дары не удовлетворили его, так как на следующий год буджаки, вместе с Малым Ногаем и азовцами, ходили на Московские земли. Часть Малых Ногаев, после похода, не вернулась в свои кочевья, а ушла с добычей к Кантемиру в Буджак. В дальнейшем переход ногайцев из Крыма и Поволжья в степи к западу от Днепра принял массовый характер – в 1633 г. к Кантемиру бежит его брат Салмаш-мурза (Сельман-Шах), в 1636 г. к нему бегут 400 чел. казиевских ногайцев (Малый Ногай). Такие передвижения, понятно, не могли приветствоваться ханом, да и Порты не одобряла новый прилив в свои владения непредсказуемых кочевников⁸⁵.

Первопричиной ногайского движения на запад было очередное калмыцкое наступление на кочевья Больших Ногаев. В 30-х годах XVII в. калмыки становятся серьёзной угрозой даже для такого крупного русского торгового и военного центра на Волге как Астрахань. В 1630 г. калмыцкий вождь Урлюк-тайша бился с русскими стрельцами и ногайцами в двух днях пути от города, и увёл с собой улусы ногайского рода Джембойлук⁸⁶. Калмыков привлекали кочевья за Волгой, они больше не имели возможностей поживиться на разорённом, ими же, левом берегу. Изменение численности кочевого населения в Северном Причерноморье тут же отразилось на безопасности границ Речи Посполитой и Московского государства, но ещё более на внутривнутриполитической обстановке в самом Крыму.

Смена хана летом 1635 г. вновь до предела обострила отношения между Кантемиром и крымской аристократией. Новый хан Инает-Гирей (1635-1637) вёл себя вызывающе по отношению к ногайским мурзам и их турецким покровителям. Учитывая тяжёлое экономическое положение империи, события на персидском театре военных действий, он задумал освободиться от османского засилья во внутренней жизни своего государства. Разумеется, как и раньше, главным противником этих планов стал верный слуга османов Кантемир⁸⁷.

Противостояние началось с того, что Кантемир в августе 1635 г. с несколькими тысячами ногайских татар подошёл к Перекопу и вызвал к себе мансуровских мурз. Однако мурза не получил поддержки от Больших Ногаев, силы оказались слишком неравны и столкновения не произошло. Решающая битва состоялась весной 1637 г. Инает-Гирей, собрав 150 тысячное войско, в том числе и 600 запорожцев во главе с Павлюком,

двинулся в Буджак⁸⁸. Кантемир не мог ничего противопоставить столь мощной армаде и ретировался в Стамбул. Хан осадил Кишио и потребовал от горожан выдать семью и имущество Кантемира, угрожая ограбить город и истребить жителей. Испугавшись, комендант крепости выдал родственников ногайского вождя.

Основательно разорив ногайские улусы и приняв заверения в верности от мансуровских мурз, хан вернулся в Крым. Подчинённые лично Кантемиру улусы были переведены в Крым, а многие его слуги убиты. Среди «изменивших» Кантемиру мурз были и уже известные нам его родственники Сельман-Шах и Урак-мурза, а также Вели-Шах-мурза, Небзедь-мурза, Кутлуг-шах-мурза, Али-бек, Ай-Демир и Кемаль-бек. Причём, Сельман-шах и Урак-мурза поклялись переселиться со своими людьми из Буджака в Крым. Как показали дальнейшие события, эти клятвы ничего не стоили, ногайские мурзы намеренно затягивали время перекочёвки, объясняя свою нерасторопность отсутствием нужного количества быков и лошадей для столь дальнего путешествия⁸⁹.

После усмирения буджакских ногайцев Инает-Гирей совершает ещё более дерзкие действия в отношении турецких властей. Он, как и его предшественники, осадил и разграбил Кафу, приказав казнить кафинского пашу (бейлербея) и кадия. Подобное поведение хана выходило далеко за рамки внутреннего конфликта и больше походило на откровенный бунт вассала против своего сюзерена⁹⁰.

Свои цели Инает-Гирей ясно выразил в письме стамбульскому шейх-ул-исламу (высшее духовное лицо). Он обвинил Кантемира в разжигании татарской усовицы и смерти Мухаммед-Гирейя III, потребовал от Порты его выдачи: *«Хотя падишах и дал нам Крымское ханство, но увольнение моё по наветам некоторых злых людей несомненно. Столько лет я терпел несчастья и лишения ради нескольких дней покоя и безопасности! Поэтому, нельзя было далее выносить злых умыслов. Показав свойственную нашей природе энергию и мужество, мы разгромили области и селения вышеупомянутого Кантемира, затоптав их под ногами татарского войска, и захватили в плен его жену и сына, чем он тоже получил заслуженное наказание. Нам известно, что он бежав, ушёл в Стамбул и нашёл себе убежище в Порте. Кантемир один из наших подданных. Я желаю, чтобы нам благополучный падишах прислал его сюда.*

*Братья Кантемира – Урак-мурза и Сельман-Шах с семью-восемью тысячами ногайцев, выпросив от меня помилование, перешли в мою службу. Если его величество падишах не выдаст мне Кантемира, то я, перейдя Дунай, сам лично явлюсь близь Стамбула и вытребую этого бесстыдного лицемера, называемого Кантемиром. Если мне скажут, что с дарованием Кантемиру области Очакова и Силистры он, мол, сделался нашим беем, то эти слова будут причиной возмущения. Если вы полагаете, что успокоите нас говоря: «Вам дан халат и указ, вы по прежнему хан», что мы, обманувшись вашими лживыми словами, заснём заячим сном и когда вы будете смеяться нам в лицо, мы вернёмся, уйдём и распустим собранные у нас татарские войска, а вы, между тем, через несколько дней пришлёте нового хана, так вы очень ошибаетесь...». В последних строках письма хан требует дать ему высокопоставленных заложников, откровенно угрожая туркам: *«...а то для нас ничего не стоит пойти туда, чтобы потребовать выдачи Кантемира. После не говорите, что мы не предупредомяли вас»⁹¹.**

Этим письмом Инает-гирей, по сути сам себе подписал приговор, дни его были сочтены. Новым ханом был назначен Багадыр-Гирей (1637-1641), которому было предписано незамедлительно приступить к своим обязанностям. Инает-Гирей попытался было помешать прибытию нового хана в Крым, и выслал навстречу ногайское войско под началом калги Хусам-Гирейя. Но ногайцы, подстрекаемые родственниками Кантемира Урак-мурзой и Сельман-Шахом, неожиданно напали на крымских татар у переправы возле Очакова и убили калгу. Инает-Гирей ещё надеялся лично оправдаться перед султаном. Он выехал в Стамбул, где в присутствии султана и произошла его встреча с Кантемиром. Султан обвинил Инает-Гирейя в измене и приказал его удавить.

Но и Кантемир ненадолго пережил своего врага. Мурат видимо полагал, что вражда Кантемира с крымскими татарами будет и дальше постоянным источником недовольства и причиной смуты, поэтому решил застраховать себя от подобных неприятностей, приказав через несколько дней, а именно 5 июля 1637 г. казнить предводителя буджакских ногайцев⁹².

Тем не менее, смерть Кантемира не прекратила, да и не могла прекратить, крымско-ногайской вражды. Уже в 1638-1639 гг. новый хан – Багадыр-Гирей проводил жестокие репрессии в отношении мансуровских (ногайских) мурз. Были казнены, прежде всего, родственники Кантемира – Урак-мурза и Сельман-Шах-мурза, а также многие из мансуровских мурз. По свидетельству русских информаторов в Крыму, в ногайские улусы был послан нуреддин Сафар-Гирей для грабежа и казней. Все дети мужского пола были порублены, а беременные женщины посажены под арест, чтобы потом уничтожить мужское потомство. Такова была сила ненависти крымских родов к мансурам. Всего было уничтожено 25 мурз, и лишь 15 спаслись бегством на Волгу и в Московские земли⁹³.

Причины конфликта не в кровной мести Кантемира и Мухаммед-Гирея, как об этом писал де-Асколи, и даже не во вмешательстве турок, Порты лишь воспользовалась столкновением для восстановления своего контроля. Глубинные корни противостояния сформировались, по крайней мере, за столетие до описанных выше событий, после поражение хана Мухаммед-Гирея I (1515-1523) от ногайцев в 1523 г. Эта победа открыла для ногайцев Причерноморские степи. Усилилось влияние ногайской верхушки на внутреннюю политику ханов. Последующие ханы, например Саадат-Гирей (1524-1532) опирались, прежде всего, на поддержку ногайских мурз, некоторые из которых переселились в Крым в начале XVI в., в частности Мансурь. Другие продолжали кочевать вне полуострова, лишь номинально признавая над собой ханскую власть⁹⁴.

Вторая четверть XVI в. ознаменовалась ослаблением «старых» родов-карачаев: Ширинов, Баринов и возвышением Мансуров. Так, едва приняв ханский титул, Саадат-Гирей обрушил жестокие репрессии на Ширинов, обвиняя их в измене⁹⁵. Следующий хан Сахиб-Гирей (1532-1551) не менял политику своего предшественника в этом вопросе, и именно в годы его правления Мансурь сравнялись по положению с главными родами Крымской Орды. Однако попытка Сахиб-Гирея реформировать ногайское хозяйство, то есть превратить кочевников в оседлых земледельцев и слить их в одно целое с крымскими татарами не имела успеха⁹⁶. По мнению В. Д. Смирнова: «Никакие правительственные меры, начиная с Сахиб-Герая I, к слиянию ногайских племён в одну народную массу с татарским населением Крыма, не привели к желанным результатам и не достигли своей цели. Ногаи сохранили свою особенность до позднейшего времени, и если не могли организовать своего самостоятельного государства, то никогда не сливали своих интересов с интересами Крымского ханства, имевшего своим центром Крымский полуостров»⁹⁷.

Смерть Кантемира лишь на некоторое время погасила борьбу татарских родов в Крыму. Решающее слово в этом конфликте осталось за Портой. Именно с согласия османского правительства в 1639 г. Багадыр-Гирей организовал резню мансуров, а двумя годами раньше был казнён Кантемир. В Стамбуле не были заинтересованы в продолжении татарских междоусобиц и приняли сторону нового хана. Кроме того, в столице с беспокойством восприняли быстрый рост численности кочевников в Буджаке и принимали меры к ограничению их притока в Силистрийский эйялет, а за поведение своих подданных формально отвечал хан.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. – СПб., 1887.

2. Кулиш П. Украинские казаки и паны в двадцатилетие перед бунтом Богдана Хмельницкого // Русское обозрение. – 1895. – № 2. – С. 611-612.
3. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. – М.-Л., 1948.
4. Аствацатуров Г. О. Почему молчит Боплан? // Stratum plus. – 2000. – № 5. – С. 440-442.
5. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. – М., 2002. – С. 452.
6. де-Люк Жанн. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин, Жанна де-Люка монаха Доминиканского ордена // ЗООИД. – 1879. – Т. 11. – С. 473-493.
7. Асколи Эм. Дортелли. Описание Черного моря и Татарии // ЗООИД. – 1902. – Т. 24. – С. 95-134.
8. Боплан Г. Опис України... – К., 1990.
9. Собетский Яков. История Хотинского похода 1621 г. // Мемуары относящиеся к истории Южной Руси. – Вып. – 2. – К., 1890. – С. 73.
10. Жолкевский Станислав. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. – СПб., 1871.
11. Pisma St. Zolkilwskiego. – Lwow, 1861.
12. Мыцык Ю. А. Записки немецкого офицера о Хотинской войне 1621 г. как исторический источник // Вопросы германской истории. Русско-германские связи и отношения нового и новейшего времени. – Днепропетровск, 1985.
13. Османская империя в первой четверти XVII в. Сборник документов и материалов. Составители Ибрагимбеили Х. М., Рашба Н. С. – М., 1984.
14. Там же.
15. Мухаммед-Риза. Асебо-ссейяр или Семь планет. – Казань, 1832.
16. Новосельский А. А. Указ. соч. – С. 101.
17. Трепавлов В. В. Указ. соч. – С. 420.
18. Там же. – С. 454.
19. Pisma St. Zolkilwskiego. – С. 180-181, 389-390.
20. Шушарин В. И. К истории пятнадцатилетней (долгой) войны 1593-1606 гг. // Тезисы XI конференции «Славяне и их соседи. Османская империя и народы Центральной, Юго-Восточной Европы и Кавказа в XIV-XVIII вв.» – М., 1992. – С. 41-42.
21. Новосельский А. А. Указ. соч. – С. 65.
22. Там же. – С. 79.
23. Жолкевский Станислав. Указ. соч. – С. 66.
24. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). – М., 1907.
25. Костомаров Н. И. Василий Шуйский // Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. – Кн. 1. – М., 1990. – С. 663-684.
26. Pisma St. Zolkilwskiego. – С. 237-238, 406.
27. Османская империя в первой четверти XVII в. – С. 23; Pisma St. Zolkilwskiego. – С. 406.
28. Документи російських архівів з історії України. Документи до історії запорозького козацтва 1613-1620 рр. – Т. 1. – Львів, 1998. – С. 82-84.
29. Там же. – С. 79.
30. Там же. – С. 98-100.
31. Pisma St. Zolkilwskiego. – С. 301; Документи російських архівів з історії України. – С. 94-100.
32. Документи російських архівів з історії України. – С. 113.
33. Pisma St. Zolkilwskiego. – С. 310, 435.
34. Там же. – С. 273.

35. Pisma St. Zolkilwskiego. – С. 277-280; Історія України в документах і матеріалах. – Т. 3. – К., 1941. – С. 42-43.
36. Кулиш П. Указ. соч. – С. 612; Pisma St. Zolkilwskiego. – С. 283-284.
37. Болдаков И. М. Оценка материалов по истории Лже-Димитрия, найденных в Копенгагенском Архиве // Сборник материалов по Русской истории начала XVII века. – СПб., 1896.
38. Османская империя в первой четверти XVII в. – С. 186-188.
39. Там же. – С. 192-193.
40. Муханов П. М. Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время самозванцев. – М., 1834. – С. 149-151.
41. Дарбинян М. О. Симеон Лехацы о странах Юго-Восточной Европы // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – Т. 1. – М., 1964. – С. 261.
42. Документи російських архівів з історії України. – С. 234-235; Османская империя в первой четверти XVII в. – С. 27.
43. Новосельский А. А. Указ. соч. – С. 98; Османская империя в первой четверти XVII в. – С. 55.
44. Османская империя в первой четверти XVII в. – С. 59.
45. Собетский Яков. Указ. соч. – С. 65.
46. Мыцык Ю. А. Указ. соч. – С. 13-14.
47. Новосельский А. А. Указ. соч. – С. 101.
48. Собетский Яков. Указ. соч. – С. 73.
49. Новосельский А. А. Указ. соч. – С. 101.
50. Стомати К. О. О Бессарабии и её древних крепостях // ЗООИД. – 1850. – Т. 11. – Отд. 3. – С. 808; Аствацатуров Г. О. Указ. соч. – С. 442.
51. Новосельский А. А. Указ. соч. – С. 160.
52. Голобуцький В. Запорізьке козацтво. – К., 1994. – С. 246-248; Плохий С. Н. Папские дипломаты о черноморских походах запорожцев накануне и в ходе Хотинской битвы // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и в средние века. – Ростов-на-Дону, 1988. – С. 105.
53. Османская империя в первой четверти XVII в. – С. 112-114.
54. Там же. – С. 190-193.
55. Там же.
56. Тодоров Н. Балканский город XV-XIX веков. – М., 1976. – С. 39-41; Киртоагэ И. Г. Административно-территориальное деление юга Днестро-Прутского междуречья под турецким владычеством в XVI – первой половине XVII в. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. – Кишинев, 1988. – С. 76-78.
57. Тверитинова А. С. Аграрный строй Османской империи XV-XVII вв. Документы и материалы. – М., 1963. – С. 93-94.
58. Аствацатуров Г. О. Указ. соч. – С. 442; Кулиш П. Указ. соч. – С. 613.
59. Документи російських архівів з історії України. – С. 68-69.
60. Pisma St. Zolkilwskiego. – С. 223-224.
61. Там же.
62. Новосельский А. А. Указ. соч. – С. 110.
63. Османская империя в первой четверти XVII в. – С. 111-113.
64. Асколи Эм. Дортелли. Указ. соч. – С. 107; Смирнов В. Д. Указ. соч. – С. 491.
65. Новосельский А. А. Указ. соч. – С. 114.
66. Кулиш П. Указ. соч. – С. 616; Смирнов В. Д. Указ. соч. – С. 483-485.
67. Смирнов В. Д. Указ. соч. – С. 513, Новосельский А. А. Указ. соч. – С. 114.
68. Новосельский А. А. Указ. соч. – С. 491-492.

69. Там же. – С. 114.
70. Там же. – С. 117; *Дарбинян М. О.* Указ. соч. – С. 270-271.
71. *Новосельский А. А.* Указ. соч. – С. 119-121, *Смирнов В. Д.* Указ. соч. – С. 496.
72. *Асколи Эм. Дортелли.* Указ. соч. – С. 108.
73. Там же.
74. Там же.
75. Там же. – С. 110-111.
76. Там же. – С. 113.
77. *Смирнов В. Д.* Указ. соч. – С. 496.
78. *Новосельский А. А.* Указ. соч. – С. 122.
79. *Асколи Эм. Дортелли.* Указ. соч. – С. 132.
80. *Новосельский А. А.* Указ. соч. – С. 183.
81. Там же. – С. 186.
82. *Смирнов В. Д.* Указ. соч. – С. 510.
83. *Новосельский А. А.* Указ. соч. – С. 187.
84. Архив Юго-Западной России. – Т. 1. – Ч. 3. – К., 1863. – С. 333, 338.
85. *Новосельский А. А.* Указ. соч. – С. 189-193; *Смирнов В. Д.* Указ. соч. – С. 514.
86. *Бларамберг Й.* Кавказская рукопись. – Ставрополь, 1992. – С. 176.
87. *Гайваронский А.* Созвездие Гераев. Краткие биографии крымских ханов. – Симферополь, 2003. – С. 46-47.
88. *Новосельский А. А.* Указ. соч. – С. 246-247.
89. *Смирнов В. Д.* Указ. соч. – С. 514.
90. Там же.
91. Там же. – С. 514-515.
92. Там же. – С. 520-521.
93. *Новосельский А. А.* Указ. соч. – С. 283-284.
94. *Кыдырнязов Д. С.* Ногайцы во взаимоотношениях России с Османской империей и Крымом в 20-е гг. XVI в. // Тезисы VII Междунар. конф. «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века». – Ростов-на-Дону, 1994. – С. 109.
95. *Сыроечковский В. Е.* Мухамед-Герей и его вассалы // УЗМГУ. – 1940. – Т. 2. – Вып. 61. – С. 59-60.
96. *Мухаммед-Риза.* Указ. соч. – С. 18.
97. *Смирнов В. Д.* Указ. соч. – С. 715.

ГАГАУЗЫ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ - НЕВИДИМОЕ ПРИСУТСТВИЕ¹

О гагаузах написано много, но, несмотря на это, известно очень мало. Комбинация тюркского языка и православного вероисповедания настолько исторически противоречива, что многие исследователи имеют искушение видеть в гагаузах наследников не одного и не двух древних народов.

Гагаузское присутствие в истории протекало на территории нескольких государств. В разное время гагаузы жили в Османской империи, в Российской империи, в королевстве Румыния, в СССР, княжестве и Республике Молдова, Украине, Болгарии и Греции. Все страны, кроме Османской империи, на чьей территории жили раньше и живут до настоящего времени гагаузы, определяли свою культуру на основе православного христианства. Религия гагаузов совпадает с религией большинства греков, болгар, румын, молдаван, украинцев и русских. Главное, что отличает гагаузов от окружающих их народов – разговорный язык.

Единственным государством, в котором гагаузы имели общий разговорный язык с преобладающим по численности и господствующим населением, но, которое, одновременно, отличалось своей религией, была Османская империя. Известен факт, что гагаузы появляются в Бессарабии после того, как они оставили Добруджу в XVIII-XIX вв. До этого времени они жили на территории Османской империи. В царской России гагаузы появляются в качестве переселенцев из-за Дуная. Для России наиболее важной была православная принадлежность гагаузов. Гагаузы хорошо обустроились в новоприсоединенных российских территориях благодаря своим сельскохозяйственным навыкам, из-за которых им был в Бессарабии предоставлен статус колонистов. Российские власти воспринимали гагаузов как болгар, а употребление ими турецкого языка считалось результатом длительного турецкого рабства². В середине XIX в. в России начинают проводить разницу между болгарскими и гагаузскими.

Время перед переселением в Бессарабию и жизнь гагаузов в Османской империи – белое пятно их истории. Отсутствие каких-либо документов определяет нежелание историков заниматься этим периодом. Но, несмотря на отсутствие прямых документов, есть возможность осветить этот период гагаузской истории, связав косвенные данные о гагаузах с информацией, которую имеем о положении других христиан в Османской империи. Именно отсутствие информации о гагаузах свидетельствует, что они рассматривались наравне с другими христианами и не являлись объектом каких-либо особых отношений, которые бы определяли некую уникальность гагаузов. Такая ситуация предполагает подход к раскрытию действительности гагаузов через изучение общей для всех христиан картины жизни в условиях существования под иноверческим господством.

Конец XIV и середина XV вв. трагичны для народов Балканского полуострова, одно за другим попадают балканские государства под османскую власть. Сильная феодальная раздробленность в трех больших государствах: Византии, Болгарии и Сербии приводит к сравнительно легкому их завоеванию османами. Первое большое общее сражение сербских и греческих войск против османов имело место в 1371 г. при Черномене на реке Марица. В 1393 г. был взят город Тырново – столица Второго болгарского царства. Окончательно Болгария теряет независимость после падения Видинского царства в 1396 г. Эпическая битва сербского народа против османов произошла в 1389 г. на Косовом поле, после которой Сербия признала вассальную зависимость от османов. Полное овладение сербской державой произошло в 1459 г. В течение полутора веков Византия по-

следовательно теряет свои азиатские и европейские провинции, и в качестве конца этой империи принимается падение Константинополя в 1453 г. Христианские княжества, расположенные к северу от Дуная – Валахия и Молдавия в XV в. ведут героические бои против османского наступления, но в конечном итоге и они признают вассальную зависимость.

После прочного установления османской власти на Балканах экономическое и культурное положение христианских народов ухудшается. Сопrotивление балканских народов задерживает и ослабляет напор Османской империи на Западную Европу, что дает возможность европейским народам организовать антиосманский отпор. Окончательно османская армия была остановлена в своей экспансии на Европу у Вены в 1683 г. С этого времени путь османов на запад и север был прегражден, но юго-восточная Европа заплатила за это высокую цену своей вековой изоляцией. Балканские народы были вовлечены в чуждую для них общественно-экономическую, религиозную и политическую систему.

Для всех христиан время османского владычества было длительным и трудным периодом в историческом бытии. Лишенные государственности христианские народы были ограничены во всех своих культурных и политических проявлениях и поставлены в условия деспотической власти, внешней по отношению к религии и традиции. Османские завоеватели наложили свою военно-централизованную систему, которая очень успешно обслуживала политику государства и держала в покорности захваченные территории. Христиане на Балканах были поставлены в более тяжелую феодальную зависимость и экономическое принуждение, чем в средневековой Болгарии, Византии или Сербии. Эксплуатация населения была особенно утяжелена религиозным различием завоевателей и покоренных.

Чтобы разобраться в положении гагаузов в османском обществе необходимо бросить взгляд на устройство этой империи.

Политическое и хозяйственное устройство Османской империи

При создании своей системы власти, османы использовали государственную модель предшествовавших им мусульманских деспотических монархий Центральной Азии и Ближнего Востока. Кроме того, они использовали феодальную институциональную систему, которую они застали на Балканах. Верховную власть представляла личность султана. Он имел прерогативы всех видов власти – законодательной, военной, религиозной. Султан решал все вопросы, и его мнение было решающим в вопросах, касающихся военных, государственных, административных и судебных дел. Единоличная власть султана находила идеологические аргументы в самой мусульманской религии, согласно которой султан является земным наместником всевышнего. Практически султан был ответственным только перед Аллахом и пророком Мухаммедом. Согласно мусульманскому религиозному праву, называемому шариатом, правитель является полновластным хозяином всех своих подданных, независимо от их имущественного состояния или религиозной принадлежности. Султан являлся верховным собственником земли, имущества и даже жизни своих подданных. Султан осуществлял управление с помощью традиционного на востоке правительственного совета – дивана. В диван входили первый заместитель султана – великий везирь, кадиаскер – отвечающий за религиозные и правовые вопросы, нишанджи – хранитель государственной печати, дефтердар – отвечающий за финансовые вопросы, реисулкитаба – отвечающий за внешнеполитические отношения и др. Диван скорее имел совещательные функции, нежели реально участвовал в управлении. Последнее слово всегда имел полновластный султан.

Власть султана наиболее существенно укреплялась военной организацией. Утверждавшаяся путем войны, империя характеризовалась сильной централизованной властью. Османы формировали свои политические и хозяйственные отношения в процес-

се овладения Балканами. Во многих отношениях держава османов строилась как милитаризованное общество, состоящее из воинов. В основе армии лежала османская конница, составленная из сипахов.

Сипахи были профессиональными войнами, которые содержались ленными владениями, предоставленными им за воинские заслуги. Это сословие играло основную роль в османском обществе. Вся земельная собственность была объявлена государственной и разделена на различные по размерам феодальные владения. Для управления каждым владением назначался сипах. Кроме войны, сипахи исполняли роль мелких феодалов, которые в мирное время управляли земельными владениями. Каждый сипах содержал себя и свою семью рентой с владения, которое ему предоставлялось для управления вместе с прилегающими подданными. Для управления селами, обрабатываемой землей, лесами и другими угодьями назначался сипах, который проявил храбрость в бою. Это стимулировало каждого сипаха к ответственной и мотивированной службе в армии, поскольку гарантировало ему благополучное экономическое существование.

Важной характеристикой османского общества являлось то, что военная сила и земельная власть находились в руках одного сословия. Сипахи не имели собственности на землю, которой владели, они не могли продавать ее или передавать по наследству. Султан мог самовольно давать или отбирать владения. Вот почему сипахи были склонны к быстрому накоплению богатства, чаще всего через завышение дани, собираемой с немусульманского населения.

Феодальные владения делились на три вида – хасы, зиаметы и тимары, все они считались собственностью султана. Хасы включали города вместе с пристанями, ремесленными кварталами, соляными копиями и пр. Управителями хасов назначали элитных военачальников. Зиаметы включали несколько сел и их управителями назначали лиц из средней прослойки османского феодального класса. Наименьшее владение называлось тимар, которое чаще всего включало одно село. Большинство сел были включены в сипахские тимары.

Сипахи, как управители, имели большие права на сбор дани, одну часть из нее они передавали высшей власти, а оставшуюся оставляли себе. Обязанностью сипахов было вовремя являться при призыве в армию под командование своих прямых начальников и исполнять свои воинские обязанности. Всякое проявление недобросовестной службы наказывалось лишением владения, а за хорошую службу владение заменялось на большее. Сыновья сипахов могли наследовать владения своих отцов в том случае, если брали на себя такие же обязательства в армии. Таким образом, на практике сипахи вели мобильный образ жизни и не могли сформировать местной потомственной аристократии.

Основной поселенческой единицей у гагаузов являлось село. Гагаузские села как хозяйственная организация прекрасно вписывались в административно-политическую систему тимаров. Сельская община была основной поселенческой единицей. В хозяйственном отношении каждое село было способно к самовоспроизводству и продукция села, собираемая в форме дани, была базовым продуктом для всего государства. После того как османы завладели Балканами, в неизменном виде сохранялось большинство сельских общин. Благодаря развитой сельскохозяйственной системе, сохранившейся с доосманского периода, стало возможным наложение османского управления. Каждое село имело верховного собственника в лице султана и какого-нибудь сипаха в качестве временного управителя.

В империи существовала и такая форма земельной собственности как вакуф. Вакуфы, которыми владели частные лица из числа османской аристократии, имели наследственный характер. Доходы от вакуфов поступали в качестве дарений на содержание мечетей, медресе или священных мусульманских городов – Мекки и Медины.

Тяжесть дани, которую несли гагаузы, была различной в соответствии с различиями типов владений, а также личной волей местного феодального владельца.

Устройство империи и ее завоевательная политика находили аргументацию в исламской религии. Ислам является всепроникающей государственной идеологией, действенной для всех сфер военной, политической, юридической, административной и образовательной жизни империи. Ислам является духовным учением с исторически и богословски доказанными достижениями в религиозном самопознании человечества. Он – последняя по времени возникновения монотеистическая религия, производная от иудейской монотеистической традиции Ветхого Завета. В богословский компендиум ислама в качестве части наследия включены и тексты самого христианства. Мусульмане верят, что Христос – пророк, рожденный женщиной, но для них он не спаситель, а только один из пророков Аллаха. В соответствии с исламом через многие годы после Христа родился пророк Мухаммед, последний и истинный пророк Аллаха. Каждый мусульманин убежден в правоте и превосходстве ислама как самой правильной религии. Для правоверных мусульман распространение ислама среди иноверцев является формой религиозного долга. Любая война с христианским государством и овладение новыми территориями находила идеологическое обоснование в самой религии как праведное и богоугодное дело. Религиозная аскетичность мусульман функционально отличается от религиозной аскезы христиан. Если для христиан полное религиозное служение и жизнь по Божьим правилам олицетворяется с монашеством, то для мусульманина этот тип аскезы и религиозной преданности связан с войной.

Для феодального общества Османской империи религия имела наибольшее значение, и она определяла политическую жизнь. Ислам являлся идейной основой верховенства монарха и его полновластия. В такой ситуации большую помощь приносила правовая сфера ислама. Практически, кроме богословской и религиозной доктрины, ислам является юридической системой, принятой мусульманскими государствами еще в IX в. Большая часть исламских священных текстов является источником правовых отношений. Эти тексты юридического характера получили толкования и разъяснения известных арабских мудрецов и были превращены в высший законодательный кодекс, на котором базировался правопорядок.

Религиозно-правовая система ислама известна под названием шариат. В соответствии с шариатом гражданские и юридические права простираются только на мусульман, вне зависимости от их этнического происхождения. Иноверцы получали юридический статус, ставящий их в более низкое положение по отношению к мусульманам. Христианское население, обозначаемое категорией райя, являлось бесправными подданными султана. Империя заботилась о жизни райи, но эта забота обосновывалась только необходимостью иметь плательщиков дани, чей труд должен был пополнять продовольственные запасы государства. Гагаузы – христиане и в этом качестве попадали в категорию райи, независимо от того, что они говорили на языке, который должен был бы сблизать их с османскими турками.

В империи жили и другие тюркские группы, но их статус коренным образом отличался от такового гагаузов. Среди них можно назвать юрюков. Они были мусульманами с кочевым бытом и культурой и имели относительную самостоятельность от центральной власти. Со своим образом жизни они хорошо подходили, чтобы включаться в помощь армии. В XV-XVI вв. значительное число юрюков переселилось из Азии на Балканы. На стороне османов также сражались и татары. Эти этнические группы были освобождены от дани, благодаря ополчению, составленному из их представителей, которое в обязательном порядке участвовало в военных походах османов.

Политическое устройство Османского государства вело к нескольким основным правовым и религиозным концепциям, которые моделировали отношения мусульман к

иноверцам, среди которых были и гагаузы. В соответствии с исламскими догматами, мусульмане – единственные правоверные, а христиане и иудеи следуют старым и неправильным законам, чье изобличение состоит уже в самом том факте, что имеется последующий и последний пророк Аллаха – Мухаммед. Ислам должен распространяться на неверных, даже и средствами войны. По шариату мусульмане изначально стоят выше христиан. В кадийских судах показания христиан не имеют силы из-за невозможности христианина клясться на Коране.

Особенно важна принципиальная невозможность для христиан принимать участие в деятельности государственной власти. Гагаузы не могли занимать никаких постов, связанных с административной, юридической или военной сферой османского общества. Христиане не имели доступа и к образовательным институтам империи. Единственная возможность для жизни всех христиан заключалась в отведенной им судьбе производительного класса. Христиане могли быть пастухами, земледельцами, ремесленниками или торговцами. В любой из перечисленных областей деятельности они платили более высокие подати, чем те, которые были определены для мусульман.

От османского владычества отдельные территории Балкан страдали в разной степени. Западные территории и горные районы из-за их отдаленности от центров власти, несли более слабое бремя. Равнины в восточной части полуострова испытывали более тяжелое бремя османского владычества – это особенно касается таких областей, как Фракия и Добруджа.

Вследствие этого предки гагаузов вели исключительно трудную жизнь в религиозном, политическом и экономическом аспектах.

Лингвистическая ситуация в османском обществе и гагаузы

Также как и любая другая империя, Османское государство имело полиэтничный характер. В нем говорили на разных языках и множестве диалектов. Этническим ядром империи были османские турки. Первоначально османы составляли этническое ядро небольшого княжества XII в. в западной части Анатолии. Впоследствии они подчинили соседнее более древнее тюркское государство сельджукских турков, после чего имели ошеломительный военно-политический наступательный успех на территории трех континентов. В государстве османов были очень распространены смешанные браки, не было запрета на брак между мусульманином и христианкой. В формировании турецкого народа приняли участие не только различные тюркские группы, но и иранский и арабский элемент со стороны других мусульманских народов. Из христиан в турецкий народ через браки вливались армяне, славяне, греки и др. Таким образом, турецкая народность обогатилась тремя большими этническими массивами Евразии – тюркскими, семитскими и индоевропейскими. Само этническое название «турок», однако, использовалось скорее с негативной коннотацией, обозначая простолюдинов. Содержание этнонима турок изменилось после революции Кемаля Ататюрка 1923 г. До этого позитивным самоназванием было «османлы». Вместе с тем, это название скорее обозначало конфессиональную принадлежность, чем этническую. Первоначальное значение слова османлы – «верующий».

Для османлы языки письменного и разговорного общения были различными. Официальным языком империи был классический арабский язык, на котором написан Коран. На арабском и персидском преподавали в мусульманских учебных заведениях – медресе. Эти языки отличались от разговорного языка господствующего в империи этноса. Так со временем образовался осmano-турецкий язык, с тюркской основой и множеством арабских и персидских заимствований. В 1839 г., в связи с реформами, известными как эпоха Танзимата, осmano-турецкий язык был провозглашен официальным в империи³. В Османской империи все документы писались на арабской графике. Язык повседневного общения, однако, отличался от официального. В качестве разговорного

языка использовались турецкие диалекты, которые, несмотря на близость к османотурецкому, все же отличались от него. Литературная кодификация турецкого языка – длительный процесс, связанный с процессами демократизации турецкого общества. В основе современного турецкого языка лежит стамбульское наречие.

В такой ситуации владение официальным языком и умение писать арабицей было признаком грамотности и аристократичности. Такие навыки имели только те, которые посещали религиозные учебные заведения и умели читать текст Корана и другие книги. В значительной степени понятие образованности и религиозности совпадали. В самой мусульманской религии духовенство исполняло роль более близкую к функциям учителя, чем служителя культа. Разговорный турецкий язык в сравнении с османской и арабской образованностью оценивался как просторечие.

В империи говорили и на других языках. В европейской части османской Турции греческий язык сохранил значительное распространение благодаря институту церкви. Константинопольский патриархат функционировал на греческом языке. На севере от Дуная политическая автономия Валахии и Молдовы предопределила употребление и распространение румынского языка. Центральное географическое расположение болгар в империи и отсутствие самостоятельной болгарской церкви обусловили очень узкую сферу употребления болгарского языка, ограниченную болгарскими селами и соответствующими кварталами в городах.

Предки гагаузов были тюркоязычными христианами. Гагаузы говорили на языке, лексически идентичном с просторечием османов. В синтаксических структурах гагаузский язык близок к языкам балканского языкового союза, болгарскому, румынскому и албанскому. То обстоятельство, что в империи живет тюркоязычное христианское население, для самих османских властей ничего не означало. Язык, на котором говорили гагаузы, никак не приближал их к османам. Основным качеством, по которому воспринимали гагаузов, было их вероисповедание. Для власти гагаузы числились в категории райи – бесправных подданных султана. Османы не делали различий между отдельными народностями империи и обозначали их общим названием «рум милет», что в переводе означало ромейский народ. Не существует ни одного османотурецкого документа, в котором гагаузы назывались бы как таковые. Даже в XIX в., когда наименование гагаузы было в употреблении, османотурецкие документы из районов с гагаузским населением говорят о них только как о райи. Нет документов в которых был бы намек, что это население по каким-либо признакам различалось бы от других христиан⁴. Гагаузы рассматривались наравне с любым другим христианским населением. Обращались к представителям этого населения «гяур» (неверный).

Более того – в повседневном межэтническом общении гагаузский язык понимался османскими турками. Это взаимное понимание предоставляло туркам большие возможности для добровольного приобщения гагаузов к «истинной вере». Гагаузы же упорно сохраняли христианство, и это мотивировало пренебрежение к ним со стороны мусульман. В бытовом общении между османлы и гагаузами не всегда было отчетливо ясно, какую точно конфессию исповедовали гагаузы. Хотя они и были христианами, объясняли свою веру на тюркском языке. Когда хотели сказать, что верят в Господа, в сущности, они говорили, что верят в Аллаха. Тогда возникает неизбежный вопрос со стороны османских турков: «Почему вы, гагаузы, не обрезанные?» Единственным возможным ответом на этот вопрос, который османы могли принять как удовлетворительный: «Потому что такие наши отцы».

Самими близкими соседями в пространстве и братьями по судьбе гагаузов были болгары. Болгары и гагаузы являются родственниками, поскольку браки между ними не были исключением. Для славяноязычных болгар бытовое проникновение исламской культуры засвидетельствовано в лексическом фонде. Наблюдения над языком болгарских

книжных памятников XVI-XVIII вв. показывают исключительно сильное присутствие бытовой турецкой лексики⁵. В наибольшей степени влияние со стороны турецкого языка испытали сферы ремесленной, торговой и административной терминологии. Исключительно турецкая лексика использовалась для обозначения одежды, мебелировки, частей дома, посуды, пищи и др.

Освещение степени проникновения турцизмов в язык гагаузов вопрос довольно сложный и противоречивый, поскольку относится к нерешенной проблеме гагаузского этногенеза. Если будем утверждать, что гагаузы испытали бытовое языковое влияние со стороны разговорного языка империи, то необходимо признать, что это влияние имело стопроцентный результат. Тогда логично возникает вопрос, на каком языке общались гагаузы до османского нашествия. А ответ на этот вопрос прекратил бы дискуссию о происхождении гагаузов.

Вот почему сторонники тезиса о гагаузской самобытности предпочитают искать не языковое влияние со стороны османских турок на бытовой язык гагаузов, а настаивают на языковом родстве между гагаузским языком и турецким османского времени. По этому вопросу нет единого мнения среди ученых тюрковедов.

Сами гагаузы не различают языка, на котором говорят, от турецкого, и едва ли сами османские турки воспринимали гагаузский язык как самостоятельный. Владение повседневным языком империи давало гагаузам преимущества в социальном плане. Свободное владение турецким языком ставило всех гагаузов в выгодное положение, так как позволяло полноценно общаться в сферах торговли, ремесла и административного сектора империи.

У славяноязычных болгар язык ограничивал общение границами собственных сел. Для полноценных контактов в городской среде болгары стояли перед необходимостью выучить турецкий язык. Нередко греческий и румынский языки также изучались болгарами для личного социального роста в городских центрах империи. Гагаузы в сравнении с болгарами были облагодетельствованы языковой ситуацией в османских городах, что ставило их в более высокую социальную позицию, чем тех, кто не владел турецким языком. В городском населении, в случае брака между болгариним и гагаузкой, в семье говорили на гагаузском языке и на этом языке общались с детьми. Социальное значение турецкого языка в османских городах было способно преодолеть патриархальную традицию, по которой язык и идентичность в семье определялись по мужской линии⁶.

Гагаузы имели более высокую самооценку, чем славяноязычные болгары. В Бессарабии гагаузы называли славяноязычных болгар туканами, производным от болгарского слова «тука», употребляемого при ответе на вопрос «Откуда ты?» В соответствии с источниками конца XIX в., гагаузы вкладывали в это прозвище негативный оттенок, считая себя истинными болгарами⁷. Среди гагаузов района города Каварна зарегистрировано интересное название для болгарина, не владеющего турецким языком. Здесь гагаузы называют болгар «копраишляр». Прозвище производно от шаблонной формы местного наречия «Ко праиш?» («что делаешь?»), которая служит для поддержания разговора. Слово имеет этнолингвистический заряд, визирующий носителей чужого языка. По источнику сведения, название не имеет негативного оттенка, а только внутри-болгарское разграничение по языковому признаку⁸.

По большому счету, языковая практика гагаузов никаким образом не сближала их с господствующей османской властью, но она позволяла им успешно адаптироваться в социальном отношении в полилингвистическое пространство империи. В городских центрах, где быстро формируются товарно-денежные отношения, и где имелись благоприятные условия для развития торговли и ремесла, владение турецким языком было

беспорным преимуществом, которое ставило гагаузов в ситуацию превосходства перед греками, румынами и особенно болгарами.

Угроза ассимиляции

Османская империя была заинтересована в приобщении завоеванных народов к своему обществу. Единственным способом полноценного восприятия и включения местного населения в жизнь империи было обращение его в ислам. Исламизация проводилась различными способами. Всем христианам было предложено добровольно принять ислам с позиции убеждения, что ислам является верой, превосходящей все остальные. Не были исключением и случаи добровольной исламизации. На такие поступки решились представители некоторых из существующих христианских ересей. Постоянно преследуемые и ненавидимые церковью, еретики видели в исламе спасительную возможность отстоять религиозные убеждения в более свободной в религиозном отношении среде. Процесс был облегчен существованием точек соприкосновения во взглядах между ересями и исламом. Так, например, учение богомилов отвергает иконопочитание и семь церковных таинств, в чем их взгляды приближаются к догмам ислама. На принятие ислама ориентировалось множество представителей местной феодальной аристократии. Это было способом для вельмож сохранить свои владения в условиях новой власти. Первоначально ислам принимался только внешне, но со сменой поколений эта аристократия обычно вливалась в османское общество.

Исламизация успешно распространялась на христиан и по экономическим причинам. Подать, которой облагалась райя, называемая «джизье», была более высокой, чем налоги, которые должны были платить правоверные. Вот почему для многих христиан принятие ислама было, прежде всего, способом облегчения экономического положения. По этой причине исламизировалась часть городского населения, занятого в ремесленном производстве. В городах ремесленники-христиане постоянно сожительствовали с мусульманами и наравне с ними участвовали в цеховых организациях. В отличие от сельского населения, городским ремесленникам было трудно укрывать свое имущество и продукцию и, таким образом, они несли полноценную тяжесть податей. Болгарская агиографическая литература дает бесспорные сведения о разнообразных подходах мусульман при исламизации городских ремесленников. В XVI в. написаны два болгарских жития святых мучеников, которые были городскими ремесленниками. Жития рассказывают как золотых дел мастер Георгий и сапожник Никола из города София боролись против исламизации, публично отвергли ислам и приняли мученическую смерть. Вскоре после этого церковь канонизировала их как святых.

Не были исключением и случаи массовой насильственной исламизации. На территориях, которые империя оценивала как стратегически важные, предпринимались акции массовой насильственной исламизации. Вследствие насильственного внедрения ислама в Родопах и других местах сформировалась обособленная этноконфессиональная группа болгар-мусульман, известных под прозвищем помаки. Приобщение к исламу этого болгарского населения не привело к изменению их языковой принадлежности, и в родопской области сохраняется болгарское наречие с архаичными чертами, приближающее его более всех других болгарских диалектов к староболгарскому языку.

В западных Балканах комбинация экономического, социального и политического принуждения привела к исламизации албанцев. С принятием ислама албанцы в Османской империи приобрели право полноценного участия в османской власти и некоторые этноспецифические признаки, как, например, очень важное для албанской культуры право носить личное оружие. Несмотря на принятие ислама, албанцы сохранили свою этническую культуру и язык, не влились в турецкий этнос, и в начале XX в. освободились от османской власти, встав на путь национального самоутверждения.

Наивным было бы считать, что на гагаузов не влиял фактор насильственной и пассивной исламизации. Какова судьба тех гагаузов, которые, по каким-либо из перечисленных причин, перешли в ислам? Единственно верным ответом на этот вопрос является то, что они безвозвратно влились в состав турецкого этноса.

Вероятно, немало гагаузов было ассимилировано посредством наиболее тяжелой для всех христиан в Османской империи дани девширме. Она выражалась в насильственном отнятии малолетних детей от семей и их полной исламизации до окончательного отторжения от своей этнической среды. Исламизированные посредством девширме христиане назывались янычарами. Юношей долго обучали канонам ислама, после чего назначали элитными кадрами, использовавшимися для нужд османской власти. Часть из них назначали различными по рангу чиновниками. Существуют данные о том, что янычары занимали очень высокие посты в империи, включая и должность великого визиря. Вопреки сохранению памяти о своем происхождении, янычары всегда отождествляли себя с исламом и были верны султану. Из насильственно отнятых христианских детей была составлена одна из самых элитных частей османской армии – янычарский корпус, состоящий из хорошо обученных и фанатично верующих воинов Аллаха.

Интенсивность сбора девширме составляла три, пять или семь лет. Во время войны ее собирали каждый год. Первое сведение о сборе христианских детей относится к 1395 г., а последняя известная дата применения этого обложения – 1705 г. Применение девширме отражено в различных документах, таких как записки иностранцев, посетивших империю, или донесения османских чиновников. Все источники сообщают, что эти взимания вызывали панический ужас среди христиан. Отнятию детей противодействовал каждый. Подкупали должностные лица, укрывали детей, не были исключением и случаи открытого вооруженного сопротивления. Наряду с этим, прибегали и к умышленному членовредительству, с целью сделать ребенка непригодным к службе султану, также известны случаи необычайно ранних браков⁹. Подать девширме осталась в памяти христианских народов под названием «дань кровью».

Исламская культура проникала в жизнь гагаузов не только через религиозную экспансию. В значительной степени все христиане Балкан в повседневной жизни испытывали влияние религиозной эстетики османов. В империи наиболее почитаемы были исламские образцы различных видов искусства. Одним из каналов постепенной бытовой исламизации был базар, который ориентировался исключительно на предметы, удовлетворявшие вкусы платежеспособных мусульман. Христианским ремесленникам не оставалось ничего другого, кроме как ориентироваться на изготовление продукции, на которую влияли художественные образцы Востока, и так удовлетворять нужды потребителей, но это также воспитывало исламскую эстетику у немусульманского населения. Мусульманские элементы быстро проникали в архитектуру, костюм, кулинарию, интерьер и др. Исламская культура постепенно проникала даже в сферы христианского искусства, такие как храмовая архитектура, алтарная резьба по дереву, украшения металлических и керамических предметов церковного предназначения. Это свидетельствует, что христиане воспринимали произведения Востока как абстрактные носители красоты, а не непременно как иноверческие символы. Только так можно объяснить наличие рукописных книг, содержащих антиосманскую пропаганду, но при этом богато украшенных исламским плетенным стилем¹⁰.

Византийская культура еще перед нашествием ислама заимствовала художественные и бытовые образцы с востока, одновременно оценивая их как исконнохристианские по принадлежности. После постепенного укоренения османов, христианская религия оказалась неподготовленной противостоять бытовой экспансии исламской культуры. В результате этого христиане в навыках, одежде, жилище, интерьере и кухне очень многое восприняли от мусульман. Бытовые различия свелись к некоторым деталям,

таким как употребление свинины и вина христианами и категорический запрет на эти продукты у мусульман.

Отсутствие границ внутри Османской империи поставило христиан в широкие пространственные рамки большой семьи народов. Хотя и под османской властью, Добруджа не оторвалась от европейского континента, и предки гагаузов знали представителей других этносов и конфессий. Не были исключением и проявления католического присутствия в регионе. В XIV и начале XV вв. добруджанское побережье было объектом колонизации со стороны торговой итальянской республики Генуя¹¹. Католические державы были основными противниками османов после овладения последними Балканским полуостровом. Попытка сближения между православными и католиками состоялась в 1439 г. во Флоренции. После Флорентийского собора Ватикан видел возможность приобщить к католицизму православные церкви и подталкивал владетелей Центральной Европы к борьбе с османскими завоевателями. Военные действия между католиками и мусульманами велись и на землях, на которых обитали предки гагаузов. В середине XV в. около Варны состоялась знаменитая битва между польско-венгерской армией и османами. Битва завершилась победой мусульман и гибелью польского короля Владислава III Ягайло, оставшегося в истории под прозвищем «Варненчик».

Представители католицизма в регионе не были новостью. Болгарские цари предоставляли возможность свободного передвижения и поселения купцов из республики Дубровник на Адриатическом море. В болгарских городах, включая Варну, Провадию и Силистрию, жили дубровницкие купцы, имевшие возможность свободно передвигаться и торговать. После османского завоевания, торговля, организованная Дубровником, вошла в новый этап, с еще большими возможностями. Султанские фирмы предоставляли дубровничанам привилегированные возможности для торговли. Сам город Дубровник остался единственной точкой на Балканах, на которую османы никогда не ступили как завоеватели¹². Вопреки повсеместному наличию колоний в городах империи, дубровницкие купцы и православные христиане не были склонны к взаимной культурной близости. Для православных христиан католики оставались равными еретикам.

После 1492 г. Османская империя стала притягательным центром для изгнанных из Испании евреев. Для мусульман иудеи были точно такими неверными, как и христиане, и еврейское население попадало в категорию райя. Известная благосклонность со стороны османских властей к евреям связана с тем фактом, что за ними не стояла ни одна конкурентная держава. Благодаря многолетнему торговому и экономическому опыту евреи смогли успешно социализироваться в пестром этническом конгломерате османских городов. Например, среди испанских евреев имелись дипломированные лекари, которые окончили медицинский университет в Салерно – лучшее для своего времени медицинское учебное заведение. Все еврейские лекари, благодаря своим врачебным умениям, быстро попали в среду османского среднего и высшего класса. В Османской империи христиане поддерживали известную религиозную дистанцию от евреев, которая, в сравнении с размерами неприязни к ним в Западной Европе, скорее выражает толерантность.

Культурно-антропологический облик предков гагаузов в XVI-XVIII вв.

Мы не располагаем никакими прямыми документами о существовании гагаузов в Османской империи до XIX в. Только после переселения в Бессарабию христиан с этнических территорий Болгарии гагаузы появляются на исторической сцене. Первое письменное сообщение, называющее гагаузов таковыми, относится к 1853 г. и принадлежит петербургскому академику П. фон Кешпену. В статистическом докладе о переселении в Россию в общую цифру болгар были включены и туркоязычные переселенцы «известные под именем гагаузов, как и сами себя называют»¹³. Даже это поздно документирован-

ное появление не дает ясных доказательств того, что речь идет о народе, отличающемся от болгар.

Так или иначе, в Османской империи до переселения в Бессарабию инкогнито жили православные тюркоязычные христиане, которые являлись предками современных бессарабских гагаузов. Этот факт не зависит от того, осознавали ли они свое отличие и считали ли сами себя самостоятельной группой, отдельной от других народов, с собственной этнической памятью. Другими словами, независимо от научных споров о происхождении гагаузов (ассимилированные в языковом отношении болгары или греки, протоболгары, куманы или др.) и независимо от привлекательности и аргументированности любой гипотезы, принимаем, что в Османской империи до переселения жили предки бессарабских гагаузов. Исследуя культуру крестьянства европейского средневековья, Арон Гуревич отмечает, что источники, с помощью которых мы можем реконструировать жизнь европейского крестьянина, – продукт высших слоев общества. Европейский крестьянин не оставил письменных свидетельств о самом себе – это дает основание автору назвать крестьян «безмолвным множеством»¹⁴. В этом смысле можем открыто утверждать, что гагаузы, по классификации Гуревича, были безмолвным множеством. Более того, даже элиты не отмечают существования этой общности, и подходящим их определением было бы «невидимое множество». Вопреки отсутствию информации, кое-что об облике гагаузов того периода мы можем с уверенностью сказать.

Гагаузы – христианское население и сопричастно христианской православной цивилизации. Эта цивилизация обладает своим отношением к времени и пространству, семейно-родственным и социальным структурам, к техническим достижениям, труду и материальным ценностям, обладает общепринятым мышлением, эмоциями и формами поведения.

Христианство разработало отношение ко времени в линейной перспективе. В любой культуре календарь и способы исчисления времени представляют банк информации. Летоисчисление для христиан начинается с сотворения мира. В средневековых документах отмечается, в каком году случилось событие, которое считается датой сотворения мира. Например, согласно староболгарскому книжнику Черноризцу Храброму, славянский первоапостол Константин Кирилл Философ создал славянскую азбуку в 6363 г. от сотворения мира.

Известны два способа исчисления лет – византийское и александрийское. От сотворения мира до рождения Спасителя прошло 5508 лет, по византийскому летоисчислению или 5500 – по александрийскому. На территории Болгарии были известны оба способа, но чаще употреблялась византийская система.

История для христиан определяется текстами Святого писания и важна не столько событийная история, сколько события, разворачивающиеся в Старом и Новом Завете. Согласно христианскому отношению ко времени все наиболее важное уже произошло и осталось в прошлом. После сотворения мира следует грехопадение, изгнание Адама и Евы из рая, всемирный потоп, смешение языков, бегство евреев из Египта и др. Самым важным событием человеческой истории стало появление Спасителя, который своей жизнью искупил грехи человечества. Последнее событие человеческой истории, которое предстоит, – Второе пришествие, день, в который Христос спустится на землю, чтобы судить живых и мертвых за содеянные ими грехи. Предки гагаузов, также как и все христиане, верили, что произошли от Адама и Евы и ожидали день страшного суда. Основные истины христианского учения были уточнены еще на раннехристианских вселенских соборах. В наиболее чистом виде хронология значимых событий, по христианству, представлена в двенадцати пунктах молитвы, известной как «Символ веры».

Годовой календарный цикл организован вокруг движения солнца, и в этом отношении христианство противостоит исламскому миру, в котором месяцы и годы исчисляются

ся по движению луны. Гагаузы несут в своей культурной программе отношение ко времени в линейной перспективе солнечного года, состоящего из 365 дней, и разделяют год по праздникам, организуемым вокруг летнего и зимнего солнцестояния, весеннего и осеннего равноденствия.

До переселения родиной гагаузов была Добруджа. С принятием христианства, как государственной религии в Восточно-Римской империи при императоре Константине в IV в., эта территория, в качестве римской провинции, принадлежит первому христианскому государству и является регионом с наиболее древними христианскими традициями. В античном городе Доростол (современная Силистрия) просияли раннехристианские мученики Емельян Доростольский и Дазий Доростольский. Этот город в X в. был важен для новокрещенной Болгарии, так как там была резиденция архиепископа болгарской церкви, а в 967 г. там был центр Болгарского патриархата, после подчинения столицы Преслава византийской власти. Добруджа была территорией с исторически многопластовым сакрализованным пространством. Известное сосуществование с язычеством наступило во время Первой болгарской державы перед ее крещением, с 681 по 864 г., последующая христианизация болгар снова нагроулила пространство христианской святостью. Гагаузы населяли землю с многолетней христианской традицией.

Границы Добруджи очерчены морем и большой рекой, это предполагает восприятие речной и морской акваторий как близкой и реальной в пространстве. Река и море были путями, связывающими с отдаленными землями и пространствами. Река Дунай связывала предков гагаузов с Центральной Европой, а Черное море ведет к Царьграду. Направление на юг было более важным, поскольку вело к столице империи, кроме того оттуда направлялся путь к паломническим центрам – Иерусалиму и Афону.

Территориально Афон находился в стороне от стратегических планов османов и по этой причине афонские монастыри смогли избежать разрушительной стихии завоевательных войн. Афонские монастыри, с сохраненными там реликвиями, церковной утварью, книгами и пр., были исключительно важны для судеб всех балканских народов. Одновременно Афон был местом, в котором генерировались новые идеи в православии, где осуществлялся контакт между представителями различных православных церквей. Паломники из гагаузов, также как все православные народы Османской империи, беспрепятственно посещали Святую гору. Сохраненные на Афоне духовные и материальные сокровища укрепляли дух и христианскую веру любого паломника. Просветитель гагаузов, протоиерей Михаил Чакир приводит сведения о том, что в памяти гагаузов Иерусалим и Афон являлись активными паломническими центрами, а хаджи пользовались среди гагаузов высоким статусом¹⁵.

Для предков гагаузов было характерно типичное аграрное производство. Все гагаузы, расселявшиеся в Бессарабии и по миру, – из равнинных областей. До настоящего времени все гагаузы живут на равнинах, независимо от того, в каких государствах они расселились, соответственно, везде гагаузы занимаются земледелием.

Разнообразный рельеф и климат Балканского полуострова предполагает и другие способы хозяйствования, известные народам региона. Для значительной части греков основным средством пропитания было прибрежное рыболовство. Традиционным образом жизни для некоторых этнических групп, таких как влахи и каракачаны, было подвижное животноводство, осуществлявшееся с горных районов к прибрежным территориям. В границах полуострова было известно горное и предгорное земледелие, во многих местах горное земледелие сочеталось с отхожими промыслами, для которых характерно сезонное отсутствие мужчин в семьях.

Все эти виды хозяйственной деятельности для предков гагаузов были не характерны, так как они жили на наиболее плодородных территориях, расположенных на самых низменных землях полуострова. Не было гагаузского села, которое располагалось бы

выше 200 м над уровнем моря. На Балканах земля обрабатывалась до высоты 800-1000 м, и этот факт сам по себе говорит о гагаузах как о населении с типичным равнинным земледелием.

Первенство среди выращиваемых культур принадлежало зерновым. На первом месте – пшеница, затем – ячмень, рожь, просо и овес. В османских податных регистрах содержится информация о податных обязательствах немусульманского населения. Данные говорят о наиболее высоких податных натуральных сборах именно вышеуказанных культур, а также риса, гороха и чечевицы. Эта картина характерна для всех болгарских земель и дает информацию об общей характеристике аграрного хозяйства, включая Добруджу¹⁶.

Податные регистры сообщают и об обложении десятиной других продуктов, что говорит о разнообразии производимой земледельческой продукции. Традиционные для Юго-Восточной Европы зерновые и бобовые культуры дополнялись производством льна, конопли, хлопка, шелковичных червей, кунжута и др. Первостепенное значение играло выращивание винограда. Производство вина – черта, которая отличала христиан от мусульман. Согласно податным регистрам христианское население облагалось десятиной с виноградного сока. Это свидетельствует о том, что виноградарство было объектом экономического обложения, несмотря на религиозный запрет у мусульман на употребление вина. Развитое виноградарство свидетельствует также об устойчивой связи населения с землей, так как виноградная лоза требует более длительного ухода, чем другие земледельческие культуры. Для гагаузов ситуация обитания на равнинной местности сохранилась и после переселения в Бессарабию, и многие земледельческие реалии в способах хозяйствования наблюдаются и до настоящего времени.

Для предков гагаузов значительную роль играло овцеводство. При сравнительно слабой обработанности земледельческих угодий, во внутренних частях Добруджи имелись свободные территории, которые использовались для пастбищ. Существовала земледельческая практика распахивать нивы через год, оставляя на следующий год их под пар, с целью более медленного истощения почв. Это дополнительно освобождало земли под пастбища. Для земледельческих хозяйств отары овец были желанными, так как они естественным путем удобряли нивы, которые находились под паром и не обрабатывались. Еще одним экономическим стимулом развития овцеводства был религиозный запрет у мусульман употреблять свинину. Баранина оказалась одним из главных пищевых продуктов для Османской империи. Черноморские порты связывали Добруджу непосредственно с Константинополем, и это упрощало транспортировку овец, баранины и шкур в столицу, что дополнительно стимулировало выращивание овец. При наличии обширных пастбищ и экономических стимулов, овцеводство ограничивалось только недостатком воды. Питьевой воды в Добрудже, в сравнение с другими районами полуострова, недостаточно. Недостаток хороших водопоев – основная причина, ограничивавшая овцеводство.

В качестве земледельцев гагаузы хорошо знали землю и почвы, благодатное значение рек и потоков. Обрабатываемые площади были, однако, небольшими и располагались концентрически вокруг сел. Ландшафт Добруджи предполагает хорошее знание лесов. Равнинные территории Европы в прошлом преимущественно были заняты лесами. Добруджа не составляла исключение. Турецкое наименование соседней области – Дели Орман («дурной лес»), ясно говорит о преобладающем лесном характере территории. В хозяйственном аспекте лес является пространством, которое дополняет и разнообразит земледельческий труд. Лес – источник ценной древесины, незаменимой в строительстве и единственный источник для отопления. Древесина нужна не только для отопления, но и для печей в различных ремесленных мастерских. В лесах добывают смолы, а лесные плоды дополняют пищу во время голода, вместе с грибами оказываясь

спасительными. Вероятно, был известен и добывался дикий мед, а мед, до изобретения сахара, был единственным кулинарным подсластителем. В Османской империи, в отличие от большинства европейских стран, не существовало запрета на охоту и браконьерство не преследовалось. Христиане не могли охотиться традиционным способом, из-за запрета носить оружие. Поэтому были известны различные ловушки, приманки и капканы, с помощью которых успешно добывали зверей. Эти блага определяли знание лесных территорий и позитивную их оценку.

Леса, во время социальных усобиц, оказывались и убежищем, где можно было скрыться, и откуда можно было оказывать сопротивление насильникам. В османский период это сопротивление называлось гайдуцким движением, а вооруженные отряды неподконтрольные власти – гайдуками или харамиями. В болгарском языке выражение «брат лес» обозначает стать хайдучом¹⁷. В гагаузском фольклоре существует гайдуцкий песенный цикл, который, бесспорно, создан до переселения в Бессарабию, во время османского владычества¹⁸.

Гайдуцкое движение являлось формой социального сопротивления и отпора османской власти. Одновременно сами гайдуки в османский период не имели идеологии, придававшей им образ народных защитников. Гайдуки поэтизированы только в фольклоре. В песнях о гайдуках воплотилось романтическое представление о герое, как народном защитнике. Вне фольклорного персонажа, гайдуки воспринимались скорее как разбойники, чем как мстители или освободители. На эту противоречивую картину налагались различные исторические факты. При любом ослаблении османской власти, особенно в пограничных районах, в условиях частых и продолжительных войн, появлялись вооруженные группы, состоящие из преступников, мародеров и дезертиров. Гайдуцкое движение разрасталось и приобрело большое значение для балканских народов после австро-турецких войн конца XVI – начала XVII вв.¹⁹

Проявления вооруженного сепаратизма в империи получили толчок от технического прогресса. Изобретение ручного огнестрельного оружия стало фактором, способствующим нарастанию неподчинения, как среди христиан, так и среди самих мусульман. Многие из наемников, которые служили в османской армии, после завершения военного похода отказывались сдавать личное оружие и отправлялись искать службу, в качестве личной охраны, при владетелях внутри империи. Те наемники, которые не находили места в охране какого-нибудь паши, пополняли отряды вооруженных разбойнических шаек, известных под названием «кырджали». В памяти гагаузов кырджали остались как исторический персонаж, связанный с крайним исламским издевательством над гагаузами, с их рабской участью²⁰.

Наиболее распространенной формой противодействия райи властям было не организованное сопротивление, а переселение. Законы османской власти не запрещали переселений, но предполагали таксы для тех, кто хотел заселять новые обрабатываемые земли. Относительно слабая заселенность Добруджи и наличие пустующих земель предполагали либеральное отношение к переселенческому движению. Христиане активно переселялись из тимаров с тяжелым налогообложением в те, где податные сборы были более либеральными. Также христиане перемещались из сел в города. Бежали как отдельные семьи, так и целые села. Экономический фактор был не единственной причиной переселения. Многочисленные войны империи иногда велись и на гагаузских территориях. Христианское население, которой страдало, находясь в театре военных действий, стремилось найти новые земли и массово выселялось. Западное побережье Черного моря часто становилось ареной военных действий между Османской и Российской империями в XVIII и XIX вв. Именно войны стали истинной причиной появления гагаузов в Бессарабии.

Овладение пространством иллюстрируется поселенческой сетью. Вместе с дорогами, поселенческая сеть является показателем степени освоения пространства. Перед османским завоеванием, Добруджа, в сравнении с другими областями, была слабо населена. Основная причина заключается в частых засухах. В годы постепенного укрепления османской власти в XVI-XVII вв. христиане по численности уступали мусульманскому населению²¹. Ситуация соответствует установившемуся в болгарской историографии утверждению о том, что в османский период христиане были вытеснены из равнинных частей и выселились в горные и предгорные районы. Наибольшая плотность населения наблюдалась в высокогорных котловинах, тогда как равнины, хотя и плодородные, оставались малонаселенными.

В Добрудже поселения находились по берегам реки Дунай и Черного моря. Судя по товарам, которым торговали в то время, таким как зерновые, кожи, воск и др., можно предположить, что внутренние районы Добруджи также были заселены. Вместе с тем, христианское население характеризовалось мобильностью. Жители некоторых сел выселялись и села исчезали, другие из-за природных катаклизмов или социальных смут оставляли свои села. Поселенческая сеть была не статичной, она изменялась, но в целом общая плотность населения и соотношение христиан и мусульман оставались стабильными.

После XVII в. начинается повторное освоение равнин – процесс, при котором часть горного населения переселилась во Фракию и Добруджу, где вырубались лесные массивы, и освобождалась территория для земледелия. Так образовывались поземельные хозяйства, называемые чифликами. Именно чифлики легли в основу многих современных сел²². Множество сел было создано минимальным числом домохозяйств, связанных родственными узами. Села образовывались из поселений, в которых первоначально проживало только нескольких родственных семей, но со временем, при их потомках, разросшихся. Крестьяне имели право наследовать землю и развивать товарно-денежные отношения. Это приводило к имущественному расслоению и формированию более богатых сельских родов. Османские власти также были заинтересованы в увеличении числа зажиточных христиан. После мирного договора между Австрией и Турцией 1718 г. усилились торговые связи между христианами Османской империи и Центральной Европы. Это привело как к появлению сословия богачей, так и к ускоренной модернизации христиан.

Перед переселением в Бессарабию гагаузы имели сформированную семейно-родственную структуру, в основе которой лежала нуклеарная семья. Семья, состоящая из супругов и их неженатых и незамужних детей, лежит в основе христианской цивилизации. Этот тип семьи имеет религиозное обоснование в евангельском рассказе о чуде, совершенном Христом на свадьбе в Кане галилейской (Иоанн 2: 9). Библейский сюжет лег в основу церковной церемонии бракосочетания. Венчание, по мнению церкви, является одним из семи великих таинств. Вода, превращенная в вино, и благословенная свадьба часто присутствуют в проповедях священников, пропагандирующих моногамный брачный союз между мужчиной и женщиной посредством евангельских притч. Гагаузы, подобно всем остальным христианам, единобрачны и любая другая форма семьи для них является грехом.

Кроме родственной группы, семья была и своеобразной экономической единицей. Расширенная семья включала родоначальника, его женатых сыновей, невесток и внуков и являлась формой трудового экономического союза, который в болгарском языке называется «задругой». Вопрос о задруге в исследовании семьи на Балканах превратился в большую международную дискуссию. Знали ли эту форму расширенной семьи гагаузы – вопрос не решенный. Русский ученый Николай Державин, который принципиально не ставил знака различия между болгарскими и гагаузами, опираясь на архивные документы

1835 г., специально выяснял вопрос о семейной задруге. Согласно документам, исследованным Державиным, челядная задруга у болгар во время переселения не встречалась²³.

Одним из первых литературных произведений гагаузского по происхождению автора является «Биографический очерк рода и фамилии Чакир». В этом тексте рассматривается история одного гагаузского рода с середины XVII в. до начала XX в. Произведение иллюстрирует длительную родственную память и сильное чувство родственной принадлежности. Среди гагаузов до сих пор существует сильная семейная и родственная солидарность, которая является частью их духовной культуры. Эту черту отметил А. Шабашов в исследовании их родственной терминологии²⁴.

Предки гагаузов знали некоторые технические достижения, которые облегчали жизнь в предмодерное время. Они использовали животную силу для перевозки грузов, знали двуколку и телегу. Пользовались упряжными животными для обработки земли, вспашки, молотьбы, тяжелый физический труд совершался домашними животными. Освоена была сила падающей воды, вода крутила мельничные камни, которые мололи зерно на муку. Колеса сукновален и валялен также приводились в движение водой. Там, где текущая вода отсутствовала, использовалась сила ветра – гагаузы умели строить ветряные мельницы. Использование этих технических достижений освобождало часть человеческого труда. Освобожденное время и энергия приводили к повышению производительности труда и к улучшению качества жизни.

Штрихи к гагаузской идентичности в османский период

Христианство и земледелие в европейской истории взаимно обусловлены, исторически они длительное время взаимодействовали. Гагаузы не оставались в стороне от этого процесса и были представителями средиземноморского типа христианского земледельческого общества. Христианство развило идею о непознаваемости и трансцендентности Бога. Бог непостижим, невидим, непознаваем, необъясним и не может быть постигнут посредством интеллектуальных и логических усилий. Бог может быть постижим только через практическое церковное богослужение. Христианство является церковным институтом. Образование и искусство непосредственно подчинены восприятию церковных канонов. Ревностными хранителями христианских ценностей было белое и черное духовенство.

Философская и мистическая высота православия доступна ограниченному числу христиан, в основном, это относится к монашеству. Предки гагаузов в повседневности сводили христианство к бытовой культовой практике. Особое значение имела утвержденная православием практика иконопочитания. Для гагаузов почитание икон усиливалось благодаря невербальному характеру сакральности икон. Быть православным в исламской стране часто ограничивалось тем, чтобы соблюдать посты, креститься перед иконами и, в отличие от мусульман, питаться свининой.

В народной среде христианство составляло комплекс с ярким и выразительным фольклором. Фольклор сопровождал индивидуальную человеческую жизнь с рождения до смерти. Крестьянская жизнь, трудовой и праздничный цикл были наполнены фольклорными текстами и практикой. В своей обрядности и жанровости гагаузский фольклор целиком балканский, и наиболее близок к фольклору болгарскому. Эта близость настолько велика, что остается загадкой, насколько гагаузский фольклор является самостоятельной народно-художественной системой, или это – болгарский фольклор, исполненный на гагаузском языке.

Культура христианства письменная и книжная. Слово – инструмент, с помощью которого Бог сотворил мир. Язык как таковой сакрализован и его письменное употребление священно. У православного христианства имеется два языка – греческий и старославянский. В основе старославянского лежит разговорный язык болгарских славян IX-X вв. Вот почему в Болгарии этот язык называется староболгарским. Неславяноязычные

подданные средневековой Болгарии в богослужебной практике и в любом другом письменном употреблении также использовали язык Кирилла и Мефодия. Греческий и староболгарский языки употреблялись на Балканах перед османским завоеванием в качестве разграничения между греческим и болгарским населением.

В XIV в. для политической карты Балкан была типична феодальная раздробленность, вопреки этому этнические границы по существу сохранялись. Перед османским овладением Добруджей здесь преобладало болгарское население, греки расселялись на побережье. Сторонники тюркской теории происхождения гагаузов подчеркивают и наличие тюркоязычного населения в Северо-Восточной Болгарии. Территория Балканского полуострова была разделена на различные по размерам феодальные владения. В XIV в. Добруджа находилась во владении деспота Добротицы, который отказался подчиняться политической воле Тырново и управлял самовластно. С середины XIV в., благодаря политической самостоятельности, церковный клир в добруджанской деспотии не входил в Тырновский патриархат и перешел под юрисдикцию Константинополя. Это облегчало расширение грекоязычного церковного общения.

Для предков гагаузов греческий и староболгарский были языками церковной службы и письменного общения, и давали возможность для индивидуального проявления в условиях средневекового общества. После уничтожения Тырновского патриархата в 1393 г. приходы Болгарского патриархата попали под церковное управление Константинополя, и из-за этого старославянский язык постепенно заменялся греческим, особенно в среде высшего духовенства. В районах со смешанным населением для богослужебных нужд использовались два языка. Вопреки нелегкой ситуации, староболгарская литература и культура продолжала существовать в монастырских центрах. Предки гагаузов в Добрудже испытали церковное языковое отступление старославянского и усиление влияния греческого языка.

Одинаковая удаленность домашнего языка гагаузов и от староболгарского, и от греческого предполагала доминирование в употреблении одного из языков в церковном ритуале. Различия между разговорным и богослужебным языком означало и наличие билингов среди гагаузов, которые переводили смысл священных текстов. Это важно для священников. Особенно важным в подобной ситуации был жанр христианской проповеди, так как в православии не имеет значения, на каком языке она будет произнесена. Среди гагаузской паствы проповедь произносилась на разговорном языке, священники, служившие среди гагаузов, знали гагаузский язык. Отношение гагаузов к церковному клиру было позитивным, несмотря на различную языковую принадлежность. В условиях полилингвистической атмосферы, ни для болгарских, ни для греческих священников различия в языке не были непреодолимым культурным барьером, который был бы препятствием в общении между священником и паствой.

Священник, был он болгарин или греком, или даже из самих гагаузов, но служащий на одном из двух богослужебных языков, был единственным представителем паствы перед османскими властями. При вопросах любого характера, связанных с отношениями османской власти с христианским населением, их представителями, защитниками и выразителями их мнения являлись священники.

В части гагаузских сел, находящихся вблизи моря, в околицах Варны и Каварны, богослужение велось на греческом языке, а в остальных гагаузских селах, отдаленных от морского берега, богослужение велось на славянском. И в обоих случаях языковая ситуация была сходной. В Османской империи действовали различные стимулы для перехода из христианства в ислам. В ситуации постоянной религиозной угрозы межязыковая интеграция христиан была средством сохранения религиозной идентичности. Для церковного клира вопросом являлось осознание политики преодоления языкового барьера между священником и мирянами. Для греческого духовенства эта политика не

была новостью. Еще в доосманский период греческое духовенство исключительно успешно справилось с задачей занятия высоких церковных постов в православных митрополиях с иноязычным населением, как, например, в средневековой Руси. Перед греческими архиереями часто стояла необходимость овладения местным языком. Эта традиция продолжилась и в османский период, когда она приобрела особую актуальность. Захваченные османами земли прошли через всеобщую разруху, гибель и миграции. Уничтожен был славяноязычный Тырновский патриархат, уцелевшие же болгары попали под покровительство Константинопольского патриарха. Это привело к острому дефициту образованных священников, как славянских, так и греческих. В этих условиях стало практически невозможным соблюдать этнический принцип при назначении церковных иерархов. Подобная картина наблюдалась не только на Балканах, но и в Анатолии, Сирии и Египте, где священники служили на греческом языке, а проповеди читали на языке местных христиан, на турецком или арабском²⁵. Только на пути билингвизма вселенская церковь могла сохранить свою паству. Для противодействия распространению ислама духовенство должно было усваивать местные языки.

Сама этническая принадлежность гагаузов моделировалась исключительно конфессиональным антагонизмом. Коллективное осознание своей конфессиональной принадлежности являлось наиболее прямым способом идентификации. Восприятие османов со стороны христиан было в сильной степени религиозно идеологизированным. Различия в конфессиональном отношении были первостепеннейшей характеристикой при моделировании этностереотипов. В этом отношении исключительно показательным является название «агаряне», употребляемое христианами для обозначения османов. Наименование указывает на происхождение мусульман от старозаветного персонажа – египтянки Агары, служанки Сары и наложницы Авраама (Бытие: 16). Название – своеобразное конфессиональное клише, указывающее на изначальное неприятие ислама. В староболгарской литературе со времени на падения Тырново, османские завоеватели унижительно именуется «агарянами»²⁶. Этот эпитет часто встречается и в фольклоре.

Фольклорные представления моделируют и отношение к иноэтническим представителям. В болгарских этиологических легендах о происхождении народов, живущих совместно с болгарам, образ османа заидеологизирован, как чуждый, античеловечный и животный. Появление османов объясняется следствием нарушения основного полового табу. Народная этимология выводит название «османлы» из числа «восемь» (болг. *осем*). Османлы произошли от восьми братьев, рожденных от содомитской связи между человеком и собакой. Существует и другая легенда, указывающая на их происхождение от связи между матерью и сыном²⁷. Одновременно в народном сознании не осознавалась крайняя условность подобных утверждений. Для мифологического мышления прошлого связь между иноверием и нарушением табу представлялась реальной. В болгарских легендах существовали версии и о происхождении греков или владх, но эти образы значительно смягчены и не так оскорбительны.

Само нашествие османов на Балканы православными христианами объяснялось как Божье наказание за многогрешие. В исторических сказаниях на греческом, латинском и русском языках в XVI-XVIII вв. подробно отражена картина захвата Константинополя османами. В болгарских землях была распространена рукопись, известная как «История о взятии славного Царьграда, называемого градом Константина и Новым Римом, который был захвачен Мохаммедом Вторым, восьмым турецким султаном, в лето 1453 от Христа». Считается, что это произведение является измененным переводом с русского языка²⁸. В этом тексте проводится идея о падении Константинополя вследствие грехов, беззакония, сребролюбия и алчности. Само сражение между нападающими и обороняющимися представлено как противоборство двух религий, а не двух государств. В болгар-

ской возрожденческой литературе периодически появляется мотив о взятии Царьграда как архетипе падения священного города²⁹.

Падение Константинополя рассматривается христианами толкователями как предзнаменование конца света. Согласно эсхатологическим толкованиям конец света наступит в семитысячном году от сотворения мира, то есть в 1492 г. от рождества Христова, вычисленном по формуле: $5508 + 1492 = 7000$. В ожидании дня Страшного суда христиане более крепки и тверды в вере. Исламское вторжение считается доказательством приближения конца. Сам по себе конец оптимистичен, поскольку равен спасению. Падение Константинополя означает не просто конец Византии, а конец христианского царства.

В фольклоре балканских народов существует образ христианского царя Константина. В этом образе переплетаются два исторических персонажа. Первый из них – Константин Великий (280-337), первый император христианин, переместивший столицу из Рима в Византий, а второй – Константин XI Палеолог (1449-1453), последний император Византии. Первый и последний император слились в одну фигуру. Этот факт указывает, что все христиане Балкан, включая гагаузов, имели представление о принадлежности к общей православной системе, олицетворяющейся в его центре – Константинополе.

Ключевую роль в этой ситуации играла православная церковь. Сама богослужбная практика и культовые действия утверждают вечность христианского царства. Конечно, церковный культ утверждает универсальное царство с небесной реальностью и земной бесплотностью. Толкование христианского царства в повседневной культуре переплетено с фрагментарными воспоминаниями о средневековой болгарской державе, на чьей территории жили гагаузы.

Важная информация о болгарском государстве содержится в житиях святых, которых на болгарских территориях особо почитали. Так, например, во всех житиях св. Ивана Ръльского рассказывается о встрече святого и болгарского царя Петра, в «Похвальном слове о Ефтимии» рассказывается о завладении Болгарии османами, в «Похвальном слове о Иване Поливотском» рассказывается о царе Калояне и о пленении им латинского императора Балдуина в 1205 г.

На территории Болгарии в османский период продолжала почитаться память святых, имеющих заслуги, прежде всего, перед славянской церковью. На первом месте – сохраненный культ святых Семичисельников. Это – братья равноапостольные Кирилл и Мефодий плюс пять их прямых учеников. Из их учеников наиболее распространен культ святых Климента и Наума, который прямо связан с болгарской историей. В болгарских землях силен культ святых монахов-отшельников и это: Иван Ръльский, Гавраил Лесновский, Прохор Пшинский, Иоаким Осоговский и др.

Сила культа святых усиливается и верой в чудодейственность их мощей. По мнению христиан, мощи святых совершают чудеса и дают исцеление больным – эта вера дополнительно усиливает культ местных святых, чьим нетленным мощам христиане Османской империи могли поклоняться. Благодаря вере в святость, мощи святых находились в частом движении между различными православными центрами, в связи с политическими и межгосударственными событиями. Примером таких путешествий в границах православных стран были мощи св. Петки Тырновской. Нетленные мощи святой были в Византии, Болгарии, Сербии и Молдове. В народном сознании св. Петка осталась как болгарская святая. Гагаузы жили на болгарской христианской территории, в которой продолжала активно сохраняться местная церковная историческая память.

В условиях иноверческого господства высокий культ православия часто профанировался из-за слабой компетентности священников. Культ святых выражался не только в церковном ритуальном праздновании, он был прочно укоренен в фольклорной культуре, где святые представлены как реальные защитники христиан. Гагаузские предки не были в стороне от процессов фольклоризации христианства. Культ святых широко пред-

ставлен в народной культуре. Особое значение в том, что почитание святых празднуется в точно определенные даты годового цикла. Дни, в которых празднуется память святых, находятся в системе важных календарных праздников земледельческого года. Годовым календарным циклом обуславливается и ежегодная актуализация связи общности со святыми. В этом контексте приобретает значение гагаузская система имен, которая является христианской. Носители христианских имен обладают своими святыми покровителями, которые имеют свои дни в календаре. Празднуют именные дни, так как имеется индивидуальная аналогия между качествами святого и носителя его имени.

В Османской империи гагаузы обладали автостереотипом, смоделированным исключительно их конфессиональной принадлежностью. Сознание этнической принадлежности подчинено религиозной принадлежности. Христианство – государствообразующая религия, утверждающая божественность монарха и сакральность короны. Даже в условиях иноверческого государства, христианская религия формирует сознание вечности христианского царства. По этой причине гагаузы причисляли себя к болгарам и мыслили себя болгарскими, они имели общее воспоминание о христианском царстве, называемом Болгарией. Гагаузская принадлежность к болгарам – вопрос о подданничестве христианской державе. Болгарская принадлежность гагаузов вытекала из их религиозной сопричастности утвердившейся христианской народности, они помнили о болгарском государстве, знали точно, при каком царе болгары окрестились и какие святые просияли из болгарского рода.

По пророчествам, держава турков – временная и еще вернется снова христианское царство, а это мотивировало гагаузов поддерживать свое болгарское самосознание, независимо от отсутствия болгарского языка. Автостереотип, который предки гагаузов не могли иметь о себе – именно гагаузский, так как гагаузской короны, церкви и святых не существовало и наименование «гагауз» воспринималось только как прозвище. Если этническое имя христианского царства будет изменено, то и гагаузы были готовы переориентировать свой автостереотип, поскольку они остаются в лоне христианской идентичности с глубоко развитым подданническим рефлексом. Это объясняет легкость тяготения гагаузов в направлении греческого этнокультурного пространства.

Самосознание болгарской принадлежности гагаузов регистрируется в одной приписке 1812 г. из города Панагюриште. Петр Пондев, который служил в Северо-Восточной Болгарии в обозе османской армии, записал в молитвенной книге следующее: *«По Черному морю христиане орают (говорят) по-турецки в этом крае, потому что в один вакът (в одно время) турки им резали язык, и они много мучились, чтобы стать турками, но они кабулили (не приняли) муаметову веру нечистую. Это знает всякий, что есть истинным»*³⁰.

П. Пондев записал это объяснение по рассказам самих гагаузов³¹. Эта приписка объясняет стереотип, который гагаузы имели о самих себе. Они считали, что турецкий язык насильно был навязан их предкам и представлял своеобразную цену, которую гагаузы заплатили за сохранение христианской веры. Идентичное объяснение вопроса, почему гагаузы говорят на турецком языке, находим документированным в 1893 г. в произведении гагаузского священника отца Дмитрия Чакира из села Чадыр-Лунга в Бессарабии³². Следует отметить, что утверждение о насильственной туркизации гагаузов – вопрос из области народной этимологии и имеет легендарный, а не исторический характер. Для гагаузов любое проявление отклонения от православной веры, которая в данном случае равна болгарской вере, объясняется как результат турецкого насилия.

Выбор между верой и языком – устойчивое клише при объяснении тюркоязычия христиан вообще. Точно такой же стереотип о своем происхождении имеют представители христиан-тюркофонов в Грузии. Далеко от гагаузов, в Кавказских горах живет идентичное с ними малочисленное население христиан-тюркофонов, которое определяет себя как греки. По их версии турецкий язык – результат турецкого рабства, когда,

согласно устным сведениям, грузинские греки были поставлены перед дилеммой: вера или язык. Достойным выбором стала вера. Соответственно, стереотипом окружающих греков-элинофонов, которые с уважением говорят о своих соседях тюркофонах, является то, что последние более сильны в своей вере, так как заплатили более высокую цену за нее³³. Версия о языковом отуречивании христиан продуцировалась именно сильным стремлением к идентичности в вере, а не в языке, и это стремление симптоматично для всех тюркоговорящих христиан.

Сам юридический статус христиан в империи предполагает усложненную принадлежность. С одной стороны, христиане – подданные султана, они испытывали все тяжести и успехи внутригосударственной и международной жизни империи. Хотя и с неприязнью, христиане, безусловно, признавали полновластие султана. Одновременно христиане были под опекой патриарха, который отвечал за них в церковно-правовых аспектах и был их политическим представителем перед османскими властями. Патриарх являлся и верховным судьей по гражданским вопросам, так как шариат принципиально не занимается делами немусульманского населения. Владыки на местах назначаются патриархом, и на их деятельность ложится ответственность судебно-исполнительного характера по вопросам христиан. Священники – это те лица, которые контактировали с османской властью на местах для разрешения судебных споров. Церковники для христиан являются исполнителями судебной власти. Церковь оказывается социальным институтом, исполняющим две власти – духовную и светскую.

Эта ситуация предполагает наличие сложного самосознания, как в принадлежности, так и в разделяемой ответственности.

Таким образом, когда определяем идентичность гагаузов в Османской империи, находим сложную разнонаправленную картину в различных пластах идентичности. Гагаузы осознавали себя параллельно в различных системах принадлежности. На уровне исторической памяти гагаузы – болгары. Болгарская держава была потеряна из-за греховности христианского царства, на территории которого гагаузы продолжали жить и с которой гагаузы имели генетическую связь. В системе правовых отношений гагаузы были под верховенством патриарха и имели осознанное чувство подчиненности церковной иерархии, которая чаще всего была представлена греками. В системе политической реальности, как часть феодального общества разноликотной империи, гагаузы признавали власть султана и были сопричастны к благоденствию османской власти. Доминирующей линией в процессе формирования идентичности оставалась конфессиональная принадлежность.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Перевод с болгарского А. В. Шабашова.
2. *Скальковский А. А.* Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. – Одесса, 1848. – С. 47.
3. *Кицикис Д.* Османската империя. – София, 2000. – С. 23-24.
4. *Градешилев И.* Гагаузите. – Добрич, 1994. – С. 72.
5. *Мирчев К.* Съпротива на българския език срещу насилствена турска асимилация // БЕ. – 1953. – № 3. – С. 210-212.
6. *Лилова Д.* Възрожденските значения на националното име. – София, 2003. – С. 41-42.
7. *Градешилев И.* Указ. соч. – С. 25.
8. *Боев Е.* Междубългарски наименования, прозвища и прякори. – София, 2006. – С. 36-38.
9. *Георгиева Ц.* Еничарите в българските земи. – София, 1988. – С. 95-105.

10. *Джурова А.* Ислямски влияния върху украсата на българските ръкописи XV-XVII вв. //Проблеми на изкуството. – 1980. – № 3. – С. 32.
11. *Атанасов Г.* Откога, как и докога генуезците владеят Калиакра в началото на XV в. //БСП. – 2000. – Т. 7. – С. 267-272.
12. *Списаревска Й.* За правния режим на дубровнишките колонии в българските земи под османското владичество (XV-XVI вв.) //ИП. – 1973. – № 2. – С. 77-93.
13. *Градешлиев И.* Указ. соч. – С. 13-15.
14. *Гуревич А.* Избранные труды. – Т. 2. Средневековый мир. – М.-СПб., 1999. – С. 263-280.
15. *Чакир М.* История гагаузов Бессарабии //Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. – Кишинэу, 2005. – С. 91, 97.
16. *Георгиева Ц.* Светът на българите през ранните столетия на османското владичество. – София, 1993. – С. 24.
17. Фразеологичен речник на българския език. – Т. 2. – София, 1975. – С. 464.
18. *Богдан М.* Гайдукские песни гагаузов //Българи и гагаузи – заедно през годините. – Комрат, 2007. – С. 110-115.
19. *Георгиева Ц.* Антиосманската съпротива на българите XV-XVII вв. //ИП. – 1980. – № 3. – С. 5.
20. *Чакир Д.* Биографическият очерк рода и фамилии Чакир //Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. – Кишинэу, 2005. – С. 27.
21. *Димитров Ст., Жечев Н., Тонев В.* История на Добруджа. – Т. 3. – София, 1988. – С. 20-24.
22. *Георгиева Ц.* Светът на българите... – С. 22.
23. *Державин Н.* К вопросу о семейной «задруге» у болгар //ЖС. – 1910. – Вып. IV. – С. 1-6.
24. *Шабашов А. В.* Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. – Одесса, 2002. – С. 6-10.
25. *Герлах С.* Дневник за едно пътуване до Османската порта в Цариград. – София, 1976. – С. 74.
26. *Йасаф Бдински.* Похвално слово за Филотея //Търновска книжовна школа. Антология. – София, 1996. – С. 260.
27. *Георгиева А.* Чужденецът през гледната точка на българските етиологични легенди //БФ. – 1992. – № 3. – С. 22.
28. *Петканова Д.* Народното четиво през XVI-XVIII век. – София, 1990. – С. 374.
29. *Аретов Н.* Завладяването на Константинопол като митичен сюжет: http://www.ilit.bas.bg/bi/aretov_constantinopol.html
30. *Черновежд П.* Няколко записки от сегашния век //СбНУН. – 1891. – Кн. VI. – С. 380.
31. *Димитров С.* Гагаузкия проблем //БСП. – 1995. – Т. IV. – С. 153.
32. *Чакир Д.* Указ. соч. – С. 29.
33. *Елова Ф.* Тюркоязычные православные греки восточной Грузии. (Цалкинский и Тетрацкаройский районы). – СПб., 1995. – С. 6-7.

ЭВАКУАЦИЯ И РАЗМЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ СССР НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Внезапность нападения немецко-фашистских войск создавало угрозу захвата ими хозяйственных и людских ресурсов, что усилило бы потенциал агрессора. В этих условиях руководство страны оказалось перед необходимостью экстренной эвакуации оборудования промышленных предприятий, их персонала, запасов продукции сельского хозяйства, скота или других материальных ценностей. Причем это было необходимо сделать в условиях стремительного продвижения противника вглубь советской территории и господства его авиации в воздухе.

Первые пять месяцев войны были особенно трудными для Советского Союза. Немецко-фашистские войска вторглись в пределы страны на глубину от 850 до 1200 км, блокировали Ленинград, оккупировали Белорусскую ССР, прибалтийские республики, Молдавскую ССР, Украинскую ССР, ряд областей РСФСР. Территория, занятая врагом, превысила 1,5 млн. кв. км тяжелая обстановка на фронте вынуждала производить массовые перебазирования производственных сил из прифронтовых территорий и тыловые районы страны. Эвакуация промышленности, людей, культурных ценностей стала поистине всенародным делом. Она явилась одним из важнейших звеньев перестройки народного хозяйства на военный лад, развертывания в глубоком тылу главной военно-промышленной базы страны.

ЦК ВКП(б), ГКО и СНК СССР возглавили всю работу по перебазированию производственных сил страны. 24 июня 1941 г. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и других грузов, оборудования предприятий и других ценностей» был создан Совет по эвакуации, который возглавил Л. М. Каганович². Но уже через несколько дней стало ясно, что председатель не справляется с работой. Общее руководство перемещения производственных сил страны на первом этапе (летом-осенью 1941 г.) осуществлял Совет по эвакуации при Совнаркоме СССР, который возглавил с 3 июля Н. М. Шверник (первый секретарь ВЦСПС)³, на втором этапе (летом-осенью 1942 г.) – Комиссия по эвакуации, созданная 22 июня, которую также возглавил Н. М. Шверник⁴.

Одной из главных составных частей всеобщей эвакуации была переброска населения из угрожаемых в тыловые районы СССР, которому партия и советское правительство придавали большое значение. 27 июня 1941 г. в разгар приграничного сражения, ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О порядке вызова и размещения людских контингентов и ценного имущества»⁵. В этом постановлении были определены главные задачи и первоочередные объекты эвакуации. Спустя неделю, 5 июля 1941 г., советское правительство приняло дополнительное решение «О порядке эвакуации населения в военное время»⁶, определив порядок эвакуации населения и вывоза рабочих и служащих эвакуированных предприятий.

26 сентября 1941 г. при Совете по эвакуации постановлением Государственного Комитета Обороны было создано Управление по эвакуации населения во главе с заместителем Председателя СНК РСФСР К. Д. Памфиловым⁷. В его обязанности входила разработка планов эвакуации людей с указанием пунктов расселения, сроков, порядка и очередности эвакуации; обслуживание эвакуированных в пути следования, устройство их на работу и оказание через местные органы власти материальной помощи. Новому органу передавался аппарат и помещения в центре и на местах, принадлежавшие Переселенческому управлению при Совнаркоме СССР. Кроме Управления по эвакуации насе-

ления в помощь Совету по эвакуации 25 октября 1941 г. постановлением СНК СССР был создан Комитет по эвакуации⁸, председателем был назначен А. И. Микоян. Главной задачей Комитета являлась разработка и реализация планов эвакуации оборудования, запасов сырья и продовольствия комитет действовал в контакте с Советом по эвакуации. 19 декабря 1941 г. в связи с изменившейся обстановкой на фронте Комитет по эвакуации был ликвидирован.

Согласно постановлению Совета по эвакуации, в районах, в которых предполагалось размещение значительного количества эвакуированного населения, назначались Уполномоченные Управления по эвакуации населения. В их обязанности входило, совместно с исполкомами районных и городских советов депутатов трудящихся, организовать прием, размещение эвакуированного населения, устройство его на работу, оказание через исполкомы райсоветов материальной помощи особо нуждавшимся семьям эвакуированных, а также эвакуированным детям, находящимся в детских учреждениях; контроль за правильным использованием продовольственных и промтоварных фондов, отпускаемых для снабжения эвакуированных; проверку состояния медико-санитарного обслуживания эвакуанного населения; принятие мер по улучшению бытовых условий; поименный учет эвакуированного населения через аппарат райсоветов и сельсоветов⁹.

В автономных республиках функции уполномоченных Управления, как правило, исполняли заместители председателей Совнаркомов республик (в Чувашии – В. Г. Григорьев)¹⁰. 16 декабря 1941 г. Совнарком Чувашской АССР, в соответствии с решением Совета по эвакуации за № 208 от 2 декабря 1941 г. «О сохранении при Управлении по эвакуации населения и на местах аппаратов по хозяйственному устройству колхозников-переселенцев» за № 1926, постановил ликвидировать Переселенческий отдел с 20 декабря, а аппарат, имущество и помещение передать Уполномоченному Управлению по эвакуации населения по Чувашской АССР¹¹.

Первый эшелон с эвакуированными прибыл в Чувашскую АССР 1 июля 1941 г. встреча эвакуированных, которых принимали как дорогих гостей и старались помочь во всем, в городах и районах Чувашской АССР проходила оперативно и четко¹². Переселенческий отдел принимал все меры по приему и размещению эвакуированного населения на основании постановления СНК Чувашской АССР «О размещении эвакуированного населения с прифронтовой полосы». В постановлении от 8 июля 1941 г. говорилось, что прибывающее население в количестве 50000 человек необходимо разместить по районам республики¹³.

Трудящиеся Чувашии проявили большую заботу об эвакуированном населении из Ленинграда, Карело-Финской ССР, Прибалтики, Западной Украины, Калининской, Московской областей¹⁴. 4 июля в г. Алатырь был принят эшелон с 1195 эвакуированными из г. Минска. К приходу поезда были подготовлены автомашины, на которых всех перевезли в заранее подготовленную баню, также было организовано медицинское обслуживание, через которое прошли почти все эвакуированные¹⁵.

Эвакуированных, прибывших в августе в Козловский район республики, своевременно обеспечили транспортом для переброски до места заселения, их размещение производилось, прежде всего, по колхозам, которые имели фонды и могли их авансировать в счет оплаты за выработанные трудодни¹⁶.

В Яльчинском районе, по прибытию к местам размещения, все эвакуированные обеспечивались квартирами, а в первые 2-3 дня для них было организовано общественное питание. В дальнейшем колхозы обеспечивали их по твердым ценам за наличный расчет необходимыми сельскохозяйственными продуктами¹⁷.

Однако в организации встреч бывали и сбои: иногда колхозы своевременно не предупреждались о прибытии эшелонов или по каким-либо причинам не могли вовремя отправить необходимое количество транспорта, в течение 4-5 суток люди были вынуждены

ожидать прибытия подвод на железнодорожных станциях¹⁸. В ожидании транспорта из колхозов, а также поездов и вагонов дальнего следования. Выделенные для его размещения помещения всегда были переполнены, люди, прошедшие санобработку, находились рядом с людьми, ее не прошедшими, что весьма затрудняло поддержание санитарного минимума.

Угрожающее положение сложилось в сентябре 1941 г., когда в Чебоксары в ожидании поездов скопилось большое количество эвакуированных – 2175 человек. В условиях большой скученности людей и продолжительного проживания в общежитиях в ожидании вагонов, отсутствие достаточной и своевременной санобработки, среди эвакуированных, особенно детей, наблюдались вспышки инфекционных заболеваний (корь, скарлатина, дифтерия, кожные болезни и др.)¹⁹, что создавало большую угрозу для всего населения города.

Для приема и своевременного размещения эвакуированных, прибывающих в г. Чебоксары, было отведено 9 помещений на 1200 человек²⁰, однако они, за исключением одного – красного уголка кожзавода площадью 70 кв. м, – были заняты под другие цели²¹. Положение осложнялось еще и тем, что в этом же помещении работал буфет кожзавода. На железнодорожных станциях, где временно были расквартированы эвакуированные, организация общественного питания была поставлена слабо, а сами железнодорожные вокзалы содержались грязно, были плохо обеспечены светом, отсутствовали комнаты матери и ребенка²².

Динамика прибытия населения в разные периоды эвакуации была различна. Наиболее интенсивно эвакуация проходила в первые полгода войны. К декабрю 1941 г. в Чувашскую АССР было доставлено 62909 человек²³. В последующие месяцы приток эвакуированных сократился, к 1 июня 1942 г. количество эвакуированного населения на территории Чувашской АССР составляло 64429 человек²⁴. 22109 мужчин, 42320 женщин, из них детей до 15 лет обоих полов было 28065²⁵. К 1 сентября 1942 г. в Чувашии проживало 66448 человек. К этому времени в городах Чувашии было размещено 15197 человек или 21,9 % эвакуированного населения, в сельской местности – 51251 человек или 78,1 %²⁶. К 1 апреля 1943 г. на территории ЧАССР проживало 70715 эвакуированных. С 1944 г. в связи с коренными изменениями на фронте и освобождением западных районов СССР от немецко-фашистских захватчиков, эвакуированные в Чувашию граждане стали возвращаться на прежние места жительства. К 1 июля 1944 г. в ЧАССР осталось 28642 человека, а к 1 октября 1945 г. – 6352²⁷.

Большинство эвакуированных проживало в самих районных центрах. К апрелю 1943 г. в Поречском районе только в самом районном центре проживало 568 чел. (225 семей), что к общему числу эвакуированных составляло 30,78 %²⁸. Большой процент эвакуированных составляли дети, женщины и нетрудоспособное население. В Чувашской АССР в сентябре 1942 г. из 66448 человек эвакуированного населения трудоспособные составляли 33332 человек или чуть более 50 %; из них было 25825 женщин и только 7507 мужчин²⁹.

В Чувашию по эвакуации к 1 апреля 1943 г. прибыло из Украинской ССР – 7083 человек, Белорусской ССР – 5276 человек, Эстонской ССР – 1656 человек, Литовской ССР – 581 человек, Латвийской ССР – 1646 человек, Карело-Финской ССР – 4000 человек, Молдавской ССР – 178 человек, г. Ленинграда и области – 3859 и 8357 человек соответственно, Смоленской обл. – 933 человека, г. Москвы и области – 21838 и 4861 человек соответственно, Калининской обл. – 5793 человека, Орловской обл. – 797 человек, Курской – 118 человек, Тульской обл. – 692 человека, Мурманской обл. – 581 человек, Воронежской обл. – 109 человек, Ростовской обл. – 90 человек, Крымской АССР – 181 человек, ДВК – 51 человек, Вологодской обл. – 37 человек, Тамбовской обл. – 43 человека, Ярославской обл. – 631 человек, Рязанской обл. – 430 человек, Ивановской обл. – 133 человека,

Краснодарской обл. – 20 человек, прочих областей – 741 человек³⁰. Всего – 70715 прибывших на этот период.

В Чувашию за 1941-1942 гг. были эвакуированы также 3 детдома на 388 человек, 3 спецшколы-интерната для глухонемых и слепых на 219 человек и 9 интернатов-яслей на 493 человека. В августе 1943 г. из Ленинграда прибыл эшелон с 400 детьми – воспитанниками детдомов³¹.

Одной из первых задач, стоявших перед правительством Чувашской АССР, связанных с прибытием эвакуированного населения, было обеспечение его жильем. Деревня была перенаселена, а жилищный фонд городов весьма незначительный. 14 июля 1941 г. на заседании Канашского горсовета Чувашской АССР рассматривались вопросы размещения эвакуированных. Горисполком обязал руководителей госучреждений, предприятий и общественных организаций, а также частных домовладельцев г. Канаша и района принять все необходимые меры по размещению эвакуированных. Контроль по выполнению данного решения возлагался на исполкомы Канашского райгорсовета и сельсовета, районные отделения милиции³².

В соответствии с постановлением СНК Союза ССР, местными органами власти были приняты решения об уплотнении городских домов и квартир: людей вселяли в коридоры, кухни, ваннные комнаты, кладовые. Работники эвакуированных промышленных предприятий проживали, как правило, в общежитиях заводов и на частных квартирах, лишь небольшая часть была обеспечена отдельными домами. Жилые помещения типа общежитий в основном были без водопровода, канализации, с недостаточным количеством кухонь.

В феврале 1943 г. в отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения при Совнарком Чувашской АССР поступило заявление от 49 эвакуированных специалистов о плохих материальных и бытовых условиях на заводе № 320³³. Проверкой ряда общежитий были установлены следующие факты: в большинстве общежитий Канашского ВРЗ, Канашской хлопчатобумажной фабрики, Алатырского ПРЗ, Алатырских лесозаводов, Чебоксарской чулочной фабрики и других предприятиях наблюдалась чрезвычайная скученность и «совершенно нетерпимая антисанитария». Было выявлено, что руководство не проявляет заботы о создании нормальных жилищно-бытовых условий для эвакуированных рабочих. Кровати стояли вплотную друг к другу, люди не подвергались санобработке; постельные принадлежности, одежда и белье через дезинфекционную камеру не пропускались, постельное белье менялось редко, а в некоторых местах вообще отсутствовало. В результате, в мужских общежитиях Канашского ВРЗ, Алатырского лесозавода и некоторых других была массовая «завшивленность»³⁴. На Алатырском ПРЗ 15 эвакуированных земель оказались к декабрю 1941 г. в тяжелейшем материально-бытовом положении из-за отсутствия дров, света, организации питания в столовой и других вопросов быта. Нужно, однако, отметить, что их проблемы не остались нерешенными и начальник завода Крупский взял эти семьи под личную опеку – снабдил дровами, прикрепил их к столовой и выдал денежную помощь³⁵. Особенно неудовлетворительное санитарное состояние было в общежитиях Чебоксарской чулочной фабрики, где проживали молодые рабочие и работницы. За антисанитарию Госсанинспекция несколько раз штрафовала администрацию фабрики, но все оставалось без изменений. Таким образом, можно прийти к заключению, что дирекция фабрики совершенно не интересовалась вопросами благоустройства быта своих работников³⁶.

Трудно приходилось и семьям эвакуированных, которые были размещены на частных квартирах. Например, семья котельника Гордиенко Алатырского ПРЗ, состоящая из 6 человек (4 детей), проживала на 8 кв. метрах при кухне³⁷. Часто люди не выдерживали подобной неустроенности быта и обращались в местные органы власти с просьбой хоть как-то улучшить условия их проживания. Однако, как свидетельствуют

источники, далеко не всегда им оказывалась какая-либо помощь. Летом 1943 г. от эвакуированных живущих вместе с хозяевами, поступало много жалоб на то, что с них берут слишком высокую плату – по 50-100 руб. за угол в месяц, а некоторые требовали плату натурой – хлебом по 3-4 кг в месяц³⁸. Так А. Ф. Яковлева, проживающая в Красных Четаях, платила квартплату 50 руб. в месяц, а эвакуированная Мосина жаловалась на то, что хозяйка требует от нее внесения платы натурой – 3 кг хлеба в месяц³⁹.

Подобная спекуляция жилплощадью со стороны домовладельцев, взимавших квартирную плату с нарушением установленных норм, получила особенно широкое распространение в Цивильском, Красночетайском, Мариинско-Пасадском, Чебоксарском районах Чувашской АССР и в г. Чебоксары. В своем стремлении «выжить» эвакуированных из своих домов, некоторые хозяева создавали невыносимые условия для их проживания: запрещали пользоваться печью, погребом, другими бытовыми объектами, умышленно повреждали дымоходы, ломали двери; имелись факты, когда эвакуированных просто выгоняли на улицу, а вещи выкидывали. Подобные случаи имели место в Ишлейском, Канашском, Чебоксарском, Шихазанском, Вурнарском районах республики⁴⁰.

Но такие случаи не являлись типичными, а материалы по подобным делам направлялись на рассмотрение районным прокурорам. В большинстве случаев местные жители относились к эвакуированным с заботой и вниманием, не беря платы за предоставленное жилье, живя одной семьей. Например, жители деревни Нижнее Кляшево Ибресинского района приносили эвакуированным продукты питания – картофель, молоко, яйца, а также помогали одеждой. По прошествии десятилетий беженцы не забыли этого, они написали письмо в редакцию газеты «Советская Чувашия» с благодарностью: «Спасибо им, натруженным рукам нижнекляшинцев! Это они помогли нашей семье пережить лихолетье»⁴¹. Пример заботливого отношения к семьям эвакуированных показывали председатель и колхозники колхоза «Ново-Чурино» Яльчинского района. В этом колхозе все эвакуированные семьи были обеспечены мелким скотом, топливом и продуктами питания⁴².

Постановлением от 13 сентября 1941 г. «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» Совнарком СССР, наряду с правительствами автономных республик Поволжья, крайисполкомами и облисполкомами, обязал Совнарком Чувашской АССР принять меры по размещению эвакуированного населения, а при недостатке жилья немедленно организовывать строительство из местных материалов упрощенного типа жилых и коммунально-бытовых помещений: общежитий, казарм, барачных, полужилых, столовых и бань⁴³. 10 октября 1941 г. Совнарком Чувашской АССР было принято постановление «О строительстве жилых помещений упрощенного типа для эвакуированного населения»⁴⁴. В ЧАССР предполагалось построить в течении IV квартала 1941 г. одиннадцать одноэтажных общежитий каркасного типа, в том числе Чебоксарах – 7, в Канаше – 4. Окончательный срок ввода их в эксплуатацию устанавливался на 1 января 1942 г.

Как показывают материалы проверок хода строительства, сроки исполнения, принятые постановлением затягивались. В г. Чебоксары на строительство жилых домов для эвакуированных было выделено из местных средств лишь 400 тыс. руб.⁴⁵ Из государственного бюджета РСФСР на строительство облегченных жилищ и коммунальных предприятий для эвакуированных было выделено в 1942 г. 63,5 млн. руб., Чувашской АССР – 2 млн. руб.⁴⁶ Контроль за строительством был возможен на Наркомхоз РСФСР, была установлена ежемесячная отчетность о ходе строительства.

В отчетах отмечалось, что за IV квартал 1941 г. и за I квартал 1942 г. в Чувашской АССР средства, выделенные на строительство, осваиваются очень плохо, а план строительства выполнен только на 3,9 %⁴⁷. За 5 месяцев 1942 г. отмечался слабый ход строительства в Чувашской АССР, в эксплуатацию не было введено ни одного квадратного метра

жилой площади⁴⁸. Обусловлено это было в первую очередь тем, что отсутствовал контроль со стороны городских и областных исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся, вследствие чего строительство не было обеспечено рабочей силой и транспортом, а Наркомхоз РСФСР не организовал контроль за ходом строительства, хотя СНК РСФСР постановил не позднее 1 мая закончить и сдать в эксплуатацию по Чувашской АССР 5 бараков площадью 1500 кв. м⁴⁹. Народному Комиссару Коммунального хозяйства ЧАССР было указано, что им не выполнено постановление СНК РСФСР от 16 апреля 1942 г. № 217 по строительству жилья для эвакуированного населения, хотя строительство полностью было обеспечено строительными материалами⁵⁰. На 1 июля 1942 г. вместо 1500 кв. м по плану. Было введено в эксплуатацию только лишь 80 кв. м⁵¹. В апреле 1943 г. проверкой было установлено, что строительство домов протекает очень медленно, все сроки, установленные правительством, сорваны, а Народный Комиссариат Коммунального хозяйства Чувашской АССР во главе с наркомом Новиковым и председатели исполкомов горсоветов Чебоксар и Канаша Аникин и Белорусов не приняли мер для полного завершения строительства⁵².

Из документов видно, что основные претензии эвакуированных граждан в сельской местности приходились на частые перебои в снабжении хлебом и мукой. По имеющимся сведениям, в 1941-1942 гг. со стороны отдельных эвакуированных семей наблюдались и случаи попрошайничества. Бюро обкома ВКП(б) в мае 1942 г. отмечало, что Урмарский район ВКП(б) не обеспечил создания нормальных бытовых условий для эвакуированных, в связи с этим отдельные семьи совершенно не обеспечивались одеждой, хлебом и вынуждены были идти на побирательство⁵³. Наиболее широкое распространение побирательство получило в Порецком, Урмарском, Ибресинском, Сундырском, Вурнарском, Алатырском, Красночетайском, Комсомольском, Козловском районах Чувашской АССР⁵⁴.

Однако следует отметить, что среди собирающих милостыню эвакуированных было две группы: первая – это те, кто вынужден был встать на такой путь в силу плохих материальных условий. Вторая группа – это те, кто при полной возможности работать в колхозе и зарабатывать себе на жизнь, не работали и жили с настроением скорейшего выезда. В таких случаях побирательство можно рассматривать как «легкий заработок».

Несмотря на некоторое улучшение материально-бытового положения эвакуированных к концу 1942 г. и в 1943-1944 гг., из районов поступала информация о неудовлетворительном решении вопросов снабжения эвакуированных продуктами. Осенью 1942 г. и весной 1943 г. большое количество жалоб на несвоевременную выдачу хлеба, муки и предметов первой необходимости со стороны торгующих организаций поступает из Октябрьского, Чкаловского, Порецкого, Ишлейского, Первомайского, Урмарского районов Чувашской АССР⁵⁵. Одной из причин перебоев в снабжении эвакуированного населения продуктами питания явилось то, что наркомторги республики в полной мере не контролировали как в районах расходуются предназначенные для эвакуированных продукты. Растративание продовольственных фондов происходило в большинстве районов Чувашии: Мариинско-Посадском, Канашском, Красночетайском, Ядринском, Цивильском, Порецком, Урмарском, Ибресинском, Вурнарском, Калининском, Сундырском, Кувакинском, Аликовском, Яльчинском, Ишлейском, то есть было практически повсеместным⁵⁶.

В целом, благодаря строгому учету и распределению хлебных ресурсов, государство сумело в самый тяжелый период войны организовывать практически бесперебойное снабжение хлебом Красной Армии и трудящихся, населения городов, промышленности, транспорта. Для более успешного преодоления продовольственных затруднений советскому правительству приходилось изыскивать дополнительные источники мобилизации продовольственных ресурсов. Большую роль в этом сыграла организация индивидуаль-

ного и коллективного огородничества, которое началось с 7 апреля 1942 г., когда было принято первое постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О выделении земли для подсобных хозяйств под огороды рабочих и служащих»⁵⁷.

До конца войны подсобное хозяйство являлось важным источником дополнительного питания. Подсобные хозяйства предприятий и учреждений Чувашской АССР имели в 1944 г. общую посевную площадь 11168 га, что составляло 142 % к посевам 1943 г.⁵⁸ В условиях войны существенно изменилась роль и значение приусадебного хозяйства: оно стало основным источником семейных доходов. Материальное положение колхозников во многом стало зависеть от объема продукции, получаемой на приусадебном участке. По неполным данным по отдельным районам Чувашской АССР видно, что благодаря выделенным в 1942-1943 гг. земельным участкам, многие эвакуированные семьи смогли полностью обеспечить себя картофелем и овощами. Некоторые эвакуированные даже продавали овощи, полученные со своего огорода⁵⁹.

Другой трудностью эвакуированного населения тыловых районов являлся недостаток одежды, теплой обуви и белья. Прибывшие по эвакуации в Козловский район из г. Москвы люди к началу холодов не имели зимней одежды и обуви и в большинстве из них не могли приобрести ее ввиду отсутствия средств⁶⁰. В условиях войны страна не могла обеспечить переселенцев необходимым количеством теплой одежды: полушубками, меховыми шапками-ушанками, валенками и шерстяными вещами, так как все уходило на нужды армии. Например, эвакуированные, проживающие с 21 августа 1941 г. в д. Янгиреево колхоза «Красный маяк» Кукшумского сельсовета Ядринского района, до 6 февраля 1942 г. не имели зимней одежды, обуви и сменного белья, поселены они были в дома малоимущих, а последний раз мылись только в сентябре 1941 г. из-за отсутствия топлива⁶¹.

Для оказания помощи особо нуждающимся беженцами 16 июля 1941 г. Совнарком СССР выделил из союзного бюджета 150 тыс. руб. в расчете не более 100 руб. на одну семью⁶². Для оказания единовременной материальной помощи особо нуждающимся семьям эвакуированных из союзного бюджета в июле-декабре 1941 г. было ассигновано 35 млн. руб.⁶³ 25 декабря 1941 г. СНК Чувашской АССР выделили из республиканского бюджета 600 тыс. руб. – по 300 руб. на одну эвакуированную семью⁶⁴. Кроме денежной помощи эвакуированные получали продукты по установленной норме. Вместе с тем, существенную помощь оказывала им общественность – коллективы предприятий и учреждений. Помощь эвакуированным оказывалась за счет фондов автономных республик. К январю 1942 г. в Чувашской АССР была оказана помощь эвакуированным: в Козловском районе – теплыми вещами и обувью на сумму 4594 руб., денежная помощь – 38730 руб.; в Советском районе – одеждой и обувью была оказана помощь 28 семьям на сумму 5400 руб.; в Октябрьском районе 292 семьям выдали 76 пар валенок, 11 пар кальсон, 140 м полусукна, 43 м бельевого материала; в Вурнарском районе 169 семей получили 21762 руб.⁶⁵

Одним из факторов обеспечения твердого прожиточного минимума эвакуированного населения явилось его трудоустройство, и, как показывают документы, этому вопросу правительство республики уделяло большое внимание. На места были даны распоряжения регулярно предоставлять в Переселенческие отделы при Совнаркоммах информацию о прибывающих специалистах, а предприятиям, организациям, учреждениям республики – сведения о нуждаемости в работниках той или иной профессии.

По данным источников видно, что значительная часть эвакуированных с первых же дней прибытия на места была устроена на работу. Однако в некоторых районах исполкомы райсоветов трудоустройством занимались плохо. Проведенный весной 1942 г. переучет эвакуированных в Чувашской АССР показал, что значительная часть их числа трудоспособного эвакуированного населения не работала. К 1 июня 1942 г. на предприя-

тиях, в колхозах, организациях, учреждениях и т. д. на территории ЧАССР работало 74 % трудоспособного эвакуированного населения⁶⁶. Наиболее низкие показатели в этот период были по Шемуршинскому, Алатырскому, Аликовскому, Порецкому, Ибресинскому, Вурнарскому, Марпосадскому, Канашскому, Комсомольскому, Урмарскому, Калининскому, Чкаловскому районам и в г. Чебоксары. В Ибресинском районе не работало 46 %, в Вурнарском – 37,2 %, в Комсомольском – 32 % трудоспособных переселенцев⁶⁷. На 15 октября 1943 г. из всех трудоспособных было занято работой в народном хозяйстве республики 92,2 % или 27837 и 30188 человек, на 1 января 1944 г. – 88,6 % или 22358 из 25237 человек⁶⁸.

Как показывают источники, некоторые эвакуированные работать просто не хотели, так как получали деньги по аттестату и жили в довольно сносных условиях. В Порецком районе проживали эвакуированные Макарова и Слепенькова, которые ежемесячно по аттестату получали 1 тыс. руб.⁶⁹ Некоторые отказывались от работы по малоуважительным причинам, часть эвакуированных не работала потому, что не с кем было оставить детей, бывали невыходы на работу из-за отсутствия одежды и обуви. Хотя были и такие случаи, когда эвакуированные хотели работать, но работой обеспечены не были.

Большинство трудностей в размещении, снабжении, обслуживании эвакуированного населения имели объективный характер и были связаны с общим для всей страны сложностями военного времени. Другие причины были связаны с особенностями развития народного хозяйства республики – сельскохозяйственная направленность, недостаточно высокий уровень развития промышленности, небольшое количество городов и малочисленность населения в них, неразвитость социально-культурной сферы. Республика не была готова к приему такого большого количества эвакуированных граждан. И, несмотря на это, их обеспечили продовольствием и предметами первой необходимости. В этом – несомненная заслуга тогдашнего руководства республики и ее жителей. Прибывшие в республику ни на минуту не чувствовали себя чужими, напротив, они ощущали себя членами единой общности и внесли свой вклад в развитие различных отраслей народного хозяйства и достижение победы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Печенкин А. А. Государственный комитет Обороны в 1941 году // Отечественная история. – 1944. – № 4-5. – С. 132.

2. Великая Отечественная война, 1941-1945. События. Люди. Документы: Краткий исторический справочник / Под общ. О. А. Ржешевского. – М., 1990. – С. 32, 409; Соколов Б. Г. Экономическое противоборство СССР и Германии в Великой Отечественной войне. – М., 2001. – С. 14.

3. Великая Отечественная война, 1941-1945. – С. 97, 409.

4. Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.). В 5-и томах. Сборник документов за 50 лет. – Т. 3 (1941-1952). – М., 1968. – С. 30-31.

5. Великая Отечественная война. 1941-1945. Энциклопедия. – М., 1985; История Великой Отечественной войны. Отражения советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. – Т. 2. – М., 1961. – С. 547.

6. Печенкин А. А. Государственный комитет Обороны в 1941 году. – С. 132.

7. История Великой Отечественной войны... – Т. 2. – С. 548.

8. ГИА ЧР. – Ф. 203. – Оп. 18. – Д. 218а. – Л. 5, 6.

9. ГИА ЧР. – Ф. 203. – Оп. 18. – Д. 218а. – Л. 6.

10. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 3. – Д. 3. – Л. 256; Ф. 203. – Оп. 18. – Д. 79. – Л. 360; Д. 218а. – Л. 1.

11. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 40.

12. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 14.

13. История Чувашии новейшего времени. – Книга I. 1917-1945. – Чебоксары, 2001. – С. 224.
14. ГИА ЧР. – Ф. 203. – Оп. 18. – Д. 219. – Л. 45.
15. ГИА ЧР. – Ф. 203. – Оп. 18. – Д. 219. – Л. 193.
16. ГАСИ ЧР. – Ф. 1. – Оп. 23. – Д. 109. – Л. 23.
17. ГАСИ ЧР. – Ф. 1. – Оп. 23. – Д. 429. – Л. 76.
18. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 53.
19. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 50.
20. ГИА ЧР. – Ф. 203. – Оп. 18. – Д. 113. – Л. 28.
21. ГАСИ ЧР. – Ф. 1. – Оп. 23. – Д. 125. – Л. 25.
22. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 33.
23. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 7.
24. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 10.
25. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 13, 14.
26. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 53. – Л. 50.
27. Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны (июнь 1941-1945 гг.). Сборник документов и материалов. – Чебоксары, 1975. – С. 249.
28. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 13.
29. Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны. – С. 248, 249.
30. Тимофеев В. В. Трудности эвакуации и их преодоление в годы Великой Отечественной войны (на материалах республик Марий Эл, Мордовии и Чувашии) // ВЧГПУ. – 2001. – № 4 (23). – С. 118.
31. ГИА ЧР. – Ф. 822. – Оп. 6. – Д. 7 – Л. 3.
32. ГАСИ ЧР. – Ф. 1. – Оп. 23. – Д. 725. – Л. 41.
33. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 46. – Л. 58, 60; Ф. 203. – Оп. 18. – Д. 218а. – Л. 14.
34. ГАСИ ЧР. – Ф. 1. – Оп. 23. – Д. 396. – Л. 18, 46.
35. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 29.
36. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 46. – Л. 60.
37. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 61. – Л. 65.
38. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 90.
39. ГАСИ ЧР. – Ф. 1. – Оп. 23. – Д. 429. – Л. 75; ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 14; Д. 46. – Л. 68, 84; Д. 65. – Л. 29.
40. Подколзина Н. А. Письмо от «Иволги» // Советская Чувашия. – 1995. – 11 апреля.
41. Ахазов Т. А. Укрепление дружбы народов и сближение наций в годы Великой Отечественной войны (на примере ЧАССР) // Вопросы социологии и демографии ЧАССР. – Чебоксары, 1975. – С. 25.
42. История Чувашии новейшего времени. – Книга I. – С. 218.
43. ГИА ЧР. – Ф. 203. – Оп. 18. – Д. 79. – Л. 49.
44. Сухова Е. В. Чувашия в годы Великой Отечественной войны: единство фронта и тыла. Социальный и духовный аспекты. – Чебоксары, 2002. – С. 14.
45. ГАРФ. – Ф. А. 262. – Оп. 1. – Д. 3679. – Л. 2.
46. ГАРФ. – Ф. А. 262. – Оп. 1. – Д. 3679. – Л. 5.
47. ГАРФ. – Ф. А. 262. – Оп. 1. – Д. 3679. – Л. 45, 46.
48. ГАРФ. – Ф. А. 262. – Оп. 1. – Д. 3679. – Л. 69.
49. ГАРФ. – Ф. А. 262. – Оп. 1. – Д. 3679. – Л. 103.
50. ГАРФ. – Ф. А. 262. – Оп. 1. – Д. 3679. – Л. 122.
51. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 61. – Л. 29.
52. ГАСИ ЧР. – Ф. 1. – Оп. 23. – Д. 426. – Л. 64.
53. ГАСИ ЧР. – Ф. 1. – Оп. 23. – Д. 426. – Л. 65; ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 2-5.

54. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 61. – Л. 29.
55. ГАСИ ЧР. – Ф. 1. – Оп. 23. – Д. 78. – Л. 28, 163; ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 29; Д. 36. – Л. 5, 15, 17; Д. 46. – Л. 83, 153; Ф. 203. – Оп. 18. – Д. 113. – Л. 125, 126.
56. Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967). – Т. 5. – С. 65; История Чувашии новейшего времени. – Книга I. 1917-1945. – С. 224.
57. ГАСИ ЧР. – Ф. 1. – Оп. 23. – Д. 1239. – Л. 26.
58. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 30.
59. ГИА ЧР. – Ф. 203. – Оп. 18. – Д. 219. – Л. 213.
60. ГИА ЧР. – Ф. 203. – Оп. 19. – Д. 71. – Л. 24.
61. История Чувашии новейшего времени. – Книга I. 1917-1945. – С. 224.
62. Колесник А. Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Проблемы тыла и всенародная помощь фронту. – М., 1982. – С. 97.
63. Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны. – С. 224.
64. ГИА ЧР. – Ф. 203. – Оп. 18. – Д. 218. – Л. 22, 32.
65. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 12.
66. ГАСИ ЧР. – Ф. 1. – Оп. 23. – Д. 424. – Л. 172.
67. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 69. – Л. 35, 41.
68. ГИА ЧР. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 28.

ЕТНІЧНІ МЕНШИНИ МИКОЛАЇВЩИНИ ПІД ЧАС ГОЛОДОМОРУ 1921-1923 РР.

Однією з найактуальніших проблем сьогодення є дослідження питань голодоморів. Їх слід розглядати не лише як трагедію українського народу, а й тих етносів, які проживали на території України і потрапили в горнило тоталітарної системи. Вивчення проблем етнічних меншин у минулому дає змогу прогнозувати сучасні проблеми, які можуть виникнути в державі.

Голод в Україні це малодосліджена соціально-економічна та морально-правова проблема, що за своїми демографічними наслідками є глобальною катастрофою ХХ ст. Історики частково з'ясували її причини та наслідки, але малодослідженим залишається етнічний аспект голодоморів, тобто його причини і наслідки в національних районах України.

Головною причиною голодомору 1921-1923 рр. були наслідки політики «воєнного комунізму» – тих примусових методів, за допомогою яких більшовицька влада домагалася виконання нереальних планів хлібозаготівель, незважаючи на неврожай, який охопив у 1921 р. південні, степові райони України. Особливо тяжке становище склалося в Катеринославській, Запорізькій, Одеській і Миколаївській губерніях. Це були райони, які до Першої світової війни були головними експортерами хліба. Там голодувало близько 7 млн. осіб.

Перехід від політики «воєнного комунізму» до непу відбувався не одномоментно, а зайняв певний проміжок часу (орієнтовно 1921 – перша половина 1923 рр.). Тому ми вважаємо за потрібне виділити в соціально-економічному і політичному розвитку українського села окремих етап переходу від політики «воєнного комунізму» до непу, датуючи його 1921 – першою половиною 1923 рр., коли продовжувалося здійснення політики «воєнного комунізму». На місцях проводилось розкуркулення заможної частини сільського населення (вересень 1920 – квітень 1921 рр.). У неї відбирали продукти харчування, одяг та предмети домашнього вжитку, причому 25 % використовували радянські службовці, а 50 % - члени КНС¹. Враховуючи, що колоністи в своїй більшості були заможними селянами, вказана акція, головним чином, охопила їх.

Як правило, конфіскація майна проводилася комуністами, членами КНС, ревкомів при сприянні міліції та військових частин, при цьому складалися акти і протоколи вилучення, подібні до цього:

«Протокол 1920 року, вересня, 14 дня.

Я, начальник 6-го району Одеської повітової міліції В. Булла в присутності члена КНС Ландау (німецьке село Одеського потім Вознесенського повіту Одеської губернії). Франца Михайловича Штольца і старшого міліціонера 6-го району Петра Яблоцького зробив обшук в квартирі громадянки Ганни Францівни Весбергер, сини якої добровільно пішли в лави білогвардійців. Обшук проводився по вилученню лишків речей та інших предметів. З усіх оглянутих речей виявилися зайвими: 21 жіноча блуза, 10 спідниць, 4 фартухи, 4 платки, 4 занавіски, 1 рушник, 1 тюфяк, 3 подушки, 1 ковдра, 8 пар старих панчіх, 1 картуз, 2 чоловічі пальто, 2 теплих кальсон, 3 жилетки, 2 піджаки, 1 шапка. Всі вищезазначені речі конфісковані як лишки. Підпис»².

Вилучали не тільки одяг і речі домашнього вжитку, а й живий і мертвий інвентар, розподіляли його серед бідноти. Зокрема, у Філіпа Брильця з того ж села забрали 10 корів, 3 телиці, 6 телят, 3 коней, 2 рядові сівалки, 2 тачанки, 1 фаєтон. Даремно заможні селяни, рятуючи від конфіскації своє майно, передавали на збереження найбіднішому населенню інвентар, одяг і предмети домашнього вжитку. Голова Ландауського волосно-

го КНС Іван Цапко грізно застерігав: «Винні з бідноти будуть віддані суду революційного трибуналу, а здане їм на збереження майно відібране». За час розкуркулення у 1920-1921 рр. у мешканців Ландау було конфісковано 102 коня, 171 корову, 33 пари упряжі³. Не кращим було становище і в інших колоніях Миколаївщини.

Для проведення подібних заходів формувалися повітові волосні «трійки», «п'ятірки» в складі голів ревкомів та КНС, секретаря комуністичного осередку, військового та продовольчого комісарів. З метою «викачування» хліба у волостях і селах створювалися продовольчі наради в складі голів волосних та сільських (виконкомів), КНС, військових комісарів. За допомогою грубої сили продовжувала стягуватися продовольча розверстка. Вона встановлювалася не тільки на зерно, а й на іншу сільськогосподарську продукцію. Радянська влада щодо селянства запроваджувала і такий репресивний захід, як заручництво.

Така політика радянської влади щодо селянства викликала з його боку рішучий протест. Одна з найбільш характерних рис цього часу – нестабільність внутрішньополітичної ситуації не лише навесні 1921 року (кронштадтський виступ моряків, селянський повстанський рух, посилення криміногенної ситуації), але й протягом всього 1921-1922 рр., та частково 1923 року. Незважаючи на те, що збройна боротьба з супротивниками радянської влади закінчилась перемогою останньої, у 1921 р. внутрішнє становище в Україні, зокрема на Миколаївщині, залишалось складним. Продовжувалися селянські заворушення, викликані на ґрунті неприйняття політики воєнного комунізму, головним складовим елементом якої була продовольча розверстка.

У Вознесенському повіті, а також у багатьох волостях і селах продовжували діяти ревкоми, або ж виконкоми змінювалися революційними комітетами.

Господарство було зруйноване багаторічною війною, революціями та соціально-економічними перетвореннями не тільки більшовицького уряду, а й інших політичних режимів, які калейдоскопічно змінювалися протягом періоду 1917-1920 рр. Значна частина орних земель не була засіяна. На ґрунті нестачі продовольства в містах на заводах і фабриках спалахували страйки. Посилилась опозиція всередині правлячої партії більшовиків. Для В. Леніна все більш очевидною ставала необхідність зміни курсу, тому в березні 1921 року на X з'їзді РКП(б) було прийнято рішення про заміну продрозверстки продовольчим податком, що мало означати скасування політики воєнного комунізму і введення нової економічної політики.

Однак насправді політика воєнного комунізму продовжувалися і після X з'їзду. Продрозверстка за 1920 рік стягувалася повністю, а проподаток мав збиратися лише з урожаю 1921 року. На Миколаївщині продрозверстка фактично продовжувалася до липня 1923 р. Цьому сприяло ряд причин:

Продподаток вводився для врожаю 1921 р., а врожай 1920 р. продовжував збиратися шляхом розверстки, яка була дещо зменшена. І це напередодні посівної компанії, коли зерна у селян майже не залишилося. Таким чином борг необхідно було покривати за рахунок врожаю 1921 р.⁴

Якщо враховувати посуху та неврожай 1921 і 1922 рр., то проподаток, який був зменшений у порівнянні з розверсткою, був фактично тією ж розверсткою, так як виконати його все одно було неможливо.

Методи, які використовувалися для збирання податку, залишалися такими ж як і при стягненні розверстки⁵.

В протоколі засідання Миколаївського губернського Військово-Продовольчого засідання від 18. 06. 1921 р. відзначалось: «Стан посівів по всій губернії катастрофічний. Встановлену навесні цифру в 14 млн. пудів необхідно звести до 5 млн. пудів, причому, ця цифра перебільшена, бо земоргани вважають, що максимум, що може дати Миколаївщина – це 3 млн. пудів»⁶. Незважаючи на це, рішення Політбюро ЦК КП(б)У від 30. 07.

1921 р. було наступним: «...Ставки для Запорізької, Донецької та Миколаївської губерній залишити без змін»⁷.

Як виконувався цей продподаток зрозуміло з багаточисленних документів. Показовою є телеграма одного із волосних податкових відділів Вознесенського райподатбюро: «При цьому направляємо 20 протоколів на неплатників податку, на предмет дозволу примусового стягнення податку»⁸. Як бачимо, податок стягувався так само, як і продрозверстка – примусово. Це надто боляче вдарило по заможних представниках етнічних меншин.

Відповідальність за стан справ на місцях покладалась на комуністів, але їх було мало, а після чергової чистки в кожній волості залишилося взагалі по 2-3 чоловіки. Становлення селянства до них було різко негативним. Населення відмовлялося годувати відряджених у села партійних працівників в зв'язку з чим, наприклад, інструктори Первомайського повіткому КП(б)У Одеської губернії не бажали їхати на місця, бо там вони залишалися зовсім голодними⁹.

Становище у південноукраїнському селі різко загострилося в зв'язку з голодом, який виник у 1921 р. Кліматичні умови цього року були вкрай несприятливими. Навесні і влітку не було дощів. Посуха 1921 р. повністю спалила посіви у Миколаївській губернії на 65 % площ, Катеринославській – на 64 %, Запорізькій – на 63 %, Одеській – на 45 %, Донецькій – 40 %. У 21 повіті п'ятох південних губерній (Одеської, Миколаївської, Запорізької, Донецької і Катеринославської) селяни не зібрали навіть посіяного насіння. Вражена засухою земля дала мізерні урожаї: озимої пшениці – 1,5 пуди, жита – 2, ярової пшениці – 1, баштану – 10 пудів з десятини¹⁰. В 10 інших повітах чистий збір хлібів не перевищував 5 пудів на душу населення. Кількість худоби в південних губерніях скоротилася наполовину, а свиней – на 70-80 %. Через відсутність вологи в ґрунті сходи восени 1921 року виявились поганими.

Перші прояви голоду на території Миколаївської губернії з'явилися в червні 1921 року. На засіданні губернської військово-продовольчої наради від 18 червня повідомлялось: «стан по всій губернії безрадісний», в Миколаївському повіті в 60-верстному радіусі від Миколаєва сходи загинули. Дещо краще в районах Нового Бугу і Привільного¹¹. На нараді було прийнято рішення просити наркомпрод припинити вивіз продовольства з Миколаївщини, не призначати податкового завдання до з'ясування розмірів неврожаю в губернії, залишити врожай озимини на насінневі потреби потерпілих від посухи. Не дивлячись на таке становище ЦК КП(б)У зобов'язав губком партії щоденно вантажити по п'ять вагонів хліба на північ¹². В кінці 1921 р. повністю голодуючими були оголошені Запорізька і Донецька губернії, Дніпропетровський, Херсонський і Миколаївський повіти Миколаївської губернії. Катеринославський і Новомосковський Катеринославської, Одеський і частково Тираспольський Одеської. У 1922 р. голод посилювався, влітку ним були охоплені нові території: Єлизаветградський повіт Миколаївської, Верхньодніпровський, Нікопольський, Криворізький і Павлоградський повіти Катеринославської, Тираспольський і Вознесенський Одеської губерній. Лише у Донецькій губернії голодувало 500 тис. чол.¹³

Однак держава вимагала у повному об'ємі виконання продрозверстки за 1920 рік, а потім і продподатку. 6 серпня 1921 В. Ленін повідомив наркомпрода УРСР М. Владимірова про свій намір широко застосувати війська для збирання продовольчого податку в Україні. Через кілька днів, 12 серпня, за його підписом вийшла спеціальна постанова Ради праці та оборони (РПО) про застосування надзвичайних заходів під час вилучення продподатку. Але у селянства не було можливості його сплатити. Повітові власті Вознесенська для стягування продподатку вирішили застосувати дещо з арсеналу методів воєнного комунізму. У всі волості були направлені уповноважені для забезпечення 100-процентного збору продовольчого податку. На горизонті цілком реально замаячило нове

розкуркулення. Вирішили застосувати військову силу. Так, 11 листопада 1921 року був виданий «терміново таємний наказ» по 43-ій бригаді 15-ї стрілецької дивізії про проведення «ударника» у селах повіту. Командирам 127 і 129 полків наказувалося з 12 листопада приступити до збирання продовольчого податку у Мостівській, Новокраснянській та Константинівській волостях¹⁴.

Скрізь проходили сільські сходи, де обирали ходаків, щоб клопотатися перед губернськими та повітовими властями про звільнення від продподатку в зв'язку з неврожаєм. Тисячами склалися заяви до податкових комісій про звільнення від сплати всього податку чи частини його. Велику кількість заяв подавали представники етнічних меншин. Ось одна з таких заяв від мешканця села Ландау Никодима Адамовича Ермен-траута: «Я виконав четверту частину продподатку, а решту виконати при всьому моєму бажанні не можу через відсутність хліба. Я засіяв був 5 десятин, з яких 1,5 десятини пшениці побив град. Приймаючи до уваги вищезазначене, прошу мене від виконання решти звільнити»¹⁵. Але власті на це не йшли домагаючись повного стягнення платежів.

Збирання продподатку йшло з великими труднощами. План 1921 року не був виконаний. Місцеві органи влади посилили репресивні заходи щодо неплатників: штрафи у подвійному чи потрійному розмірі, арешти, опис рухомого та нерухомого майна.

В зв'язку з голодом, настрої представників етнічних меншин був пригніченим. Заміна продрозверстки продподатком не принесла їм істотного полегшення. Розповсюдилися чутки, що в Україні буде буржуазна республіка. Товарообмінні операції кооперативних установ майже не проводяться через відсутність товарних фондів та грошових знаків у населення. Сільське господарство у занепаді, відсутній живий та мертвий інвентар. Багато волостей зовсім голодують. Розвивається карний бандитизм, особливо крадуть одяг і продукти. В деяких військових частинах, розташованих у повіті поширюється дезертирство на ґрунті відсутності обмундирування. Червоноармійці 51-ї дивізії займаються нальотами і тим загострюють взаємовідносини сільського населення і Червоної армії¹⁶.

У деяких волостях ставлення до радянської влади і компартії було відверто ворожим. «Відсутній посівний матеріал, – читаємо у зведенні Вознесенського повітового комітету КП(б)У від 9 березня 1922 року. – Цим користуються куркулі і контрреволюційні елементи, особливо підігриваючи ворожі настрої щодо комуністів. Ходять чутки про відхід радянської влади з України. Ціни на ринку зростають, кооперативи працюють слабо, конкурувати на ринку вони не в змозі, товарообмінні операції практично припинились. Населення віддає перевагу купівлі потрібних речей на ринку: на останньому якщо не дешевше, то кращої якості, більший вибір – нема канцелярської тяганини. Відсутнє насіння, частина землі не буде засіяна. Боротьба з голодом не ведеться»¹⁷.

З місць йшли тривожні повідомлення: «Скрізь: “Дайте хліба і насіння!” Незадоволення збиранням хліба понад продподаток, подвірним вилученням, тим, що не залишили хліба для посіву, а тепер – не дають. Погана погода – дощі, мороз, холодний вітер із снігом, велика багнюка, будь-яка робота в полі припинилась», – так писали в інформаційному зведенні Миколаївського губвиконкому за квітень 1922 року про становище на місцях¹⁸. Офіційні документи свідчать, що у Миколаївському повіті з 276327 чол. населення голодувало 156906. У Миколаєві, наприклад, голодувало 35 % мешканців, а недоїдало 85 %. Допомогу одержувала ледь половина населення. Пайків у січні-квітні 1922 року було надано 110375, калорійність кожного з них ледь досягала 800 калорій.

Ступінь голодування була жахливою, цілі сім'ї сиділи на фунті макухи протягом доби. Споживалося все, що можна було жувати: м'ясо собак і кішок, зброя, трупи загиблих тварин. Коріння пирію, луска проса були ласощами. Хліб випікали з домішками макухи до 50 %, а чечевиці і проса – до 80 %; він виходив глевким і важким. На ґрунті споживання різних сурогатів реєструвалися отруєння і смерть. Навесні люди падали від голоду і вмирали. Смертність стала перевищувати народжуваність¹⁹.

Жах голоду привів до появи канібалізму. Кількість випадків людодїства в Одеській губернії точно не відомо, проте їх було не мало. Миколаївський губздрав зареєстрував 18 подібних випадків: 7 – в Дніпропетровському повіті, 8 – в Херсоні, 3 – в Миколаївському повіті. На ґрунті голоду і пов'язаного з ним здичавіння людодїство затьмарило все²⁰.

У 1922 р. у Констянтинівській волості Вознесенського повіту голодувало 470 дорослих і 1874 дітей. В Ландауській волості того ж повіту в травні 1922 року голодувало 1409 дітей у віці до 5 років, 2603 – до 15 років, 4497 дорослих. Від голоду померло 11 чоловік. Ховали їх поспіхом, недбало: на цвинтарі копали неглибокі могили, мерці були ледь покриті землею. Часто трупи ставали здобиччю голодних собак²¹. До місцевих радянських службовців, зокрема до голів сільських Рад, – писали з Ландау, – населення ставиться вкрай вороже... Були випадки, коли місцеві жителі юрбою вдирались до виконкому, вимагаючи хліба. На ґрунті голоду посилювалися крадіжки. Кожний господар особисто охороняв свій двір... Серед злодіїв перше місце займали дезертири²².

Кримінальна ситуація все більше загострювалась. В ніч з 6 на 7 квітня 1922 р. в Ландау група озброєних людей з двома вантажними автомашинами, пов'язавши охорону, пограбувала склад з борошном. Проте пощастило затримати одну вантажівку і повернути частину борошна²³. Місцеві органи влади були шоковані розмахом карної злочинності. Голова Ландауського волвиконкому писав відчайдушного листа до Вознесенська: «На місцях з кожним днем кількість крадіжок і злочинного елементу збільшується. Вуличні злодії не несуть суворого покарання, і це дає можливість збільшувати численність нових злодіїв. За будь-яке порушення порядку і спокою у волості несуть відповідальність відповідачі (у 1921 р. в Ландау були складені списки 120 куркулів, які були відповідачами в разі нападу грабіжників, злодіїв, тобто потенційними заручниками)²⁴. Злодії прекрасно знаючи, що за злом та пограбування державних і громадських складів відповідальність несуть відповідачі, вільно чинять крадіжки. Надходять протоколи про внесення всіх злодіїв у відповідачі. Прошу термінових вказівок, як вчинити»²⁵. Вознесенський повітовий виконком дав добро, внаслідок чого був складений список 55 мешканців Ландау, викритих в крадіжках, нальотах та вбивствах, починаючи з 1919 року²⁶.

Безвихідним було становище шкільних вчителів. «8 вчителів сидять зовсім без хліба, – писав Ландауський волвиконком у доповідній записці Вознесенському повітовому виконкому. – 7 поїхали за хлібом в урожайні місцевості, а решта включно зайнята добуванням насущного хліба... Щодня в кожній колонії помирає голодного смертю від 6 до 17 чоловік. Звичайне явище – бачити дітей, які лежать на землі й гризуть кістки минулорічної падалі»²⁷.

Для боротьби з голодом створювалися відповідні сільські та волосні комісії (Допглоли), встановлювався додатковий збір на всіх млинах на користь голодуючих, розподілялися пайки, одержані з різних регіонів країни та з-за кордону. Місцеві власті намагалися поставити під жорсткий контроль роботу млинів. Особливо це стосувалося тих млинів, які мали німці та євреї. У 1921 році помел зерна заборонили особам, які не виконували продрозверстку. Для постачання хоча б мінімальною кількістю продовольством вчителів, медичних працівників, радянських службовців волвиконком навісні 1922 року ще раз обклав заможних господарів зерною повинністю²⁸.

Влітку 1922 року Миколаївську губернію вразив новий неврожай. Валовий збір зерна, хоч втричі і перевищив минулорічний, однак становив лише 40 % від середньорічного рівня 1916 року. Значно погіршився стан тваринництва. Поголів'я худоби в порівнянні з 1921 р. скоротилося на 58 %, у багатьох селах збереглося не більше 10 % худоби²⁹.

На території губернії на початку 1922 р. було створено Раду захисту дітей (Радзадіт), головним завданням якої було покращення побуту дітей. Дітей сиріт і напівсиріт розміщали в будинках грудних дітей, дитячих будинках, інтернатах, де вони знаходились на повному утриманні. На заклик Радзадіту про допомогу відгукнулось 16 організацій, які

патрунували 2000 дітей. У зв'язку з значним зростанням безпритульності дітей були відкриті приймальні пункти на 300 чоловік³⁰. Проте діти, що надходили до приймальника, були настільки виснажені, що їх помирало до 80 %³¹.

В той же час із різних губерній України, центральних районів Росії, Поволжя та Сибіру на Південь прибували сім'ї, які раніше проживали тут і виїхали під час проведення столипінської аграрної реформи. Крім того, багатьох сільських господарів (головним чином представників етнічних меншин) зобов'язували брати на виховання дітей з Поволжя. Про примусовий характер цієї добровільної акції свідчить хоча б такий документ:

«Підписка. Лютого, 11 дня, 1922 року даю цю підписку голові Ландауського волвиконкому Гіршу в тому, що я, Шардт Йоганн, взяв на повне утримання хлопчика з Поволжя і буду його утримувати, як рідного. В разі зловживання чи відмови утримувати хлопчика я підлягатиму суду Ревтрибуналу. Підпис»³².

І це при тому, що незважаючи на деякі статистичні розходження, всі документи засвідчують одне – за інтенсивністю і розмірами голод в степовій Україні нічим не відрізнявся від голоду у Поволжі.

Найжахливішими були демографічні наслідки голоду. Знижуючи опір організму, голод загострив чимало хвороб і сприяв поширенню пошестей. За даними Наркомздоров'я УРСР, тільки за сім місяців 1922 р. у неврожайних губерніях республіки хворіло на холеру 24,4 тис. чоловік, на черевний тиф – близько 19,6 тис., на висипний – 136,6 тис. та на зворотний – 141,7 тис. чоловік. Значно зросла смертність населення.

Точне число жертв голоду в Україні не встановлено. Відповідні дані даремно було б шукати серед недоступних раніше історикам архівних матеріалів – у них не було потреби, так само, як і в об'єктивній оцінці врожаю 1921 р. За розрахунками Наркомздоров'я УРСР, від голоду до осені померло 47,5 тис. чоловік, а зважаючи на скорочення природного приросту народонаселення, чисельність мешканців республіки зменшилася на 235 тис. чоловік. Однак, навіть за офіційною оцінкою, ці показники визнавалися дуже неповними.

Таким чином, наведені факти свідчать про подальше погіршення економічної ситуації в південноукраїнському селі, зокрема, руйнуванням його продуктивних сил, пов'язаних з голодомором 1921-1923 рр., викликаним як об'єктивними обставинами (посухою), так і репресивною політикою радянської влади щодо заможного селянства. Спостерігалися численні факти селянського повстанського руху, діяли злочинні угруповання, що особливо проявлялось в середовищі етнічних меншин.

ПРИМІТКИ:

1. ДАМО. – Ф. Р. 185. – Оп. 1. – Спр. 4. – Арк. 1.
2. ДАМО. – Ф. Р. 185. – Оп. 1. – Спр. 2. – Арк. 4.
3. ДАМО. – Ф. Р. 185. – Оп. 1. – Спр. 61. – Арк. 23; Ф. Р. 680. – Оп. 1. – Спр. 1. – Арк. 69.
4. Голод 1921-1923 років в Україні: Зб. документів і матеріалів. – К., 1993. – С. 218.
5. *Петров В. А.* Продналоговая компания на Николаевщине (март 1921 – июль 1923 гг.) // *История. Етнография. Культура. Нові дослідження.* – Миколаїв, 2000. – С. 120-121.
6. Голод 1921-1923 років в Україні. – С. 26.
7. Там само. – С. 30.
8. ДАМО – Ф. Р. 1780. – Оп. 1. – Спр. 18. – Арк. 14.
9. ДАОО. – Ф. П. 3. – Оп. 1 – Спр. 251. – Арк. 278.
10. ДАМО. – Ф. Р. 265. – Оп. 1. – Спр. 8. – Арк. 12.
11. ЦДАВОВ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Спр. 316. – Арк. 54.
12. ЦДАВОВ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Спр. 17. – Арк. 7.
13. *Мовчан О. Н.* Трудящиеся УССР в борьбе с продовольственным кризисом при переходе к нэпу. – К., 1988. – С. 7-8.

14. ДАМО. – Ф. Р. 265. – Оп. 1. – Спр. 1. – Арк. 10.
15. ДАМО. – Ф. Р. 265. – Оп. 1. – Спр. 8. – Арк. 59.
16. ДАОО. – Ф. П. 3. – Оп. 1. – Спр. 389. – Арк. 6.
17. ДАОО. – Ф. П. 3. – Оп. 1. – Спр. 304. – Арк. 196-197.
18. ДАМО. – Ф. Р. 158. – Оп. 1. – Спр. 221. – Арк. 185.
19. *Тригуб П. Н.* Південноукраїнське село в період переходу від політики воєнного комунізму до нової економічної політики (1921 – перша половина 1923 рр.) //Наукові праці. – Т. 2. – Миколаїв, 1999. – С. 47.
20. *Шитюк М. М.* Миколаївщина в голодних 1921-1923 роках //Матеріали III Миколаївської обласної краєзнавчої конференції «Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження». – Т. 2. – Миколаїв, 1997. – С. 78.
21. ДАМО. – Ф. Р. 1567. – Оп. 1. – Спр. 11. – Арк. 1.
22. ДАМО. – Ф. Р. 185. – Оп. 1. – Спр. 10. – Арк. 26.
23. ДАМО. – Ф. Р. 185. – Оп. 1. – Спр. 4. – Арк. 271.
24. ДАМО. – Ф. Р. 185. – Оп. 1. – Спр. 31. – Арк. 13-15.
25. Там само. – Арк. 23.
26. Там само. – Арк. 29.
27. ДАМО. – Ф. Р. 185. – Оп. 1. – Спр. 78. – Арк. 4-7.
28. Красный Николаев. – 1922. – 15 и 24 января.
29. ЦДАГО. – Ф. 1. – Оп. 6. – Спр. 29. – Арк. 14.
30. Там само. – Арк. 16.
31. Там само. – Арк. 50.
32. ДАМО. – Ф. Р. 185. – Оп. 1. – Спр. 23. – Арк. 90.

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВІТНЯ ДІЯЛЬНІСТЬ ОДЕСЬКОГО СЛОВ'ЯНСЬКОГО
БЛАГОДІЙНОГО ТОВАРИСТВА**

ОСБТ виникло у 1870 році з метою «заохочення корисної праці в області слов'янської науки і мистецтва та надання допомоги недостатнім слов'янам». Це було четверте за часом заснування слов'янське товариство в Російській імперії. Перше подібне товариство – Московський слов'янський комітет – виникло після Кримської війни, у 1858 р. і ставило за мету надання різноманітної допомоги, переважно благодійного характеру, слов'янським народам, що знаходились під владою Туреччини та Австро-Угорщини. За ініціативою Московського слов'янського комітету у 1867 р. було проведено Слов'янський з'їзд у Москві, який став поштовхом до заснування благодійних слов'янських товариств у найбільших містах Російської імперії. Так, у 1868 р. виник слов'янський комітет у Петербурзі, у 1869 р. – у Києві, у 1870 р. – в Одесі. Всі вони, крім ОСБТ, існували спочатку як відділи Московського комітету і тільки в 70-х роках ХІХ ст. перетворилися на самостійні благодійні товариства.

Діяльність слов'янських товариств в історичній літературі висвітлена недостатньо, серед найбільш ґрунтовних розвідок можна назвати дослідження С. Нікітіна «Славянские комитеты в России. 1858-1878», що вийшло друком ще у 1960 р. Між тим, до складу цих товариств входили найкращі представники тогочасної інтелігенції: О. Бодянский, який був серед ініціаторів заснування Московського комітету, І. Срезневський – входив до складу Петербурзького комітету, М. Максимович, А. Линниченко, П. Антонович, М. Рігельман – активні члени Київського товариства. Потребує подальшого вивчення і практична діяльність товариств, яка, всупереч усталеній думці, не обмежувалася тільки збором добровільних пожертвувань і встановленням стипендій для незабезпечених південних та західних слов'ян, що навчалися в Росії. У цьому аспекті особливу увагу привертає діяльність ОСБТ, розгляд якої і є науковим завданням автора статті.

За статутом ОСБТ, затвердженим 8 квітня 1870 р., діяльність товариства (за прикладом Московського, Петербурзького та Київського комітетів) мала зосереджуватись в області надання матеріальної допомоги недостатнім слов'янам та сприяння в отриманні ними освіти¹, що і було реалізовано на практиці: при товаристві відкрилась слов'янська читальня з бібліотекою, було виділено спеціальні стипендії для слов'ян, які навчалися у Новоросійському університеті, а згодом відкрито спеціальний навчальний заклад для слов'янських дівчат. Але характерною особливістю ОСБТ було те, що поряд із благодійною діяльністю його члени активно займалися культурно-просвітницькою роботою переважно серед малозабезпечених верств населення Одеси та передмістя.

У ІІ половині ХІХ ст., на тлі соціальних реформ, що проводилися в межах усієї Російської імперії, інтелігенція все більшу увагу звертала на освітній рівень народу. У 60-80-х роках ХІХ ст. у Харкові і Києві виникають товариства писемності, які на початку ХХ ст. перетворилися на великі культурно-освітні центри. Члени товариства влаштовували концерти і театральні вистави, відкривали безплатні бібліотеки, недільні класи, організували народні читання. Подібна ідея виникає і серед одеської інтелігенції. На сторінках однієї із популярних газет «Одесский вестник» на початку 1860-х років повідомляється про намір заснувати в Одесі Товариство грамотності і навіть розпочинається публікація списків бажаючих вступити до нього. На жаль, через низку обставин товариство так і не було відкрито. Натомість ідея культурно-просвітньої роботи серед народу була підхоплена членами ОСБТ і реалізована шляхом влаштування народних читань, загальнодоступних лекцій, літературно-музичних та драматичних вечорів.

Однією із найбільш популярних форм культурно-просвітницької діяльності товариства були народні читання, що представляли собою чи не єдину на той час форму позашкільної роботи, яку можна було використовувати для підвищення культурного рівня неписьменного дорослого населення (недільні школи були заборонені урядом у 1862 році). Офіційний дозвіл на організацію народних читань у губернських містах урядом було видано у 1876 р., і вже на початку 1880-х років подібні читання існували у Києві та Харкові. Ідея про відкриття народних читань в Одесі вийшла від бувшого генерал-губернатора краю, члена ОСБТ князя А. Дондукова-Корсакова, дозвіл було отримано у березні 1882 р., і вже 25 квітня відбулося перше читання². Згодом при правлінні товариства було створено Комісію для проведення народних читань, до якої увійшли С. Знаменський (голова), І. Карвацький, Х. Лучич, С. Кременський, Г. Афанасьєв. Комісія складала програму читань, залучала до співпраці викладачів навчальних закладів, налагоджувала зв'язки з керівниками народних читань в інших містах південного регіону.

Народні читання здобули велику популярність серед населення Одеси. У перший рік було проведено 14 читань, які відвідало 4 138 слухачів, у 1883 р. кількість читань збільшилася до 31, кількість слухачів відповідно до 9 443 чоловік. У звіті правління ОСБО за 1886 р. зафіксовано проведення 44 читань, на яких побувало 28 296 слухачів. Загалом за десять років від початку проведення (до 1892 р.) відбулося 497 читань, які відвідало біля 200 тисяч чоловік.

Організація народних читань не вимагала великих витрат (лектори виступали безкоштовно), при цьому максимально враховувалися запити численної аудиторії. Тематика читань була досить різноманітною. Включаючи загальні відомості з природознавства, географії, літератури, історії, читання були розраховані переважно на малограмотну частину населення.

Аналіз програм народних читань дозволяє стверджувати, що найбільшою популярністю користувалися читання з історії та літератури. Так, із 42 народних читань, організованих у 1885 р., 11 лекцій було на історичну тематику та 8 – з літератури, у 1889 р. (у двох аудиторіях) – відповідно 22 та 20 читань при загальній кількості 65³. У звіті правління ОСБТ за 1890 рік вказувалося, що «народ найбільше цікавиться історичними читаннями, які торкаються розгляду великих реформ та діяльності окремих історичних постатей, та активно відвідує читання класичних творів О. Пушкіна, М. Гоголя, М. Лермонтова та ін.»⁴

Разом з тим слід відзначити, що на початку 1890-х років спостерігається тенденція до зменшення кількості відвідувачів народних читань (якщо у другій половині 1880-х років середнє число слухачів сягало 500-600 осіб на одну лекцію, то на початку 1890-х років цей показник складав 300-350 чоловік). Низький рівень відвідування у цей період пояснювався вузьким колом дозволеної до публічних читань літератури, що приводило до частих повторень («Полтава» О. С. Пушкіна, наприклад, у 1889 р. читалася 11 раз). З метою підвищення рівня народних читань, правління ОСБТ за підтримки бувшого тимчасового Одеського генерал-губернатора Х. Роопа звернулося до Вченого комітету Міністерства народної освіти з проханням розширити коло читань. Дозвіл на проведення нових читань було отримано, а список літератури поповнився на 95 нових творів переважно з історії, літератури та географії⁵.

Члени Комісії для проведення народних читань постійно шукали нові шляхи вдосконалення публічних читань. Як відзначав голова Комісії С. Знаменський, «народ самою природою речей та умовами життя тягнеться до нових знань. Ці знання необхідні йому для самовизначення, для покращення освітнього рівня, для заповнення дозвілля. Ось чому необхідно турбуватися про те, щоб читання проводилися доцільно та якомога продуктивніше»⁶. Для досягнення поставленої мети Комісія започаткувала нові форми

проведення народних читань. Якщо в попередні роки практикувалося виключно читання окремих текстів з коментарями, то, починаючи з 1891 р., народні читання з історії та літератури проводилися у вигляді систематичних читань по предметам. Так, наприклад, читання з історії у 1891 р. охоплювали період від початків Київської Русі до часу Івана Лютото, у 1892 р. виклад було продовжено до правління Катерини II включно, у 1893 р. – до реформ Олександра II. Для проведення систематичних читань членами Комісії на основі дозволеної літератури готувалися спеціальні брошури, що потім поширювалися серед аудиторії. На початку ХХ ст., зважаючи на підвищення інтересу до читань та прагнення до освіти серед робітничого люду, на правлінні ОСБТ було вирішено під час читань започаткувати проведення бесід та обговорення викладеного матеріалу⁷.

Разом з тим, намагаючись задовольнити потреби різноманітної аудиторії, серед якої були і прості малограмотні робітники і випускники народних училищ, за ініціативою членів ОСБТ з середини 1890-х років влаштовуються загальнодоступні публічні лекції, які мали на меті популяризацію наукових знань. На таких лекціях давалася глибша інформація по тому ж колу предметів, які розглядалися під час народних читань⁸. З цією метою при Одеській народній аудиторії було створено Лекційний комітет, до кола завдань якого входило: поширювати відомості про читання лекцій, зробити їх максимально доступними для народу як за змістом, так і за платою (вхідна плата була визначена від 1 до 5 копійок), забезпечити проведення лекцій наочним матеріалом, встановити з відвідувачами лекцій зворотній зв'язок шляхом співбесід та письмових побажань⁹.

Особливість загальнодоступних лекцій полягала у тому, що вони влаштовувалися у формі систематичних курсів з окремих дисциплін, до їх проведення залучалися, як правило, фахівці, серед яких переважно більшість складали університетські викладачі. Починаючи з 1897 р., Лекційний комітет розпочав підписку на лекції, яка починалася у вересні, за один – два місяці до початку курсів. Разом з тим практикувалося і вільне відвідування. Записуючись на відвідування лекцій, слухачі мали вказувати вік, освіту, рід занять, місце проживання та предмети, які їх зацікавили. За матеріалами підписки Лекційним комітетом складалися бюлетені у вигляді таблиць, які потім роздавалися членам комітету. На основі цих бюлетенів лектори складали програми курсів, враховуючи освітній рівень та інтереси слухачів.

За 1897-1900 рр. Лекційним комітетом було організовано та проведено 406 лекцій по 11 предметам (література, історія, географія, космографія, анатомія, фізика, хімія, ботаніка, геологія, економіка, законодавство), середня кількість відвідувачів складала 600-700 осіб на кожну лекцію¹⁰. Цікаво, що на відміну від народних читань, де інтерес викликали в першу чергу заняття з історії та літератури, найбільшою популярністю на загальнодоступних лекціях користувалися курси з фізики (64 лекції за три роки), хімії (66 лекцій) та географії (58 лекцій). Слід відзначити, що така форма просвітницької діяльності поступово, починаючи з перших років ХХ ст., витісняє народні читання.

Великої популярності серед населення набули літературно-музичні та драматичні вечори, що влаштовувалися ОСБТ в народних аудиторіях. Початок було покладено в січні 1893 р. під час перебування в Одесі видатного композитора П. І. Чайковського, який відгукнувся на запрошення керівництва ОСБТ і особисто брав участь у проведенні першого літературно-музичного вечора, що відбувався в залі Біржового комітету. Під час музичної частини вечора, що складалася із творів композитора, П. І. Чайковський особисто керував аматорським оркестром народної аудиторії¹¹.

Загалом літературні та драматичні вечори як форми культурно-просвітницької діяльності мали на меті знайомство робітничого люду з біографією та творчістю видатних класиків російської та української літератури – М. Гоголя, О. Толстого, Л. Толстого, В. Жуковського, М. Лермонтова, О. Островського, І. Тургенєва. Як правило, вечори складалися з двох змістовних частин: лекції про життєвий шлях та значення творчості поета

чи письменника і читання або постановки уривків з його творів. Якщо вечір був літературно-музичним, то у першій частині, як правило, повідомлялося про біографію композитора, у другій – виконувалися його твори. До 1891 р. включно було проведено 55 літературно-музичних та драматичних вечорів, які відвідали майже 30000 чоловік¹².

З відкриттям міської народної аудиторії справа влаштування таких вечорів значно розширилася. У перші роки її діяльності проведено більше 100 заходів, на кожному з яких були присутніми до 900 осіб¹³. Тоді ж на зборах правління товариства було утворено літературну і музичну комісії ОСБТ, які очолили активні організатори та учасники вечорів, професори Новоросійського університету О. І. Кирпичников та О. І. Маркевич.

Цікаво відзначити, що такі вечори з великим задоволенням відвідувало жіноцтво, яке складало приблизно 60 %, в той час як на народних читаннях цей показник сягав лише 30-35 %. За віковою ознакою переважну більшість відвідувачів (46,7 %) склали діти та підлітки віком до 15 років, тому на правлінні ОСБТ було вирішено влаштовувати у вихідні дні безкоштовні дитячі ранки з читаннями літературних творів для дітей. Проводилися також святкові читання для дітей у дні релігійних свят.

З кінця 1890-х рр. культурно-просвітня діяльність ОСБТ доповнюється новими заходами, зокрема, з метою популяризації творчості українських та російських прозаїків запроваджується проведення загальнодоступних вистав з постановкою драматичних творів. Для їх проведення при ОСБТ було створено спеціальну театральну комісію, яку очолив С. Крапівін, та постійну акторську трупу із 9 чоловік (режисер – М. І. Кленський). Комісія складала програми вистав та залучала до участі у них професійних одеських акторів. Так, наприклад, у 1909 р. у приміщеннях народних аудиторій відбулося 34 вистави при 12000 відвідувачів¹⁴. Відзначимо, що найбільшою популярністю серед населення користувалися постановки на твори українських письменників М. Кропивницького «Пошилися у дурні», Т. Шевченка «Назар Стодоля», М. Старицького «Богдан Хмельницький», «Ой, не ходи Грицю, та на вечорниці», І. Тобілевича «Сава Чалий». На початку ХХ ст. популярність таких постановок зросла більше як на 50 %: якщо у 1899 р. співвідношення вистав за творами російських і українських авторів становило приблизно половину, то вже у 1902 р. із 25 драматичних вечорів, що проведені в міській аудиторії, 20 були українськими постановками¹⁵.

Кошти, зібрані під час проведення вечорів та вистав (вхідна плата складала 5 копійок), йшли на потреби Комісії для проведення народних читань та на благодійність. Так, наприклад, у 1887 р. було влаштовано два літературних вечора, присвячених творчості О. С. Пушкіна, частина збору за які (100 рублів) була пожертвована на зведення в Одесі пам'ятника великому поету.

До проведення народних читань, загальнодоступних лекцій та літературно-музичних вечорів керівництво народних аудиторій намагалося залучати педагогів та лекторів середніх і вищих навчальних закладів. Активно співпрацювали з нею викладачі Новоросійського університету – історики Г. Афанасьєв, О. Маркевич, історик літератури О. Кирпичников, філолог М. Мандес, правник А. Борзенко. Для проведення літературно-музичних та драматичних вечорів залучалися драматичні артисти.

Постійними учасниками заходів ОСБТ були члени Одеської громади Д. Сигаревич, А. Синявський, А. Крижанівський, С. Сингаївський. Ось як писав про участь громадівців в народних читаннях А. Синявський: «Вчитель реального училища св. Павла – Руденко І. Л. і інспектор тієї ж школи Крижановський А. В. зв'язувалися також з ширшою культурно-просвітницькою напівлегальною роботою, а також викладач вищих жіночих курсів і військової школи – Синявський А. С., працюючи в аудиторіях «Народних читань», з часу її заснування: Руденко завідував аудиторією, а Крижановський і Синявський працювали як лектори. Перший – з літератури, а Синявський – з історії й економіки, читаючи лекції переважно для робочої аудиторії»¹⁶.

Особлива увага членами ОСБТ зверталася на покращення матеріально-технічної бази. Під час проведення читань, лекцій та вистав широко використовувався наочний матеріал, практикувалася музичні паузи та безкоштовна роздача літератури. Керуючись гаслом «грамотна не та людина, яка вміє читати, а та, яка дійсно читає» (слова активного діяча у справі поширення просвіти серед народу, члена ОСБТ, професора Новоросійського університету О. Кирпичникова), ОСБТ у 1886 р. заснувало Кирило-Мефодіївське книжне сховище. Діяльність книжного сховища полягала у забезпеченні книгами читалень при народних аудиторіях, поширенні та продажу популярної літератури під час читань (вартість одного примірника коливалася від 1 до 15 копійок)¹⁷. З середини 1890-х років відкриваються відділи книжного сховища у приміських селах та у містах регіону. Одним із важливих напрямів стало видання брошурок на основі прочитаних загальнодоступних лекцій з метою зробити їх популярними серед різноманітної публіки. Так, у 1894 р. було видано 8 брошурок найбільш популярних серед слухачів лекцій, більшість з яких – на історичну тематику: «Прошлое и настоящее Одессы. К 100-летию города» С. Чудновського, «Биография де-Рибаса, Ришелье и Воронова» В. Яковлева, «Крылов и его басни» О. Маркевича, «Воспитание Петра Великого» В. Ястребова, «Гугеноты во Франции» Г. Афанасьєва¹⁸. Загальний тираж складав 35000 одиниць, більшу частину примірників було безкоштовно роздано, частину переведено до читалень, частину надано у продаж.

Для тих, хто не міг собі дозволити придбати книги навіть за символічну плату, ОСБТ відкривало безкоштовні читальні при народних аудиторіях. Слід відзначити, що спочатку практикувалася видача книг для відвідувачів лише у читальній залі, згодом було організовано абонементи видачі книг для домашнього читання під невелику заставу, що значно сприяло розширенню кола читачів. Перша народна читальня була відкрита ще у 1885 р. при аудиторії на Ямській вулиці і попервах нараховувала всього 143 примірника популярної літератури, на початку 1890-х років у бібліотеці було вже 2300 книг¹⁹. Великою популярністю серед населення користувалася народна читальня при Одеській міській аудиторії, завідувачем якої став громадівець І. Руденко. У 1893-1895 рр. читальня мала майже 200 абонентів і нараховувала біля трьох тисяч книг, в середньому на рік видавалося більше 1000 одиниць літератури²⁰. З 1895 року бібліотека народних читань за браком місця в Одеській міській аудиторії була переведена у спеціально виділене для неї приміщення в загальноміській народній читальні.

Діяльність ОСБТ у справі просвітництва не обмежувалася тільки Одесою. У 1888 р. Міністерством народної освіти видано дозвіл на проведення народних читань у селах, у 1894 р. – в повітових містах. З 1893 року ОСБТ розпочало підготовку для проведення народних читань в приміських селах. Кошти на організацію народних читань на селі виділило Одеське міщанське товариство, у 1894 р. було отримано дозвіл на влаштування читань і вже у жовтні – грудні було проведено перші народні читання в п'яти приміських селах, які відвідало 15 тисяч чоловік²¹. Відзначаючи, що народні читання є чи не єдиним «вікном культури на селі», на загальних зборах ОСБТ було визнано за необхідне створити місцеві комітети для проведення народних читань. Керівники читань намагалися зробити їх максимально корисними та пізнавальними. У 1903 р. за ініціативою І. Руденка було проведено декілька виїзних засідань Комісії, на яких були присутні сільські вчителі та священики з метою набуття досвіду.

Згодом ОСБТ вдалося розширити і географію проведення культурно-просвітніх заходів і кількість відвідувачів на них. Так, на початку ХХ ст. у селах Великий Фонтан, Дальник-1, Дальник-2, Нерубайському, Середній Фонтан, Гнилякове, Фомина Балка, Крива Балка та Усатове в середньому проводилося біля 200 народних читань та літературних вечорів на рік з середньою кількістю слухачів до 100 осіб²². Тематика сільських

читань була максимально наближеною до програм народних читань у міських аудиторіях.

У галузі культурно-просвітницької роботи ОСБТ підтримувало зв'язки з одеськими благодійними товариствами та організаціями: Одеським міщанським товариством, Грецьким благодійним товариством, Товариством боротьби за тверезість. Під час підготовки до проведення літературно-музичних та драматичних вечорів керівники відповідних комісій активно співпрацювали з Музичним товариством, Одеським акторським кружком, Одеською школою малювання. Звернемо увагу на зв'язки ОСБТ і українського товариства «Просвіта», об'єднаними зусиллями яких у 1906 р. в міській народній аудиторії було проведено літературно-музичний вечір пам'яті Т. Г. Шевченка.

Відзначимо і співпрацю ОСБТ з просвітянами інших регіонів. Так, з 1886 р. було встановлено обмін ілюстративним матеріалом з Комісіями народних читань у Херсоні, Мелітополі, Севастополі, Керчі, Кишиневі, Тирасполі. У 1889 р. при Комісії ОСБТ було створено Рекомендаційне бюро підбору навчальних книг для читачів різного віку, яке очолив професор О. І. Кирпичников. Рекомендаційне бюро опікувалося питаннями підбору книг для читалень при народних аудиторіях, складанням каталогів. Оскільки на адресу Комісії постійно надходили прохання про надання у користування літератури для читань від громадських та урядових організацій, благодійних товариств Одеси та інших міст, одним із завдань Рекомендаційного бюро стало формування невеликих бібліотечок для народних читалень та шкільних бібліотек. Тільки у 1892 р. було вислано літературу на запитання Херсонського та Хотинського земств, складено бібліотеки для сільських шкіл Херсонської та Полтавської губерній, сирітського притулку в Херсоні, Вінницького церковно-приходського училища. Загальна кількість безоплатних видань, які щорічно надсилалися за вимогами, складала біля 1500 одиниць.

За плідну діяльність у справі організації народних читань ОСБО було нагороджене золотою медаллю, а один із найактивніших членів товариства І. Карвацький обраний до Комісії народних читань Міністерства народної освіти. Але, як справедливо відзначив І. Руденко, справжнім визнанням для одеських просвітян були слова вдячності одного із відвідувачів Одеської міської народної аудиторії про те, що «аудиторія для багатьох людей – храм, бог якого – наука. Сійте розумне, добре, вічне і спасибі вам скажуть сердечне... якщо не всі, то кращі із слухачів, які прагнуть виростити в собі закладені з вашою допомогою зерна науки»²³.

Таким чином, культурно-просвітня діяльність ОСБТ мала досить широкий і різноплановий характер. Успіх товариства в багатьох аспектах обумовлювався підтримкою міської влади, за допомогою якої було забезпечено більш-менш стійку матеріальну базу, та зацікавленістю самих членів товариства, адже справа, особливо на перших порах, була безоплатною і потребувала самовіддачі та ентузіазму. Залежно від попиту населення культурно-просвітня діяльність ОСБТ набувала різноманітних форм.

Широку і планомірну діяльність в галузі культурно-освітньої роботи товариство розпочало з народних читань, які за кількістю проведених заходів користувалися найбільшою популярністю у 80-90-х роках XIX ст. Для їх проведення було використало як здобутки інших просвітніх товариств у цій галузі, так і власну ініціативу. Починаючи з середини 1890-х років ОСБТ практикувало нові форми роботи: загальнодоступні лекції, літературно-музичні та драматичні вечори, створивши спеціальні комісії, які розробили методику їх проведення. Великого значення у діяльності товариства також набула робота книжного сховища та бібліотек-читалень при народних аудиторіях, що знайшла визнання серед малозабезпечених верств населення міста.

Важливо відзначити, що культурно-просвітня діяльність ОСБТ не обмежувалася тільки Одесою, а поширювалася і на приміські села, а своїми здобутками товариство охоче ділилося з просвітянами інших регіонів.

ПРИМІТКИ:

1. Устав ОСБО. – Одесса, 1870. – С. 2.
2. Одесса. 1794-1894. К столетию города. – Вып. 1. – Одесса, 1894. – С. 766.
3. Отчет правления ОСБО за 1889 г. – Одесса, 1890. – С. 7-9.
4. Отчет правления ОСБО за 1890 г. – Одесса, 1891. – С. 5.
5. Циркуляр по Одесскому учебному округу. – 1890, август.
6. Отчет правления ОСБО за 1903 г. – Одесса, 1904. – С. 11-12.
7. Отчет правления ОСБО за 1904 г. – Одесса, 1905. – С. 9-10.
8. *Маркевич А.* О нашей народной аудитории (письмо в редакцию) //Одесский листок. – 1896. – 16 сентября.
9. Отчет о деятельности Лекционного комитета при Одесской городской аудиторией за 1897-1900 уч. г. – Одесса, 1901. – С. 5-6.
10. Там само. – С. 18.
11. Отчет правления ОСБО за 1893 г. – Одесса, 1894. – С. 28.
12. Отчет правления ОСБО за 1891 г. – Одесса, 1892. – С. 4.
13. Отчет о деятельности Лекционного комитета. – С. 47; *Карвацкий И. В.* Городская аудитория для народных чтений в Одессе. – Одесса, 1895. – С. 45.
14. Отчет правления ОСБО за 1910 г. – Одесса, 1911. – С. 5.
15. Отчет правления ОСБО за 1902 г. – Одесса, 1903. – С. 17-18.
16. *Синявський А. С.* Дмитро Сигаревич //Вибрані праці. – К., 1993. – С. 44.
17. *Карвацкий И. В.* Указ. соч. – С. 20-21.
18. Там само. – С. 43.
19. Там само. – С. 17.
20. Краткий отчет о деятельности Городской аудиторией за 1894 г. // *Карвацкий И. В.* Указ. соч. – С. 41-43.
21. Там само. – С. 41.
22. Отчет правления ОСБО за 1907 г. – Одесса, 1908. – С. 8-12.
23. Отчет о деятельности Лекционного комитета. – С. 95.

Розділ IV
МАТЕРІАЛИ, ПОВІДОМЛЕННЯ, АРХІВ, ПОГЛЯД

УДК 94(477.73):911.37"1790/1825"

Аргатюк С. С. (Одеса)

**ПОСЕЛЕННЯ В СТЕПОВІЙ ЧАСТИНІ ЛІВОГО БЕРЕГА ДНІСТРА
(КІНЕЦЬ ХVІІІ – ПОЧАТОК ХІХ СТОЛІТЬ)**

Питання заселення та виникнення поселень на Лівобережжі Дністра неодноразово висвітлювалося істориками ХІХ і ХХ століть. Проте вони не в повній мірі проводили детальний аналіз більшості архівних документів кінця ХVІІІ – початку ХІХ століть, у яких є дані про назви перших населених пунктів та вказано кількість населення, як в поміщицьких, так і в державних поселеннях.

Найбільш ранні відомості про поселення в колишній Очаківській області (Буго-Дністровського межиріччя), напередодні його входження до Російської імперії, подає «Карта географічна зображуюча область Озу...» Ф. П. де-Волана¹. Деякі із карт та планів Ф. П. де-Волана з поясненнями до них, надруковані у спеціальній монографії «Спадок де-Волана», яка вийшла друком 2002 року². Книга також містить переклад описової частини до Атласу: «Звіт про географічне і топографічне положення провінції Озу», котра складається з розділів: «Географічна», «Гідрографічна», «Топографічна», «Про сучасне населення», «Огляд сільського господарства і торгівлі в Провінції», «Роздуми про систему оборони» та ін. Повний оригінал текстів до «Атласу Очаківської землі 1791 року» та її описова частина, зберігається в Російському державному військовому архіві (Москва)³.

Уривки із «Звіту про географічну і топографічну ситуацію в області Озу або Єдисан» Ф. П. де-Волана, використовували більшість істориків, які вивчали історію заселення Буго-Дністровського межиріччя, але вперше російський переклад зробив і оформив його у вигляді реферату В. І. Григорович⁴.

Офіційно заселення Очаківської області урядом Російської імперії розпочалося після приєднання Очаківської області 29 грудня 1791 р.⁵ Наголосимо, що на даній території уже існували поселення з 50-60 років ХVІІІ ст., в яких мешкало українсько-молдавське населення. Нижня частина Буго-Дністровського межиріччя 1790 р. була виділена князем Г. О. Потьомкіним для поселення козаків Чорноморського війська. На кінець 1791 р., за даними де-Волана, у поселеннях, розташованих на лівому березі Дністровського лиману і р. Дністер (Бугазі, Бузиноватому, Гаджидері, Калаглії, Головкивці-Біляївці, Ясках, Градениці, Чобручі, Глинному, Завертайлівці, Коротному, Карагаші, Терновці, Суклеї, Слободзеї) мешкало 978 сімей чорноморців⁶. Враховуючи те, що в середньому на одну сім'ю припадало по 5 осіб, то наведену де-Воланом кількість, помноживши на середнє число осіб, дасть число 4890 осіб. Після відселення у 1792-1793 рр. козаків на Кубань, значна частина новопридбаних земель розподілялася серед поміщиків і військових.

У цей час Очаківська область набула нового адміністративного статусу. 26 січня 1792 р., двома Указами: Сенату і імператриці Катерини ІІ, землі поміж Бугом і Дністром були приєднані до Катеринославського намісництва, а саму територію планували розподілити на повіти з містами⁷. 21 вересня 1792 р. було підготовлено «Атлас Новопридбаної області» з семи планів, включаючи і оглядову карту з поділом Очаківської області на повіти, які в свою чергу розподілялися на ділянки – дачі під «казенні» та поміщицькі поселення, про що В. Каховський особисто рапортував імператриці⁸. Описова «Відомість по чотирьох повітах» 1792 р. подає розподіл дач по усіх номерних повітах: № І (при с. Голта), № ІІ (з Новими Дубоссарами), № ІІІ (із Хаджибеєм) і № ІV (з Очаковим), проте дані про кількість населення у поселеннях показано лише у двох перших, північніших повітах

(№ I та № II)⁹. Послідувача «Відомість» 1793 р., крім збільшення кількості розподілених дач також не містить інформації про населення у повітах (№ III і № IV), тобто в південній частині Очаківської області¹⁰.

Стан заселеності степової частини лівого берега Дністра (території в межах номерних дач створеного повіту № III із Хаджибеєм) висвітлює статистична відомість священника Романа Іванова від 21 грудня 1793 р.¹¹ В той час Р. Іванов очолив другий благочинний округ Дубоссарського духовного правління, що обіймав територію з півночі на південь від Тирасполя до Дністровського лиману і по березі Чорного моря до Хаджибея, з новими слободами до річок Кучурган, Куяльник і Свинної, що повністю співпадає з територією нашого дослідження. Згідно перепису здійсненому по 2-му благочинному округу «населених і знову заселених сіл і слобод» поміж р. Дністер і Тилигульським лиманом числилося всього 26 поселень, де у 1261 дворі мешкало 5757 осіб (3334 чоловіків і 2423 жінок). Населення за національною ознакою складалося в основному з українців, молдован, російських старовірів, греків та інших¹².

Із зазначеного списку в степовій частині лівого берега Дністра налічувалося 5345 осіб (3084 чол. і 2261 жін.). Більшість населення розмістилося у державних, менше в поміщицьких поселеннях. Так у 12 державних селах: Миколаївка (Калаглія), Голоківка (Біляївка), Яска, Градениця, Чобруч, Глинне, Завертайлівка, Коротне, Карагаш, Терновка, Сукляя, Слободзея, в 1100 дворах мешкало 4670 осіб (2588 чол. і 2082 жін.), або 87,37 % від вказаного населення у регіоні. В той же час тут уже існували 11 поміщицьких поселення, серед них: Г. Гагенмейстера понад Дальницьким (Сухим) лиманом (у відомостях 1792 і 1793 рр. – позначено як дача № 28, а у відомості 1795 р. і послідувачих під № 24); майора Попова на р. Куяльник (відповідно № 45 і № 82); поручника Княжевича при р. Куяльник (№ 41 і № 85); прапорщика Гелескула (№ 42 і № 84); майора Єйковича (№ 40 і № 86); капітана Курти (№ 51 і № 101); прапорщика Баркара (№ 52 і № 102 при р. Свинній); підполковника Філодора (№ 55 і № 100); підпоручика князя Дмитра Георгієвича (№ 75 і № 104); бригадира І. Л. Селунського (№ 67 і № 107 по р. Кучурган) – разом 136 дворів у яких мешкало 472 осіб (255 чол. і 217 жін.), або 8,83 % від загального числа.

У Хаджибеї зафіксовано 10 дворів та 28 осіб (22 чол. і 6 жін.), а в Аджидері – 216 дворів і 262 мешканців (219 чол. і 46 жін.), разом 558 душ, відповідно 10,43 %. Потрібно відмітити, що згідно даних, які навела О. І. Дружиніна, у напівзруйнованому Хаджибеї, на 1793 рік, перебувало всього 10 мешканців (8 чоловіків та 2 жінки)¹³. Якщо названа кількість мешканців відноситься до початку 1793 р., то у порівнянні з відомостями Романа Іванова кількість населення в Хаджибеї зростала значно повільніше ніж у придністровських селах і Аджидері (Овідіополі).

Зазначимо, що сам Роман Іванов подає загальну кількість населення по кожному поселенню, і лише по шести із них: Терновка, Сукляя, Карагаш, Слободзея, Незавертай, Голоківка (Біляївка), розділяє його за національною ознакою по кількості дворів, разом у зазначених селах налічувалося 399 молдавських і 67 українських. У всіх інших такого розподілу немає. Проте навіть із цього видно, що молдавське населення значно переважало не тільки українське, але і все інше населення.

До деякої міри стан заселеності степової частини лівого берега Дністра розкриває надрукована В. І. Григоровичем «Відомість Тираспольського повіту...» датована травнем 1795 р.¹⁴ Так, у Нижньому Подністров'ї (в межах колишнього повіту № III – всього 84 дачі) мешкало 5373 осіб (2960 чол. і 2413 жін.). Із загального числа розподілених ділянок, за поміщиками було закріплено 56 дач, і лише на 14 із них існували поселення з незначним населенням. У слободі Гагенмейстера (на дачі № 24) налічувалося 34 осіб; в інших поселеннях: Деволанівці (відповідно № 27) – 86 осіб, Маріуполі (№ 47) – 14, Шаровці (№ 72) – 25, Іванівці (№ 73) – 167, Поповці (№ 82) – 7, Гелескула (№ 84) – 19, Надєжді (№ 85) – 12, Федорівці (№ 86) – населення не вказано, Михайлівці (№ 92) – 70, Філодорівці

(№ 100) – 34, Курти (№ 101) – 13, Юрговіча (№ 104) – 22, Селунського (№ 107) – 112, разом 615 осіб (338 чол. і 277 жін.) – тобто 11 % від всього населення вказаного повіту. У відомості відсутні дані по дачах № 86 (майора Єйковича) та № 102 (прапорщика Баркара) згаданих у відомості Р. Іванова.

В цей же час у державних поселеннях (Терновка, Сугакля, Карагач, Слободзея, Чобурчі, Глинне, Коритне, Завертайлівка, Ясках, Біляївці та Калаглеї мешкало 4406 осіб (2377 чол. і 2029 жін.) – 82,5 %.

Крім того в містах: Овідіополі – 212 осіб (115 чол. і 97 жін.), а в Одесі – 122 (120 чол. і 2 жін.). До земельного округи Одеси входило також поселення Кринички з населенням 18 осіб (10 чол. і 8 жін.). Таким чином, разом у двох містах налічували 352 осіб (245 чол. і 107 жін.), або 6,5 % від всіх поселених.

Позначене у відомості В. І. Григоровича с. Кринички скоріш за все виникло із козацьких хуторів в «Куяльнику і урочищі Звораще», що знаходилися неподалік Хаджибею на лівому березі Водяної балки із назвою «Козацька». Вказані хутори згадуються у відомості В. Ніякого 1792 р.¹⁵ Назване поселення також позначено на карті Новоросійської губернії 1799 р., в південно-західній частині Хаджибейського лиману, на його правому березі¹⁶. З цього випливає висновок, що Кринички було тим поселенням в Куяльнику де у 1795 році знаходився козацький обоз з колишніх козаків Чорноморського війська. Останні залишилися тут після відселення основної частини на Кубань 1792-1793 рр.

Відомість В. І. Григоровича також зафіксувала нову назву Хаджибея-Одеса. Саме перейменування якого відбулося 22 серпня 1794 р., після офіційного відкриття фортеці і порту¹⁷. Вперше нова назва прозвучала 18 січня 1795 р. у доповіді графа П. Зубова при утвердженні Вознесенської губернії, а затверджена за Хаджибеєм указом Сенату від 27 січня 1795 р.¹⁸

У відомості В. І. Григоровича відсутні дані про поселення при р. Дністер: Градениці, Троїцьке та Маяки, хоча уже вказано м Тирасполь (без населення), землі для якого виділили із державних поселень Терновки і Сугаклеї. Відносно с. Градениць у повідомленні архієпископа Гавриїла сказано, що після відселення козаків на Кубань їх місце зайняли малоросіяни і частина молдован¹⁹. Про с. Троїцьке (нині село Біляївського району) маємо декілька помилкових повідомлення. У тому числі в В. А. Загоруйко. Датою заснування цього поселення історики помилково вважали 1790 р.²⁰ Рік виникнення села Троїцьке на р. Дністер містить документ віднайдений М. Мурзакевичем, це – «Матеріали для історії Новоросійської православної церкви». З даного джерела ясно, що Троїцьке засноване 1794 р. козаками-некрасівцями. В цьому році вони прибули від Дунаю і оселилися на лівому березі Дністра слободою Троїцькою (всього 50 будинків), а 26 червня поселяни прохали Катеринославського митрополита створити приход закладеної тут церкви св. Трійці²¹. Пізніше, 1796 р., згідно указу Вознесенського намісництва поселенню Троїцькому відмежували землю із села Яски. Зрозуміло, що дані про кількість населення у відомості 1795 р. являються неповними. Так, 17 липня 1794 року до сіл Біляївки і Ясків, після придушення козацько-селянського повстання 1789-1792 рр. у с. Турбях Полтавської губернії, уряд перевів 406 осіб так званих «турбаївців»²². А у вересні того ж року повідомляли про виділення продовольства на 860 осіб «турбаївців». На 19 жовтня 1794 р. переселенці збудували 88 хат в Біляївці, і 40 хат у Ясках. Казна виплатила за кожного переселенця по 50 руб.²³ Чиновники повідомили про прибуття ще 30 сімей, і 134 планували переселити після покарання учасників повстання. В Ясках «турбаївці» склали окремий «кут», поряд з існуючим «кутом» де мешкали молдовани і «польщани» (вихідці із Поділля). На початку XIX ст., ще один «кут» в селі заснували так звані «прихожани», державні селяни переселені з Херсонської губернії, які не захотіли стати військовими поселенцями після реформ Аракчєєва²⁴. Переселяючи нових колоністів до сіл Подністров'я уряд мало сприяв облаштуванню їх на новому місці. У більшості голод і злидні чекали

тут на переселенців. Яскраво це видно на прикладі «турбаївців», переселених до с. Головівка (Біляївки) в 1794 р. Земський справник відмічав, що вони «по нинішньому врожаю в цих місцях хліба заробити не можуть, тому потерпають від його нестачі»²⁵.

Поселення Маяки, за даними архієпископа Гавриїла, також було заселене старовірами, які прибули із-за Дунаю. 1791 р. вони оселилися на місці «де колись була татарська мечеть», і заснували свою каплицю²⁶. Під «татарською мечеттю» слід розуміти згадане де-Воланом татарське поселення «Татар-Хазан». До відселення козаків тут мешкало дев'ять козаків, зафіксованих у відомості В. Ніякого на 1792 р.²⁷

Градениці, Троїцьке і Тирасполь відсутні також на карті Новоросійської губернії із Атласу Російської імперії, виданому в 1795 р. На Лівобережжі Дністра позначені поселення: Чорне (Григоріопіль), Бутор, Тея, Паркани (усі вони знаходилися північніше межі кордону колишнього повіту № III), а південніше за ними йшли села Карагаш, Тихобурча (Чобруч), Яска, Біляївка, Маяк, Калаклея, Гаджидера (Овідіополь) і Бузиновата. Ще шість поселень були розташовані на р. Кучурган. Всього у подністровських селах тоді враховано 4500 будинків²⁸.

На «Генеральній карті частини Росії» 1799 р. в Тираспольському повіті Новоросійської губернії позначено усі вказані у відомості 1795 р. населені пункти. Із державних подністровських поселень на лівому березі р. Дністер і Дністровському лимані села Калаклея, Біляївка, Яска, Троїцьке, Градениці, Завертай, Корейтне, Чобурчі, Глинне, Слободзея, Терновка і міста Тирасполь та Овідіополь. Поміщицькі села Маріуполь, Іванівка, Шаровка показано на лівому березі р. Великий Куяльник; Федорівка, Надежда, Гелескула, Попівка – на правому березі р. Малого Куяльника; Курта – на правому березі р. Свинної; Михайлівка та Деволанівка – у витоках р. Свинної і Куяльника; Філодорівка, Іовічевка (Юргови́ча) та Селунська – на Кучургані, а Бузинова (майбутні Роксолани) біля Дністровського лиману²⁹. Наведені поселення зафіксовані і в Алфавітному списку Тираспольського повіту 1798 р.³⁰

У фондах ДАОО зберігаються маловідомі документи про розподілені дачі в колишній Очаківській області, та перевірка їх стану заселеності. Для нас важливою є «Відомість Тираспольського повіту» 1809 р. (див. додаток 1, табл. № 1)³¹. Дана «Відомість» показує зміну кількості землі, отриманої державними поселеннями і приватними власниками при роздачі її у попередні, із вересня 1792 по 1808 рр., а також стан їх заселеності. Незважаючи на те, що в Тираспольському повіті до 1830-х років ще проводилися внутрішні зміни серед уже розданих наділів, фактично це була остання «Відомість», котра закріплювала за власниками навечно їх «дачі», згідно Указу від 29 лютого 1808 р. Всі ті хто отримав ділянки, мали право приписати всіх збіглих і безпаспортних осіб, які уже мешкали в даних населених пунктах, а нових втікачів, затриманих місцевою поліцією, наказувалося поселяти окремо³².

Враховуючи попередні дані, можемо вказати, що у степовій частині на лівому березі р. Дністер «Відомість» фіксує (в межах колишнього повіту № III) 14 відомих нам державних поселення в 7 відділеннях під літерними «В» та «С»: два села у межах дачі № 1 виділеної для міста Тирасполь; по два поселення на дачі № 2, № 13 і № 19; чотири на дачі № 3; по одному на дачі № 12 і № 20 – разом 99992 дес. 2038 кв. саж. придатної і 6882 дес. 3159 дес. непридатної землі (див. додаток 1, табл. № 1 та карту 1 додатку 2).

Поміщики мали свої наділи на 62 дачах із кількістю 22045 дес. придатної і 6203 дес. 4123 кв. саж. непридатної землі на яких існувало 48 населених пунктів (47 сіл і одне містечко) і декілька хуторів в околицях Тирасполя.

Для Одеси (дача № 26 і літерна «L»), Тирасполя (літерна «А» дачі № 1) і Овідіополя (№ 21) разом виділили 38600 дес. 995 кв. саж. придатної і 3328 дес. 3178 кв. саж. непридатної землі.

Відомість 1809 р. фіксує закріплені за містом Одеса крім вигону, окремо міську територію, всього 5170 дес. 995 саж. придатної і 707 дес. 1514 саж. непридатної землі, тоді як вся інша – 28606 дес. 1400 саж. придатної і 1092 дес. 357 саж. непридатної землі, залишалася за міським вигonom. Указ імператора Павла I від 24 лютого 1797 р. надавав місту під будівництво і вигін раніше закріплені 29500 дес. придатної і 1200 дес. непридатної землі. Крім того за містом закріпили вигін – 5878 дес. 109 саж., відмежований формально 1797 р. землеміром Бобровніковим³³. Указ Олександра I від 24 січня 1802 р. та роз'яснення Губернського правління від 20 березня 1802 р., надавало право Одеській міській Думі «виділену при самому початку існування міста, і тоді ж затвердженою за ним землю віддати на користь міста, з тим, щоб із всієї кількості було відведено на міський вигін скільки по закону передбачається, іншу роздати на господарчі потреби мешканців міста, не більше ніж по 50 дес. в одні руки. Усім, хто уже мешкав на цій землі, нарізати додатково до вказаної міри поза межами околиць вигідної землі з громадських земель, що належали місту». 19 червня 1802 р. виконуючим обов'язки землеміра Інюковим місту було відмежовано 30700 дес., тобто таку кількість яку раніше відвів Й. де-Рібас.

Таким чином Указ 1802 р. визнавав за містом не тільки вигін у 5878 дес. 109 саж., але і 30700 дес. по першому відведенню, які за вирахуванням вигонів, дозволялося роздавати на господарчі потреби міщан. Крім того указ дозволяв поповнювати рівною мірою кількість уже занятої землі поселеннями, із загальної кількості відведеної місту землі, нарізкою нових поза відмежованою площею³⁴. Значення Указу 1802 р. пояснив не тільки указ Губернського правління але і межовий перевірочний акт Катеринославської межової контори від 23 серпня 1816 р., складений старшим землеміром Михайловим. На цьому плані відмежована місту земля показана як дачі (Херсонської губернії Тираспольського повіту) пожалуваній по іменному Його Імператорської величності указу, на якій існують слободи (Великий Фонтан, Люстер, Татарська, Дальницька і Нерубайська) і хутори із замиськими будинками міщан, купців і різночинців. Всієї землі відмежованої виявилось 27752 дес. 1199 саж., розділеної землеміром на придатну і непридатну. За виключенням непридатної (солонців, кладовища, доріг, болота, води і т. п.) залишилося придатної 25512 дес. 1903 саж., які разом із вигonom 5170 дес. 995 саж. і створюють повну кількість землі, назначену графом П. Зубовим і затвердженої 1802 р., із заміною 1200 дес. непридатної придатною землею.

Дані 1809 р. показують розміщення іноземних колоній, що були поселенні на викуплених у поміщиків дачах. Так за період 1801-1802 рр. в межах нижнього Пондістров'я поселені греко-болгарські колонії: Малий Буялик (на дачах №№ 38-39, викуплених у колезького радника Ф. Калафата); Великий Буялик (частково на дачі № 54 w та № 74 – відібраної у генерал-лейтенанта М. Платова і № 75 – колишній полковника Лівія); Кубанка (на дачі № 37, викупленій у колезького радника І. Сатова та № 43 – у надвірного радника Леслія), крім того під колонії відвели частину дач №№ 44 і 47, а для грецького батальйону – дачу № 23, разом 55394 дес., 2113 кв. саж. придатної і 4133 дес., 2165 кв. саж. непридатної землі. В окрузі земельної дачі № 1 під літерою «D» зазначена колонія Паркани, заселена з 1805 р. молдаванами, а потім болгарами (відносилась до греко-болгарських).

Крім болгарських тут існували і німецькі колонії, поселені навколо Одеси, на лівому березі Дністра, у його степовій частині в 1803-1808 рр. До Лібентальського округу відносилися колонії Великий Лібенталь, Малий Лібенталь, Нейбург – поселені на дачі № 24 (6000 дес.), яка належала Г. Гагенмейстеру (4500 дес.) і В. Потоцькому (1500 дес.); Олександргільф (літерна «I» 4500 дес.) – на відведеній землі із дачі № 15 с. Калаглія; Йозефсталь, Петерсталь (дача № 25, відібраної в майора І. Є. Кисленського); Маріенталь (на надлишкових землях дачі № 25, позначених літерною «K»); Фрейденталь (на частині дачі № 17 – 6000 дес.), інші 6000 дес. землі позначені літерною «G» – відвели барону

Міллеру фон Рефенштейну для розведення вівців); Францфельд (дачі № 18 передані чорногорським дворянином В. Княжевичем до казни в обмін на дачу № 59); Люстдорф (літерна «М», виділеної із земель міста Одеси, дачі № 26). Під останню колонію у 1804 р. відмежували із земель міста відмежували 1053 $\frac{1}{4}$ дес. Хоча у справах архіву креслярні межової канцелярії, відомостей про рік формального відмежування для колонії Люстдорф із міської землі не було. Сама колонія на загальному генеральному плані мала назву «німецька слобода Люстер»³⁵.

До Кучурганського округу увійшли колонії Кандель і Зельц (поселені на дачі № 6, викуплені у полковника Е. Балаша) та Страсбург (на дачі № 99 викуплені у поручника Шимановського). Таким чином кількість усієї землі, яку отримали колоністи становила 70441 дес. придатної і 3682 дес., 3550 кв. саж. непридатної землі.

Повний перелік заснованих поселень у Тираспольському повіті відображено на робочому Генеральному плані Херсонської губернії, що зберігається в картографічній колекції ДАХО, і саме за інформацією про колонії може бути датованим 1829 р. Дані відомості 1809 р. майже точно співпадають із названим вище картографічним документом. На плані усі болгарські і німецькі колонії виділені червоним кольором. Із плану видно, що поміж Кучурганським лиманом і р. Барабой до існуючих на 1808 р. німецьких колоній Кандель, Зельц і Страсбург, додали інші колонії, засновані 1809 р. Так, колонію Ельзас поселили у верхів'ях р. Барабой на викупленій пустоші капітана В. Щербана сина Бузіяна (дачі № 7 – 3000 дес. придатної і 50 дес. непридатної); колонію Баден на викупленій у поміщика ділянці І. Сатова (дача № 4 – 4400 дес.); 1810 р. колонію Мангейм на виділених із земель поручника Г. Шостака (№№ 8 і 9 по 1500 десятин). Відомо також, що 1809 р. із с. Глинне перевели 507 державних селян (258 чол. і 249 жін.) до м. Григоріополя. На цих землях, прирізавши 6000 дес. землі, які належали раніше тайному раднику С. Л. Лашкарьову (ділянка за № 184), організували німецьку колонію Глюксталь та інші колонії, які увійшли до Глюкстальського округу³⁶.

Відповідно до даних відомості 1809 р. із 112 розподілених дач у нижньому Подністров'ї, всього 509110 дес. 67635 кв. саж. (484882 дес. 5146 кв. саж. придатної і 24228 дес. 16175 кв. саж. непридатної) – поміщикам належало 44,52 % від усієї землі, під державні поселення і іноземні колонії було відведено 47,24 %, а під міста – 8,23 %. Таким чином, степова частина лівого берега Дністра (колишній повіт № III) у більшості була розподілена для державних поселень і під міста.

«Відомість» 1809 р. також показує настільки зросла кількість поселень і населення в південно-західній частині Тираспольського повіту. Згідно документу у всіх населених пунктах: 3-х містах (Одесі, Тирасполі та Овідіюполі), 49-и поміщицьких селах, одному містечку і 3-х хуторах, 4-х греко-болгарських та 13-и німецьких колоніях, а також 14 державних селах в той час мешкало 28444 осіб (17137 чол. і 11307 жін.). Серед загального населення нижнього Подністров'я у містах Тирасполі, Овідіюполі і Одесі показано – 7770 осіб (5235 чол. і 2535 жін.), державних поселеннях відповідно – 9117 (5615 чол. і 3502 жін.), німецьких колоніях – 6030 (3119 чол. і 2911 жін.), греко-болгарських – 2755 (1444 чол. і 1311 жін.), а поміщицьких – 2772 (1724 чол. і 1048 жін.). У відсотковому відношенні стан заселення поміщицьких дач становив – 9,74 %, в той же час у державних – 32,05 %, разом у державних і колоніях – 62,93 %, а у містах – 27,37 % від загального населення в регіоні (в межах колишнього повіту № III).

Таким чином «Відомості» з 1792 по 1809 рр., являються цінним джерелом у вивченні політики Російської імперії в розподілі земель на Півдні України. У першу чергу ділянки виділялися поміщикам з умовою їх заселення. Проте в південно-західній частині Тираспольського повіту, що включала степову частину лівого берега Дністра, розподіл ділянок був дещо іншим. Незважаючи на посилення феодально-кріпосних відносин, відсутність вільного населення, а також зародженням капіталістичних відносин, змусив уряд

звернутися до створення державних та іноземних поселень, у яких населення, маючи до деякої міри свободу могло більш ефективно господарювати на землі, чим сприяли економічному розвитку даного регіону.

ПРИМІТКИ:

1. Повна назва: Карта географическая изображающая область Озу или Едисан иначе называемую Очаковскою землею и присоединенную ныне к Российскому государству в силу заключенного в Яссах мирного договора. Декабрь 1791 года //Наследие Ф. П. Де-Волана: из истории порта, города, края. – Одесса, 2002.

2. *Де-Волан Ф. П.* Отчет о географическом и топографическом положении провинции Озу или Едисан, обычно называемой Очаковской степью, служащий пояснением к картам и планам, снятым по Высочайшему указанию к началу 1792 г. // Наследие Ф. П. Де-Волана...

3. РДВИА. – Ф. 846. – Оп. 16. – Спр. 18364. – Ч. I-II. – Спр. 20150.

4. *Григорович В. И.* Записка о пособиях к изучению южно-русской земли, находящихся в военно-ученом архиве Генерального штаба //ЗИНУ. – 1876. – Т. XX. – С. 16-24.

5. *Скальковский А.* Сравнительный взгляд на Очаковскую область в 1790-1840 г. //ЗООИД. – 1844. – Т. I. – С. 258.

6. *Де-Воланн Ф. П.* Топографическое описание провинции: Отчет о географическом и топографическом положении провинции Озу или Едисан, обычно называемой Очаковской степью, служащий пояснением к картам и планам, снятым по Высочайшему указанию к началу 1792 г. //Наследие Ф. П. Де-Волана... – С. 98-110.

7. ПСЗРИ. – Т. XXIII. – № 17017. – 26 января 1792 г. – СПб., 1830. – С. 301; № 17018. – 26 января 1792 г. – С. 301-302.

8. *Скальковский А.* Сравнительный взгляд на Очаковскую область... – С. 262-265.

9. Ведомость четырех уездов составляющих новопріобретенную область от Порты Оттоманской и присоединенную к Екатеринославскому Наместничеству 1792 года // ЗООИД. – 1875. – Т. IX. – С. 325-328.

10. РДВИА. – Ф. ВУА. – Оп. 1. – Спр. 18727. – Ч. II. – Арк. 1-23.

11. *Лебединцев А.* Ханская Украина: Приложение: «Ведомость, учиненная новопріобретенной области благочинным священником Романом Ивановым сколько в ведомости его вновь населенных и населяемых селений и слобод, и какие именно, сколько в них дворов и в тех дворах жительствующих малороссиян, великороссов, волохов, жен, детей мужескаго и женскаго пола, в каком расстоянии одно селение от другого или слободы, и сколько особо казенных и особо помещичьих селений и слобод и каких именно помещиков, в каких урочищах состоит: Составлена по указу 21 октября 1793 году» //ЗООИД. – 1913. – Т. XXXI. – С. 1-22.

12. Там же. – С. 9-12.

13. *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье 1775-1800 гг. – М., 1959. – С. 201.

14. Ведомость о состоящих в уезде Тираспольском казенных и владельческих дачах с показанием находящихся в оных мужеского и женского пола душ и десятин земли удобной и не удобной //Собрание сочинений Виктора Ивановича Григоровича (1864-1876 гг.). – Одесса, 1916. – С. 40-45.

15. *Сапожников І.* Чорноморське військо в Буго-Дністровському межиріччі (1789-1793 роки): Документи //Хаджибей-Одеса та українське козацтво 1415-1797: збірка наукових статей. – Т. III. – Одеса, 1999. – С. 190.

16. Новороссийская губерния: (генеральная) Карта части России, разделенная на губернии и уезды, с изображением почтовых и других главных дорог. Сочинена и гравирована в 1799 г. при Собственном его императорском Величестве депо карт. – СПб., 1799. – Арк. 38 //Музей ОНМБ.

17. Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1730-1823. – Ч. I. – Одесса, 1836. – С. 227.
18. ПСЗРИ. – Т. XXIII. – 27 января 1795 г., № 17300. – СПб., 1830. – С. 641-645.
19. Описание церквей Епархии Херсонской и Таврической составил Гавриил, А. Х. и Т., ныне Т. и К. – Одесса, 1848 – С. 26.
20. Загоруйко В. А. По страницам истории Одессы и Одесщины. – Вып. 1. – Одесса, 1957. – С. 42.
21. Мурзакевич Н. Н. Материалы для истории Новороссийской православной иерархии //ЗООИД. – 1875. – Т. 9. – С. 286-287.
22. Загоруйко В. А. Указ. соч. – С. 42.
23. Гуржій О. І. Повстання селян в Турбаях (1789-1793). – К., 1950. – С. 121-124.
24. Материалы для оценки земель Херсонской губернии: Одесский уезд. – Т. I. – Херсон, 1883. – С. 44.
25. Загоруйко В. А. Указ. соч. – С. 42.
26. Описание церквей Епархии Херсонской и Таврической... – С. 54.
27. Короленко П. П. Предки кубанских казаков на Днепре и Днестре. – Екатеринодар, 1900. – С. 188-189.
28. История //Одесский Вестник. – 1836. – № 43. – С. 505.
29. Новороссийская губерния: (генеральная) Карта части России...
30. Алфавитный список Тираспольского уезда 1798 год //РДВІА. – Ф. 1350. – Оп. 312. – Спр. 22.- Арк. 161-163: Копія ЦДАК України, КМФ-11. – Оп. 2. – Спр. 2-3.
31. Ведомость Тираспольского уезда казенных селений с показанием числящейся десятины земли и обоого пола душ. Учинена 1809 года. – Ч. 1. (1804-1817 р.) //ДАОО. – Ф. 1. – Оп. 220. – Спр. 1. – Арк. 504-516.
32. Шмидт А. Херсонская губерния: Материалы по географии и статистике России собранные офицерами Генерального штаба. В 2-х ч. – Ч. 1. – СПб., 1863. – С. 63.
33. Лонгинов А. В. Устройство Одесского порта и первоначальный отвод земли г. Одессе //ЗООИД. – 1894. – Т. XVII. – С. 76.
34. Там же... – С. 79-80.
35. Орлов А. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885. – С. 42.
36. Ведомость Тираспольского уезда казенных селений...

ДОДАТОК 1.

Таблица № 1. Відомість Тираспольського повіту на 1809 рік (витяг дач розміщених в степовій частині на лівому березі Дністра, в межах колишнього повіту № III)

№	Звание дач	Число душ		Десятин земли	
		мужеска	женска	удобной	неудоб.
1	2	3	4	5	6
А	Уездный город Тирасполь с назначенною пропорцією выгонной земли	1950	982	3145	<u>476</u> 1285
	Пригород инженер порутчика Кримова	8	2		
В	Казенное село Терновка	183	144	2745	250
	При Терновке хутор , дом и сады порутчика Григория Косенкова	25	8	-	-
	Под домами и садами чиновников также купцов и мещан	-	-	204	3
	В хуторах капитана Подушкина порутчика статского	2	1	-	-
С	Казенная деревня Сукляя	225	139	2850	211
Д	Колония шелководственная Парканы под которою земли отведено по высочайшему повелению из округа города Тирасполя и села Малаешт	171	149	1520	665
1	Участок остающий с разделением округи во владении города имеющих пашенные казенные селения	-	-	1400	592
Е	Земли оказавшиеся в натуре	-	-	300	2
Ф	Сверх документов и проектов излишнею	-	-	800	12
2	Казенные села Карагаш	447	170	<u>19211</u> 2038	<u>2104</u> 1585
	Слободзея	689	289		
	На оброчной земле в поселенной деревне коллежского секретаря Харченка поденных	10	8	-	-
3	Казенные села Чобурчи	170	379	26000	1400
	Коритное	283	277		
	Глинная	243	204		
	Завертаевка	511	237		
4	Порозжая казенных отведенная титулярному советнику Сатову для отведения в Григориополе сафянной фабрики, чрез поселение деревни Каменный мост	33	20	4400	<u>48</u> 1300

1	2	3	4	5	6
5	Порозжие казенных предположена для казенных немецких колонистов	-	-	1500	-
6	Колонии немецкие Зельц и Кандель купленной казною у полковника Балаша которая отведена ему из все милостейшему пожалованию из пусто-порожней	939	874	12000	<u>463</u> 2050
7	Деревня Бузиновка капитана Щербана Владимировича сына Бузина	9	10	3000	50
	Из сей земли досталось по купле порутчику Роторину Новгородцеву 1500 десятин.				
8	Деревня прапорщика Георгия Дмитриева сына Гилещана (Галацана) которая досталась по купчей порутчику Антону Ильину сыну Шостака	2	1	1500	50
9	Пустош порутчика Христофора Николаева сына Куряна	-	-	1500	50
	Из оной по купчей досталось прапорщику Григорию Галецину [Галацану] 750				
	и капитану Петру Грузинскому 750 десятин, сия земля досталась по купчей оному порутчику Шостаку				
10	Пустош прапорщика Яни Мануйлова сына Самарина. Из оной досталось по купчей дворянину Василию Гедериму Новгородцеву 750 десятин, которой поделил по равной части сыновьям его хорунжему Ивану и дворянам Георгию и Василию.	-	-	1500	75
11	Пустош порутчика Михайлы Арсеньева сына Руды (Руи)	-	-	1500	50
12	Казенное село Граденицы	532	264	9270	1577
13	Яски	747	543	7500	750
	Троицкое поселенное на отделенной земли из села Яски в 1796 году по Указу бывшего Вознесенского наместнического правления	453	148	12000	250

1	2	3	4	5	6
14	Деревня Миндрина поручика Ивана сына Миндры коею владеет капитан Черненко	25	5	1500	-
15	Пустош Матвея Дмитриева сына Боровича	-	-	1500	-
	Из сей земли по купчей досталось хорунжему майору Гужуну 1410 десятин				
16	Деревня Добрянка прапорщика Ивана Павлова сына Доброжана	10	7	1500	-
17	Пустош по высочайшему повелению обращена в казну от полковника Палладия в числе 12000 десятин	210	184	6000	<u>190</u> 1500
	Из оной отведено под поселение немецкой колонии Фрейденталь				
G	Отведено барону Миллеру фон Рефенштейну для овцеводства гишпанского	-	-	6000	
18	Колония немецкая Францфельд на земле доставшейся в казну от черногорского дворянина Княжевича	98	97	3000	160
19	Казенные села: Маяк	202	143	13905	<u>130</u> 1200
	Белявки	602	447		
	Из сей земли по высочайшему предписанию отвести для колонистов 1500 десятин. Назначено прилежащих для магазинов комерчествующих и для фруктовых деревьев	-	-	11	-
H	Земля отведенная из сей округи для поселения немецких колонистов	-	-	3500	1170
20	Казенное село Калаглея	328	118	6500	<u>210</u> 374
I	Земля отведенная из сей округи для поселения немецких колонистов в колонии Александргильтф	177	173	4500	160
21	Город Овидиополь в оном купцов и мещан	150	135	4500	<u>225</u> 379

1	2	3	4	5	6
22	Деревня Андриановка и Бузиновата полковника Андриана Мойсеева сына Грибовского коею по купчей владеет ротмистра Мархоцкого жена Руффо	18	22	7500	300
23	Земля отданная по высочайшему повелению одесского греческого пехотного батальйону чиновников и рядовых по рангам	-	-	<u>13404</u> 2113	<u>533</u> 565
24	Земля деревни Гакержии генерал-майора Гагеймейстера которых от графа Викентия Потоцкого куплена в казну для немецких колонистов	-	-	6000	106
	В колониях: Большом Либентале	454	341		
	Малом Либентале	215	213		
	Нейбург	164	150		
25	Пустош по высочайшему повелению обращенная от генерал-майора Кисленского для поселения немецких колонистов в колониях: Петерсталь	145	149	6000	100
	Иозефсталь	159	164		
К	Земля оказавшиеся в натуре излишнею причисленная колониям	-	-	1860	22
	В колонии Мариенталь	135	134		
L	Городе Одесса с выгонною градскою землею правительствующим Сенатом утвержденную	3000	1284	<u>5170</u> 995	<u>707</u> 1514
	Водворенных немецких колонистов	135	134		
26	Земли остающиеся за градским выгоном всемиловейше городу жалованных на которой поселены гражданские хутора на участках	-	-	23081	1311
М	Колония Люстдорф на градской земле из коей выкуплено удобной 1000, неудобной 53 десятин	88	98	-	-

1	2	3	4	5	6
27	Деревня Волановка коллежского советника и кавалера Андрея Иванова сына Алгестия которая по купле досталась городу Одессе	52	45	18000	950
N	Из оной продано ротмистру Мархоцкому деревня и 8000 десятин земли коею владел барон Миллер	-	-		
28	Деревня Александровка подполковника Афанасия Васильева сына Кесоглу коею владеет полковница Попандопулова	73	35	6000	290
29	Деревня Дофиновка подполковника Кайзера владеет по купчей землею майорша Катерина Бримерова	2	2	3000	200
	и полковница Лоброва на коей и деревня Дофиновка	99	7		
30	Деревня Григорьевка полковника Манойлы Григорьева сына Попандопулы	19	15	3000	220
37	Колония греко-болгарская Кубанка на купленной земле титулярного советника Сатова, коему достались от коллежского ассесора Килафития	202	189	7500	813
38	Колония греко-болгарская Малый Буялык на отведенной земле по прожекту из порозжей	487	454	7500	1351
39					
40	Земля капитана Ивана Григорьева сына Михайлова всемилостивейши пожалованные	-	-	500	50
41	Земли отведенные на основании высочайшего повеления капитану 1-го ранга Христофору Христофоровичу сыну Бернарту Граве	-	-	4500	146
	С сих земель по купчей достались генерал-майору Фоме Александрову сыну Кoble	-	-		
42	Порозжие числящиеся в назначении молдавским боярам порутчикам Николаеву и Пантелеймону на коей			6000	180
	хутор порутчика Кованьки	5	4	920	10

1	2	3	4	5	6
43	Пустош купленная в казну от надворного советника Липрандия жены для поселения греков и болгар Малобуяльцкой колонии	-	-	3000	120
44	Пустош купленная у титулярного советника Сатова для тех же болгар	-	-	1600	50
45	Деревня Еметка тайного советника и кавалера графа Северина Потоцкого земли на основании высочайшего повеления отведены в замену для колонистов Большого Буялька из покупной статского советника ассесора Геннадия	-	-	6000	93
46	Местечко Севериновка и деревня Вандалина она тож графа Потоцкого	221	150	6000	$\frac{1077}{398}$
47	Пустош Мариуполь с хутором полковника Лазаря Львова сына Сазонова	-	-	6000	365
О	Участки оказавшиеся в натуре	-	-	250	-
Р	Излишними при покупке	-	-	280	-
Z	Земли в колониях	-	-	2340	-
53	Деревня Павлинка графа Северина Осиповича Потоцкого доставшиеся по купчей отставного советника Зотова	-	-	6000	153
54	Деревня Генадиевка коллежского ассесора Александра Иванова сына Геннадия	48	35	4000	255
V	Из оной достались по купчей графу Северину Потоцкому 7125 десятин а из сей	-	-	4125	223
W	Отдано для Больше Буяльцкой колонии в замен отданной ему № 42 и № 45	-	-	3000	$\frac{14}{1600}$
72	Деревня Шаровка отставного советника и кавалера Павла Никифоровича сына Шароя	171	171	4500	200
73	Село Бузыновка онеж Иванова генерал-майора и кавалера Ивана Никифорова сына Бузына	196	106	7500	65

1	2	3	4	5	6
74	Пустош обращенная по высочайшему повелению от генерал-лейтенанта Платова в казну для поселения греков и болгар Большебуяльцской колонии	-	-	9000	270
75	Колония грекоболгарская Большой Буялык поселенная на порозжей казенной земли обращенной от полковника Ливия	584	519	6000	317
76	Пустопорожня на которой хутор майора Савицкого	-	-		
А	Земля капитана Петруковича отведенная по высочайшему повелению коих по купчей достались капитану Арантию Николаеву сыну Радоичину на коей деревня Вуковичевка , из сей земли продано по купчей капитанше Пасецкой 500 десятин	2	1	500	25
77	Деревня Барановка майора Самойлы Васильева сына Баранова кою владеет под ссудой Ланкевич	28	17	3000	-
78	Пустош действительного статского советника Алексея Лебедева	-	-	3000	-
79	Деревня Желеповка онаж и Никитовка губернского секретаря Георгия Маркова сына Желепова	35	12	3900	-
80	Деревня Змунчилова поручика Григория Романова сына Змунчиловы. Из оной по купчей досталось дворянам капитану Федору Передосию Рицулом по 500 десятин	6	4	1150	-
81	Деревня Мурашевка коллежского советника Фомы Маркова сына Мурашевича кою по купчей владеет коллежский секретарь Педашенко	16	10	2400	-

1	2	3	4	5	6
82	Деревня Поповка майора Ивана Константинова сына Попова	3	1	2800	-
	Из того числа досталось по купчей дворянам Федору Кириллову сыну Дианову у деревни Диановка	13	8	-	-
	и Константину Осипову сыну Дианову по 575 десятин				
	хорунжему Петру Иванову сыну Княжевичу 750 десятин				
	порутчику Василию Иванову сыну Княжевичу 250 десятин; а из оной Княжевича земли				
	продано порутчику Хрущову 500 десятин				
	Констанстантином Диановым продано корнету фон Йорк 25 десятин				
83	Пустош майора Викентия Игнатъева сына Чаплицкого	-	-	3000	-
84	Деревня Еремеевка прапорщика Еремея Софрониевого сына Гелескула	28	18	1500	20
85	Деревня Надежда порутчика Василия Иванова сына Княжевича	15	13	1500	40
	Из оной земли по купчей продано прапорщику Еремею Гелескулу дворянину Алексею Митяеву сыну Сырокуц Цыпурдею и Федору Иванову сыну Юрговича по 500 десятин				
86	Деревня Ульяновка прапорщика Никифора Федорова сына Елкина, а по купле владеет подполковник Родион Абрамов сын Фонбрин	16	11	1500	-
87	Земля деревни Енкулровка подпорутчика Петра Иванова сына Енкуля	15	10	1500	-
88	Пустош надворного советника Ивана Алексеева сына Цызарева, кои по купле досталось инженер полковнику и кавалеру Егору Крестоянову сыну Ферстера на которой деревня	-	-	2900	-

1	2	3	4	5	6
89	Деревня Ферстеровка Егора Ферстера	4	7	2200	-
90	Пустош подполковника Достаничи во владении поручика Кривотишина и помпоручика Елкова, где поселены деревни: Ивановка поручика Кривотишина	26	20	4500	-
	И подпоручика Елкова	2	1		
91	Деревня Барабойская штабс капитана и кавалера Григория Ильина сына Шостака доставшейся по купчей от майора фон Ералати	92	30	4500	200
92	Деревня Михайловка майора Михайлы Осиповича коею владеет бывший майор Михайло Иванов описанная за казенный долг	40	24	4500	-
93	Деревня Викторовка бывшего майора Михайлы Иванова, а по купчей от него владеет майорша Катерина Юрьева дочь Калантаева по 2-му мужу Ренская	21	3	3000	100
94	Деревня Карповка нынешнего статского советника Николая Егорова сына Карпова,	44	8	12000	-
95	земля отведена по величайшему повелению				
96					
97	Деревня Павловка майора Павла Федорова сына Вызирян	28	18	3000	-
98	Деревня Додоновка майора Василия Степанова сына Додона	34	31	1500	-
99	Колония немецкая Штрасбург поселенная на пустоши числившейся за поручиком Шимановским	200	200	3000	-
100	Село Розалевка она ж Ферилодоровка статского советника Константина Васильева Филодоры	53	39	4500	-
101	Деревня Куртовка подполковника Гавриила Михайлова сына Курты	15	6	4500	-

1	2	3	4	5	6
102	Деревня Богомольная прапорщика Григория Федорова сына Баркара которая досталась по купле надворному советнику Константину Бечилии	8	6	1500	45
	прапорщика Стрехи	4	1	-	-
103	Деревня Понятовка полковника Понятовского доставшаяся по купле от полковника Егора Ромодана	50	35	12000	377
б	Порозжие казенных назначенные на основании именного повеления порутчику Погонатовер	-	-	300	<u>40</u> 2025
104	Деревня Юрговка подпорутчика князя Юрговича во владении жены его Авдотьи, Степановой дочери	21	4	1500	25
	из сей земли досталось по купчей коллежскому секретарю Матвееву 570 десятин на коей и деревня	6	5		
105	Пустош подпорутчика князя Рашковича	-	-	1500	40
106	Деревня Ексапоритовка титулярного советника Естиара Константинова сына Ексапорита	21	20		
	В деревне Федоровка ротмистра Демпковского			4500	100
	Из сего № досталось по купчей от шляхтича Саввы Демпковского подпорутчику Ивану Стойкову 500 десятин	10	2		
107	Деревня Деевка бригадира Ивана Лаврентьева сына Селунского жене которого досталось по купчей надворного советника Константину Андреяшу	2	2	3000	100
108	Деревня Катериновка титулярного советника Константина Федорова сына Ексапорита доставшаяся от вдовы Потарессы Роксандры Есапоритовой	26	18	1500	40

1	2	3	4	5	6
109	Земля деревни Велizarиевки капитана Дмитрия Николаева сына Велizarи	-	-	1500	30
110	Порозжая казенных из оставленной для молдавских дворян. На основании высочайшего пожалования из порозжей пожалованы:	-	-	656	$\frac{73}{400}$
С	Коллежскому советнику Константину Ламбросу	-	-	2000	-
d	Надворному советнику Константину Бечилли	-	-	1500	-
111	Земля отведенная из округи казенных селений Карагаши и Слободзеи надворному советнику Константину Иванову сыну Андрияшу на коей деревня Сутиковка	-	-	3000	-
112	Пустош капитана Михайлы Степанова сына Доброго коею владеет порутчик Хорват на коей деревня Чесмедхи	12	9	1500	25

ДОДАТОК 2.

Рис. 1. Фрагмент «Карти дач Тираспольського повіту на 1806 рік», розміщених на лівому березі степової частини Дністра (в межах колишнього повіту № III):

**ДОКУМЕНТИ ДЕРЖАВНОГО АРХІВУ РУМУНІЇ ПРО УКРАЇНСЬКИЙ
САМОСТІЙНИЦЬКИЙ РУХ В ТРАНСІСТРІЇ (1942-1944 рр.)**

Частина 1

Запропоновані документи продовжують цикл публікацій, присвячених подіям Другої світової війни. Частину документів, що побачила світ у попередньому випуску збірки¹, тепер доповнюють матеріали з фондів Державного архіву Румунії, які за своєю структурою, інформативністю, нерідко аналітичним характером розкривають політику румунської влади щодо українського, насамперед оунівського підпілля. Походження документів теж саме, що і в фондах Державного архіву Одеської області, себто інформаційні повідомлення румунської поліції та жандармерії про діяльність українських патріотів. Загалом збережено стилістичні й орфографічні особливості документів.

Док. № 1

Інформаційне повідомлення про діяльність українського руху на території України, про взаємовідносини ОУН (б), ОУН (м) та Німеччини

Копія

З наказу Кабінету Міністрів № 3843 М від 2 березня 1942 року

Маємо честь відіслати Вам копію повідомлення ССІ, яке стосується українського руху, на якому маршал Антонеску наклав наступну резолюцію:

«владі треба з великою увагою стежити за розвитком цієї акції. Жорсткі заходи в межах закону повинні бути застосовані швидко, за власною ініціативою місцевими органами влади одразу, якщо індивідуальний чи колективний рух стане небезпечним»

Шеф військового кабінету
Полковник Давидеску

Копія

ССІ
23 лютого 1942 року

Повідомлення
Українська проблема
Діяльність українського руху

Діяльність українського ірредентизму стала більш інтенсивною в січні та лютому 1942 року.

Фракція бандерівців розгорнула свою живу діяльність на всіх територіях, населених українцями, але завдяки оточенню, пустила надійні корені, головним чином, в Галичині та Північній Буковині.

Метою діяльності бандерівців є підготовка українських мас до загального збройного повстання, яке повинно відбутись у найбільш сприятливий момент, а саме, коли німецькі війська та війська її союзників будуть послаблені внаслідок затяжної війни.

В зв'язку з даною метою, керівництво бандерівців зайнято зараз закупівлею зброї та обмундирування і їх сховом.

У даній ситуації не виключено, що вже у 1942 році, спеціально підготовлені бандерівські елементи почнуть терористичні акції, атакуючи при цьому елементи² армії союзників.

Фракція мельниківців під протекцією німців є менш динамічною і займається націоналістичною пропагандою, головним чином, на території колишньої Радянської України, де добились завоювання реальних симпатій.

Фракція мельниківців переслідує цю ж мету, що й бандерівці. Різниця між цими двома групами полягає у тому, що мельниківці усвідомлюють, що без допомоги Райху неможливе створення Української держави.

Взамін цієї допомоги, здається що мельниківці готові тимчасово відмовитися від становлення України як незалежної, задовільняючись квазінезалежністю.

Мельниківці не звертаються з протестами в Берлін, у зв'язку з окупацією румунами території Трансністрії. Здається, що небезпека комунізму для мельниківців стоїть на першому плані і тільки, пройшовши через цю небезпеку, вони почнуть діяти по реалізації Великої України, тоді і виникнуть територіальні претензії.

1. Відносини бандерівців з мельниківцями і з Німеччиною.

а) Відносини з мельниківцями. Рішення керівництва двох таборів: бандерівського та мельниківського з ОУН, в Румунії, про те, щоб не залучати українські маси з Буковини та Бессарабії до боротьби між групами, порушили бандерівці.

Бандерівці вважають, що мельниківці зраджують українську ідею через співробітництво з Німеччиною, й навіть, з іншими «окупантами»: Румунією та Угорщиною.

Спроба мельниківців переконати бандерівців, що ще не настав момент почати боротьбу проти «окупантів», ще більше зробили жорстокими керівництво бандерівців, які дійшли до того, що почали загрожувати смертю адвокату Григоровичу, керівнику мельниківців³.

Внаслідок цього розриву, бандерівці розпочали інтенсивно організовувати відповідні кадри для пропаганди в українських масах.

б) Відносини з Німеччиною. В нещадній боротьбі задля реалізації ідеї великої України, бандерівці вважають Німеччину узурпаторською силою, яка загрожує волі та утвердженню України і тому безжалісно борються проти Райху.

Інакше кажучи, останнім часом антинімецькі маніфестації бандерівців прийняли занепокоєнні форми для Райху, хоча українська пропаганда, яку розгорнули бандерівці не була можливою без згоди та мовчазного дозволу німецьких урядових кіл.

Від маніфестацій та демонстрацій проти німецької окупації, які мали місце останнім часом у багатьох населених пунктах Галичини та колишньої України⁴ (Ходорів, Винники і т. д.), і які супроводжувались багаточисельними арештами німецькою владою навіть керівників української поліції, бандерівці перейшли до такого виду акцій, які змусили німецьку владу вдатися до перших репресій в рядах українських націоналістів (Миколаїв, Кривий Ріг), де до цього часу ці елементи були лише заарештовані або інтерновані в табори.

1. Ставлення Німеччини до українського руху.

Навіть знаючи антинімецький настрій бандерівської фракції та їхню пропагандистську діяльність, направлену проти Райху, все-таки німецька влада докладє реальних зусиль для завоювання їх симпатій.

Цим пояснюється той факт, що українці-бандерівці з Галичини та Буковини їздять по вулиці з паспортами і навіть на німецьких машинах, що не заважає їм здійснювати антинімецьку пропаганду та розповсюджувати тенденційні слухи з очевидною метою погіршити румунсько-німецькі відносини.

Завдяки пильності румунської влади на кордоні з Галичиною, бандерівці розпочали використовувати аусвайси та уніформу німецької армії для того, щоб підпільно ввозити до країни матеріали, які пропагують український націоналізм.

Це дає можливість Центру бандерівців з Галичини підтримувати постійний зв'язок зі своїми осередками в Буковині, та контролювати своєчасне виконання наказів.

Що стосується фракції мельниківців ОУН, Райх надає всіляку підтримку українським емігрантам, згуртованим навколо полковника Андрія Мельника.

Поява та діяльність Бандери спітнула всі плани Німеччини.

Беручи до уваги ситуацію, що склалася, Райх намагається схилити бандерівців на бік Мельника, заради цього влаштовуючи українських націоналістів-бандерівців у різні служби, створивши при цьому поліцію і здається навіть українську армію.

Результат виявився іншим, українці з Галичини, які підтримують бандерівців, почали проводити ворожі по відношенню до Німеччини маніфестації.

Є інформація, що останнім часом німецьким урядом прийняті заходи по ліквідації бандерівського руху.

Разом з цим, бандерівські елементи, зневажаючи довір'ям німецької влади, підробляються мельниківцями, займають різні посади, і, завдяки протекції німців, ведуть все-таки боротьбу проти німців та проти нас⁵.

2. Діяльність українського ірредентизму в колишній Радянській Україні.

Останнім часом у колишній Радянській Україні було засновано:

- «Організацію українських добровольців», створену з українців Галичини та Буковини, які працюють функціонерами в німецькій армії, і тепер займають займають різні посади в Україні.

- «Організацію петлюрівської молоді», сформовану з колишніх комсомольців, і навіть, здається, більше подібну на комуністичну.

Є вагомі докази, що діяльність бандерівців на Східній Україні має явно комуністичний характер, екстремістський націоналізм є лише слухним прикриттям в даній ситуації. Виявлені як бандерівці колишні кандидати та члени компартії, й колишні комсомольці.

Організація та методи, які використовуються, подібні до комуністичних, наприклад: осередки, які складаються з трьох осіб, паролі, псевдо. За необхідності ці атрибути використовують і мельниківці.

Ці організації ще не перейшли до масового терору завдяки суворому часу і віддаленості фронту, та все-таки з фактів, якими ми володіємо, видно, що на території України, окупованій німецькою армією та її союзниками, були здійснені терористичні акти проти окремих елементів німецької армії і армії союзників. Це явно доводить, що організації так званих українських націоналістів з України є прикриттям для істинних комуністів, тому, що в цей час, як бандерівці пропонують нападати на «окупантів» коли вони будуть послаблені, комуністи зацікавлені, щоб союзницькі формування перейшли негайно до дій, щоб взяти ефективну участь у знищенні супротивника.

3. Діяльність українського ірредентизму в Румунії.

Вище було підкреслено, що внаслідок розриву між бандерівцями і мельниківцями, перші почали інтенсивну діяльність по організації та пропаганді.

На Півночі Буковини, звідки родом дуже багато бандерівців, проводяться підпільні зустрічі, призначаються керівники районних та сільських осередків, вербуються нові прихильники, створюються охоронні загони.

Наприклад, студент Дмитро Колотелок⁶ з Бережниць, керівник районної організації, провів підпільне зібрання 4 серпня 1942 року, де серед всього іншого, було вирішено питання про купівлю великої кількості зброї. У своїй діяльності йому допомагає бандерівець Коваль з Чернівців, який жив на конспіративній квартирі на вулиці Василя Геїне № 9.

Шефом районної організації бандерівців з Банілу на Черемоші був названий українець Мензак Іван.

Інші підпільні зустрічі проводяться в будинку швеця Студенського з Вескеуц.

Пропагандистська література розповсюджена по селам у вигляді брошур та маніфестів, виданих у Галичині. У даній літературі перебільшується минуле України, видається програма ОУН, та обґрунтовується боротьба проти «мельниківців-зрадників». Розповсюджуються також фотокопії брошур, статей та віршів, де підкреслюється героїзм українських борців, які пожертвували собою заради української ідеї.

На початку січня 1942 року був виданий та розповсюджений серед українців Буковини перший номер газети «Мечем». Через цю газету українців закликають пишатися тим, що вони українці, на насилля відповідати ще більшим насиллям.

Ефективність цієї пропаганди в Буковині відчувається. Якщо до цього часу на запитання: хто ти такий? відповідали «Якщо я в Румунії значить “румун”, то тепер відповідають: “Я українець”».

Одночасно бандерівці розповсюджують тенденційні чутки з метою змусити румунську інтелігенцію та службовців залишити визволену територію.

Бандерівська пропаганда критикує і румунські державні органи влади, звинувачуючи їх в прийнятті репресивних заходів проти населення. Вони також борються проти незаконної окупації даної території, яку вважають складовою частиною майбутньої «Великої України».

Акції непокори і пропаганда проти румунської влади прийняли останнім часом різко виражені форми, через підготовку навіть терактів, які направлені проти румунської, і навіть німецької влади у Північній Буковині.

Частина членів-терористів цієї організації ідентифікована та заарештована поліцією м. Чернівці.

Керівником цього ядра є студент терорист Колотело Михайло.

Твердження, що організація бандерівців Північної Буковини та Галичини має велику кількість зброї й амуніції перебільшене, організація володіє лише зброєю, яку не здали після відходу росіяни і тільки зараз шукають канали для купівлі зброї та амуніції.

На Півночі Бессарабії діяльність бандерівців набагато слабша. Кадри малочисельні й менш активні, а маси вельми байдужі.

Разом з тим, керівники організації бандерівців Північної Буковини приділяють підвищену увагу Бессарабії.

Наприклад, за наказом ОУН Галичини, декілька відомих членів організації бандерівців Північної Буковини підготували монографію про Бессарабію, на українській мові. Робота складається з 14-16 сторінок, була перекладена німецькою мовою та разом з оригіналом, здається, була передана студенту Колотело, який повинен був виїхати з Галичини і передати матеріал центру організації.

До монографії входить описання Бессарабії з точки зору етнографії, мови, обрядів, віри місцевого населення. Автори прагнуть довести, що Бессарабія це природне продовження української території, а українці складають більшість населення (90 %) даної провінції, що характерно, з їхньої точки зору, і для Буковини.

У Трансністрії (Могилів, Тульчин, Ямпіль) діяльністю бандерівців керують з Вінниці, а за останньою інформацією і з Проскурова та Жмеринки, й перебуває ця діяльність на початковому етапі. З цих центрів надсилають агентів у Трансністрію з місією – створення осередків з трьох людей в кожному населеному пункті.

Членів вербують з дрібних сільських службовців або з інтелектуалів, яким радять взяти на себе інші функції.

Якщо ці люди проти цього руху, то агенти-бандерівці прагнуть всілякими хитрощами позбавити їх службових посад.

При затриманні бандерівці оголошують себе мельниківцями, щоб ускладнити слідство.

Необхідно відмітити, що пропагандистський матеріал, який циркулює на території Північної Буковини, був знайдений і в Могилеві, Тульчині, Ямполі.

У зв'язку з цим, помітна активна діяльність в районі Жмеринки та півночі Тульчинського повіту як бандерівців, так і мельниківців.

Підривна діяльність цих організацій формує для Румунії проблему державного масштабу, яка потребує негайного та повного вирішення зараз, коли вони не згуртовані та не мають єдиного керівництва.

Державний архів Румунії. – Ф. Генеральний інспекторат жандармерії Румунії. – Оп. 1. – Спр. 129/1942. – Арк. 95-101.

Док. № 2

Інформаційне повідомлення про зміст маніфестів,
знайдених на території Балтського повіту

Інспекторат жандармерії Трансністрії
Інформаційне повідомлення № 21 від 19 квітня 1942 року

В селі Чечельник Балтського повіту було знайдено три маніфести, які містять пропаганду українського ірредентизму, написаних на маленьких клаптиках паперу каучуковими літерами.

Додаються копії маніфестів, перекладених з української мови на румунську.

Видано наказ Легіону⁷ розслідувати, хто розповсюдив ці маніфести.

Інспектор жандармерії Трансністрії

Полковник Є. Броштяну

Повідомлено:

Генеральному інспекторату жандармерії

Цивільному губернаторству Трансністрії

Преторіальна служба 3-ї армії

Додаток

Український ірредентизм

На території села Чечельник Балтського повіту було знайдено три маніфести, які містять пропаганду українського ірредентизму, написаних на маленьких клаптиках паперу.

Відтворюємо нижче – в копії – текст маніфестів, перекладених румунською мовою.

Українці

Вбивайте жидів, румун та комуністів, як і всіх ваших кровопивців. Просіть допомоги німців. За право України вперед з німцями.

Українці

Настав час позбутися ворогів українського народу. За всі факти пограбування, злочинства жиди, комуністи та румуни повинні виїхати з України. Ми чекаємо німців.

Українці

Румуни нас грабують, вбивають та налаштовують проти німців. Виженемо їх з України. А ви німці, допоможіть нам вигнати румун та вбити комуністів та жидів.

Інформація достовірна.

Були вжиті заходи по ідентифікації ірредентистів, які розповсюджують такі маніфести.

Державний архів Румунії. – Ф. Генеральний інспекторат жандармерії Румунії. – Оп. 1. – Спр. 129/1942. – Арк. 34.

Док. № 3

Інформаційне повідомлення про український рух в Одесі

Інспекторат жандармерії Трансністрії

Інформаційне повідомлення № 113 від 23 травня 1942 року

У місті Одесі рух українського ірредентизму був організований ще восени 1941 року директором Українського драматичного театру Бондарчуком Степаном.

Має багато прихильників серед інтелігенції, у числі яких і Дублінський Богдан, український журналіст. Він є активним членом української організації, яка була заснована в Берліні, в 1941 році та центр якої знаходиться в Києві.

Пропаганда здійснюється через:

- зустрічі, коли отримують вказівки від організації
- щотижневі зустрічі в Українському ліцеї, на похоронах й церковних службах.

Зміст пропаганди:

- стан румунської культури (у нас немає культури)
- стан адміністрації (адмініструємо з грубістю й беремо хабарі)
- економіки (постачаються тільки румуни і військо, а українське населення залишається без допомоги. Влада дозволила солдатам привозити товари першої необхідності, які потім продаються в Одесі по спекулятивним цінам. Усе, що є добрим в Трансністрії вивозиться до Румунії)

- з політичної точки зору: румуни слабкі, військові та службовці живуть з українцями

- українські націоналісти вважають, що Німеччина допоможе їм добитися вільної та незалежної України.

Вони хочуть створення Великої України зі столицею у Києві, під німецьким протекторатом, між Дністром – Волгою – Чорним морем та за Польщею, отримавши польські колонії⁸.

Інспекторат жандармерії Трансністрії
полковник М. Ілієску

Повідомлено: Губернаторство Трансністрія
Генеральний інспекторат жандармерії
Командування 3-ї армії, преторальна служба 3-ї армії

Державний архів Румунії. – Ф. Генеральний інспекторат жандармерії Румунії. – Оп. 1. – Спр. 129/1942. – Арк. 112.

Док. № 4

Інформаційне повідомлення про діяльність українського руху в Тульчинському повіті

Інспекторат жандармерії Трансністрії
Інформаційне повідомлення № 21 від 26 травня 1942 року

На півночі Трансністрії, особливо в Тульчинському повіті український націоналістичний рух прогресує.

Населення відкрито обговорює проблему незалежної України.

У першу чергу кажуть, що німецька марка не цінується, а румунську валюту не ввели в обіг і всі вважають, що німці й румуни підуть і скоро прийде Гетьман, який створить незалежну державу Україна.

Дуже багато українських емісарів з-за Бугу, набраних з інтелігенції, направлені до Трансністрії у якості журналістів, артистів, акторів.

Наприклад, театральна група з Києва дала декілька театральних постанов на півночі Трансністрії. При цьому, при схваленні румунської влади.

Розпочали також привозити з Вінниці та розповсюджувати на території півночі Трансністрії українську патріотичну літературу, а також церковну літературу тільки українською мовою.

Інспекторат жандармерії Трансністрії
полковник (підпис)

Повідомлено: Губернаторство Трансністрія
Генеральний інспекторат жандармерії
Командування 3-ю армією

Державний архів Румунії. – Ф. Генеральний інспекторат жандармерії Румунії. – Оп. 1. – Спр. 129/1942. – Арк. 114.

Док. № 5

Інформаційне повідомлення про розкриття членів
українського руху у Рибницькому повіті

Інспекторат жандармерії Трансністрії
Інформаційне повідомлення № 183 від 16 червня 1942 року

У селі Кодима Рибницького повіту ідентифіковано суб'єкти Щербанюк К. Андрійович, начальник лісництва і Ткачук Тимофій, обидва українці, колишні офіцери царської армії та Ткачук Фома, депортований комуністами й тепер повернувся в це село.

Усі інтелектуали й підозрюються у діяльності, яка має характер українського ірредентизму в даному регіоні. Ткачук Тимофій підтримує інтереси українців, своїх односельчан, і вони у всьому слухають його.

Окрім цього, також Баровський Омелян, колишній полковник петлюрівської армії, який проживає у селі Попова-Гребля Балтського повіту, підозрюється в тому, що дає настанови людям брати діяльну участь в ірредентистському русі й відкрито виступає проти євреїв та комуністів.

Усі перелічені особи знаходяться під наглядом.

Інформація в стадії уточнення

Інспекторат жандармерії Трансністрії
полковник (підпис)

Повідомлено: Генеральний інспекторат жандармерії

Державний архів Румунії. – Ф. Генеральний інспекторат жандармерії Румунії. – Оп. 1. – Спр. 129/1942. – Арк. 133.

Док. № 6

Інформаційне повідомлення про розкриття членів
українського руху в Рибницькому повіті

Інспекторат жандармерії Трансністрії

Інформаційне повідомлення № 330 від 23 липня 1942 року

У нижчеперелічених селах Рибницького повіту ідентифіковані наступні керівники та члени українського ірредентизму:

1. В селі Кодима ідентифіковано 73 ірредентиста, керівник Ткачук Тимофій.
 2. В селі Французьке ідентифіковано 23 ірредентиста, керівник Гурський Емануель, з цього ж села.
 3. Ідентифіковано у селі Лабушна 10 ірредентистів, керівник Антонюк Парфеній, також з села Лабушна, церковний співак.
 4. У селі Серби ідентифіковано 2 ірредентиста, керівник Павло Василь з Кодими.
- Відкрито не виступали, знаходяться під наглядом і про будь-які дії з їхнього боку буде зразу ж повідомлено.

Інспекторат жандармерії Трансністрії
полковник (підпис)

Повідомлено: Генеральний інспекторат жандармерії
Губернаторство Трансністрії

Державний архів Румунії. – Ф. Генеральний інспекторат жандармерії Румунії. – Оп. 1. – Спр. 129/1942. – Арк. 147.

ПРИМІТКИ:

1. Див.: *Вінцовський Т.* Документи Державного архіву Одеської області про українське самостійницьке підпілля у Трансністрії // *Лукомор'я: археологія, етнологія, історія Північно-Західного Причорномор'я.* – 2008. – Вип. 2. – С. 191-197.
2. Тут очевидно – частини, підрозділи.
3. І. Григорович – керівник ОУН в Румунії.
4. Мається на увазі УРСР.
5. Мова йде про протекцію до ОУН (м).
6. Так в оригіналі. Можливо Колотелюк, або Колотело.
7. Жандармерії.
8. Західноукраїнські землі.

Гончарук Т. Г. (Одеса)

КІЛЬКА РОЗПОРЯДЖЕНЬ М. С. ВОРОНЦОВА, ЩО ІСТОТНО ВПЛИНУЛИ НА РОЗБУДОВУ ТА БЛАГОУСТРІЙ ОДЕСИ

В історичній літературі вже приділялася увага позитивному впливу політики генерал-губернатора М. С. Воронцова на розвиток міст південної України в першій половині XIX ст. і, зокрема, на розбудову Одеси¹. Однак, надзвичайно активна та багатогранна діяльність М. Воронцова потребує подальшого вивчення. Наведені нижче документи з фондів Держаного архіву Одеської області стосуються кількох розпоряджень енергійного генерал-губернатора щодо організації робіт у різних сферах розбудови Одеси. Перший з документів свідчить, що саме М. Воронцову належить ідея висадження в Одесі білої акації. Документ під номером три висвітлює організацію постачання до міста іноземного каміння для брукування вулиць. Місцева влада для заохочення бажаючих привозити таке каміння вжила цілу низку заходів, деякі з яких вже досліджувалися у розвідці М. Г. Попруженко². Документи під номерами два, чотири та п'ять стосуються заходів щодо контролю за приватним будівництвом, обсяги якого в місті, на той час, були колосальними. Зазначені заходи М. Воронцова безперечно мали значний вплив і на формування архітектурного ансамблю Одеси.

1. Рапорт одеського міського садівника І. Германа до Одеського будівельного комітету

13 квітня 1825 р.

№ 596

Одеса

(ДАОО. – Ф. 59. – Оп. 1. – Спр. 450. – Арк. 3)

«В Одесский комитет

Одесского городского садовника Ивана Германа

Рапорт

Его сиятельство господин Новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник Бессарабской области граф Михаил Семенович Воронцов, во время осмотра им Одесской городской плантации, изъявил желание, чтоб посеяно в ней было чем возможно более Акации.

Во исполнение сего, я, закупив акациинных семян пятнадцать фунтов, высеял их ныне в Плантации всех. – Почему оный Комитет покорнейше прошу, возвратит мне издержанных мною на закупку тех семян по 45 рублей за фунт всего шестьдесят семь рублей пятьдесят копеек.

Садовник Герман».

2. Розпорядження М. С. Воронцова Одеському будівельному комітету

12 березня 1828 р.

(ДАОО. – Ф. 59. – Оп. 2. – Спр. 164. – Арк. 1, 2)

«По возвращению моему в Одессу я нашел пустыми самые лучшие места на бульваре, которые уже около 2-х уже лет отданный под застройку разным лицам. На месте против присутственных мест и на другом испрошенном г. Капнистом, нет даже в приготовлении материалов, а отданное де Волану, перешло уже в другие руки и все таки остается при одном фундаменте.

Я узнал также, что некоторые лица испрашивают места не в прямом намерении застроить оные своим коштом, но в предположении продать свое право кому-нибудь другому.

Обстоятельство сие побуждает меня обратиться к средствам, которые не выходя из законных постановлений, обеспечивали бы город, в том, что получивший место под застройку на добровольном условии, исполнит оное непременно в течение определенного срока вследствие чего предполагаю Строительному Комитету следующее.

1-е, Не отдавать иначе пустопорожные места на застройку, как тогда, когда желающим приняв оное внесет по цене предполагаемого строения сумму по 5 процентов с рубля в залог что он в течении двух годичного срока окончит таковое строение хотя бы в черне.

2-е, Если принявший таковое условие, исполнит оное к назначенному сроку, в таком случае Строительный комитет возвращает ему залог с приобретенными в Коммерческом банке процентами, если же он не устоит на своем обязательстве и не окончит к сроку хотя бы в чернее, то лишается не только права на место, но и залога, который поступает в пользу городских доходов, а место отдается другому желающему на вышеприведенном основании.

3-е, Всякому просящему места для постройки дома магазина или лавки объявляют ныне предлагаемое условие, – а если он согласится по основанию оного принять место, в чем даст и подписку тогда удовлетворять его просьбу безостановочно.

4-е, Выдавая квитки на отводимые места объявлять получателям, что они отнюдь не должны почитать таковые места собственными, а тем паче располагать оными по своему произволу и даже передавать в другие руки, доколь не произведут постройки по выданному плану к определенному сроку.

5-е, Когда принявший место в течении двух лет исполнит свою обязанность выстройкою здания хотя бы в чернее, тогда Строительный комитет по надлежащем тому удостоверении, выдает ему немедленно открытый лист на владение и свободное распоряжение тем местом.

6-е, Вносимые в залог деньги Строительный комитет должен отыскать тотчас в Коммерческий банк для приращения процентами.

Губернатор»

3. Лист

Департамента зовнішньої торгівлі Міністерства фінансів до Одеської портової митниці

24 травня 1828 р.

№ 12735

(ДАОО. – Ф. 88. – Оп. 1. – Спр. 50. – Арк. 12-14.)

«Одесской портовой таможне

Г. Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор относился к господину министру финансов, что крайняя нужда в камне крепкого свойства для мощения одесских улиц, по неимению такового в ближайших местах, заставила тамошнее начальство обратиться к приобретению оного из-за границы, как в плитах, так и в самородных кусках; но если как представляет ему одесский строительный комитет, будет требовать таможня чтобы шкипера кои привозят сии материалы, подавали по форме объявления делали очистку и исполняли прочие таможенные обряды, то сие может отвратить их совершенно от привоза означенных потребностей для города, между тем, как в приглашении сделанном от начальства шкиперам судов, о привозе камня вместо балласта для лучшего к тому прихочения, обещано им всякие пособия со стороны города в самой выгрузке привозимых камней, с назначением складки оных при порте в карантине без малейшего для них стеснения, так что одна отдача камня с судов на берег карантинный, должна уже их освобождать от всяких об них попечений; а в контракте заключенном с купцом Сарторио на доставку плит для тротуаров, именно отнесена выгрузка и прием оных на счет города

с избавлением поставщика от всяких дальнейших попечений, кроме одного привоза к порту. –

Посему комитет полагает постановить, чтобы вообще выгрузкой камней и плит в черте карантинного ведомства все обязанности привозящих оный шкиперов и судов, и чтобы при перегрузке из карантинного ведомства в город по распоряжениям комитета каждый транспорт сопровождаем был чрез ведомство таможенное особенными открытыми видами со стороны карантинного начальства, совершенно известного кем привозимые камни доставлены к порту и для кого перевозятся в город. Наконец сверх сего известна крайняя нужда, какую город Одесса терпит от недостатка в камне крепкого свойства, гидном для мостовых и тротуаров, крайность вынудившая местное начальство к самому приглашению шкиперов привозить оный на вышеписанном основании, предоставляется причиною, истинно дающею право исходатайствовать о совершенном сложении всякой пошлины даже и с частных лиц собственно для себя привозящих камень таковой в город на украшение зданий в черте порто-франко состоящих.

Граф Воронцов соглашаясь совершенно и с сим предположением, просит предписать Одесской портовой таможне, чтобы доставляемый в Одессу из-за границы по приглашению местного начальства камень как в мелких кусках, так и в плитах, пропускаем был в город беспрепятственно на том основании, как изложено в помянутом представлении Одесского строительного комитета.

Вследствие сего Департамент внешней торговли с разрешением господина министра предписывает Одесской портовой таможне, привозимый к Одесскому порту для вышеизъясненного употребления по приглашению местного начальства камень в мелких кусках и плитах, как доставляемые по контракту купцом Сарторио, так равно и те, кои выписаны будут частными лицами собственно для себя, пропускать беспрепятственно и без пошлин, не требуя подачи на сии материалы объявлений и без соблюдения прочих таможенных обрядов, но вместе с тем распорядится, чтобы выгрузка означенного камня и плит из судов в карантин проходила кроме карантинного под таможенным надзором, и чтобы пропуск оных в город по особенным открытым видам карантинного начальства, чиним был также не иначе, как с таможенным досмотром

Директор [Департамента внешней торговли] Д. Г. Бибиков.»

4. Розпорядження генерал-губернатора М. С. Воронцова одеському градоначальнику О. В. Богдановському

20 травня 1829 р.

№ 11198

Одеса

(ДАОО. – Ф. 59. – Оп. 1. – Спр. 982. – Арк. 1)

«Господину Одесскому градоначальнику

Во многих местах города Одессы комитет строительный дает позволение строится таким образом, что между домами оставляются промежутки по одному аршину и менее. Таковой образ построения во первых безобразит город; во вторых производит в нем нечистоту и дурной запах: ибо в промежутки сии стекает нечистота и мокрота, никогда не высыхающая, потому, что лучи солнечные туда не могут проникнуть. В отвращение подобных случаев на будущее время, прошу покорнейше Ваше Превосходительство предложить строительному комитету и предписать Полиции, чтобы никогда, по улицам не позволять, между коими оставляется пустого пространства менее двух сажен. Условия сие должно быть вносимо во все свидетельства, выдаваемые Комитетом при отводе земель по построению домов или магазинов в улицах; но оное не относится к строениям внутри дворов.

Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор М. С. Воронцов.»

5. Розпорядження М. С. Воронцова Одеському будівельному комітету

6 січня 1830 р.

№ 6

(ДАОО. – Ф. 59. – Оп. 2. – Спр. 164. – Арк. 8)

«Признавая нужным, дабы в главных местах города, а именно: во всей 1-й части, а также по всей Ришельевской улице, по всей Итальянской, по всей Херсонской, по всей Софиевской, по всей Дворянской, на Соборной площади на площади Старого и Нового базаров на Карантинной площади по всему Александровскому проспекту, по всему Внешнему бульвару и по всей Преображенской улице, дома вновь строились не иначе как в два или более этажа, я предлагаю Комитету сему принять зависящие от него меры к недопущению впредь построения одноэтажных домов воверху означенным улицам».

ПРИМІТКИ:

1. Шандра В. С. Новоросійський і бессарабський генерал-губернатор М. С. Воронцов (1823-1854) // УІЖ. – 2002. – № 1. – С. 68, 69; Ващенко В. П. Міське управління і господарство // Історія Одеси. – Одеса, 2002. – С. 106, 109; Гончарук Т. Г. До питання про вплив генерал-губернатора М. С. Воронцова на економічний розвиток та розбудову Одеси // ЗІФ. – 2003. – Вип. 14. – С. 113-123; його ж. До питання про організацію місцевою владою будівництва Одеси в першій половині ХІХ ст. // Інтелігенція і влада. Громадсько-політичний науковий збірник. – Вип. 1. Серія: історія. – Одеса, 2003. – С. 22-29.

2. Попруженко М. Г. Из материалов по истории благоустройства Одессы // ЗООИД. – 1911. – Т. 29. – С. 99-102.

ЛИСТИ ЄВГЕНА ЧИКАЛЕНКА ДО МИКОЛА АРКАСА (1903-1908). ЧАСТИНА 2.

№ 10

11. IX. [1906]

Високоповажаний
Миколаю Миколайовичу!

В листі до Степаненка Ви, спасибі Вам, питаєтесь, де я і що роблю.

Спішу Вас сповістити, що я тепер нахожусь в Києві в становищі повного інваліда. Через турботи і клопоти, які я пережив в останні часи, до мене вернулась знову моя хвороба і я по цілих днях лежу з страшенною біллю під грудьми і нудьгою в серці.

З самого марта місяця, т. є. відколи я вернувся з заграниці, я був зовсім здорові-сінський. В августі спокійнісінько собі молотив хліб, коли це получив телеграму: зараз приїздить і виручать газету.

Приїхавши в Київ, я довідався, що газету погубили деякі з наших служущих з молодіжі, які не дорожили нашим ділом, не дорожили і тим заробітком, що їм давала Гр[омадська] Д[умка] і дозволили собі держать в редакції «виборзьке воззваніє»¹ та инчі прокламації. Адміністрація давно на нас гострила зуби і скористувалась цим випадком, щоб її закрить. Два тижні я лазив, то до ген[ерал]-губернатора, то в жандармське управління, то в поліцію. Про дозвіл випускати «Гр[омадську] Думку» і слухать не хотіли, а також не хотіли розпечатувать контори, а там всі адреси, всі щоти; без них ми не могли випускати другої газети, хоч у нас давно є запасна. Нарешті в четвер (14-го) вийде «Рада»² і розсилатиметься передплатникам. За цей час я пережив масу турбот, образ, душевної муки і, прямо звалився з ніг!

Віїхать зараз в санаторію не можу, бо маса діл, які потребують моєї присутності тут, хоч і хворого. Як налагодиться діло з газетою, як упорядкую і свої фінансові діла, то зараз поїду купатись в санаторію.

Тепер, коли не стало газети, коли ми отримуємо гибель листів, видно, що вона дорога для багатьох, і що її треба тягнуть, не дивлячись на дефіцити. На цей рік ми докладем 30 т., а на 3-й – 10 т., а на 4-й станем на ноги; це по самому скептичному рахунку. Але будем прохать земляків піддержать нас, бо у нас не стане матеріальних сил.

Ваш Є. Чикаленко.

Єфремова арештували дурнісінько, він нічим не винуватий, але його мучитимуть, бо щитають головою всього руху³.

ДАМО. – Ф. 468. – Оп. 1. – Спр. 21. – Арк. 23-24.

№ 11

26. X. [1906], Мар. Благовещенская, 56.

Високоповажаний
Миколаю Миколайовичу!

До кінця року остається два місяці і виникає питання – як быть з газетою на 1907 рік.

Тепер вже з певністю можна сказать, що до нового року ми докладем на газету 30 тисяч руб.

Спільники мої рішучо висловлюються, що далі газети вести не варто, бо вона з'їдає багато грошей.

Я ж не можу собі уявити тепер Україну без газети. Стільки років добивались скасування закону [18]76 р., проклинали його творців і оборонців, а коли сей закон скасовано, то виявилось, що ми самі нікчемні, що ми самі не можемо вести навіть одної газети на всю

Україну. Якби хоч не ставили так голосно питання про автономію, а то стільки про неї говорили, писали, а тепер доведеться самім собі видавати «свідетельство о бедности». Це такий сором буде, що хоч од нації одказуєся і тікай безвісти!

На великий жаль сам я не маю сили тягти газету в 1907 році.

Найшовся один німець, що купує у мене шматок землі за налічні гроші і я, розсчитавшись з боргом з[а] дім, по якому я платю 8 %, матиму 10 т. руб., які і вкладу в газету, але цього мало. Хоч ми і рішили підняти ціну на газету до 6-ти руб., але все таки доведеться докласти не менше 20 тисяч.

Тиражу сей год газета мала 3 тисячі, значить, ми виручили 12 тисяч; якщо передплатників буде не менше, то ми дістанем 18 т. руб., а газета коштує не менше 42 тисяч. Правда, я сподіваюсь, що передплатників буде хоч трохи, а таки більше ніж сей рік, бо ідея наша шириться, інтерес розвивається; ми одержуєм масу листів, з яких видно, що її читають цілими гуртами, але й виписують гуртом, а не поодинці, як се робить інтелігенція. Читачів ми маєм багато, а передплатників мало, бо наша публіка бідна і малограмотна, а інтелігенція мало цікавиться, мало виписує.

Але я певен, що сього діла покидати не можна, не дивлячись ні на які жертви. Я згадую собі долю нашого книжного складу, яким завідує Степаненко. Ми до його докладали років з шість, а тепер він вже сей рік дав чистого зиску тисячу рублів.

Скільки раз думали вже покинуть торгівлю на убиток, але якось Господь не допустив. Оттак, я певен, буде й з газетою. На третій, на четвертий рік вона стане на свої ноги. Треба нам тільки видержать сі роки.

Але горе нам – наші люде підтримують чуже, а свого не хочуть: Терещенко⁴ дав на «Страну»⁵ – 200 тисяч. Панкеев⁶ послав на «Ю[жные] Записки»⁷ і на «Киевский Голос»⁸ більше 100 тисяч, а це ж наші люде, що вирости на Україні і багатство їх не рівнять до нашого, а от на наше діло не хотять дати – вони його не розуміють.

Я знаю з Ваших листів, що діла Ваші в такім стані, що мені й соромно звертатись до Вас, але я все таки, для ради такого великого діла, знов звертаюсь – допоможіть коли можете.

Напишіть, будь ласка, чи зможете і скільки, щоб знать, як бути на 1907 р.

Ну, простіть. Ви не повірите як мені тяжко це писать.

Ваш Є. Чикаленко.

ДАМО. – Ф. 468. – Оп. 1. – Спр. 21. – Арк. 18-20.

№ 12

15. I. 1907, Мар[иинско]-Благовещенская № 56.

Вибачайте, висоповажаний Миколаю Миколайовичу, що так пізно відповідаю на Ваш лист, але не я тому винен.

Ви заадресували листа на книгарню, а там він, між купою листів десь замішався чи загубився і хлопець мені тільки сьогодні його приніс. Раз у раз прошу мені писать по вищепоказаному адресу – се мій постійний в Києві притулок (Мар[иинско]-Благовещ[енская], 56).

Ви прохаєте дати Вам якусь роботу, бо «Історію» Ви вже скінчили.

Я вже раз Вам писав, що найкраща для Вас робота – се написати ще одну, дві таких чудесних опер, як «Катерина». Всяку инчу роботу може робити всякий освічений чоловік, а коли нема у його музикального талану, то нехай він і 10 університетів скінчить, а опери не напише.

А у Вас до того є талан, річ, яка не виробляється, а з якою люди родяться.

Зверніться в Херсоні до Н. Ф. Чернявського⁹, нехай він напише лібрето, а Ви пишати музику.

Коли ж у Вас нема зараз натхнення, то почніть видавати народні пісні з нотами. Ви якось казали, що у вас їх зібрано багато. Може за цією роботою у Вас з'явиться і натхнення.

Мені дивно, що у нас так мало композиторів; а тим часом, кажуть, що ні в одного народу нема такого багатства народних пісень, як у нас. Нема у нас досі Шевченка в області музики, який взявши за основу народню мелодію, сотворив би національну оперу. Праці Ніщинського, Лисенка, Ваца в області музики – це Квітка, Котляревський, Г[улак-] Артемовський в області слова, які проторили шлях Шевченкові. Треба й в області музики протоптувати стежку, по якій прийде геній і разом проробить широкий шлях.

Треба в сьому напрямку робить – та нікому!

Ніщинський умер майже безслідно. Лисенка доля повернула в поштову шкапу, що до старості бігає за куском хліба по уроках і не має й хвилини вільної.

Ви, не вірючи своїм силам, чи не знаю, по якій причині, обмежились однією оперкою. А тим часом з Вашим музикальним таланом можна було навіки прославити себе і нашу музику, а тим способом і Україну поставити на ряду з инчими культурними націями, хоч в музиці.

Знов кажу, коли у Вас тепер нема охоти і змоги творити, то хоч видавайте в світ народний скарб, нехай він не гине марно! Ну, тепер про газету.

«Что у кого болит, тот о том и говорит!».

Багато я набрався муки, багато попусував собі нервів, але таки газета виходить і в цьому році. З статті Грушевського в 1 №¹⁰ Ви бачите, що ми мусіли підняти ціну (я про се й писав Вам, бо ми Вас вважаємо пайщиком, хоч Ви й не спроможетесь на сей рік нічого вкласти; але Ви дали вже торік). А піднявши ціну, піднімаємо і ценз газети, щоб зацікавити нею і інтелігенцію. І справді, статті Грушевського такі цінні, що не часто й в столичній пресі такі бувають.

Не знаю, як на Вашу думку, а на мою – газета стала цікавішою. Правда, мова стала менш зрозумілою, але абстрактні речі не можна писати виключно селянськими словами. Торік газета приновлялась до селянського читача, але виявилось, що селяне-мужики її мало випишують, а під кінець року і зовсім перестали. Інтелігенцію ж торішня газета не задовольняла, бо була дуже примітивною, а через те і інтелігенція її не випишувала.

Тепер, поки що, підписка дає далеко кращі результати (грошові), ніж торік у сей час. Правда торік було більше душ передплатників, але все місячні (випишували на пробу, а потім покидали), а тепер у нас підписуються більше на год. Торік до 15 янв[аря] ми мали всього 700 руб., а тепер маєм 3000 рублів, хоч душ менше. Побачим, що далі буде, а поки що єсть надія, що докладем не більше 20 т.

На той год напевне доведеться підняти ще ціну.

Тепер ясно, що нам треба було почати з 12 рублів на рік, а ми понадіялись на селян, та й поставили тільки – 4 руб.

Ну, поживем – побачим!

Ваш Є. Чикаленко.

ДАМО. – Ф. 468. – Оп. 1. – Спр. 21. – Арк. 27-30.

№ 13

19/6. IV. 07.

Високоповажаний Миколаю Миколаєвичу!

Знов звертаюсь до Вас в справі з газетою!

Ми рахували, що на сей рік у нас передплатників буде вдвоє більше, як торік і нам досить буде 20 тисяч на покриття дефіциту. Аж виявилось, що число передплатників мало що побільшилось. Минулий рік ми закінчили, мавши 1507 душ, а тепер маєм 1700.

Таким робом, нам не хватить чим довести газети до кінця року. А тим часом я вважаю, що смерть газети буде для нас ще гіршим нещастям, як у свій час було Берестечко. Я вважаю, що не дивлячись ні на які жертви, треба газету тягнуть, тягнуть, поки публіка не звикне до газетної мови, поки газета не стане насущною потребою для нашого громадянства. В одповідь на моє прохання піддержать газету, Катеринославці зібрали з кожного земляка по 5, по 10 руб. і склали таким чином мало не 500 рублів і на сі гроші виписали «Раду» до кінця року для тих, хто сам не може виписати: на ім'я учителів, писарів, фершалів, робітників і проч. Таким чином, ми придбали нових 100 передплатників. Якби кожний город зробив се по змозі в своєму районі, то й нам була б піддержка та й газета поширилась, а з нею розлилась би і свідомість по Україні. На той рік багато прибавилось би таких людей, що вже самі виписували б. Звертаюсь до Вас, Миколаю Миколаєвичу, як до щирого та енергійного чоловіка з проханням організувать таке самообложеніє і на зібрану суму виписати газету для тих сільських інтелігентів, що самі не можуть виписать газети. Тепер всі інтелігенти дбають, щоб газети йшли в села, щоб знайомили з тим, що діється в Думі. Якби се Вам пощастило зробити, то вигоди була б з багатьох боків. Ну, сподіваюсь, що Ви попробуєте зробити хоч, що зможете для того, щоб піддержать «Раду» і не дасть їй умерти од худосочія.

З великим поважаннем Є. Чикаленко.

З слів Т. Пархоменка я довідався, що Ви наче мене не бачили, а тим часом я знімався з Вами разом в Полтаві на святі Котляревського¹¹. На групі я сижу разом з Міхновським¹², а голова Шрага¹³ прийшла як раз мені на грудях, а Ви стоїте на другій стороні гр[упи]. Певне, у Вас єсть ся група, то роздивіться.

Центральний державний архів-музей літератури і мистецтва України. – Ф. 323. – Оп. 1. – Спр. 13.

№ 14

9. I. 1908, Київ.

Високоповажаний
Миколаю Миколайовичу!

Вельми дякую Вам за дарунок, а ще більше дякую, що не пошкодували праці, часу і грошей та дали нашому громадянству книжку, якою може пишатися не тільки Україна...

Я певен, що Ваша книжка на рівні з «Кобзарем» буде лежати на першій місці у наших інтелігентних родин. Дай Боже!

Треба буде подавать гадку Степаненкові, щоб дав в перепльот хоч з сотню. Розкішний перепльот привабить може і несвідомих українців купувати сю коштовну річ, і тим поможе привернути до нашої справи і вищі верстви.

Ваш Є. Чикаленко.

P. S. Передплата на «Раду» йде весело, але все таки в межах торішніх передплатників, а нових нема.

ДАМО. – Ф. 468. – Оп. 1. – Спр. 21. – Арк. 31.

№ 15

5. II. 1908.

Високоповажаний
Миколаю Миколайовичу!

Не ображайтесь, що в листі Вашому в № 29 «Ради» я вставив дещо про профес[ора] Іванова та галицькі гімназії¹⁴.

У мене до Вас просьба. Нашого приятеля Ф. Г. Шульгу¹⁵, секретаря одеської город[ської] Управи, чорносотенці вигнали, і він тепер з дітьми остався без хліба. Ради Бога – може де знаєте про посаду яку-небудь, то порекомендуйте його. Він людина розум-

на, тактична і надзвичайно діловита. Сорому Вам за його не буде, а ще всяке й подякує, що рекомендували. Поклопочіться, будь ласка, може яка приватна служба знайдеться рублів на 100 в місяць. В управі він получав 3 т., але тепер якби хоч третю часть десь добуть.

Передплата потроху посувається на «Раду», певне, скоро дожене торішню, а може й пережене, але видно, що не на багато. Клопочіться, коли ласка Ваша і за це: нахилийте до передплати кого можете. Яка не є поганенька газета, а шкода, коли вмре од «худосочия».

Ваш Є. Чикаленко.

ДАМО. – Ф. 468. – Оп. 1. – Спр. 21. – Арк. 32.

№ 16

9. VII. 1908, с. Кононівка.

Високоповажаний
Миколаю Миколайовичу!

Я знов до Вас, хоч може вже й обрид Вам, але прочитайте терпеливо до кінця.

Само собою, що я знов пишу до Вас в справі газети, бо нею тепер тільки й живу і, коли вона помре, той й я духовно помру – заховаюсь од сорому на хуторі, щоб не бачити й не чути жодного інтелігентного українця.

Я вже не однократно висловлював Вам свою думку про значення газети та й Ви самі здорово знаєте це, то я тепер повторяти не буду. Певен, що й Ви скажете, що тепер остаться без газети – се значить убить на довгі роки наш рух. Се значить дати нашим ворогам ще один довод, що український рух не єсть потребою мас, а вигадка купки «українофілів-сепаратистів», а у приятелів убить всяку енергію і надію на скоре культурне відродження наше.

Одним словом, смерть газети – се величезний удар всьому українському культурному рухові.

А діла наші стоять так, що без напруження сил ми не зможемо на той рік видавать газети.

Сього року, дякуючи премії «Кобзар», ми придбали до 1200 годових передплатників і се дасть нам змогу закінчити рік з дефіцитом не більше як в тисяч 18-19. Як бачите, дефіцит значно менчий проти перших двох років. Щоб закінчити сей рік, я грошей добув, почасти люде помогли, а почасти сам роздобув, продавши шматок землі.

Тепер питання – що робить на той рік? Урожай у мене в Херсонщині такий, що й насіння навряд чи вернеться; спільники мої по виданню газети теж не зможуть багато дати, бо вже обридло їм докладать щогоду. Але я вважаю, що нам обов'язково треба тягнути газету далі.

Потрохи люде до неї звикають; потрохи й начальство починає її терпіть і вже не так тіснить і нас, і тих, хто її виписують.

Мине ще років два-три і, певне, вона виробить сих свідомих людей.

Питання в тім, як би продержать газету ще через отсю лиху годину?

Бувши сими днями в нашім книжнім магазині, я почув, що Ви хочете зменчити ціну на Вашу «Історію», аби скоріше її розпродать, і мені з Степаненком прийшло на думку ось що: от би добре було якби сю «Історію» та дати на будущин рік приложенієм до газети!

Написали Ви її не для баришів, а для того, щоб пролить свідомість в широкі маси. І треба оддати Вам справедливість: Ви зробили своєю «Історією» багато, так багато, що й сподіватись сього не можна було. Я без перебільшення скажу, що Ваша книжка після «Кобзаря» єсть найкорисніша. Вона розходитьсь добре, читається з великим інтересом і будить любов до свого краю, його минулого і пробуджує надії на будуще.

Одним словом, ся книжка, на мою думку, повинна стать наряду з «Кобзарем» настольною книжкою у кожного українця, і се повинно быть, до сього треба йти.

І от, я звертаюсь до Вас з великим проханням помогти нею нашій газеті.

Торік я звертався до Вас за поміччю і Ви сказали, що не можете, бо багато затратили грошей на видання «Історії».

Тепер я звертаюсь до Вас з просьбою помогти газеті сією «Історією».

Знов кажу – Ви написали і видали її не для заробітку, не для того, щоб обогатитись од неї, а для того, щоб її поширити. Тепер Ви хочете понизити ціну на дорожче видання, бо воно йде гірше за дешевше, а я Вас прошу подаруйте газеті 1500 примірників, і ми дамо її приложенієм годовим підпищикам.

Для Вас се можливо. Розходи, певне, вже окупились, то сих 1500 екземплярів не зроблять Вам великого убитку. Ми їх розішлемо за 1909 рік, а Ви скоріше видасте нове видання, відповідно потребі. Знов прошу Вас помогіть газеті. Грїшми торік Ви не могли помогти, сього року теж, певне, у Вас такий же неврожай, як і у мене, то грїшми Вам тяжко буде, а дати книжку для розповсюдження – і лекше, і краще.

Подумайте над тим, яку велику поміч Ви зробите нам і всій Україні.

Дякуючи Вашій книжці, ми зможемо видавати газету, бо сподіваємся, що її охоче будуть виписувать через таке приложеніє, та й книжка Ваша попадає в руки таких підпищиків, які не можуть купити книжки, або не цікавляться нею, бо не бачили її.

Не думайте довго, Миколаю Миколайовичу, а напишіть мені і Степаненкові. Од Вашої згоди залежить – чи буде у нас на той рік газета, чи ні.

Коли Ви дасте 1500 екз[емплярів] «Історії», то й мої спільники охотніше згодяться ще доплачувать дефіцит, бо сподіватимуться, що Ваша «Історія» привабить багато нових передплатників і дефіцит буде менчий, як сей рік.

Коли ж Ви не дасте своєї «Історії», то я не маю надії умовити своїх спільників, і, певне, вони вже не дадуть мені такої заповоги, аби я рішився почать видавати газету.

Таким робом, існування газети в 1909 залежить од Вас, Миколаю Миколайовичу.

Посудіть самі. Торік, аби привабити передплатників, ми дали «Кобзаря». Обов'язково треба й на той рік дати якесь приложеніє.

Ну яке ми дамо?

Чим ми можем зацікавити під пищика і приучити його до газети. А нашого читача ще треба приучать, заохочувать, бо до газети він ще не привик, вона ще не стала для його такою потребою, як російська газета. Єдина тепер книжка, після «Кобзаря», якою можна привабити передплатника – єсть Ваша «Історія».

Коли Ви не дасте її, то ми мусимо на той рік закривать газету.

Без якогось заманливого приложенія ми не рискнем випускати газети, бо не зможем її допечатати до кінця року.

І так, Миколаю Миколайовичу, од Вас тепер залежить існування газети, і я думаю, що Ви не схочете її убить.

Ваш Є. Чикаленко.

ДАМО. – Ф. 468. – Оп. 1. – Спр. 21. – Арк. 33-38.

№ 17

1908 г. 25 іюль.

Високоповажаний
Миколаю Миколайовичу!

Вчора я приїхав з села, прочитав Вашого листа, а сьогодні, порадившись з редакцією, пишу знов до Вас.

Прохання своє я обміркував добре і по щирості Вам писав, що після «Кобзаря» – найцінніша книжка – то Ваша «Історія». Може, на погляд спеціалістів вона й має дефекти, але достоїнства її такі великі, що дефекти зникають і ми, публіка, зовсім і не помічаєм їх.

Ви пишете, що скоро появиться «Історія» Грушевського. Певне, вона буде написана бездоганно, але те ж певно, що вона не буде написана так популярно, як Ваша. Тим часом, як Грушевський схоче, то ніщо не помішає дати нам її приложенієм до «Ради» на 1910 рік. Маслом каші не попусуєш, каже російська приказка.

Ми сердечно дякуємо Вам за Вашу згоду дати 1500 примірників Вашої «Історії», і просим оповістити про це Степаненка. Повірте, що це для мене велика радість. Прямо, празник для всіх нас.

Після «Кобзаря» публіка вже звикла, що «Рада» даватиме додаток і всі запитують нас; тепер, ми можемо всіх потішити, що дамо на 1909 рік чудове приложеніє.

А Ви, високоповажаний Миколаю Миколайовичу, готуйте друге видання, не вважайте на те, що буде, може ще одна ілюстрована «Історія». Ваша «Історія» не побоїться конкуренції, бо вона написана дуже, дуже популярно; само собою, що треба виправити ті дефекти, на які завважила критика. Але треба мати на увазі, що 2-е видання вже не піде так швидко, бо перший голод публіки вже таки задоволено першим виданням.

Ще раз дякую Вам од щирого серця за дарунок, бо без його ми не рішилися б видавати «Ради» в 1909 році. А без газети, як і Ви справедливо кажете, нам тепер себе і уявити не можна.

Ще довго треба буде приманювати публіку, поки-то вона при звичається до газети і привикне до неї так, як і до рос[ійських] газет.

Прошу ж Вас оповістити Степаненка, щоб видав редакції «Ради» 1500 екз[емплярів] Вашої «Історії».

З великим до Вас поважанням Є. Чикаленко.

ДАМО. – Ф. 468. – Оп. 1. – Спр. 21. – Арк. 39.

№ 18

2. VIII. 1908.

Ще раз дякую Вам за Ваш дарунок «Раді»; на мою думку, після «Кобзаря» це тепер у нас найцікавіша книжка для народнього читання.

Пишу Вам це, перечитавши рецензію Липинського і Грушевського в VII кн. ЛНВістника¹⁶.

Може в книжці Вашій і єсть дрібні помилки проти науки, але висловлюватись за неї так, як висловився Грушевський не слід би було, що я йому й скажу, як побачусь.

На всіх нас його рецензія зробила дуже, дуже неприємне враження. Нехай Вам це буде моральним удовлетворенієм.

Всі в один голос кажуть, що Грушевський своєю рецензією принизив себе, що ніхто од його не сподівався такої роздратованої, ненаукової критики.

На всякого мудреця досить простоти!

Думаю, що Ви найрозумніше зробили б, якби не звернули зовсім уваги на сю рецензію, а рецензією Липинського скористувались для другого видання.

Ви живете в стороні од нашого громадського життя, то з непривички Вам прикро буде пережити таке відношення до Вашої праці.

Але знайте, що хто живе в самому центрі, де кипить життя, де воно твориться, тому доводиться переживати стільки, що Ви собі і уявити не можете.

Мене за видання газети ще тільки по щоках не били, але... сподіваюсь і до того дожити од земляків. Леонтович викликав мене на Третейський суд за те, що підібрав до газети сотрудників, буцім, революціонерів, і тим його осоромив.

Грінченко теж мене позивав за те, що я не схотів календаря просвітянського дати приложенієм¹⁷. А скільки мене лайно, лають, то й переказати не можна.

В перший рік я од розстройства нервів аж з ніг звалився, а тепер вже привик!

Радю й вам відноситись філософськи на всі критики.

Ваш Є. Чикаленко.

ДАМО. – Ф. 468. – Оп. 1. – Спр. 21. – Арк. 40-41.

№ 19

2. IX. 1908.

В останньому листі до Вас я зауважив, що пишу його вже після того, як прочитав рецензію професора і висловив свій погляд на сю рецензію і на Вашу працю.

Я Вам твердо сказав, що книжку Вашу вважаю найціннішою після «Кобзаря» і ніякої рецензії сього мого погляду не перемінять.

Не забувайте, Миколаю Миколайовичу, що мені вже незабаром 50 років, а в такому вікові люде не так легко міняють погляди на речі, тим більше, що погляд мій на Вашу працю поділяють зо мною і всі мої соробітники і спільники по виданню «Ради».

Сими днями я висловив свій погляд і п[анові] професорові, я сказав йому, що рецензія його не академічна, повна роздратування заінтересованої людини, яка, як люде кажуть, розчищає дорогу для своєї книжки.

На се мені професор одповів, що він написав рецензію «по долгу історика», і не обзивався про неї, поки не розійшлась, щоб не пошкодити виданню, а коли люде вбачають в його рецензії особистий інтерес, то своєї «Історії» він і видаватє тепер не буде.

Будьте певні, Миколаю Миколайовичу, що я одверто одрікся б од Вашої книжки, якби вважав її шкодливою. Як бачите я й п[анові] професорові, якого вважаю найціннішою тепер людиною, вважав потрібним сказати свій погляд на його рецензію.

Не думайте, будь ласка, що з-за чемності не кажу Вам правди, я знов кажу од щирого серця, що книжку Вашу вважаю за найкращу (поки що) після «Кобзаря» і бажав би, щоб вона у кожного українця лежала на столі поруч з Шевченком.

Ваш Є. Чикаленко.

ДАМО. – Ф. 468. – Оп. 1. – Спр. 21. – Арк. 42.

№ 20

26. X. 1908.

Високоповажаний
Миколаю Миколайовичу!

Мені здавалось, що я написав Вам про небезпеку для «Ради», про те, що моїм спільникам обридло вже платити щороку дефіцити, а коли не писав, то побоявся, що Ви мої скарги приймете за натяк, аби і у Вас випросити. Ви не повірите, як мені тяжко просити грошей, хоч і на громадське діло. Я волю обмежити себе до крайності і самому дати, а ніж просити у когось.

Після багатьох розмов, клопоту, душевної болі, мені таки пощастило умовити одного мого спільника, щоб не покидав мене, і він згодився ще на один рік помагати мені.

Сього року ми докладем тисяч 18 (досі пішло 16 т., а ще зо дві піде), а на той рік може дефіцит ще зменшиться, бо передплата потроху, потроху, а все побільшується в числі. Коли б мене ніхто не піддержав, то я вже думав назначити ціну – 12 рублів на рік, хоч знав, що се великий риск, але треба було щось видумувати.

Але тепер, хвала Богові, на 1909-й рік газета забезпечена; а там: не на те козак п'є, що є, а на те – що буде.

Потроху збуваю мужикам землю ту, що колись купував, а дітям оставлю тільки те, що дістав сам од батьків. Думаю, що я маю на се право, та так і діти кажуть. Діти у мене хвалить Бога, не погані, хоч в сім'ї не без урода.

Троє вчаться за границею¹⁸; недавно мою дочку запрошено асистентом по кафедрі зоології в Лозанському університеті¹⁹, а єсть тут один такий у мене син, що покинув гімназію і не хоче вчитись²⁰. Отсе я вже почав з Вами ділитись радостями і горестями не громадськими, а особистими. Та воно й натурально, бо у мене тих клопіт, що й голова не зносить – і свої і громадські, але поки служить здоровля, то якось тягтиму.

Щиро Вам вдячний за піддержу; Ви зробили своїм дарунком велику мені допомогу.
Ваш серцем Є. Чикаленко.

ДАМО. – Ф. 468. – Оп. 1. – Спр. 21. – Арк. 43.

№ 21

20. XI. 1908.

Високоповажаний
Миколаю Миколайовичу!

Сегодня приїхав в Київ і спішу одповісти на Ваш лист.

Учителів трапляється багато, але всі вони через політичні причини увільнені з посад і не мають свідоцтв «о благонадежности», а значить і занять місця в Вашій школі не можуть.

Що ж до бандури, то той майстер, що друкувався в «Раді» збанкрутував і виїхав з Києва.

Я опитував всіх знайомих і за учителя і за бандуру. Обіцяють учителя пошукать, а за бандурою кажуть звернутись по такому адресу: *Полтава, Кустарный склад губернского земства*. Кажуть, що там єсть бандури на продаж од 15 до 25 рублів за штуку.

Тут у ЛНВістнику продається торбан за 50 рублів, але не знаю чи зможе на йому грати той, що грає на бандурі.

Ви шкодуєте, що ми не побільшили ціни на «Раду», а ми діставали масу листів, навіть колективних, з проханням не побільшувать ціни, бо зменчиться число передплатників.

Не вгадаєш, що робить.

Сегодня в газетах з'явилась сумна для нас звістка: замість Сухомлинова²¹ назначають нам нового ген[ерал]-губернатора. За Сухомлиновим, певне, піде і губернатор г[раф] Ігнат'єв²², тоді ми пропали, бо досі ми держались тільки з ласки київського начальства, якому не раз з Петербурга був наганяй за те, що розпустили укр[аїнську] пресу і взагалі потурають укр[аїнському] рухові. Все се робиться через доноси союзників, особливо Юзефовича²³, який має в Петербурзі великі зв'язки.

Ваш Є. Чикаленко.

Коли знайдеться учитель, то я Вас сповіщу, хоч умови трудні: і хор, і церковний спів, а літом виховувать Вашого сина; важко найти всесторонню людину.

ДАМО. – Ф. 468. – Оп. 1. – Спр. 21. – Арк. 45.

ПРИМІТКИ:

1. «Виборгское воззвание» («Народу от народных представителей») – звернення групи депутатів I Державної Думи, прийняте у Виборзі 10 липня 1906 р. у відповідь на розпуск Думи.

2. «Рада» – єдина в дореволюційний час щоденна українська громадсько-політична газета ліберального напрямку на Наддніпрянщині. Виходила в Києві з вересня 1906 до 20

липня 1914 р. Видавець – Є. Чикаленко. Матеріально її підтримували – В. Симиренко, Л. Жебуньов, П. Стебницький, В. Леонтович.

3. С. Єфремов був арештований 29 грудня 1905 р. в ході масових арештів, що проводилися у великих містах Росії напередодні 9 січня. Ніяких звинувачень арештованому не висували, а повідомили, що він «числився за жандармським управлінням». С. Єфремова безпідставно підозрювали у належності до української організації РСДРП – «Спілка» і вже з більшими підставами – до селянського союзу. Звільнений лише у кінці квітня 1906 р. за відсутністю доказів (див.: Сергій Єфремов. «Про дні минулі. XVIII. Інтермедія – мої тюрми» (Молода нація. – № 4. – К., 2004. – С. 75-85); Гирич І. «М. Грушевський і С. Єфремов на тлі українського суспільно-політичного життя XIX – 20-х рр. XX ст.» (Український історик. – Нью-Йорк-Торонто-Київ-Львів-Мюнхен, 1996. – С. 152).

4. Терещенко Михайло Іванович (1866-1956) – землевласник, цукрозаводчик, меценат.

5. «Страна» – щоденна політична, економічна і суспільна газета, що виходила у Санкт-Петербурзі у 1906-1907 рр. Її редактори – М. М. Ковалевський, І. І. Іванюков, А. Г. Гусаков. Видавець – Ю. С. Александровський. У липні 1906 р. була тимчасово призупинена і виходила під назвою «Равенство».

6. Очевидно, К. Панкєєв – редактор-видавець «Южных записок».

7. «Южные записки» – щотижневий обласний прогресивно-демократичний журнал, що виходив з 1904 р. в Одесі. Редактор – А. Новікова, редактор-видавець – К. Панкєєв.

8. «Кієвський голос» – щоденна громадсько-економічна, політична і літературна газета, що виходила у Києві у 1906-1907 рр. Редактори у різний час – С. І. Дрелінг, О. Саліковський і В. Капустін. Видавці – С. Дрелінг, С. Слюсаревський. Далі виходила під назвою «Кієвские вести».

9. Чернявський Микола Федорович (1868-1946) – поет, прозаїк, перекладач, видавець. Працював до 1901 р. вчителем у Бахмутській духовній школі, потім статистиком у Чернігівському губернському земстві, згодом переїхав до Херсону. Там працював і після революції вчителем у різних навчальних закладах.

10. Йдеться про статтю М. Грушевського «Наша газета», у якій повідомлялося про зміну тематичного і соціального курсу газети.

11. Йдеться про відкриття пам'ятника І. Котляревському в Полтаві до 100-річчя від дня його народження, яке відбулося 30-31 серпня 1903 року.

12. Міхновський Микола Іванович (1873-1924) – громадсько-політичний діяч, публіцист, юрист, один з ідеологів українського самостійництва. Засновник Української народної партії, часописів «Слобожанщина», «Сніп».

13. Шраг Ілля Людвигович (1847-1919) – український громадсько-політичний діяч, адвокат, голова Чернігівського окружного суду, депутат І Державної Думи, в якій очолював українську фракцію. Член УРДП, потім – УПСФ, ТУП.

14. Лист М. Аркаса під назвою «Одповідь на статтю „Интеллигенское недомыслие“», вміщений у названому № «Ради» за 1908 р. у рубриці «Листи до редакції», підписаний псевдонімом «Миколаївський Просвітянин». Це відповідь на статтю «Беды Проповедника», що друкувалася у «Миколаївській газеті» (№ 602), у ній автор спотворював інформацію про галицькі гімназії та професора Іванова.

15. Шульга Федір Григорович – український громадський діяч, дипломат. Народився в козацькій родині на Лубенщині Полтавської губернії. До 1917 р. був членом Одеської громади й осередку ТУП. Член партії кадетів. У 1918 р. – радник посольства Української Держави у Болгарії, за Директорії – голова посольства УНР у Софії.

16. Науково-критичні рецензії В. Липинського «Історія України Миколи Аркаса» та М. Грушевського «До рецензії д. Липинського» вміщені у кн. VII ЛНВ відповідно сс. 307-318 і 318-323.

17. Йдеться про інцидент редакції «Ради» з київською «Просвітою», що стався з такої причини: перша замовила «Просвіті» 1000 примірників відривного календаря для річних передплатників газети. Але згодом Є. Чикаленко відмовився брати календар, бо назви місяців у ньому були змінені, вони не відповідали назвам 1907 р. та тим, які вживалися в газеті.

18. Йдеться про старших дітей Є. Чикаленка: сина Лева (1888-1965), дочок Ганну (1885-1964) і Вікторію (1887-1964).

19. Мається на увазі Ганна Чикаленко.

20. Йдеться про сина Петра (1892-1928).

21. Сухомлинов Володимир Олександрович (1848-1926) – генерал російської армії, у 1904 р. – командуючий Київською військовою округою, з 1905 р. – київський, подільський і волинський генерал-губернатор, з 1908 р. – начальник Генерального штабу, а з 1909 – військовий міністр.

22. Ігнат'єв О. П. – граф, земський діяч, голова Київського губернського земства, київський губернатор.

23. Юзефович Михайло Володимирович (1802-1889) – російський державний діяч і адміністратор, археограф, публіцист. Ініціатор Емського указу 1876 р.

ИЗ ПРАВОСЛАВНОЙ ЖИЗНИ ГАГАУЗОВ. СЕЛО ВИНОГРАДОВКА (КУРЧИ) БОЛГРАДСКОГО РАЙОНА, ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

Живописно расположенное село Виноградовка (старое название Курчи /Курчу – Kurçu) находится на берегу озера Ялпуг, на запад от города Болград – центра бессарабских болгар. Задунайские колонисты (гагаузы и болгары) поселились здесь в 1811 г.¹ Жители села Курчи, поселившись на новом месте, построили здесь не только жилые дома, но и другие здания, в том числе и православный храм.

Церковь св. Георгия была заложена в селе в 1820 г., а освящена – 25 апреля 1821 году (по старому стилю)². Храмовый праздник села приходится на день св. Георгия – 23 апреля (6 мая). Постройка была каменная, покрыта железом. По словам Валентина Мошкова, здание церкви было построено в «новейшем архитектурном стиле»³.

Церковь св. Георгия села Виноградовка хорошо выполняла свою религиозную функцию для прихожан длительный период, независимо от того, какому государству принадлежало село (сначала – России, потом – Румынии). Ситуация диаметрально изменилась, после того как село вошло в 1944 г. в состав СССР. Годы коммунизма – годы гонений на религию. Новые власти в массовом порядке закрывали церкви.

В местах компактного проживания гагаузов в Бессарабии были две главные волны уничтожения православных храмов. Первая из них пришлась на конец 50-х – начало 60-х годов XX века. Так, в с. Александровка в 1960 г. пытались разрушить монастырь, а в 1959 г. разрушили церковь, а на ее месте был построен Дом культуры⁴. Были уничтожены церкви в селах Бешгиоз, Карбалия, Червоноармейское, Чешмикей. Вторая произошла через десять лет (Виноградовка, Церковь св. великомученика Дмитрия в Чадыр-Лунге и др.).

По словам нынешнего батюшки, в начале 60-х годов XX века церковь села Виноградовка была частично разрушена (с храма была снята крыша), а примерно через десять лет – полностью уничтожена. На месте бывшей церкви сегодня находятся другие здания. Более тридцати лет в селе не было храма. Был построен Дом культуры, установлена статуя Ленину, но религии в селе официально не существовало. Современный храм находится очень близко к старой церкви, в приспособленном для службы доме (рис. 1, 2).

Рис. 1. Виноградовка, современная церковь св. Георгия

церкви. Также как на территории Гагаузской автономии *Гагауз Ери*, в селе Виноградовка многие граждане стали протестантами. Об этом факте автору статьи в октябре 2008 г. говорил батюшка из церкви св. Георгия. По его словам, «в селе находится очень много

Церковь была вновь открыта в 2001 г.

Длительный период атеизма стал причиной изменения обычаев у жителей села. Свадьбы и похороны проводились без участия служителей культа. С возвращением демократии ситуация в вероисповедании села радикально изменилась. Вернулась вера, что значит – вера от народа дефинитивно не ушла, но не все

вернулись к Православной

схизматиков». Так, в православную церковь в воскресенье на богослужение (что я также видел) приходило мало народа, практически все это – старые люди.

Также можно отметить распространение в селе религиозного плюрализма, при резком сокращении числа православных. В настоящее время нельзя сказать, как в прошлом, что гагаузы в этом населенном пункте по своему вероисповеданию – православные. Но, при этом, важно отметить, что многие жители Виноградовки говорили мне: независимо от того, кто какого вероисповедания придерживается, все живут мирно, и в селе нет никаких религиозных конфликтов.

Рис. 2. Внутренний интерьер современной церкви св. Георгия

ПРИМЕЧАНИЯ:

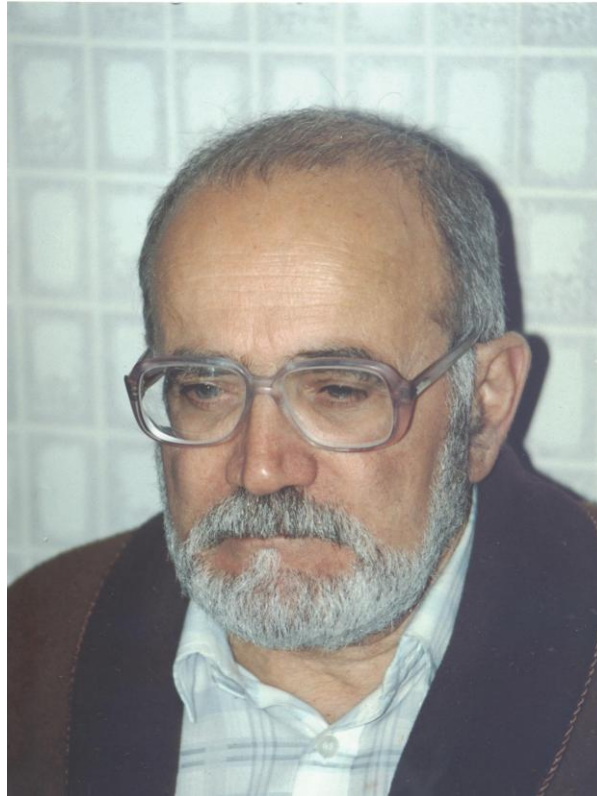
1. Чакир М. История гагаузов Бессарабии // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. – Кишинев, 2005. – С. 96; *Bulgar S. Kurçu küüyün istoriyası (Vinogradovka küüyü, Bolgrad rayonu, Odesa oblasti, Ukraina)* // Sabaa Yıldız. – 2005. – № 33. – С. 2.

2. Червенков Н. Создание церквей в болгарских колониях в Бессарабии в первой половине XIX века // Православные храмы в болгарских и гагаузских поселениях юга Украины и Молдовы. – Вып. 1. – Болград, 2005. – С. 146-160.

3. Мошков В. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы). – Кишинев, 2004. – С. 359.

4. Георгиев М. Г. Из религиозной культуры гагаузов. Село Александровка на Одессине // Лукомор'я: археологія, етнологія, історія Північно-Західного Причорномор'я. – 2008. – Вып. 2. – С. 78.

*Тема випуску: Життя, діяльність та творчість Володимира
Никифоровича Станко (1937-2008 рр.)*

УДК 94(477):930:929Станко"19"

Азбунов М. В. (Москва, Росія), Дзиговський О. М., Шабашов А. В. (Одеса)
ВОЛОДИМИР НИКИФОРОВИЧ СТАНКО

У статті висвітлюється життєвий та творчий шлях відомого археолога, історика первісного суспільства, етнолога Володимира Никифоровича Станко. Наводиться найбільш повний список наукових публікацій вченого, робіт над якими він здійснював наукове керівництво та редагування, література про нього тощо. В «Матеріалах до біографії» подаються спомини про В. Н. Станко його колег, близьких друзів, родичів.

Володимир Никифорович Станко народився 19 лютого 1937 р. в с. Тернівка (зараз входить до складу м. Миколаїв) у болгарській родині Никифора Дмитровича та Марії Федорівни Станко. Серед його родичів чимало видатних осіб: Сергій Ілліч Цветко (відомий фольклорист та етнолог), професор Віктор Михайлович Бузник, доктор технічних наук, член-кореспондент НАН України, Іван Михайлович Бузник – доктор медичних наук, професор Вищої Воєнно-Медичної Академії у Санкт-Петербурзі. У В. Н. Станко на-родилось троє синів: Дмитро, Олександр та Максим.

Закінчивши середню школу, В. Н. Станко протягом року працював електриком на Миколаївській електростанції (за станом здоров'я йому було відмовлено у прийомі документів до Миколаївського суднобудівельного інституту), після чого він вступив на історико-філологічний факультет Ростовського державного університету. З III курсу він продовжив навчання на історичному факультеті ОДУ ім. І. І. Мечникова. Саме тут під впливом професорів М. Ф. Болтенко та П. О. Каришковського він починає займатися археологією.

Після закінчення Одеського університету в 1960 р. В. Н. Станко працював науковим співробітником, а згодом – заступником директора Одеського державного археологічного музею АН УРСР. У цей час за допомогою П. Й. Борисковського остаточно визначається коло його наукових інтересів – первісна археологія, зокрема археологія палеоліту та мезоліту, та давня історія. В 1965 р. він вступає до аспірантури Інституту археології АН УРСР (м. Київ), яку достроково закінчує в 1967 р., захистивши, під науковим керівництвом С. М. Бібікова, кандидатську дисертацію «Мезоліт Північно-Західного Причорномор'я».

В 1968 р. В. Н. Станко повернувся до Одеси, де працював старшим викладачем, доцентом кафедри історії стародавнього світу та середніх віків історичного факультету ОДУ. Він викладав загальні курси («Історія первісного суспільства», «Основи археології», «Основи етнографії»), а також проводив спецсеминари і читав спецкурси з проблем первісної археології. В ці роки ним були розпочаті розкопки мезолітичної стоянки Мирне (Кілійській район Одеської області), в ході яких було розроблено низку комплексних методик вивчення екології, економіки та суспільних відносин первісного населення. Отримані під час дослідження пам'ятки теоретичні та практичні результати стали основою для докторської дисертації «Мирне. Проблеми мезоліту степів Північного Причорномор'я», яку він успішно захистив у 1983 р.

В 1976 р. за ініціативою В. Н. Станко в Одесі було створено Відділ археології Північно-Західного Причорномор'я Інституту археології АН УРСР, який він безперервно очолював до 1989 р. За ці роки співробітниками відділу було захищено 2 докторських та 7 кандидатських дисертацій, видано 7 монографій та 5 збірок наукових праць. Сьогодні Відділ є одним з провідних наукових центрів археологічного дослідження старожитнос-тей Півдня України.

В 1987 р. В. Н. Станко знову приступив до читання лекцій на історичному факультеті ОДУ. В 1989 р. йому було присвоєне вчене звання професора. В 1993-1999 рр. він очолював створену ним кафедру археології та етнології України, в рамках якої здійснюється підготовка студентів за спеціальностями «археологія» (з 1996 р.) та «етнологія» (з 1998 р.). Ним розроблені та читались нові спеціальні курси з теорії археології та методи-ки обробки археологічних матеріалів, а також курси по проблемам антропосоціогенезу, палеоліту, давньої історії України, археології кам'яної доби Північного Причорномор'я. За його ініціативою та під його керівництвом на історичному факультеті було поновлено розробку етнологічної проблематики. В 1994-2003 рр. В. Н. Станко – декан історичного факультету ОДУ (з 2000 р. – ОНУ) імені І. І. Мечникова.

У 2004-2007 рр. В. Н. Станко працював професором на кафедрі історії України у Миколаївському державному університеті ім. В. А. Сухомлинського, а з 2007 р. й до останнього дня життя – професором кафедри історії Миколаївського державного

гумані-тарного університету ім. Петра Могили. У 2005-2007 рр. він також очолював створену ним археологічну лабораторію історії Південної України. Плідно співпрацював В. Н. Станко й з Первомайським філіалом ОНУ імені І. І. Мечникова від самого початку створення цього наукового та освітнього осередку.

Протягом всіх років роботи В. Н. Станко продовжував активний науковий пошук. Він – автор більше 140 наукових праць. З 1978 р. він очолював комплексні дослідження групи палеолітичних пам'яток поблизу с. Анетівка (Доманівський район Миколаївської області). Основні результати його досліджень були викладені у доповідях на престижних наукових форумах у Толбухіні (Добричі) (Болгарія, 1988), Нью-Кастлі-на-Тайні (Велика Британія, 1994), Тулузі (Франція, 1995), Берліні (Німеччина, 1995), Балчику (Болгарія, 1995) та ін. Під його керівництвом було успішно захищено кілька кандидатських дисертацій. В різні роки він очолював виконання низки держбюджетних наукових тем. За його участю було організовано проведення багатьох міжнародних історичних, археологічних та етнологічних наукових конференцій. Він був науковим керівником міжнародного проекту в рамках програми «INTAS».

В. Н. Станко здійснював активну видавничу діяльність. З 1989 р. він був постійним членом редколегії журналу «Археологія». За його активною підтримкою виходили друком: «Історичне краєзнавство Одещини» (1992-1995 рр.), «Старожитності Причорно-мор'я» (1995 р.), «Етнографія Півдня України», «Записки історичного факультету ОДУ» (1995-2004 рр.), «Археология и этнология Восточной Европы. Материалы и исследования» (1997-2002 рр.), «Одеська болгаристика» (2003-2006 рр.), «Българите в Северното При-черноморие: Изследвания и материали» (2006 р.), «Науковий вісник Миколаївського державного університету. Історичні науки» (2005 р.) та ін.

В 1995 р. В. Н. Станко було обрано дійсним членом Російської народної академії наук та Російського археологічного товариства, а в 1999 р. – Російської академії природничих наук (секція антропології та археології). Він був членом Проводу Всеукраїнського та членом Президії обласної філії Товариства охорони пам'яток історії та культури. В. Н. Станко входив до складу спеціалізованої вченої ради по захисту докторських дисертацій при Інституті археології НАН України, а також до складу Польового комітету. В 1996-2003 рр. він очолював створену за його ініціативою спеціалізовану вчену раду по захисту кандидатських, а з 1999 р. – й докторських – дисертацій при історичному факультеті ОДУ імені І. І. Мечникова.

За вагомий внесок в науку та освіту В. Н. Станко отримав низку нагород, почесних звань, премій, серед яких: Міжнародна премія «INTAS» (1997), Державна премія України (як автора та редактора 1-го тому трьохтомної «Давньої історії України», 2002), Пам'ятна медаль «200 років Терновці» (2003), Золота медаль «Ветеран труда» України, Почесна грамота Міністерства освіти та науки, Пам'ятний знак Одеської облдержадміністрації, звання «Людина року» Асоціації болгар України (2007), нагород Республіки Болгарія: Ордена «Паісія Хілендарського» першого ступеню (2007), Почесної медалі «Івана Вазова» (2007) та ін.

16 лютого 2008 р., не доживши 3 дня до 71-го дня народження, після операції на серці, В. Н. Станко помер в місті Одеса. Похований В. Н. Станко біля могил батька та матері на цвинтарі в Тернівці.

16 лютого 2009 р. на домі, в якому в останні роки мешкав Володимир Никифорович, на його пам'ять була встановлена меморіальна дошка, а 19 лютого того ж року в Чорно-морському державному університеті імені Петра Могили (м. Миколаїв) були проведені Перші Станковські читання.

СПИСОК НАУКОВИХ ПУБЛІКАЦІЙ ВОЛОДИМИРА НИКИФОРОВИЧА СТАНКО¹

1960

1. Детское захоронение кочевника //ЗООАО. – 1960. – Т. 1. – С. 281-284.

1961

2. Случайная археологическая находка у с. Концеба Одесской области //КСОГУ и ОГАМ. – 1961. – С. 58-61.

1965

3. Гиржево – новая тарденуазская стоянка на Одесщине //КСОГАМ за 1963 год. – 1965. – С. 3-8.

4. Мезолитическая стоянка Мирное //Там же. – С. 17-20.

1966

5. Мезолитическая стоянка Гиржево в Одесской области //СА. – 1966. – № 2. – С. 96-103.

6. К археологической карте-схеме памятников каменного века Нижнего Поднестровья //МАСП. – 1966. – Вып. 5. – С. 235-244. (Соавтор: Красковский В. И.).

1967

7. Некоторые вопросы позднего мезолита Северо-Западного Причерноморья //ЗООАО. – 1967. – Т. 2. – С. 155-168.

8. Мезолит Северо-Западного Причерноморья. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – К., 1967. – 28 с.

1968

9. Следы палеолита на Нижнем Днепре //АО. – 1968. – С. 261-262.

1969

10. Новая позднепалеолитическая стоянка в степях Северного Причерноморья //АИУ в 1967 г. – Вып. 2. – К., 1969. – С. 22-25.

11. Мезолитическое местонахождение у с. Таценки на Киевщине //Там же. – С. 99-102. (Соавтор: Гладилин В. Н.).

12. Дослідження Інгульської експедиції //УІЖ. – 1969. – № 5. – С. 146-147. (Спів-автори: Шапошнікова О. Г. та ін.).

13. Великодолинська стоянка //Радянська енциклопедія історії України. – 1969. – Т. 5. – С. 260.

14. Гіржівська стоянка //Там само. – С. 421.

15. Гребеніківська стоянка //Там само. – С. 454-455.

1971

16. Мезолит Днестровско-Дунайського междуреччя //МАСП. – 1971. – Вып. 7. – С. 93-110.

17. Разведка палеолита на Нижнем Днепре //АИУ. – 1971. – Вып. 3. – С. 105-107.

18. Дополнительные данные о мезолитическом местонахождении Таценки //Там же. – С. 113-115. (Соавтор: Гладилин В. Н.).

19. Некоторые итоги работы Ингульской экспедиции //КСИА АН СССР. – 1971. – Вып. 127. – С. 50-53. (Соавтор: Шапошникова О. Г.).

1972

20. Некоторые итоги исследования мезолитической стоянки Мирное //Тезисы доповідей XV конференції Інституту археології АН УРСР. – К., 1972. – С. 73-75.

21. Типы памятников и локальные культуры в мезолите Северного Причерноморья //МИА. – 1972. – № 185. – С. 252-261.

1973

22. Разведки в Одесской области //АО. – 1973. – С. 274-275.

23. Раскопки мезолитической стоянки Мирное //Там же. – С. 332-333.

1975

24. Некоторые итоги изучения палеолита и мезолита степей Северного Причерноморья //150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов юбилейной конференции. – Одесса, 1975. – С. 7-10.

1976

25. Периодизация памятников мезолита Северного Причерноморья //МАСП. – 1976. – Вып. 8. – С. 15-21.

26. Разведки памятников каменного века на севере Одесской области //Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. – К., 1976. – С. 112-126. (Соавтор: Смольянинова С. П.).

27. Разведки памятников эпохи энеолита на севере Одесской области //Там же. – С. 130-150. (Соавтор: Зиньковская Н. Б.).

1977

28. Раскопки мезолитической стоянки Мирное //АО. – 1977. – С. 374-375.

29. Основные особенности и хронология памятников мезолита степей Северного Причерноморья //КСИА АН СССР. – 1977. – Вып. 149. – С. 46-53.

30. Исследование памятников каменного века на р. Ингуле //Древности Поингуля. – К., 1977. – С. 37-51. (Соавтор: Григорьева Г. В.).

1979

31. Позднемезолитическое местонахождение Зализничное на Нижнем Дунае //Археологія. – 1979. – № 29. – С. 80-82. (Соавтор: Субботин Л. В.).

32. Раскопки Измаильской экспедиции //АО. – 1979. – С. 322-323. (Соавтор: Гудкова А. В.).

33. Раскопки и разведки памятников палеолита и мезолита в Северо-Западном Причерноморье //АО. – 1979. – С. 405-406. (Соавторы: Иванов Г. И., Смольянинова С. П.).

1980

34. Поздний палеолит и сложение мезолита в степях Северо-Западного Причерноморья //Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. – К., 1980. – С. 5-21.

35. Ранний мезолит степей Северного Причерноморья //Первобытная археология: поиски, находки. – К., 1980. – С. 90-109.

36. Новые мезолитические местонахождения на реке Ингул //Археологические памятники Поингуля. – К., 1980. – С. 164-171. (Соавтор: Григорьева Г. В.).

37. Исследование палеолита и мезолита Среднего Побужья //Тезисы докладов VIII конференции ИА АН УССР. – Днепропетровск, 1980. – С. 28-29. (Соавтор: Смольянинова С. П.).

38. Раскопки позднепалеолитической стоянки Анетовка 2 //АО. – 1980. – С. 340-341.

1981

39. Раскопки позднепалеолитических стоянок Анетовка 1 и 2 на Среднем Побужье //Древности Северо-Западного Причерноморья. – К., 1981.– С. 5-17. (Соавторы: Иванов Г. И., Смольянинова С. П.).

40. Энеолитические находки на стоянке Мирное //Там же. – С. 17-22. (Соавтор: Бурдо Н. Б.).

41. Позднемезолитическое местонахождение кукрекского типа на Южном Буге //Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. – К., 1981. – С. 5-12. (Соавторы: Петрунь В. Ф., Максимюк Т. И.).

42. Следы мезолита и неолита в Присивашье //Там же. – С. 85-91. (Соавтор: Кубышев А. И.).

1982

43. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья – К., 1982. – 176 с.

1983

44. Мирное. Проблемы мезолита степей Северного Причерноморья. Автореф. дис. ...доктора ист. наук. – К., 1983. – 54 с.

1984

45. Позднепалеолитическое поселение Анетовка 1 //Северное Причерноморье: материалы по археологии. – К., 1984. – С. 4-14. (Соавторы: Швайко Т. Н., Смольянинова С. П.).

46. Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья //50 лет Институту археологии АН УССР. – К., 1984. – С. 103-106.

1985

47. К проблеме западных связей мезолита степного Причерноморья //Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. – К., 1985. – С. 31-45.

48. Раскопки поселения Анетовка 2 //АО. – 1985. – С. 357-358.

49. Исследование палеолита и мезолита степного Побужья //СА. – 1985. – № 4 – С. 5-20. (Соавтор: Смольянинова С. П.).

50. Хронология позднего палеолита и мезолита Северного Причерноморья //Тезисы докладов конференции «Геохронология четвертичного периода». – М., 1985. – С. 80-81. (Соавтор: Свеженцев Ю. С.).

51. Витоки цивілізації //Пам'ятки України. – 1985. – № 2. – С. 39-40

52. Позднепалеолитическая стоянка Анетовка 2 //АО. – 1985. – С. 310-311.

53. Человек и природа Северного Причерноморья //Корреляция отложений, событий и процессов. – Кишинев, 1985. – С. 260.

1986

54. К проблеме сложения гребениковской культуры //Исследования по археологии Северного Причерноморья. – К., 1986.– С. 13-26.

55. Холмские курганы //Там же. – С. 53-96. (Соавторы: Гудкова А.В., Черняков И. Т.).

56. Рец.: Телегин Д. Я. Памятники эпохи мезолита на территории УССР. – К., 1985 //УДЖ. – 1987. – № 3. – С. 148-149.

1987

57. Исследования Причерноморской экспедиции //АО. – 1987. – С. 416.

1988

58. Хронология позднего палеолита и мезолита Северного Причерноморья //БКИЧП. – 1988. – № 57. – С. 116-120. (Соавтор: Свеженцев Ю. С.).

59. Палеоэкологическая ситуация в мезолите степей Северного Причерноморья //Тезисы докладов XV международного симпозиума. – Толбухин, 1988. – С. 2.

1989

60. Позднепалеолитическое поселение Анетовка 2 //Каменный век: памятники, методика, проблемы. – К., 1989. – С. 113-125.

61. Позднепалеолитическое поселение Анетовка 2. Вопросы историко-культурной периодизации позднего палеолита Северного Причерноморья. – К., 1989. (Соавторы: Григорьева Г. В., Швайко Т. Н.).

62. Палеоэкологическая обстановка в позднем палеолите степного Причерноморья //Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. – Л., 1989. – С. 27-30.

63. О времени зарождения скотоводства в Северном Причерноморье //«Воспитание историей». Тезисы докладов конференции. – Одесса, 1989. – С. 103-104.

64. Одесское археологическое общество //«150 лет ООИД». Тезисы докладов юбилейной конференции. – Одесса, 1989. – С. 5-8.

65. О возрасте и условиях обитания поселения Анетовка 2 //Тезисы докладов конференции памяти А. И. Доватура. – Рени, 1989. – С. 9.

66. Производственные комплексы по утилизации охотничьей добычи в позднем палеолите //Первобытная археология: материалы и исследования. – К., 1989. – С. 54-63.

67. О дискретном характере орудийного производства в ранней родовой общине //Проблемы древней истории Украины. Тезисы докладов конференции. – К., 1989. – С. 216-218.

68. The paleoecological situation on the Black Sea steppe in the Late Paleolithic //Antiquity. – 1989. – Vol. 63. – № 241. – P. 787-783.

69. Recherches archeologiques dans la region du Nord de la Mer Noire (recherches sur la paleolithique et la mesolithique) //L'eau et les Homes... – Venna, 1989. – P. 13.

1990

70. Природная среда и развитие хозяйства позднепалеолитического человека в бассейне р. Южный Буг //Четвертичный период: методы исследования, стратиграфия и экология. – Таллинн, 1990. – С. 31-33. (Соавторы: Арап Р. Я., Старкин А. В.).

71. Некоторые аспекты изучения экономики населения степного Причерноморья в позднем палеолите //Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья. – Херсон, 1990. – С. 11-14.

1991

72. Изучение системы кровного родства у болгар Южной Украины //Болгаристика в системе общественных наук: опыт, уроки, перспективы. 2-ые Дриновские чтения. – Харьков, 1991. – С. 150-151.

73. Народовластие в доклассовых обществах: проблемы изучения //Советская историческая наука и новое политическое мышление. – Одесса, 1991. – С. 88-95.

74. Культурно-исторический процесс в мезолите Северо-Западного Причерноморья //Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. – К., 1991. – С. 5-17.

1992

75. К методике реконструкции структуры памятников позднего палеолита //Теория и методика исследования археологических памятников лесной зоны. – Липецк, 1992. – С. 47-49.

76. Деякі особливості структури поселень пізнього палеоліту //Археологія Південного Заходу України. – К., 1992. – С. 10-24.

77. Палеоэкологическая ситуация в мезолите Северного Причерноморья //Studia Praehistorica. – № 11-12. – Sofia, 1992. – С. 18-28.

1993

78. О культе бизона в раннепервобытных общинах степного Причерноморья //ДП. КСОО. – Одесса, 1993. – С. 3-7.

79. К методике реконструкции памятников позднего палеолита //Древности Причерноморских степей. – К., 1993. – С. 4-8.

1994

80. Деякі питання етноісторії степової України за даними археології //Одесі – 200. Метеріали міжнародної конференції – Одеса, 1994. – С. 159-160.

81. Исследование стоянки ранней поры позднего палеолита Анетовка 13 в Северном Причерноморье //Изучение древних культур и цивилизаций. – СПб., 1994. – С. 51-55. (Соавтор: Петрунь В. Ф.).

82. Анетовка 13 – памятник начальной поры позднего палеолита в степном Причерноморье //Археологический альманах. – Донецк, 1994. – С. 161-180. (Соавтор: Петрунь В. Ф.).

83. Финальный палеолит и мезолит Горного Крыма. – Одесса, 1994. (Соавторы: Бибииков С. Н., Коен В. Ю.). – 240 с.

84. Landscape Dynamics and Mesolithic Settlement in the North Pontic Steppes //Landscape in Flux. – University of Newcastle-upon-Tyne, 1994. – P. 12-13.

1995

85. Культ бизона (быка) в древних обществах Юго-Восточной Европы //Старожитності Причорномор'я. – Вип. 2. – Одеса, 1995. – С. 1-11.

86. Исторические исследования в Одесском университете: традиции и современность //Вестник Одесского государственного университета. – 1995. – Вып. 1. – С. 37-52. (Соавтор: Попова Т. Н.).

87. Предпосылки становления производящей экономики в причерноморско-приазовских степях //Проблемы археологии, древней и средневековой Украины. – Харьков, 1995. – С. 14-15.

88. Bison Hunters in the Late Paleolithic of the Ukraine //La Bison Gebier et Moyen de subsistance. – Toulouse, 1995. – P. 39.

89. Кризис охотничьего хозяйства и возникновение скотоводства в Азово-Причерноморских степях //Древности. – Вып. 1. – Харьков, 1995. – С. 6-11.

90. Культ бизона (быка) в древних обществах Северного Причерноморья //Древности. Тр. РАО. – 1995. – Т. 19. – С. 17-29.

91. Изучение памятников палеолита и мезолита на Николаевщине //Тези першої обласної наукової краєзнавчої конференції. – Миколаїв, 1995. – С. 12-14.

1996

92. Хозяйство населения степей Северного Причерноморья в мезолите //ЗІФ. – 1996. – Вып. 3. – С. 3-14.

93. Этнографическое изучение болгар Южной Украины в Одесском университете: методика и направление исследований //ЗІФ. – 1996. – Вып. 3. – С. 79-86. (Соавтор: Шабашов А. В.).

94. Мистецтво та світогляд пізньопалеолітичної людини (за матеріалами України) //Археологія. – 1996. – № 3. – С. 39-50. (Співавтор: Гладких М. І.).

95. Охрана памятников археологии: современный стан //Охрана историко-культурной наследия: история та современность. – К., 1996. – С. 82-85.

96. Етнографското изучаване на българите от Южна Украина в Одеския университет: методика и направление на изследванията //БЕ. – 1996. – Год. XXII. – Кн. 2. – С. 99-102. (Соавтор: Шабашов А. В.).

97. Охотники на бизонов в позднем палеолите Украины //Археологический альманах. – 1996. – № 5. – С. 129-138.

98. Вступ до археології //Програми спецкурсів з спеціальності «Археологія» для студентів історичного факультету. – Одеса, 1996. – С. 3-6.

99. Методика обработки археологических материалов (для студентов-иностранцев) //Там само. – С. 11-16.

100. Археологія кам'яного віку Північного Причорномор'я //Там само. – С. 16-21.

101. Сучасний стан проблеми антропосоціогенеза //Там само. – С. 49-52.

1997

102. Некоторые итоги изучения позднего палеолита Северо-Западного Причерноморья (1. Южно-бугская группа памятников) //Археология и этнология Восточной Европы: материалы и исследования. (Сборник научных работ, посвященный 60-летию В. Н. Станко). – Одесса, 1997. – С. 14-27.

103. Некоторые итоги изучения позднего палеолита Северо-Западного Причерноморья (2. Днестровская группа памятников) //ЗІФ. – 1997. – Вып. 4. – С. 3-9.

104. Промысел бизона в палеолите Северного Причерноморья //ЗІФ. – 1997. – Вып. 5. – С. 3-10.

105. История Нижнего Поднестровья до основания Никония //Никоний и античный мир Северного Причерноморья. – Одесса, 1997. – С. 19-22.

106. Социальная организация позднепалеолитических охотников на бизонов //Каменный век европейских равнин. – Сергиев Посад, 1997. – С. 40-41.

107. Landscape Dynamics and Mesolithic Settlements in the North Pontic Steppes //Landscape in Flux Central and Eastern Europe in Antiquity. – Oxbow Books, 1997. – P. 253-262.

108. Передмова до першого тому //Давня історія України. – Т. 1. Первісне суспільство. – К., 1997. – С. 10-14.

109. Соціальний устрій. Духовна культура //Там само. – С. 44-47.

110. Епоха пізнього палеоліту //Там само. – С. 51-113. (Співавтор: Гладких М. І.).

111. Епоха мезоліту //Там само. – С. 114-152.

1998

112. Начало позднего палеолита на юге Восточной Европы // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 23-24.

113. Scythia Before the Scythians // Archaeological Reports. – 1998. – №. 22. – P. 1-9. (Cooper.: Dolukhanov P., Seferiades M.).

1999

114. Історія первісного суспільства: Підручник. – К., 1999. (Співавтори: Гладких М. І., Сегеда С. П.). – 240 с.

115. Мезолит Южной Бессарабии // ЗІФ. – 1999. – Вип. 8. – С. 8-67. (Соавторы: Долуханов П. М., Сефериадес М., Смынгына Е. В., Пилипенко Г. П. и др.).

116. La Scythie avant les Scythes // Archeologia. – 1999. – № 369. – P. 66-73. (Collabor.: Dolukhanov P., Seferiades M.).

117. Анетовка 2 – позднепалеолитическое поселение и святилище охотников на бизонов в Северном Причерноморье // Stratum plus. – 1999. – № 1. – С. 322-325.

118. Етнологіческая болгаристика в Одесском университете // Україна і Болгарія: віхи історичної дружби (матеріали міжнародної конференції, присвяченої 120-річчю визволення Болгарії від османського іга). – Одеса, 1999. – С. 13-27. (Соавтор: Шабашов А. В.).

119. Bison Hunters in the Late Paleolithic of the Ukraine // La Bison: gibier et moyen subsistance des hommes du Paleolithique aux Paleoindiens des Grandes Plaines – Toulouse, 1999. – P. 343-349.

2000

120. Первые скотоводы Восточной Европы // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. – Одеса, 2000. – С. 7-20.

121. Les Bison prehistoriques D'Anetovka // Archeologia. – 2000. – № 39, 370. – P. 50-55. (Collabor.: Seferiades M.).

2001

122. Рец.: Баран В. Д. Давні слов'яни. – К., 1998. – 336 с. // ЗІФ. – 2001. – Вип. 11. – С. 385-389. (Співавтор: Смингина О. В.).

2002

123. Основи наукового дослідження (вступ до археології) // Програми професійно-орієнтованих дисциплін. Спеціальність «археологія». – Одеса, 2003. – С. 3-8.

124. Наш край у давні часи // Історія Одеси. – Одеса, 2002. – С. 9-32.

125. Black Sea level changes and distribution of late Paleolithic and Mesolithic populations in the Northern Black Sea region // 8 EAA Annual Meeting 24-29 September 2002. – Thessaloniki, 2002. – P. 203.

126. Передумови становлення відтворюючої економіки в степах Північного Причорномор'я // Старожитності Миколаївщини. – Миколаїв, 2002. – С. 11-21.

127. «Греки Півдня України»: інформація про початок дослідницької програми // ЗІФ. – 2002. – Вип. 12. – С. 534-536. (співавтори: Араджіоні М. А., Самарітакі Є. С., Прігарін О. А.).

2003

128. Археология и время: след в жизни // Варіабельність середнього палеоліту України. – К., 2003. – С. 6-9.

129. First Cattle-Breeders of the Azov-Pontic Steppes //Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. – Cambridge, 2003. – P. 299-306.

130. Анатолій Діюмидович Бачинський: вчений і друг (до 70-річчя з дня народження) //ЗІФ. – 2003. – Вип. 14. – С. 6-11.

131. Рец.: Алексеев Ю. М., Наулко В. І., Руденко Н. В. Країнознавство. – К., 2002. //Там само. – С. 272-275.

2004

132. Турецкая колония «Терновка»: документы по истории 1792-1799 гг. //Одеська болгаристика: Науковий щорічник Одеського наукового товариства болгаристів. – 2004. – Вип. 2. – С. 5-29. (Соавторы: Самаритаки Е. С., Пригарин А. А.).

133. Терновка: документы и материалы по истории. (1792-1822). – Т. 1. – Одесса, 2004. (Соавторы: Самаритаки Е. С., Уварова Е. А., Пригарин А. А.).

134. Mesolithic economy in the North Pontic steppes //BAR. – 1224. – Oxford, 2004. – P. 73-77.

2005

135. Колебания уровней Черного моря и расселение человека в мезолите Северного Причерноморья //Науковий вісник Миколаївського державного університету. – 2005. – Вип. 11. Історичні науки. – С. 8-16.

2006

136. The Dynamics of population forming processes in the North-Western Pontic area in the Late Paleolithic and Mesolithic //2 Plenary Meeting and Field Trip of project IGCP-521 «Black Sea-Mediterranean corridor during the last 30 ky: sea level change and human adaptation (2005-2009)». – Odessa, 2006. – P. 163-164.

137. Терновка: документы и материалы по истории. (1792-1822). – Николаев, 2006. (Переиздание).

138. Материалы по греко-болгарским переселениям из Румелии в Северное Причерноморье 1801-1806 гг. //БСП. – 2006. – Т. 9. – С. 209-224. (Соавторы: Самаритаки Е. С., Пригарин А. А.).

139. Рец.: Сапожников И. В. Большая Аккаржа. Хозяйство и культура позднего палеолита степной Украины. – Киев: Шлях, 2003. – 203 с. //Археологічні дослідження Львівського університету. – 2006. – Вип. 9. – С. 276-285. (Співатор: Оленковський М.).

2007

140. Fluctuations in the level of The Black Sea and Mesolithic settlement of the Northern Pontic area //The Black Sea Flood Question: Changes in Coastline, Climate and Human Settlement. – Springer, 2007. – P. 371-385.

141. Динамика процесса формирования народонаселения Северо-Западного Причерноморья в позднем палеолите и мезолите (К вопросу о Черноморском потоке) //Человек в истории и культуре. Сб. научных работ в честь 70-летия лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук, Владимира Никифоровича Станко. – Одесса-Терновка, 2007. – С. 22-28.

142. Белолесье и его место в изучении мезолита Юго-Восточной Европы //Там же. – С. 147-153. (Соавтор: Киосак Д. В.).

143. The Mesolithic Settlement of the Lower Danube-Prut-Dniester-South Bug interfluvi-als: The Early Mesolithic Assemblages //Atti della Società per la Preistoria e Protostoria

della Regione Friuli-Venezia-Giulia. – Trieste: Centralgrafica Snc, 2007. – XVI. – P. 13-28. (Cooper.: Kiosak D.V.).

2008

144. Нові радіовуглецеві дати з поселення Мирне //Наукові праці Миколаївського державного гуманітарного університету імені Петра Могили. – 2008. – Вип. 83. (Співавтори: Біаджі П., Кіосак Д.)

145. Праздник бизона в древних культурах юго-восточной Европы //Pontika. Recent Research in Northern Black Sea Coast Area. Proceedings of the International Conference, Krakow, 18th of March 2006. – Krakow, 2008. – P. 191-203.

146. П. И. Борисковский и становление палеолитоведения в Одессе (воспоминания ученика) //Лукомор'я: археологія, етнологія, історія Південно-Західного Причорномор'я. – 2008. – Вип. 2. – С. 48-54.

147. Анатолий Діомидович Бачинський: вчений і друг //Анатолий Діомидович Бачинський. До 75-річчя з дня народження (біографічні матеріали). – Одеса, 2008. – С. 101-106.

2009

148. Formation dynamics of the population of the northwestern Pryčornomorja Steppe in the Upper Paleolithic and Mesolithic //Quaternary International. – 2009. – Vol. 197. – Iss. 1-2. – P. 8-11.

149. Нові радіовуглецеві дати поселення Мирне //Наукові праці: Науково-методичний журнал. – Т. 96. Вип. 83. Історичні науки. Присвячується пам'яті В. Н. Станко (1937-2008), археолога, історика, етнолога, доктора історичних наук, професора, академіка. – Миколаїв, 2008. – С. 33-37. (Співавтори: Біаджі П., Кіосак Д. В.).

150. The Mesolithic Settlement of the Lower Danube-Prut-Dniester-South Bug interfluvi-als: The Late Mesolithic Assemblages //Atti della Società per la Preistoria e Protostoria della Regione Friuli-Venezia Giulia (Cooper.: Kiosak D.V.). (В печати).

Наукове редагування:

1. Красковский В. И. Памятники палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья. – К., 1978.

2. Патокова Э. Ф. Усатовские поселение и могильники. – К., 1979.

3. Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. – К., 1980.

4. Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. – К., 1985.

5. Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. – К., 1985.

6. 150 лет Одесскому обществу истории и древностей 1839-1989. Тезисы докладов. – Одесса, 1989.

7. Смольянинова С. П. Палеолит и мезолит степного Побужья. – К., 1990.

8. Ванчугов В. П., Загинайло А. Г., Кушнир В. Г. и др. Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. – К., 1991.

9. Ванчугов В. П., Субботин Л. В., Дзиговский А. Н. Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья. – К., 1992.

10. Археологія Південного Заходу України. – К., 1992.

11. Старожитності Причорномор'я. – Вип. 1. – Одеса, 1995.

12. Старожитності Причорномор'я – Вип. 2. – Одеса, 1995.

13. Древние культуры и цивилизации Восточной Европы. (Материалы 3-ей международной археологической конференции студентов и молодых ученых. Одесса, февраль 1995 г.). – Одесса, 1995.
14. Історичне краєзнавство Одещини. Збірник матеріалів. – Вип. 6. З історії та етнографії росіян Одещини. – Одеса, 1995.
15. Древнее Причерноморье: III чтения памяти профессора П. О. Карышковского. – Одесса, 1996.
16. Кушнір В. Г. Народнознавство Одещини. – Ч. 1. – Одеса, 1996.
17. Пригарин А. А., Агафонова Т. А., Пригарина Т. В. и др. Быт и культура населения степной Украины: Программа для сбора полевого этнографического материала. – Вип. 1. – Одесса, 1996.
18. Етнографічні дослідження населення України: матеріали I Всеукраїнської етнологічної конференції студентів та молодих вчених. – Одеса, 1996.
19. Пригарин А. А., Ганчев А. И., Петров А. Е. и др. Быт и культура населения Степной Украины: с. Русская Ивановка Белгород-Днестровского района. – Вип. 2. – Одесса, 1997.
20. Давня історія України. – Т. 1. Первісне суспільство. – К., 1997.
21. Очерки истории и этнографии села Кирнички в Бессарабии. – Одесса, 1998.
22. Етнічність в історії та культурі: матеріали і дослідження. – Одеса, 1998.
23. Древнее Причерноморье: IV чтения памяти П. О. Карышковского. – Одесса, 1998.
24. Кушнір В. Г. Народнознавство Одещини. – Одеса, 1998.
25. Субботин Л. В., Дзиговский А. Н., Островецков А. С. Археологические древности Буджака. Курганы у сел Вишневое и Белолесье. – Одесса, 1998.
26. Україна і Болгарія: віхи історичної дружби (матеріали міжнародної конференції, присвяченої 120-річчю визволення Болгарії від османського іга). Редагування і вступне слово. – Одеса, 1999.
27. Българска Бесарабия. – Вип. 1. – Болград, 1999.
28. Кушнір В. Г. Господарство і побут населення Південно-Західної України в епоху розпаду первісного суспільства. – Одеса, 1999.
29. Шабашов А. В. Методологические принципы и методика полевых этнографических исследований. – Одесса, 2000.
30. Пригарин О. А., Агафонова Т. А., Ганчев О. І. та ін. Побут та культура населення Степової України: програма для збору польового етнографічного матеріалу. – Вип. 1. – Одеса, 2000.
31. Дзиговский А. Н., Островецков А. С. Стеклянная посуда как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени Украины, Молдовы и Российского Подонья. – Одесса, 2000.
32. Сминтина О. В. Слов'яно-руська археологія. Посібник для студентів історичного факультету. – Одеса, 2000.
33. Бруяко И. В., Ярошевич Ю. И. Городище у с. Новосельское на Нижнем Дунае. – Одесса, 2001.
34. Сминтина О. В. Зональність ранньопервісних культур. – Одеса, 2001.
35. Робочі програми фундаментальних професійно-орієнтованих дисциплін для студентів історичного факультету. – Одеса, 2002.

36. Історія Одеси. – Одеса, 2002.
37. Шабашов А. В. Гагаузы: система термінів родства и происхождение народа. – Одеса, 2002.
38. Смольянинова С. П. Техника расщепления кремня. – Одесса, 2002.
39. Носкова И. А. Крымские болгары в XIX – начале XX в.: история и культура. – Симферополь, 2002.
40. Синявська О. О. Історик Олексій Іванович Маркевич: життя і діяльність. – Одесса, 2002.
41. Дзиговский А. Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. – Одесса, 2003.
42. Субботин Л. В. Орудия труда, оружие и украшения племен ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. – Одесса, 2003.
43. Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии. – Одесса, 2003.
44. Музиченко О. Історія, етнографія та народна творчість кримських болгар. – Симферополь, 2004.
- 45-59. Записки історичного факультету Одеського державного (національного) університету. – Вип. 1-15. – Одеса, 1995-2004.
- 60-63. Одеська болгаристика: Науковий щорічник Одеського наукового товариства болгаристів. – 2003-2006. – № 1-4.
64. Българите в Северното Причерноморие: Изследвания и материали. – Т. 9. – Одесса, 2006.
65. Куемжи М. Болградский историко-этнографический музей. – Болград, 2007.
66. Агбунов М. Генерал-попечитель. – Арциз, 2009.

Наукове керівництво:

1. Смольянинова С. П. Палеолит и мезолит степного Побужья. Автореф. дис... канд. ист. наук. – К., 1985.
2. Оленковский Н. П. Поздний палеолит и мезолит Нижнего Днепра. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – К., 1989.
3. Коен В. Ю. Финальный палеолит горного Крыма. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – К., 1991.
4. Краснокутский Г. Е. Охотничий промысел бизонов в позднем палеолите Северо-Западного Причерноморья. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – К., 1992.
5. Сминтина О. В. Історія населення України в IX-VI тис. до н. е. (екологічний аспект). Автореф. дис. ...канд. іст. наук. – Одеса, 1997.
6. Кушнір В. Г. Господарство і побут населення Південно-Західної України в епоху розпаду первісного суспільства 1999 года. Автореф. дис. ...канд. іст. наук. – Одеса, 1999.
7. Хасан Хассан Хамдан. Історико-культурний феномен Марі (за археологічними даними). Автореф. дис. ...канд. іст. наук. – К., 2000.
8. Диханов В. Я. Календарна обрядовість болгар та гагаузів Південної України. Автореф. дис. ...канд. іст. наук. – К., 2001.
9. Носкова І. А. Кримські болгары в XIX – на початку XX століття: історія та культура. Автореф. дис. ...канд. іст. наук. – Одеса, 2003.

10. *Петрова Н. О.* Українська традиційна весільна обрядовість Одещини (20–80-ті рр. ХХ ст.). Автореф. дис. ...канд. іст. наук. – К., 2004.
11. *Піструїл І. В.* Різці на пам'ятках пізнього палеоліту Північно-Західного Причорномор'я. Автореф. дис. ...канд. іст. наук. – К., 2005.
12. *Кіосак Д. В.* Економіка населення Південно-Східної Європи (ХІ – початок VI тис. до н. е.). Автореф. дис. ...канд. іст. наук. – Одеса, 2009.

Видання, що присвячені В. Н. Станко

1. Археология и этнология Восточной Европы: материалы и исследования. (Сборник научных работ, посвященный 60-летию В. Н. Станко). – Одесса, 1997.
2. Человек в истории и культуре. Сб. научных работ в честь 70-летия лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук, Владимира Никифоровича Станко. – Одесса-Терновка, 2007.
3. *Ганчев А. И., Неполок Н. Ю., Пригарин А. А.* Памяти учителя В. Н. Станко. – Николаев, 2009. – 9 с.
4. Наукові праці: Науково-методичний журнал. – Т. 96. Вип. 83. Історичні науки. Присвячується пам'яті В. Н. Станко (1937-2008), археолога, історика, етнолога, доктора історичних наук, професора, академіка /Вступні слова Клименко Л. П. та Ghetti P. F. – Миколаїв, 2008. – 248 с.

Література про В. Н. Станко

1. *Дзиговский А. Н., Пригарин А. А.* Володимиру Никифоровичу Станко – 60 // Археология и этнология Восточной Европы: материалы и исследования. (Сборник научных работ, посвященный 60-летию В. Н. Станко). – Одесса, 1997. – С. 4-6.
2. Список основных научных работ Владимира Никифоровича Станко // Археология и этнология Восточной Европы: материалы и исследования. (Сборник научных работ, посвященный 60-летию В. Н. Станко). – Одесса, 1997. – С. 7-13.
3. До 60-річчя Володимира Никифоровича Станка // Археологія. – 1997. – № 3. – С. 54-55.
4. *Шабашов А. В.* Станко Владимир Никифорович // Видные ученые Одессы. – Вып. 7. – Одесса, 1997. – С. 76-81.
5. *Пригарин А. А., Шабашов А. В.* Владимир Никифорович Станко. Украина // Българистика и българисти. – Година 2. – Брой 3. – София, 1997. – С. 3-7. (Авторство указано ошибочно) (со списком работ в области болгаристики).
6. *Шабашов А. В.* Жизнь в науке // Времена и годы. – Вып. 1. – Одесса, 1998. – С. 123-127.
7. *Березовская Т. В.* Станко Владимир Никифорович // Николаевцы. Энциклопедический словарь. – Николаев, 1999. – С. 314-315.
8. *Сминтина О. В.* Станко Владимир Никифорович. Историк, археолог // Професори Одеського (Новоросійського) університету. – Т. 4 (Р-Я). – Одеса, 2000. – С. 147-150.
9. *Дзиговський О. М.* Станко Володимир Никифорович. Археолог, етнолог, історик // Професори Одеського (Новоросійського) університету. – Т. 4 (Р-Я). – Одеса, 2005. – С. 162-166.

10. *Бачинська О. А.* Вітаємо ювіляра! //Человек в истории и культуре. Сборник науч-ных работ в честь 70-летия лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук, Владимира Никифоровича Станко. – Одесса-Терновка, 2007. – С. 8-10.
11. *Дзиговский А. Н., Островерхов А. С.* Памяти Владимира Никифоровича Станко (19. 02. 1937 – 16. 02. 2008) //РА. – 2008. – № 4. – С. 184-186 (со списком основных работ).
12. *Дёмин О. Б.* Первые годы преподавательской деятельности В. Н. Станко в Одесс-ком государственном университете им. И. И. Мечникова //Наукові праці: Науково-мето-дичний журнал. – Т. 96. Вип. 83. Історичні науки. Присвячується пам'яті В. Н. Станко (1937-2008), археолога, історика, етнолога, доктора історичних наук, професора, академі-ка. – Миколаїв, 2008. – С. 30-31.
13. *Смирнов О. І.* Незакінчені починання видатного археолога //Історична освіта: Інноваційні аспекти. Збірник наукових праць. – Вип. 4. – Миколаїв, 2008. – С. 26-30.
14. *Бачинська О. А.* Володимир Никифорович Станко //УІЖ. – 2008. – № 3. – С. 237.
15. *Пригарин А. А.* Памяти учителя //Древности 2006-2008. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков, 2008. – С. 292-295.
16. *Залізник Л. Л.* Пам'яті Володимира Никифоровича Станко //Археологія. – 2008. – № 2. – С. 111-113.
17. *Кюсак Д. В., Пригарин О. А.* Пам'яті вчителя //ЗІФ. – Вип. 19. – Одеса, 2008. – С. 456-462.
18. *Dolukhanov P.* In memoriam Vladimir Nikiforovich Stanko (1937-2008) //Quaternary International. – 2009. – Vol. 197. – P. 6-7.
19. *Агбунов М. В., Дзиговський О. М., Шабашов А. В.* Володимир Никифорович Станко //Настоящее издание. – С. 327-368 (со списком работ).
20. *Горбенко К. В., Смирнов А. И.* Владимир Никифорович Станко: послед-ние годы творческого пути //Там же. – С. 378-380.
21. *Радзиховская Е. А.* В. Н. Станко как исследователь этнокультурного процесса в первобытности в Северном Причерноморье //Там же. – С. 381-384.
22. *Шабашов А. В.* Владимир Никифорович Станко как этнолог //Там же. – С. 385-399.

Матеріали до біографії В. Н. Станко

1. *Кухар-Онишко Н. О., Гриневиц О. В., Гаркуша Н. М.* Історія Миколаєва. – Миколаїв, 2000. – С. 7.
2. *Історія Одеського університету (1865-2000).* – Одеса, 2000. – С. 141-142, 184-186, 217-218.
3. *Всеукраинской болгарской ассоциации – 10 лет.* – Одесса, 2003. – С. 61, 199-200.
4. *Шабашов А. В.* Етнологічна болгаристика в Одеському (Новоросійському) університеті: уроки і перспективи //ЗІФ. – 2007. – Вип. 16. – С. 39-41.
5. *Куемжи М.* Болградский историко-этнографический музей. – Болград, 2007. – С. 11, 13.
6. *Агбунов М.* Генерал-попечитель. – Арциз, 2009. – С. 369.

7. Украинско-итальянское сотрудничество на примере НГУ имени Петра Могилы: <http://www.pn.mk.ua/news/7630.html> (проверено 30. 01. 2009 г.).
8. Профессор Владимир Станко: «Я за добросовестную монументальную пропаганду» //Болгары в диаспорах всего мира. – 2007. – № 6. – С. 7.

МАТЕРІАЛИ ДО БІОГРАФІЇ:

1. Об ушедшем друге и наставнике²

Тяжело писать о Владимире Никифоровиче Станко в прошедшем времени. Совсем недавно он опубликовал воспоминания о своем учителе П. И. Борисковском. А теперь приходится писать воспоминания о самом Владимире Никифоровиче. Очень тяжело это делать.

Мне посчастливилось познакомиться с В. Н. Станко весной 1969 года. Меня, тогда еще школьника, представил ему Леонид Васильевич Субботин, его друг и мой учитель. Мне надолго запомнилось сильное рукопожатие высокого, крепкого телосложения мужчины тридцати с лишним лет с пышной темной шевелюрой.

Встреча была недолгой. Владимир Никифорович задал мне несколько вопросов относительно моего интереса к истории, археологии. Я коротко ответил, что хочу стать археологом, что участвовал в археологических разведках, раскопках курганов и поселений, которые проводили экспедиции клуба «Юный археолог», музея, университета, академических институтов.

В. Н. Станко одобрительно покивал головой, пожелал успехов, с приятной, радостной улыбкой выразил надежду в скором будущем увидеть меня на факультете уже студентом, снова крепко пожал руку на прощание и заспешил по делам. Это теплое напутствие запомнилось мне на всю жизнь. После этого мы виделись несколько раз, как говорится, мимоходом.

Близко мы познакомились после моего поступления на исторический факультет. После лекций я часто засиживался допоздна в библиотеке кафедры. Владимир Никифорович читал лекции вечерникам. Начали общаться, как говорится, неофициально и постепенно между нами наладились более близкие, а затем и доверительные отношения.

В. Н. Станко был научным руководителем моей курсовой работы, посвященной методике раскопок курганов в Северном Причерноморье. В этой связи мы часто и долго общались вечерами. С ним было интересно, приятно дискутировать. Он не давил своим авторитетом, а достаточно мягко, убедительно обосновывал свою точку зрения. Иногда соглашался с оппонентом, хотя и не совсем охотно. Владимир Никифорович был прекрасным лектором. Он не просто читал лекции, а *рассказывал*, общался со студентами, обсуждал излагаемые вопросы.

Студенты любили его лекции, заслушивались, забрасывали вопросами. Но при этом боялись идти к нему на экзамен. Доцент был суров. Бывало, некоторые студенты сдавали ему «Историю первобытного общества» по два, а то и по три раза. Знаю это по себе.

Помню, ответил я бойко на все три вопроса экзаменационного билета. Владимир Никифорович молча слушал меня, потом стал задавать дополнительные вопросы. Делал он это весьма своеобразно. Наугад открывал один из билетов и зачитывал один из вопросов. Ответил я на первый дополнительный вопрос, В. Н. Станко молча выслушал меня и открыл второй билет, затем – третий. На пятом вопросе он коротко ровным голосом сказал приходить на следующий день со второй группой. На втором заходе он, кажется, не задавал дополнительных вопросов, поставил мне четыре балла и назидательно-но сказал, что заниматься нужно больше.

После первого курса В. Н. Станко увез половину нашего курса на археологическую практику в с. Мирное Килийского района, где проводил раскопки мезолитической стоянки.

К тому времени я определился в области античной археологии и поехал на практику в другой группе, на раскопки античного города Никоний.

А осенью станковские практиканты еще долго и восторженно вспоминали о раскопках, о Владимире Никифоровиче.

В последующие годы я несколько раз участвовал в раскопках стоянки Мирное. Хотел для общего опыта познакомиться с методикой исследований, с археологическим материалом.

Экспедиция В. Н. Станко всегда отличалась хорошо налаженным ритмом работы, обустроенным бытом и довольно строгой дисциплиной. Строг был начальник экспедиции и к себе, и к своим сотрудникам. Иногда бывал даже суров, а в некоторых случаях, думаю, слишком суров.

Помню, как-то в августе встретились мы случайно на факультете. Владимир Никифорович на несколько дней приехал из экспедиции по университетским делам и после обеда уезжал обратно. А я вернулся из Никония, где раскопки уже были завершены.

Сейчас уже не скажу точно: то ли я сам попросился, то ли Владимир Никифорович предложил мне поехать вместе к нему в экспедицию. Так или иначе, но после обеда мы вместе ехали на музейном ГАЗике в Мирное.

Добрались до места уже поздней ночью. Лагерь весь спал. Не горел традиционный костер, не звенела гитара. Владимир Никифорович привел водителя, Борю Бельфера, и меня в свою палатку, зажег свечу, взял фонарик и куда-то ушел. Я думал, перекусим на ночь и ложимся спать. Но не тут-то было.

Возвратился начальник экспедиции со своим заместителем С. П. Смольяниновой и стал расспрашивать, сколько квадратов раскопано за время его отсутствия, доследовали ли кострище, какие находки.

Светлана Петровна конкретно отвечала на конкретные вопросы. Но Владимира Никифоровича эти ответы не удовлетворили. И он решил, не откладывая, посмотреть и проверить все на месте. Я присоединился к ним. Глубокой ночью, по узенькой, извилистой, с небольшими прогалинами и перепадами тропинке, бодро шли мы на раскоп. Впереди решительно шагал Владимир Никифорович, освещая дорогу фонариком, за ним – Светлана Петровна, я замыкал процессию, шагая почти наугад.

Благо, до раскопа было недалеко. Начальник экспедиции методично упирали желтый луч фонарика в квадрат за квадратом и расспрашивал о слоях, находках, высказывал недовольство по тому или иному вопросу. Длилась эта ночная инспекция-экскурсия не менее получаса.

И к себе Владимир Никифорович был строг. На раскопе, когда мы не успевали выкинуть весь грунт или отодвинуть отвал, сам «становился на лопату» и спокойно, ритмично работал, сколько было необходимо. Не раз бывало, уже после работы, я звал его искупаться или просто прогуляться, он категорически отказывался, ссылаясь на то, что нужно еще что-то доделать. Одним словом, работал он с полной отдачей, как в экспедиции, так и дома.

В семейной жизни Владимиру Никифоровичу не повезло. Немалую роль здесь сыграли его домостроевские принципы, типа «жена должна беспрекословно слушаться

мужа», «жена должна знать свое место» и т. д. Когда распался его первый брак, он взял с собой четырехлетнего сына Диму и стал отцом-одиночкой. При большой лекционной нагрузке ему было очень тяжело, особенно, когда были лекции у вечерников. Мне достаточно часто приходилось забирать Диму из садика, заниматься с ним. Но Владимир Никифорович держался стойко. Потом Дима тяжело заболел, долго лечился и после этого остался с матерью.

После размена хорошей двухкомнатной квартиры на ул. Малиновского Владимиру Никифоровичу досталась комната в коммунальной квартире на ул. Льва Толстого. Сюда часто навещались П. О. Карышковский, А. А. Ашрафиан, В. И. Никитин и другие друзья В. Н. Станко. Время от времени собиралась теплая, дружеская компания.

Поворотным для Владимира Никифоровича стал 1976 год. По его инициативе и при его активном участии в Одессе был создан Отдел археологии Северо-Западного При-черноморья. Создавался он под В. Н. Станко.

Владимир Никифорович ушел из университета и стал заведующим новорожденного отдела. И развернул бурную деятельность по формированию отдела, определению основных направлений, составлению конкретных планов работы. Он к тому времени стал признанным лидером в одесской археологии, действовал уверенно, решительно. Собрал в отделе лучшие археологические кадры, набрал молодых, перспективных сотрудников, в том числе – и своих учеников. В короткие сроки отдел развернул широкие исследования и стал одним из крупных археологических центров Украины.

Владимир Никифорович был талантливым руководителем, учителем, организатором. Он умел собрать вокруг себя, сплотить самых разных людей. Он был прирожденным лидером. Им двигали стремление к познанию, целеустремленность, здоровое честолюбие. Его отличали надежность, обязательность, высокая требовательность к себе, умение доводить начатое до конца, широта взглядов, большая работоспособность. Эти качества и дали ему возможность достичь больших успехов как ученому, руководителю, организатору науки.

В те годы стала проявляться и другая сторона медали. Став заведующим отделом, В. Н. Станко был втянут в водоворот институтских интриг. Буквально на глазах стали развиваться его мнительность, излишняя строгость, суровость. И как следствие – охладели отношения с сотрудниками, особенно – с учениками. Это была, конечно, не единственная причина. Некоторым людям свойственно быть неблагодарными.

Были интриги и вокруг докторской диссертации В. Н. Станко. Они, конечно, выбивали его из колеи, вызывали депрессию. После успешной защиты в 1983 году ситуация, разумеется, изменилась к лучшему. Но не намного и ненадолго. К тому времени я уже переехал в Москву, приезжал в Одессу по два-три раза в год. В каждый приезд мы с Владимиром Никифоровичем подолгу общались, обсуждали те или иные дела. Много лет спустя Владимир Никифорович признавался мне, что рано стал заведующим отделом.

В 1989 году В. Н. Станко оставил отдел и перешел в университет. Главной причиной был квартирный вопрос. К тому времени он жил в той же комнате в коммуналке с молодой женой, Еленой Эдуардовной, и двумя младшими сыновьями, Сашей и Максимом. Институт не мог дать ему достойное жилье. А в университете он практически сразу получил хорошую четырехкомнатную квартиру.

Владимиру Никифоровичу предложили стать заведующим кафедрой истории древнего мира и средних веков. Но он мягко отказался. Не захотел своего давнего коллегу доцента А. Г. Загинайло лишать возможности заведовать кафедрой. В 1993 г. В. Н. Станко основал и возглавил кафедру археологии и этнологии Украины, в 1994 г. был избран деканом. И развернул бурную деятельность. Вскоре факультет стал одним из крупных научных центров юга Украины.

Мы также периодически общались во время моих приездов. Иногда я останавливался у него. И мы до поздней ночи с большой откровенностью многое обсуждали, многое вспоминали. В одну из таких ночей Владимир Никифорович был очень пессимистичен. Коротко и четко заявил, что все ученики его предали, что он набрал новых, и что эти тоже предадут его. Как же заниматься учениками с такими мыслями, риторически спросил я. В ответ он молча развел руками.

К великому сожалению, постепенно охладели отношения Владимира Никифоровича со многими учениками, коллегами. По мере возможности я пытался убедить его в том, что он чересчур мнителен, что сам себя накручивает, что нередко зря вытаскивает пашку на того или иного ученика или коллегу. Чаще всего он соглашался. На радостях я устроил несколько примирительных встреч.

В последние годы работы в университете Владимир Никифорович стал гораздо мягче, добродушнее. В профессоре В. Н. Станко нельзя было узнать заведующего отделом В. Н. Станко.

К тому времени Владимир Никифорович вновь стал отцом-одиночкой. Но в этот раз было легче. Сыновьям было 15 и 14 лет. Но забот хватало. Владимир Никифорович обязательно вставал пораньше, готовил завтрак и отправлял ребят в школу. Как-то полупуштя-полусерьезно он жаловался мне, что они такие привередливые: одному подавай гречневую кашу, другому – макароны. И приходилось отцу готовить сразу два блюда. И таких несостыковок за день набиралось не мало.

В 2004 году Владимир Никифорович ушел из родного университета, которому отдал много лет жизни, много сил и энергии. Очень грустно вспоминать об этом. Здесь были и объективные, и субъективные причины, сказался человеческий фактор. Так или иначе, но университет потерял выдающегося ученого с мировым именем, талантливого преподавателя, крупного организатора науки.

Владимир Никифорович уехал из Одессы в Терновку, в родительский дом, стал профессором Николаевского государственного университета им. В. А. Сухомлинского, где также развернул бурную деятельность.

Мне посчастливилось несколько раз по несколько дней провести с Владимиром Никифоровичем в Терновке. Тоже до глубокой ночи сидели в его уютном кабинете, вспо-минали приятные и не очень приятные события одесской жизни. Он был намного спо-койнее по сравнению с одесскими временами, не жалел о резком повороте в жизни, вдохновенно рассказывал о новых планах, серьезных проектах.

Владимир Никифорович увлеченно занимался обустройством дома, сада. Приятно вспоминать, как мы с ним посадили еще несколько фруктовых деревьев и несколько новых кустов винограда.

В последний раз мы виделись в Одесском археологическом музее на его 70-летнем юбилее.

После этого мы довольно часто общались по телефону. Он рассказывал о том, что его пригласили в Николаевский гуманитарный университет им. Петра Могилы, о большом международном проекте, о том, что начал писать учебник по этнологии.

Я собирался ехать к нему на день его рождения, 19 февраля. Но в начале февраля он сообщил, что скоро приедет в Одессу на операцию. Потом перезванивались каждый день. В последний раз я позвонил ему после операции, 15 февраля. Владимир Никифорович был довольно бодрым, спокойным. Договорились, что через пару дней я приеду к нему. Но этот последний звонок таки был именно последним. 16 февраля 2008 года Владимира Никифоровича не стало. Он не дожил три дня до своего 71-летия. Ушел от нас выдающийся ученый, талантливый преподаватель, крупный организатор науки, прекрасный Учитель, Наставник, верный Друг, прекрасной души Человек. Мы еще не скоро до конца осознаем эту утрату.

2. Спомини І. Т. Чернякова³

Воспоминания...⁴ Это взъерошенная память о реально существовавших делах, людях давно минувших дней и совсем нереальном в сегодняшнем дне. Короче говоря, это уже история. Воспоминания о людях, твоих друзьях в прошлом страдают очень важной особенностью, которая весьма негативно влияет на изложение. Ты еще живой, а твой собеседник, о котором ты вспоминаешь, уже не может ничего сказать в ответ, ни подтвердить, ни отрицать всего того, что ты вспоминаешь и тем более оцениваешь в прошлом, высказываешь свое отношение к поступкам, стараешься всегда обелить себя, а все негативное перевалить на другого. И это не справедливо. Воспоминания – это трудное дело, хотя и крайне необходимое. Они делают недавнюю историю живой. Ну, кто сейчас помнит таких знаменитых преподавателей Одесского университета, как легендарный А. Г. Готлиб-Готалов или даже М. Ф. Болтенко, а также многих других? Если мы предадим забвению их имена, с нашими случится тоже самое. В воспоминаниях человек представляется несколько иным, нежели в официально изложенных биографиях: он предстает живым, таким, каким он был на самом деле или ближе всего к правде.

Володя Станко – мой друг со студенческих лет. И всегда он жаловался на свое сердце, упоминая при этом свою мать, которая тоже страдала болезнью сердца всю свою жизнь. «Это наследственная болезнь», – говорил он всегда. «Из-за нее меня не взяли и на воинский учет, хотя отца как болгарина не брали в Красную Армию», – добавлял Володя.

Володя был красавцем с пышной шевелюрой. Большинство его помнит в более поздние годы облысевшим. В молодости он не был таким и сильно переживал из-за своего облысения, стараясь восстановить свою пышную растительность на голове. У меня сохранился рисунок кого-то из экспедиционных художников, который изобразил Станко коротко подстриженным, в очках.

Я уже точно не помню, но, вероятно, Володя появился в нашей группе только на IV курсе, он был переведен с исторического факультета Ростовского университета, где он учился на одном курсе с известным археологом В. Я. Кияшко. Возможно, только потому, что заведующий кафедрой истории КПСС был болгарин И. В. Ганевич, В. Н. Станко сначала в Одесском университете занялся детально изучать этот предмет.

Наш курс, как, вероятно и все другие, для меня был особенным. На курсе были студенты и богатых родителей, и сплошной бедноты. На нашем курсе учились и люди, которые потом достигли больших успехов в своей жизни и карьере. Лев Калинович (сын генерала, начальника Одесского пехотного училища) сам потом стал генералом КГБ. Иосиф Хорол сумел уехать в 60-е годы в Израиль и тоже стал генералом, начальником политической разведки. Володя Станко был сравнительно обеспеченным студентом. Он жил у своей тети на Ближних Мельницах, отец работал шофером и все-таки мог ему помогать деньгами. Некоторое время он жил и в студенческом общежитии на Островидова.

Я в Одессу, как и в археологию, попал случайно, хотя еще во время учебы в Путивльском педагогическом училище и участвовал в археологических раскопках в качестве землекопа в экспедиции Д. Т. Березовца. В Одессе мне захотелось увидеть море и из-за него я и «прилип» к ней на 30 лет, а моей профессией стала археология. Моим настоящим первым учителем в археологии был М. С. Синицын, который сумел привить любовь к этой романтической профессии. К этому добавилось отдельное влияние обаятельнейшего преподавателя курса «История древней Греции» М. Ф. Болтенко, который являлся символом «одесской археологии» 20-30-х годов прошлого века. Наверное, с первого или второго курса я стал старостой археологического кружка, члены которого каждое воскресенье выезжали за город для разведок археологических памятников и даже их раскопок. Так был раскопан курган возле Черноморки. Археология – это особенная наука и занятие, это, скорее, болезнь на всю жизнь. Хотя в те годы, немного меньше сейчас, занятие археологией отвлекало людей от проблем современной жизни, археологов интересовали трудные вопросы далекой древности, которые, естественно, помогали по-иному оценить современную жизнь, всего лишь как совершенно небольшой промежуток истории.

Я сумел «заразить» археологией и Володю Станко, который был в то время для меня настоящим другом, который не мог тебя ни в чем подвести. После IV курса у всех была археологическая практика на Роксоланском городище, которое мы раскапывали уже не-сколько лет. А мы вдвоем с ним отправились в археологическую разведку берегов р. Алкалия западнее Белгород-Днестровского. Надо сказать, что в то время южная приморская часть междуречья Дуная и Днестра, так называемая Буджакская степь, была почти совершенно не изучена в археологическом отношении и для меня стало навязчивой идеей изучить эту «terra incognita». Не обошлось при этом и без курьезов. Когда студенты нашего курса уезжали из экспедиции, то лаборант кафедры древней истории Илья Ефимович не досчитался двух железных кроватей, взятых им из общежития. Наши сокурсники заявили, что эти кровати взяли в археологическую разведку Станко и Черняков. Представьте себе, что он этому поверил и начал нас ругать. Это конечно была студенческая шутка, ибо кто же будет нести в разведке железные кровати. Спали мы обычно в школах или просто там, где заставала нас ночь, на голой земле или в скирде.

Научные результаты этой археологической разведки были превосходными. Кроме открытия десятков поселений и курганов различных эпох возле села Тузлы в срезе траншеи на вершине кургана мы обнаружили и исследовали кочевническое погребение с золотыми украшениями. Как раз анализ этого погребения и стал предметом первой статьи В. Н. Станко, опубликованной в «Записках Одесского археологического общества».

На V курсе надо было выбрать тему и писать дипломную работу. В это время я был не только студентом, но уже давно работал научным сотрудником Одесского археологического музея, директором которого стал М. С. Синицын. Как раз в 1959 г. одесскими археологами удалось возродить некогда славное Одесское общество истории и древностей, правда, под другим названием – «Одесское археологическое общество». Для того времени это был беспрецедентный шаг в науке и даже политико-гражданской жизни. На собрания этого общества съезжались археологи со всего Советского Союза, особенно из Москвы, Ленинграда, Киева, Симферополя, Кишинева. К открытию общества я готовил материалы по истории Одесского общества истории и древностей, развитию археологии в Одессе. Я предложил Володе Станко в качестве дипломной работы тему «История Одесского общества истории и древностей», за что он немедленно ухватился. С этой дипломной Володе не повезло, ее пришлось писать дважды. Перед самой защитой мы провожали на поезд археологов из Ленинграда и Москвы, зайдя перед этим в железнодорожный ресторан. В результате всего этого Володя попал в милицию и потерял свой портфель с дипломной работой.

После окончания университета В. Станко был зачислен сотрудником Одесского археологического музея, а не поехал куда-то по распределению учителем истории. В то время Одесский археологический музей стал своеобразной «свободной брешью» в советской марксистской археологии. Шла «хрущевская оттепель». В свободную археологическую Одессу кинулись многие знаменитые археологи из Москвы, Ленинграда, Киева, Кишинева и других центров всего Советского Союза. В музее и на регулярных заседаниях общества бывали М. И. Артамонов, Т. С. Пассек, С. Н. Бибииков, М. М. Герасимов, М. Ю. Брайчевский, Э. А. Сыманович, П. И. Борисковский, Л. М. Славин, В. В. Лапин, А. П. Черныш, Е. К. Черныш, И. К. Свешников, Б. А. Шрамко, В. Ф. Гайдукевич, Н. И. Сокольский, Н. П. Сорокина, В. В. Кропоткин, П. Н. Шульц, Э. А. Рикман, Т. Д. Златковская, Д. Б. Шелов, Г. Б. Федоров и многие другие.

Мы долго учили когда-то, что личность не имеет значения в истории, ибо ее делают массы. Думаю, что это полная неправда. Заварил, раскрутил Одесский археологический музей и созданное при нем общество в то время один единственный человек – А. Г. Сальников. Он до этого был секретарем Ширяевского райкома партии, стал зам. директора по науке музея при М. С. Синицыне, а затем и директором музея. В музее шли не только научные заседания, переделывалась экспозиция, организовывались выставки, но появились регулярные научные издания, организовывались музеи в районных центрах Одесской области. А. Г. Сальников расширил деятельность музея не только на территорию Одесской области или Украины, но даже на весь Союз. Из других музеев были переданы экспонаты древнеегипетской коллекции. В Белгород-Днестровском в армянской церкви создавался атеистический музей, куда были посланы сотрудники Одесского археологического музея, среди которых был В. Н. Станко, А. А. Ашрафиан и я. Пришлось не только создавать экспозицию из оригинальных экспонатов, среди которых были даже египетские мумии, но и самим ремонтировать здание ветхой церкви. Больше всего досталось В. Станко, которого оставили там на несколько месяцев.

Ему было обидно, что его деятельность не была должным образом оценена начальством. Надо сказать, что характер у Володи был вспыльчивым, заводился он иногда «с полуоборота». Вероятно, свое отношение он и высказал директору музея, а

тому это не понравилось, В. Станко вынужден был покинуть музей и переехал в Николаев к отцу. В 60-е годы в Николаеве был филиал Одесского университета и Володя стал работать в нем лаборантом.

Я несколько раз посещал его в Терновке, познакомился с отцом и матерью. Отец был большим добрым и рассудительным человеком с постоянной улыбкой на лице, а мать – маленькая, тихая и задумчивая женщина.

Через несколько лет А. Г. Сальникова сняли, а директором музея назначали меня. Администраторская ноша для меня была тяжелой и я сразу подумал о назначении заместителя. Им, естественно, в то время мог быть только мой друг Станко. Он немедленно приехал в Одессу и приступил к работе. В Одессе создалась такая тесная компания, в которой главным был П. О. Карышковский, затем А. А. Ашрафиан, А. Д. Бачинский, В. Н. Станко, Г. И. Дубин, слепой А. Зелинский и я. Мы встречались не только для того, чтобы выпить «по 100 грамм», но и обсуждали различные вопросы, в том числе и по археологии. Володя Станко, как и все остальные, получил свое прозвище – Станок.

Как раз в то время решался уже давний вопрос об аспирантуре по каменному веку. В нем главным выступали проблемы причерноморского степного палеолита. Несколько лет тому назад мы со Станко участвовали в раскопках позднепалеолитической стоянки возле Большой Аккаржи под руководством П. И. Борисковского, который дружил с директором Института археологии АН УССР С. Н. Бибиковым еще с довоенных лет. Они договорились о поступлении В. Станко в аспирантуру к С. Н. Бибикову. Я давно был знаком с С. Н. Бибиковым и его женой Валентиной Ивановной и поэтому всячески спо-собствовал успешному поступлению в аспирантуру своего друга, а теперь и заместителя.

Володя переехал в Киев и жил в академическом общежитии для аспирантов. По всяким административным и научным делам я тогда часто бывал в Киеве и, естественно, заходил к Володе. Он написал кандидатскую диссертацию по мезолиту Северо-Западного Причерноморья и успешно защитился.

Надо сказать, что до этого времени Одесский археологический музей находился в системе Министерства культуры Украины. Сложно было единственному музею археологического профиля в то время существовать в той системе. Я активно занялся вопросом передачи музея из Министерства культуры в Академию наук, и мне это удалось с помощью нового директора Института археологии АН УССР Ф. П. Шевченко и секретаря ЦК Украины Овчаренко, который сам был ученым и имел звание академика. Музей был передан сначала в подчинение Института археологии АН УССР, а в постановлении о передаче был записан и пункт о создании в Одессе отдела археологии Северо-Западного Причерноморья, который должен был заниматься охранными археологическими исследованиями на новостройках. В то время как раз широко развернулось строительство оросительных систем в степной части юга Украины, в том числе и на территории самой большой Одесской области.

Создание нового отдела археологии Северо-Западного Причерноморья как раз совпало с окончанием В. Станко аспирантуры и защитой им кандидатской диссертации. Незадолго до этого поставленный новый директор Института археологии И. И. Артеменко назначил заведующим вновь созданного отдела в Одессе В. Н. Станко, а директором музея – Г. А. Дзис-Райко. К этому времени я тоже защитил диссертацию и был переведен научным сотрудником в отдел археологии Северо-Западного

Причерноморья. Создание этого отдела намного увеличило научный археологический потенциал Одессы, так как до этого в этом важнейшем центре развития археологии действовали с дореволюционно-го времени всего только два, сосредоточенных в археологическом музее и университете. В них, кроме чисто научных задач, важнейшими были другие, связанные с учебной и просветительской деятельностью. То, что назначили заведующим отделом В. Станко, а не меня, я воспринял даже с радостью. У Володи был более жесткий характер, значительно лучшие административные способности, чем у меня. Но создалась несколько негативная психологическая обстановка. По-человечески, поставив себя на его место, я хорошо пони-мал это и в то время. Посудите сами, у него в подчинении оказался человек, который ввел его в археологию, дал работу, помог с аспирантурой, не только выдвинул идею о созда-нии отдела археологии в Одессе, но и сумел вставить ее в постановление. Его психоло-гическому настроению не позавидуешь! Но, вероятно, как всегда победила дружба. Постепенно мы притерлись и начали совместно работать.

Отдельными вопросами, связанными со Станко, по моему убеждению, являются его женитьба, защита докторской и переход на работу в Одесский университет. Так вот, все по некоторому порядку.

В одном году, прежде разведенный Володя Станко, вдруг быстро женился на актри-се Одесского театра музыкальной комедии, у которой была квартира на Пушкинской, а у Володи появилась «Волга», подаренная отцом. Брак этот был недолгим, а Володя заметил красивейшую лаборантку отдела Леночку, муж которой был в армии. Об этом, наверное, первые пронюхали женщины отдела, и кто-то написал обо всем в райком партии. На эту беду в том году меня избрали секретарем партийной организации, в которой насчитыва-лось пять или семь человек из отдела археологии и музея. Меня вызвали в парткомиссию райкома. Из разговора я понял, что Володе Станко угрожает исключение из партии. Последнее, естественно, грозило потерей работы и всего прочего. Для снятия такой угро-зы я вынужден был обратиться к своему знакомому еще со студенческих лет университе-та Жене Стеценко, который был тогда секретарем горкома партии. Он обещал помочь смягчить партийное наказание. На бюро райкома я читал и стихи «Любви все возрасты покорны...», но помогли не они, а звонок Е. Стеценко. Станко и я получили только по строгому выговору с занесением в личное дело. А это терпимо. Меня, к моему облегче-нию, сняли вскоре и из секретаря парторганизации за «мягкотелое руководство». Победило правило жизни: любое зло заканчивается добром. А Володя женился на Леноч-ке, которая родила ему двух сыновей. Другое дело, что они, спустя много времени, рас-стались. Я не знаю, кто виноват, но у Володи характер был трудный в общении с други-ми, а относительно жен он придерживался патриархального правила болгар: «женщина должна знать свое место и во всем подчиняться мужчине». Он вообще был влюблен в болгарские обычаи, считал себя истинным македонцем и одного из сыновей назвал Александром в честь Александра Македонского.

Основой докторской диссертации Володи Станко стали материалы раскопок мезо-литической стоянки возле с. Мирное в Килийском районе, открытой археологическими разведками Н. М. Шмаглия и В. Н. Гладилина. Я бывал у него на раскопках, обрабатывал материалы из ее верхнего слоя и даже собирались опубликовать в соавторстве на основа-нии их анализа «Открытие культуры Хаманжии в СССР». Эти

материалы были частично опубликованы в другом соавторстве, но отнесены к раннетрипольской культуре. Это отдельная тема для статьи. Сложность защиты докторской диссертации В. Станко со-стояла не только в значительном ее проблемном решении, но и отношения к этому ведущего специалиста в Институте археологии Д. Я. Телегина, с которым я давно поддержи-вал дружеские связи. Володя попросил меня поговорить с Телегиным, и мне удалось уговорить его поддержать докторскую диссертацию Станко.

Успехи в археологии и карьере Володя Станко сделал не только в отделе, но, главным образом, в университете. К его переходу в университет известный ученый и заведующий кафедрой, наш друг Петр Осипович Карышковский сначала относился скепти-чески: «Ну какой из Станко лектор?» Я долго уговаривал П. О, как звали мы Карыш-ковского, и, в конце концов, он согласился. У Володи Станко начался новый период жизни, и у меня тоже.

Я уехал в Киев. Володя в Киеве часто заходил ко мне, даже ночевал. Мы беседовали о многом, вспоминали молодые годы, но больше всего говорили о развитии археологии в Одессе, выпуске задуманного давно сборника, в котором была бы изложена вся археоло-гия и древнейшая история Северо-Западного Причерноморья от палеолита до татар-ского времени. Хотя Станко часто приезжал в Киев на заседания Ученого совета по защи-те диссертаций, но меня он посещал все реже и реже, а потом и вообще перестал звонить. Когда он снова переехал в Николаев, то мои сыновья Андрей и Тихон заходили к нему домой в Терновке, и он с радостью вспоминал наши совместные походы.

Прочитав свои воспоминания, у меня сложилось впечатление, что они получились по теме «Я и Станко», ну что же, этим страдают все воспоминания, ведь они мои, а мои впечатления складывались из наших взаимоотношений в течение длительного времени. Володя ушел в вечность, но прожил не зря, многое он сделал в своей жизни. Три сына, стоянки Белолесье, Мирное, Анетовка, а сколько учеников! Не со всеми у него сложились отношения. Ну, а у кого бывает иначе? У него была энергичная натура, и он хотел пере-плавить весь мир и окружающих людей, «отлив их в своей литейной форме». У каждого человека есть своя «литейная форма», и он хочет остаться самим собой, а не «переплавленной деталью». Отсюда конфликты. Больше Станко никогда не будет ни с кем кон-фликтовать, оставив по себе огромное наследство в жизни и науке. И надо воздать ему должное, он достоин этого.

3. Спомини В. І. Нікітіна⁵

Стояла хрущевская оттепель. Начало 60-х годов XX века. Ожили различные общест-венные организации. В это время было воссоздано Одесское археологическое общество, предшественником которого являлось знаменитое Одесское общество истории и древ-ностей. Прошел первый археологический съезд. Материалы съезда были опубликованы в первом томе «Записок ОАО» в 1960 г. Оживилась работа археологов и любителей древностей.

В это время в Николаеве стихийно возникает николаевская группа Одесского архео-логического общества, почетным председателем которой избирается бывший директор Николаевского историко-археологического музея Феодосий Тимофеевич Каминский, не-давно вернувшийся из лагерей ГУЛАГА и реабилитированный. Самой

главной целью этой группы считалось спасение памятников археологии от уничтожения и забвения и проведение охранных раскопок тех памятников, которые уже были подвергнуты разрушению.

Так, в эти годы проводились охранные раскопки курганов эпохи бронзы и скифского времени на окраине города⁶. Для консультации во время раскопок привлекались археологи: А. Н. Карасев (Ленинградское отделение Института археологии АН СССР), Б. В. Борисов (научный сотрудник Ольвийского заповедника), Ф. Т. Каминский.

Мы, в ту пору молодые члены НГОАО, работали практически вслепую, не зная совершенно методики раскопок, но – с искренним желанием спасти памятники археологии для науки.

В это же время на базе Одесского университета в Николаеве создается его филиал. Некоторые преподаватели этого филиала получают квартиры и оседают в городе. К чтению лекций по древней истории и археологии в этом филиале привлекается и Владимир Никифорович Станко, родители которого проживали в Терновке – пригороде Николаева.

Являясь членом ОАО, В. Н. Станко не мог не уделить внимание его Николаевской группе. По определенным дням недели он проводит занятия для членов НГОАО и любви-телей древностей, рассказывая о кремневой индустрии эпохи камня, о том, что такое ударная площадка и ударный бугорок, как отличить спинку от брюшка и, наоборот, как рисовать кремень и т. д. и т. п.

С этих дней у меня с ним и началось сближение и дальнейшая дружба. Но дружба эта была своеобразной. Владимир Никифорович то появлялся в поле моего зрения, то исчезал. В основном, это было связано с тем, что мы проживали в разных городах, но духовно мы были близки, и никогда у нас не возникало конфликтных ситуаций. В этой связи в памяти сохранились наиболее яркие страницы наших взаимоотношений.

...Шел 1962 год. В ту пору мне пришлось работать на заводе. И когда поступило сообщение о том, что на окраине Воскресенска (Гороховки) лежит какая-то обработанная плита, я выехал туда для ознакомления с ситуацией. Выявилось, что плита эта – антропо-морфная стела-перекрытие погребения ямной культуры в небольшом кургане. Пришлось обращаться за разъяснениями к единственному, кроме Ф. Т. Каминского, археологу, который уже имел опыт раскопок курганов⁷ – к В. Н. Станко. Мы выехали на место, осмотрели курганчик и пришли к выводу, что его надо раскопать.

Мне удалось взять на заводе недельный отпуск за свой счет. А В. Н. Станко попросил своего друга Сашу Мисаренко помочь в раскопке этого кургана. И вот мы втроем вручную стали раскапывать курган. Механизмы, типа бульдозера или скрепера, в практике раскопок курганов еще не применялись, и в связи с этим мы прибегли к ручному труду.

Владимир Никифорович предложил мне, в то время как он с Сашей Мисаренко проводил раскопки и расчистку погребений, рассказывать всем жителям села, которые собирались возле кургана, о том, что такое памятник археологии, что собой представляют курганы, что в них содержится. Место, где проводились раскопки, находилось возле оживленной трассы Николаев – Кривой Рог и, естественно, порой останавливались автобусы, а их пассажиры рассматривали процесс раскопок древних погребений и выслушивали пояснения – мои или В. Н. Станко. И это, несмотря на то, что он еще и

читал лекции студентам филиала Одесского университета. Тем не менее, он находил время и для того, чтобы помочь раскопать совместными усилиями этот небольшой курган⁸.

По рекомендации В. Н. Станко, а он в ту пору являлся зам. директора Одесского археологического музея (директором был И. Т. Черняков), мне пришлось в 1963 г. впервые в жизни выступить на очередном собрании Одесского археологического общества с сообщением о раскопках кургана у с. Гороховка Жовтневого района Николаевской области. Владимир Никифорович попросил И. Т. Чернякова помочь мне подготовить мое выступление, так как Иван Тихонович уже имел богатую практику раскопок курганов в Одесской области.

Владимир Никифорович легко сходился с людьми, у него было в жизни много друзей, приятелей и знакомых.

Когда В. Н. Станко преподавал в филиале Одесского университета, он сдружился с филологами Александром Ващенко и Радием Карабанным. Последний должен был вскоре покинуть Николаев, и, в этой связи, В. Н. Станко решил устроить в Терновке прощальный ужин. Были приглашены все друзья. На огороде было сооружено устройство типа мангала, возле которого священнодействовал хозяин, приготавливая, под разноречивые советы друзей, шашлыки. А его мать – Мария Федоровна – суежилась, накрывая в летней кухне стол болгарскими яствами: баницей и разного рода салатами.

Когда уже начали сгущаться сумерки, шашлыки были готовы, гости уселись за стол, были произнесены соответствующие тосты, и вот тут-то и грянули – в качестве презента филологам – болгарские песни...

В 1964 г. директор Николаевского краеведческого музея – Семенкова Тамара Степановна – предложила мне перейти на работу в музей и заниматься археологией. Я согласился. В. Н. Станко, с самого начала моих занятий археологией, опекал меня. Он также часто консультировал директора музея в формировании экспозиции по древней истории. Перед членами НГОО он иногда выступал в стенах музея. Уже тогда его выступления носили яркий, объективный характер, были точны и кратки.

В том же году мне впервые удалось провести вдоль берегов реки Висунь от с. Влади-мировка до с. Калуга Березнеговатого района археологическую разведку, во время которой были открыты поселения эпохи бронзы и ряд курганов, а также собран значительный подъемный материал.

Мне еще не были знакомы фрагменты посуды, собранной на поселениях, и я вынужден был обратиться за консультацией к директору Ольвийского заповедника – Анатолию Виссарионовичу Буракову, так как В. Н. Станко в это время отсутствовал.

– О, так это точно такая же посуда, как и на поселении у Змеевки на Днепре, которую я раскапывал! Эпоха поздней бронзы, – определил А. В. Бураков.

А когда появился В. Н. Станко и ознакомился с материалами разведки, то предложил тут же составить научный отчет для Института археологии АН УССР. Я тогда не знал, как это делается, и Владимир Никифорович терпеливо мне объяснял... Едва был написан отчет и сделаны иллюстрации к нему, В. Н. Станко тщательно выверил текст, сделал поправки, замечания, после чего продиктовал сопроводительное письмо на имя директора Института археологии – члена-корреспондента АН УССР С. Н. Бибикова.

Так, благодаря заботе и участию в моей жизни Владимира Никифоровича, мне был открыт путь в науку.

В те годы мне часто приходилось бывать в Одессе, где я останавливался либо у своей двоюродной сестры – Раисы Агафоновны Рожновой, либо на ее даче. Но всегда встречался и с В. Н. Станко. В свою очередь, как только он приезжал в родную Терновку, считал своим долгом посетить меня либо в музее, либо зайти ко мне домой.

В наших встречах и беседах всегда находились точки соприкосновения в различных вопросах науки, литературы, искусства, жизненно важных вопросах морали и этике.

Вспоминается такой случай. Кто-то меня оскорбил, и я весь пылал гневом. Но Владимир Никифорович при этом мягко заметил:

– Васенька, надо быть великодушным и прощать.

Это замечание я принял к сведению и в дальнейшем постоянно его помнил.

Осенним месяцем 1964 г. И. Т. Черняков и В. Н. Станко неожиданно появились в Николаевском краеведческом музее, где директором был партноменклатурщик, некто Явоненко. Они предложили мне поехать в Бессарабию, в археологическую разведку. Я согласился. Но надо было отпроситься у директора, однако, его не было на месте. Я кому-то из научных сотрудников сказал, что уезжаю на пару дней, сообщил об этом своему отцу, сел в «газик», и мы уехали в Бессарабию.

На поселениях эпохи поздней бронзы у сел Староказачье, Красная коса и др. мы шурфовали, собирая материалы для диссертации И. Т. Чернякова⁹. Вместо пары дней пришлось отсутствовать пару недель. Базировались, в основном, в г. Белгород-Днестровский, где мои друзья ознакомили меня с остатками древнегреческой Тиры и бывшей турецкой крепостью Аккерман.

Возвращение домой... Я опасался расправы администрации музея. Но В. Н. Станко, когда я ему объяснил ситуацию, взял меня под свою защиту.

Когда мы подходили к музею, В. Н. Станко сказал:

– Тебя будет ругать директор! И я тоже! Но ты не обращай внимания. Не оправдывайся! Помалкивай! А я как-нибудь успокою директора.

Директор, увидев меня, сразу же начал шуметь, входя в раж, выкрикивая, что уже хотел подавать во всесоюзный розыск на мои поиски.

В. Н. Станко в это время увещевал меня, что я нехорошо сделал, что не предупредил директора, что надо было это сделать, что... Одним словом, постепенно он перешел к значимости проведенной экспедиции, да так повел рассказ, что директор успокоился и, раскрыв рот, слушал В. Н. Станко. Потом махнул рукой, и я облегченно вздохнул, ибо был прощен и не понес никакого наказания.

В связи с сооружением Софиевского водохранилища и плотины на реке Ингул у с. Софиевка Новобугского района Николаевской области, по рекомендации И. Т. Чернякова, мною была проведена археологическая разведка в 1966 г. вдоль берегов Ингула, в

Рис. 1. На поселении Красная Коса. Мы готовим пищу. Слева направо: И. Т. Черняков, ?, В. Н. Станко, В. И. Никитин.

результате которой были открыты памятники археологии – от эпохи палеолита до эпохи поздней бронзы.

В 1967 г. экспедиция ИА АН УССР под руководством кандидата исторических наук О. Г. Шапошниковой приступила к раскопкам стоянок эпохи камня, поселений энеолита и поздней бронзы, а также курганов, относящихся к различным периодам¹⁰. В работе этой экспедиции принимал участие и В. Н. Станко, в ту пору – уже аспирант.

Во время раскопок палеолитической стоянки Сагайдак I¹¹. В. Н. Станко попросил меня заменить его на какое-то время на раскопе, так как в экспедицию должен был приехать С. Н. Бибиков, научный руководитель В. Н. Станко, чтобы познакомиться с его работой в поле. Тут же Владимир Никифорович объяснил мне, что и как надо делать на каждом квадрате. Объяснил кратко и доступно. Когда я со студентами наносил на полевой чертеж находки кремня и отдельные кости животных, в сопровождении В. Н. Станко появился С. Н. Бибиков. Владимир Никифорович давал пояснения, а Сергей Николаевич иногда в полшутливом тоне задавал вопросы. Атмосфера беседы была непринужденной и, видимо, удовлетворяла обе стороны.

Как известно, в экспедициях всегда есть место шутке и подтруниванию над ближним.

В то время, после работы, В. Н. Станко напевал в ту пору модную песенку:

Не один в пистолете патрончик,
не один есть в Одессе блондин.
Только, знаете ль, Мишка Япончик
в своем роде, конечно, один...

А студенты напевали известную гулаговскую песню, но с другими словами: «Товарищ Станко, вы – большой ученый, в археологии вы очень знаменит...» И так

Рис. 2. На археологической выставке, посвященной итогам раскопок Ингульской и Ольвийской экспедиций за 1960-70 гг. XX в. Слева направо: С. Д. Крыжицкий, В. Н. Станко, В. И. Никитин.

далее. Друзья – болгары, которые работали в экспедиции, иногда подтрунивали над ним, и тогда его спокойная речь могла сорваться на фальцет. И в дальнейшей своей жизни, когда он что-то горячо пытался доказать, его речь звучала на высоких тонах.

Высокая сосредоточенность работы его мыслей иллюстрируется следующим случаем. Однажды я задал ему вопрос, но не дождался ответа. Тогда я спросил его:

– Володя, а почему ты не отвечаешь?

Он удивился моему вопросу и, помедлив, ответил:

– Видимо, я мысленно тебе ответил, но не высказался вслух.

После того, как В. Н. Станко развелся со своей первой женой, я, приезжая в Одессу, стал обычно останавливаться у него. Тогда он жил в центре города, неподалеку от разрушенной лютеранской церкви.

По утрам он устраивал пробежку трусцой. А затем мы расставались, каждый шел по своим делам. Вечерами мы засиживались допоздна, а когда наступала пора отхода ко сну, В. Н. Станко ставил для меня раскладушку, стелил постель, всячески ухаживал за мной. На мои возражения, что я и сам мог бы это сделать, обычно следовал краткий ответ: «Ты – гость, и за гостем принято ухаживать». Утомленный за целый день бегом по архивам, библиотекам и музеям города, я, едва голова касалась подушки, засыпал. Но сквозь за-сыпающее сознание слышались равномерные постукивания одним пальцем по клавишам старенького «Вундервуда»... Готовилась очередная статья.

Порой он засиживался за работой над статьей и ее печатанием на машинке почти до утра. И откуда у него брались силы?!

Как-то я, по приезду в Одессу, как обычно, остановился у Владимира Никифоровича. Вечером я должен был уезжать в Николаев. Пришел в гости профессор П. О. Карышковский. Завязалась беседа. На разные темы. Уже тогда имела место духовная близость профессора с доцентом. Помимо сугубо служебно-педагогических дел у них сложились и товарищеские отношения.

Заметив, что я поглядываю на часы, Петр Осипович спросил меня, чем это вызвано. Пришлось ответить, что опасаясь опоздать на автобус. И тогда П. О. (так его сокращенно звали за глаза близкие знакомые), обращаясь к В. Н. Станко, заявил:

– Одевайся! Пойдем провожать Никитина!

И тут на моих глазах Владимир Никифорович, что называется, стал другим.

– Шеф, я не могу ходить... У меня нога распухла, – пытался оправдаться В. Н. Станко.

Но П. О. был неумолим, и В. Н. Станко пришлось подчиниться.

Автовокзал был в нескольких кварталах от дома, где обитал Владимир Никифорович. Он сопровождал нас, прихрамывая. Мы же с П. О. по пути следования к автовокзалу делились новостями из книжного мира. Профессор рассказывал, какие он успел приобрести новые книги, а я, в свою очередь, делился информацией о своих новых приобретениях.

А затем П. О. рассказал, как он в начале 50-х годов XX века приехал в Николаевский краеведческий музей, с целью ознакомиться с богатейшей (около 5000 экземпляров) нумизматической коллекцией; как нашел эту коллекцию в ужасающем состоянии на чердаке рядом расположенного католического костела; как ему с трудом удавалось делать слепки с античных монет. Значительное их число безвозвратно погибло для науки вследствие их окисления и небрежного хранения. Мы со В. Н. Станко молча выслушивали этот горький рассказ всемирно известного нумизмата, который звучал как приговор нам, коренным николаевцам, но, в первую очередь, тем, кто ответственен за хранение раритетов.

Когда я еще учился в вузе в Москве и сдавал очередной экзамен во время летней сессии, у меня произошла необычная встреча...

Близился вечер... Я, в числе последних, сдал экзамен и вышел в сквер у памятников Огарева и Герцена на улице Моховой, присел на скамеечку отдышаться, но, подумав, что слишком далеко добираться до общежития на Воробьевых горах, встал и пошел на остановку автобуса. Немного подождал. Подошел автобус. Я вскочил в него. На остановках люди входили в автобус и проталкивали меня вперед. И вдруг, передо мной, – мой друг В. Н. Станко! Я онемел. Не может быть! Неужели это Владимир Никифорович? Мы молча рассматривали друг друга, и тогда я, преодолевая волнение, спросил:

– Володя, это ты?

– Я, Васенька, я...

– Не верю, что это ты. Дай я пощупаю тебя, чтобы убедиться, что это ты...

Пассажиры, стоящие рядом, обалдело наблюдали за этой сценой.

В. Н. Станко и я улыбались друг другу.

– А я тебя разыскивал по Москве. Хотел уже на факультете узнать, где тебя найти, да ты сам нашелся.

Мы сошли с автобуса у высотного здания МГУ на Воробьевых горах, и я провел его в свой блок-комнату. Беседа наша затянулась, мы с моим земляком, который тоже прожил-вал в этой комнате, предложили Станко переночевать, потому что в столь позднее время общественный транспорт в Москве уже не ходил.

Оказывается, В. Н. Станко, приехав в Москву для встречи с С. Н. Бибиковым, поселился в аспирантском общежитии, и, после неожиданной встречи со мной, должен был встретиться со своим научным руководителем на вокзале, так как Сергей Николаевич возвращался в Киев, но элементарно проспал.

Когда мне исполнилось 32 года, я, по совету В. Н. Станко, решил поступать в аспирантуру Одесского университета. Требовался только один аспирант на кафедру истории древнего мира и средних веков. Сдав вступительные экзамены, я предстал для собеседования перед деканом исторического факультета, которая заявила, что мне не суждено учиться в аспирантуре, так как я не прошел по конкурсу.

После этого мой друг раскрыл-рассказал о причинах, почему мне не пришлось учиться в аспирантуре. Из его рассказа выяснилось, что, когда я сдавал экзамены, из Москвы в деканат позвонил известный член ЦК КПСС и потребовал принять в аспирантуру на эту же кафедру какую-то девицу, после чего сразу же положил трубку. Как оказалось, девица эта года полтора проучится в аспирантуре, после чего бросит учебу. А мне уже не позволял снова поступать в аспирантуру возрастной ценз.

Мы с В. Н. Станко бродили по улицам Одессы, он мне рассказывал обо всем этом, и мы с горечью констатировали, что в этой стране (СССР) существует «позвоночное право».

Как-то я заикнулся Владимиру Никифоровичу о том, что мне, на мой взгляд, не мешало бы перевестись с факультета журналистики МГУ на исторический.

– А зачем? – спросил удивленно В. Н. Станко. – В археологии заняты разные специалисты.

Тут он назвал несколько фамилий известных археологов, которые были математиками, врачами...

– Будет у тебя вторая, не менее важная профессия, – добавил он, – а так тебе надо будет по-новому сдавать вступительные экзамены на истфак. Снова готовиться... Оно тебе надо?

Пришлось с его доводами согласиться.

– Археолог, – говаривал В. Н. Станко, – самая гуманная профессия на земле.

– А строители? А врачи? – пытались ему оппонировать.

– Строители могут строить укрепления, например, во время войны – доты или дзоты, а врачи могут быть участниками военных действий. Возьми любую специальность, и она, хоть косвенно, но связана с войной.

В мае месяце 1970 г. в Ужгороде проходила очередная научная конференция Института археологии АН УССР¹². Мы, хорошо знакомые, южане, держались втроем: П. О. Карышковский, В. Н. Станко и автор. Каждый из нас на этой конференции в работе секций эпохи камня, эпохи бронзы и античного периода выступил со своим докладом.

Запомнился первый день приезда в Ужгород и наша встреча. Мы втроем шли по одной из улиц города, у бордюров тротуаров которой скапливались опавшие розово-белые цветки вишни. Шли и беседовали. Неожиданно П. О. Карышковский подскочил к одному из таких скоплений цветков вишни, нагнулся над ним, запустил туда руки и под-бросил цветки вверх. Они медленно опускались на землю, а В. Н. Станко произнес:

- Шеф, ну что вы делаете? Ей Богу, ведете себя, как ребенок...

- Зато как красиво! – парировал Петр Осипович.

В один из дней работы конференции, после докладов и сообщений на заседаниях секций, Сергей Николаевич Бибииков пригласил нас троих в знаменитый ресторан «Печери». Беседа велась, естественно, на разные археологические темы. И тут я впервые услышал от Сергея Николаевича слово «палеоэкономика». Перед нами он развивал рассказ об этой стержневой структуре человеческих сообществ в древней истории и сокрушался, что большинство наших археологов особого значения этому не придают, а довольствуются описанием жилищно-бытовых комплексов и разных артефактов, находимых во время раскопок. Мы со Станко В. Н., в основном, помалкивали. Все-таки перед нами, начинающими археологами, сидели два крупных ученых-исследователя с мировым именем. Иногда Петр Осипович прерывал Сергея Николаевича и задавал вопросы. Беседа оживлялась, но, тем не менее, Петр Осипович тоже внимал рассказу Сергея Николаевича. Затем С. Н. Бибииков рассказал о своих исследованиях материалов Мезинской стоянки на Десне и проведении им комплексного изучения, в том числе и трасологического, костей мамонта, найденных на стоянке.

- После этого, проанализировав все данные экспериментов и трасологии, я пришел к выводу, что исследованные кости мамонта являлись музыкальными инструментами палеолитического джаз-ансамбля, – отметил С. Н. Бибииков¹³.

Примерно в эти же годы В. Н. Станко работал над своей диссертацией. Несколько раз заглядывал ко мне в Николаевский краеведческий музей, рисовал кремневые изделия, изучал кремневые коллекции стоянок Арбузова Балка на Южном Буге, Ленино 2 и Ленино 3 на Громоклее, которые затем использовал в своей кандидатской диссертации¹⁴. Мимоходом знакомил меня с особенностями кукрекской кремневой индустрии.

В конце 70-х годов, по нашей с В. Н. Станко инициативе, мы стали собирать статьи авторов, которые в разные годы проводили научные исследования на территории области, для сборника под названием «Древности Николаевщины».

Казалось бы, сборник должен был бы расширить знания о родном крае, так как, кроме статей по археологии, были статьи и по этнографии и по краеведению. Но местные власти, видимо, посчитав статьи сборника безыдейными, сочли ненужным его издание даже через центральные издательства. Местные власти не захотели брать на себя лишние заботы-хлопоты, и вскорости пришлось возвращать статьи авторам, которые со временем свои статьи опубликовали в других научных изданиях.

После развала Советского Союза и обретения Украиной независимости, сборник «Старожитності Миколаївщини» все-таки вышел в свет в 2002 г., правда, очень скромным тиражом и с очень скромным составом авторов. В том числе и со статьей В. Н. Станко¹⁵.

Порою надолго прерывались мои встречи с В. Н. Станко. И от него тоже не было никаких известий. В Терновке оставался отец Никифор Дмитриевич, который иногда заходил в музей, где я тогда работал, и расспрашивал меня о своем сыне, о внуке Димке.

Что я мог ему сказать? Правда, когда я бывал в те годы в Одессе, и Никифор Дмитриевич вскорости заходил узнавать что-нибудь о Володе, я ему рассказывал о нем. Отец, как рас-сказывал В. Н. Станко, всю жизнь работал шофером. За несколько месяцев до своей смер-ти Никифор Дмитриевич пригласил меня к себе домой в Терновку, где я выслушал его рассказ, своеобразную исповедь, о том, как его, семнадцатилетнего юношу, во время по-хорон какого-то знакомого, у самого кладбища, ни за что, ни про что арестовали энкэ-ведисты и сослали на Соловки, где он потерял практически значительную часть своей молодой жизни.

Когда во время сборов подъемного материала или раскопок памятников археологии собиралась какая-то коллекция или отдельные кремни, я всегда обращался к своему другу с просьбой определить кремневый материал. На это он всегда охотно откликнулся и квалифицированно объяснял, какие кремневые изделия относятся, скажем, к эпохе палеолита, какие – к эпохе мезолита, какие – к эпохе бронзы и т. д. После таких нагляд-ных определений поневоле можно было отличить, скажем, кремль эпохи мезолита от кремня эпохи бронзы. Такие определения он делал легко и непринужденно, часто сня-мая очки и подставляя кремневое изделие к свету, чтобы лучше его рассмотреть и найти порой микроскопически изготовленный рабочий край.

А однажды я принес ему на определение небольшую коллекцию кремня со стойбища-летовки, раскопанной у с. Малая Корениха напротив Николаева. Рассматривая кремль, он неожиданно воскликнул:

– Это надо же!.. Как традиция обработки кремня перекочевала с эпохи камня в эпоху бронзы. Вот видишь этот кремль? Если хорошо присмотреться к нему, то по форме он похож на головной убор Наполеона...

При случае мне приходилось моему другу подбрасывать разного рода информа-цию, связанную с находками кремней, и обращать на это внимание.

Общаясь со многими жителями районов, я часто информировал о разных археоло-гических находках. Однажды один из них порекомендовал мне заглянуть в районную газету пгт Доманевки. Достал газету и развернул. В глаза бросилась фотография преподавателя школы и окружавших его учащихся. Под фото – подпись, свидетельствующая о том, что для школьного музея школьники, со своим учителем во главе, в районе с. Анетовки на реке Бакшале собрали коллекцию кремневых изделий. Когда-то я знакомился с некоторыми публикациями материалов экспедиции БоГЭСа, где упоминается с. Анетовка и собранная Ф. А. Козубовским небольшая коллекция кремня¹⁶.

При случае я познакомил В. Н. Станко с газетной публикацией. При этом мы об-менялись мнениями о том, что не мешает разыскать в фондах Института археологии АН УССР анетовскую коллекцию, если она сохранилась, и ему с ней познакомиться.

Станко В. Н., как он мне потом рассказал, нашел в фондах Института археологии коллекцию кремня из Анетовки. Изучив ее, он выехал затем на место, где собрал кремне-вый подъемный материал и познакомился с кремнем в школьном музее. С тех пор и до конца дней своих занимался он исследованием нескольких стоянок эпохи палеолита у с. Анетовки¹⁷.

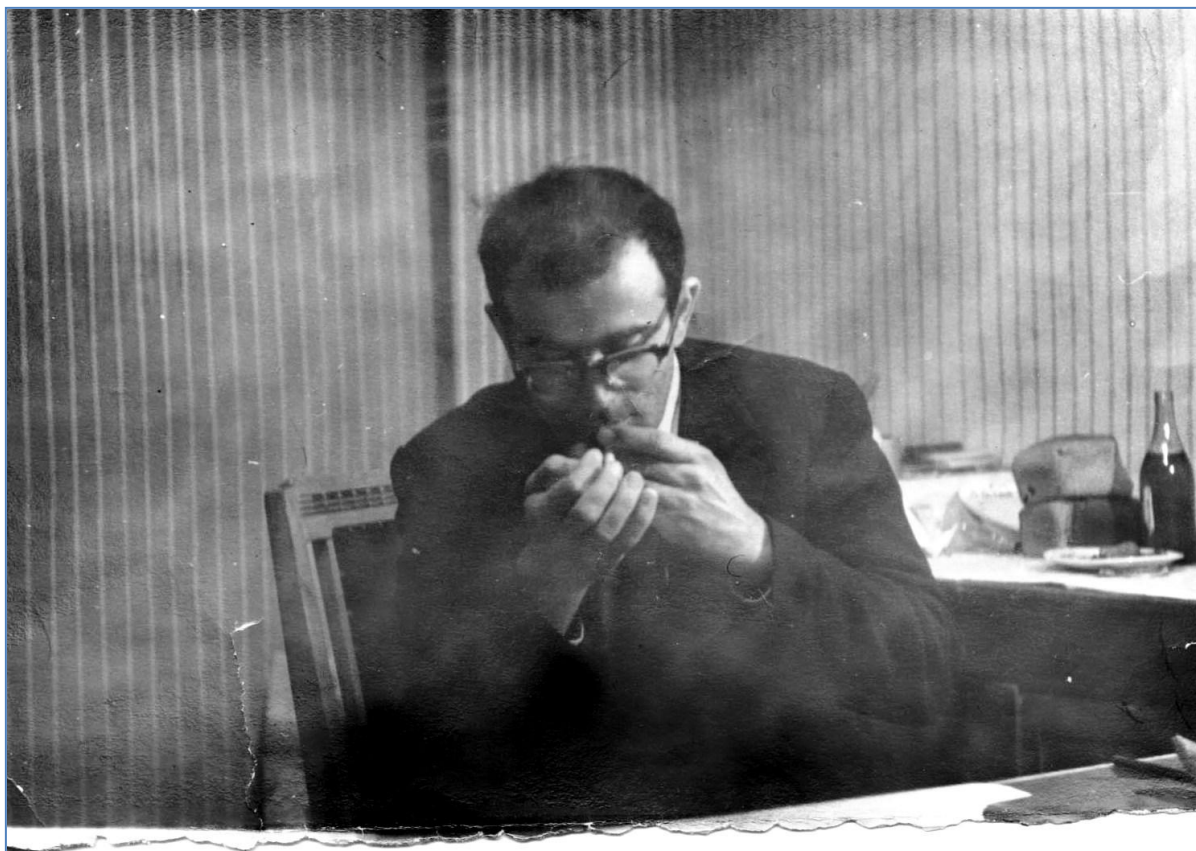
Вот так случайная заметка под фото в районной газете дала толчок к многолетним широкомасштабным международным исследованиям стоянок эпохи палеолита, которые, по словам В. Н. Станко, выявили и определили совершенно иной взгляд на древнейшую историю Северного Причерноморья и, в целом, Восточной Европы¹⁸. Мне

удалось побы-вать на месте раскопок стоянки Анетовки 2 в 1993 г. В этот полевой сезон мне довелось участвовать в работе Николаевской экспедиции (бывшей Ингульской) под руководством В. Н. Фоменко возле с. Виноградный сад, где на берегу Южного Буга раскапывались хозяйственно-бытовые комплексы поселения эпохи бронзы.

Узнав, что в Анетовке находится экспедиция под руководством В. Н. Станко, я пеш-ком прошелся в сторону села вверх по р. Бакшале, которую можно было перешагнуть. Первый раз, когда я пришел, студенты-практиканты сообщили, что мой друг уехал и не-известно, когда вернется. Во второй раз я его застал на раскопе.

Глубина раскопа в отложениях суглинка достигала около двух метров и чередо-

Рис. 3. Владимир Никифорович Станко.

валась культурными слоями. Увидев меня, В. Н. Станко выбрался из раскопа. Позднорва-лись. Он рассказал о некоторых особенностях раскопок этой стоянки. Сказал, что ожидает известного в среде археологов геолога и петрографа Виктора Федоровича Петруня. Вскоре появился и он, после чего мы втроем совершили своеобразную экскур-сию вдоль Бакшалы от места раскопок стоянки Анетовка 2 до места ее впадения в Южный Буг. При этом Виктор Федорович рассказывал о геологическом строении Бакша-лы, говорил о том, что ниже Анетовки могут быть найдены и другие стоянки... В. Н. Станко внимательно слушал, почти не задавая вопросы.

Как впоследствии выяснилось, шурфовка, проведенная по берегам Бакшалы, выя-вила культурные слои еще нескольких стоянок. Так научная интуиция не подвела двух исследователей.

Нельзя не отметить и ту черту характера Владимира Никифоровича, как оказание помощи тому, кто ее просит. Он всегда бескорыстно помогал всем в публикации статей и в защите диссертаций. Ведь он являлся членом редколлегии академического журнала «Археологія» и членом Ученого совета Института археологии НАНУ, на котором рассматривались и проводились защиты диссертаций.

Иногда он просил за кого-то. Так, например, он попросил меня предоставить материалы раскопок открытой мною мезолитической стоянки у с. Пелагеевка Новобугского района Николаевской области для Е. В. Смынтыны, чтобы сделать совместную со мной и с ней публикацию. Разумеется, я не мог отказать своему другу в его просьбе. И вскоре, после обработки кремневого материала и моего отчета по исследованию этого памятника, в журнале «Археологія» появилась публикация¹⁹. Правда, ее название было странным, если не ошибочным. Стоянка располагалась на правом берегу р. Ингул, а название почему-то отражало расположение этой стоянки на р. Южный Буг.

Когда скончался его отец, В. Н. Станко, оставив сыновьям Саше и Максиму свою квартиру в Одессе, переехал в обветшавший отцовский дом в Терновке. Устроился на работу в Николаевский педуниверситет и занялся ремонтом и реконструкцией дома. Работа эта требовала значительных усилий. Несмотря на перенесенный в свое время инфаркт и на постоянно беспокоившую его стенокардию, он с азартом взялся за дело. Помогали ему, в основном, друзья-болгары и знакомые, проживающие в Терновке: то покрыть крышу, то привезти песок, то разыскать фирму, которая согласилась бы за не очень большую цену поставить новый забор...

В самый разгар ремонтных работ он как-то проводил меня по своим апартаментам и рассказывал, что теперь будет два входа в дом, что он сделал подсобные помещения: туалет, кладовую, парилку («Так что можно теперь приходиться париться!»), где будет его кабинет.

На ремонт уходило много времени и денег.

- На устройство по-новому дома ушла вся моя Государственная премия, - признался мне Владимир Никифорович.

А ведь совсем недавно, раскрыв журнал «Археологія» за 2003 год, № 1, я увидел, скорее, угадал, нечеткие изображения на фото сидящих возле президента Украины лауреатов Государственной премии за трехтомный труд «Давня історія України», среди которых находился и В. Н. Станко.

Благоустройство дома делалось с дальним прицелом на то, что наконец-то В. Н. Станко, после ремонта и перестроек в доме, сможет отдохнуть.

- Устал. Очень устал, Вася, - говаривал он мне неоднократно.

- Так в чем же дело? Брось все это и отдыхай...

- Не могу. Надо завершить ремонт и кое-какие дела... Да и Максиму надо помогать.

От последнего брака у В. Н. Станко остались сыновья, которых он воспитывал. Саша стал врачом-хирургом и остался в Одессе, а второй сын - Максим - учился в Афинском университете и мечтал заниматься античной археологией.

Перед тем как поехать в Терновку, я обычно звонил В. Н. Станко по телефону, справляясь, когда можно приехать. Он отвечал по-разному, в зависимости от занятости или от состояния здоровья. Иногда говорил:

- У меня гости. Приезжай через пару дней. Предварительно позвони.

Однажды я приехал к нему в Терновку и застал за физической работой: укреплением столбов для подвешивания виноградных лоз. Земля была твердая, примороженная, с трудом поддавалась лопате. Я хотел было ему помочь, но он остановил меня, кратко сказав:

– Я сам.

И, мне кажется, что этот принцип: «я сам» он пронес через всю свою жизнь, это выражение было девизом всей его жизни.

После того как В. Н. Станко вернулся в отчий дом, к нему все чаще и чаще стали на-ведываться друзья-болгары, преподаватели вузов, гости из Одессы, Херсона и других городов, да и из Болгарии. Одни – за советом, другие – чтобы пообщаться, третьи – за помощью, четвертые – по делу.

Никому ни в чем он не отказывал. И его дом превращался, несмотря на ремонтные работы, в своеобразный мозговой центр.

Но болезни все чаще и чаще давали о себе знать. И все чаще Владимир Никифорович жаловался мне на них. Я ему советовал разное: и не обращать на них внимания, и каждый день есть чеснок от стенокардии, и сопротивляться им народными средствами (достал ему «Полную энциклопедию народной медицины», которую он проштудировал). И еще он мне признался, что при одном из обследований врачи объявили ему, что где-то в его организме засел тромб, и это очень опасно для жизни.

Летом 2007 года при Николаевском государственном гуманитарном университете им. Петра Могилы стала формироваться кафедра истории при факультете политических наук. Туда и пригласили на работу В. Н. Станко. Ему сразу же предложили должность зав. кафедрой, но он отказался. Из-за приступов стенокардии и прочих болячек, как он мне признавался.

Затем как-то в начале сентября он позвонил мне и сказал:

– Я бы хотел, чтобы ты студентам проводил практические занятия...

– Но, Володя, ведь у меня нет базового, исторического образования.

– Не страшно. Зато у тебя есть научные публикации. Составь их список, зайди в отдел кадров, оформи соответствующие бумаги и приступай к работе.

Так я стал проводить под руководством В. Н. Станко практические занятия. Конечно, приходилось к ним основательно готовиться. Многое из того, что я когда-то знал из области археологии, истории первобытного общества и этнографии, устарело.

Наука двигалась вперед, и В. Н. Станко подсказывал, какими статьями, учебниками и монографиями, изданными в последние годы, необходимо руководствоваться при про-ведении практических занятий. Он предложил провести в виде практических занятий экскурсии студентам на месте раскопок в Матвеевском лесу стойбищ-летовок эпохи бронзы Матвеевка 2 и Матвеевка 3. А затем предложил выехать в заповедник Ольвия, где я провел студентам экскурсию. Университет при этом предоставил для поездки автобус.

С В. Н. Станко приятно было работать. Он как преподаватель с большим стажем знал буквально все: и как оформлять разного рода бумаги, и как вести себя со студентами, и как... Словом, я чувствовал себя рядом с ним все увереннее и увереннее. Стал он делиться со мной и планами на будущее. По его инициативе в аудитории, где обычно проводились занятия по кафедре истории, были установлены витрины-шкафы, в которых В. Н. Станко планировал разместить музей по истории исследования памятни-

ков археологии на территории Николаевской области. А в верхнем ярусе этих витрин-шкафов должны быть портреты наиболее известных исследователей: Н. Н. Аркаса, Ф. Т. Каминского, Б. В. Фармаковского, О. Г. Шапошниковой и др. Здесь же должны были быть представлены подлинные артефакты различных эпох.

Уже для будущего музея мы с В. Н. Станко стали собирать портреты выдающихся археологов. И договорились, что будем все это сосредоточивать у него на дому. Я привез ему редкую фотографию Ф. Т. Каминского и графический портрет Б. В. Фармаковского, выполненный моим братом художником М. И. Никитиным.

Затем у нас возникла идея написать совместную брошюру-портрет об исследованиях стоянок эпохи палеолита у с. Анетовка. Уже готово было и название: «Анетовка 2. Стойбище и святилище охотников на бизона». Мы уже стали подбирать и иллюстрации для этой будущей брошюры-проспекта. Причем В. Н. Станко достал с полки французский журнал с яркими иллюстрациями раскопок стоянок на р. Бакшала и сказал:

– Я думаю, что такие иллюстрации как нельзя лучше подойдут к тексту. А там мы еще сделаем цифровым аппаратом другие снимки. Вот этим аппаратом. Получится неплохая брошюра с хорошими иллюстрациями.

И еще он предложил мне начать освобождаться от той литературы по археологии, истории первобытного общества и этнографии, которая была у меня либо в двух экземплярах, либо – лишней, и приносить на кафедру, чтобы ею могли пользоваться не только преподаватели, но и студенты. Я понемногу начал приносить отдельные монографии, чешские и польские журналы по археологии.

Станко все не удавалось это сделать, но затем он сразу же привез несколько ящиков литературы, которые потом пришлось разбирать и описывать.

Но вот наступил в его жизни роковой момент.

Как-то приехал я к нему в Терновку в один из выходных дней. Он сразу же напоил меня чаем с бутербродами, так как не мог не угостить гостя и друга. Перешли с ним в его кабинет, уставленный вдоль стен стеллажами с книгами и журналами. Усадил меня в кресло. А сам сел возле компьютера. Беседа наша велась, в основном, о будущей брошюре-проспекте, об иллюстрациях к ней, о материалах для музея, о процессах и методах преподавания.

И как-то неожиданно Володя заявил:

– Видимо, придется мне ложиться на операцию в Одессе. Аденома, как будто признают врачи.

– Может быть, повременишь, Володя?

– Да сколько можно терпеть? Уже сил никаких нет все это терпеть. Там, в Одессе, все же хорошие специалисты-хирурги, знакомые Саши. Они, надеюсь, сделают квалифицированную операцию. Но ты, пожалуйста, на кафедре об этом никому не говори... и еще. Если я не вернусь после операции – я завещаю свою библиотеку кафедре...

На следующий, после нашего с ним разговора, день он уехал на операцию.

Я с трепетом ждал, как и кафедра истории, результатов операции. Прошло несколько дней, и кто-то мне позвонил и сообщил об уходе из жизни моего друга.

Как удар ножа в сердце мною было воспринято это сообщение.

...Ушел из жизни друг и наставник. Остались неосуществленными многие наши планы.

Тем не менее, как мне кажется, он с достоинством выполнил свое предназначение в этом мире, несмотря на многие препятствия, которые ему ставила сама жизнь.

И пока мы, знающие тебя, дорогой Владимир Никифорович, дорогой мой друг Володя, живем, в сердцах наших навсегда останется память о тебе. А твои статьи и моно-графии останутся вечным тебе памятником!

Post scriptum: К сожалению, не все поддается воспоминаниям. Но те, наиболее яркие страницы нашей дружбы, мне, надеюсь, удалось воспроизвести.

4. Спомини Т. І. Максим'юка²⁰

Ми з Володимиром Станко походимо з Миколаєва, але там не зустрілись і познайомилися саме в Одесі. Я приїхав сюди влітку 1960 року на Республіканську спартакіаду, і вирішив ще в Миколаєві, де закінчив того ж року середню школу № 5, взяти з собою документи для вступу на вимріяний ще з часів навчання в школі історичний факультет Одеського університету. Змагання пройшли прекрасно. Наша волейбольна команда Миколаївської ЮСШ зайняла, здається, якесь призове місце. А от здавати іспити на історичний факультет мені так і не випало, бо дівчина з Приймальної комісії сказала мені, що вже запізно здавати документи. Я ж, щоб не повертатися «під щитом» до рідного, сусіднього з Одесою, Миколаєва, як спортсмен, причому дуже успішний, «за кампанію», без особливих зусиль, поступив на факультет промислового та цивільного будівництва Одеського інженерно-будівельного інституту (сьогодні це Будівельна Академія), бо тоді була певна мода на спорт в вищих учбових закладах. Я, звичайно, був не одиноким, десятки учасників республіканської спартакіади, одеситів та миколаївців, стали тоді студентами одеських вузів.

На момент закінчення 10-го класу я вже мав певну археологічну «освіту»: участь в розкопках під керівництвом Л. Славіна з Києва на поселені Дикий Сад в самому Миколаєві, розкопках курганів під Новогригорівкою біля Вознесенська, які копала Н. Єлагіна з Москви. Ще були відвідини Ольвії, авторські археологічні розвідки на околицях Миколаєва, на все це благословляв нас (моїх однокласників Олександра Богдана, Віктора Крученка, а також Анатолія Шаповалова, та старшого за нас, відомого сьогодні археолога Василя Нікітіна) наш вчитель – Феодосій Тимофійович Камінський (1888-1978), директор у 20-х роках Миколаївського історико-археологічного музею та заповідника «Ольвія». Тоді, у 1956 році, коли ми з ним познайомилися, він вже кілька років працював мабуть старшим науковим співробітником Миколаївського, вже просто за-штатного, малоцікавого краєзнавчого музею, повернувшись з 24-річного перебування в радянських таборих та на засланні за український буржуазний націоналізм. Ця високо-культурна та порядна людина організувала гурток юних археологів при музеї і заклала в нас основи патріотизму, культури, справжньої любові до рідного краю.

Не попавши на навчання до історичного факультету, я не зміг позбутися любові до археології і почав активно спілкуватися з працівниками Одеського Археологічного музею. Можливо і знайомство з Володимиром Станком припадає на 1961-1962 рр. Тоді нас об'єднувало, як мені згадується, патріотичне відношення до Миколаєва, своєї малої Батьківщини. Мені як археолога-дилетанта тоді більше приваблювала антична археологія, більш зрозуміла, доступна, з прекрасними пам'ятками, тому зацікавлення В. Стан-

ка кам'яною добою мені було мало зрозумілим. Це вже пізніше я збагнув під впливом своїх старших товаришів-археологів наскільки є цікавою історія доантичної та післяантичної епох.

В 1962 році я, часто буваючи в Археологічному музеї, познайомився зі своєю майбутньою дружиною, випускницею історичного факультету ОДУ Гансовою Еммою Августівною і через неї в мене налагодився контакт з багатьма її однокурсниками та викладачами істфаку. Декотрі з них стали моїми друзями, як, наприклад, П. Секерський, С. Булатович, О. Брик, Р. Бондарь та ін. А викладачі П. Каришковський, М. Синицин, С. Ковбасюк, А. Бачинський, В. Алексеев-Попов, О. Меліхов, Ф. Гудимович, В. Галяс, це історики, філологи – А. Недзвідський, П. Данилко, А. Москаленко, П. Маркушевський часто мені допомагали як колекціонерів українці в поповненні моєї збірки, ділились, по змозі, спогадами, бачили в мені хоч і в малій мірі свого молодшого колегу, хоч я був студентом технічних вузів, а згодом просто інженером. З вдячністю згадую їх всіх.

В жовтні 1961 року відбулися другі збори членів Одеського археологічного товариства (ОАТ), що намагались продовжити традиції Одеського товариства історії та старожитностей. Я, здається, став його членом у 1961 р. Тоді в Миколаєві практично не було археологів-професіоналів, і наш гурток археологів-дилетантів спробував організувати філію Археологічного товариства в Миколаєві, але, наскільки я пам'ятаю, з цього нічого не вийшло, хоч нас тоді підтримав Ф. Т. Камінський. Я, як один з наймолодших членів ОАТ, з внутрішнім піднесенням відвідував всі засідання зборів, які проходили в Будинку народної творчості, що розміщувався тоді по вулиці Гоголя в будинку № 2 і навіть їздив з учасниками зборів на розкопки Тіри та Ніконія, тоді останній ще не мав сьогоднішньої назви. Можливо, я контактував зі В. Станком і під час других зборів членів ОАТ, не пам'ятаю, бо на цих зборах сяяли зірки значнішого тоді масштабу в археології – директор Ермітажу М. Артамонов з дружиною, антрополог М. Герасимов, здається, В. Блаватський. Цікавими для мене постатями були кияни М. Браичевський, Б. Лапін, В. Збеневич. У останніх двох я брав участь на розкопках: у Лапіна – на Березані у 1967 р., у Збеневича – в Усатово та Маяках у 60-х рр. Я тоді вже мав фотоапарат, і дехто з учасників того наукового симпозиуму залишився на фотокартках.

А з В. Станком був у мене ще один привід зблизитись. Цей привід був чисто археологічний, а якщо точніше – чисто мезолітичний. Справа в тому, що ми з моїм однокласником Віктором Крученком під час літніх канікул після закінчення 9-го класу у 1959 р. задумали провести археологічну розвідку по лівому берегу річки Південний Буг, від Вознесенська до Первомайська. Це була не тільки археологічна розвідка, а й відвідування пам'яток козацької доби – місця Бугогардівської паланки в районі с. Костянтинівка, зараз біля Южноукраїнська, знамените село Мигоя, той же Вознесенськ – Соколив та Первомайськ – Орлик. Тим більш, що у Вознесенську, в районі з гарною назвою Натягайлівка жила моя бабця по мамі Іванчук Юлія Степанівна. Ми уважно по змозі вивчили книжку І. Фабриціус «Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР» (К., 1951), і наш вибір впав на цей відрізок течії П. Бугу, єдиної великої річки, що всією своєю течією проходить по території України і котра колись мала назву не Південний Буг, а *Бог*! А слово Буг – це польський відповідник українського і російського слова Бог, так що ми можемо сьогодні повернути суто українську назву чисто українській річці.

Ми, безумовно, не знали, що за рік до нашої розвідки подібну розвідку зробила група археологів Одеського археологічного музею у складі Є. Патокової, В. Цибескова, А. Кравченко, А. Загінайла, І. Клеймана та ін. Але цей великий колектив йшов правим берегом П. Бугу від Саврані через Первомайськ, Вознесенськ, Миколаїв. Звичайно, у одеситів значна кількість людей, маршрут значно довший – під 300 км, замість десь 70-ти наших. Але нашій тодішній завзятості я й сам сьогодні, через півстоліття, дивуюсь.

Ф. Т. Камінський видав нам рукописне посвідчення (воно в мене є по сьогодні), в якому було простою ручкою фіолетовим чорнилом написано: «Настоящим удостоверяет-ся, что тов. Максимюк Тарас Иванович, тов. Крученко Виктор Константинович – юные краеведы, комсомольцы, ученики 10 класса средней школы № 5 города Николаева, участ-ники ряда археологических экспедиций, выступили для выполнения археологической разведки вверх по р. Бугу, по обоим его берегам от города Вознесенска до г. Первомайска включительно. Просьба оказывать содействие юным краеведам в их работе по изучению родного края. Директор». На цьому посвідченні, на жаль, не було ні печатки, ні підпису, та й ми його нікому не показували – не треба було.

Можливо ми й мали бажання пройти з розвідкою й по правому берегу П. Бугу, від Первомайська і до Кантакузівки, але пройшли тільки лівим берегом вверх по течії. Ми обидва з Віктором були зі звичайних небагатих родин, не мали ми ні намету, ні спальників, хіба що прості ковдри, не було у нас і значних коштів. Брикети каші, кави, можливо згущене молоко, навряд чи м'ясна тушонка, подробиць не пам'ятаю. Але було нестерпне бажання пройти. І ми пройшли, і, як виявилось пізніше, зробили таки певне відкриття.

В районі с. Олександрівка, де ми опинились на другий день нашого переходу по поймі Бугу, мабуть на древній терасі знайшли якусь кількість кременевого матеріалу, серед якого, досі пам'ятаю, один тоненький олівцеподібний нуклеус. Більше нам по дорозі нічого путнього не знайшлося.

В Миколаєві ми звітували перед Ф.Т. Камінським і віддали в музей все, що знайшли. А через кілька років, коли я вже жив в Одесі і вчився в Інституті інженерів морського флоту, куди втік з будівельного інституту, рятуючись від служби в доблесних радянських військах, мене знаходить В. Станко і просить поїхати з ним до Олександрівки і показати місце, де ми зібрали той кременевий матеріал, що здали до Миколаївського краєзнавчого музею. Виявилось, що ми знайшли якусь необхідну ланку для зв'язку стоянок мезолітичного періоду типу Кукреку.

В Олександрівці до нас двох приєднався геолог В. Ф. Петрунь, син відомого одеського географа Ф. Є. Петруня, члена ОАТ. Після цього, через деякий час, з'явилась в збір-нику «Памятники древних культур Северно-Западного Причерноморья» (К., 1981) стаття «Позднемезолитическое местонахождение кукреского типа на Южном Буге», де мене включили як третього автора, разом з В. Станком та В. Петрунем, хоч до написання статті я не мав ніякого відношення. В. Станко казав, що так треба, бо прийнято в науковому світі брати в співавтори першовідкривачів археологічних пам'яток, тим більше, що я їздив з ним безпосередньо на саму стоянку. А в примітках до статті було зазначено, що Абузову балку, цей топонім був почутий саме під час нашого спільного перебування на стоянці, відкрили у 1959 році школярі Т. Максим'юк та В. Крученко.

Їздив я також на розкопки, які вели В. Станко та його учениця С. Смолянїнова на околиці с. Івашків Кодимського району. Познайомився з друзями Володіними, подружжям Мисаренків з Тернівки, які в таборі сушили різані яблука для узвару, зібрані в старо-му сусідньому колгоспному саду, що розташувався біля ярка з джерелом, де розмістились намети. З учасників експедиції пам'ятаю І. Сапожнікова, Є. Шенкера. Мисаренків він рекомендував пізніше на цікаві розкопки у Середній Азії, де працював відомий археолог, його знайомий по Москві – Масон.

Бував я у В. Станка в комунальній квартирі на розі вулиць Новосельського (тоді Островидова) та Толстого. Саме з цієї квартири він разом з сім'єю переїхав в нову кварти-ру на селищі Котовського, на проспекті Добровольського, яку йому допоміг отримати ректор ОДУ – Богатський.

Десь вже в далекому 1983 році, скориставшись з свого тодішнього перебування в Києві, пішов спеціально в Видубицький монастир пішки від моста Патона, а була холодна, чисто зимова погода з вітром і снігом. Там тоді був розташований Інститут археології АН УРСР. В той день був захист його докторської дисертації. Там єдиний раз бачив тодішнього директора інституту С. Бібікова. Згадую, що ми вели розмови з приводу створення одеського відділу Інституту археології Академії наук України, ініціатором якого він був, його ж він і очолив.

Чисто людські і благородні риси були йому властиві, як і принциповість, інколи навіть непримиренність. Пам'ятаю, як він розповідав про його опікування долею Іванова Чернякова.

Один чи два рази бував у нього на дачі, у Візирці. Володі в будівництві, її обладнанні допомагали друзі-односельці з Тернівки, серед яких фігурував Атанасов. Володя дуже хотів влаштувати в тому будинку свій кабінет, приїздити туди попрацювати, приймати гостей, можливо попрацювати біля землі. Але коли цю дачу пограбували, то він «поставив на ній хрест».

Коли до моєї бібліотеки-колекції потрапила книжка російського літератора О. Амфітеатрова «Страна раздора» про події в теперішній Македонії, що відбувалися наприкінці ХІХ – початку ХХ ст., то я сказав йому, що переселенці до с. Тернівки на самому початку ХІХ ст. в більшості своїм були македонцями і, відповідно, він є македонцем, на що Володя мудро усміхався, не вступаючи в полеміку і не виставляючи доказів ні на одну, ні на другу версію. До речі, теза про те, що серед болгар, які на самому початку ХІХ століття переселились на південні українські землі України, були і македонці, знайшла випадково підтвердження у 80-х роках ХХ ст. Коли мама відомого одеського історика Ю. Слюсаря побувала у Болгарії, то місцеві болгари відзначили в її болгарській мові, а вона – нащадок тих переселенців, архаїзми, пов'язані з македонською мовою. Це я знаю з оповіді самого Ю. Слюсаря. Як писав в своїй книжці О. Амфітеатров, коли македонця питали хто він є, то залежно від ситуації той говорив «Срб» або «Блгарин», а в звичайній ситуації казав що він «Члк», тобто – людина. І я особисто привітав Володимира Станка, як македонця, коли на карті Європи з'явилась держава Македонія.

У 1997 р. вийшов з друку експериментальний навчальний посібник з краєзнавства «Ми – Одесити», де був надрукований урок 31 – «Живопис і архітектура», що написав я. Мною також були надані декотрі ілюстрації до цього посібника, до якого професійні історики поставились можливо з певною зверхністю. Володя попросив мене теж дати

ілюстрації до «Історії Одеси», написаної великим авторським колективом, головним чином викладачами історичного факультету ОДУ, тепер ОНУ. Коли книжка вийшла з друку у 2002 р. я побачив згадку про себе в післямові. Безумовно, він мені подарував примірник цього видання.

Завдяки сприянню В. Станка я взяв участь у роботі Четвертого народного конгресу українців, що відбувся в Одесі 26-29 серпня 1999 року і був я, мабуть, там чи не єдиним учасником серед істориків, який не мав фахової історичної освіти. Моя публікація «Авто-біографія Віталія Боровика (1864-1937), одного з засновників

«Братерства Тарасівців»» була надрукована в томі доповідей та повідомлень цього конгресу, що побачив світ того ж року.

Побували ми з дружиною і на святкуванні семидесятиріччя з дня народження В. Станка, яке було урочисто проведено в Одеському Археологічному

музеї, щиро його пошанували. Це було своєрідне свято одеської школи дослідників кам'яної доби.

Він мене запрошував приїздити до Тернівки, і я планував туди поїхати, щоб заодно і відвідати могили рідних, які поховані в Миколаєві. А побувати вперше в батьківському домі Володимира Станка прийшлося вже під час його похорон, куди я спеціально поїхав, приєднавшись до його колег, учнів, друзів, автобусом від історичного факультету ОНУ. І, здається, я був єдиним, хто цей похорон зафіксував на фотошліві.

Рис. 4. На похованні В. Н. Станко. Поховальний хід

Безумовно, гордістю В. Станка, як археолога, було відкриття та дослідження ком-плексу

Рис. 5. На похованні В. Н. Станко.

Бачечки Бакшали, правого Александрівки з її Абузовою в 1886 чи 1887 роках разом з її сестрою якою по мамі опинились в Одесі в час світової війни, де їх спасли євреї.

Встановлення каменя-стели на місці їх Анегівки. Поїхав якимось човном, а вплав, причому з травня по червень це о 10-й годині ранку, а

далі був піший перехід під палючим сонцем до Шуцьких хуторів, куди прийшов десь на 16-ту годину дня і тільки від хуторів, де залишилось всього кіль-ка хат, де живуть селяни, мене випадково підвіз до Анетівки на своїй машині бджоляр, який тримає пасіку на хуторах. І під час цього переходу я вперше відчув свій вік, а виїхав я на День археолога 15 серпня, а шістнадцять днів перед тим проминув мій 65-й рік. Урочисто було відкрито символічну камінь-стелу археологами і друзями В. Станка з Одеси, Миколаєва. А побувати на відкритті пам'ятної дошки на будинку, де він жив в Тернівці та на Станківських читаннях в Миколаєві мені не пощастило.

Спілкування з такими могутніми інтелектуально людьми, як вчені і викладачі, люди з Великої Літери, Петро Йосипович Каришковський та Володимир Никифорович Станко дало мені, як пересічній людині, дуже багато. Хай їм буде земля пухом та Царство небесне! Слава їм!

Одеса, 19 березня 2009 року.

5. Спомини О. С. Атанасова²¹

Володя Станко родився в болгарском селе Терновка (ныне город Николаев), в семье Никифора Дмитриевича и Марии Федоровны, происходящих от первых болгар-переселенцев в село. После утраты двух дочерей в возрасте до двух месяцев, Мария Федоровна снова была на сносях. Не скрывая своего огорчения, Никифор Дмитриевич с сожалением смотрел на свою отчаявшуюся жену. Но на этот раз все было благополучно – родился сын. Это был февраль, 19-го числа 1937 г. Назвали малыша Владимиром, в честь родного брата Марии Федоровны. Мать не чаяла души в нем и берегла, как могла.

До войны от молнии сгорел их дом крытый камышом. Семья жила в землянке: баба Митрувица (мать Никифора) – бабушка-певунья, отец, мать и Володя.

Когда мальчик подрос, с ним произошел такой случай: Володя вышел со двора и направился к своему другу Ване Яно. В его дворе стояла стайка мальчишек постарше. Обойдя немецкого офицера, ребят, которые что-то мастерили, Володя увидел Ваню, стоявшего у двери дома, подошел и встал рядом. Падают снаряд, убивает старшего брата Вани, ранит Ваню Сербина и других мальчишек. Немец, Володя и Ваня остались невредимыми. Это было 26 марта 1943 года, накануне освобождения Красной Армией Терновки...

В школу Володя пошел с переростками. В школе обучение велось на русском языке. Хотя никто из ребят не владел русским языком, выучились. Володя учился хорошо. С пятого класса посещал кружки: струнных инструментов, театральный, авиамодельный и др. Позже, это пошло ему на пользу. Обучаясь в университете в Ростове-на-Дону, играл в знаменитом ансамбле струнных инструментов университета. А затем подрабатывал в Одесском оперном театре.

По окончании школы был представлен к золотой медали, но в те времена болгарам золотые медали не давали, как и звание Героя Советского Союза. Вместо него медаль получил одноклассник.

Поступал в Кораблестроительный институт (г. Николаев). Но на медкомиссии его забраковали из-за близорукости. Володя обратился к своему дяде – ректору института, и – снова отказ. Отчаявшись, приходит ко мне и предлагает поехать в Киев. Едем втроем

по одному билету – Володя, я и Толя Терновой, который едет проездом через Киев в Станислав. В Киеве Министерство подтверждает отказ.

Год потерян. Весь этот год работает электриком. Через год провожаем его в Ростов-на-Дону, где Володя поступает на исторический факультет. Живет в общежитии. Через некоторое время переводится в Одесский университет и оканчивает его в 1960 г. Живет у нашего любимого учителя математики Ангелова Дмитрия Кирилловича. Жена Дмитрия Кирилловича, тетя Фрося, знаменитая женщина, позже спасла кандидатскую диссертацию, написанную Владимиром Станко. После разноса руководителя, Володя сидел уставший от проделанной работы. Тетя Фрося находит диссертацию в плите. Она кладет ее в руки Володе и говорит: «Спокойно пересмотри ее и подправь, и все будет в порядке». Кандидатскую диссертацию Владимир успешно защитил в Киеве.

С докторской у нас было проще. Володя заехал в Терновку и обговорил с друзьями, что желательно взять с собой. Так мы и сделали. Тетя Фрося уже была в Киеве. Ночуем на квартире Ивана Чернякова. Находим ее. Нас встречают. Разгружаем припасы...

Посещал я Станко в Институте археологии АН Украины, когда Володя учился в аспирантуре.

Общение со Станко позволило приобщить к археологии учеников Терновской школы. Зачастую, во время летних каникул, на раскопках в Анетовке (Доманевского р-на Николаевской области) недостающих студентов заменяли школьниками. Работали добросовестно и с энтузиазмом. Повзрослев, многие в летние отпуска приезжали на раскопки. Обеспечивали экспедицию Шапошниковы. Анетовку посещала Ганна из Санкт-Петербурга с семьей несколько сезонов. Муж ее приезжал с собакой. Экспедиции всегда были интересными. Возглавляла их Шапошникова, Станко был замом. Работали на землях сел Софиевка и Пелагеевка, раскапывали курган. А в Анетовке Станко раскапывал каменный век. Рядом протекала река Бакшала. Раскопки велись с 6 часов утра до 2-х часов дня. Вечерами организовывали концерты для местных жителей.

Кроме Анетовки 2 его привлекали изменения рельефа в виде тарелок, размером больше стадиона, расположенных недалеко друг от друга. Дал ли этому объяснение Станко – неизвестно. Он В. А. Ранову эту тайну не раскрыл, сказал – после опубликования.

6. Спомини О. І. Дьоміної

Я хочу рассказать о В. Н. Станко, как о близком родственнике.

С Владимиром Никифоровичем мы тесно общались более 40 лет, с 1965 года, когда он, будучи зам. директора Одесского археологического музея, принял активное участие в устройстве моей судьбы, тогда еще только что закончившей среднюю школу. Терпеливо консультировал меня по предметам экзаменов при поступлении в университет, устроил на работу.

При постоянной занятости он всегда находил возможность общаться с родственниками, его дом был всегда открыт для всех, несмотря на то, что многие годы Владимир Никифорович прожил с семьей в очень сложных жилищных условиях в коммунальной квартире.

Он считал, что человек не должен забывать свои корни и старался так воспитывать своих сыновей. Трогательно, терпеливо и заботливо относился к своим детям, внучке

Сашеньке. С большим уважением и любовью относился к своим родным, очень любил свою мать, которую рано потерял.

Был абсолютно безотказным человеком, если кто-либо обращался к нему с какой-либо просьбой, он никогда не отказывал, не забывал и старался тут же помочь.

На семейных торжествах умел найти очень хорошие, добрые и красивые слова, чтобы поздравить нас с юбилеем, праздником. Особенно этого ждали мы, женщины, потому что его поздравления всегда носили особенный, неповторимый характер.

Необыкновенно увлекательно рассказывал о своей творческой деятельности, был очень интересным собеседником. Мы всегда удивлялись его удивительной работоспособности. Он всегда был занят, как в молодые, так и зрелые годы.

Я благодарна судьбе, что столько лет рядом с нами находился такой человек, как В. Н. Станко – умный, добрый, внимательный.

В последний день его жизни я общалась с Владимиром Никифоровичем, он находился в больнице, перенес тяжелую операцию, но ни на что не жаловался, наоборот, читал газету и был полон творческих планов и сил, однако жизнь его неожиданно для всех трагически оборвалась, произошло то, во что мы до сих пор не можем поверить.

Скоро год, как Владимира Никифоровича нет с нами, но мы постоянно его вспоминаем, помним о нем. Для нас всех это очень тяжелая, ничем невозполнимая утрата.

Вечная ему память!

ПРИМІТКИ:

1. Відносно повні списки робіт В. Н. Станко були опубліковані тричі – до його 60-річчя, 70-річчя та роковин смерті (див. вище). Пропонований список – найбільш вичерпний і точний з існуючих.

2. Автор цих рядків – Агбунов Михайло Васильович, який народ. 1952 р., відомий археолог, історик, письменник, автор численних наукових та науково-популярних публікацій, присвячених переважно скіфо-античному періоду в історії Причорномор'я. При підготовці до видання цього випуску він раптово пішов з життя.

3. Черняков Іван Тихонович, народ. 1936 р., відомий археолог, кандидат історичних наук, автор численних наукових публікацій, у тому числі монографій, присвячених проблемам археології енеоліту та бронзової доби Північно-Західного Причорномор'я, а також науково-популярних видань з історії краю.

4. Багато з фактів та/або їхніх інтерпретацій, що наводяться І. Черняковим, суперечать іншим свідченням, проте редакція вирішила за можливе навести ці спогади в авторській редакції.

5. Нікітін Василь Іванович, народ. у 1938 р. у м. Миколаїв. Понад 40 років приятелював з В. Н. Станко, їхні долі постійно перепліталися. Останній рік життя В. Н. Станко працював під його керівництвом на кафедрі історії Миколаївського державного гуманітарного університету ім. Петра Могили.

6. *Никитин В., Черненко Е.* Скифский курган в Николаеве // АИУ за 1965-1966. – 1967. – Вып. 1. – С. 109-110;

7. *Станко В. Н.* Детское захоронение кочевника XI в. возле с. Тузлы // ЗОАО. – 1960. – Т. 1. – С. 281-184;

8. Никитин В. И. Охранные раскопки кургана у с. Гороховка Николаевской области //КСОГАМ за 1963 год. – 1965. – С. 47-51;
9. Черняков И. Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. – К., 1985. – С. 24-25, 34-35.
10. Древности Поингуля. – К., 1977.
11. Станко В. Н., Григорьева Г. В. Исследование памятников каменного века на р. Ингул //Древности Поингуля. – К., 1977. – С. 37-65.
12. Баран В. Д. Максимов Е. В. Наукова конференція в Ужгороді //Археологія. – 1971. Вип. 2. – С. 113-115;
13. Бибииков С. Н., Мезин. «Праздничный дом» и костяной музыкальный комплекс //СА. – 1978. – № 3. – С. 29-46; его же. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. – К., 1981;
14. Станко В. Н. Мезолит Северо-Западного Причерноморья. Автореферат дис. ...канд. ист. наук. – К., 1967.
15. Станко В. Н. Передумови становлення відтворюючої економіки в степах Північного Причорномор'я //Старожитності Миколаївщини. – Миколаїв, 2002. – С. 11-21.
16. Козубовський Ф. А. Археологічні дослідження на території БоГЕС у 1930-1932 рр.: Підсумки археол. розвідкових робіт в р-ні майбутнього підтоплення Бозької гідроелектроцентралі / ВУАН. – К., 1933; Козубовський Ф. А. Первісна стоянка на р. Бакшалі коло с. Анегівки //НЗ УУМК. – 1935. – № 516. – С. 177-178.
17. Станко В. Н. Некоторые итоги изучения позднего палеолита Северо-Западного Причерноморья (Южно-бугская группа памятников) //Археология и этнология Восточной Европы: материалы и исследования. (Сборник научных работ, посвященный 60-летию В. Н. Станко). – Одесса, 1997. – С. 14-27.
18. Станко В. Н. Некоторые итоги изучения позднего палеолита...; его же. Динамика процесса формирования народонаселения Северо-Западного Причорномор'я в позднем палеолите и мезолите. (К вопросу о Черноморском потопе) //Человек в истории и культуре. Сб. научных работ в честь 70-летия лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук, Владимира Никифоро-вича Станко. – Одесса-Терновка, 2007. – С. 22-28.
19. Нікітін В. І., Сминтина О. В. Нова гребенниківська стоянка на Південному Бузі //Археологія. – 1996. – № 2. – С. 72-79.
20. Максим'юк Тарас, народ. у 1943 р., земляк та друг В. Н. Станко, заслужений працівник культури України, Перший заступник голови правління Одеського обласного відділення Українського Фонду культури.
21. Атанасов Олександр Степанович, народ. у 1937 р., односелець та друг дитинства В. Н. Станко, голова Тернівського болгарського товариства ім. Івана Вазова.

В. Н. СТАНКО КАК ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

Родился Владимир Никифорович 19 февраля 1937 г. в с. Терновка под Николаевым в простой болгарской семье. С детства помогал родителям по хозяйству, рос трудолюбивым, основательным, не по годам серьезным. Эти черты в дальнейшем сыграли большую роль в становлении его как ученого.

Путь в науку был непростым. Еще подростком В. Н. Станко увлекся морской роман-тикой и после окончания средней школы подал документы в Николаевский корабле-строительный институт, но из-за слабого зрения не прошел медицинскую комиссию. Это был первый поворот Фортуны.

Поработав год электриком на Николаевской электростанции, он решил поступать на юридический факультет университета в Ростове-на-Дону, но и там не прошел медицинскую комиссию. И абитуриент тут же подал документы на историко-филологический факультет того же университета, успешно сдал вступительные экзамены и поступил. Это был второй поворот Фортуны.

Однако историко-филологический факультет Ростовского университета не полностью отвечал его устремлениям. И после второго курса студент В. Н. Станко перевелся на исторический факультет Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова. Здесь юноша нашел себя. На кафедре истории древнего мира и средних веков началось становление археолога В. Н. Станко. Это был третий поворот Фортуны.

В Одессе издавна, практически со времени основания города, существовала сильная археологическая школа. Особенно она укрепилась с созданием в 1839 году Одесского общества истории и древностей. Это было второе в Российской империи, после Российского археологического общества в Москве, научное общество по изучению древней истории. И в центре его внимания всегда была античная археология. В 1959 году оно было воссоздано как Одесское археологическое общество.

На кафедре в то время работали такие известные специалисты, как доценты М. Ф. Болтенко, М. С. Сеницын. И новоприбывший студент под их руководством занялся античной, а затем средневековой историей и археологией. Преподавал на факультете и молодой доцент П. О. Карышковский, с которым у В. Н. Станко наладились близкие отношения. Первые археологические разведки, первые раскопки, первые пробы пера. Уже определена тема дипломной работы – «Становление и развитие археологии в Одессе». Казалось бы, все определилось.

Но впереди был четвертый поворот Фортуны. В 1959 году в Одессу приехала ленинградская экспедиция под руководством всемирно известного археолога доктора исторических наук П. И. Борисковского, одного из крупнейших специалистов в области истории первобытного общества. Начались раскопки стоянки каменного века Большая Аккаржа, расположенной близ пгт Великодолинское Овидиопольского р-на. И пятикурсник В. Н. Станко принял участие в этих исследованиях. Тут и решилась его археологическая судьба¹.

Павел Иосифович Борисковский обратил внимание на трудолюбивого, обстоятельного, весьма перспективного студента. Стал присматриваться к нему ближе. В результате, после нескольких обстоятельных бесед, настойчиво рекомендовал заняться

первобытной археологией. Этим периодом в Одессе в то время никто не занимался. Было белое пятно в одесской археологии. И студент В. Н. Станко сделал свой выбор – под руководством П. И. Борисковского начал разрабатывать тему «Мезолит Северо-Западного Причерно-морья». Он стал первопроходцем в этой области, пионером. Здесь все было новое, неизведанное.

После окончания университета В. Н. Станко начал работать в Одесском археологическом музее, сначала – научным сотрудником, потом стал заместителем директора музея. И на своей первой руководящей должности Владимир Никифорович проявил немалые способности организатора науки.

Но музейная работа, особенно административная, забирает много драгоценного времени, отвлекает от большой науки. И Фортуна совершила свой пятый поворот. Молодой ученый поступил в аспирантуру Института археологии Академии наук УССР. Его научным руководителем стал один из крупнейших в мире специалистов в области первобытной археологии член-корреспондент АН УССР Сергей Николаевич Бибииков, директор института.

Аспирант В. Н. Станко досрочно, через два года, завершил и блестяще защитил кандидатскую диссертацию². В то время в археологической науке кандидатская защита в 30 лет, да еще и досрочная, была большой редкостью. В таких случаях Академия наук выделяла новоиспеченному кандидату наук квартиру вне очереди. Владимир Никифорович становится научным сотрудником института. Перед ним открываются великолепные перспективы, о которых многие могли только мечтать. Работа в академическом институте. Казалось бы, чего еще можно желать!

Но Фортуна распорядилась иначе. Кандидата исторических наук В. Н. Станко позвал родной университет. Уже не было М. Ф. Болтенко, ушел на пенсию М. С. Сеницын. Кафедрой заведовал Петр Осипович Карышковский. Блестящий ученый, прекрасный оратор, талантливый преподаватель, он видел скрытую мощь преподавательского таланта Владимира Никифоровича. И настоятельно приглашал его на кафедру. С. Н. Бибииков категорически не отпускал своего ученика. Но В. Н. Станко принял приглашение, на-стоял на своем и возвратился в alma mater. Это был шестой поворот Фортуны

Здесь он, старший преподаватель, затем – доцент, тоже во многом стал первопроходцем. Разрабатывал и читал общие курсы «История первобытного общества», «Основы археологии», «Основы этнографии», спецкурсы по древней истории и археологии. Здесь в полной мере открылись его преподавательские дарования. П. О. Карышковский блестяще читал лекции, классически. В. Н. Станко также прекрасно читал лекции. Но при этом он еще и активно привлекал студентов к научным занятиям.

Молодой, энергичный доцент развернул археологические раскопки мезолитической стоянки Мирное (Килийский р-н Одесской обл.). Студенты после первого курса проходили здесь практику. А после практики работы продолжала экспедиция. И немало студентов оставалось работать в экспедиции. Тяжелый труд, порой изнурительный. Открытая степь,

Здесь он, старший преподаватель, затем – доцент, тоже во многом стал первопроходцем. Разрабатывал и читал общие курсы «История первобытного общества», «Основы археологии», «Основы этнографии», спецкурсы по древней истории и археологии. Здесь в полной мере открылись его преподавательские дарования. П. О. Карышковский блестяще читал лекции, классически. В. Н. Станко также прекрасно читал лекции. Но при этом он еще и активно привлекал студентов к научным занятиям.

палящее солнце. Вечером – спасительный местный пруд. О море можно только мечтать. Но – оставались.

Студенты очень уважали, любили своего преподавателя. И он от-носился к ним соответственно. Но – никакого панибратства. Доцент был суров. Никому – никакой поблажки. Ни на лекциях, ни на экзамене, ни на практике, ни в экспедиции. Быва-ло, по два-три раза сдавали ему пер-вобытную историю. До сих пор сту-денты тех лет, уже взрослые, солид-ные люди, с особой теплотой вспо-минают Владимира Никифоровича: его прекрасные лекции, строгие, но справедливые требования на экзаменах, внимание, заботу в тяжелые, но интересные дни на раскопках, увлекательные рассказы у ночного костра.

При раскопках и изучении материалов стоянки Мирное В. Н. Станко использовал новейшие методики исследований, привлек специалистов в области естественных, точ-ных наук и в итоге получил принципиально новые материалы для уникальных рекон-

струкций по палеоэкономике, палеосоциологии, палеогеографии, палеоэкологии. Стоянка Мирное стала эталонными памятником мирового значения. Владимир Никифо-рович, один из первых ученых, широко развернул комплексные исследования архео-логических памятников. Еще на начальном этапе этих исследований он проявил боль-шой потенциал организатора науки.

Преподавательская работа, самостоятельные археологические исследования дали возможность для быстрого становления В. Н. Станко-учителя. Появились первые учени-ки. В Институте археологии так быстро достичь этого невозможно. Университет в этом отношении дает гораздо больше возможностей. Но вузовская система существенно за-трудняла путь в большую археологию. Многочасовая лекционная нагрузка, недостаток времени и средств для широких полевых исследований, сложности с поездками на кон-ференции, симпозиумы, оторванность от коллег. В такой обстановке можно стать разве что провинциальным профессором.

В 1976 году произошел седьмой поворот Фортуны. К тому времени в Северо-Запад-ном Причерноморье в связи с большими новостроечными работами необходимо было приступить к широкомасштабным раскопкам курганов. На Институт археологии легла большая нагрузка. По инициативе В. Н. Станко в Одессе был создан Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья Института археологии АН УССР. А кому его возгла-вить?! Конечно же, Владимиру Никифоровичу.

Начался новый этап в его научной деятельности. Он создал большой отдел, собрал в нем лучших одесских специалистов, а также молодых археологов. Среди них: Ирина Леонидовна Алексеева, Александра Васильевна Гудкова, Александр Николаевич Дзигов-ский, Андрей Олегович Добролюбский, Анатолий Степанович Островерхов, Игорь Викторович Сапожников, Светлана Петровна Смольянинова, Леонид Васильевич Суббо-тин, Иван Тихонович Черняков. В короткие сроки отдел развернул широкомасштабные раскопки, стал одним из крупнейших научных центров на юге Украины. За период руководства В. Н. Станко сотрудниками отдела было защищено 2 докторские и 7 канди-датских диссертаций, издано 7 монографий и 5 сборников научных статей.

В 1975 году Владимир Никифорович был избран заместителем председателя Одес-ского археологического общества. Он занимался этой общественной работой 15 лет,

мно-гое сделал для развития общества, для организации его научно-исследовательской, изда-тельской работы.

В 1978 году В. Н. Станко начал раскопки позднепалеолитических стоянок у с. Анетовка (Доманевский р-н Николаевской обл.). В результате многолетних исследований они, как и стоянка Мирное, стали эталонными памятниками мирового значения³.

В 1982 году Владимир Никифорович издал обстоятельную монографию «Мирное. Проблемы мезолита степей Северного Причерноморья»⁴. В ней он обобщил материалы исследований этой широко известной стоянки, поднял и решил ряд важных общетеоретических и методологических проблем изучения первобытной истории. Эту работу В. Н. Станко успешно защитил как докторскую диссертацию⁵.

Результаты его исследований получили широкую известность и признание как советских, так и зарубежных коллег. Стали приходить приглашения на участие в между-народных конференциях, симпозиумах, в престижных изданиях. Пришла известность в большой археологии.

Рис. 2. На раскопках в Анетовке

Руководство большим, многопрофильным отделом отнимало много времени, сил, нервов. Приходилось выбивать средства, лимиты на печатные издания, оборудование, транспорт и т. д. Сотрудники – разные по характеру, возможностям, но все – с амбициями, требованиями, порой – завышенными, а иногда – чересчур. И у заведующего отделом характер тогда был, скажем прямо, нелегкий. Правил сурово. И дисциплину даже пытался поднять, в соответствии с решения партии и правительства. Это – у экспедиционной вольницы?! Разумеется, возникали трения. Но и за своих сотрудников заведующий стоял горой. Выбивал ставки, повышение зарплат, командировки, поторапливал с написанием статей, диссертаций, монографий, решал всевозможные проблемы со всякими инстанциями, органами, вплоть до право-охранительных (и такое бывало в те годы!). В общем, проблем и

нервотрепки было с избытком. Надолго ли хватит сил, здоровья? А когда заниматься наукой?

И тут снова решительно вмешалась Фортуна. Это был ее восьмой поворот. Началось с того, что П. О. Карышковский снова стал настойчиво приглашать В. Н. Станко на кафедру. Нужен был Владимир Никифорович родному университету. Еще заведывая отделом, он вновь стал читать лекции. В 1988 году не стало Петра Осиповича. Невосполнимая утрата для исторической науки, для университета.

В 1989 году Владимир Никифорович вновь ушел из института и вновь вернулся в университет. Но вернулся – крупным ученым, опытным руководителем.

И тут в полной мере проявился его талант организатора науки и системы высшего образования. В 1993 году он создал и возглавил кафедру археологии и этнографии Украины. Помимо кафедры Владимир Никифорович в том же году создал при ней Лабораторию археологии и этнографии Степной Украины. В лаборатории хранятся богатые коллекции, добытые в результате многолетних исследований Причерноморской экспедиции под руководством В. Н. Станко памятников каменного века долины реки Бакшалы (Анетовка-1, Анетовка-2, Анетовка-13, Анетовка-22, а также подъемные материалы более чем 20 стоянок каменного века из этого же региона). Здесь также хранятся отдельные коллекции стоянок каменного века, существовавших на территории Одесской области, часть коллекции трипольского поселения у Березовской ГЭС (исследования В. П. Цыбескова) и часть археологической коллекции из поселения Орловка (исследования Р. Д. Бондаря).

В. Н. Станко разработал и стал читать ряд спецкурсов. В 1990 году Владимиру Никифоровичу было присвоено ученое звание профессора. В 1994 году его избрали деканом исторического факультета. И развернул профессор Станко бурную, кипучую деятельность. Добился открытия новых специальностей «археология» и «этнология». В 1995 г. начал издавать «Записки исторического факультета». В 1996 году создал и возглавил Специализированный ученый совет по защите кандидатских диссертаций, а в 1999 году – по защите докторских диссертаций. Стали проводиться всеукраинские и международные конференции по истории, археологии, этнологии. Среди них: 3-я международная археологическая конференция студентов и молодых ученых (февраль 1995)⁶, 1-ая Всеукраинская этнологическая конференция студентов и молодых ученых (февраль 1996)⁷, Международная конференция, посвященная 120-летию освобождения Болгарии от османского ига (октябрь 1998)⁸, Международная конференция «Болгары Северного Причерноморья» (сентябрь 2006)⁹, чтения памяти П. О. Карышковского¹⁰. Были налажены тесные международные связи с университетами Англии, Германии, Франции, США и других стран. Начались совместные археологические исследования с финансированием по западно-европейским грантам. Факультет стал одним из крупнейших научных центров Украины.

При этом В. Н. Станко-организатор не заслонил В. Н. Станко-ученого. Владимир Никифорович активно публиковал статьи, книги, участвовал в крупных международных конференциях в Оксфорде, Кембридже, Сорбонне и других известных научных центрах. Его доклады были посвящены важным проблемам древнейшей истории Северного Причерноморья, Юго-Восточной Европы.

Выросла научная школа профессора В. Н. Станко. Он подготовил более десяти кандидатов наук, среди которых С. П. Смольянинова, Н. П. Оленковский,

Е. В. Смынгы-на, В. Г. Кушнир, Н. А. Петрова, И. В. Пиструил¹¹. С его помощью выросло несколько докторов наук, профессоров.

Он – автор около 150 научных работ, в том числе нескольких монографий и учебников. Под его редакцией было издано множество сборников, монографий, коллективных трудов¹². Он был членом редколлегии республиканского журнала «Археологія», членом Специализированного ученого совета по защите докторских диссертаций при Институте археологии НАН Украины, членом Центрального совета Всеукраинского общества охраны памятников истории и культуры, членом президиума его областного филиала, председателем Украинского отделения Российского археологического общества.

В. Н. Станко был одним из ведущих исследователей в области первобытной истории. Российские ученые высоко оценили его научные достижения. В 1995 году он был избран действительным членом Российской народной академии наук.

В 1999 году университет выдвинул своего выдающегося профессора с мировым именем на избрание членом-корреспондентом Национальной академии наук Украины. Голосование, понятно, тайное. И что же? Вместо Владимира Никифоровича избрали другого претендента. Поистине, нет пророка в своем отечестве!

А Российская академия естественных наук сочла за честь иметь в своих рядах такого известного ученого. И в том же году В. Н. Станко избран сразу действительным членом академии (секция антропологии и археологии), минуя звание члена-корреспондента. Москва, один из признанных археологических центров, смогло оценить его творчество по заслугам. И Владимир Никифорович гордился этим высоким званием.

В любом академическом институте исключительно важное значение придается написанию обобщающих трудов. В них подводятся итоги многолетних исследований, дается цельная картина научных знаний на современном этапе. Авторами здесь выступают ведущие специалисты конкретной области науки. А ответственные редакторы томов – признанные лидеры. Институт археологии здесь – не исключение. В 1997 году

Государственную премию Украины

Авторский коллектив монографии представлен известными одесскими учеными, признанными специалистами в этой области.

Многое сделал В. Н. Станко и как организатор в деле изучения истории и культуры болгар Северного Причерноморья, создав на историческом факультете Одесского уни-верситета новое направление – этнологическую болгаристику¹⁵.

Не забывал известный сын терновского народа и родное село. Сам немало занимался изучением истории Терновки, и организовал специальную исследовательскую группу. Предварительные итоги этой работы были опубликованы авторским коллективом в 2004 году¹⁶.

В 2004 году в жизни Владимира Никифоровича произошел резкий поворот. Это был девятый поворот Фортуны. Он оставил Одесский университет, Одессу и переехал в

Рис. 4. В. Н. Станко вручает президенту Украины Л. Кучме монографию «История Одессы»

родительский дом. Весьма резкий поворот. Но, видимо, так надо было. Вопрос – философский. Главную роль здесь сыграл человеческий фактор. Так или иначе, но, к величайшему сожалению, ушел из Одесского университета профессор В. Н. Станко. Это была очень существенная потеря для университета. Ведь Владимир Никифорович Станко – это эпоха в истории факультета. Великая эпоха.

Обосновался Владимир Никифорович в родном доме, стал профессором кафедры истории Украины Николаевского государственного университета им. В. А. Сухомлинско-го, где и раньше читал лекции. И разворачивается на новом месте.

Он в короткий срок собрал коллектив археологов и начал работу над научной темой «Етногенез та етнічна історія населення степового Побужжя в первісну епоху за даними археології». Одновременно В. Н. Станко создает Лабораторию археологии и этнологии, которая занимается научной и учебной деятельностью, курирует практику студентов таких известных памятниках, как Анетовка, Дикий Сад, Виноградный Сад, Тилигульский лиман, Ольвия, Березань. Занялся он и издательской деятельностью. Издал первый в университете научный сборник в серии «Исторические науки», который стал периодическим ВАКовским изданием. Благодаря ему в 2007 году в университете появилась новая специальность «Классическая история»¹⁶.

И Фортуна вновь посещает Терновку. Десятый поворот. В 2007 г. Владимир Никифорович перешел работать в Николаевский гуманитарный университет им. Петра Моги-лы. И там также развернул активную деятельность по развитию научной деятельности.

Но судьба отпустила ему слишком мало времени. 16 февраля 2008 г. Владимир Никифорович ушел от нас. Ушел в расцвете творческих сил, был полон энергии, новых творческих планов, разрабатывал несколько проектов европейского уровня. И вдруг, совершенно неожиданно, все оборвалось. Это – большая

трагедия для род-ных, близких, дру-зей, коллег, учеников для всех, кто близко общался с ним, осо-бенно в последние годы. И даже сегод-ня, спустя год, мы не осознаем до конца, насколько велика эта утрата. Он многое не успел сделать. И мы много потеряли с его уходом.

16 февраля, в годовщину ухода от нас Владимира Никифоровича, на его доме в Терновке была установлена мемориальная доска. Был многолюдный траурный митинг,

были трогательные, проникновенные выступления.

19 февраля Владимиру

Никифоровичу исполнилось бы 72 года. В этот день в Нико-лаевском гуманитарном университете им. П. Моги-лы прошла научная конференция, посвященная его памяти, Первые Станковские чтения. Память о Владимире Никифо-ровиче будет вечно жить в сердцах его родных, близких, друзей, коллег, учеников!

Рис. 5. В. Н. Станко в домашнем кабинете с Г. С. Пеневой.
В последние годы жизни

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Станко В. Н. П. И. Борисковский и становление палеолитоведения в Одессе (воспоминания ученика) //Лукомор'я: археологія, етнологія, історія Південно-Західного Причорномор'я. – 2008. – Вип. 2. – С. 48-52.
2. Станко В. Н. Мезолит Северо-Западного Причерноморья. Автореф. дис. ...канд. истор. наук. – К., 1967.
3. Станко В. Н., Иванов Г. И., Смольянинова С. П. Раскопки позднепалеолитических стоянок Анетовка 1 и 2 на Среднем Побужье //Древности Северо-Западного Причерноморья. – К., 1981. – С. 5-17. Станко В. Н., Григорьева Г. В., Швайко Т. Н. Позднепалеолитическое поселение Анетовка 2. – К., 1989.
4. Станко В. Н. Мирное. Проблемы мезолита степей Северного Причерноморья. – К., 1982.
5. Станко В. Н. Мирное. Проблемы мезолита степей Северного Причерноморья. Автореф. дис. ...доктора ист. наук. – К., 1983.
6. Древние культуры и цивилизации Восточной Европы. (Материалы 3-ей международной археологической конференции студентов и молодых ученых. Одесса, февраль 1995). – Одесса, 1995.
7. Етнографічні дослідження населення України. (Матеріали Першої Всеукраїнської етнологічної конференції студентів та молодих вчених, лютий 1996 рік). – Одеса, 1996.
8. Україна і Болгарія: віхи історичної дружби (матеріали міжнародної конференції, присвяченої 120-річчю визволення Болгарії від османського іга). – Одеса, 1999.
9. Българите в Северното Причерноморие: Изследвания и материали. – Т. 9. – Одесса, 2006.
10. Древнее Причерноморье: III чтения памяти профессора П. О. Карышковского. – Одесса, 1996; Древнее Причерноморье: IV чтения памяти П. О. Карышковского. – Одесса, 1998.
11. См.: Агбунов М. В., Дзиговський О. М., Шабашов А. В. Владимир Никифорович Станко //Настоящее издание. – С. 327-368.
12. Там же.
13. Давня історія України. – Т. 1. – К., 1997.
14. Історія Одеси. – Одеса, 2002.
15. Шабашов А. В. Владимир Никифорович Станко и развитие этнологии в Одессе //Настоящее издание. – С. 385-399.
16. Пригарин А. А., Самаритаки Е. С., Станко В. Н., Уварова Е. А. Терновка: документы и материалы по истории. (1792-1822). – Т. 1. – Одесса, 2004.
17. См.: Горбенко К. В., Смирнов А. И. Владимир Никифорович Станко: последние годы творческого пути //Настоящее издание. – С. 378-380.

ВЛАДИМИР НИКИФОРОВИЧ СТАНКО: ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ

Эти заметки посвящаются Станко Владимиру Никифоровичу – одному из самых известных археологов второй половины двадцатого века, которых подарила Украине Николаевская земля.

Владимир Никифорович родился 19 февраля 1937 года в болгарском селе Терновка возле Николаева (современный микрорайон города).

Его научная жизнь была очень разнообразна и интересна и в большей степени связана с городом Одессой. Хотя всемирно известный археологический памятник, на котором В. Н. Станко работал, находится на Николаевщине (Анетовка, Доманёвского района, Николаевской области), более полно хотелось бы остановиться на его работе в Николаеве.

В 2004 году Владимир Никифорович возвращается на малую родину в любимую Терновку и переходит на постоянную работу в Николаевский государственный университет имени В. А. Сухомлинского на исторический факультет, профессором кафедры истории Украины. С первого дня он полностью отдается работе, собирает вокруг себя коллектив археологов и начинает работу над научной темой «Етногенез та етнічна історія населення степового Побужжя в первісну епоху за даними археології». Работа была завершена менее чем за год и подготовлена к печати¹. Параллельно с работой над темой Владимир Никифорович разрабатывает документальную базу по созданию лаборатории археологии и этнологии при научном отделе университета на базе исторического факультета, которая начинает функционировать с марта 2005 года. Лаборатория занимается научной и учебной деятельностью, курирует археологические практики университета на различных памятниках региона Степного Побужья (Анетовка, Дикий Сад, Виноградный Сад, Тилигульский лиман, Ольвия, Березань). Базовыми памятниками становятся Дикий Сад, Анетовка, античное поселение на острове Березань². В. Н. Станко становится руководителем работ лаборатории и научным консультантом различных направлений ее деятельности. Под руководством и редактированием профессора впервые издается научный сборник Николаевского университета в серии «Исторические науки», в котором были опубликованы работы ведущих специалистов в отрасли археологии, этнологии и истории Юга Украины (это начинание на данный момент успешно продолжено и сборник входит в перечень ВАК Украины)³.

С 2005 года Владимир Никифорович увлекается идеей базового университета в Николаеве и начинает подготовку по лицензированию двух новых классических специальностей на историческом факультете – «Классическая история» и «Археология». Параллельно подготавливая документы по открытию специализированного совета по защите кандидатских диссертаций по истории Украины и всемирной истории. Им разрабатываются учебные программы, планы, темы, которые должны соответствовать всем новым требованиям Министерства образования и науки Украины в контексте всех изменений и требований к лицензированию новых специальностей в связи с переходом высшей школы Украины на Болонский процесс. Он полностью отдается этой работе, но

никогда не в ущерб своей педагогической деятельности, которая была нацелена на подготовку собственных кадров для факультета. Владимир Никифорович работал исключительно с магистрантами и аспирантами – теми молодыми специалистами, которые выбрали научный путь в своей жизни. Он преподавал общеисторические дисциплины, касающиеся ключевых теоретических вопросов украинской и мировой истории.

Его магистранты и аспиранты уже сегодня передают эти знания ученикам и студентам на своих занятиях. Сдавать экзамены В. Н. Станко студенты всегда опасались, чувствуя всю несоизмеримость его и своих знаний, но никто не предполагал, что оценивание идет только по двухбалльной системе «4-5»: «Человек, который дошел до магистратуры и аспирантуры, просто не заслуживает меньшей оценки» – так говорит Владимир Никифорович сотрудникам лаборатории, когда те смотрели в его экзаменационные ведомости.

Каждое лето, несмотря ни на какие обстоятельства, продолжалась работа в археологической экспедиции в любимой Анетовке на маленькой речушке Бакшале – время отдыха, работы и координации проектов на время межсезонья. Летом 2005 года Владимир Никифорович даже устроил выездное заседание сотрудников лаборатории в с. Бугском на Южном Буге, на нейтральной территории (территории где бы каждый сотрудник не чувствовал себя ни хозяином ни гостем кокой либо экспедиции). На этом заседании были разработаны проекты расширения лаборатории и принят рабочий план по составлению туристической карты Николаевской области с учетом практически всех разновременных памятников археологии региона.

2006 год стал самым напряженным в плане подготовки документов по лицензированию специальностей. Владимир Никифорович лично вычитывал и редактировал все рабочие программы по всем профилирующим предметам. После этой огромной работы профессор В. Н. Станко и ряд преподавателей кафедры утвердили во всех инстанциях программы на открытие новых для Института истории и права специальностей. В 2007 г. оставалось немного: откорректировать программы и получить положительные отзывы и рецензии от Министерства и специалистов, что с успехом и было сделано, но в связи с переходом на Болонскую систему образования, одну из специальностей не удалось открыть (археология по новым требованиям не предусматривает степень «бакалавра», а подготовка будущих специалистов археологов требует подготовки по программе «классическая история»)⁴. Так осенью 2007 года Институт истории и права впервые за свою тридцатилетнюю историю принял студентов по специальности «классическая история». Это полностью заслуга Владимира Никифоровича, который стал инициатором и главным исполнителем этого проекта.

Также 2007 год ознаменовался юбилеем В. Н. Станко и выпуском сборника научных работ в его честь⁵. Но по стечению обстоятельств этот год стал годом перехода нашего выдающегося земляка из Николаевского государственного университета в Николаевский гуманитарный университет им. Петра Могилы.

Владимир Никифорович всего три дня не дожид до своего 71-летия, как всегда получается в таких случаях, недоделав многие свои прекрасные начинания. В его лице очень много потеряла современная отечественная и мировая историческая наука, также мы утратили прекрасного специалиста-археолога, организатора и человека, который всей душой переживал за дело, которому отдавался полностью.

Институт истории и права и все коллеги – археологи Николаева всегда будут

помнить, о том, что В. Н. Станко был у истоков создания лаборатории археологии и этно-логии, а также предоставил возможность воспитывать молодое поколение историков-археологов в родном для себя городе.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Материалы хранятся в архиве лаборатории археологии и этнологии Института истории и права Николаевского государственного университета имени В. А. Сухомлинского.

2. *Смирнов О.* Кістяні вироби розкопу ГШ-2006, острів Березань // Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наукових статей. Історія. Політичні науки. Міжнародні відносини. – Вип. 380-381. – Чернівці, 2008. – С. 209-214; *Горбенко К. В.* Археологические исследования укрепленного поселения «Дикий Сад» в 2006-2007 гг. // VII Миколаївська обласна краєзнавча конференція «Історія. Етнографія Культура. Нові дослідження». – Миколаїв, 2008. – С. 70-74; *Станко В. Н.* Динамика процесса формирования народонаселения Северо-Западного Причерноморья в позднем палеолите и мезолите // Человек в истории и культуре. Сборник научных работ в честь 70-летия лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук, Владимира Никифоровича Станко. – Одесса-Терновка, 2007. – С. 22-28; *Крутілов В. В.* Ковальська майстерня на території теменоса Березанського поселення. // Емінак, № 1. – К.-Миколаїв, 2007. – С. 29-35.

3. Науковий вісник Миколаївського державного університету. – Випуск 11. Історичні науки. Збірник наукових праць. – Миколаїв, 2005.

4. *Смирнов О. І.* Незакінчені починання видатного археолога // Історична освіта: Інноваційні аспекти. Збірник наукових праць. – Вип. 4. – Миколаїв, 2008. – С. 26-30.

5. Человек в истории и культуре.

В. Н. СТАНКО КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА В ПЕРВОБЫТНОСТИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В. Н. Станко вошел в науку на рубеже 50-60-х гг. XX в. Это было время, ознаменованное кардинальными изменениями в первобытной истории и археологии. Выдающиеся открытия в Восточной Африке (Танзания, Кения, Эфиопия) и в долине Нила, исследования древнейших человеческих поселений в Передней, Средней, Юго-Восточной Азии, Японии, Австралии и Океании обозначили начало того процесса, который во многом изменил сложившиеся к тому времени представления о происхождении человека. Развитие археологических и палеоантропологических знаний сопровождалось выработкой новых обобщений и формулировкой гипотез, описывавших динамику развития человека и его культуры в целом в рамках первобытности. Начав свою работу под руководством одного из крупнейших в СССР теоретиков первобытной истории и археологии П. И. Борисковского, В. Н. Станко продолжил ее этапным для своей научной деятельности диссертационным исследованием под руководством члена-корреспондента АН УССР С. Н. Бибикова¹. Впоследствии сотрудничество с С. Н. Бибиковым и глубокий интерес к теоретическим вопросам станут постоянно действующими факторами творчества В. Н. Станко-ученого. Попробуем обозначить основные вехи развития теоретических основ первобытности и хотя бы пунктирно наметить контуры вклада В. Н. Станко в дело изучения этой сферы отечественной истории.

Еще 1938 г. в СССР вышла книга П. П. Ефименко «Первобытное общество», которая имела концептуальное значение и надолго определила направления и методологию теоретических исканий². В ней предлагалась теория развития первобытного общества, в соответствии с которой оно прошло ряд стадий, на каждой из которых осуществлялось последовательное усложнение социальной организации, развивался технологический прогресс, и происходила эволюция физического типа. Слабостью схемы П. П. Ефименко и других стадийных схем, развивавшихся в советской литературе, была недооценка локального многообразия исторического процесса, что, впрочем, было оправдано скудостью в то время фактических данных и отсутствием в силу этого четких критериев для обобщений.

В 50-е годы в орбиту внимания археологической науки входили памятники на азиатском и африканском материках; постепенно возникало понимание того, что локальное своеобразие в развитии человеческой культуры не вписывается в монотонные схемы стадийного развития. В связи с этим был поставлен вопрос о времени появления и характере локальных различий в материальной культуре первобытного общества. Важным шагом в разработке этого вопроса стали труды С. Н. Замятниной, П. П. Ефименко, А. А. Формозова, П. И. Борисковского.

С. Н. Замятнин выделил три обширные области первобытной ойкумены – приледниковую европейскую, средиземноморско-африканскую и сибирско-китайскую³. П. П. Ефименко и С. Н. Замятнин полагали, что особенности областей усиливаются к концу верхнего палеолита, а «более дробные культурные общности складываются в Европе и в Средиземноморье к началу голоцена»⁴.

А. А. Формозов также аргументировал гипотезу, в соответствии с которой четкие локальные различия проявились лишь в эпоху верхнего палеолита, и предложил локальную типологию для территории европейской части СССР.

Разрабатывая вопросы локального своеобразия первобытной истории, П. И. Борисковский, первый учитель В. Н. Станко в сфере археологии палеолита, считал возможным выделять степи Северного Причерноморья и Приазовья в особую зону, занимавшую про-межуточное положение между выделенными С. Н. Замятниным европейской приледни-ковой и африканосредиземноморской областями.

В конце 60-х гг. к проблеме позднего палеолита этого региона обратился В. Н. Станко. К этому времени вполне отчетливо обозначилась основная проблематика палеолита Северного Причерноморья. Опираясь на собственные полевые исследования, а также обобщая наблюдения других археологов по Нижнему Дону, Нижнему Приднестровью⁵, Побужью и другим территориям региона, В. Н. Станко включился в интенсивную теоретическую работу. Необходимо напомнить ее контекст.

Еще в начале 60-х гг. раскопки Каменных балок I-II и Большой Аккаржи положили начало обширной дискуссии о степных палеолитических памятниках. В связи с исследованием Большой Аккаржи П. П. Ефименко предложил концепцию о подвижных охотничьих племенах Северного Причерноморья, которые связывал с восточносредиземноморской палеолитической культурой⁶.

С другой стороны, П. И. Борисковский, как отмечалось выше, также в связи с Большой Аккаржей, говорил об особой степной зоне, которая представлялась ему неким культурно-хозяйственным единством с «особыми формами хозяйства, связанными с условиями окружающей природной среды (массовая облавная охота на стада диких быков), отсутствием постоянных жилищ, распространением недолговременных охотничьих стойбищ в открытых степных пространствах, а также своеобразным кремневым инвентарем»⁷.

В ходе исследований 70-х гг. памятники позднего палеолита были впервые открыты на Нижнем Днепре⁸. В 1989 г. в совместной с Г. В. Григорьевой и Т. Н. Швайко работе, посвященной позднепалеолитическому поселению Анетовка II, В. Н. Станко делает вывод о многообразии путей генезиса индустрий памятников степной зоны⁹. Наряду с кавказскими и переднеазиатскими влияниями здесь прослеживаются индустрии, сложившиеся на местной основе под влиянием индустрий центральноевропейских памятников. Поэтому авторы исследования полагают возможным возвратиться к концепциям П. П. Ефименко и П. И. Борисковского, рассматривавших степную зону как единый хозяйственно-культурный регион с относительно подвижным населением, неоднородным по своему культурно-историческому генезису. Выявленное территориальное обособление технологических приемов, возникло, по-видимому, в результате то ли географической, то ли социальной изоляции.

Другой проблемой, интересовавшей В. Н. Станко еще с 60-х гг., был генезис мезолита в степной полосе Северного Причерноморья. К началу мезолита, как известно, плейстоцен сменяется голоценом: ледниковый период заканчивается. В мезолите происходят изменения в климате, флоре и фауне региона, что оказывает воздействие на хозяйство и материальную культуру. Образ жизни мезолитических общин определяется тем, что в условиях оскудевшей сухопутной фауны они стремятся использовать все охот-

ничьи, рыболовецкие и собирательские ресурсы, что ведет к усилению подвижности, принимавшей в одних случаях сезонно-оседлый, в других – бродячий характер.

Исследование В. Н. Станко мезолитического поселения Мирное (на юго-западной окраине с. Мирное Килийского района Одесской области), открытого 1963 г. в ходе археологической разведки Дунай-Днестровской экспедиции Института археологии АН УССР, тесно связано с «разработкой проблем истории населения юга Восточной Европы в период раннего голоцена»¹⁰. В вышедшей в 1982 г. работе, посвященной Мирному, под-робнейшим образом изучена микролитическая вкладышевая техника, широко использо-вавшаяся не только для охоты, но и для других хозяйственных целей, что дало воз-можность приблизиться к воссозданию картины культурно-исторического развития насе-ления степей Северного Причерноморья¹¹.

Эта работа, а также теоретические наработки 60-80-х гг. получили свое логическое продолжение в совместном с С. Н. Бибиковым и В. Ю. Коеном исследовании «Финаль-ный палеолит и мезолит Горного Крыма»¹². Четвертая глава этой работы – «Культуры средиземноморской области в финале ледниковья», содержит важные теоретические выкладки по поводу места Причерноморья в Средиземноморском культурном регионе. Авторы солидаризуются с исследователями, которые на основании своеобразия этно-культурного состава населения выделяют в Средиземноморье три историко-культурные зоны: 1) северосредиземноморская или южноевропейская, 2) североафриканская, 3) переднеазиатская.

Закономерностью, присущей средиземноморской области, является то, что разные локальные проявления одной культурной традиции распространяются на обширные территории и имеют различную генетическую подоснову. Они составляют отдельные индустрии, объединяющиеся в так называемые технокомплексы. По мнению авторов, география их ограничена рамками историко-культурных зон и имеет своеобразную динамику, что дает возможность предположить, что за технокомплексами стоят этно-культурные образования. Таковыми, видимо, являются общности:

- 1) азиль-романелльская;
- 2) финальноэпиграветтийская (южноевропейская зона);
- 3) «иберомаврская» (североафриканская зона);
- 4) кебаранско-натуфийская;
- 5) зарзийско-имеретинская (переднеазиатская).

Наряду с ними существовали и другие локальные культуры, которые не были охвачены процессами «интеграции». Поэтому развитие населения Средиземноморья в это время рисуется в виде совокупности местных культурных традиций, замкнутых в пре-делах отдельных районов, хотя реестр этих традиций далек от полноты, а генетические взаимоотношения между ними не всегда устанавливаются.

Памятники финала ледниковья Азово-Черноморского региона представляют особый интерес. Они образуют локальные культуры, формировавшиеся на основе мест-ной позднепалеолитической традиции под влиянием Кавказа и Балкан, иногда с учас-тием свидерской и аренсбургской культур Европейских низменностей¹². Таким образом, концепция П. И. Борисковского о степной зоне палеолита как «регионе контактов» полностью применима для тардигляциала.

В X-IX тыс. до н. э. в Азово-Черноморском регионе наблюдается значительно более «пестрый» этнокультурный состав, чем в крупных зональных структурах Средиземно-

морской области. Аналогичная ситуация характерна для нижнего течения Нила. Таким образом, между крупными зональными структурами (южноевропейской и переднеазиатской; переднеазиатской и североафриканской) складывались регионы со специфическими особенностями развития.

Средиземноморская область прекращает свое существование с началом процесса неолитизации, однако в финале ледникового периода территория Большого Средиземноморья представляла собой единую историческую область, население которой было связано общими закономерностями развития, рядом особенных черт и своеобразных проявлений, тогда как приледниковая область имеет иную материальную культуру, основанную на разных вариантах технокомплексов: свидер, лингби, аренсбург, тьенгер, мадлен, постмадлен. Авторы также полагают, что единство средиземноморской области в тардигляциале не определяется однородным антропологическим составом населения или единым типом хозяйства, ее «историческая ткань» соткана этнокультурными процессами.

Таким образом, многолетние полевые исследования палеолитических и мезолитических памятников причерноморских степей и теоретическое осмысление накопленного материала стали базой для важных наблюдений В. Н. Станко в области динамики этноисторической ситуации древнейшего Причерноморья. Выполненная им большая работа по воссозданию картины культурно-исторического развития населения степей Северного Причерноморья заложила прочный фундамент для научного понимания древнейшего периода истории нашего края и открыла широкие горизонты для дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Вітаємо ювіляра //Человек в истории и культуре. Сб. научных работ в честь 70-летия лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук, Владимира Никифоровича Станко. – Одесса-Терновка, 2007. – С. 8-10.

2. Ефименко П. П. Первобытное общество. – М.-Л., 1938.

3. Замятнин С. Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода //ТИЭ. – 1951. – Т. 16. – С. 90-152.

4. Бибилов С. Н. Станко В. Н., Коен В. Ю. Финальный палеолит и мезолит Горного Крыма. – Одесса, 1994. – С. 192.

5. Гвоздовер М. Д. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона /Борисковский П. И., Праслов Н. Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья //Археология СССР. САИ. – Вып. А 1-5. – М.-Л., 1964. – С. 37-41; Борисковский П. И. Проблема развития поздне-палеолитической культуры степной области //Доклад на VII Международной конференции антропологических и этнографических наук. – М., 1964.

6. Ефименко П. П. Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья //СА. – 1960. – № 4. – С. 14-25.

7. Борисковский П. И. Проблема развития позднепалеолитической культуры... – С. 8.

8. Станко В. Н. Разведка палеолита на Нижнем Днепре // АИУ. – 1971. – Вып. 3. – С. 105-107; Оленковский Н. П. Исследования местонахождения каменного века на Нижнем Днепре // АО 1978 года. – М., 1978. – С. 378-379.
9. Станко В. Н., Григорьева Г. В., Швайко Т. Н. Позднепалеолитическое поселение Анетовка 2. – К., 1989.
10. Станко В. Н. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья – К., 1982.
11. Там же.
12. Бибиков С. Н., Станко В. Н., Коен В. Ю. Указ. соч.

ВЛАДИМИР НИКИФОРОВИЧ СТАНКО И РАЗВИТИЕ ЭТНОЛОГИИ В ОДЕССЕ

Владимир Никифорович Станко (1937-2008) – всемирно известный археолог и историк первобытного общества. Значительное место в его научных интересах занимала также этнология. Он сыграл большую роль в ее организации на юге Украины. Поэтому, вспоминая замечательного ученого и человека, нельзя обойти вниманием и его вклад в этнологическую науку. Мне довелось стать первым этнологом, путь в науку которого не-посредственно связан с Владимиром Никифоровичем Станко, на протяжении двух десятилетий общаться с ним, а также, опираясь непосредственно на его информацию, при жизни ученого, писать его биографию¹, что позволяет в основных чертах определить вклад В. Н. Станко в эту науку и попытаться проследить эволюцию его личности в этой ипостаси.

Истоки интереса В. Н. Станко к науке о народах были заложены в самом его происхождении. Владимир Никифорович родился в сельской болгарской семье. Он – потомок болгарских колонистов, бежавших в начале XIX в. из Юго-Восточной Болгарии (Фракии), входившей в состав Османской империи, в Россию от зверств разбойников-кырджалей, которые, как отмечали очевидцы, «грабят и жестоко мучают православный народ, например, поджигают, и сгорают не только жилища, но и сами люди»². Эти переселенцы, прибывшие морским путем, получили от российского правительства земли и основали в Северном Причерноморье несколько крупных сел. В Херсонской губернии: Малый (1801) и Большой Буялык (1802) (совр. Свердлово и Благоево соответственно), Кубанку (1803), Катаржино (Червонознаменка) (1806), Ингулку (1802, позднее упраздненную), Парканы (1804) и Терновку (1802) – родное село В. Н. Станко. В Таврической (в Крыму): Старый Крым (1802), Балта Чокрак (1802), Кишлав (1803)³.

Группе болгар, основавших Терновку, земля была предоставлена неподалеку от очень молодого тогда города Николаев, при впадении речки Терновки в реку Ингул, близ впадения последней в Южный Буг. Впоследствии село территориально слилось с разросшимся городом, и уже при жизни В. Н. Станко административно было включено в центральный район Николаева, хотя и сохраняло (и сохраняет до сих пор) частную одно-этажную застройку. Таким образом, Владимир Никифорович родился, по сути, одно-временно и в селе, и в городе.

С. И. Цветко, ссылаясь на Н. С. Державина, упоминает 1803 год как год основания села⁴, однако архивные данные со всей очевидностью свидетельствуют о том, что Терновка была заселена болгарскими уже в 1802 г.⁵ Согласно им, в этом году здесь поселилось 33 семьи, состоящие из 107 человек, в следующем, 1803 г. – 35 семей, 109 человек, в 1804 г. – 21 семья, 65 человек, в 1805 г. – 1 человек, в 1807 г. – 2 семьи, 5 человек, в 1811 г. – 1 семья, 7 человек, после чего переселение сюда болгар завершилось⁶.

Первоначально население Терновки не было чисто болгарским. По информации С. И. Цветко, опиравшегося на «утверждения старых людей», терновцы, кроме болгар, изначально включали в свой состав много греков, о чем свидетельствуют фамилии селян (например, Яни, Скарлат, Стамат, Мавродий), многолюдные семьи цыган (носители фамилий Желяско и Георгиевы) и семью турецкого происхождения – Коч. По его при-

близительным подсчетам, около 40 % терновцев – неславянского происхождения, так как одних только Яни и Скарлатов в селе было не меньше 10 %⁷. Действительно, в болгарских (в том числе, как увидим, и в самой Терновке), как и в неболгарских селах, кузнецами зачастую были цыгане, откуда и могло возникнуть прозвище *Желяско* – от болг. *желязо* «железо». Впрочем, имеется и болгарское благопожелательное личное имя *Желяз* – «чтобы был крепким, стойким, как железо», которое, возможно, является калькой широко распространенного тюркского имени *Демир / Темир* (ср. с рус. *Тимур*), имеющего то же значение. Фамилия *Коч* – из тюрк. *коч* «баран-производитель», это слово, однако, широко проникло в болгарские диалекты и также прямо не может свидетельствовать о тюркском происхождении носителей такого имени. По материнской линии В. Н. Станко принадлежал к роду Яни, таким образом, имел и греческие корни, что также сыграло в дальнейшем, как увидим, определенную роль в его этнографических интересах.

Впрочем, как бы то ни было, все терновцы неболгарского происхождения были ассимилированы в болгарской этнической среде села, в котором до наших дней стойко сохраняется родной язык и элементы традиционной культуры. Еще в 1920-х годах из общей численности в 800 семей в селе было только 2-3 семьи украинцев и 2 семьи цыган-кузнецов, все остальные считали себя болгарами. Даже русские женщины и, особенно, украинки, попадая в Терновку через замужество, быстро ассимилировались, осваивая болгарский язык, а их дети осознавали себя болгарами⁸. В настоящее время этнический состав поселка уже смешанный, но продолжают доминировать болгары.

Таким образом, Владимир Никифорович с самого детства, с одной стороны, воспитывался в традиционной болгарской этнической среде, его родным (материнским) был болгарский язык. С другой стороны, он уже со школьных лет не мог не ощущать различия своей культуры от других окружающих его культур – русской и украинской. А это своеобразие не могло не стать предметом анализа пытливого ума будущего ученого и не вызвать необходимости своей оценки, определения своего отношения к этому. В какой-то мере, любой человек, тем более обладающий незаурядным интеллектом и высокой эмоциональностью, выросший в полиэтнической и поликультурной среде, изначально пред-расположен к этнологической наблюдательности. Это подкреплялось чувством нацио-нальной ущемленности и своей неполноправности. Не секрет, что в Советском Союзе, не-смотря на интернационалистскую риторику, проявления национальной неприязни на бытовом уровне, а подчас и в государственной политике не были редкостью.

Так, В. Н. Станко в частных беседах неоднократно упоминал тот факт, что болгар долгое время не брали в армию (как считается, в связи с тем, что Болгария была союзником фашистской Германии), что тогда воспринималось как несправедливость, ограничение законных прав.

Чувство неполноценности, связанное с принадлежностью к национальному меньшинству, компенсировалось стремлением достичь личных высот, тем самым доказать высокий культурный статус своих предков, своего народа (известно, что достижения лиц, принадлежащих к меньшинству, зачастую выше, чем у их сограждан «титового», мажоритарного этноса). С другой стороны, это формировало необходимую для этнолога привычку постоянного сопоставления, сравнительного анализа своей культуры, своих обычаев с культурой и обычаями окружающих народов и стремление к объяснению имеющихся различий. О том, что подобная психологическая

составляющая имела место у В. Н. Станко, свидетельствует тот факт, что в первые годы нашего общения (конец 1980-х годов) было заметно – Владимир Никифорович, со свойственным ему определенным конформизмом, скрывает или, по крайней мере, не афиширует своей этнической принадлежности и лишь несколько позднее, когда ценность любви и стремления к сохранению и возрождению своей национальной культуры, даже не являющейся мажоритарной, на Украине завоевала свои права, он активно включился в процесс национального возрождения болгар диаспоры и стал всячески подчеркивать свою «болгарскость».

Здесь следует прояснить еще один вопрос, связанный с этническим самосознанием В. Н. Станко. Многие знают, что он какое-то время считал себя даже не болгаринном, а македонцем. Это не соответствует действительности, но определенные основания для таких его представлений все же были.

Как мне удалось выяснить в ходе научных разысканий, в общем были правы советские лингвисты, относившие болгар Терновки к фракийской группе болгарского народа, переселившейся в Россию из Юго-Восточной Болгарии⁹. Это же утверждал и вышеупомянутый С. И. Цветко¹⁰. Однако, болгары Терновки, как и некоторых других переселенческих сел – Кубанки, Червонознаменки (Катаржино), относятся к особой группе фракийцев горной области Странджи, известной в Болгарии под названием «тронки» или «не-настоящие загорцы», резко отличающейся своими особенностями от основного населения этой области – «рупцев». Особенности тронков, первоначально расселившихся, прежде всего, в больших старинных селах Факия, Воден и Горна поляна, а затем основавших ряд дочерних сел в этом районе, определяются тем, что они являются выходцами из Юго-Западной Болгарии и Македонии. До сих пор у представителей этой группы сохраняются некоторые особенности культуры, языка и самосознание, связывающие их с родиной¹¹.

Некоторые из этих особенностей, как нам удалось выяснить, берегают и украинские тронки (хотя сам этот субэтноним, насколько нам известно, на Украине забылся), например, частица, образующая будущее время «ке», вместо «ште», «же» и др. у других групп болгар¹², лексемы «лелин» «муж сестры отца и сестры матери», «штерка» вместо общеполгарского «даштерья» «дочь»¹³ и др. Вместе с тем, переселенцы с запада прожили перед уходом в Россию среди фракийцев порядка двухсот лет (есть сведения о том, что их переселение относится к концу XVI в.¹⁴), смешанные браки, бытовые контакты привели к известной ассимиляции, в том числе языковой, этой группы, так что их следует считать уже фракийцами, но со значительным западноболгарским субстратом или, возможно, западными болгарам, значительно ассимилированными во фракийской этнолингвистической среде.

В советской этнографии существовала тенденция отождествлять юго-западных болгар-шопов с соседствующими с ними с запада македонцами. В Болгарии, напротив, не признается существование особого македонского этноса, их считают частью болгарского народа, обособленного в результате международных интриг¹⁵. С нашей точки зрения, у славянских народов существует такое явление, как этнолингвистическая непрерывность, в которой различия между этническими группами есть функция расстояния между ними, например, македонцы в этнолингвистическом отношении примерно одинаково близки и к западным своим соседям – восточным сербам, и к восточным – западным болгарам-шопам, шопы, в свою очередь, занимают переходное

положение между македонцами и восточными болгарами и т. д. Процессы же формирования этнического (национального) самосознания связаны не только, а иногда и не столько с объективными особенностями этнических групп, сколько с обстоятельствами их исторического развития – вхождением в состав тех или иных государств, деятельностью элит и т. п.

Что касается тронков, то в их составе большинство было шопов, о чем, в частности, свидетельствует соответствия названий некоторых из их основных сел – Факии (старое название – Сланик) и Желязково (Казыклизе) в Кюстендильском крае¹⁶, но имелись и семьи собственно македонцев из Охридского и Корчанского края¹⁷.

Конечно в том, что В. Н. Станко считал себя македонцем, сыграло свою роль его романтическое умонастроение, но, вместе с тем, вероятно, в памяти терновцев сохранились какие-то, если не древние легенды, то глухие воспоминания об их происхождении. И это – через 400 лет после переселения их предков с запада Балканского полуострова! Впоследствии я ознакомил В. Н. Станко с данными сведениями, он признал их достоверность и, во всяком случае, при мне больше македонцем себя не называл.

Другой стороной мировоззрения, имманентной для этнолога, является любовь к традиционной народной культуре, восприятие ее как ценности, которую необходимо со-хранить и передать последующим поколениям. В биографии В. Н. Станко эти качества выработались в связи с тем, что у болгар, как известно, семья и родственные связи являются основными, терминальными ценностями, а также стойко сохраняются патриархальные бытовые нормы, такие как главенство мужа, более высокое положение в обществе мужчин, уважение и подчинение младших старшим, доминирование коллективистских ценностей над индивидуалистическими и т. д.¹⁸

Таким образом, этнические ценности болгар, сформированные у В. Н. Станко в семье и в среде односельчан, во многом совпадали с ценностями, необходимыми для уче-ного-этнолога. Нельзя сказать, что эти ценности – исключительное достояние болгар, но можно заметить, что большое число талантливых этнологов и этнологические (точнее – этнографические) школы более характерны для тех народов, которые в большей степени сохранили патриархальную бытовую культуру и, соответственно, в меньшей степени подвергнуты унифицирующему воздействию урбанистической цивилизации.

Конечно, за годы своей активной жизни Владимир Никифорович значительно оторвался и географически, и психологически от родной этнокультурной среды. Но реабилитация ценностей этнических культур в обществе, а также стремление обрести мировоззренческие ориентиры, которые пошатнулись после краха коммунистической идеологии (В. Н. Станко не был по своим убеждениям ни коммунистом, ни антикоммунистом, но для большинства людей в стабильном, консервативном советском обществе, проблемы идеологического выбора, мировоззренческих установок не стояли остро, не было жизненной необходимости выработать свою позицию по острым проблемам развития общества, тем более переживающего катастрофические трансформации, что в полной мере проявилось уже с начала 1990-х годов; вопреки стереотипам, гражданское общество в Советском Союзе, в противоположность официозу, являлось деидеологизированным), повернули уже зрелого ученого к своим корням. Вероятно, не последнюю роль в возрождении и развитии этнической составляющей самосознания В. Н. Станко сыграло и его общение

со мной, так как для меня с молодости среди основных мировоззренческих установок имелось убеждение в первостепенном значении ценности инаковости, своеобразия в комплексе с опорой на традицию.

Такая реконструкция культурно-психологических причин обращения В. Н. Станко к этнологии подтверждается рядом фактом. Во-первых, ученый, как будет видно ниже, первоначально начал возрождение в Одессе именно изучения этнографии болгар, а не вообще этнографии. Этнологические проблемы, касающиеся других народов, в стенах Одесского университета начали изучаться несколько позже, под влиянием вновь возникших обстоятельств. Во-вторых, первой проблемой, заинтересовавшей его в этнографии болгар, стало изучение системы родства и семейно-родственной организации этого народа, то есть того, что, с одной стороны, отличает болгар Украины от окружающих народов, а с другой то, что было воспитано во Владимире Никифоровиче с детства и воспринималось им не только с интеллектуальной, но и с эмоционально-ценностной стороны. Наконец, об этой составляющей своего внимания к этнологии прямо говорил и сам В. Н. Станко.

Владимир Никифорович подчеркивал, что его двоюродный дед – Сергей Ильич Цветко (1884-?) – был выдающимся болгарским этнографом, который основал этнографию в Одессе, но был репрессирован, и это направление в науке здесь не получило развития, он же ставит своей целью продолжить дело своего родственника и возродить этнографию и изучение культуры болгар на юге Украины. В. Н. Станко передал мне все имеющиеся у него материалы, касающиеся жизни и творчества С. И. Цветко, и предложил написать статью о нем, что и было вскоре сделано¹⁹. В связи с этим, он через родственников разыскал и связался с сыном С. И. Цветко – Александром Цветко (которого до этого лично не знал, считая, что все дети Сергея Ильича умерли в детстве), который проживает ныне в Санкт-Петербурге и который дополнил имеющуюся у нас информацию рядом ценных сведений и фотографиями исследователя.

Мною также были разысканы в архиве Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Ф. Рыльского (г. Киев), в котором я учился в аспирантуре, и ксерокопированы некоторые важные неопубликованные рукописи С. И. Цветко, переданные мною В. Н. Станко, а также проведена работа по выявлению других неизвестных его исследований. Основная из них – «Болгарские народные песни Украины и Крыма» впоследствии была опубликована в Болгарии²⁰. Ее составитель и автор заметки, приводимой в приложении – Зоя Барболова, к сожалению, не только не указала тот путь, с помощью которого у нее оказалась эта рукопись, не посчитала нужным сослаться на источник ее заметки о жизни и творчестве С. И. Цветко – местами слово в слово переписанной из моей вышеупомянутой статьи, но и рукопись была очень не точно переведена с украинского на болгарский²¹.

Действительно, Сергей Ильич Цветко и Владимир Никифорович Станко, будучи боковыми кровными родственниками, имели общих предков, многие из которых были выдающимися хранителями и передатчиками народной фольклорной традиции.

Исходя из генеалогического древа, составленного лично В. Н. Станко (см. рис. 1), и работ С. И. Цветко, узнаем, что одним из их общих предков была Елена Коч (1812-1897). В отмеченном болгарском переводе ошибочно: умерла в 1897 г. на 87 году (с. 15), у С. И. Цветко: «...Елени Коч (померла 1897 року - 85 років)»²². О ней Сергей Ильич пишет: «Цікаво мені було встановити, від кого мати вивчила ці пісні, - але це важко. Багато з цих пісень дістались їй в спадщину від її матері баби Єлени Коч (померла 1897 року - 85 років)»²³.

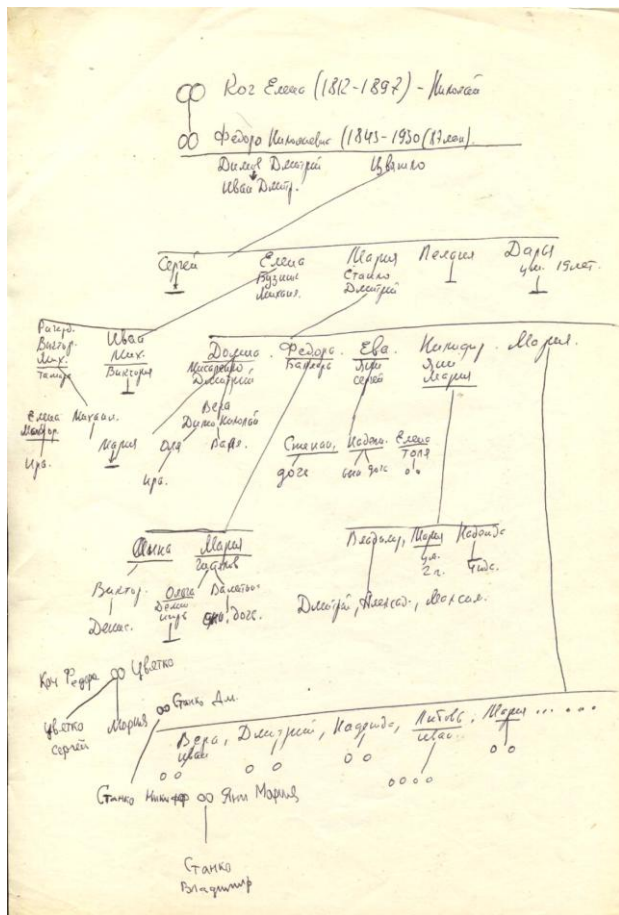

Рис. 1. Генеалогическое древо Владимира Никифоровича Станко

незакінченість і деяка туманність змісту... але ж це ви-няткове явище. Чітко окреслений зміст, чистота стилю, особливо пісень «на хоро» свідчать про надзвичайну цілість в збережені традиційних форм творчості... Гадаю, що вона була не абиякою співачкою, бо коли звертався за пісенним матеріалом до своїх одно-сельчан, то вони звичайно відсилали мене до моєї ж матері: вона, мовляв, багато пісень знає»²⁴.

Первым браком Федора Николаевна сочеталась с Дмитрием Димовым, от которой у нее родился сын Иван, вторым – с Ильей Цветко, от которого родилось пятеро детей – Сергей, Елена (в замужестве – Бузник), Мария (Станко), Пелагея и Дарья (умерла в 19 лет). Свои качества хранительницы народных традиций она передала детям. По словам С. И. Цветко, старший сын Иван Димов усвоил от матери больше всего песен, Сергей Ильич также записывал песни у всех оставшихся в живых трех своих сестер. Умершая же в молодости Дарья больше других обладала певческим даром: «Не зважаючи на те, що вмерла надто молодою, вона залишила по собі серед наших родичів і сусідів

спогади, як про чудову співачку. Пригадую, що коли я з нею ще дівчиною 10-12 років працював на городі і вона співала, селяни сусідніх українських сел: Матвіївки і Баловної, ідучи з города проз наш город часто зупиняли коні і довго стояли на шляху, слухаючи її співів. Траплялось, що якась тітка розчулена її співом, зіскакувала з фургона і приносила нам гостинця»²⁵.

Следует отметить, что выдающихся успехов в науке добились также дети сестры Сергея Ильича – Елены, вышедшей замуж за Михаила Бузника. Один из них – профессор, доктор технических наук, член-корреспондент НАН Украины Виктор Михайлович Бузник, другой – доктор медицинских наук, профессор Высшей военно-медицинской Академии в Санкт-Петербурге Иван Михайлович Бузник.

Другая его сестра – Мария – вышла замуж за Дмитрия Станко. У них было пятеро детей: Домна, Федора, Ева, Мария и Никифор. Никифор Дмитриевич Станко, женившись на Марии Яни, и стал отцом Владимира Никифоровича. Следовательно, В. Н. Станко был не племянником, сыном сестры С. И. Цветко, как ошибочно указано у Барболовой З. (с. 150), а его внучатым племянником, другими словами Сергей Ильич – неродной дед (брат бабки) Владимира Никифоровича.

Таким образом, собственная этническая среда, традиции, передававшиеся в роду В. Н. Станко из поколения в поколение, безусловно, способствовали формированию его интереса к этнологии. Конечно, он с детства знал о своем двоюродном деду и его деятельности, но С. И. Цветко был арестован (1946 г.) и, вероятно, вскоре погиб, когда Владимиру Никифоровичу было только 9 лет, так что вряд ли имело место непосредственное влияние Сергея Ильича на будущего историка.

О трагически сложившейся жизни С. И. Цветко известно немного, его исследовательская работа также изучена недостаточно²⁶. Отметим главное. Сергей Ильич родился в 1884 г. в Терновке. В 1905 г. окончил с медалью Николаевскую Александровскую гимназию, после чего поступил в Новороссийский университет, где три месяца учился на медицинском факультете, а затем перевелся на историко-филологический факультет, который и завершил в 1910 г.

Во время Первой мировой войны будущий ученый служил подпоручиком в царской армии, но попал в плен, в котором провел 4 года. После окончания гражданской войны работал преподавателем истории, географии и украинского языка в школах Елисаветграда, Ольвиополя (Первомайска) и Николаева.

В 1921 г., после женитьбы, С. И. Цветко переехал в Одессу, где, работая преподавателем истории, украинского языка и литературы в Одесском сельскохозяйственном институте и других высших учебных заведениях, активно включился в работу по культурному возрождению болгар Украины в рамках проводившейся тогда политики коренизации.

В 1920-е годы Цветко С. И. собирает коллекцию болгарской народной одежды, которая впоследствии будет включена в экспозицию музея «Степная Украина», записывает десятки народных песен и образцов других жанров фольклора у болгар Украины, активно сотрудничает в Одесской комиссии краеведения, Кабинете национальных меньшинств при Этнографической комиссии Всеукраинской академии наук (с 1929 г.), в различных изданиях публикует свои исследования.

В 1933 г. С. И. Цветко был арестован и отправлен в ссылку по делу «Союза вольной Украины». После возвращения он работает директором Николаевского краеведческого

музея, директором Терновской начальной школы, инспектором областного отдела народного образования, от активной научной деятельности в этот период жизни он отходит. В 1946 г. С. И. Цветко был вторично арестован, дальнейшая его судьба неизвестна. По всей видимости, учитывая тяжелое состояние здоровья во время ареста (язва желудка в открытой форме), он вскоре скончался. Место захоронения и обстоятельства смерти остаются неизвестными.

Главный вклад внес С. И. Цветко в болгарскую фольклористику, собрав и проанализировав сотни песен и образцов других жанров устного народного творчества болгар Украины и Крыма. Им были собраны и частично опубликованы богатырские и гайдукские²⁷, а также свадебные²⁸ песни родного села, собран фольклор посиделок и помочей²⁹, магические заговоры против болезней³⁰, а наиболее объемное собрание песен болгар Благоево, Терновки и Крыма (Кишлав, Старый Крым, Сарабуз и Коктебель) сохранилось только в рукописи, как уже было сказано, опубликованной только в 2005 г.³¹ Одна из его статей посвящена происхождению и развитию образа крылатого змея в болгарском фольклоре³².

Уже в этих исследованиях Сергей Ильич ставит и чисто этнологические проблемы: происхождение и этнический состав болгар Украины, их субэтническое разнообразие, условия этнокультурного развития и этнические связи, свадебная обрядность, формы досуга, народные представления о болезнях и способах их лечения и др.

Сугубо этнологической тематике посвящены работы С. И. Цветко по свадебной обрядности³³, обрядности, связанной со сбором урожая³⁴, ткачеству³⁵, истории изучения болгарской диаспоры³⁶. Упоминается его работы по изучению «обрядов и песен, связанных с севооборотом» и «села и дома болгарских в степной Украине». Барболова З. почему-то считает эти темы публикациями С. И. Цветко (с. 149), хотя известно лишь то, что в отчете этнографически-диалектологической секции Одесской комиссии краеведения за 1924-1925 г. отмечается: «секция имеет вот такие сведения об индивидуальной работе своих членов», где по алфавиту приводятся инициалы и фамилия Цветко и указанные выше названия³⁷. Возможно, что это были доклады, возможно, только собранные полевые материалы – остается неизвестным. Известно также, что он собирал в родном селе «старую болгарскую одежду» и делал на комиссии доклад «Болгарская свадьба в с. Терновка»³⁸.

Таким образом, безусловно, что С. И. Цветко за очень короткий срок (с первой до последней его публикации прошло всего 8 лет) собрал, частично опубликовал и проанализировал богатый материал по культурному наследию болгар Украины. К сожалению, вернуться после ссылки к научному творчеству он не смог или, во всяком случае, о его исследованиях после 1932 г. ничего не известно. Его творчество – очень важный вклад в исследование этнографии болгар украинской диаспоры, которое возобновилось только после Великой отечественной войны³⁹.

Однако не только создать школу, но и логически завершить свои работы в некоем обобщающем труде С. И. Цветко не смог. Его работы по этнографии болгар были преданы забвению и фактически оставались неизвестными специалистам до 1990-х годов (не-сколько лучше сложилась судьба его фольклористического наследия). Даже процесс публикации и введения в научный оборот исследований Сергея Ильича только начался и требует большой дальнейшей работы. Поэтому вряд ли можно говорить о «продолжении» или «возрождении» этнографической школы С. И. Цветко в конце XX

в. Тем не менее, нельзя отрицать и того, что творчество деда повлияло на желание внучатого племянника восстановить память о нем и возродить его дело.

Были и объективные причины возникновения инфраструктуры этнологии в Одессе, в формировании которой исключительную роль сыграл Владимир Никифорович. Их можно разделить на внутринаучные и общественно-политические.

Среди внутринаучных причин: особенности развития этнографии в Советском Союзе – связь с проблематикой истории первобытного общества и археологии, а также ее крайняя централизация и практическое отсутствие региональных этнологических центров и школ.

В марксистском обществоведении, базирующемся на формационной теории, особое внимание уделялось проблемам истории первобытного общества. Несмотря на то, что первобытнообщинная формация, по этой схеме, – начальный и самый примитивный этап эволюции общества, в нем существовали такие явления (первобытный коллективизм), к которым необходимо вернуться на новом витке развития, отрицая ценности и институты классового общества, соответственно, в этом – значение в изучении «опыта» начального этапа истории. С другой стороны, данные первобытной истории должны были показать, что классовые институты были не изначальными, а значит и не являются вечными. Кроме того, стояла практическая задача «перевода» ряда отставших народов СССР и других идеологически близких государств из «первобытности» в социализм, минуя капиталистическую стадию развития.

«Тремя источниками и тремя составными частями» истории первобытного общества считались археология первобытности, этнография и физическая антропология. Таким образом, представитель любой из этих дисциплин на высоком уровне обобщения должен был выходить на проблематику истории первобытного общества, а с другой стороны, быть знакомым с методами и парадигмой смежных дисциплин. Ряд проблем науки воспринимались как особо актуальные одновременно для истории первобытного общества, этнографии и археологии. Так, С. А. Токарев среди основных задач этнографии проблематику, непосредственно связанную с праисторией – «проблема изучения общинно-родового строя», поставил на третье место (из шести). Он писал: «Эта древнейшая эпоха отчасти может быть изучена по археологическим раскопкам; но они дают нам мертвые, немые вещи, по которым можно в известной мере судить только о технике, об искусстве, отчасти о формах хозяйства, о постройках и других сторонах материальной культуры. Об общественном же быте первобытной эпохи все, что мы знаем, мы знаем почти исключительно из этнографического материала, т. е. изучения форм общественного строя, сохранившихся у современных, сравнительно отсталых народов. Материнский род, ранние формы брака и семьи, возрастно-половое расчленение, организация власти, обычное право доклассовой эпохи и пр. – все это стало доступным нашему пониманию только потому, что пережитки этих явлений сохранились у народов Австралии, Америки, Африки вплоть до наших дней»⁴⁰.

Таким образом, научный статус археолога, этнографа, историка первобытного общества незаметно перетекал один в другой в связи со сложившейся в советской науке парадигмой и систематикой наук. Так, В. Н. Станко впоследствии считал и называл себя этнологом, в первую очередь, в связи со своими интересами как праисторика, а не теми этнологическими проблемами, которые вышли на первый план с 1990-х годов.

Среди праисторическо-этнологической проблематики, которая была предметом научных интересов Владимира Никифоровича, следует назвать: формы присваивающего хозяйства, условия возникновения производящего хозяйства и возникновение скотоводства, проблема политогенеза – зарождения и развития форм власти в первобытном обществе, ранние формы религии (культ бизона), развитие форм семьи и социальной организации в первобытности, этнодемографический процесс в первобытности, возникновение письма, формирование понятия родины, первобытное искусство. Другой стороной его прямого научного интереса, в котором пересекалась проблематика обеих наук это – реконструкция этнокультурного процесса в Северном Причерноморье в верхнем палеолите – мезолите⁴¹. Здесь нет возможности и необходимости останавливаться на взглядах В. Н. Станко на все перечисленные проблемы, это – предмет специального исследования. Отмечу немногие моменты. Так, Владимир Никифорович отстаивал взгляд на первичность парной семьи, что, по его мнению, доказывалось формами жилища первобытных людей. Резко выступал против концепции матриархата, считая, в частности, что в разных обществах первичным мог быть и материнский, и отцовский род. Считал, что родовая организация не играла значительной роли в жизни первобытного общества, а основной социальной ячейкой была территориальная община.

Следующий момент – крайняя централизация системы этнографической науки в Советском Союзе. Это в полной мере касалось и университетских центров. В начале 1990-х годов в СССР было только семь кафедр в названиях которых присутствовало слово «этнография». Из них только одна, созданная в 1989 г., на Украине – кафедра археологии, этнографии и музееведения Киевского университета. Естественно, что, будучи талантливым организатором науки, создавшим в ходе своей жизни не одно научное подразделение, В. Н. Станко ощущал необходимость создания этнографической школы на юге Украины и оформления ее организационного центра в виде кафедры, частью задач которой было бы изучение этнографии народов Одесщины. Кафедра археологии и этнологии Украины Одесского университета стала одной из первых (и одной из немногих) кафедр в стране, где началась подготовка специалистов-этнологов.

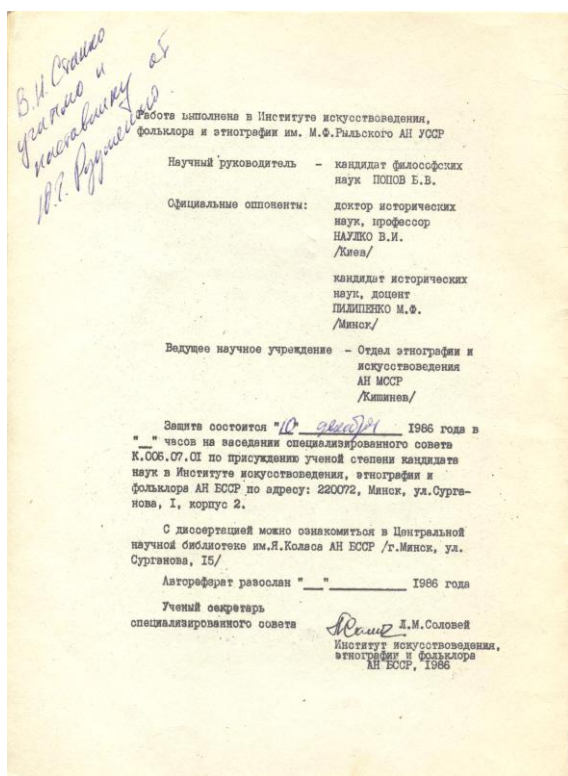
Что касается общественных причин формирования этнологии в Одессе в контексте деятельности В. Н. Станко, то они связаны с процессом культурного и общественно-политического возрождения национальных меньшинств, начавшегося в СССР в конце 1980-х годов и затронувшего, в частности, достаточно многочисленную болгарскую диаспору. В отличие от титульных народов союзных республик и автономных образований, болгары, компактно расселенные в ряде регионов Украины, не имели никаких форм автономии или самоорганизации. В 1991 г. был проведен первый и последний съезд болгар СССР, болгарской общественностью выдвигались политические требования, в том числе – создание национальной автономии⁴², начали проводиться научные конференции, посвященные болгаристической проблематике, одним словом, в обществе возникла востребованность и в научном изучении народа, обделенного в прошлом исследовательским вниманием. Здесь на первый план вышла этническая элита, не мог стоять в стороне от этого процесса и такой известный представитель болгарского народа, профессор-гуманитарий, как Владимир Никифорович Станко.

В. Н. Станко не был склонен по своему темпераменту и мировоззрению к политической деятельности, ему импонировала роль общественного судьи, эксперта, старейшины, который своим мнением и авторитетом оценивал бы действия политиков и участвовал бы в выработке стратегии общественного развития. Поэтому, участвуя в деятельности болгарских общественных организаций, он обычно находился несколько в стороне от непосредственного участия в решении наиболее острых, дискуссионных проблем болгарской диаспоры. Тем не менее, прежде всего, посредством своей научной деятельности, организацией и содействием различным проектам, В. Н. Станко принимал участие и в болгарском возрождении на Украине, которое, в свою очередь, способствовало развитию этнологических интересов ученого.

В контексте этой деятельности В. Н. Станко создает в 1995 г. и до своей смерти беспрерывно возглавляет Одесское научное общество болгаристов, входящее составной частью во Всеукраинскую болгарскую ассоциацию⁴³. Он являлся ответственным редактором органа этого общества – научного ежегодника «Одесская болгаристика», который за 2003-2006 гг. увидел свет трижды⁴⁴. Был одним из основных организаторов двух крупных международных конференций, посвященных проблемам болгаристики – «Международной конференции, посвященной 120-летию освобождения Болгарии от османского ига»⁴⁵ и очередной конференции «Болгары в Северном Причерноморье»⁴⁶ (предыдущие проводились в Велико Тырново, в Болгарии).

Первая серьезная попытка включения этнологии в парадигму исторической науки в Одессе связана с именем Юрия Григорьевича Розуменко. Будучи воспитанником исторического факультета Одесского университета этот исследователь работал в краеведческом музее, где, в частности, собирал в ходе экспедиционных поездок предметы быта народов Украины. Ю. Г. Розуменко – автор ряда статей по этнографии Южной Украины музееведческой и историографической направленности⁴⁷. Завершив аспирантуру в Институте искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рильского АН УССР (г. Киев), он 10 декабря 1986 г. защитил кандидатскую диссертацию по специальности «этнография» в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора АН Белорусской ССР⁴⁸. Однако вскоре Ю. Г. Розуменко нелепо и трагически погибает в Николаеве и научное направление, начатое им, имело продолжение только через несколько лет.

Хотя прямого отношения к защите Ю. Г. Розуменко В. Н. Станко не имел, его научным руководителем был кандидат философских наук Б. В. Попов, но в качестве первого официального оппонента выступил близкий друг Владимира Никифоровича, учившийся с ним в одни годы в аспирантуре в Киеве, известный украинский этнолог Всеволод Иванович Наулко. В. Н. Станко тепло отзывался о Ю. Г. Розуменко, высоко ценил как исследователя и считал его своим учеником. Каковы были формы сотрудничества и общения этих людей мне остается неизвестным, так как я оказался в

стенах Одесского университета уже после смерти Ю. Г. Розуменко, но роль В. Н. Станко в становлении первого в Одессе исследователя, имевшего ученую степень по специальности «этнография» подтверждается содержанием подписи Ю. Г. Розуменко на экземпляре автореферата своей диссертации, подаренном Владимиру Никифоровичу, а впоследствии передаренном последним мне (см. рис. 2).

Непосредственно же зарождение этнологии и этнологической болгаристики в Одесском университете произошло на рубеже 1980-1990-х годов. Этот процесс кратко овящен в одной из моих предыдущих публикаций⁴⁹. Будучи студентом 3-его курса исторического факультета я получил предложение от Владимира Никифоровича заняться изучением системы родства болгар Украины. Отмечу, что на 1-ом курсе я под руководством В. Н. Станко подготовил и успешно защитил курсовую работу на тему «Возникновение идеологических представлений». При этом он подарил мне несколько отдельных оттисков сообщений и статей болгарских исследователей, изучавших эту проблему у населения метрополии: Иваницки Георгиевой, Лилии Радевой, Детелины Московской, подаренных ему, в свою очередь, этими учеными (рис. 3). Он предложил воспользоваться методикой, разработанной в Болгарии, собрать полевые материалы у болгар СССР и написать исследование на эту тему. В. Н. Станко вспоминал, что этой темой у него некогда занималась его студентка – болгарка Акулина Тодорова (в замужестве – Федоренко), но после завершения обучения она вышла замуж и бросила научные занятия.

Рис. 2. Подпись Ю. Г. Розуменко автореферата, подаренного В. Н. Станко

мне методику полевой этнографии, как он ее подарил мне блокнот для дневника, а 24 февраля 1991 шил по собственной со мной поездке в для сбора материала у этого села. Сохранились его этом дневнике по нашей однодневной поездки Летом этого же года В. Н. добился выделения средств охраны памятников для командирования меня в компактного расселения юг Одесской области с материала по этой же теме. результаты эмпирических

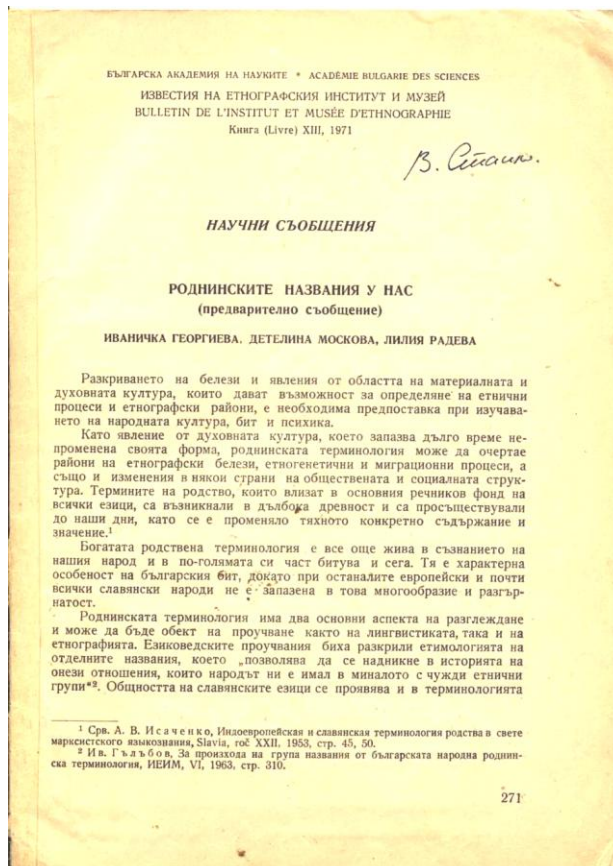

Рис. 3. Первая страница отдельного оттиска статьи И. Георгиевой, Д. Москвой, Л. Радевой

В. Н. Станко объяснил работы понимал, полевого г. совершили инициативе Кремидовку болгар записи в результатам (рис. 4-5). Станко обществом район болгар на целью сбора Первые исследований, представленные мной в

рукописном виде, были обнародованы самим Владимиром Никифоровичем уже в начале февраля 1991 г. на 2-х Дриновских чтениях в Харькове⁵⁰. Так было положено начало этнологической болгаристике в Одесском университете. Вскоре и некоторые другие студенты стали заниматься разработкой различных проблем этнографической науки.

В последнее время появились «откровения» о том, что «идея про сучасні етнологічні дослідження Степової України» за-родилась «у складі загону археологічної експедиції в Анетівці», «і там же були створені та апробовані перші методики»⁵¹. В этом

случае не может не вызывать удивления, почему «этнологические исследования» многие годы реализовывались у автора вышеприведенных строк лишь в виде изучения комсомольского движения в Одессе.

Необходимость полевого метода – еще одна особенность, которая объединяет по-знавательный процесс в археологии и этнологии. В. Н. Станко был истинным полевиком, любителем путешествий, лишений, которые с ними связаны, приключений. Вспоминается, что когда кто-то из тогдашних руководителей одного из южных районов Одесской области в разговоре со мной – студентом, на котором присутствовал и В. Н. Станко, предложил предоставить мне автомобиль и проводника для объезда болгарских сел, ученый категорически

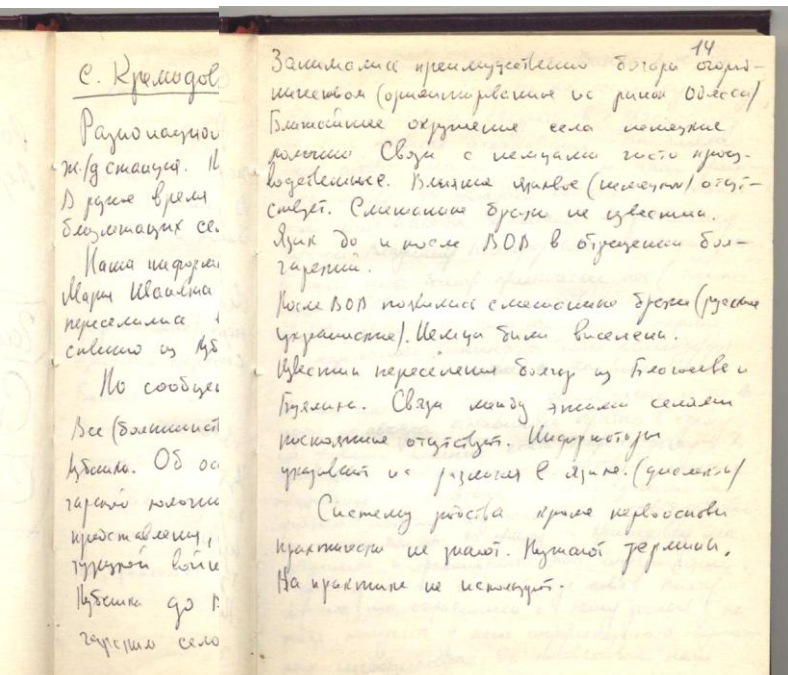

Рис. 4. Запись в этнографическом дневнике (продолжение)

запретил это делать, заметив, что когда он был молодым, то пережил все трудности полевой работы, что во-многом и сформировало его как исследователя, это же, по его мнению, должен был пройти и я. В другой раз он рассказывал, что когда в одном из годов его работы в университете его вызвали с «поля» в Одессу для приема вступительных экзаменов, отвлекая от любимой работы, он практически всем абитуриентам поставил неудовлетворительные оценки. После этого случая В. Н. Станко больше никогда не отвлекали от проведения летней практики. Ученый считал, что в основе любого вывода должен быть лежать эмпирический факт, отвергая ценность априорно-дедуктивного метода.

Надо сказать, что в подготовке появившихся позднее статей, посвященных этнографическому изучению болгар Украины в Одесской области, опубликованных в соавторстве: В. Н. Станко и А. В. Шабашова⁵², Владимир Никифорович играл роль, прежде всего, редактора и вдохновителя. Непосредственно этнологическими исследованиями он не занимался. Он ограничивался тем, что следил за развитием этнологии на историческом факультете, помогал советами, но решающий его вклад на первом этапе становления этнологии в Одессе заключался в организации инфраструктуры этой науки. Кроме вышесказанного, им была создана лаборатория

археологии и этнографии степной Украины, кафедра археологии и этнографии (позднее – этнологии) Украины, открыта специализация, а затем и специальность «этнология», он был научным руководителем нескольких кандидатских диссертаций, непосредственно или отчасти касающихся этно-графии народов Южной Украины, был ответственным редактором ряда этнографи-ческих изданий⁵³.

В последние годы жизни В. Н. Станко включился в проект по изучению греков Северного Причерноморья. На интерес к этой проблеме повлияли греческие корни матери В. Н. Станко, а, возможно, косвенно, и интерес ученого к античной археологии и истории, в которых он неплохо разбирался. Отметим, что своего младшего сына – Максима – Владимир Никифорович сориентировал на изучение греческой эпиграфики, направил его для обучения в Грецию, сам не раз бывал в этой стране.

Кроме прочего, на историческом факультете Одесского университета В. Н. Станко в разные годы читал курсы «Основы этнографии», «Этнология», этнографические материалы широко использовал при чтении курсов «История первобытного общества», «Полигогенез древнего населения Украины» и др.

Вместе с тем, место В. Н. Станко в развитии этнологии в Одессе (как и саму его личность) нельзя охарактеризовать с помощью только одной гаммы красок. При безусловно решающей его роли в процессе создания инфраструктуры этой науки в Одессе, по моему мнению, были и негативные моменты, связанные с его деятельностью. Наряду с серьезными и глубокими исследованиями, вводящими новый эмпирический материал и новые подходы к исследованию народов Северного Причерноморья, под непосредственным руководством В. Н. Станко или с его негласного согласия выходили и работы, носящие откровенно конъюнктурный характер, а то и попросту непрофессиональные и безграмотные. Сам факт развития научных подразделений зачастую был для него важнее, чем качество проводимых в его стенах исследований, количество подготовленных специали-стов – важнее уровня их профессиональной подготовки, личные отношения – важнее поиска истины.

Подводя итоги, можно сказать, что долгие годы этнология непосредственно входила в круг профессиональных интересов В. Н. Станко. Ряд проблем истории первобытного общества, в исследование которых он внес существенный вклад, является в англо-американской традиции предметом социокультурной антропологии. В. Н. Станко сыграл решающую роль в создании инфраструктуры этнологии в Одессе, до него не имевшую здесь должного развития. Практически все научные кадры этнологов в Одессе либо являются прямыми учениками Владимира Никифоровича, либо в своем становлении как исследователи испытали огромное влияние с его стороны. Владимир Никифорович Станко, будучи всемирно известным археологом и историком первобытного общества, навсегда вписал свое имя и в историю развития этнологической науки Украины.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Шабашов А. В.* Владимир Никифорович Станко // Видные ученые Одессы. – Вып. 7. – Одесса, 1997. – С. 76-81; *его же.* Жизнь в науке // Времена и годы: (воспоминания ветеранов войны и труда Одесского университета). – Вып. 1. – Одесса, 1998. – С. 123-127; на основе вышеуказанных моих статей было подготовлено поздравление, опубликованное без авторства в журнале «Археология»: До 60-річчя

Володимира Никифоровича Станка // Археологія. – 1997. – № 3. – С. 154-155; с другой стороны, в журнале «Болгаристика и болгаристы» вышла заметка за подписью А. В. Шабашова и А. А. Пригарина, к которой я непосредственного отношения не имею: Пригарин А. А., Шабашов А. В. Владимир Никифорович Станко // Болгаристика и болгаристи. – 1997. – № 3. – С. 3-6.

2. Занетов Г. Българските колонии в Русия. 2. Земледельческие колонии в Херсонской и Таврической губернии // ПСп. – 1892. – Кн. 39. – С. 381.

3. Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731-1825. – Ч. 2. – Одесса, 1838. – С. 35-37; Атлас болгарских говоров в СССР. – Ч. 1. – М., 1958. – С. 10-11; Грек И., Червенков Н. Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще. – София, 1993. – С. 11; Шабашов А. В. Ойконимия болгарских населенных пунктов Юга Украины (Одесская, Кировоградская, Николаевская области) // Българска Бесарабия. – Вып. 1. – Болград, 1999. – С. 67, 94, 109-110, 114, 117-118.

4. Кветко С. І. Весільні звичаї і пісні у болгар на Херсонщині. (Село Тернівка на Миколаївщині) // ВОКК. – Ч. 2/3. – Одеса, 1925. – С. 217.

5. ГАОО. – Ф. 252. – Оп. 1. – Ед. хр. 998. – Л. 1-13.

6. Там же.

7. Кветко С. І. Вказ. праця. – С. 217.

8. Там само. – С. 217-218.

9. Атлас болгарских говоров в СССР. – Ч. 1. – М., 1958. – С. 39-40.

10. Кветко С. І. Вказ. праця. – С. 217.

11. Български диалектен атлас. – Т 1. Югоизточна България. – Ч. 2. – София, 1964. – С. 15-16.

12. Атлас болгарских говоров в СССР. – С. 40; Стойков С. Образуване на бъдеще време (футурум) в съвремения български език // Езиковедско-етнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски. – София, 1960. – С. 239-257.

13. Шабашов А. В., Шабашова Ю. О. Система родства у болгар Южной Украины (по материалам Одесской и Николаевской областей) // БЕЖ. – 1994. – Т. 1. – С. 167, рис. 10 на с. 179; Шабашов А. В. Терминология родства болгар Украины // ЗІФ. – 1996. – Вып. 3. – С. 73, 77.

14. Български диалектен атлас. – С. 16.

15. «Нелишне узнать из первоисточника» (С бывшим заместителем директора Института этнографии С. И. Бруком беседует В. А. Тишков) // ЭО. – 1995. – № 1. – С. 96-97.

16. Български диалектен атлас. – С. 16; Нейков Б. Факийско предание. Сборки от народния живот. – София, 1985. – С. 17.

17. Български диалектен атлас. – С. 17.

18. Шабашов А. В. До реконструкції типології сім'ї болгар і гагаузів Південної Бессарабії у 10-х – 60-х роках ХІХ ст. 1. Постановка проблеми. Загальна типологія родини // ЗІФ. – 2002. – Вып. 12. – С. 104-106.

19. Шабашов А. В. Сергей Ильич Цветко: судьба и творческий путь этнолога и фольклориста болгарского населения Украины // Проблемы славяноведения. Сборник науч-ных статей и материалов. – Вып. 1. – Брянск, 2000. – С. 114-123.

20. Цветко С. Български народни песни от Украйна и Крим. – София, 2005.

21. *Барболова З.* Няколко думи за Сергей Цветко // *Цветко С.* Български народни песни от Украйна и Крим. – С. 148-150.
22. *Цветко С. І.* Пісні болгар України і Криму // *АІМФЕ.* – Ф. 7-2. – Д. 11.
23. Там само.
24. Там само.
25. Там само.
26. *Горбань І.* Сергей Цветко (1884-?) // *НЗ.* – 1996. – № 4. – С. 266-268; *її ж.* Фольклор і фольклористика болгар в Україні. – Львів, 2004. – С. 129-135; *Шабашов А. В.* Сергей Ильич Цветко...; *Ласінська М. Ю.* Сергей Ілліч Цветко: життя і діяльність етнолога, краєзнавця // *Науковий вісник Миколаївського державного університету.* – 2005. – Вип. 11. Історичні науки. Збірник наукових праць. – С. 249-253.
27. *Кветко С. І.* Хайдутські болгарські пісні с. Тернівка на Миколаївщині // *ВОКК.* – Ч. 1. – Одеса, 1925. – С. 22-23; *його ж.* Юнацькі і хайдутські пісні у болгар // *ЕВ.* – 1926. – Кн. 3; *його ж.* Варіанти до юнацьких і гайдуцьких пісень (с. Тернівка) // *АІМФЕ.* – Ф. 1-4. – Д. 247. – Л. 13.
28. *Кветко С. І.* Весільні звичаї і пісні у болгар на Херсонщині. – С. 217-238.
29. *Цветко С. І.* Сидянки та меджії // *АІМФЕ.* – Ф. 1-4. – Д. 247. – Л. 1-12.
30. *Цветко С.* Хороба «Урама» та її лікування в болгарській народній медицині // *ЕВ.* – 1932. – Кн. 10. – С. 107-122; *його ж.* Замови проти різних хороб у болгар, записані в Тернівці на Миколаївщині. 1926 // *АІМФЕ.* – Ф. 1-4. – Д. 246 (первые страницы в рукописи отсутствуют); *Ласинская М. Ю.* также упоминает, не указывая выходных данных, работу: «Замови, записані зі слів знахарок баби Степаниши Генової і Марії Коч (1925)».
31. *Цветко С.* Български народни песни от Украйна и Крим.
32. *Цветко С. І.* Генеза мотиву крилатого змія в болгарських народних піснях // *ЕВ.* – 1930. – Кн. 9. – С. 3-30; По *Горбань І.*, также в: *АІМФЕ.* – Ф. 1-4. – Д. 140.
33. *Цветко С. І.* Симболічні речі й обряди в болгарському весіллі в порівнянні з українським // *ЕВ.* – 1928. – Кн. 6. – С. 1-15.
34. *Цветко С. І.* Славянские обряды и празднества сбора урожая в их историческом развитии // *Рукописный фонд библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петер-бург).* – Ф. 1006. – 415-417.
35. *Цветко С. І.* Болгарський варстат // *Матеріяли до етнології.* – 1929. – № 2. – С. 89-103.
36. *Цветко С. І.* Огляд літератури про болгарські колонії на Україні, в Криму та Бесарабії (1929) // *ІР НАНУ.* – Ф. 10. – Од. зб. 1066 и 22971.
37. *Волков Р. М.* Звіт про діяльність секції етнографічно-діалектологічної // *ВОКК.* – Ч. 2/3. – Одеса, 1925. – С. 167-168.
38. Там само. – С. 166-167.
39. *Шабашов А. В.* Етнологічна болгаристика в Одеському (Новоросійському) університеті: уроки і перспективи // *ЗІФ.* – 2007. – Вип. 16. – С. 37-38.
40. *Основы этнографии* / *Под. ред. С. А. Токарева.* – М., 1968. – С. 15.
41. *Радзиховская Е. А. В. Н.* Станко как исследователь этнокультурного процесса в первобытности в Северном Причерноморье // *Настоящее издание.* – С. 381-384.
42. *Всеукраинской болгарской ассоциации – 10 лет.* – Одесса, 2003. – С. 39-47.
43. Там же. – С. 199-200.

44. Одеська болгаристика: Науковий щорічник Одеського наукового товариства болгаристів. – 2003-2006. – № 1-4.
45. Україна і Болгарія: віхи історичної дружби (матеріали міжнародної конференції, присвяченої 120-річчю визволення Болгарії від османського іга) /Редагування і вступне слово – В. Н. Станко. – Одеса, 1999.
46. Българите в Северното Причерноморие: Изследвания и материали. – Т. 9. – Одеса, 2006.
47. Розуменко Ю. Г. Етнографічні джерела другої половини ХІХ століття у фондах Одеського обласного державного архіву //НТЕ. – 1984. – № 1; *его же*. Изучение народонаселения Юга Украины и задачи научно-пропагандистской деятельности областных историко-краеведческих музеев //Музей и этнографические проблемы современности. Тезисы докладов научно-практической конференции Государственного музея этнографии народов СССР. – Секция 1. – Ленинград, 1984; *его же*. Задачи изучения и формы музейного показа памятников народной архитектуры на Юге Украины //Музей народной архитектуры и быта, принципы создания, проблемы развития в свете постановления ЦК КПСС «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев». Тезисы докладов (6-7 сентября 1984 г., г. Киев). – К., 1984; *його ж*. Етнографічне вивчення півдня України у ХІХ ст. (На матеріалах архіву Географічного товариства СРСР) //НТЕ. – 1985. – № 4; *його ж*. Матеріали по етнографії Поділля другої половини ХІХ – першої половини ХХ ст. в архівах, музеях Ленінграду та Одеси //Проблеми етнографії Поділля. Тези доповідей наукової конференції. – Кам'янець-Подільський, 1986; *его же*. Задачи этнографического музееведения //Изучение памятников фольклора и этнографии. – Вып. 1. – Одесса, 1986.
48. Розуменко Ю. Г. Етнографічне изучение населения Юга Украины в ХІХ – начале ХХ века. Автореф. дис... канд. ист. наук. – Минск, 1986.
49. Шабашов А. В. Етнологічна болгаристика в Одеському (Новоросійському) університеті... – С. 39-41.
50. Станко В. Н. Изучение системы кровного родства у болгар Южной Украины //Болгаристика в системе общественных наук: опыт, уроки, перспективы. 2-ые Дриновские чтения. – Харьков, 1991. – С. 150-151.
51. Марченко О. М., Пригарін О. А. Історико-етнографічне вивчення Степового Побужжя як складової Півдня України у ХІХ-ХХ ст. //Наукові праці: Науково-методичний журнал. – Т. 96. Вип. 83. Історичні науки. Присвячується пам'яті В. Н. Станко (1937-2008), археолога, історика, етнолога, доктора історичних наук, професора, академіка. – Миколаїв, 2008. – С. 124.
52. Станко В. Н., Шабашов А. В. Етнографічне изучение болгар Южной Украины в Одесском университете: методика и направление исследований //ЗІФ. – 1996. – Вип. 3; *их же*. Етнографічне изучение на българите от Южна Украина в Одеския университет: методика и направление на изследванията //БЕ. – 1996. – Год. ХХІІ. – Кн. 2; *их же*. Етно-логіческа болгаристика в Одеском университете //Україна і Болгарія: віхи історичної дружби (матеріали міжнародної конференції, присвяченої 120-річчю визволення Болгарії від османського іга). – Одеса, 1999.
53. Список соответствующих работ см.: Агбунов М. В., Дзиговський О. Н., Шабашов А. В. Володимир Никифорович Станко //Настоящее издание. – С. 337-339.

М. С. ВОРОНЦОВ И ЕГО ЭПОХА: ВЗГЛЯД ИСТОРИКА

Светлейший князь Михаил Семенович Воронцов – выдающийся государственный деятель, генерал-губернатор Новороссии значительную часть жизни провел в Одессе. Здесь же он похоронен в стенах кафедрального Спасо-Преображенского собора. И не случайно, что начиная с 2007 года, в Одессе проводится Международная научно-практическая конференция «Воронцовские чтения», по итогам которых издается «Воронцовский сборник». Вторые Воронцовские чтения состоялись 6-7 ноября 2008 года и были посвящены 200-летию Спасо-Преображенского кафедрального собора. В рамках конференции работали две секции: «Государственная, административная и военная деятельность в России во времена М. С. Воронцова» и «Роль православной церкви в освоении Северного Причерноморья и обустройстве Новороссии». В работе конференции приняли участие 25 исследователей из пяти городов и трех стран (Россия, Украина, Молдова).

В докладе И. С. Гребцовой (Одесса) «Частная благотворительность в становлении и развитии Ришельевского лицея в Одессе» говорится об основании Ришельевского лицея на базе уже существующих в начале XIX в. учебных заведений г. Одессы. Автор рассматривает источники финансирования лицея, состоявшие, в основном, из пожертвований частных лиц. Уделяется внимание и помощи, оказанной Ришельевскому лицей М. С. Воронцовым, выразившейся в передаче права на выпуск справочного ежегодника «Новороссийский календарь». Прослеживает автор и динамику в изменении социального состава студентов лицея в 40-50-х годах XIX в.

Следующая страница в истории Одессы, истории образования и деятельности М. С. Воронцова раскрывается в докладе С. Е. Березина (Одесса) «От Ришельевского лицея к Новороссийскому университету: к вопросу о преемственности развития высшей школы в Одессе». Здесь рассмотрен сложный и длительный процесс преобразования лицея в университет, начатый еще попечителем Одесского учебного округа Д. М. Княже-вичем. Автор отмечает роль М. С. Воронцова и его деятельное участие в этом процессе.

Целый ряд докладов был посвящен вопросам социально-экономического развития Новороссийского края и Бессарабии под руководством светлейшего князя Михаила Семеновича Воронцова. С. В. Милевич (Одесса) отразила «Особенности социально-экономической политики генерал-губернатора М. С. Воронцова (на примере развития пароходства и торговли)», выразившиеся в росте торгового оборота, предпринимательства, развитии порта и всей инфраструктуры города. Докладчик отмечает, что М. С. Воронцов сохранил и продолжил лучшие традиции своих предшественников и, понимая, что финансовое благополучие города и края базируется на внешней торговле, уделял пристальное внимание обустройству не только одесского порта, но и мелких портовых городов – Аккермана и Измаила. Развитие этих портовых городов было крайне важно, так как главной составляющей южнороссийского экспорта была торговля пшеницей.

Еще одной важной отрасли сельского хозяйства России посвящался доклад О. В. Волобуева и О. О. Волобуева (Москва) «Виноградарство и виноделие в Крыму в

первой половине XIX в.», в котором была сформулирована идея о государственной стратегии хозяйственного освоения Новороссийского края, разработанной в администрации М. С. Воронцова. К основным направлениям данной стратегии относилось и развитие промышленного виноградарства и виноделия, что подразумевало не только выращивание собственной виноградной лозы, но и открытие перерабатывающих комплексов, а также обучение специалистов-виноградарей, что осуществлялось в открытом в 1849 г. четырехгодичном училище.

Тему хорошо продуманной стратегии в аграрной сфере продолжил и А. А. Сурилов (Одесса) в докладе «Инновационная политика губернатора М. С. Воронцова. К 180-летию со дня основания Общества аграриев Юга России». Именно М. С. Воронцов в декабре 1828 г. исходатайствовал от императора Николая I разрешение на учреждение в Одессе Общества сельского хозяйства Южной России, бессменным президентом которого стал до конца своих дней. По современным понятиям это общество было настоящей сельско-хозяйственной академией со своей научно-производственной базой в виде 15 десятин земли рядом с Ботаническим садом, и научным изданием.

Дальнейшее развитие аграрная тема получила в докладе С. А. Мясина (Киев) «М. С. Воронцов, П. А. Столыпин и Д. Ф. Аяцков – духовные и исторические параллели». В докладе сделаны интересные исторические сопоставления экономической политики Михаила Семеновича и Петра Аркадьевича: Воронцов первым еще в первой половине XIX в. обозначил проблему частной собственности на землю, а Столыпин реализовывал эту идею в начале XX века.

О глубокой заинтересованности Михаила Семеновича в процветании Новороссии свидетельствует и доклад О. Б. Демина (Одесса) «Проекты переселения евреев начала 1840-х годов и М. С. Воронцов», в котором делается анализ предложений Воронцова правительству по поводу переселения евреев из западных областей в крупные города. Михаил Семенович предлагал противоположное решение проблемы, а именно превращение переселяемых евреев в земледельцев за счет казенных средств. Кроме того, он негативно отзывался о предложенном правительством делении еврейского народа на «полезных и бесполезных», что говорит о его прогрессивных воззрениях.

О благотворном влиянии политики М. С. Воронцова на социально-экономическое развитие Бессарабии говорилось в докладе С. Г. Суляка (Кишинев) «Отношение администрации Бессарабии к русинам (первая половина XIX века). Будучи наместником Бессарабской области Михаил Семенович строил церкви, открывал училища, обустроивал дороги и мосты. Все это не могло не сказаться и на росте численности населения и, если в северных и центральных уездах численность увеличивалась за счет естественного прироста, то в южных и за счет переселенцев. К примеру, в Хотинском уезде численность населения возросла в 11,5 раз с 1812 по 1858 гг.

Сложному вопросу о деятельности Воронцова во время так называемого «чумного бунта» посвящен доклад А. А. Фесенко и И. Е. Шпаковой (Севастополь) «Роль М. С. Воронцова в подавлении восстания в городе Севастополе в 1830 году. Анализ источников». Архивные документы, а именно переписка командира Черноморского флота и портов А. С. Грейга с М. С. Воронцовым позволила авторам сделать вывод о том, что приказы последнего не всегда отличались объективностью, что и

спровоцировало сам бунт, а вмешательство Воронцова в дела Севастопольского военного губернатора, который ему не подчинялся, обострило бывшие до сих пор приятельскими отношения между ним и Грейгом.

Покровительственная политика, характерная для М. С. Воронцова по отношению к науке и культуре нашла свое отражение в нескольких выступлениях, заслушанных на конференции. С помощью Воронцова были открыты музеи древностей в Одессе (1825) и Керчи (1826), в собраниях которых значительное место было отведено монетам древнегреческих городов-колоний. О пополнении этих коллекций говорится в докладе Т. А. Избаш-Гоцкан и И. Н. Шкляева (Одесса) «М. С. Воронцов и развитие нумизматических штудий в Одессе». Семья Воронцовых подарила одесскому музею целый ряд ценных артефактов, купленных за свой счет, кроме того, Михаил Семенович оказывал всяческую поддержку Ивану Павловичу Бларамбергу – первому директору обоих музеев и специалисту в области античной нумизматики.

О меценатской деятельности Воронцова в области искусства сообщалось в докладе Ю. А. Письмака (Одесса) «М. С. Воронцов – покровитель искусств». С личностью генерал-губернатора Новороссийского края связано творчество архитекторов Томаса Харрисона, Эдуарда Блора, Франца Боффо, Георгия Торричелли, художников И. К. Айвазовского, Луизы Дессеме, Карла Гампельна и др. К примеру, при поддержке Михаила Семеновича по проектам Торричелли были возведены церковь Св. Иоанна Златоуста в Ялте, Михайловская церковь в Одессе; Воронцов стал и инициатором возведения памятника герцогу А. Э. де Ришелье, исполнение которого доверили Ивану Мартосу. По заказу Воронцова художник Карло Боссоли создает виды Одессы, а после стажировки в Италии по приглашению Михаила Семеновича и Елизаветы Ксаверьевны переезжает в Алупку, где создает целый цикл видов Крыма.

О творчестве художника и его взаимоотношениях с Воронцовыми повествует доклад Л. А. Щербины (Одесса) «М. С. Воронцов и Карло Боссоли». О сложных перипетиях отношений Александра Сергеевича Пушкина и графа Воронцова рассказывается в докладе Т. А. Савиловой (Одесса) «М. С. Воронцов и А. С. Пушкин». Тема, привлекающая внимание историков и филологов не первое столетие, освещалась автором с точки зрения творчества Пушкина в одесский его период. На посту Новороссийского генерал-губернатора Воронцов позаботился и об осуществлении печатных изданий в Одессе.

В докладе А. Д. Картелян (Одесса) «А. Г. Тройницкий – публицист и общественный деятель эпохи М. С. Воронцова» говорится о редакторе двух одесских периодических изданий «Одесского вестника» и «Journal d'Odessa» (с 1834 г.) Тройницком. Автор анализирует переписку и приходит к выводу, что Воронцов проявлял постоянный и искренний интерес к содержанию данных изданий, осознавая их важную общественно-политическую значимость. Известно, что граф Воронцов был высокообразованным человеком и не случайно в Алупкинском дворце собрана огромная библиотека. К сожалению, и книги и мебель со временем подвергаются заражению насекомыми.

О сложных и небезопасных работах по фумигации фондов дворца рассказывается в докладе А. С. Марчук (Киев) «Реставрационные работы в мемориальной библиотеке Воронцовых». Только фумигация бромистым метилом под пленочным укрытием помогла сохранить библиотеку от дальнейшего поражения и разрушения.

В обстоятельном докладе А. П. Афанасьева (Москва) «Русская Православная церковь и вопросы общечеловеческой нравственности» затронуты проблемы соотношения христианской и общечеловеческой морали, моральных принципов в России XIX века и современного человека.

О соотношении своих поступков с глубокими религиозными убеждениями говорится в докладе О. Е. Лихачевой (Одесса) «Церковное воспитание. По материалам мемуаров преподавателя Ришельевского лицея А. И. Георгиевского». В воспоминаниях Георгиевского нашли отражение многие факторы, повлиявшие на формирование его личности, в первую очередь религия, что неоднократно подчеркивал автор.

В докладе М. В. Ступко (Севастополь) «Георгиевский монастырь и поиски храма Дианы в XIX в.» раскрывается роль монастырских властей в археологическом изучении древних святынь, в частности храма Артемиды в районе мыса Фиолент (в Севастополе), также подчеркивается повальное увлечение античностью, характерное для воронцовской эпохи – эпохи романтиков и путешественников.

Теме вклада православной церкви в развитие археологических познаний, а также становлению «церковной археологии» посвящен доклад Е. Я. Туровского и А. А. Филиппенко (Севастополь) «Православная церковь Крыма и археология в дореволюционный период». Авторы отмечают заслуги митрополита Евгения (в миру Е. А. Болховитина), чья работа «О следах древнего греческого города Херсона» оставила значительный след в историографии. Особое внимание уделено деятельности архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия, который высказал идею строительства храма святого Влади-мира в память о его крещении в Херсонесе, храма задуманного как реконструкция древней церкви, в которой и происходило крещение. Высокая духовность и следования моральным принципам христианства характерны для всей деятельности Михаила Семеновича Воронцова на посту генерал-губернатора Новороссийского края.

Об открытии в его бытность на этом посту церкви святого Архангела Михаила, об учреждении женского Михайло-Архангельского монастыря говорится в докладе Ф. А. Самойлова (Одесса) «Чета М. С. и Е. К. Воронцовых в истории Одесского кафедрального Спасо-Преображенского собора». Подробно рассматривается история возведения главного храма Одессы, подчеркивается постоянная забота Воронцова о завершении строительства колокольни и обновлении собора.

Сочетание сугубо исторических вопросов, поднимаемых в докладах, с высоким нравственным настроем выступлений, посвященных православию, позволили создать особую творческую атмосферу. Этому способствовало и само место проведения конференции – красивейший Андреевский зал восстановленного Спасо-Преображенского собора.

По итогам конференции состоялась плодотворная дискуссия, в которой широко был отмечен выдающийся вклад Светлейшего князя М. С. Воронцова в культурную, экономическую, военную жизнь Российской империи первой половины XIX века.

ЕГИПТОЛОГІЯ - ЙОГО СТИХІЯ: ДО 90-Х РОКОВИН ОЛЕКСАНДРА ЛЕОПОЛЬДОВИЧА КОЦЕЙОВСЬКОГО (1887-1919)

Духовна місія людини нерідко вимірюється специфікою ореолу його особистості, тобто її невидимого світла, незгасного духовного струменя. Є постаті з ореолом борця, великомученика, шукача, полеміста, подвижника, протестанта, реформатора, ідеолога, до яких останнім часом дедалі частіше звертають свій погляд дослідники. Але ж в українській культурі чимало постатей й з ореолом інтелектуальності, культурності, науковості світового рівня, до яких належить і вчений-єгиптолог Олександр Леопольдович Коцейовський.

На початку ХХ ст. його ім'я було мало відомим, але він був серед тих, хто рухав громадську культуру й суспільну ментальність у напрямі інтелектуальності, підвищення рівня самоосвіти та натхненно вірив у конструктивний потенціал людини, здоровий глузд суспільства, інтелектуальні сили прогресу й поступовість розвитку науки. За канонами життя людина стає популярною за свої часи, щоб ця популярність збереглася й надалі. Проте у випадку О. Л. Коцейовського, прижиттєва слава, яка річ небезпечно примхлива й зухвало несподівана, не пестила його, але й не так щедро осявала після смерті. Слави ніколи не буває замало, проте інколи її буває забагато. І коли вона гасне, то це одне питання, а коли виникає потреба у реставрації не тільки образу особистості, її справ, внеску у культурне життя суспільства, а й пам'яті про цю особистість, то це зовсім інше. Тому з нагоди 90-х роковин вченого, який все своє коротке життя віддано присвятив науці та відвідав смерть у віці Христа, хотілося б згадати про його творчий шлях і практичний доробок.

До нинішнього часу нема значних наукових праць узагальнюючого характеру, в яких би було здійснено спеціальне, комплексне дослідження життя та діяльності О. Л. Коцейовського у контексті нової методологічної основи, вільної від будь-яких ідеологічних догматів. Наукова та публіцистична література про вченого незначна, що характеризується відсутністю системного підходу до вивчення його історичної творчості. Перші публікації, що з'явилися у періодичній пресі після смерті вченого, – були некро-логи. 2 лютого 1920 р. в одеській газеті «Родное слово», редагованій за участю письменника-академіка, лауреата Нобелівської премії І. О. Буніна, який на той час перебував в Одесі, з'явився коротенький некролог невідомого автора¹. Наступного року в журналі «Наука на Україні» вийшла стаття професора Харківського університету Є. Г. Кагарова², одного з опонентів магістерської дисертації О. Л. Коцейовського.

У подальшому, починаючи з середини 1920-х рр. і до середини 1980-х рр., у часи відмови від дореволюційної наукової спадщини та ідеологічної заангажованості історичної науки радянською владою, дослідження життя і творчості О. Л. Коцейовського припинилося. У цей період лише у працях Н. М. Постовської³ та В. Замаровського⁴ зустрічались згадки про забутого вченого, як одного з учнів академіка Б. О. Тураєва (1868-1920) – основоположника російської наукової школи історії Давнього Сходу, видатного єгипто-лога. А в «Історії Одеського університету за 100 років» навіть неправильно вказано його ініціали⁵. Якісно новим, у вивченні наукової творчості вченого-єгиптолога,

став період починаючи з другої половини 1980-х рр., що позначилось статтею заслуженого діяча мистецтв України Г. Д. Зленка⁶. Він уперше подав основні відомості про життя та наукову діяльність О. Л. Коцейовського, окреслив коло проблем, які вчений намагався вирішити у своїх працях, гостро поставивши питання про необхідність вивчення його наукової спадщини. Визнаючи заслуги О. Л. Коцейовського у царині сходознавства, китаєзнавства та єгиптології, відповідно історики Д. П. Урсу⁷, В. О. Кіктенко⁸, О. О. Романова⁹ зробили спробу віднайти основу його наукової творчості саме у цих галузях. Додаткові відомості про вченого можна знайти у роботах В. Н. Ярцевої¹⁰, С. Є. Березіна¹¹, О. В. Томашевич¹².

Сучасний період визначається як якісно новий у вивченні наукової творчості О. Л. Коцейовського, хоча у кількісному відношенні він поступається попередньому. Визначною подією стало перевидання 2000 р. у Росії під загальною редакцією О. С. Четве-рухіна праці вченого – «Тексти пірамід»¹³, яка давно стала бібліографічною рідкістю.

У виданні повідомляється, що переклади текстів, виконані «російським сходознавцем», подані передмова, коментарі та включено низку статей, присвячених різним аспектам вивчення пірамідних текстів, і фотографії всіх надписів з піраміди фараона Уніса. Про автора перекладу – О. Л. Коцейовського, на жаль, говориться тільки те, що він «згинув у вирі громадянської війни».

Підводячи підсумок історіографічного огляду з досліджуваної проблеми можемо констатувати, що наукова думка невпинно рухається в бік розширення знань про О. Л. Коцейовського. Однак, відсутність ґрунтовної узагальнюючої праці, що висвітлювала б погляди вченого, його місце та роль у науці та духовній історії, обумовила вибір теми даного дослідження.

Олександр Леопольдович народився 15 (2) січня 1887 р. у Чернігові в родині титулярного радника. За віросповіданням його батько Леопольд Остапович належав до римо-католиків, а мати – Ганна Михайлівна до православних християн¹⁴. Середню освіту почав отримувати у Чернігівській класичній чоловічій гімназії, а згодом продовжив навчання у гімназіях Києва (1896-1900) і Петербурга (1900-1906). Відразу після закінчення останньої вступив на історичне відділення історико-філологічного факультету Санкт-Петербурзького університету, який закінчив 1910 р. Під час навчання з молодших курсів захопився історією стародавнього світу і наполегливо працював під керівництвом професорів Ф. Ф. Соколова (історія Греції і епіграфіка), Е. Д. Гримма (історія Риму), С. О. Жебельова (грецька література), П. К. Коковцева (семітична філологія), Б. О. Тураєва (історія Сходу, єгиптологія). Надзвичайна захопленість талановитого студента старожитностями особливо вразила Б. О. Тураєва (учня провідних європейсь-ких єгиптологів О. Лемма, А. Ермана, Г. Масперо) і за його пропозицією після закінчення університету О. Л. Коцейовський був залишений для підготовки до професорського звання по кафедрі загальної історії, де він сконцентрував увагу на вивченні мови і культури Єгипту. Склавши 1913 р. магістерські іспити, молодий вчений вирушив у за-кордонне відрядження до Берлінського університету, професори якого були родоначаль-никами місцевої школи єгиптологів та створили в університеті центр з дослідження цієї тематики. Тут він за допомогою професорів А. Ермана і Г. Мьоллера вивчав давньо-єгипетські літературні і ділові пам'ятки, а під керівництвом професора Г. Штрака ассириологію і стародавні єврейські мови¹⁵, що остаточно визначило характер і напрям його дослідницьких інтересів.

З початком першої світової війни О. Л. Коцейовський змушений повернутися до Росії. З Німеччини він привіз першу свою значну працю – «Иератическая часть берлинского папируса 3008. Призывания Исиды и Нефтиды»¹⁶, яка стала результатом доскіпливого вивчення одного з папірусів, що зберігався у багатющій колекції Берлінського королівського музею за номером три тисячі вісім. Праця молодого вченого була своєрідним продовженням тих досліджень, що з кінця минулого століття провадили англійські, французькі та німецькі вчені, виявляючи й досліджуючи ділові та літературні папіруси грецького і єгипетського походження¹⁷.

Своїми науковими досягненнями талановитий та ерудований вчений швидко звернув увагу на себе в академічному середовищі. Тому після надання на початку 1915 р. Санкт-Петербурзьким університетом О. Л. Коцейовському звання приват-доцента, вже у лютому він подав документи на вакантну посаду приват-доцента кафедри загальної історії історико-філологічного факультету Новоросійського університету. Зважаючи, що історія Сходу обов'язковий предмет для студентів-істориків і що кандидат «повністю науково підготовлений фахівець», за свідченням листа Б. О. Тураєва, Рада факультету рекомендувала прийняти молодого вченого на роботу. Із записів на лекції студентів історичного відділення зрозуміло, що у 1915 /16 навчальному році О. Л. Коцейовський читав курс єгиптології (1 година на тиждень) та історію мистецтва стародавнього Сходу (2 години на тиждень), а у наступні роки викладав історію стародавнього Сходу (загальний курс) та спецкурси «Магомет» і «Єгипетська релігія»¹⁸. Курс О. Л. Коцейовського з єгиптології – був першим науковим курсом лекцій на історико-філологічному факультеті ІНУ, розроблений і прочитаний саме дослідником-єгиптологом.

Протягом 1916-1917 рр. разом з М. Л. Окуневим (1886-1949) О. Л. Коцейовський також був приват-доцентом вакантної (без наявності ординарного професора) кафедри теорії та історії мистецтв, але на початку 1917 /18 навчального року, з невідомих на даний час причин, виведений з її складу¹⁹. 20 вересня 1917 р., керуючись постановою Міністерства народної освіти Тимчасового Уряду від 24 червня того ж року, в університеті прийняли рішення про надання права брати участь у засіданні історико-філологічного факультету з дорадчим голосом молодим вченим магістрантам, серед яких разом із М. І. Гордієвським (кафедра філософії), Є. О. Загоровським (кафедра російської історії) і Ф. Г. Александровим (кафедра порівняльного мовознавства та санскриту) значився О. Л. Коцейовський (кафедра загальної історії)²⁰. Такий демократичний підхід дав можливість О. Л. Коцейовському не тільки брати участь, а й впливати на громадське і педагогічне життя факультету. За перші роки викладацької діяльності на історико-філологічному факультеті Новоросійського університету О. Л. Коцейовський набув досвіду, авторитету й довіри серед старших колег. 1918 р. він отримав звання штатного доцента по кафедрі загальної історії²¹.

Одночасно з педагогічною діяльністю О. Л. Коцейовський проводив інтенсивну науково-дослідницьку роботу, напрямком якої, на той час, крім ведення єгиптологічних досліджень, також була коптологія. Ази курсу з цієї дисципліни він пройшов ще під час навчання у Б. О. Тураєва й спеціалізувався спочатку саме в цій галузі. Тому в перші роки самостійної наукової діяльності вчений мав стійкий інтерес до досліджень в цій галузі і постійно цікавився новими працями з цієї дисципліни, що публікувалися у виданнях різних країн світу²². Результатом чого стала ґрунтовна бібліографія нової літератури з

коптологічних досліджень за 1912-1915 рр., де крім назви праць, О. Л. Коцейовський подав коротку анотацію та огляд рецензій на ці праці²³.

На таку плідну роботу молодого вченого в царині бібліографії не могла не звернути увагу рада Одеського бібліографічного товариства, що діяла при Новоросійському університету з весни 1911 р., а головою та редактором «Записок» товариства був відомий історик, професор І. А. Линниченко²⁴. З жовтня 1915 р. на п'ятдесят дев'ятому засіданні товариства О. Л. Коцейовського було обрано дійсним членом. У цьому статусі він ви-ступав з доповідями і повідомленнями: «Нові російські книги з історії Єгипту», «Пам'яті професора Г. Масперо», «Становище жінки в стародавньому Єгипті», «Занепад єгипет-ської цивілізації», «Єврейське питання в римські часи» тощо²⁵.

У цей час О. Л. Коцейовський також став автором декількох рецензій на праці колег з історії Сходу, що були надруковані у виданнях «Гермес» (1913), «Записки Палестин-ського товариства» (1915), «Записках Одеського бібліографічного товариства» (1915-1916). Також слід відзначити його рецензування для товариства поточної єгиптознавчої літера-тури. Так, 1915-1916 рр. ним були підготовлені відгуки відразу на п'ять фундаментальних праць, що з'явилися протягом 1915 р. Серед них книга популярних лекцій і статей фран-цузького єгиптолога А. Море «Царі й боги Єгипту», збірка подорожніх нарисів російсь-кого поета К. Бальмонта «Край Озїріса», дослідження його вчителя Б. О. Тураєва «Роз-повідь єгиптянина Синухета і зразки єгипетських документальних біографій» та праця професора В. К. Мальмберга «Давні забобони. До питання про зображення людської постаті на єгипетському рельєфі». З особливим ентузіазмом зустрів О. Л. Коцейовський працю свого харківського колеги Є. Г. Кагарова «Минуле й сучасне єгиптології», в якій за його словами «...грунтовно викладено історію єгиптології від часу її зародження і до наших днів, подано перелік значної частини праць з цієї царини знання і вміщено корот-кий зміст багатьох з них. Книжка є цінним посібником для єгиптолога-початківця»²⁶.

Продовжував О. Л. Коцейовський і власну дослідницьку роботу. 1916 р. у збірці «Старожитній світ» був опублікований його папірологічний нарис «Славослів'я Озїріса», а також світ побачила низка газетних публікацій на теми єврейського питання у старо-давньому Римі, історії свята Різдва Христового, революції у стародавньому Єгипті тощо²⁷.

Головним же науковим доробком О. Л. Коцейовського стала магістерська дисерта-ція, основана на однойменній великій релігійній та заупокійній пам'ятці єгипетської писемності – «Тексти пірамід». Окремим відбитком вона була надрукована 1917 р., а на-ступного року у чотирнадцятому томі «Записок ІНУ» з'явився перший том цієї роботи²⁸. Це був перший переклад російською мовою давньоєгипетських написів, залишених на стінах внутрішніх приміщень пірамід, що розташовані у Саккара, некрополі фараонів Мемфіса. До О. Л. Коцейовського написи вивчав француз Г. Масперо, який 1894 р. опублікував першу їх збірку під заголовком «Надписи пірамід Саккара». У 1908-1922 рр. дослідник К. Зете видав «Давньоєгипетські Тексти пірамід» з коментарями та перекладом на німецьку мову. Під час підготовки свого варіанту перекладу написів О. Л. Коцейов-ський робив аналіз праць своїх попередників. Так, він вказував, що перший «залишив без перекладу цілі розділи, надто цікаві для кожного, хто займається

минулим людства», а другий «частково позбавив від зазначених недоліків» праці Г. Масперо²⁹. Але у сучасній єгиптології, при вивченні текстів пірамід, це видання до сих пір вважається основним. У подальшому переклади написів виходили французькою (Л. Спелерс), англійською (С. Мерсер), чеською (Ф. Лекса) мовами. Останній переклад текстів пірамід, що складав 759 розділів та 2291 параграфів, був виданий 1969 р. англійським єгиптологом Р. Фолк-нером під назвою «Давньоєгипетські Тексти пірамід»³⁰. Таким чином, тексти пірамід повністю перекладені та видані французькою, німецькою, англійською мовами. Чеською і російською (завдяки зусиллям О. Л. Коцейовського) мовами, існує неповна версія перекладу, а українською – бракує і цього. На превеликий жаль, праця одеського історика, як і його постать, в Україні до сих пір не дістала ані належного розголосу в наукових колах, ані належної оцінки серед фахівців.

«Тексти пірамід» – найбільше досягнення О. Л. Коцейовського у галузі єгиптології, задумувались ним як перший том багатотомної праці, у послідуючих томах якої повинні були вийти ґрунтовні дослідження цих давньоєгипетських пам'яток. У структурі першого тому переклад трьохсот написів займає лише малу частину (майже сто сторінок) представленої книги. Понад третину її обсягу займає вступна стаття О. Л. Коцейовського, в якій автор пояснює особливості поглядів давніх єгиптян на значення культу предків, культу померлих царів, викладає причини появи текстів у пірамідах, структуру і харак-тер цих текстів, їх значення та критерії визначення датування й місця створення текстів, їхній склад. Інший обсяг відведений під додатки, які пояснюють суть текстів, як вони ви-давались, перекладались, як їх читати й розуміти, та фотографії надписів із піраміди фараона Уніса³¹. Значення «Текстів пірамід» О. Л. Коцейовського у тому, що він не обмежився перекладом, а здійснив ґрунтовне наукове дослідження цієї пам'ятки, викори-стовуючи весь відомий на ті часи матеріал щодо варіантів цих текстів та проштудіював думки європейських дослідників, що розробляли цю тему. Для сучасної історичної науки здійснений О. Л. Коцейовським переклад текстів пірамід вважається фахівцями таким, що не зберігає свого первісного значення. Проте не можуть втратити цінності його відда-ність науці, інтерес до життя і благородний гуманізм.

У першій декаді жовтня 1919 р. О. Л. Коцейовський поїхав до Харківського університету захищати «Тексти пірамід» як магістерську дисертацію³². Після успішного захисту, повертаючись до Одеси, вчений тяжко захворів і 29 грудня 1919 р. помер на станції Знам'янка. Викликана телеграмою дружина застала лише бездиханне тіло свого чоло-віка, яке було поховане у братській могилі³³. Сумна звістка надійшла в Одесу з великим запізненням – місяць потому. На засіданні Ради ІНУ 14 лютого 1920 р. було повідомлено про передчасну смерть (в. о. ректора помилково оголосив дату смерті 16 січня 1920 р.) доцента кафедри загальної історії історико-філологічного факультету О. Л. Коцейов-ського³⁴. Пам'ять вченого колеги вшанували хвилиною мовчання.

Після появи в Одесі повідомлення про передчасну смерть О. Л. Коцейовського невідомий автор некрологу в газеті «Родное слово» дав дуже чітку характеристику його людських якостей, які додають штрихи до морально-психологічного портрету вченого та наводить на думку про їх близьке знайомство. Ось ці слова: «Олександр Леопольдович належав до числа тих небагатьох людей, про яких кажуть, що вони

несьогосвітні. Якесь незвичайна, суто дитяча не лукавість, чуйність, некорисливість – ось грані його кришталево чесної душі, які впадали в око передовсім»³⁵.

О. Л. Коцейовський жив зі своїм часом і пішов з історичної арени також зі своїм часом. Схоже, для вітчизняної науки його постать була передчасною. Однак цей вчений-інтелектуал і віддана справі людина, сенсом життя якого була єгиптологія, став символом неминучості домінування категорій плюралізму і толерантності у суспільстві. Своїм прикладом він довів, що людина здатна на безмежні перетворення й досягнення, формування історичного світогляду, інтелектуальної атмосфери, тих ідейних джерел, які живлять його творчість. Треба тільки працювати над власною свідомістю, розвивати свою розумову культуру, поважати себе й цінувати інших. Спробуємо ствердити, що все своє коротке життя О. Л. Коцейовський жив за принципом, що головні зміни відбуваються у конкретній свідомості конкретної особистості і, що розвиток та утвердження гуманного інтелекту – єдиний виправданий шлях до одухотворення навколишньої реальності.

ПРИМІТКИ:

1. Родное слово. – 1920. – 2 февраля.
2. Кагаров Е. А. Л. Коцейовский //Наука на Украине. – 1922. – № 1. – Стлб. 139-142.
3. Постовская Н. М. Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917-1959). – М., 1961. – С. 10.
4. Замаровский В. Их величества пирамиды. – М., 1981. – С. 314.
5. Історія Одеського університету за 100 років. – К., 1968. – С. 330.
6. Зленко Г. Д. Наполегливий дослідник //Всесвіт. – 1986. – № 5. – С. 168-169; його ж. Єгиптолог з-над Чорного моря: Олександр Леопольдович Коцейовський //Науковий світ. – 2006. – № 2. – С. 26-27.
7. Урсу Д. З історії сходознавства на Півдні України //Східний Світ. – 1994. – № 1-2. – С. 140-142.
8. Кіктенко В. О. Становлення українського китаєзнавства (XVIII ст. – 41 р. ХХ ст.). Автореф. дис... канд. іст. наук. – К., 1999. – С. 15.
9. Романова О. О. Історія розвитку єгиптологічних досліджень в Україні //Східний світ. – 2003. – № 4. – С. 82-87.
10. Большой Энциклопедический Словарь. Языкознание. /Ред. В. Н. Ярцева. – М., 1998. – С. 149.
11. Березін С. Є. Кафедра всесвітньої історії в структурі історико-філологічного факультету Новоросійського університету: 1866-1916 //ЗІФ. – 2001. – Вип. 11. – С. 334.
12. Томашевич О. В. Объяснение в любви. Вместо послесловия //Тураев Б. А. Бог Тот. – М., 2002. – С. 8-10.
13. Тексты Пирамид. Перевод с древнеегипетского А. Л. Коцейовского /Под общ. ред. А. С. Четверухина. – СПб., 2000.
14. ДАОО. – Ф. 45. – Оп. 1. – Спр. 527. – Арк. 1.
15. Кагаров Е. А. Вказ. праця. – Стлб. 139-140.
16. Коцейовский А. Л. Иератическая часть берлинского папируса 3008. Призывания Исида и Нефтиды //Записки классического отделения Русского археологического общества. – Т. 7. – СПб., 1913. – С. 133-187.

17. Зленко Г. Д. Вказ. праця. – С. 168-169.
18. Урсу Д. Вказ. праця. – С. 140-141.
19. ДАОО. – Ф. 45. – Оп. 11. – Спр. 13. – Арк. 187 а.
20. ДАОО. – Ф. 45. – Оп. 4. – Спр. 2017. – Арк. 24.
21. Кагаров Е. А. Вказ. праця. – Стлб. 141.
22. Романова О. О. Вказ. праця. – С. 82.
23. Сорліса за 1912-1915 //Християнський Восток. – Т. 4. – Вып. 2. – Пг., 1915. – С. 200-225.
24. Мирошніченко В. О. К біографії І. А. Линніченко //ЗІФ. – 1999. – Вып. 8. – С. 192.
25. Зленко Г. Д. Вказ. праця. – С. 169.
26. Там само.
27. Кагаров Е. А. Вказ. праця. – Стлб. 142.
28. Тексти пірамід. – Т. 1. – Одеса, 1917; Тексти пірамід //ЗИНУ. Історико-філологічний факультет. – Т. XIV. – Одеса, 1918.
29. Зленко Г. Д. Вказ. праця. – С. 169.
30. Замаровський В. Вказ. праця. – С. 314.
31. Тексти Пірамід. Перевод с древнеегипетского А. Л. Коцейовского.
32. ДАОО. – Ф. 45. – Оп. 4. – Спр. 2033. – Арк. 21.
33. Кагаров Е. А. Вказ. праця. – Стлб. 141.
34. ДАОО. – Ф. 45. – Оп. 12. – Спр. 208. – Арк. 2 зв.
35. Зленко Г. Д. Вказ. праця. – С. 168.

**РЕГІОНАЛЬНА ПРОБЛЕМАТИКА У НОВИХ МЕТОДОЛОГІЧНИХ ПІДХОДАХ:
ІСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ (ЧЕРНЯКОВ И., РОМАНЮК В. ЧТО
БЫЛО НА МЕСТЕ ОДЕССЫ? - К.: АВТОГРАФ, 2008. - 224 С.: ИЛ.)**

Наприкінці 2008 року побачило світ фундаментальне видання, присвячене повній історії одеського краю. Саме повній – тому що автори, Володимир Романюк (державний службовець високого рангу, краєзнавець) та Іван Черняков (відомий історик, археолог), спираючись на археологічні, рукописні та інші джерела, прагнули досягнути весь історичний спектр розвитку культури й цивілізаційних процесів на території вибраного регіону, починаючи від року заснування Одеси та закінчуючи доісторичними часами.

Книга видана за сприяння Національної палати міжнародного співробітництва, авторитетної міжнародної організації, які розробила солідний культурологічний проект, спрямований на пропаганду здобутків вітчизняної гуманітаристики, зокрема, у контексті історико-культурних і мистецтвознавчих досліджень. Нині у найближчих планах НПМС – заснування наукового журналу краєзнавчого і мистецького спрямування, реалізація ряду книжкових проектів, спрямованих на висвітлення соціально-культурного і політичного життя окремих регіонів України у минулому.

Саме у рамках цієї благодійної Програми і було підготовлено непересічне видання – «Что было на месте Одессы?».

Хоч в анотації книги заявлено, що це науково-популярне видання, праця за всіма характеристиками відповідає науковому. І структура викладу матеріалу, і зокрема опрацювання інформаційної бази (джерелознавчий аналіз, використання багатющого фактологічного матеріалу, приватних архівів, археологічних артефактів), і принципи фахового теоретико-практичного аналізу історичних подій та явищ, що ґрунтуються на багатолітній пошуково-дослідній практиці авторів – ці та інші фактори дозволяють віднести рецензовану працю до когорти саме наукових.

Це видання вирізняється з-поміж інших подібних насамперед тим, що автори структурували виклад історії краю не за типовою, прийнятою у науковому світі, хронологічною причинно-наслідковою схемою, коли вектор дослідження спрямований від давніших часів до сучасних, а навпаки – за принципом «наслідок-причина». Зазначений хронологічний алгоритм передбачає таку **послідовність** наукового аналізу: констатація певного історико-культурного факту – пошук його причин (версій) у минулому – аргументація найоптимальнішої (найбільш логічної) з них – знову констатація цієї причини вже як факту – пошук – і т. д., по спіралі в минуле, наскільки дозволяє науково-теоретичний і фактологічний матеріал. Зауважимо: лише здійснюючи повний порівняльний аналіз існуючих теорій і гіпотез з окремої проблеми, а також подаючи значний історичний фактаж (переважно археологічні знахідки і рукописні констатації), автори аргументовано вибудовують власне бачення проблеми.

Методологічно цей підхід доволі оригінальний, досі не апробований у дослідницькій площині, але, зважаючи на результати рецензованої праці, вартий уваги наукових кіл.

Таким чином, сюжетна лінія простежує від заснування губернського міста й углиб історичних подій, перетинаючи по часовій вертикалі всі культурно-історичні явища, що

мали місце на території Причорномор'я до заснування Одеси: татарський Хаджибей (фортеця, що передувала місту), українське і польсько-литовське володіння, італійська Джинестра (середньовічне місто на території Одещини), період Римської імперії, грецькі античні поселення; а також культури: черняхівська, білозірська, сабатинівська, багатоваликівська, катакомбна, буджакська, усатовська пізнього трипілья; межа історичної епохи: стоянки мисливців на бізонів, печери мисливців на ведмедів... Загалом, часові межі історії одеського краю, які прагнули охопити у своєму дослідженні автори, становлять сто тисяч років!

Звернемо увагу на кілька інших методологічних завдань, які намагалися вирішити автори у виданні.

1. Це одне з небагатьох досліджень в Україні, концепція якого не обмежується розглядом окремого історико-культурного регіону лише в певних хронологічних рамках або галузевих аспектах (приміром, лише культура, або соціум, економіка, політика регіону за визначений (обмежений) період; етнографічний, мистецький, релігійний аспект розвитку тощо). Автори прагнули до викладу універсальної історії краю, намагаючись максимально акумулювати у своїй праці весь існуючий на сьогодні фактологічний та аналітичний масив, що стосується Одещини. Саме тому у книзі наведено і проаналізовано чи не всі приклади дослідження мистецтва, культури, історії краю, здійснені свого часу вітчизняними науковцями, державними діячами, краєзнавцями, починаючи фактично з XVII століття. Не обійдені увагою і зарубіжні науковці, предметом дослідження яких були поселення Причорномор'я.

На мою думку, у цьому випадку такий підхід видається найдоцільнішим, адже розглядається еволюція всіх культурних явищ, їх прояв у різноманітних сферах життєдіяльності на всьому історичному векторі – від власне заснування губернського міста, виникнення інших поселень на території нинішньої Одеси, розвитку, існування, міграції та загрози давніх народностей і закінчуючи доісторичними часами.

2. Дослідники свідомо не розглядали історію власне міста, адже це значно звузило би проблематику вирішуваних завдань. До речі, таке рішення – не випадкове і з іншого боку. Як зазначають самі автори, «...нинішній «парад» ювілеїв міст дозволив деяким завзятим «любителям старовини» запропонувати перенести дати заснування міст якнайдалі, углиб століть. Та варто пам'ятати, що кожне місто, як і людина, має свою біографію і лише один день народження. Інша справа – звідки вона веде родовід! Але це вже біографія батьків – дідів і прадідів, тому діти повинні поважати своїх предків і не вважати їх діяння своїми особистими» (*перекл. – А. Л.*).

Автори переконливо довели, що обраний регіон – унікальний і представляє собою багатогатний ґрунт для дослідження давньої історії не лише України, а й європейського та азійського цивілізаційних просторів. Фактично, на прикладі території Одеської області подана історія всієї України та прилеглих до неї територій. Таким чином, розглядаючи лише один регіон, науковці представили послідовність майже всіх історичних етапів, які мали місце на значній території євразійського континенту. Особливо це стосується античних часів, передуючих їм історичних культур та доісторичних епох.

Зазначимо, що чим глибше в часі «занурюються» автори при аналізі історії краю, тим більше залучають до свого дослідження археологічні знахідки, які є принциповою основою для висновків й авторських гіпотез.

Але навіть ближчі в історичному плані періоди, як от XI-XVII століття, насичені численними геополітичними подіями і які досі безпосередньо торкаються сучасної України та її геополітичного контексту, автори розглядають, керуючись винятково або археологічними артефактами, або давніми писемними джерелами. Таким чином, у дослідженні мінімізований ідеологічний фактор, що лише піднімає наукове значення розглядуваної праці.

3. Ще одна позитивна риса книги – по можливості максимально подано інформацію про всіх осіб, які згадуються у праці. Відрадно, що автори, чи не вперше у науковій літературі, подають дані про багатьох українських краєзнавців, істориків, археологів, які були невинно заборені чи репресовані за радянського часу. Загалом, розкриття мало-відомих сторінок життя і діяльності персоналій, що мали відношення до історії краю і його розвитку, – це принципова риса рецензованої книги.

Також подано пояснення основного термінологічного й понятійного апарату з історико-археологічних і культурологічних дисциплін, розрахованого на пересічного читача.

4. У цьому контексті цікаво проаналізувати жанрову приналежність твору. Зважаючи на широку тематичну, стилістичну й естетичну функціональність книги, її важко віднести до певного жанру.

З одного боку, це нібито популярне видання, адже також розкрито зміст фахового понятійного апарату, причому він має просте і дохідливе пояснення, розраховане на щонайширший читацький загал. Книга не переобтяжена термінологією, особливо – штучними неологізмами, чим нині часто грішить наукова література.

З іншого боку, рецензована книга – повноцінний навчальний посібник, у якому викладені основні знання з історії, етнології та культури України, зокрема, Північного Причорномор'я, розкриті основні поняття і терміни дисципліни.

Це також, як ми зазначали вище, і наукове видання.

Книга належить і до публіцистичного жанру, адже у ній багато філософських відступів і морально-етичних роздумів про сучасну культуру, її збереження і шляхи розвитку, про життя і діяльність осіб, які зробили значний внесок у вітчизняну гуманітаристику.

5. Привертає увагу також оригінальний дизайн книги. Насамперед, він не лише естетично, а й функціонально доцільний. Зважаючи на обсяг ілюстративного (понад 120 рисунків, фотографій, схем та ін.) і довідникового матеріалу, оформлення здійснено максимально зручно для читача: весь допоміжний матеріал подано безпосередньо в канві сюжетної лінії основного тексту, що полегшує читачеві сприйняття інформації (дозволяє формат книги – 90 x 100 /16).

Одним із недоліків рецензованої праці є відсутність переліку використаних джерел, якими послуговуються автори. Серед них – багато маловідомих й унікальних видань, стародруків, рукописів, що знаходяться у державних і приватних архівах, рукописних фондах, бібліотеках, часто – в одиничному екземплярі. Їх адресація значно полегшила б науковцям пошук і систематизацію потрібних джерел у майбутньому.

Бажано було б зробити й іменний покажчик, оскільки у праці згадано сотні осіб, які в різні часи займалися дослідженням історії краю чи сприяли цьому. Діяльність багатьох із них або маловідома сучасному досліднику, або свідомо притлумлена за часів тоталітаризму. Тому такий покажчик особливо став би в нагоді науковцям, котрі

займаються історіографічною пошуковою практикою.

Книга «Что было на месте Одессы?» є значним внеском у дослідницьку систему регіональної історико-культурної проблематики, яка сьогодні лише набирає силу. Актуальність дослідження виявляється не лише у розкритті «білих плям» історії одного з географічних регіонів України, а й у створенні цілісної картини цивілізаційних явищ на території Північного Причорномор'я з найдавніших часів, що представляють собою безперервний і логічно зумовлений історичний процес. Автори одні з перших у вітчизняній практиці, розглядаючи суто регіональну проблематику, зробили акцент саме на загальнонаціональному, навіть більше – на євразійському – значенні регіону, який таким чином логічно влітається у контекст світових історичних процесів, виступаючи і причиною багатьох з них, і водночас – наслідком.

ПАВЛО ГРИГОРОВИЧ КЛЕПАТСЬКИЙ, ЯК ІСТОРИК ТА ГРОМАДСЬКО-ПОЛІТИЧНИЙ ДІЯЧ

Народився П. Г. Клепатський 12 січня 1885 р. в с. Пугачевка Таращанського повіту на Київщині¹. Родина Клепатських мала традицію священнослужителів. Батько Григорій та дід Василь були священиками. З родини священнослужителів була і мати – Олександра Михайлівна².

Родина була велика. У Павла Клепатського були ще брат Григорій та дві сестри Олімпіада та Марія. Всі діти почали здобувати духовну освіту. Олімпіада навчалася в жіночому Духовному училищі, Григорій та Павло Клепатські навчались в Богуславському Духовному училищі. Закінчивши навчання в Богуславі в 1899 р. Павло Клепатський вступив до Київської духовної семінарії, де навчався до червня 1905 р.³

В Духовній семінарії Павло Клепатський навчався дуже добре, мав хороший атестат і був зарахований до першого розряду вихованців семінарії⁴.

В 1905 р. він вступив на історико-філологічний факультет Новоросійського університету, але зарахований був студентом першого курсу лише в 1906 р.

В університеті студент Павло Клепатський поринув із головою у наукову роботу. Його керівником та наставником був професор університету І. А. Линниченко. За студентську наукову роботу: «Очерки по истории Киевской земли в Литовский период» отримав золоту медаль в 1910 р. будучи студентом 4-го курсу⁵.

А в 1912 р. ця робота вийшла окремим виданням. На думку одеського дослідника Г. Д. Зленка П. Клепатський мав намір, очевидно, продовжити свою наукову роботу у цьому напрямку, оскільки його праця вийшла друком у 650 сторінок, і містила позначку: «Том первый». Григорій Зленко далі зазначає: «...можна гадати, що автор мав намір про-довжити підготовку й видання своїх нарисів з історії рідної Київщини. На жаль, його осо-бистий архів утрачено, тож підтвердити цей здогад немає жодної спроби. Вірогідність його обумовлюється тим, що на час появи монографії П. Клепатського історія Київської землі була розглянута, зокрема Михайлом Грушевським, лише до XIV століття...»⁶

Навчаючись в університеті П. Клепатський з головою поринає в український культурно-освітній рух. В Одесі він входить до української студентської громади, вступає у 1908 р. до «Українського товариства „Просвіта” в Одесі» й активно працює там на ниві пропаганди історії України. Він часто виступає на вечорах «Просвіти» з науковими доповідями. З осені 1908 р. він прочитав цілий курс з 5 лекцій під назвою «Історія України-Русі домонгольського періоду»⁷. Поряд з іншими студентами університету А. В. Ніковським, М. Є. Слабченко, П. Г. Клепатський бере участь і в інших заходах товариства.

На той час М. Є. Слабченко вже мав золоту медаль за студентську роботу і його науковим керівником був також професор І. А. Линниченко, який у 1908 р. виступав з доповіддю про В. А. Антоновича у «Просвіті».

Саме за ініціативи І. А. Линниченка Михайла Слабченка та Павла Клепатського було залишено в Новоросійському університеті для підготовки до професорського звання⁸.

1 грудня 1910 р. від історико-філологічного факультету було надіслано прохання ректору університету з такою пропозицією: «Навесні 1911 р., на домагання факультету, попечитель одеської учбової округи і ректор університету дали згоду на виплату стипендій з 1 січня 1911 р. М. Є. Слабченко, Г. А. Павловському та П. Г. Клепатському «з вільних коштів казенних стипендій, які були в розпорядженні управління університету»⁹.

Після закриття «Просвіти» в Одесі восени 1909 р. українська молодь вступає до «Одеського українського Клубу». У 1910 р. до літературної комісії українського клубу було включено П. Клепатського, М. Слабченко, М. Гордієвського, К. Бондаренко¹⁰.

У 1912 р. Павло Клепатський стає членом музично-драматичного товариства «Українська Хата» в Одесі¹¹. Він був також і членом Київської «Просвіти» з 1906 р. – час від часу найжджаючи туди по дорозі додому, і підтримуючи своєрідний зв'язок між київськими та одеськими просвітянами.

З 30 березня 1911 р. по 30 березня 1913 р. П. Г. Клепатський був професорським стипендіатом Новоросійського університету¹². Залишаючись аспірантом університету П. Г. Клепатський не полишав поширювати історичні знання серед громадськості. Так, ректор університету дав згоду П. Г. Клепатському 29 червня 1912 р. прочитати публічну лекцію на Слобідці-Романівці в аудиторії Маразлі по темі: «Імператриця Катерина II – її особа і царювання»¹³.

Маючи духовну освіту П. Г. Клепатський з початком I Світової війни не був відправлений на фронт, як це було з М. Є. Слабченко, а залишився працювати в Одесі. В 1914 р. Павло Клепатський починає викладати в жіночій гімназії Бутович¹⁴.

Револьюційні події після 1917 р. змусили П. Г. Клепатського залишити роботу в університеті і залишити Одесу. Деякий час він читав курс лекцій для вчителів в Одесі, навіть читав публічні лекції у відкритому восени 1917 р. Народному університеті. Так, 26 жовтня він прочитав лекцію на тему «Походження самодержавства». Згодом він переїхав до Кам'янця-Подільського, де зайняв посаду приват-доцента в українському університеті. Там він плідно працював, часто публікувався в наукових виданнях. Як зазначає Г. Зленко: «Скориставшись тим, що до подільського міста було перенесене „Українське видавництво у Катеринославі“, Павло Григорович випускає цілу низку праць, присвячених видатним діячам рідного письменства: „Український мандрівний філософ Григорій Савич Сковорода“, „Батько нового українського письменства Ів. П. Котляревський“, „Український байкар Євген Гребінка“, „Український письменник П. П. Гулак-Артемівський“, „Марко Вовчок та його народні оповідання“. Ці книжки збереглися і в Одеській державній науковій бібліотеці імені М. Горького, і в науковій бібліотеці Одеського університету, куди їх надіслав автор, якому не поталанило повернутися до міста, де відшуміли його юність і молоді літа»¹⁵.

У 1922 р. П. Г. Клепатського було заарештовано, але через півтора місяці звільнено. Він переїздить до Києва, де не знайшовши роботи переїхав до Полтави і почав працювати викладачем історії Інституту соціального виховання¹⁶.

У Полтаві він залишив підготовку дисертації на ступінь доктора української історії за темою: «Нариси з історії Диканського маєтку Кочубеїв від половини XVII – до половини XIX ст. (переважно в роках 1786-1835 рр.)»¹⁷.

Працюючи над документами Диканського архіву князів Кочубеїв П. Г. Клепатський готував матеріали з краєзнавства, що були опубліковані в III томі «Записок» Полтавського ІНТО в 1926 р. В період українізації вчений плідно працював, часто

публікувався в різних наукових виданнях. Але в 1931 р. професора П. Г. Клепатського було заарештовано, про-те, за відсутністю доказів, знову звільнено. В результаті арешту в Полтаві його було звільнено з роботи. Він переїхав до Мелітополя, де став викладачем місцевого педінституту.

Проте, 11 серпня 1934 р. у місцевій газеті «Радянський степ» з'явилася стаття А. Горби з промовистою назвою: «Про націоналіста Клепатського і притуплення класової пильності в Мелітопольському педінституті соцвиховання». У провину П. Г. Клепатсько-му ставилось його «попівське» походження та його робота в Кам'янці-Подільському і Полтаві. У провину ставилась навіть тема докторської дисертації, яка нібито свідчила про сум'ї автора «...за старим дворянським гніздом Кочубеїв». Реакцією на цю статтю стала постанова Мелітопольського партійного комітету КП(б)У від 11 вересня 1934 р. У ній кон-статувалась наявність в педагогічному інституті «елементів гнилого лібералізму, відсутність критично-партійного ставлення до старих, неперевіраних фахівців»¹⁸.

Постанова міського партійного комітету робила подальше перебування вченого у Мелітополі абсолютно неможливим, і восени 1934 р. він вирушає до Оренбурга, де обіймає посаду штатного професора історичних дисциплін Татаро-Башкирського держпедінституту.

Після закінчення 1934-1935 навчального року П. Г. Клепатський залишив Оренбург і переїхав до Махачкали, де влаштувався у Дагестанський педагогічний інститут. Там йому почали закидати звинувачення у троцькізмі після декількох лекцій¹⁹. Це змусило проф. Клепатського повернутися до Оренбурга, а потім перебратися до міста Соль-Ілецк, де він з великими труднощами влаштувався на роботу до середньої школи.

9 травня 1936 р. було підписано ордер на арешт професора П. Г. Клепатського. Мотивуючи цей захід, оперуповноважений Дніпропетровського управління НКВС Назаренко вказував, що він «Є одним із керівників контрреволюційної, повстанської організації, яка готувала кадри для боротьби з Радвладою з метою відторгнення України від СРСР і створення Незалежної Української Республіки».

Заарештованого П. Г. Клепатського відправили до Дніпропетровської в'язниці, де 3 липня 1936 р. йому після численних допитів було винесено вирок. Наприкінці листопада - початку грудня 1936 р. суд визнав П. Клепатського винним за ст. 54-11 в 54-10 ч. ПКК УРСР й засудив його до «позбавлення волі у виправно-трудовах таборах у віддалених місцях терміном на 5 років з позбавленням прав на 3 роки, без конфіскації майна за відсутністю такого»²⁰.

Професор Клепатський П. Г. винним себе не визнав і звернувся з касаційною скаргою до вищих судових інстанцій. Розглянувши справу П. Г. Клепатського Верховний Суд 28 березня 1937 р. виявив, що вирок у цій справі винесений з грубим порушенням законності. Справу було направлено на новий розгляд. Проте, поверхове дорозслідування справи нічого не змінило. І найвищий суд нарешті виніс вирок навесні 1938 р., встановивши міру покарання – 5 років ув'язнення у віддалених таборах країни²¹.

Так і загубилося життя визначного історика України – вихованця одеського університету.

ПРИМІТКИ:

1. ДАОО. – Ф. 45. – Оп. 4. – Спр. 1343. – Арк. 3.
2. Там само. – Спр. 479. – Арк. 6.
3. Там само. – Спр. 1343. – Арк. 3.
4. Там само.
5. Там само. – Спр. 479. – Арк. 2.
6. *Зленко Г.* Лицарі досвітніх вогнів: Тридцять три портрети діячів одеської «Просвіти» 1905-1909 рр. – Одеса, 2004. – С. 245.
7. Звіт «Українського товариства „Просвіта” в Одесі за 1908 рік». – Одеса, 1909. – С.13.
8. ДАОО. – Ф. 45. – Оп. 4. – Спр. 1343. – Арк. 9.
9. Там само. – Арк. 19.
10. Звіт Одеського Українського Клубу за 1910 рік. – Одеса, 1911. – С. 3.
11. ДАОО. – Ф. 2. – Оп. 11. – Спр. 117. – Арк. 2.
12. ДАОО. – Ф.45. – Оп. 4. – Спр. 1343. – Арк. 49.
13. Там само. – Арк. 32.
14. Там само. – Арк. 55.
15. *Зленко Г.* Вказ. праця. – С. 247.
16. *Ричка В. М.* Згубленні життя. //Репресоване краєзнавство. – К., 1991. – С. 202.
17. Там само. – С. 204.
18. Там само. – С. 203.
19. Там само.
20. Там само. – С. 204.
21. Там само.

**ДІЯЛЬНІСТЬ ПРОФЕСОРА НОВОРОСІЙСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ О. Я.
ШПАКОВА (1868-1927) В ОДЕСІ НА ПОЧАТКУ ХХ СТ.**

Головною «родзинкою» праці історика-біографа є «відкриття» призабутих персона-жів історії або нових фактів з біографій відомих осіб. Позитивістський дискурс має створювати передумови для більш широких історико-теоретичних побудов. У досить пересораному полі української історії тим не менш залишається місце для такої пошукової діяльності. На особливу увагу заслуговують постаті регіонального масштабу, що часто перебувають у затінку столичних особистостей.

Досить помітною постаттю в Одесі наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. був професор Новоросійського університету (далі – НУ) та Одеських вищих жіночих курсів (далі – ОВЖК) Олексій Якович Шпаков (1868-1927 рр.). Вивчення біографії О. Шпакова дозволяє отримати більш повне уявлення про загалом малодосліджену історію юридичного факультету НУ та ОВЖК, розвиток педагогіки вищої школи в Одесі, вплив наукової інтелігенції на громадське життя Одеси наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. Незважаючи на професорський статус О. Шпакова про його діяльність відомо досить небагато. Найбільш вагомий внесок у дослідження дореволюційного етапу біографії О. Шпакова зробив російський історик С. Михальченко. Автор вперше використав для дослідження біографії О. Шпакова матеріали Російського державного історичного архіву, навів основні віхи біографії науковця, його наукові праці¹. Короткі згадки про О. Шпакова містяться у загальних виданнях з історії Одеського державного (національного) університету імені І. І. Мечникова. Найбільш змістовним є короткий огляд біографії О. Шпакова авторства Н. Тахтарової². Однак здебільшого увагу істориків привертала діяльність О. Шпакова у 1920-ті роки, передусім на посаді ректора Інституту народного господарства (сучасного Одеського державного економічного університету)³.

Метою нашої статті є висвітлення на базі широкого кола опублікованих та архівних джерел дореволюційного етапу одеського періоду біографії О. Шпакова (висвітлення «не одеських» сторінок біографії професора не входить у завдання цієї статті). Заключний період діяльності О. Шпакова (1917-1927) ми розглянули в іншій статті⁴). Зокрема, вперше до наукового обігу залучено матеріали особистого архіву О. Шпакова, що зберігається у рукописних фондах Одеського історико-краєзнавчого музею. На жаль, аркуші більшості справ не пронумеровані. Тому здебільшого подаємо посилання лише на номери справ цього фонду. Окрім цього залучено матеріали з декількох фондів Державного архіву Одеської області, документи з трьох київських архівів. В архівах Москви нами знайдено раніше невідомі листи О. Шпакова. Також вперше використано спогади сучасників О. Шпакова. До окремої групи джерел слід віднести матеріали преси. За всієї уривчастості та суб'єктивності це джерело містить унікальні дані – інтерв'ю зі О. Шпаковим, реказ його виступів, враження колег, студентів та журналістів від діяльності професора.

Одеський період біографії О. Шпакова розпочався у 1903 році. Попередня біографія О. Шпакова була пов'язана з Києвом. У 1889-1893 роках він навчався на юридичному факультеті Київського університету Св. Володимира під керівництвом

ординарного професора кафедри історії руського права, авторитетного історика права М. Владимир-ського-Буданова. Втім у Києві кар'єра О. Шпакова не склалась. Йому не вдалося залишитись в аспірантурі, тому останні роки XIX ст. він змушений був працювати на аж ніяк не науковій посаді інспектора народних училищ Київської навчальної округи. Але наукові студії він не облишив. Це дозволило йому після складання магістерських іспитів повернутися у рідний університет вже у якості викладача. Протягом 1900-1903 років на посаді приват-доцента він вів практичні заняття з державного права Росії та читав лекції з державного права іноземних держав (Англії та США)⁵. Наприкінці 1902 року він читав історію філософії права студентам 1, 2 та 4 курсів. Однак це педагогічне навантаження мало відповідало його науковим інтересам, що полягали у дослідженні історії взаємин церкви та держави у ранньомодерній Росії. Позаяк у Київському університеті кафедра історії руського права була зайнята О. Шпакову довелося шукати місця на стороні.

Під впливом схвальних відгуків київських колег кандидатуру О. Шпакова позитивно сприйняли в НУ, де з початку 1890-х років так і не змогли підшукати гідну заміну авторитетному історичу права Ф. Леонтовичу. Декан юрфаку НУ О. Алмазов навіть про-понував ректору прийняти перспективного викладача на посаду екстраординарного професора ще до захисту ним магістерської дисертації. Однак 29 грудня 1903 року О. Шпаков був прийнятий лише на посаду приват-доцента на кафедрі історії руського права НУ. В автобіографії О. Шпаков зазначав, що «з цього часу вся моя наукова, педагогічна, громадська та політична діяльність тісно пов'язана з Одесою»⁶.

25 травня 1904 року у Київському університеті відбувся захист магістерської дисертації О. Шпакова, що була присвячена взаєминам держави та церкви у Московській державі у XV-XVI ст. Офіційними опонентами були професори С. Єгізаров, М. Ясинський та П. Соколов. Найбільш серйозним був закид С. Єгізарова у комплікативності роботи. Втім з цим зауваженням не погодився інший опонент М. Ясинський. Найбільший інтерес мала полеміка щодо тези О. Шпакова про теократичний характер Московської держави. Проти цієї тези виступив П. Соколов. На його думку, у Московській державі та Візантії воля Бога не могла бути підставою для зміщення володаря. О. Шпаков наполягав, що теократія – це злиття держави та церкви в єдиний організм, яку б форму він не приймав. Після трьохгодинного диспуту, що проходив у присутності численної публіки, О. Шпакову одноголосно надали ступінь магістра державного права (ступені з історії права тоді не існувало). Після трьохгодинного диспуту, що відбувався у присутності численної публіки, О. Шпакову одноголосно надали ступінь магістра державного права. У липні 1904 року він був обраний екстраординарним професором НУ. На початку XX ст. відбулися не менш переламні зміни у приватному житті науковця. О. Шпаков одружився на Сусанні Григорівні Буянській (1876 року народження). Як і чоловік, дружина народилася на Сіверщині (у м. Козелець) у родині майора. Освіту вона отримала у Санкт-Петербурзі. У вересні 1909 року у подружжя народилася донька Лідія, яка і залишилась їх єдиною дитиною.

В НУ О. Шпаков читав курс з історії руського права студентам 1-го курсу юридичного факультету (3 години у весінньому семестрі, 6 – в осінньому). Слово «русский» у словосполученні «кафедра истории русского права» не має уводити в оману. Не слід розуміти це слово як синонім «російський», адже цей предмет охоплював далеко не

лише російські землі. Лектор розповідав про історію права всієї Східної Європи з часів Київської Русі до XVIII-XIX ст. Окрім свого основного курсу О. Шпаков час від часу читав курс з державного права. У 1915 році О. Шпаков розпочав ведення семінарія з історії «русько-го» права, що мав активізувати самостійну роботу студентів. Професор зазначав, що ведення «регулярних занять ускладнювалося відсутністю необхідних першоджерел та по-сібників, а також тіснявою та непридатністю приміщення, внаслідок чого заняття велися в аудиторії, де читаються лекції». Бажаючим був запропонований колоквиум, що на-давало можливість констатувати наявність необхідної підготовки для продуктивних семінарських занять. Були зачитані реферати на запропоновані професором теми: «Влада Московських государів», «Земські собори у Московській державі»⁷.

Репутацію здібного викладача, що він здобув у Києві, О. Шпаков підтвердив і в Одесі. У листі до ректора НУ від 1904 року декан юрфаку не приховував свого захоплення новим викладачем, що виправдав довіру: «на підставі семестру він може вважатись видатним викладачем та чудовим лектором свого предмету... прибувши на юрфак посеред навчального року, коли викладання з історії російського права вже було усталеним та розпочавши читання курсу, який власне був паралельним тому, що був перед цим оголошений... Шпаков тим не менш зібрав з 240 слухачів свого курсу понад 160 слухачів (2/3), які, як мені відомо, цілком вдячні своєму лектору за викладання»⁸.

Секрет популярності О. Шпакова полягав не лише у науковій площині, але також у суспільно-політичному спрямуванні його лекцій, співзвучності його ідей настроям значної частини студентів НУ. Цю обставину яскраво засвідчив один зі студентів О. Шпакова, згодом відомий літератор, А. Шполянський (Дон-Амінадо). Він вважав цього професора світлою плямою на тодішньому обрії НУ: «Талановитий, у всіх відношеннях приємний, починаючи від досконало-демонстративної стрижки бобріком на протигагу неохайним академічним шевелюрам, молодий, синьоокий Шпаков був закоханий у свій предмет, і коли розповідав про Новгородське віче, то так захоплювався, що з неодмінним та невід-робним пафосом вигукував: «Якщо б не було віча, то нічого б не було б! Розумієте, пано-ве, нічо-го!». У відповідь на це, один і той самий революційний студентський бас, що на-лежав грузину Абаккелія, гудів «у порядку дискусії»: – Да нічого ж, Олексій Якович, й немає! На що, обнажаючи свої білосніжні зуби, Шпаков з місця миттєво парирував: «На-справді, друзі мої, зрозумійте ж ви раз і назавжди, якщо б не було Віча, то навіть і того, чого немає, теж не було б!». Аудиторія відгукувалась голосним сміхом, ми вже давно навчилися розуміти один одного»⁹. Блискучими вважав лекції О. Шпакова також україн-ський громадський діяч О. Семененко, що слухав професора у 1915-1916 роках¹⁰.

Напевно найбільший інтерес викликають до цього часу маловідомі одеситам спогади студента історичного відділення історико-філологічного факультету Льва Рудольфовича Когана, згодом радянського літературознавця. Студенти-історики не були зобов'язані слухати лекції з історії руського права. Однак ще відомий одеський історик Олексій Маркевич, наприкінці 1860-х років – студент історико-філологічного факультету НУ, згадував, що він акуратно відвідував лекції з історії руського права, які тоді читав дуже авторитетний спеціаліст у цій галузі професор Федір Іванович Леонтович (1833-1910)¹¹. О. Шпаков гідно продовжив цю хорошу традицію. Л. Коган згадував, що протягом 1903-1904 навчального року він «залюбки відвідував лекції

Шпакова з історії руського державного права: вони надавали значно більше знань, ніж лекції Перетятковича з російської історії. До того ж Шпаков майстерно викладав свій предмет, не користуючись жодними конспектами чи записками. Це була невимушена та захоплююча співбесіда». Іноді лекції О. Шпакова під впливом слухачів доводилось переносити з раніше запланованих не дуже великих аудиторій до найбільших¹². Серед студентів О. Шпакова найбільш здібним науковцем став відомий український історик М. Слабченко. Після завершення навчання на юрфаці НУ М. Слабченко отримав від О. Шпакова пропозицію поступити до нього в аспірантуру. Однак М. Слабченко через певні обставини мусив залишити університет¹³.

На початку ХХ ст. юридичний факультет НУ мав найбільшу кількість студентів, яких приваблювала перспектива вигідної юридичної практики. Однак факультет прославився не так своїми науково-педагогічними досягненнями як гострим ідеологічним протистоянням серед студентів та викладачів. В очах лібералів юрфак мав репутацію найбільш «правого» факультету. Дон-Амінадо згадував, що майже всі професори юридичного факультету, здавалось, «були якимось злим і хитромудрим чортом зібрані і підібрані з єдиною метою – відразу викликати нехіль до науки, права, і присяжних повірених, і до інших шкідливих фантазій і фанаберій».

Можливість продемонструвати свою позицію О. Шпаков отримав у 1905 році. На юридичний факультет була подана дисертація магістранта петербурзького університету О. Тимофєєва. Консервативна група професорів юрфаку схвально оцінила дисертацію. Протилежну позицію зайняли О. Шпаков та його колеги з ліберального табору. Дисертація була присвячена історико-правовій тематиці тому саме О. Шпаков став головним опонентом О. Тимофєєва на захисті 9 травня 1905 року. Цей захист став початком гучної «справи Тимофєєва». О. Шпаков виступив з різко негативним відгуком, який підтримали і деякі його колеги історики (І. Линниченко)¹⁴. Не менш запально підтримували О. Тимофєєва П. Казанський та деякі інші професори. Полеміка швидко перетворилась на обмін особистими образами. Ситуацію загострило те, що захист відбувався за напливу численної публіки, яка жваво реагувала на полеміку. У підсумку захист завершився скандалом. Не зважаючи на опір, О. Тимофєєву було присуджено ступінь. Натовп з обуренням прийняв цю звістку. Олії у вогонь підлила одеська преса, що переважно стала на бік О. Шпакова. Під тиском громадськості Рада, знайшовши технічні помилки, відхилила попереднє рішення. Хоча дисертація насправді не була науковим шедевром, ми вважаємо, що нездоровий ажітаж навколо неї був передусім викликаний суспільно-політичним протистоянням серед одеської професури. Вже напередодні захисту було ясно, що О. Тимофєєв розглядається як ставленик консервативної професури. Отже, ліберали вирішили дати бій¹⁵.

«Справа Тимофєєва» була лише прелюдією гострого протистояння кінця 1905-1907 років. У вересні 1905 року у Раді НУ утворилась ліберальна більшість, що обрала ректором І. Занчевського. При ректорі була створена виконавча комісія НУ у складі 12 професорів. О. Шпаков був обраний секретарем комісії. Програма діяльності комісії передбачала повернення раніше звільнених за політичними причинами викладачів, закриття правих студентських організацій, відкриття студентської їдальні, прийняття всіх іудеїв без обмежень¹⁶. Члени комісії йшли на конфронтацію з вищими державними органами управління, відкрито висловлювали свою незгоду з політикою уряду. В інтерв'ю однієї з одеських газет О. Шпаков намітив шляхи зміни законодавства щодо

прийому євреїв в університет. Не чекаючи рішень згори, він рішуче зазначив, що комісія Ради, якій Рада передала всі справи про прийом студентів, приймала та буде приймати без обмежень всіх євреїв – вільно слухачів, що були звільнені у попередні роки і тих, що перейшли з інших університетів.¹⁷ 1 грудня 1905 року 9 професорів, серед них О. Шпаков, М. Ланге, В. Косинський, М. Лисенков та інші, запропонували Раді університету такий текст телеграми до міністерства освіти: «Рада Новоросійського університету, приступаючи до складання університетського статуту дотримується принципу – вільний університет у вільній державі. Гарантію здійснення цього принципу Рада бачить у щонайшвидшому скликанні установчих зборів на основі загального, рівного, прямого та таємного подання голосів». Одна члени Ради відхилили саме такий варіант тексту телеграми голосами 24 проти 9. Слово «принцип» було замінено на «припущення», а останнє речення просто відкинуто¹⁸. Однак члени комісії разом зі студентами ініціювали обговорення всіх на-болілих питань на своєрідних мітингах – лекціях в університеті. Сучасники називали О. Шпакова серед кращих та найактивніших ораторів¹⁹. С. Михальченко зазначає, що О. Шпаков тоді ж брав участь у політичному житті у лавах кадетської партії. Безумовно професор був близьким за своїм світоглядом та зв'язками до кадетів. Однак у офіційних документах кадетської партії ім'я О. Шпакова не згадується. Вірогідно, це свідчить про те, що він не був офіційним членом партії кадетів.

О. Шпаков не схвалював цілковито діяльність І. Занчевського. Ректор намагався лавіювати між правими та лівими членами Ради. Досить скоро у комісії стався розкол, що призвів до відставки більш радикальної групи у листопаді 1905 року. Серед цієї так званої «крайньої групи більшості» був О. Шпаков. Надалі він не завжди підтримував ректора. На початку 1906 року він входив до комісії для складання інструкції для проректора. О. Шпаков вимагав аби проректор підкорявся безпосередньо Раді, а не ректору. Натомість І. Занчевський прагнув зберегти важелі впливу над проректором²⁰. На початку 1907 року О. Шпакову прийшлося навіть виправдовуватись перед ректором. У доповідній він твердив, що у вересні 1906 року читав студентам лекцію «О пропорциональном пред-ставительстве», але суто теоретичного, наукового, а не практичного змісту. Він заперечував свій зв'язок з Центральним університетським органом, участь у розробці його статуту²¹.

Водночас на юрфаці розгорнулись локальні суперечки щодо обрання декана. Напередодні обрання, одна з провідних одеських газет, розглядаючи О. Шпакова як одного з претендентів на посаду декана юрфаку писала про нього як про «одного з най-більш симпатичних професорів, діяльного учасника більшості Ради, що викликає повагу як у Раді, так і серед величезної більшості студентів». Частина студентів вважала В. Косинського та О. Шпакова борцями за «вільну науку». Натомість були й студенти, що хотіли бойкотувати цих професорів²². У підсумку восени 1905 роки після кількарізкових спроб зірвати голосування В. Косинський став деканом юрфаку, а О. Шпаков – секретарем (перебував на цій посаді до грудня 1907 року). Листи В. Косинського до О. Шпакова свідчать, що вони склали на факультеті тандем, що протистояв численним опонентам. На початку 1907 року В. Косинський зазначав: «бачу, що загострення відносин у нас сягає все більшої і більшої міри. Бажання кинути деканство стає, напевно, все менш здійсненним. Побожуюсь, що прийдеться піти на безплідну, швидше за все, боротьбу, що може мати важкі наслідки»²³. Справді, у зв'язку

зі зміною загального політичного клімату в імперії, у середині 1907 року було звільнено з ректорства І. Занчевського, а згодом з деканства В. Косинського. В університеті гору взяли консервативні сили на чолі з ректором С. Левашовим.

Однак і на засіданнях Ради, і на факультетах, і серед студентів продовжувалось запекле протистояння. У 1908 році В. Косинський у листі до Е. Штерна так характеризував розстановку сил на юридичному факультеті: «більшість у 6 чоловік – Адамович, Алмазов, Казанський, Палаузов, Федоров та Чижов. Меншість – 5 чоловік – Загоровський, Васьковський, Ренненкампф, Шпаков та я»²⁴. До ліберальної групи примикав приват-доцент Е. Неміровський. Суттєві суспільно-політичні розбіжності давались взнаки і під час голосування в Раді НУ. У 1908 році О. Шпаков був серед 14 професорів, що голосували за повне винагородження О. Грушевського за читання лекцій в НУ (включно з лекціями, що він читав українською мовою). Однак перемогла позиція 19 професорів, що висловлювались за надання платні О. Грушевському лише за лекції, які він прочитав російською мовою²⁵. Професійні якості дозволили О. Шпакову залишитись серед провідних професорів НУ незважаючи на наявність численних опонентів. Один з них, декан юрфаку П. Казанській у конфіденційній записці ректору С. Левашову у грудні 1913 року не забув зазначити з приводу призначення О. Шпакова ординарним професором, що «під час руху серед частини професорів НУ у 1905, 1906 та подальших роках професор Шпаков був одним з трьох професорів юрфаку, які брали у ньому участь (разом з Васьковським та Косинським)». І все ж він вважав за доцільне надати ординатуру О. Шпакову, адже він «приділяє належну увагу викладанню та виконанню інших службових обов'язків. У якості лектора Шпаков має певний успіх серед студентів I-го курсу»²⁶. Продовжували симпатизувати О. Шпакову ліберально налаштовані одеські журналісти та студенти НУ. У травні 1913 року «Одесские новости», ілюструючи панування реакції в університеті, з жалем зазначали, що до екзаменаційної комісії запрошені всі професори юрфаку окрім О. Шпакова – «єдиного прогресивного професора юридичного факультету»²⁷.

Всупереч офіційній політиці «стримування студентів» на початку 1910-х років О. Шпаков разом з деякими колегами продовжував демонструвати довірливе ставлення до своїх вихованців. Наприклад, у 1913 році О. Шпаков та інші професори-ліберали організували разом зі студентами студентський бал. Наприкінці балу студенти підхопили професорів і розкачували їх з криками «Віват!». О. Шпакова, який збирався піти додому, на руках внесли назад з фойє у зал²⁸. Подібно до більшості своїх колег О. Шпаков опікувався матеріальним станом студентів. Він брав участь у діяльності «Попечительства для недостаточных студентов НУ», вдосконаленні його статуту. Звичайно, така діяльність не могла не викликати вдячності студентів. У своїх мемуарах Л. Коган згадує про розмову у 1906 році з одним зі студентів, який казав, що професори М. Ланге, О. Вериги та О. Шпаков притримуються доволі поміркованих політичних поглядів, але є порядними та всіляко захищають студентів²⁹. Опоненти О. Шпакова доповідали керівництву, що коли у 1908 році більшістю голосів наступником В. Косинського було обрано О. Загоровського, натовп студентів вигукував ім'я О. Шпакова³⁰. Один з них, колишній член Центрального студентського органу у 1906-1907 роках, вже у 1920-х роках писав до О. Шпакова: «ще з тих далеких часів, коли я мав задоволення бути Вашим слухачем, в мене збереглися найкращі спогади. Адже у чорні дні левашовщини Ви були одним з не-багатьох професорів з ким нам революційним

студентам можна було говорити відверто, і з боку якого ми зустрічали не тільки співчуття, але й сприяння»³¹. Інший колишній студент писав О. Шпакову з Тбілісі: «Знаю до якої міри Ви цікавитесь долею кожного Вашого вихованця і з яким непідробним піклуванням йдете до них назустріч. Мене щиро радує коли чую відгуки про Вас від Ваших старих вихованців, які перебувають тут і з негасимою любов'ю згадують про Вас і ті послуги, які Ви для них робили ще тоді, коли будь-яке співчуття з боку професора до студента було заборонене»³².

Незважаючи на згадані перипетії, 14 жовтня 1912 року у Київському університеті Св. Володимира О. Шпаков успішно захистив докторську дисертацію та отримав науковий ступінь доктора державного права. 3 серпня 1913 року його обрали ординарним професором кафедри історії російського права юрфаку НУ. Однак внаслідок складних обставин викладання в НУ О. Шпаков дедалі більше зосереджує свою діяльність на ОВЖК. У листі до свого колеги, історика права Ф. Тарановського він передусім згадував про своє велике навантаження на ОВЖК³³. Від вересня 1906 року О. Шпаков читав 2 години лекцій з державного права та 2 години історії «русского» права студентам 3-4 курсів ОВЖК. У 1911 році він читав курс міжнародного права. Курси історії російського права та державного права читались як на історичному, так і на юридичному відділенні ОВЖК. Тому О. Шпаков був повноправним членом Ради обох факультетів. У серпні 1915 року Рада курсів вирішила залишити курс історії руського права у обсязі трьох годин на тиж-день у якості обов'язкового для слухачок групи руської історії історичного відділення, а для груп іншого спрямування – рекомендованого. Навпаки, курс державного права для студентів історичного відділення став рекомендованим³⁴. Серед слухачів О. Шпакова на ОВЖК найбільшої відомості досягла талановитий історик-краєзнавець Доротея Атлас³⁵.

На відміну від НУ, на ОВЖК О. Шпакову вдалося досягнути вищих щаблів адміністративної кар'єри. Невдовзі після захисту докторської дисертації він був обраний першим деканом новосформованого юридичного факультету ОВЖК. Саме О. Шпаков був одним з ініціаторів створення цього факультету. 12 травня 1913 року Рада професорів ОВЖК одногосно обрала його директором курсів. На цій посаді він залишався до за-криття курсів у 1920 році. Наприкінці 1913 року при фізико-математичному факультеті було відкрито хіміко-фармацевтичне відділення. У відомства імператриці Марії було придбано ділянку землі, що належала Жіночому інституту імператора Миколи I. На цій ділянці планувалося побудувати приміщення для ОВЖК³⁶. У березні 1915 року ОВЖК отримали від Міністерства народної освіти права, що фактично зрівнювали їх з університетами. Це досягнення було визнано Радою курсів як особиста заслуга директора.

На початку урочистостей О. Шпакова зустріли представники 400 курсисток, які надали йому вітальну адресу у папці, що була оздоблена срібними прикрасами (нині зберігається у фондах Одеського історико-краєзнавчого музею). Курсистки проголошували О. Шпакова неодмінним прибічником вищої освіти, науковцем, талановитим лектором та педагогом, щирою людиною. О. Шпаков скромно відповів, що вважає нові досягнення ОВЖК спільною заслугою³⁷.

За нових умов комісія на чолі з директором склала новий статут курсів. За висловом однієї з одеських газет «за енергійного директора Шпакова» спостерігався наплив студен-ток на ОВЖК. В інтерв'ю журналісту «Одесского листка» О. Шпаков

зазначав, що курси щорічно надають допомогу товариству нужденних курсисток у розмірі 5-6 тисяч рублів. Він шкодував, що адміністрація не може виділяти більше коштів, закликаючи громад-ськість та пресу і надалі приділяти велику увагу питанню про покращення матеріального забезпечення студентів³⁸. Е. Неміровський згадував, що за головування О. Шпакова курси стали гостинним притулком для професури, що зазнавала утисків в університеті³⁹. Справді, на курсах викладав професор Є. Щепкін, з'явилися молоді та здібні викладачі Є. Загоровський, А. Флоровський, М. Гордієвський та деякі інші. Разом з цим через конфлікт з Є. Щепкіним та Є. Трифільєвим викладання на курсах припинив один з най-авторитетніших істориків в Одесі, людина консервативних переконань, професор І. Линниченко. Своєрідна політика О. Шпакова знаходить підтвердження у вже згадано-му донесенні П. Казанського, який зазначав, що «за останній час мені доводилося неодноразово чути про бойкот «правих» професорів юрфаку НУ з боку юридичного відділення ОВЖК, на якому він [Шпаков] перебуває деканом».

На ОВЖК О. Шпаков мав не меншу популярність серед вихованців, аніж в НУ. Про це яскраво свідчать події 1917 року. Після Лютневої революції О. Шпаков демонстра-тивно подав у відставку, бажаючи отримати мандат довіри у нових політичних умовах. Невдовзі відбулася сходка курсисток, на якій багато хто з учасників зазначав, що в особі О. Шпакова курсистки завжди знаходили вірного друга, завдяки йому ОВЖК різко відрізнялись від інших ВНЗ. Курсистки висловили глибоку довіру професору О. Шпакову⁴⁰. Думка курсисток, напевно, вплинула серед іншого на членів Ради ОВЖК, які переобрали О. Шпакова директором з дуже переконливим результатом: 45 голосів – за, 3 – проти. Вже у 1927 році група колишніх слухачок ОВЖК на шпальтах газети висловила жаль у зв'язку зі смертю «незабутнього вчителя-друга»⁴¹.

Однак О. Шпаков не задовольнився лише діяльністю на ОВЖК та НУ. Наприкінці 1915 року у товаристві поширення вищої освіти було обрано комісію на чолі з О. Шпаковим для створення в Одесі інституту вищих економічних наук⁴². Хоча у зв'язку з війною та революцією ця ініціатива не була реалізована, її слід вважати передвісником створення Одеського інституту народного господарства у 1920-ті роки. Це пояснює і ту жвавість, з якою О. Шпаков на початку 1920-х років взяв участь у заснуванні цього нового ВНЗ.

Педагогічна, адміністративна та громадська діяльність в Одесі пригальмувала, але не зупинила наукових студій О. Шпакова. Магістерська робота О. Шпакова була написана у суто позитивістському, історико-бібліографічному стилі⁴³. Дисертант прийняв запропоновану М. Владимирським-Будановим періодизацію розвитку взаємин держави та церкви у Росії: 1) до половини XV ст. – рівновага; 2) з половини XV ст. – до кінця XVI ст. – держава бере гору над церквою; 3) з 1589 – посилення церкви. Традиційно для істориків права О. Шпаков прагнув вкласти історичні події у певну заздалегідь обрану схему. Використовуючи численну літературу, автор здебільшого висвітлює подієву канву державно-церковних відносин у Росії. О. Шпаков показав, як поступово держава підкоряла собі інтереси церкви. Слід погодитись з досить суворим відгуком відомого історика-джерелознавця С. Шумакова, який вважав, що О. Шпаков потрапив у надмірну залежність від беззаперечних для нього авторитетів: М. Владимирського-Буданова, Є. Голубинського та О. Павлова, обмежився зовнішнім описом подій, не намагаючись зробити більш глибокі висновки⁴⁴. Роботі справді бракувало архівних

джерел. Її значення обмежувалось узагальненням та популяризацією вже відомого матеріалу. Недоліки праці О. Шпакова згодом використали у полеміці його опоненти. Вже згаданий О. Тимофєєв, коментуючи зауваження О. Шпакова, в'їдливо зазначав, що його опонент критикує його за ті не-доліки, якими відзначається в свою чергу його власна дисертація.

У подальші роки О. Шпаков здійснював наукові відрядження за кордон Російської імперії та у її межах з метою пошуку матеріалу для докторської дисертації, що задумувалась ним як хронологічне та тематичне продовження магістерської. Особливо плідно він працював у Московському архіві міністерства іноземних справ. На цьому етапі роботи цінні наукові поради О. Шпакову надали відомі спеціалісти з історії церкви К. Харлампович та С. Пападімітріу. Результатом праці О. Шпакова стала його докторська дисертація, що вийшла друком у 1912 році. Твір значно перевищував за обсягом попередню роботу. Напевно, прислухавшись до голосу критики О. Шпаков використав досить значний комплекс архівних джерел, які він видав у додатку⁴⁵. І все ж недоліки попередньої роботи збереглися. Автор майже відмовився від полеміки, здебільшого залишив занадто описовий стиль. Незважаючи на недоліки, двотомне дослідження О. Шпакова міцно утвердилося в історіографічному процесі⁴⁶.

Основним чинником гальмування наукових досліджень О. Шпакова була віддаленість необхідних для нього архівних фондів. 16 січня 1913 року у листі він повідомляв Б. Кістяківського про завершення роботи про секуляризацію у Московській державі, але шкодував, що доводиться приїжджати у Москву заради архівних студій лише у ваканційний час, від чого гальмується робота⁴⁷. Наукові студії О. Шпакова стимулювало його членство у провідних наукових товариствах Одеси: Історико-філологічному (обраний дійсним членом у листопаді 1904 року), Одеському товаристві історії та старожитностей (з грудня 1908), Бібліографічному (з грудня 1913 року).

Активну участь О. Шпаков брав лише у роботі Одеського товариства історії та старожитностей попри те, що його наукові інтереси не зовсім відповідали магістральним напрямкам розвитку товариства. На засіданнях товариства він прочитав 7 доповідей (характеристика діяльності М. Владимирського-Буданова, 3 доповіді про різні аспекти біографії В. Ключевського, «К истории секуляризации церковных имуществ в Новгороде при Иване III», «Об одном документе из Московского главного архива министерства иностранных дел («Допросные речи разных гостей иностранцев»)), «К 200-ю учреждения правительственного Сената»). На жаль, більшість доповідей О. Шпакова не були повністю надруковані не зважаючи на попередні рішення Ради товариства. Окрім цього, О. Шпаков був делегатом від товариства на святкуванні 50-річчя Московського Археологічного товариства у 1915 році. Протягом першої половини 1910-х років він також успішно виконував обов'язки скарбничого товариства. О. Шпаков брав участь і у загальноімперському науковому житті. У березні 1915 року у Московському університеті відбувся з'їзд професорів російської історії та права, на якому було прийнято рішення про створення «Словаря к важнейшим памятникам древнерусского права». О. Шпакову та М. Максимейко доручили скласти словник до договорів руських з греками (проект так і не було реалізовано)⁴⁸.

Отже, напередодні переламних подій 1917 року О. Шпаков досяг в Одесі великого авторитету як викладач вищої школи. У 1905-1907 роках О. Шпаков належав до радикального крила лібералів. Ця обставина перешкодила адміністративній кар'єрі професора

в НУ, проте зумовила його популярність у ліберально налаштованих колах, сприяла адміністративним успіхам на менш офіційних ОВЖК. Після 1907 року О. Шпаков займав більш обережну позицію, що відрізняла його, скажімо, від Є. Щепкіна. Ліволіберальний світогляд О. Шпакова зумовив його лояльне ставлення до радянської влади у 1920-х роках. У радянській історіографії діяльність ліберальної професури однозначно схвалювалася. Сьогодні така оцінка не виглядає однозначною. Діяльність лібералів була суттєвим чинником дестабілізації університетського життя, одним з проявів радикалізації суспільних настроїв у Російській імперії наприкінці XIX – на початку XX ст. Адміністративна та громадська діяльність «з'їла» багато наукового часу професора. Тому попри успішний захист двох дисертацій О. Шпаков не зміг досягнути рівня свого вчителя М. Володимирського-Буданова. Однак, якщо зважити на те, що у 1920-х роках у друці не з'явилося жодної наукової праці О. Шпакова, саме дореволюційний період слід визнати найбільш плідним у його науковій діяльності.

ПРИМІТКИ:

1. *Михальченко С. И.* Киевская школа в русской историографии (школа западно-русского права). – М.-Брянск, 1996. – С. 86-88.
2. *Тахтарова Н. С.* Шпаков О. Я. //Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. – Т. 4. – Одеса, 2005. – С. 437-439.
3. *Парієнко Г. К.* Одеський державний економічний університет. Історія. Ректори /За заг. ред. проф. М. І. Зверкова. – Одеса, 2006. – С. 3, 6, 7, 10, 13, 15-24, 25, 26, 29; *Бородатий В. П., Скрипник М. О., Граждан В. Д., Редькін О. С.* Одеський державний економічний університет. Нариси історії. – Одеса, 2000. – С. С. 3, 10, 11-12, 13, 18, 26, 28, 236, 251.
4. *Музичко О.* Громадська, наукова та педагогічна діяльність О. Я. Шпакова в Одесі у 1917-1920-х роках: від професора Новоросійського університету до «червоного професора» //Південний Захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. – 2008. – Вип. 6. – С. 186-207. Див. також: *Музичко О.* Одеський професор з тих часів (О. Шпаков) //Одеські вісті. – 2008. – 29 липня.
5. Державний архів м. Києва. – Ф. 16. – Оп. 465. – Спр. 1450. – Арк. 74.
6. ЦДАВОВ. – Ф. 166. – Оп. 12. – Спр. 8756. – Арк. 3.
7. Отчет о состоянии и деятельности императорского Новороссийского университета в 1915 году. – Одесса, 1916. – С. 195-196.
8. Відділ рукописів Одеського державного історико-краєзнавчого музею. – Ф. 429 (Шпакова). – Спр. 6548. – Арк. 49.
9. *Дон-Аминадо.* Наша маленькая жизнь: стихотворения, политический памфлет, проза, воспоминания /Сост., вступ. статья, ком. В. И. Коровина. – М., 1994. – С. 513.
10. *Семененко О.* Харків, Харків... Спогади емігранта //Березіль. – 1991. – № 10. – С. 65.
11. *Маркевич А. И.* Ф. И. Леонтович //Маркевич А. И. 25-е императорского Новоросийского университета. – Одесса, 1890. – С. 487-489.
12. Відділ рукописів Російської національної бібліотеки. – Ф. 1035. – Спр. 39 – Арк. 21; Спр. 38. – Арк. 117.

13. Лист М. Слабченка до М. Сумцова від 1909 року // *Заруба В. Михайло Слабченко в епістолярній та мемуарній спадщині (1882-1952)*. – Дніпропетровськ, 2004. – С. 38.
14. *Шпаков А. Я.* Отзыв о диссертации А. Тимофеева. – Одесса, 1905; *Одесские новости*. – 1905. – 11 мая.
15. ДАОО. – Ф. 45. – Оп. 19. – Спр. 557. – Арк. 21-22.
16. Программа университетской комиссии, принятая Советом 13 сентября // *Одесские новости*. – 1905. – 17 сентября.
17. К университетскому вопросу (о 10 % норме) // *Одесские новости*. – 1905. – 27 сентября.
18. ДАОО. – Ф. 45. – Оп. 11. – Спр. 31. – Арк. 152.
19. *Криштофович А. Н.* Университет (1903-1908) // *Ученые Геологического комитета*. – М., 1971. – С. 30.
20. В университете // *Одесские новости*. – 1906. – 20 января.
21. ДАОО. – Ф. 45. – Оп. 19. – Спр. 557 – Арк. 21-22.
22. Письмо в редакцию // *Одесские новости*. – 1905. – 12 октября.
23. Відділ рукописів Одеського державного історико-краєзнавчого музею. – Ф. 429 (Шпакова). – Спр. 6665.
24. Інститут рукопису національної бібліотеки України ім. В. Вернадського. – Ф. V. – Спр. 2351. – Арк. 2.
25. ДАОО. – Ф. 45. – Оп. 9. – Спр. 10 – Арк. 112.
26. ДАОО. – Ф. 45. – Оп. 12. – Спр. 1081. – Арк. 3, 5.
27. Государственные экзамены юристов // *Одесские новости*. – 1913. – 31 мая.
28. Общестуденческий бал // *Одесские новости*. – 1913. – 24 ноября; На студенческом балу // *Одесские новости*. – 1913. – 9 декабря.
29. Відділ рукописів Російської національної бібліотеки. – Ф. 1035. – Оп. 1. – Спр. 42. – Арк. 85.
30. Революционное гнездо. – СПб., 1909. – С. 7.
31. Відділ рукописів Одеського державного історико-краєзнавчого музею. – Ф. 429 (Шпакова). – Спр. 6721.
32. Там само. – Спр. 6646.
33. Відділ рукописів Російської державної бібліотеки (Москва). – Ф. 376. – К. 11. – Спр. 32. – Арк. 74.
34. ДАОО. – Ф. 334. – Оп. 1. – Спр. 7539. – Арк. 11, 22.
35. *Музичко О.* Историк Одеси Д. Г. Атлас: нові риси до незавершеного історіографічного портрету // *Лукомор'я: археологія, етнологія, історія Північно-Західного Причорно-мор'я*. – Вип. 1. – Одеса, 2007. – С. 294-302; *Музичко О., Солодова В.* Справа заснування «Музею міста Одеси» на початку ХХ ст.: ініціатори, задуми та реалії // *Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею*. – 2008. – № 5. – С. 31-40.
36. ДАОО. – Ф. 334. – Оп. 5. – Спр. 5. – Арк. 104, 120.
37. Торжество на ВЖК // *Одесские новости*. – 1915. – 10 апреля.
38. Квартирная нужда студентов и курсисток // *Одесский листок*. – 1916. – 30 августа.
39. Известия одесского окружкома КП(б)У. – 1927. – 9 июля.
40. Доверие профессору А. Шпакову // *Одесские новости*. – 1917. – 25 марта.

41. Известия одесского окружкома КП(б)У. – 1927. – 9 июля.
42. Одесские новости. – 1915. – 4 ноября.
43. *Шпаков А. Я.* Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. – Ч. I. От Флорентийской унии до учреждения патриаршества. – К., 1904.
44. Научное слово. – 1904. – Кн. X. – С. 154-156.
45. *Шпаков А. Я.* Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Царствование Федора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. – Одесса, 1912.
46. *Зимин А. А.* Витязь на распутьи. – М., 1991. – С. 84, 240, 243, 244; *Алексеев А. И.* Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности к. XIV – н. XVI в. – СПб., 2002. – С. 344; *Успенский Б.* Этюды о русской истории. – СПб., 2002. – С. 145, 472.
47. Відділ писемних джерел Державного історичного музею у Москві. – Ф. 108. – Оп. 1. – Спр. 4. – Арк. 55-56.
48. Відділ рукописів Одеського державного історико-краєзнавчого музею. – Ф. 429 (Шпакова). – Спр. 6767.

IV ВСЕУКРАИНСКИЙ КОНКУРС ИСЛАМОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ИМ. АГАТАНГЕЛА КРЫМСКОГО «ИСЛАМСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

В конце 2007 г. ассоциацией «Альраид» и «Украинским центром исламоведения» был объявлен очередной, ставший уже четвертым, Всеукраинский конкурс исламоведческих исследований молодых ученых имени Агатангела Крымского. Темой конкурса было заявлено: «Исламская цивилизация: история и современность».

К участию в конкурсе принимались работы студентов, аспирантов, молодых преподавателей высших учебных заведений III–IV уровней аккредитации, сотрудники науч-но-исследовательских институтов, аналитики и эксперты, работники музеев, архивов, библиотек, общественных организаций Украины в возрасте до 35 лет по религиоведению, истории, источниковедению, культурологии, искусствоведению, филологии, правоведе-нию, экономике и другим отраслям научных знаний, которые исследуют указанную тему. Конкурс не имел географических, хронологических, политических и других огра-ничений, и представленные на него работы могли охватывать все регионы современного мира.

Значение конкурса трудно переоценить. Ислам существует на территории Украины много сотен лет, он влияет на все сферы человеческой жизни, в том числе общественную, политическую и культурную. Эта роль становится все более заметной, особенно после возвращения на свою историческую родину крымских татар, десятки тысяч повол-жских татар издавна расселяются на востоке нашей страны, во всех крупных городах работают и учатся выходцы из стран мусульманского мира.

Целью конкурса было заявлено: поиск и подготовка молодых специалистов, содей-ствие в осуществлении исламоведческих проектов, организация и координация этих исследований, стимулирование ученых вокруг проблематики ислама, распространение и популяризация полученных результатов.

Одним из главных критериев, по которому оценивались работы участников конкурса, являлась степень новизны и оригинальность исследования. С этой целью на конкурс не допускались работы, уже награжденные премиями или имеющие отличия, а также уже представленные на другие конкурсы. Также важнейшим критерием оценивания были заявлены достоверность и надежность используемых источников и литературы. Высоко ценился и научный характер исследования: умение четко сформулировать проблематику исследования, его актуальность, аргументированность путей ее решения, умение правильно оперировать источниками и использовать различные методы научно-го познания.

Всеукраинская ассоциация «Альраид», выступившая соорганизатором конкурса, была основана в 1997 году. За десять лет она объединила общественные организации мусульман более чем в десяти областных центрах Украины¹. Представители Ассоциации организуют и принимают активное участие во всевозможных встречах, круглых столах, конференциях, касающихся проблем ислама и межрелигиозного диалога. Ассоциа-ция в своей работе также стремится поддерживать различные

научные исследования. Так, например, «Альраид» несколько раз организовывал социологические опросы мусульман Украины.

Для развития современного украинского исламоведения Всеукраинской ассоциацией общественных организаций «Альраид» еще с 2004 г. ежегодно проводится Всеукраинский конкурс исламоведческих исследований имени всемирно известного украинского востоковеда Агатангела Крымского. Кроме того, «Альраид» сотрудничает с различными общественными и религиозными организациями, в частности, с «Украинским центром исламоведения», который выступает в роли соорганизатора данного мероприятия².

Сотрудниками «Украинского центра исламоведения» являются такие известные исследователи ислама, истории и культуры Ближнего и Среднего Востока, как Н. И. Кирюшко, Е. Е. Бойцова, В. Ю. Ганкевич, Р. Н. Жангужин, Ю. Н. Кочубей и др. Создание Центра поддержали председатель Государственного комитета по делам религий В. Д. Бондаренко, вице-президент Национальной академии наук академик И. Ф. Курас и ряд других известных государственных и общественных деятелей. Основные задачи Центра – создание надлежащих условий для удовлетворения и защиты творческих, образовательных, профессиональных, духовных, культурных, социальных интересов его членов, преодоление проявлений ксенофобии и исламофобии в украинском обществе, подготовка аналитических материалов, поддержка публикаций украинских ученых-исламоведов. Центр призван содействовать межрелигиозному диалогу и способствовать расширению связей Украины с мусульманскими странами³.

В IV Всеукраинском конкурсе исламоведческих исследований приняли участие около сорока работ участников из различных регионов Украины. Итоги конкурса были подведены на конференции, прошедшей в Киеве в Исламском культурном центре 25 марта 2009 г. На конференции, в которой приняли участие многие известные деятели науки, образования и культуры, представители органов государственной власти, общественных организаций, народные депутаты Украины и дипломаты ряда стран мира, были подведены итоги конкурса. Решением жюри были определены работы, занявшие три первых места, а также исследования, заслужившие поощрительные премии.

Первое место в конкурсе занял Денис Васильевич Шестопалец с работой «Христианство в поглядах Ибн Теймийи». В его работе были освещены взгляды авторитетного бого-слова и философа XIII-XIV вв. Таки Ад-Дина Ибн Теймийи. «Аль-Джаваб ас-сахих» Ибн Теймийи – произведение антихристианского полемического направления арабской средневековой литературы. Несмотря на то, что это произведение является важнейшим источником исламо-христианских отношений в период средневековья, «аль-Джаваб ас-сахих» практически не использовался и основательно не изучался специалистами, а имеющийся поверхностный анализ не дает представления об исламо-христианских отношениях того времени. Автор уделяет особое внимание идентификации источников, которые прямо не упоминаются в «аль-Джаваб ас-сахих». В результате исследования делается вывод, что разнообразие источников, использованных Ибн Теймийем в его критике христианства, говорят об образованности и широком кругозоре автора⁴. Одним из достижений автора стало использование в исследовании новых источников, в том числе на арабском языке, что отметил глава «Украинского центра исламоведения» Николай Иванович Кирюшко.

Второе место было присуждено Ярико М. с работой «Сучасні течії мусульманської думки», третье – Шарипжановой А. «Ісламське мистецтво на тюркському тлі». Также жюри конкурса отметило 6 работ, заслуживающих специального поощрения. Среди них: Режук И. «Свідчення мусульманських джерел про іслам на християнському Сході», Хайрединовой З. «Виникнення та розвиток Таврійського магометанського управління в кінці XVIII – на початку XX століття», Эль Гуэссаб Карим «Социально-культурная детерминация мусульман в современном мире», Шарипжанов Р. «Ісламська релігія як фактор зберігання етнічних рис на фоні міста Харкова», Скрипник Н. «Коран український», Худайбердыева (Аширгельды-гызы) О. А. «История ислама в Буджаке».

В последней работе, посвященной истории ислама в одном из регионов Северо-Западного Причерноморья – Буджаке, где с конца XV до начала XIX вв. расселялось этно-территориальное объединение ногайцев – Буджакская Орда, на период пребывания которого и приходится расцвет исламской религии в этом регионе. Это – первое исследование, посвященное религиозным представлениям данной этнической группы, истории возникновения ислама и особенностям его бытования на этой территории.

Кроме того, жюри отметило высокий уровень выполнения и других конкурсных работ, в которых были освещены различные сферы жизни мусульман. Значительная часть работ касалась проблемы роли исламского фактора в геополитической расстановке сил в современном мире: «Иерусалимская проблема», «Проблема діалогу між мусульманським і християнським мирами в документах ООН», «Глобалізація демократичної системи та іслам», «Американський фактор впливу на іранську ядерну програму», «Положение мусульман в Анголе и Камеруне в свете визита Папы Римского». Конкурсанты уделили значительное внимание проблеме места женщины в исламе, что было продемонстрировано работами: «Ислам и современная женщина: компромисс или кон-фронтация», «Політизація хіджабу: історія і сучасність», «Положение женщины в исламе», «Гендерные отношения в исламе». В конкурсе были также представлены работы исторического характера, в частности, исследование «Іслам в Криму: історія і сучасність», а также вопросы истории Османской империи и завоевание ею Балканского полуострова, которые рассматривались в работах нескольких конкурсантов. Рассматривались и проблемы экономики («Влияние ислама на формирование денежно-кредитной системы»), права («Ісламська релігія та право»), культуры («Культура от Бога», «Культур-на складова ісламської цивілізації»), философии («Погляди Аль-Фарабі») и религиоведения («Шітський іслам: регіональні особливості», «Религиозные понятия и их особенности в семантике Корана», «Мистическая любовь к Богу в аскезе суфизма»). Упомянутыми были и некоторые мусульманские этноконфессиональные группы, такие как литовские и осетинские мусульмане, а также проблема исламского фундаментализма – «Фундаментальні, екстремальні, радикальні рухи в ісламі», «Исламский терроризм».

Согласно мусульманской традиции, конференция открылась чтением Корана. Шейх Имад Абу Ар-Руб, имам Исламского культурного центра, прочел 13 аят 49 суры, который, с его точки зрения, свидетельствует о том, что мусульмане, следуя повелению Всевышнего, всегда открыты для диалога с представителями других конфессий и религий.

К собравшимся и участникам конференции обратились со словами приветствия Исмаил Кади – председатель Всеукраинской ассоциации общественных организаций

Рис. 1. На конференции «Исламская цивилизация: история и современность»

«Альраид», Сулейман Абу Дияб – Чрезвычайный и полномочный посол Сирии в Украине, Кочубей Ю. Н. – главный редактор журнала «Східний світ», Майдан И. Г. – доцент дипломатической академии МИД Украины, Задворный А. М. – советник Уполномоченной по правам человека Верховного Совета Украины. В

ходе конференции обсуждались культурные, экономические, политические

аспекты функционирования исламской цивилизации, были подняты вопросы формирования политики, с учетом интересов мусульман, проблемы взаимопонимания мусульман и немусульман, перспективы развития ислама в Украине и Европе⁵.

Глава «Украинского центра исламоведения» Н. И. Кирюшко высоко оценил уровень представленных на конкурс научных работ, подчеркнув, что по итогам IV конкурса можно смело говорить о формировании научной элиты украинского исламоведения, и это в самом ближайшем будущем позволит активно вести научную деятельность в данной области.

Подводя итоги конкурса, Н. И. Кирюшко отметил, что наконец-то научные кондиции молодых исследователей – участников конкурса, в исследовании различных сторон ислама, достигли высокого уровня, и работы молодых ученых носят академический характер, являются полезными для дальнейшего изучения исламской культуры.

В дальнейшей перспективе работы «Украинского центра исламоведения», прежде всего, называлось: 1) работа над монографией «Ислам в Украине»; 2) изучение культурных и религиозных традиций крымских татар и других народов, которые исповедуют ислам; 3) способствовать установлению в нашей стране толерантного отношения между представителями различных национальностей и вероисповеданий.

В настоящее время готовится к публикации сборник лучших работ молодых ученых – участников IV Всеукраинского конкурса исламоведческих исследований им. Агатангела Крымского.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Богомолов А. В., Данилов С. И., Семиволос И. Н. и др. Исламская идентичность в Украине. – К., 2006. – С. 43.

2. Альрайд. Всеукраїнська асоціація громадських організацій. – Б. м., б. г. – С. 10;
<http://www.arryaid.org>
3. Кирюшко Н. И. Украинский центр исламоведения // <http://www.islam.com.ua>
4. См., к примеру, Шестопалець Д. В. Джерела твору Такі ад-Діна Ібн Теймії «ал-Джаваб ас-сахих» (XIV століття) // Вісник Державної академії керівних кадрів культури і мистецтв. – К., 2008. – С. 155-161.

УДК 94(477.74):930:929Якупов"19"

Щетников В. П. (Киев)

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ЯКУПОВА НАЗЫМА МУХАМЕТЗЯНОВИЧА

20 февраля 2009 года не стало Назыма Мухаметзяновича Якупова – доктора исторических наук, Героя Советского Союза, подполковника запаса, замечательного человека. В характеристике личности видного ученого и известного организатора науки в южноукраинском регионе, подлинного патриота своей страны, принципиальность и неординарные волевые качества которого позволили ему совершить настоящий подвиг во имя своего воинского и гражданского долга, хронологически верно построенный порядок обретения им регалий должен был бы иметь обратный отсчет, однако сейчас это, наверное, даже не самое главное.

Самое главное, на наш взгляд, в оценке непростого, многотрудного, сложного, изобилующего серьезными испытаниями или вызовами, как сейчас принято говорить, жизненного пути Назыма Мухаметзяновича является понимание того, что он всегда соответствовал этим вызовам. На всех переломных этапах своей жизни он умел принимать единственно правильное решение, которое и отличает гражданина от обывателя, ведущего от ведомого. Будучи от природы необычайно скромным и тактичным человеком, в экстремальных ситуациях он мгновенно и даже как бы инстинктивно, занимал, обычно пустующие в такие моменты, лидерские позиции, и доводил дело до логического, как правило, победного конца. Он был немногословен, но необычайно тверд и принципиален в своих убеждениях. Люди ему верили, шли за ним, гордились причастностью к тому делу, которое он делал. Назым Мухаметзянович Якупов олицетворял

самые светлые, жизнеутверждающие и гуманистические качества и стороны той эпохи, в рамках которой ему суждено было сформироваться как личности, совершить подвиг, жить, работать, бороться, сплотить круг своих единомышленников и последователей, оставить после себя детей, книги и светлые воспоминания.

А ведь его детство и юность приходятся, пожалуй, на самые сложные и трагичные, по крайней мере, в истории XX столетия, 30–40-е годы. Сам год рождения Назыма Мухаметзяновича знаменовал преддверие нового, критического этапа мировой истории. Это было время, когда, наверное, впервые так глобально, планета, сотрясаясь от экономических и политических неурядиц, медленно вползала в одну из самых масштабных катастроф в истории человечества. Именно поколению Назыма Мухаметзяновича выпало на долю испытать многочисленные лишения, тяготы, голод, бытовые неурядицы. Были, конечно, и радости узнавания мира: социальная политика молодого государства открывала перед молодежью самые широкие перспективы.

До последних своих дней Назым Мухаметзянович пронес любовь к своей малой Родине – Башкирии. Родился он 7 июля 1928 года в небольшом селении Карача-Елга Кушнаренковского района Башкирской АССР в простой татарской крестьянской семье.

Отец Назыма Мухаметзяновича – Мухаметзян Гиндуллович (1900 года рождения) – участник Гражданской войны, воевал в рядах РККА, был тяжело ранен. Мать – Рахимова Сабира Рахимовна (1901 года рождения) была дочерью бедняка. В 1932 г. родители вступили в колхоз. В этом же году родилась младшая сестра – Лифа. До начала 1942 г. отец Назыма Мухаметзяновича работал в колхозе, трудиться приходилось на разных должностях (в том числе и завфермой). В январе 1942 года Мухаметзян Гиндуллович был призван в ряды действующей армии. Погиб в 1943 г. Мать к тому времени уже часто и подолгу болела. Большинство родственников – родных и двоюродных братьев отца Назыма Мухаметзяновича также воевали на фронтах Великой Отечественной войны.

14-летний подросток остается на попечении своей бабушки, сестренке не было еще и десяти лет. Поэтому, к лету 1942 г., едва закончив семь классов Карача-Елгинской НСШ, и получив, как тогда говорили, неполное восьмилетнее образование он пошел работать в колхоз в своей родной деревне. Трудился там, куда посылал бригадир: летом – на поле-вых работах, зимой – на ферме, которой заведовал отец (он любил лошадей, поэтому больше исполнял обязанности конюха). Юноше очень хотелось продолжать образование, потому после тяжелой работы он часто допоздна засиживался за книгами. После того, как пришла похоронка на отца, в тяжелое время юношу поддержали соседи, правление колхоза. Его направили в школу ФЗО на учебу – ведь заводам, работавшим для фронта, как воздух нужны были специалисты для изготовления продукции оборонного значения.

И в учебном комбинате г. Уфы юноша продолжал свое самообразование. Руководство ФЗО заметило трудолюбие и целеустремленность Назыма Мухаметзяновича, и с октября 1944 по февраль 1945 года – он уже слушатель курсов счетоводов Башкирского учебного комбината. А с февраля по август 1945 года – техник-снабженец, старший техник оборонного завода № 628 г. Уфы. С сентября 1945 г. по ноябрь 1948 г. (до призыва в ряды Советской Армии) он – экспедитор ОРСа машиностроительного завода № 26 г. Черниковска Башкирской АССР. Уже в эти годы Назым Якупов проявил себя хорошим организатором, к нему тянулась молодежь, он мог хорошо и дельно

выступить на собрании, провести занятие с младшими школьниками и организовать субботник по случаю побед Красной Армии.

Эти качества общественника-комсомольца были замечены, и в апреле 1945 г. он был принят в ряды ВЛКСМ. В июле 1947 г. он становится кандидатом в члены ВКП(б) и одно-временно – секретарем первичной комсомольской организации Черниковского машино-строительного завода. В 1948 г. он возобновляет обучение в 8 классе вечерней школы рабочей молодежи № 5 г. Черниковска. В августе 1948 г. его принимают в ряды ВКП(б). 30 ноября 1948 г. он был призван в ряды Советской Армии для прохождения срочной воинской службы.

С 1 декабря 1948 г. Назым Мухаметзянович Якупов начинает службу рядовым в/ч 82200 Южно-Уральского военного округа и с первых же дней службы он, будучи рядовым, – секретарь ротной комсомольской организации. С февраля по август 1949 г. – находился в ГСВГ (Группе советских оккупационных войск в Германии). С марта по август этого же года – он курсант роты по подготовке командиров орудий танковой школы 41-го учебного батальона 7-го Гвардейского танкового корпуса. В сентябре 1949 г. он направляется на учебу во Львовское военно-политическое училище. Он – курсант. Впереди два года учебы.

14 сентября 1951 г. по выводам аттестационной комиссии Львовского военно-политического училища, было утверждено решение о присвоении курсанту Якупову Н. М. воинского звания «лейтенант» и назначении его на должность заместителя командира роты по политической части. С ноября 1951 г. Н. М. Якупов – заместитель командира 3-й танковой роты по политчасти 105 Гвардейского механизированного полка 33-й Гвардейской механизированной дивизии Отдельной Механизированной армии. В ноябре 1953 г. ему присвоено очередное воинское звание – «старший лейтенант». В октябре 1955 г. Назым Мухаметзянович Якупов уже заместитель командира по политической части 1-го танкового батальона 71-го танкового полка 33-й Гвардейской механизированной дивизии ОМА.

6 ноября 1956 г., в Будапеште, при исполнении воинского долга, был тяжело ранен и контужен. За проявленные при этом мужество и героизм Президиум Верховного Совета СССР 18 декабря 1956 г. присвоил Назыму Мухаметзяновичу Якупову звание Героя Советского Союза. Подробности подвига Назыма Мухаметзяновича довольно подробно изложены в биобиблиографическом выпуске Одесского университета, изданном в 1988 г. к 60-летию Н. М. Якупова, в статье И. Ф. Кураса и В. Е. Мельниченко. Здесь хочется обратить внимание только на одну фразу: «Задания следовали одно сложнее другого...»

Несмотря на многолетние дружеские отношения, которые связывали автора этих строк с Назымом Мухаметзяновичем, он всегда очень неохотно и скупно вспоминал подробности тех ноябрьских дней в Будапеште. Одно несомненно: прежде чем приступить к решающей стадии операции по подавлению опорного пункта мятежников в центре венгерской столицы, необходимо было провести рекогносцировку в условиях, когда город контролировался озверевшим отребьем, выпущенным на улицы. И эту непростую и очень ответственную задачу также было поручено выполнять старшему лейтенанту Якупову. Чтобы ликвидировать расчет смертоносного орудия, нужно было оказаться в зоне поражения: все решали доли секунды. Бросок связки гранат и выстрел орудия слились во времени. Пушка замолкла, бой вступил в решающую стадию: важнейший опор-

ный пункт противника и штаб восставших были уничтожены. Тяжелейшее ранение с потерей зрения и контузию получил и Назым Мухаметзянович Якупов: была парализована вся левая сторона тела. И хотя снаряд не попал в человека, но пролетел так близко, что металлическая окалина внутренних стенок ствола, которая всегда сопровождает выстрел, поразила всю левую часть головы героя (металлическая стружка извлекалась позже из глаза в ходе операционного вмешательства мощным магнитом).

Многие месяцы лечения и возвращения к жизни имели результатом неутешительный медицинский приговор: в мирное время к воинской службе не годен. В эти долгие месяцы лечения пережито и передумано было немало. Ясно было одно – начинается новый этап жизненного пути, и в этих новых условиях нужно было не растеряться, найти себя, найти новое призвание. И снова, как когда-то в далеком детстве остро почувствовалась необходимость учебы, получения знаний. А ведь глаз едва-едва начал различать свет, последствия ранений были весьма и весьма серьезными, врачи советовали начать новую жизнь вдали от стрессов, без нервных и физических перегрузок, со строжайшим ограничением читать и писать, и в качестве оптимального варианта предлагали, на-пример, заняться разведением пчел на пасеке... Но ведь сделано еще так мало! Нет, нужно учиться, обязательно учиться. И тут требовалась не только храбрость и собранность, тут нужна была воля, собранная в кулак. Предстояла борьба, длительная и упорная.

В личном деле Н. М. Якупова, после дел повествующих о его воинской службе и ратном подвиге, первый документ – характеристика на него, как на студента 2 курса исторического факультета Одесского государственного университета им. Мечникова от 1 июня 1959 г., подписанная секретарем партбюро ОГУ Леоном Хачиковичем Калустьяном. В характеристике говорится, что поступил на исторический факультет Н. М. Якупов «в сентябре 1957 г.» и «за время пребывания в университете ...проявил себя только с положительной стороны. Несмотря на большой перерыв в учебе, первый курс закончил с отличием, и решением Ученого Совета ОГУ ему назначена Ленинская стипендия. Отличную учебу тов. Якупов Н. М. умело сочетает с активным участием в общественной работе, являясь членом партийного бюро университета и партторгом второго курса исторического факультета».

Сокурсники Назыма Мухаметзяновича (среди которых и ныне покойный академик НАН Украины Ф. И. Курас) вспоминают, что он был достаточно толерантным и демо-кратичным, менее всего был склонен так сказать «давить» авторитетом при решении спорных проблем, возникающих в жизни курса и факультета. Его за это уважали, ценили его мнение. Безусловно, были и сложности, и проблемы, однако главный враг – последствия тяжелого ранения, оставаясь невидимым для посторонних, постоянно на-поминал о себе. Для борьбы с ним требовалась немалая воля, усидчивость, терпение. При этом Назым Мухаметзянович никогда не жаловался, не искал сочувствия и снисходительности от окружающих, какого бы ранга они не были. Иван Федорович Курас вспоминал позже, что семинарские студенческие выступления Н. М. Якупова всегда отличались глубиной анализа, однако «мало кто догадывался, что за этой кажущейся легкостью изложения – поистине нечеловеческий труд».

И. Ф. Курас и Н. М. Якупов сдружились еще в студенческие годы и дружбу эту про-несли через всю жизнь, не удивительно, что Иван Федорович помимо деловых качеств своего друга постоянно подчеркивает его душевность. Однако и многие другие

одно-курсники вспоминают Н. М. Якупова как, прежде всего, скромного, отзывчивого и доброго человека. Студенческие годы пролетели быстро: у парторга курса, члена парткома университета, руководителя научного кружка факультета – его практически не оставалось. В личном деле Якупова Н. М. упоминается, что «за успешное выполнение научных работ» он был награжден двумя почетными грамотами: в 1961 г. – ректорской, а в 1962 г. грамоту подписал министр высшего и среднего специального образования Украинской ССР. В июне 1962 г. решением государственной экзаменационной комиссии Н. М. Якупову была присвоена квалификация «историк, учитель средней школы» и вручен диплом с отличием под номером 637757.

Это было время, когда вся огромная страна жила непростой, но созидательной и устремленной к светлым идеалам жизнью. Первый искусственный спутник Земли, первый человек в Космосе, Карибский кризис, несомненное мировое лидерство в программе дальнейшего освоения околоземного пространства, значительные, и, чтобы там ни говорили, в основном, позитивные сдвиги в социальной и политической жизни общества – все это запомнилось современникам, чья юность и молодость пришлось на вторую половину 50-х – начало 60-х годов, как время больших ожиданий.

Для молодых людей, чьи отцы навеки остались в могилах (иногда безымянных) на полях сражений огромного пространства от Волги до Одера, либо вернулись домой, при-неся в складках своего обмундирования гарь, а в теле осколки самых крупномасштабных и судьбоносных битв в истории человечества (при этом оставшись, зачастую, очень не-многословными), для таких людей совершенно естественным был выбор армейской тема-тики. Тем более естественным такой выбор был для Назыма Мухаметзяновича Якупова.

В библиографическом сборнике, изданном в Одесском государственном университете к 60-летию ученого, указано, что в 1962–1964 гг. он – аспирант кафедры истории КПСС ОГУ им. И. И. Мечникова. И. Ф. Курас в своих воспоминаниях к этому сборнику пишет, что «в аспирантуру Якупов пришел со своей, выношенной темой», и далее: «Звучит она совсем прозаично: «Борьба большевиков за завоевание солдатских масс Одесского военного округа в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции». Ученые, однако, нашли ее не только актуальной, но и дали ей самый высокий отзыв».

В личном деле указано, что с 1 декабря 1964 г. Н. М. Якупов – преподаватель кафедры истории КПСС ОГУ им. И. И. Мечникова. В мае 1965 г. он защищает кандидат-скую диссертацию и проводится приказом ректора ОГУ на должность старшего преподавателя кафедры. 29 июня 1965 г. ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. Он разрабатывает общий курс по истории КПСС и приступает к разработке спецкурса «Борьба партии большевиков за завоевание армии на сторону пролетариата в социалистической революции».

С сентября 1966 г. Н. М. Якупов – доцент кафедры истории КПСС ОГУ. В эти же годы обустривается и личная жизнь Назыма Мухаметзяновича – из Уфы к нему переезжает и становится верной подругой, любящей супругой и матерью его детей Фания Фатыховна (Хазбуранова), медицинский работник, которую благодарные пациенты запомнили как высококлассного специалиста, и которая до конца жизни около полувека трудилась в двух лучших больницах Одессы. В 1960 г. родилась их старшая дочь – Галина. В 1968 г. в семье появился сын – Марат, впоследствии кандидат исторических

наук, как и отец – преподаватель ОГУ, в настоящее время – руководитель одного из департаментов Одесской мэрии. Рука об руку прошли супруги Якуповы свой жизненный путь, и только смерть разделила их с разрывом в один год и один месяц. Тихая, скромная, надежная и такая незаменимая Фания Фатыховна уходит из жизни в январе 2008 г. Все, кто был вхож в их дом, отмечают атмосферу радушия, теплоты и уюта, которую создавала и поддерживала жена Назыма Мухаметзяновича.

А пока на фоне разворачивающейся преподавательской и общественно-политической деятельности Н. М. Якупова (находясь в составе парткома университета, он избирается в состав Центрального райкома компартии Украины г. Одесса, городской и областной советы депутатов трудящихся, становится заместителем председателя областной организации общества «Знание» и т. д.) идет не такая заметная, но не менее напряженная работа в библиотеках, в архивных фондах страны по подготовке текста теперь уже докторской диссертации.

В 1967 г. в издательстве Киевского государственного университета увидела свет его монография «Большевики во главе революционных солдатских масс». В перечне публикаций библиографического сборника работ Назыма Мухаметзяновича, выпущенного к 60-летию ученого в 1988 г., эта монография объемом в 15,5 печатных листов находится под двадцать пятым номером. В сентябре 1968 г. Н. М. Якупов был переведен на должность старшего научного сотрудника и направлен на кафедру истории КПСС Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова для завершения работы над докторской диссертацией. В предельно короткие сроки Назыму Мухаметзяновичу удалось собрать в архивохранилищах Одессы, Москвы, Ленинграда, Минска, Риги, Таллинна и других важнейших культурных и научных центров страны богатый эмпирический материал, обобщить и концептуально осмыслить его, что и вылилось в текст докторской диссертации, которая была успешно защищена 27 февраля 1970 г. в Москве.

Высокую оценку работе дал официальный оппонент, известный советский историк, академик И. И. Минц. Как и в случае с кандидатской диссертацией, когда известный советский историк, заведующий кафедрой истории КПСС МГУ профессор Н. С. Шевцов настоятельно рекомендовал издать текст диссертации Н. М. Якупова отдельной монографией, так и теперь академик И. И. Минц напишет о докторской диссертации Назыма Мухаметзяновича: «Усиленно рекомендую издать работу в целом». 11 сентября 1970 г. решением Высшей аттестационной комиссии Союза ССР Якупову Н. М. была присуждена ученая степень доктора исторических наук. 12 апреля 1972 г. ВАК СССР утвердил его в ученном звании профессора по кафедре истории КПСС. В этом же году профессор Н. М. Якупов избирается заведующим опорной кафедрой истории КПСС ОГУ им. И. И. Мечникова, которую и возглавлял 20 лет.

В течение этого времени Назым Мухаметзянович становится членом Научно-технического совета по истории КПСС Минвузов СССР и Украинской ССР (с сентября 1972 г.), избирается членом редакционной коллегии межведомственного сборника «Научные труды по истории КПСС» (в 1974 г.), в этом же году он входит в республиканский совет по координации научно-исследовательской работы в области историко-партийной науки и партийного строительства при Институте истории партии при ЦК Компартии Украины. В 1975 г. Н. М. Якупов избирается Председателем межобластного

научно-методического совета преподавателей общественных наук Одесского вузовского центра.

Много сил и времени занимала активная депутатская и пропагандистская деятельность: профессора Н. М. Якупова знали не только практически во всех крупных населенных пунктах Одесской области, но и во многих, иногда весьма отдаленных регионах Советского Союза, включая и Сахалин. Но и здесь он оставался верен себе: активную устную пропагандистскую деятельность как внештатный лектор Одесского обкома партии он дополнял собственной печатной продукцией. К концу 80-х годов из общего количества публикаций Н. М. Якупова, которые уже к этому времени по самым скромным подсчетам превышали 200 позиций, автор этих строк насчитал около 85 публикаций научно-популярного и публицистического характера. Если же сюда добавить издания, которые выходили из-под пера автора в формате отдельных серий общества «Знание» УССР и публикации методико-методологической направленности, то эта цифра явно перевалит за сто позиций (кстати, членом правления этого общества на республиканском уровне Н. М. Якупов становится в марте 1987 г.).

И все же базовым приоритетом Назыма Мухаметзяновича остается наука. Как член Научно-технического совета по истории КПСС Минвузов СССР и УССР он принимает участие в подготовке и проведении десятков международных, всесоюзных и республиканских симпозиумов и конференций, выступает на них с научными докладами и сообщениями. Но в полной мере талант профессора Н. М. Якупова, как выдающегося организатора науки, проявился именно, и прежде всего, в связи с приобретением кафедры, которую он возглавил, статуса опорной для всего южного ВУЗовского региона Украины и созданием на ее основе специализированного Совета по историческим наукам для защиты кандидатских диссертаций.

Дело в том, что к началу 70-х годов неудовлетворительное положение с подготовкой молодых преподавательских кадров сложилось на многих кафедрах общественных дисциплин Юга Украины и Молдовы: типичной была ситуация, когда на кафедре было два, а иногда и один кандидат наук, да и то – пенсионного или предпенсионного возраста (впоследствии профессор Н. М. Якупов обобщит ситуацию в статье «Чому «старіють» кафедри?» специально подготовленной им для республиканской газеты «Радянська Україна» за 9 февраля 1975 г.). Как Председатель межобластного научно-методического Совета преподавателей общественных наук Одесского ВУЗовского центра профессор Н. М. Якупов подготовил хорошо аргументированную докладную записку в адрес Мин-вуза Украинской ССР с обоснованием насущной необходимости принятия действенных мер по кардинальному улучшению подготовки молодых научно-педагогических кадров для кафедр общественных наук. Записка профессора Н. М. Якупова предварительно была обсуждена на возглавляемом им Совете кафедр и на Совете ректоров ВУЗов Юга Украины. Результат был впечатляющий: если до прихода на должность заведующего кафедрой профессора Н. М. Якупова она ежегодно имела лишь одно аспирантское место, то с его приходом Минвуз расширил данную квоту до 10 мест на год. Реально же при кафедре одновременно готовили диссертационные исследования до 20–30 человек, так как этому способствовала и разработанная Н. М. Якуповым новая комплексная тема кафедры: «Партия большевиков в борьбе за создание политической армии трех революций в России и несостоятельность ее критиков», и тот факт, что диссертант получал

возможность работать в рамках научно-исследовательской темы и своей и другой родственной кафедры всего Южного ВУЗовского региона Украины и Молдовы.

В относительно короткий период времени профессору Н. М. Якупову удалось собрать и сплотить на кафедре творчески активный и неординарный преподавательский коллектив с оптимальным соотношением зрелых опытных доцентов и молодежи, которая только делала свои первые шаги в науке, на учебно-методической и общественной ниве. Это такие известные сегодня ученые, как Я. М. Штернштейн, А. П. Иванов, И. П. Никифорчук, Н. А. Скрипник, П. С. Столяр, П. Е. Ефимов, Ф. В. Нэх, В. П. Захаров, В. Н. Воеводин, Е. П. Муратчаева, Л. И. Кормич, В. П. Глиняный, А. И. Домбровский, А. Л. Пищевский, В. В. Козленко, В. В. Анищук, В. А. Нагайник, молодые тогда А. Г. Перехрест, В. И. Шамко, А. И. Сушко, Ю. А. Немченко, К. Н. Витман, Ю. И. Сурай, В. Г. Пищемуха, С. Д. Кучеренко, а также те, кто пришел на кафедру в начале 80-х годов: Г. П. Гребенник, П. А. Валигурский, П. И. Раннев, Э. В. Щеглов, А. В. Фесик, и др.

К сожалению, многие из этого перечня уже ушли из этой жизни, иные работают в других странах и городах Украины, не в стенах Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, но добрая слава кафедры осталась, ведь в своей деятельности ее коллектив не ограничивался рамками региона: экспертной оценки специалистов кафедры ждали диссертации, подготовленные аспирантами Института истории АН Украины, соискатели других ВУЗов и регионов Украины и Молдовы. Многие из них впоследствии защищались в специализированном ученом Совете, который возглавлял профессор Н. М. Якупов, и это давало ему возможность приглашать в качестве официальных оппонентов на защиту аспирантов и соискателей своей кафедры самых известных специалистов из Киева, Ленинграда, Москвы и других научных центров.

В этом смысле частыми «гостями» на кафедре были известные московские историки, профессора Н. С. Шевцов и Ю. И. Кораблев (первый возглавлял кафедру в МГУ, второй – являлся начальником отдела Института военной истории Министерства обороны СССР), киевские ученые – профессора: П. М. Шморгун – завкафедрой ИПК при Киевском государственном университете, М. В. Коваль – научный редактор «Українсько-го історичного журналу», завсектором периода Великой Отечественной войны Института истории АН Украины, В. В. Мельничук – заместитель директора Института истории АН Украины, И. Ф. Курас – академик АН Украины, в те годы – заместитель директора Института политических исследований при ЦК Компартии Украины.

Не вызывает сомнения тот факт, что за годы руководства кафедрой профессором Якуповым Н. М. она действительно стала базовой и опорной, превратилась в настоящую кузницу кадров высшей квалификации для целого ряда ВУЗов Юга Украины. За годы руководства профессором Н. М. Якуповым специализированным ученым Советом по историческим наукам при ОГУ им. И. И. Мечникова здесь было защищено более 200 кандидатских диссертаций, в том числе под непосредственным научным руководством Назыма Мухаметзяновича – более 60-ти. За все годы существования Совета не было ни одного случая рекламаций на подготовленные здесь кандидатские исследования. Все они оценивались ВАК при Совете Министров СССР как высоконаучные. Неоднократно отмечался при этом личный вклад Председателя специализированного Совета профессора Н. М. Якупова.

В июне 1983 г. он был награжден Почетной грамотой ВАК и юбилейной медалью в связи с 50-летием Высшей аттестационной комиссии. В 1984 году обобщенный опыт работы опорной кафедры и возглавляемого Якуповым Н. М. Совета кафедр общественных наук Одесского вузовского центра был представлен в Москве на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства среди экспозиций павильона достижений в сфере науки, образования и культуры. Профессор Н. М. Якупов был награжден именованным Дипломом почета и бронзовой медалью ВДНХ СССР. В 1985 г. союзный Минвуз за заслуги в области высшего образования наградил Н. М. Якупова нагрудным знаком «За отличные успехи». 29 декабря 1987 года Указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР профессору Якупову Н. М. было присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки Украинской ССР. Регулярно, к юбилейным датам капитан запаса Якупов Назым Мухаметзянович (с июня 1974 г. – майор, затем – подполковник) указами Президиума Верховного Совета СССР награждался юбилейными медалями 50, 60, 70 лет Вооруженных сил СССР. 21 мая 1985 года, решением Одесского областного Совета народных депутатов от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, профессор Якупов Н. М. был награжден медалью «Ветеран труда».

Кафедра истории КПСС ОГУ просуществовала до конца осеннего семестра 1989/1990 учебного года, когда она стала называться кафедрой «политической истории». В 1991/1992 учебном году у кафедры появилось новое название – «Общественных движений и политических партий». Кафедру по-прежнему возглавлял Н. М. Якупов. В конце июня 1992 г. кафедра прекратила свое существование. Специализированный Совет по защите Н. М. Якупов возглавлял до середины 1994 г. (секретарь – доцент В. А. Нагайник). В эти годы часть коллектива влилась в состав юридического факультета ОГУ (доценты В. П. Глиняный, А. Л. Пищевский, К. Н. Витман), большая часть преподавателей, и с нею и профессор Якупов Н. М. ушли преподавать во вновь возникший на базе бывшей парт-школы «Институт экономики, социологии и политики», который возглавлял Якубовский. Здесь коллектив возглавила Л. И. Кормич. Н. М. Якупов – профессор кафедры. В конце 1994 г. в ОГУ им. И. И. Мечникова формируется Институт социальных наук, в рамках которого возникает кафедра «Истории и мировой политики». Именно здесь, до конца своих дней и работал в должности профессора кафедры Якупов Назым Мухаметзянович. Вторым местом преподавательской деятельности профессора Н. М. Якупова стал его родной исторический факультет. Здесь он читал ряд спецкурсов, в последние годы жизни вновь возглавил Специализированный Совет по защите докторских и кандидатских диссертаций.

Благодаря исключительному трудолюбию и упорству, несмотря на возраст и ухудшающееся состояние здоровья: один глаз перестал видеть практически полностью, Назым Мухаметзянович является автором более 250 научных статей и двух десятков монографий. При этом следует отметить, что творческое наследие профессора Н. М. Якупова совершенно отчетливо делится на два этапа.

В рамках первого (1962–1988 гг.) кроме вышеотмеченных (в формате данной статьи) направлений, следует добавить довольно значительное количество рецензий и материалов выступлений автора на научных конференциях и симпозиумах. Так, из 178 позиций публикаций автора в пределах указанного периода, 30 – это материалы выступлений Назыма Мухаметзяновича на научных конференциях, 17 позиций – это

рецензии, при этом (кроме случая рецензии на книгу Г. И. Гончарука «Роль комсомольского политическо-го просвещения в формировании марксистско-ленинского мировоззрения молодежи», опубликованной совместно с В. В. Козленко в журнале «Коммунист Украины» за 1986 г.), все остальные рецензии написаны в период с 1970 по 1981 год включительно (на работы Гречухи И., Кураса И. Ф., Стрельцова Л. М., Дыхана М. Д., Щербицкого В. В., Задирако П. С., Голуба П. А., Кузьмина Т. Ф., Гончарука Г. И., Цветкова В. А., сборник документов «Одесская область в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и т. д.). Обращает на себя внимание большое количество публикаций автора в специальной академической периодике: начиная с 1962 г. – это 26 позиций, причем, как и в случае с рецензированием, пик публикаций в солидных научных журналах снова приходится на 70-е годы. Обращает на себя внимание незначительное количество случаев публикаций в соавторстве: в рамках выделенного периода отмечено всего 11 случаев работ в соавторстве (7 человек) – 4 публикации совместно с Козленко В. В., 2 – с Воеводиным В. Н., и по одному случаю соавторства с Цымбалом Л. М., Мусиенко В. В., Матвейчуком М. М., Валигурским П. А. и Сураем Ю. И.

Начиная с 1975 года в творчестве Якупова Н. М. появляется тема Великой Отечественной войны. Профессор Н. М. Якупов обращается к ней в год 30-летия Великой Победы и уже больше с нею не расстается. Важнейшие монографические работы профессора Якупова Н. М. этого периода: «Большевики во главе революционных солдатских масс. 1917 – янв. 1918 г.» (Киев, 1967); «Партия большевиков в борьбе за армию в период двоевластия» (Киев, 1972); «Борьба за армию в 1917 году: (Деятельность большевиков в прифронтовых округах)» (Москва, 1975); «Одесский Краснознаменный» (Кишинев, 1975). – (Коллект. монография); «Весну принесли на знаменах: О подвигах бойцов и командиров 3-го Украинского фронта в боях за освобождение Одесщины от немецко-фашистских захватчиков весной-летом 1944 г.» (Одесса, 1980); «Революция и мир: Солдатские массы против империалистической войны, 1917 – март 1918 гг.» (Москва, 1980); «Очерки истории Одесской областной партийной организации» (Одесса, 1981) – (Коллект. монография); «Борьба партии большевиков за создание политической армии демократической и социалистической революции (1905–1917 годы)» (Киев–Одесса, 1983) – (Коллект. монография); «Весну принесли на знаменах: Об освобождении Одесщины от немецко-фашистских захватчиков весной-летом 1944 г. бойцами 3-го Украинского фронта» (2-е изд., перераб. и дополн., Одесса, 1984); «Одесский Краснознаменный» (2-е изд., исправл. и дополн., Кишинев, 1985) – (Коллект. монография); «Коммунистическая партия в борьбе за осуществление ленинской программы мира» (Москва, 1986); «Стратегия партии в условиях совершенствования социализма» (Киев–Одесса, 1986) – (Коллект. монография); «Ленінська стратегія миру» (Київ, 1986. Серія 4 «Міжнародна», № 12); «Апрельские тезисы В. И. Ленина: Курс партии на перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. История КПСС: Методика комплексного изучения» (Киев, 1988) – (Коллект. монография); «Первый Верховный Главнокомандующий» (Киев, 1989).

Итак, здесь был дан перечень основных монографических исследований Н. М. Якупова от того момента, когда он занял должность доцента кафедры истории КПСС и до последнего года ее существования в старом качестве. Весьма знаменательной, на наш взгляд, выглядит смена парадигмы исследований профессора

Н. М. Якупова в конце 80-х годов – разворот в сторону методологического осмысления задач историко-партийной науки в новых исторических реалиях. И здесь символично звучит название его статьи, опубликованной в журнале «Вопросы истории КПСС» в ноябре 1988 г. (последнего учебного года работы кафедры в ее полном составе и по традиционным программам) – «Ответственность историка».

Последняя из отмеченных нами работ ученого этого цикла, имея научно-публицистическую направленность (для более широкого круга читателей) также выглядит весьма символично, особенно если учесть, что за этим последует перерыв в три года и первой работой, которая увидит свет и дойдет до читателя уже в условиях государственной независимости Украины в 1992 г. Это будет монография Назыма Мухаметзяновича, увидевшая свет в Москве в академическом издательстве «Мысль», – «Трагедия полководцев».

За этим последует еще одно трехлетнее молчание ученого и в 1995 г. к 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне Советского Союза против нацистской Германии и ее союзников, в Одессе увидит свет прекрасно изданная монография ученого – «Спасшие Отчизну». Эта книга, с одной стороны, является плодом исследовательской деятельности ученого за те 30 лет, которые прошли от защиты им своей кандидатской диссертации в мае 1965 г. Написанная на богатом фактическом и историографическом материале, она содержит выводы и раздумья человека, привыкшего отстаивать свою интеллектуальную и гражданскую позицию и, таким образом, замыкает собой целый цикл в истории человека и общества. С другой стороны, – структура работы, содержание ее четырех глав (особенно 1, 2 и 4-й), – «Трагедия народов», «Анатомия фашизма», «Брошенная армия», «Были дружбой сильны», «Почему распалась держава, спасшая Европу? Кто нами правил?» – экстрактно уже содержали в себе основ-ные направления изысканий автора в последующие годы, особенно – ближайшие 10 лет: 1995-2005 гг.

Один только перечень монографий профессора Якупова Н. М., появившихся в эти годы, свидетельствует сам за себя: «Куда мы шли? Кто нами правил?» (Одесса, 1997); «Куда мы шли? Социальная справедливость: концепции и уроки» (Киев, 1998); «Почему распалась Держава. Социальная справедливость: концепции, опыты и уроки. Вожди истинные и мнимые» (Одесса, 1999); «Трагедия народов» (Одесса, 2001); «На переломе: уроки и поиски переходного периода» (Одесса, 2003). Таким количеством монографических изданий в эти годы навряд ли могут похвастаться многие маститые ученые нашего города.

Вместе с тем, Назым Мухаметзянович, по-прежнему, проводил большую общественную работу в городе (прежде всего в формате ветеранских организаций), внимательно следил за тенденциями социально-политического развития в регионе, Украине и СНГ в целом. Косвенным свидетельством тому есть предложение, которое автор этих строк получил от профессора Н. М. Якупова в конце 2000 г. относительно участия в проекте, инициатором которого был известный одесский, а потом и израильский адвокат, Почетный гражданин Одессы Яков Маниович – издания к 60-й годовщине этого события, подарочного альбома с именами участников героической обороны Одессы в 1941 г., и написания концептуальной статьи для этого проекта.

Результатом был выход в свет в конце июля 2001 г. монографии «Героической обороне Одессы – 60 лет (1941-2001)» (Одесса, 2001). Продолжением моего научного со-

трудничества с Назымом Мухаметзяновичем была совместная монография «Подвиг Одессы», приуроченная к 60-й годовщине освобождения нашего города от оккупантов (Одесса, 2004). Первая часть монографии – «Крепость на берегу моря» посвящена героизму участников обороны города в 1941 г. и ее автором является профессор Щетников В. П. Вторая часть – «Весна освобождения» – была посвящена непосредственно событиям, связанным с освобождением Одессы в апреле 1944 г. и автором этого раздела был сам профессор Н. М. Якупов. Рецензентами этого издания были профессора Коваль М. В. и Григорович Д. Ф., а его презентация проводилась мэром Одессы Р. Б. Боделаном на торжественной встрече представителей всех городов-героев Советского Союза в конференц-зале на Морском вокзале в начале апреля 2004 г.

Воодушевленные этим успехом и вниманием общественности мы с Назымом Мухаметзяновичем немедленно приступили к подготовке проекта связанного с юбилеем следующего – 2005 г. – 60-летием Великой Победы. Новая книга виделась гораздо объемнее уже изданной, с привлечением самого широкого круга историков города и всего Юга Украины (возможно и шире). Я немедленно приступил к формированию круга основных участников проекта, связался с доцентами Савченко Я. А. и Гречухой И. В., которых давно и хорошо знал, предложил участвовать в качестве автора одного из разделов молодой исследовательнице, последней аспирантке Н. М. Якупова – Наталье Терефере (Дейнека), сам немедленно приступил к работе по сбору дополнительного эмпирического материала для нового издания. К весне 2005 г., когда черновик уже был готов, и мы приступили к компоновке макета в издательстве, работа неожиданно резко затормозилась...

Забегая вперед, скажу, что к счастью, Назым Мухаметзянович увидел реализацию нашего проекта, хотя и не в том объеме и виде, как мы предполагали (о чем он неоднократно говорил). Дело издания книги взяла на себя мэрия и в конце 2007 г. увидела свет первая его часть (автор – Щетников В. П.), а вторая часть успела выйти к юбилею профессора Якупова Н. М., который общественность города отмечала в Доме ученых в июле 2008 г. Проект объединяло общее название «На южном фланге фронта» и общая редакция текста и всего издания профессора Н. М. Якупова. Кроме всего, обращает на себе внимание тот факт, что текст второй части данного издания, помимо традиционных сюжетов, связанных с освобождением Одесщины от немецко-румынских оккупантов, содержал не-большую, но довольно автономную часть исследования – «Румыния во второй мировой войне». Думаю, если бы не болезнь и кончина Н. М. Якупова в феврале 2009 г., результатом этого начинания было бы достаточно солидное исследование ученого.

Говоря о последних исследованиях ученого, мы видим, что его беспокоит в эти годы. 2005-й год, знаменуя собой новые реалии общественного развития Украины и мира в целом, приносит коррекцию в определенную смену концептуальной парадигмы ученого, что находит свое выражение и в развороте научно-публицистического интереса Н. М. Якупова в сторону внешних факторов. Символичным был сам год – год 60-летия Победы, чему и была посвящена его очередная монография «Великая Отечественная. Крах нацизма», значим и подзаголовок этого издания – «К 60-летию Победы анти-фашистских сил над нацизмом» (Одесса, 2005). В этой связи совершенно закономерным выглядит появление в 2007 г. монографии профессора – «Контрреволюционный мятеж в Венгрии в 1956 г.».

Наконец, последнее прижизненное издание, которое увидело свет уже во второй половине 2008 г. – «Историческая драма страны», была задумана автором как сборник лучших его произведений с начала 90-х годов: «Трагедия полководцев», «Великая Отечественная. Крах нацизма», «На переломе: уроки и поиски переходного периода», «Трагедия народов» и «Контрреволюционный мятеж в Венгрии в 1956 году». Открывает издание «Вступительное слово» директора Института социальных исследований И. Н. Ковалея и декана исторического факультета ОНУ имени И. И. Мечникова – В. Г. Кушнера – руководителей двух структурных подразделений нашего университета, где последние 15 лет своей жизни трудился Назым Мухаметзянович Якупов. В качестве приложения к этому прекрасно оформленному изданию, мы видим список основных работ профессора Н. М. Якупова, а также воспоминания о нем его учеников и коллег: Хмарского В. М., Самойлова Ф. А., Нагайника В. А., Лозовского А. К., Усатюка И. Ф., Мокряка Г. С., Лысенко А. Е., Домбровского А. И. и многих других.

19 февраля 2010 г. в аудитории гуманитарного корпуса ОНУ имени И. И. Мечникова, где читал свои лекции студентам Института социальных исследований ОНУ профессор Н. М. Якупов, по инициативе кафедры Истории и мировой политики, были проведены «Первые научные чтения, посвященные памяти профессора Н. М. Якупова». Были приглашены не только преподаватели кафедры и Института, но и те, кто знал и уважал этого человека, прежде всего это сын – Марат Назымович и невестка Н. М. Якупова, его ученики и соратники – Витман К. Н., Усатюк И. Ф., Щетников В. П. и др. Вынося свое признание инициативной группе кафедры, которая организовала эту встречу, в лице заведующего кафедрой Шевчука Н. А. и профессора кафедры Гребенника Г. П., а также доцента Коч С. В. и других преподавателей, автор этих строк выразил надежду, что «Якуповские чтения» станут регулярными, и обратил внимание на заинтересованное присутствие студентов на этом мероприятии, ребята задавали вопросы и делились теплыми воспоминаниями об их преподавателе и наставнике – профессоре Назыме Мухаметзяновиче Якупове.

В заключение хотелось бы привести слова-посвящение, которыми, обычно немного-словный и сдержанный, профессор Н. М. Якупов, предваряет свою последнюю прижизненную монографию: *«Посвящается многострадальному великому народу нашей страны. Ему суждено было пережить глубокие потрясения, жестокости правителей, первым в истории проложить радикальный путь преобразования капитализма, превратить страну деревянной сохи в могучую индустриальную державу, спасшую мир от коричневой чумы фашизма.*

Наш трудолюбивый народ, проявляя сверхчеловеческие усилия, создал могучую державу. Но ему не везло на рулевых, которые оказались никчемными, вернули страну туда, откуда она ушла.

Но люди верят в наступление дня после ночи. Это неизбежная логика жизни». От себя остается добавить: с этой логикой нельзя не согласиться.

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ / СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИУ – Археологические исследования на Украине
АИМФЕ – Архів Інституту мистецтвознавства фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського НАН України
АО – Археологические открытия
АП – Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БЕ – Българска етнология
БЕж. – Болгарский ежегодник
БКИЧП – Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР
БСП – Българите в Северното Причерноморие
БФ – Български фолклор
ВВ – Византийский временник
ВДИ – Вестник древней истории
ВИА – Вісник інституту археології
ВИМК – Вестник истории мировой культуры
ВОКК – Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській академії наук
ВРГО – Вестник Российского географического общества
ВРФС – Вестник Российского фольклорного союза
ВУА – Военно-ученый архив
ВУАН – Всеукраїнська Академія наук
ВФ – Вопросы философии
ВЧПУ – Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева
ГАОО – Государственный архив Одесской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСИ ЧР – Государственный архив современной истории Чувашской Республики
ГИА ЧР – Государственный исторический архив Чувашской Республики
ГМЮР – Гуманитарная мысль Юга России
ГСУ – Годишник на Софийския университет
ДАМО – Державний архів Миколаївської області
ДАОО – Державний архів Одеської області
ДАРФ – Державний архів Російської Федерації
ДАСБУ – Державний архів Служби безпеки України
ДАХО – Державний архів Херсонської області
ДБ – Древности Боспора
ДП – Древнее Причерноморье
ДП. КСОАО – Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического общества
ДСПК – Древности Степного Причерноморья и Крыма
ЕВ – Етнографічний вісник
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел
ЖС – Живая старина
ЗВО РАО – Записки Восточного отделения Российского археологического общества
ЗИНУ – Записки императорского Новороссийского университета
ЗИФ – Записки історичного факультету
ЗОАО – Записки Одесского археологического общества
ЗОИИД – Записки Одесского общества истории и древностей

ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества

ИАИ – Известия на Археологический институт

ИАН МССР – Известия АН МССР

ИБИД – Известия на Българското историческо дружество

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры

ИЕИМ – Известия на етнографския институт и музей

ИЗ – Исторические записки

ИКАМ – История и культура античного мира

ИОЛИКО – Известия общества любителей изучения Кубанской области

ИП – Исторически преглед

ИРГО – Известия Российского географического общества

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии

ИРНАНУ – Институт рукописи НАН Украины

ІР НАНУ – Інститут рукопису НАН України

ИСПСБО – Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества

КБН – Корпус Боспорских надписей

КЕВ – Кишиневские епархиальные ведомости

КНП – Культура народов Причерноморья

КС – Киевская старина

КСИА АН СССР – Краткие сообщения Института археологии АН СССР

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнологии АН СССР

КСОГАМ – Краткие сообщения Одесского государственного археологического

музея

КСОГУ и ОГАМ – Краткие сообщения Одесского государственного университета и

Одесского государственного археологического музея

МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа

МНМ – Мифы народов мира

НАВ – Нижневолжский археологический вестник

НАИА НАНУ – Научный архив Института археологии НАН Украины

НВДГУ – Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету

НВДПУ – Науковий вісник Ізмаїльського державного педагогічного інституту

НВМДУ – Науковий вісник Миколаївського державного університету

НЗ – Народознавчі зошити

НЗІПЕД – Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень

НТЕ – Народна творчість та етнографія

НУ – Новоросійський університет

ОВЖК – Одеські Вищі жіночі курси

ОГАМ – Одесский государственный археологический музей

ОДУ – Одеський державний університет ім. І. І. Мечникова

ООИД – Одесское общество истории и древностей

ОНМБ – Одеська національна міська бібліотека ім. М. Горького

ОНУ – Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

ОСБО – Одесское славянское благотворительное общество имени св. Кирилла и

Мефодия

ПАВ – Петербургский археологический вестник

ПЕБ – Причорноморський екологічний бюлетень
 ПМА – Полевые материалы автора
 ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
 ПСП – Периодическое Списание на Българското книжно дружество в Средец
 ПССАСП – Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья
 РА – Российская археология
 РН – Расы и народы
 РДАНІ – Російський державний архів новітньої історії
 РДВІА – Російський державний військово-історичний архів
 РП – Разкопки и проучвания
 РЭ – Российский этнограф
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 СБНУН – Сборник за народни умотворения и народопис
 СМАЭ – Сборник музея антропологии и этнографии
 ССИА – Структурно-семиотические исследования в археологии
 СТ – Советская тюркология
 СЧ – Суворовские чтения
 СЭ – Советская этнография
 Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея
 Тр. ЗСТГУ – Труды по знаковым системам Тартуского государственного университета
 Тр. МАО – Труды Московского археологического общества
 Тр. РАО – Труды Российского археологического общества
 Тр. V АС – Труды V археологического съезда
 ТИЭ – Труды института этнографии
 УЗТГУ – Ученые записки Тартуского государственного университета
 УЗЛГУ – Ученые записки Ленинградского государственного университета
 УЗМГПИ – Ученые записки Московского Государственного педагогического института
 УЗМГУ – Ученые записки Московского Государственного университета
 УЗТНУ – Ученые записки Таврического национального университета
 УІЖ – Український історичний журнал
 ЦДАВОВ – Центральний державний архів вищих органів влади та управління України
 ЦДАГО – Центральний державний архів громадських об'єднань України
 ЦДІАК України – Центральний державний історичний архів
 ЭО – Этнографическое обозрение
 АА – Aribus Asie
 BAR – British Archaeological Reports
 EA – Eurasia Antique
 ESA – Eurasia septentrionalis antiqua
 IOSPE – *Latyshev V. Inscriptionales antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Graecae et Latinae*
 PZ – Prahistorische Zeitschrift
 REC – Revista de etnologie și culturologie

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Агбунов Михайло Васильович, доктор історичних наук, член Московської спілки літераторів, професор (Москва, Росія).

Аргатюк Сергій Степанович, здобувач кафедри історії України Одеського національного університету імені І. І. Мечникова (Одеса).

Бажан Олег Григорович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Інституту історії України НАН України, доцент кафедри історії Національного університету «Києво-Могилянська академія» (Київ).

Бошков Віталій Михайлович, аспірант кафедри археології та етнології України Одеського національного університету імені І. І. Мечникова (Одеса).

Брильов Денис Валентинович, аспірант кафедри релігієзнавства Державного університету інформатики та штучного інтелекту (Донецьк).

Бузейчук Володимир Миколайович, випускник історичного факультету Одеського національного університету імені І. І. Мечникова (Одеса).

Вінцовський Тарас Степанович, кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, доцент (Одеса).

Войтович Леонтій Вікторович, доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історії середніх віків і візантиністики Львівського національного університету імені Івана Франка, старший науковий співробітник Інституту українознавства імені Івана Крип'якевича НАН України (Львів).

Гізер Сергій Миколайович, кандидат історичних наук, приват-доцент кафедри історії України Південноукраїнського державного педагогічного університету імені К. Д. Ушинського (Одеса).

Главенчук Алла Василівна, старший лаборант кафедри археології та етнології України Одеського національного університету імені І. І. Мечникова (Одеса).

Гончарук Тарас Григорович, кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, доцент (Одеса).

Горбенко Кирил Володимирович, старший викладач кафедри всесвітньої історії та археології Інституту історії та права Миколаївського державного університету імені В. О. Сухомлинського (Миколаїв).

Григоров Григор, доктор наук, старший асистент кафедри культурології Південно-Західного університету «Неофіт Рильські» (Благоєвград, Болгарія).

Григор'єв Олександр Дмитрович, кандидат історичних наук, доцент Чуваського державного університету імені М. І. Ульянова (Чебоксари, Чувашія, Росія).

Дзиговський Олександр Миколайович, доктор історичних наук, професор кафедри археології та етнології України Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, професор (Одеса).

Ізбаш-Гоцкан Тетяна Олександрівна, кандидат історичних наук, доцент кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, доцент (Одеса).

Квілінкова Єлизавета Миколаївна, доктор історичних наук, старший науковий співробітник Інституту Культурної спадщини Академії наук Республіки Молдова (Кишинів, Молдова).

Кіосак Дмитро Володимирович, кандидат історичних наук, доцент кафедри археології та етнології України Одеського національного університету імені І. І. Мечникова (Одеса).

Котляр Юрій Володимирович, доктор історичних наук, завідувач кафедрою історії Чорноморського державного університету імені Петра Могили, професор (Миколаїв).

Крикін Сергій Михайлович, кандидат історичних наук, доцент кафедри загальної історії Московського місцевого педагогічного університету, доцент (Москва, Росія).

Кушнір В'ячеслав Григорович, кандидат історичних наук, декан історичного факультету Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, доцент (Одеса).

Литвиненко Алла, кандидат мистецтвознавства, Полтавський державний педагогічний університет імені В. Г. Короленка (Полтава).

Левченко Валерій Валерійович, асистент кафедри українознавства Одеського національного морського університету (Одеса).

Мисечко Анатолій Іванович, кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, доцент (Одеса).

Музичко Олександр Євгенович, кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, доцент (Одеса).

Нікульча Ігор Якович, викладач Кахульського університету імені Б. Хаждеу (Кахул, Молдова).

Острроверхов Анатолій Степанович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник відділу археології Північно-Західного Причорномор'я Інституту археології НАН України (Одеса).

Папцова Алла Костянтинівна, викладач Комратського державного університету (Чадир-Лунга, Молдова).

Петрова Анна Олександрівна, студентка історичного факультету Одеського національного університету імені І. І. Мечникова (Одеса).

Петрова Наталія Олександрівна, кандидат історичних наук, доцент кафедри археології та етнології України Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, доцент (Одеса).

Піструїл Ігор Володимирович, кандидат історичних наук, завідуючий Лабораторією археології та етнології Степової України кафедри археології та етнології України Одеського національного університету імені І. І. Мечникова (Одеса).

Радзиховська Олена Олександрівна, кандидат історичних наук, доцент кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, доцент (Одеса).

Синявська Олена Олександрівна, кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, доцент (Одеса).

Смирнов Олександр Ігорович, викладач кафедри всесвітньої історії та археології Інституту історії та права Миколаївського державного університету імені В. О. Сухомлинського (Миколаїв).

Старовойтенко Інна Михайлівна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник відділу джерел з новітньої історії України Інституту української археографії та джерелознавства імені М. С. Грушевського НАН України (Київ).

Степанов В'ячеслав Петрович, доктор історичних наук, директор Центру етнології Інституту культурної спадщини Академії наук Республіки Молдови (Кишинів, Молдова).

Тафаєв Геннадій Ілліч, доктор історичних наук, завідуючий кафедрою регіональної історії Чуваського державного педагогічного університету імені І. Я. Яковлева, професор (Чебоксари, Чувашія, Росія).

Хатлас Єжи, доктор бібліотеки Познанського університету імені Адама Міцкевича (Познань, Польща).

Худайбердієва (Аширгельди-гизи) Оксана Аширгельдієвна, аспірантка кафедри археології та етнології України Одеського національного університету імені І. І. Мечникова (Одеса).

Чижов Геннадій Петрович, здобувач кафедри археології та етнології України Одеського національного університету імені І. І. Мечникова (Одеса).

Шабашов Андрій Васильович, кандидат історичних наук, професор кафедри археології та етнології України Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, доцент (Одеса).

Шкляєв Ігор Миколайович, кандидат історичних наук, доцент кафедри нової та новітньої історії Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, доцент (Одеса).

Щетников В. П., кандидат історичних наук, докторант Інституту історії України НАН України, доцент (Київ).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агбунов Михаил Васильевич, доктор исторических наук, член Московского союза литераторов, профессор (Москва, Россия).

Аргатюк Сергей Степанович, соискатель кафедры истории Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (Одесса).

Бажан Олег Григорьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Украины НАН, доцент кафедры истории Национального университета «Киево-Могилянская академия» (Киев).

Бошков Виталий Михайлович, аспирант кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (Одесса).

Брилев Денис Валентинович, аспирант кафедры религиоведения Государственного университета информатики и искусственного интеллекта (Донецк).

Бузейчук Владимир Николаевич, выпускник исторического факультета Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (Одесса).

Винцовский Тарас Степанович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, доцент (Одесса).

Войтович Леонтий Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков и византистики Львовского национального университета имени Ивана Франко, старший научный сотрудник Института украиноведения имени Ивана Крипьякевича НАН Украины (Львов).

Гизер Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, приват-доцент кафедры истории Украины Южноукраинского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского (Одесса).

Главенчук Алла Васильевна, старший лаборант кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (Одесса).

Гончарук Тарас Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, доцент (Одесса).

Горбенко Кирилл Владимирович, старший преподаватель кафедры всемирной истории и археологии Института истории и права Николаевского государственного университета имени В. А. Сухомлинского (Николаев).

Григоров Григор, доктор наук, старший ассистент кафедры культурологии Юго-Западного университета «Неофит Рилски» (Благоевград, Болгария).

Григорьев Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент Чувашского государственного университета им. Н. И. Ульянова (Чебоксары, Чувашия, Россия).

Дзиговский Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, профессор (Одесса).

Избаш-Гоцкан Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, доцент (Одесса).

Киосак Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (Одесса).

Квилинкова Елизавета Николаевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института Культурного наследия Академии наук Республики Молдова (Кишинев, Молдова).

Котляр Юрий Владимирович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Черноморского государственного университета имени Петра Могилы, профессор (Николаев).

Крыкин Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Московского городского педагогического университета, доцент (Москва, Россия).

Кушнир Вячеслав Григорьевич, кандидат исторических наук, декан исторического факультета Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, доцент (Одесса).

Левченко Валерий Валерьевич, ассистент кафедры украиноведения Одесского национального морского университета (Одесса).

Литвиненко Алла, кандидат искусствоведения, Полтавский государственный педагогический университет им. В. Г. Короленко (Полтава).

Мисечко Анатолий Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, доцент (Одесса).

Музычко Александр Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, доцент (Одесса).

Никульча Игорь Яковлевич, преподаватель Кагульского университета имени Б. Хаждеу (Кагул, Молдова).

Острроверхов Анатолий Степанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Северо-Западного Причерноморья Института археологии НАН Украины (Одесса).

Папцова Алла Константиновна, преподаватель Комратского государственного университета (Чадыр-Лунга, Молдова).

Петрова Анна Александровна, студентка исторического факультета Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (Одесса).

Петрова Наталья Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, доцент (Одесса).

Пиструил Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий Лабораторией археологии и этнологии Степной Украины кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (Одесса).

Радзиховская Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков, доцент (Одесса).

Синявская Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, доцент (Одесса).

Смирнов Александр Игоревич, преподаватель кафедры всемирной истории и археологии Института истории и права Николаевского государственного университета имени В. А. Сухомлинского (Николаев).

Старовойтенко Инна Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела источников по новейшей истории Украины Института украинской археологии и источниковедения имени М. С. Грушевского НАН Украины (Киев).

Степанов Вячеслав Петрович, доктор исторических наук, директор Центра этнологии Института культурного наследия Академии наук Республики Молдовы (Кишинев, Молдова).

Тафаев Геннадий Ильич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой региональной истории Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева, профессор (Чебоксары, Чувашия, Россия).

Хатлас Ежи, доктор библиотеки Познаньского университета имени Адама Мицкевича (Познань, Польша).

Худайбердыева (Аширгельды-гызы) Оксана Аширгельдыевна, аспирантка кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (Одесса).

Чижов Геннадий Петрович, соискатель кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (Одесса).

Шабашов Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, доцент (Одесса).

Шкляев Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, доцент (Одесса).

Щетников В. П., кандидат исторических наук, докторант отдела истории Второй мировой войны Института истории Украины НАН Украины (Киев).

РЕЗЮМЕ / РЕЗЮМЕ

Главенчук А. В. (Одесса)

ВТОРИЧНАЯ ОБРАБОТКА КРЕМНЯ НА ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ ПОСЕЛЕНИИ ОХОТНИКОВ НА БИЗОНОВ АНЕТОВКА II (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ПРОИЗВОДСТВЕННОГО УЧАСТКА ЕИ/13-22)

Статья посвящена результатам исследования позднепалеолитического поселения Анетовка II (Степное Причерноморье). Особое внимание уделено участку поселения, на котором были сконцентрированы первичная и вторичная обработка кремня.

Киосак Д. В. (Одесса)

РАЗВИТИЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ И СТРЕМИТЕЛЬНЫЕ КЛИМАТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ РАННЕГО ГОЛОЦЕНА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (XI-VII ТЫС. ДО Н. Э.)

Статья посвящена проблемам влияния экологических факторов на мезолитическое народонаселение Юго-Восточной Европы.

Крикин С. М. (Москва, Росія)

ФРАКИЙСЬКІ ВОГНИЩА-ЖЕРТОВНИКИ

У статті публікуються своєрідні вогнища з вертикально вкопаними трубами, що були знайдені радянським археологічним загonom поблизу міста Кюстендил, але ще не знайшли наукової інтерпретації. Можливо, що це були есхари автохтонного населення гірських балканських районів, котрі пов'язані або з архаїчним, широко розповсюдженим сільськогосподарським культом, або ж з поминанням пращурів.

Острроверхов А. С. (Одесса)

СТЕПНОЕ ПОБУЖЬЕ И ПОДНЕСТРОВЬЕ В IX-III ВВ. ДО Н. Э. ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ МОНОГРАФИИ Ю. С. ГРЕБЕННИКОВА «КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ СТЕПНОГО ПОБУЖЬЯ. IX-III ВВ. ДО Н. Э.» (НИКОЛАЕВ, 2008. - 192 С., ИЛЛ.)

В статье на базе комплексного анализа монографии Ю. С. Гребенникова дается сравнительная характеристика позднекиммерийских и скифских памятников двух соседних регионов, определяется роль Степного Побужья и Поднестровья в историческом развитии Северо-Западного Причерноморья. Значительное внимание автор статьи уделяет проблемам культурологического и религиоведческого характера.

Піструїл І. В. (Одеса)

ПАМ'ЯТКИ КАМ'ЯНОЇ ДОБИ СЕРЕДНЬОЇ ТЕЧІЇ Р. МАЛИЙ КУЯЛЬНИК

В роботі розглядаються матеріали пам'яток кам'яного віку, знайдених під час археологічних розвідок біля с. Червонознам'янка Іванівського району Одеської обл.

Бошков В. М. (Одеса)

ГАГАУЗЬКЕ КНИГОВИДАННЯ В УКРАЇНІ ТА ЕТНОКУЛЬТУРНЕ ВІДРОДЖЕННЯ ГАГАУЗЬКОГО НАРОДУ

У статті розглядається історія гагаузького книговидання в Україні, від першої книги, що вийшла друком у 1993 р. Серед видань, які аналізуються, більшість складають

книги, надруковані в Одесі. Це – офіційні видання, фольклорні збірки та художні твори авторів – уродженців Одещини. До статті подано список літератури, виданої в Україні гагаузькою мовою.

Бузейчук В. Н. (Одесса)

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОДЕССКОГО ПЕРИОДА НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. А. КОПЕРЖИНСКОГО

Статья посвящена анализу этнологических работ известного литературоведа, профессора Одесского института народного образования К. А. Копержинского. Занимая не самую большую часть творческого наследия исследователя, до наших дней они сохраняют свою научную актуальность и требуют нового прочтения.

Квілінкова Є. М. (Кишинів, Молдова)

ТРАДИЦІЙНІ ЗНАННЯ ГАГАУЗІВ ПРО ЛІКУВАЛЬНІ РОСЛИНИ І НАРОДНІ ЗАСОБИ ЛІКУВАННЯ ХВОРОБ

У статті досліджуються народні засоби лікування хвороб, в основі яких – магічні дієства та заклинання, а також лікування травами. Відзначається, що й дотепер у гагаузів є доволі розвинутим інститут знахарства. На основі польового матеріалу показано, що значна частина народних засобів лікування тісно пов'язана з міфологічним світоглядом народу на хвороби, як на живі істоти. Відповідно, в засобах боротьби з ними відображаються традиційні уявлення: хворобу різали, палили, вишивали і т. д. Відмічається, що й зараз широко практикується лікування у місцевих знахарів. Робиться висновок про те, що свідчення про лікування за допомогою народних засобів та лікування травами збереглися слабше, ніж лікування з використанням лікувальної магії та замовлянь.

Кушнір В. Г. (Одесса)

ПОЛЯКИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПОДОЛЬЯ В УСТНОЙ ИСТОРИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В статье рассматривается вопрос о возможностях изучения культуры поляков Юго-Восточного Подолья на материалах устной истории. Анализируются статистические данные, свидетельствующие о динамике численности польской шляхты в регионе, потомки которой являются носителями информации о культурном наследии поляков.

Папцова А. К. (Чадир-Лунга, Молдова)

ДО ПИТАННЯ ПРО РОЛЬ КОНФЕСІЙНОЇ ПРИНАЛЕЖНОСТІ ПРИ ФОРМУВАННІ ЕТНІЧНОЇ САМОСВІДОМОСТІ ГАГАУЗІВ

Стаття присвячена аналізу значення конфесійного фактору для процесу етнічної консолідації гагаузів. Зроблений висновок про те, що практично на кожному з етапів етногенезу гагаузів велике значення мала їх приналежність до християнського (перш за все – православного) світу. В Балканський період само християнізація гагаузів запинила асиміляцію гагаузів тюрками-мусульманами. В ХІХ ст. уже на землях Буджака, конфесійна ідентичність сприяла подальшій консолідації етносу. Само на її основі сформувалась перша історіософська концепція гагаузів. Процеси етнічної мобілізації збільшили роль мовної ідентичності гагаузів, але не зменшили роль конфесійної. Саме вона визначає культурні стереотипи гагаузів.

Петрова А. А., Петрова Н. А. (Одесса)
**УКРАИНО-РУССКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ НИЖНЕГО ПОДУНАВЬЯ)**

В работе осуществлен сравнительный анализ, выявлены специфические черты свадебной обрядности украинцев и русских Нижнего Подунавья (Кикийский р-н Одесской обл.: Васильевка (русские), Мирное (украинцы и русские), Шевченковое (украинцы)). Свадьба украинцев и русских сохранила традиционную структуру обряда в целом, но имеет свои локальные особенности, что является следствием развития обряда в специфических условиях поликультурной среды.

Степанов В. П. (Кишинев, Молдова)
**ДО ПИТАННЯ ПРО РІЗНОМАНІТНІ БОКИ ЕТНІЧНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ
(ЕТНОПОЛІТИЧНІ РЕАЛІЇ В МОЛДАВСЬКОМУ ПОСТРАДЯНСЬКОМУ
СУСПІЛЬСТВІ)**

У статті розглядаються питання ідентичності населення Республіки Молдови в процесі розбудови незалежної держави. Аналізуються історичні умови за якими склалися уявлення про себе та навколишні народи серед різних етнічних груп та можливі перспективи подальшої динаміки етнонаціональних процесів у республіки.

Тафаєв Г. І. (Чебоксари, Чувашія, Росія)
ВИТОКИ ФОРМУВАННЯ ПАТРІОТИЗМУ РОДУ ТА ПЛЕМЕНІ В ІМПЕРІЇ ХУННУ

Предмет дослідження – генеза первинного патріотизму проточувашів у рамках їхнього перебування в складі імперії хунну. Автор на основі цивілізаційного підходу робить спробу охарактеризувати соціально-політичну ситуацію, а також простежити становлення первинного патріотизму проточувашів в умовах імперії хунну.

Худайбердієва (Аширгельди-гизи) О. А. (Одеса)
**МАТЕРІАЛИ ДО СЛОВНИКА ОСОБИСТИХ ІМЕН НОГАЙЦІВ ПІВНІЧНОГО
ПРИЧОРНОМОР'Я**

Стаття є словником особистих імен ногайців, що проживали на території Північного Причорномор'я в XVII – середині XIX ст. Пропонується реконструкція імен, що були витягнуті з різних історичних документів, картографічних і топонімічних джерел, їх коротка етимологія і вірогідні мотиви номінації.

Чижов Г. П. (Одеса)
З ІСТОРІЇ ЕТНОЛОГІЧНОГО ВИВЧЕННЯ НАЦІОНАЛЬНИХ МЕНЬШИН ОДЕЩИНИ

Стаття присвячена історії етнологічних досліджень компактних національних меншин Одещини: росіян, болгар, молдаван, гагаузів та албанців. Автор пропонує оригінальну періодизацію розвитку історіографії цих етнічних груп, висвітлює особливості етапів, що були виділені, та характеризує в хронологічному порядку основні праці з зазначеної проблематики.

Бажан О. Г. (Київ)
**ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ НА ЮГЕ УКРАИНЫ В ГОДЫ «ХРУЩЕВСКОЙ
ОТТЕПЕЛИ»**

В статье рассматриваются основные направления и пути реализации репрессивной политики силовых структур на Юге Украины в 1950 – середине 1960-х годов, анализи-

руються связанні з неї законодавчі та нормативні акти, оперативні та інші матеріали правоохоронних органів.

Брильов Д. В. (Донецьк)
СУФІЗМ В УКРАЇНІ: ІСТОРІЯ І СУЧАСНІСТЬ

Автор розглядає питання розповсюдження суфізму на теренах України за матеріалами Криму. Підкреслюється велика роль тарикатів у процесі розповсюдження ісламу, а також їх місце в духовному житті Кримського ханства, зокрема, за матеріалами відомого мандрівника Евлії Челебі. Автор також зупиняється на ролі суфійських товариств у процесі відродження ісламу в сучасній Україні.

Войтович Л. (Львов)
ВИЗАНТИЯ И ГАЛИЦКОЕ КНЯЖЕСТВО В НИЖНЕМ ПОДУНАВЬЕ В XII В.

В статье рассматривается продвижение границ Галицкого княжества и Галицко-Волынской державы к берегам Нижнего Дуная в контексте отношений этих государств с Византийской империей. Анализируются: роль Галицкого княжества в противостоянии Византии с кочевниками Северного Причерноморья, галицко-византийские династические связи, проблемы аутентичности письменных источников, свидетельствующих о проникновении Галицкого княжества и Галицко-Волынской державы в Нижнее Подунавье и Северо-Западное Причерноморье.

Гізер С. М. (Одеса)
КАНТЕМИР - ВАТАЖОК БУДЖАКСЬКОЇ ОРДИ. СТОРІНКИ БІОГРАФІЇ

Автором аналізується деякі аспекти військово-політичної діяльності ватажка буджакських ногайців Кантемир-мурзи – яскравого представника кочової аристократії початку XVII ст., активного учасника багатьох подій історії України, Польщі, Росії, Криму та інших країн. В дослідженні стверджується, що після Хотинської війни та з моменту призначення Кантемира на посаду сипістрійського бейлербея у Криму проходить процес посилення ролі і впливу ногайських мурз на державну політику. Цей процес, природно, викликав незадоволення представників кримської аристократії – головних кримських сімей. Відновлюється багаторічна боротьба, кривава й руйнуюча для всієї держави. Внутрішнє протистояння феодальних угруповань за владу, за вплив на кримську політику і розділ військової здобичі було визначальним фактором внутрішнього політичного життя у перші десятиліття XVII ст.

Григоров Г. (Благодєвград, Болгарія)
ГАГАУЗИ В ОСМАНСЬКІЙ ІМПЕРІЇ - НЕПОМІТНА ПРИСУТНІСТЬ

У статті автор пропонує реконструкцію різноманітних сфер культури та побуту гагаузів до їх переселення в Бессарабію, в контексті політико-економічної та ідеологічної ситуації в Османській імперії. Зокрема аналізується лінгвістична ситуація, асимілятивні процеси, культурно-антропологічні особливості предків гагаузів. Особливу увагу автор приділяє питанню ідентичності гагаузів в часи їх проживання в межах Османської імперії.

Григорьев А. Д. (Чебоксари, Чувашия, Россия)

ЕВАКУАЦІЯ ТА РОЗМІЩЕННЯ НАСЕЛЕННЯ ЗАХІДНИХ РАЙОНІВ СРСР НА ТЕРИТОРІЇ ЧУВАСЬКОЇ АРСР У РОКИ ВЕЛИКОЇ ВІТЧИЗНЯНОЇ ВІЙНИ

У статті розглядається процес евакуації населення західних районів Радянського Союзу до Чувашії в ході Великої Вітчизняної війни та його облаштування. Аналізуються труднощі, які виникли для евакуйованих і місцевого населення, в зв'язку з цим процесом, а також внесок населення Чувашії в процес облаштування переселенців. Наводяться статистичні матеріали щодо цих процесів.

Котляр Ю. В. (Николаев)

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА НИКОЛАЕВЩИНЫ ВО ВРЕМЯ ГОЛОДА 1921-1923 ГГ.

В статье характеризуется малоизученный аспект голода 1921-1923 гг. на Николаевщине – голод среди представителей этнических меньшинств: евреев, немцев, поляков, болгар. Доказывается тезис, что голод был трагедией не только украинского народа, а всех этносов, которые проживали на территории Украины.

Синявская Е. А. (Одесса)

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОДЕССКОГО СЛАВЯНСКОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Автор статьи рассматривает содержание и формы культурно-просветительской деятельности Одесского славянского благотворительного общества в конце XIX – начале XX в.: народные чтения, публичные лекции, литературные вечера; анализирует связи этого общества и просветительских организаций южного региона.

Аргатюк С. С. (Одесса)

ПОСЕЛЕНИЯ В СТЕПНОЙ ЧАСТИ ЛЕВОГО БЕРЕГА ДНЕСТРА (КОНЕЦ XVIII - НАЧАЛО XIX ВВ.)

В статье проанализированы источники и архивные документы, относящиеся к началу освоения Очаковской области после ее присоединения к Российской империи. Автор сосредоточил внимание на возникновении помещичьих, государственных и иностранных поселений в период заселения степной части Левобережья Днестра в конце XVIII – начале XIX веков. До утверждения 1795 года Тираспольского уезда, названный регион административно относился к одному из созданных на территории Очаковской области номерных уездов (уезд № III с уездным городом Хаджибей).

Винцковский Т. С. (Одесса), Никульча И. Я. (Кахул, Молдова)

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РУМЫНИИ ОБ УКРАИНСКОМ «САМОСТІЙНИЦЬКОМ» ДВИЖЕНИИ В ТРАНСИСТРИИ (1942-1944 ГГ.). ЧАСТЬ 1

Документы, предложенные читателю, продолжают серию публикаций, раскрывающих историю создания и деятельности сети украинского национального /националистического подполья. В фондах Государственного архива Румынии, изученных авторами, хранятся документы, дающие возможность проследить значение для румынских спецслужб угроз со стороны украинского сепаратизма.

Гончарук Г. И. (Одесса)

НЕСКОЛЬКО РАСПОРЯЖЕНИЙ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА М. С. ВОРОНЦОВА, СУЩЕСТВЕННО ПОВЛИЯВШИХ НА СТРОИТЕЛЬСТВО И БЛАГОУСТРОЙСТВО ОДЕССЫ

В статье опубликованы и проанализированы тексты пяти документов, которые освещают деятельность руководителя Южной Украины в 1823-1854 гг. генерал-губернатора М. С. Воронцова. Документы касаются поставок в Одессу иностранного камня, озеленения города и организации частного строительства.

Старовойтенко И. (Киев)

ПИСЬМА ЕВГЕНИЯ ЧИКАЛЕНКО К НИКОЛАЮ АРКАСУ (1903-1908). ЧАСТЬ 2

В материалах продолжается публикация писем Е. Чикаленко к известному украинскому культурному деятелю, композитору и историку Н. Аркасу. Во второй части публикуется еще 11 писем.

Хатлас Є. (Познань, Польша)

З ПРАВОСЛАВНОГО ЖИТТЯ ГАГАУЗІВ. СЕЛО ВІНОГРАДІВКА (КУРЧІ) БОЛГРАДСЬКОГО РАЙОНУ, ОДЕСЬКОЇ ОБЛАСТІ

У матеріалі вивчаються деякі аспекти з історії церкви та релігійного життя гагаузів села Виноградівка Болградського району Одеської області. Розглядається головні етапи історії православної церкви св. Георгія від її заснування в першій половині XIX ст. Аналізується вплив антирелігійної політики радянської влади на православне життя гагаузів.

Агбунов М. В.] (Москва, Росія), Дзиговський О. М., Шабашов А. В. (Одеса)

ВОЛОДИМИР НИКИФОРОВИЧ СТАНКО

Стаття присвячена видатному археологу, історичу, етнологу В. Н. Станко. Приводиться біографія вченого, найбільш повний список його наукових праць, включаючи наукове редагування, керівництво, роботи, що присвячені йому. В «матеріалах до біографії» приводяться спомини близьких людей: І. Чернякова, М. Агбунова, В. Нікітіна, О. Атанасова, О. Дьоміної.

Агбунов М. В.] (Москва, Росія)

В. Н. СТАНКО ЯК ОРГАНІЗАТОР НАУКИ

Автор аналізує творчий шлях В. Н. Станко, зокрема, приділяючи особливу увагу його діяльності як організатора науки. У статті підкреслюється, що В. Н. Станко зіграв вирішальну роль у формуванні низки наукових підрозділів на Півдні України.

Горбенко К. В., Смирнов О. І. (Миколаїв)

ВОЛОДИМИР НИКИФОРОВИЧ СТАНКО: ОСТАННІ РОКИ ТВОРЧОГО ШЛЯХУ

У статті характеризується діяльність по організації науки, педагогічна і наукова творчість В. Н. Станко в період його роботи в Миколаївському державному університеті імені В. О. Сухомлинського (2004-2007 рр.).

Радзиховська О. А. (Одеса)

В. Н. СТАНКО ЯК ДОСЛІДНИК ЕТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕСУ ПЕРВІСНОЇ ДОБИ В ПІВНІЧНОМУ ПРИЧОРНОМОР'І

В статті запропоновано стислий огляд внеску В. Н. Станко в дослідження палеолітичних та мезолітичних комплексів Південно-Східної Європи. В. Н. Станко розпочав свій творчий шлях як археолог наприкінці 50-х років. На цей час вже було напрацьовано багато емпіричного матеріалу і визначилися контури основної проблематики первісної історії Північного Причорномор'я. Протягом 60-х років В. Н. Станко включився в інтенсивну роботу з вивчення степової зони Причорномор'я як окремого господарсько-культурного регіону з відносно рухливим населенням, неоднорідним за своєю культурно-історичною генезою. Його роботи суттєво заповнили лакуни на цьому терені, а також висвітлили низку дискусійних теоретичних питань відносно шляхів розвитку місцевих етнокультурних процесів в найдавніший період.

Шабашов А. В. (Одеса)

ВОЛОДИМИР НИКИФОРОВИЧ СТАНКО ТА РОЗВИТОК ЕТНОЛОГІЇ В ОДЕСІ

У статті розглядається роль Володимира Никифоровича Станко в становленні етнології в Одесі. Підкреслюється, що він зіграв вирішальну роль у становленні інфраструктури цієї науки в Одесі наприкінці ХХ ст.

Ізбаши-Гоцкан Т. О., Шкляєв І. М. (Одеса)

М. С. ВОРОНЦОВ І ЙОГО ЕПОХА: ПОГЛЯД ІСТОРИКА

У статті відображено визначні моменти доповідей Міжнародної науково-практичної конференції «Вторые Воронцовские чтения». Конференція була присвячена висвітленню державної, адміністративної, та військово-політичної діяльності воронцовської епохи, а також ролі православної церкви у освоєнні Північного Причорномор'я та Новоросії.

Левченко В. В. (Одесса)

ЕГИПТОЛОГИЯ - ЕГО СТИХИЯ: К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА ЛЕОПОЛЬДОВИЧА КОЦЕЙОВСКОГО (1887-1919)

Статья посвящена известному учёному-египтологу, доценту Новороссийского университета А. Л. Коцейовскому. Представлена историография установленной на момент написания статьи научной и публицистической литературы о его жизни и творчестве. Рассматриваются факты биографии и роль социокультурных причин, в том числе повседневной жизни, на перипетии судьбы учёного.

Литвиненко А. (Полтава)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В НОВЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (ЧЕРНЯКОВ И., РОМАНЮК В. ЧТО БЫЛО НА МЕСТЕ ОДЕССЫ? - К.: АВТОГРАФ, 2008. - 224 С.: ИЛ.)

В рецензии рассматриваются позитивные стороны научно-популярной книги Чернякова И. и Романюка В. «Что было на месте Одессы?».

Мисечко А. И. (Одесса)

ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ КЛЕПАТСКИЙ, КАК ИСТОРИК И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ

В статье рассматривается жизненный путь и научная деятельность ученого П. Г. Клепатского. Анализируется его активная общественно-политическая деятельность в украинском национальном движении.

Музычко А. Е. (Одесса)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРА НОВОРОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
А. Я. ШПАКОВА (1868-1927) В ОДЕССЕ В НАЧАЛЕ XX В.**

В статье, на основе документов архивов Киева, Одессы, Симферополя и Москвы, материалов прессы, рассматривается биография и педагогическая деятельность профессора Новороссийского университета и Одесских женских курсов А. Я. Шпакова (1868-1927).

Худайбердиева (Аширгельди-гизи) О. А. (Одеса)

**IV ВСЕУКРАЇНСЬКИЙ КОНКУРС ІСЛАМОЗНАВЧИХ ДОСЛІДЖЕНЬ МОЛОДИХ
УЧЕНИХ ІМЕНІ АГАТАНГЕЛА КРИМСЬКОГО «ІСЛАМСЬКА ЦИВІЛІЗАЦІЯ:
ІСТОРІЯ ТА СУЧАСНІСТЬ»**

Повідомлення присвячене IV Всеукраїнському конкурсу ісламознавчих досліджень молодих учених імені Агатангела Кримського, в якому характеризуються організатори цього заходу, його умови, значення і подальші перспективи, а також наводяться результати конкурсу. Автор також висвітлює роботу конференції «Ісламська цивілізація: історія та сучасність», що відбулася одночасно з нагородженням переможців конкурсу.

Щетников В. П. (Київ)

ПАМ'ЯТИ ПРОФЕСОРА ЯКУПОВА НАЗИМА МУХАММЕТЗЯНОВИЧА

Дана робота присвячена аналізу життєвого шляху та наукового творчого доробку професора Одеського національного університету імені І. І. Мечникова Якупова Назима Мухамметзяновича.

RESUMES

Glavenchuk A. V. (Odessa)

SECONDARY FLINT PROCESSING AT THE UPPER PALEOLITHIC SETTLEMENT OF BISON HUNTERS ANETIVKA II (EXCAVATIONS OF PRODUCTION AREA EI/13-22)

This article treats the results of investigation of the Upper Paleolithic settlement of Anetivka II (steppe Pontic region). The particular attention is paid to the settlement area where flint-knapping and retouching activities were concentrated.

Kiosak D. V. (Odessa)

POPULATION DEVELOPMENT AND RAPID CLIMATIC EVENTS OF EARLY HOLOCENE IN SOUTH-EASTERN EUROPE (XI-VII MIL. BC)

The paper deals with the issues of ecological influence on the Mesolithic population of South-Eastern Europe.

Krykin S. M. (Moscow, Russia)

THE HEARTHES FROM ANCIENT THRACE LANDS

This article is devoted to original fires with the vertical diged in chimneys, which were found by Soviet archaeological group near Kjustendil town, but it wasn't found scientific interpretation. Maybe, they were eschary of Autochthon population from mountainous Balkan regions, which connected either with the archaic, wide spread agricultural cult, or with funeral repast.

Ostroverkhov A. S. (Odessa)

THE STEPPE BOG AND DNESTR REGION IN IX-III CENTURIES BC. POLEMIC NOTES ABOUT MONOGRAPH OF J. S. GREBENNIKOV «CIMMERIANS AND SCYTHIANS OF THE STEPPE BOG REGION (IX-III CENTURIES BC)» (NIKOLAYEV, 2008. - 192 P., PL.)

In article on the basis of the complex analysis of the monographic J. S. Grebennikov is given the comparative characteristic of Latecimmerians and Scythian monuments of two next regions, the role of Steppe Bog and Dniester Regions in historical development of Northwest Black Sea Coast is defined. The author of article gives considerable attention to problems of Cultural- and Religiological character.

Pistruil I. V. (Odessa)

STONE AGE SITES FROM THE MIDDLE STRETCH OF MALY KUJAL'NYK RIVER

The paper is devoted to the presentation and analysis of Stone Age sites found in the course of field surveys in the vicinity of Chervonoznamjanka village, Ivanovka district, province of Odessa.

Boshkov V. M. (Odessa)

GAGAUZ'S EDITION OF THE BOOKS IN UKRAINE AND ETNOCULTURAL REVIVAL OF GAGAUZ PEOPLE

In the article history of Gagauz's edition of the books is examined in Ukraine, from the first book which went out a seal in 1993. Among editions which are analyzed, majority is made by books, printed in Odessa. It is official editions, folklore collections and artistic works of authors - natives of Odessa region. To the article the list of literature, given out in Ukraine Gagauz's language is given.

Buzeychuk V. M. (Odessa)

THE ETHNOLOGICAL INVESTIGATIONS OF K.O. KOPERJYNSKYI (THE ODESA'S PERIOD OF SCIENCE WORKING)

The article is dedicated to analysis of ethnological works of prof. K. O. Koperjynsky, who is known as famous literary critic. These works aren't big part of science inheritance of notable researcher, but very important.

Kushnir V. G. (Odessa)

THE PROBLEM OF THE STUDY POLISH OF SOUTH-EASTERN PODILLYA (THE ORAL HISTORY MATERIALS)

Article deals with the problem of the study of South-Eastern Podillya Poles' culture on the basis of oral history materials. Statistical dates on the dynamics of regional Polish gentry's number are analyzed. Author regards Polish gentry's descendants as bearers of the information on its cultural legacy.

Kvilinkova E. N. (Kishinev, Moldova)

THE TRADITIONAL MEANINGS GAGAUZIANS ABOUT MEDICINE HERBAGE AND POPULAR WAYS OF TREATMENT OF DISEASES

In the article are researched popular ways of treatment of diseases, in which base are laying magical spells, and also herbage treatment. Is noticed, that in present Gagauzians have very developed institute of quackery. On the base of field material is showed, that not very small part of the popular ways of treatment is closely related with mythological looks of the folk on the diseases how on real creatures. Respectively, in the ways of treatment with them are reflected traditional looks: diseases were cute, burned, drunk and else. Is noticed, that in present is wide practiced treatment by regional quacks. On base of analyze collected by author field material is making conclusion that information about treatment with help of popular methods and medicine herbage were saved worse than treatment with use of medical magic and spells.

Paptsova A. K. (Chadyr-Lunga, Moldova)

THE ROLE OF RELIGIOUS FACTOR FOR THE PROCESS OF THE ETHNIC CONSOLIDATION OF THE GAGAUZ PEOPLE

This article concerns the problem of the role of religious factor for the process of the ethnic consolidation of the Gagauz people. One of the main ideas of the article consists in the fact that the belonging with the Christian – first of all, orthodox – world, played extremely great role practically for each of the stages of ethnogeny of the Gagauz people. In the Balkan period of history precisely the Christianization of the Gagauz people avoided the assimilation of this people by Turk-Moslems. In the 19th Century on the Budzhak's territory confessional identity contributed to the process of further consolidation of the ethnos. Specifically, on this basis arose the first historical concept of the Gagauz people. The processes of ethnic mobilization increased the role of the lingual identity of the people, but did not reduce the role of religious one. Specifically, religious identity determines the cultural stereotypes of this people.

Petrova A. O., Petrova N. O. (Odessa)

UKRAINIANS AND RUSSIANS PARALLELS WEDDING CEREMONIALISM

In work reconstruction and the comparative analysis is carried out, specific lines of wedding ceremonialism of Ukrainians and Russians. Wedding has kept traditional structure of a

ceremony as a whole, but has the local features, that is a consequence of development of wedding ceremonialism in specific conditions of the polycultural environment.

Stepanov V. P. (Kishinev, Moldova)

ON THE SUBJECT OF DIFFERENT SIDES OF ETHNIC IDENTICITY (ETHNOPOLITICAL REALITIES IN THE MOLDOVIAN POSTSOVIET SOCIETY)

In the article the question of the population identity of the Moldova Republic in the process of forming an independent state are considerate. The historical conditions are analyzed, in what the self notion (self idea) and the idea of the surrounding nations among different ethnical groups and the possible perspectives of further dynamics of ethnonational processes in the republic are analyzed.

Tafaev G. I. (Cheboksary, Chuvashiya, Russia)

THE SOURCES OF THE FORMATION OF PATRIOTISM OF GENDER AND TRIBE IN THE HUNNU EMPIRE

The subject of the investigation – the genesis of primeval patriotism in the frames of their residing (being) in the Hunnu Empire. The author makes an a Hempt to characterize the social political situation on the background of the civilization approach and also he treys to investigate the formation of primeval patriotism of protochuvashians in the Hunnu empire conditions.

Khudayberdyeva (Ashirgeldy-gyzy) O. A. (Odessa)

MATERIALS TO DICTIONARY OF THE FIRST NAMES OF NOGHAY OF NORTH PRICHERNOMOR'YA

The article is the dictionary of the first names of Noghay, who living on territory of North Prichernomor'ya in XVII – to the middle of XIX century. The proposed of reconstruction of the names, extracted from different historical documents, cartographical and toponymical sources, their short etymology and credible reasons of nomination.

Chizhov G. P. (Odessa)

FROM HISTORY OF ETHNOLOGIC STUDIES OF NATIONAL MINORITIES OF ODESSA REGION

The article is devoted history of ethnologic researches of compact national minorities of Odessa region: Russians, Bulgarians, Moldovans, Gagauz's and Albanians. An author offers an original division into periods of development of historiography of ethnologic researches of these ethnic groups, lights up the features of the stages which were selected, and characterizes in a chronologic order basic labours from noted problem.

Bazhan O. G. (Kiev)

THE POLITICAL REPRESSION IN THE SOUTH OF UKRAINE IN THE PERIOD OF «THE KCHVUSTCHOV THAW» (1950-1960)

In the article are considered the main directions and ways of realization of the repressive politics of the force structures in the South of Ukraine in 1950 – mid/ 1960 years, are analyzed the legislative and normative acts, operative and other materials of law-defending organizations.

Bryl'ov D. V. (Donetzk)
SUFISM IN UKRAINE: THE HISTORY AND THE PRESENT

The author is investigating the question of Sufism spreading on the territory of Ukraine on the Crimean materials. The important part of taricats in the process of spreading of Islam is underlined, (emphasized) and also their place in the spiritual life of the Crimean khan organization, especially on the materials of the famous traveller Evlia Chelebi. The author also pays attention to the role of sufistic societies in the process of the revival of Islam in contemporary Ukraine.

Voytovich L. (Lvov)
VYSANTY AND THE GALICIAN PRINCIPALITY IN THE LOW DUNAI COAST IN THE XII CENTURY

In the article is considered the spreading of the boundaries of the Galician principality and the Galician-Volyn State up to the coasts of the low Dunai in the context of the relations of these countries with the Byzantine empire. Here are analyzed the role of Galicia principality in Byzantine (contradiction) with standing with the nomads or the North Black Sea coast, the Galician-Volyn dynasties.

Gizer S. N. (Odessa)
KANTEMIR - FUGLEMAN OF BUDZHAK HORDE. PAGES OF BIOGRAPHY

Analysed an author some aspects of military-political activity of fogleman of Budzhak's Noghay of Kantemir-murza - bright representative of nomadic aristocracy of beginning of the XVII c., active participant of many events of history of Ukraine, Poland, Russia, Crimea and other countries. It becomes firmly established in research that after Khotin's war and from the moment of assigning of Kantemir for position of Silistra beylerbey in Crimea the process of strengthening of role and influence of Noghay's murzas passes on a public policy. This process, naturally, caused dissatisfaction of representatives of the Crimean aristocracy - main Crimean families. A long-term fight, bloody and destroying for all of the state, recommences. Internal opposition of feudal groups for power, for influence on the Crimean policy and section of military booty was the determinative of internal political life in the first decades of the XVII c.

Grigorov G. (Blagoevgrad, Bulgaria)
UNNOTICEABLE PRESENCING OF GAGAUZ PEOPLE IN OTTOMAN EMPIRE

In the article an author offers the reconstruction of various spheres of culture and way of life of Gagauz people before their migration in Bessarabia, in the context of political, economical and ideological situation at the Ottoman empire. A linguistic situation, assimilative processes, in a civilized manner anthropological features of ancestors of Gagauz people is analysed in particular. An author spares the special attention the question of identity of Gagauz people in the days of their dwelling within the limits of the Ottoman empire.

Grigor'ev A. D. (Cheboksary, Chuvashiya, Russia)
EVACUATION AND PLACING OF POPULATION OF WESTERN REGIONS OF THE USSR IS ON TERRITORY OF CHUVASH ARSR IN YEARS OF GREAT PATRIOTIC WAR

In the article the process of evacuation of population of western districts of Soviet Union is examined to Chuvashiya during Great Patriotic war and his settling. Difficulties are analysed which arose up for an migrants and aborigine population and also payment of population of

Chuvashiya in the process of settling of migrants. Statistical materials are pointed in relation to these processes.

Kotlyar Y. V. (Nikolaev)

ETNICESKY MENSHINY NIKOLAEVSHINE GOLODOMORA 1921-1923

In article is characterised 1921-1923 many studied aspect golodomor 1921-1923 on Nikolaevshchina – hunger among representatives minority ethnos's: Jews, Germans, Poles and Bulgarians. The thesis is proved that golodomor was tragedy not only the Ukrainian people, and all ethnos's which lived in territory of Ukraine.

Synyavska O. O. (Odessa)

**THE CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITY OF THE SLAVONIC
PHILANTHROPY SOCIETY OF ODESSA**

The article discloses the dynamics, forms and subjects of cultural and educational activity of the Slavonic Philanthropy Society of Odessa at the end of XIX – at the beginning of XX century. The author has analyzed pages from the history the activity of the society for the realization of public readings, lectures, musical and literary of soirees in Odessa.

Argatyuk S. S. (Odessa)

**SETTLEMENT IN STEPPE PART OF LEFT-BANKNESS OF DNESTR (IN THE END OF
XVIII – BEGINNING OF XIX CENTURY)**

Sources and archived documents, related to beginning of settling of the Ochakov area after its tacking to the Russian empire, are analysed in the article. An author gave a mind on the origin of squire, state and foreign settlements in the period of settling of steppe part of Left-bankness of Dnestr in the end of XVIII – beginning of XIX century.

Vintskovskiy T. S. (Odesa), Nikulcha I. Y. (Kahul, Moldova)

**DOCUMENTATION OF GOVERNMENTAL ARCHIVE OF ROMANIA ABOUT
UKRAINIAN «INDEPENDENT» MOVEMENT IN TRANSNISTRIYA (1941-1942). PART 1.**

Documents, offered to the reader, continue the series of publications on the history of foundation and activity of Ukrainian nationalistic movement. There are documents, studied by authors in founds of governmental archive of Romania, which give us opportunity to watch the importance of danger for Romanian special agencies caused by Ukrainian separatism.

Goncharuk T. G. (Odessa)

**A FEW ORDERS OF M. S. VORONTSOV, WHICH SUBSTANTIALLY INFLUENCED ON
BUILDING AND EQUIPMENT OF ODESSA**

In the article published and analysed texts of five documents which light activity of leader of South Ukraine in 1823-1854 governor general M. S. Vorontsov. Documents touch deliveries to Odessa of foreign stone planting, of greenery of city and organization of private building.

Starovoytenko I. (Kiev)

LETTERS OF EUGEN CHIKALENKO TO NIKOLAY ARKAS (1903-1908). PART 2

The publication of E. Chikalenko's letters to famous Ukrainian cultural activist, composer and historian N. Arkas is continued in these materials. There are another 11 letters published in second part.

Hatlas E. (Poznan, Poland)
**FROM CHRISTIAN LIFE OF GAGAUSES OF VINOGRADOVKA VILLAGE (KURCHI),
BOLGRADIAN AREA OF ODESSA REGION**

Some aspects of history of the church and religion life of Gagauz people in Vinogradovka village, Bolgradian area of Odessa region are studied in the material. The main levels are from the history of Christian church of St. George beginning from its foundation in first part of XIX century. The influence of irreligion policy of soviet government on the Christian life of Gagauz people is analyzed.

Agbunov M. V. (Moscow, Russia), *Dzigovskiy O. M., Shabashov A. V.* (Odessa)
STANKO VOLODYMYR NIKIFOROVITCH

The article is dedicated to famous archaeologist, historian and ethnographer Stanko V. N. The biography of the scientist is given, the largest and the fullest list of his science works, science edition is included, works, dedicated tj him. In «biography materials» notes on his close people are given: M. Agbunov, I. Chernyakov, V. Nikitin, etc.

Agbunov M. V. (Moscow, Russia)
STANKO V. N. AS ORGANISATOR OF SCIENCE

Author analyses the career of V. N. Stanko, especially paying attention to his activity as the organisation of science creation. The ascent in the article is made on the fact that V. N. Stanko played the main part in formation of line of science departments on the south of Ukraine.

Gorbenko K. V., Smirnov A. I. (Nikolaev)
VLADIMIR NIKIFOROVICH STANKO: LAST YEARS OF CREATIVE WAY

In the article activity is characterized on organization of science, pedagogical and scientific creation of V. N. Stanko during his work in Nikolaev's state university «V. A. Sukhomlinsky» (2004-2007).

Radzihovska O. A. (Odessa)
**V. N. STANKO AS A SCHOLAR OF ETHNIC AND CULTURAL PROCESSES IN THE
PALAEOLITHIC AND MESOLITHIC IN NORTHERN BLACK SEA REGION**

This paper proposes a short survey of V. N. Stanko's contribution to the research of Paleolithic and Mesolithic complexes in South-Eastern Europe. V. N. Stanko started his career as an archaeologist in the later fifties. By that time a significant amount of research had already been carried out, which included large-scale excavations and a series of critical position works from a range of specialists in the theoretic area. During the sixties V. N. Stanko became a member of the group of outstanding soviet scholars, which was doing an extensive research at the Paleolithic and Mesolithic sites to highlight current gaps and identify key questions for investigations. His works raised a number of questions, especially about the degree of coherence of the late Paleolithic and Mesolithic communities in Northern Black Sea region, and the ways in which these communities may have interacted with other communities in Europe and Asia.

Shabashov A. V. (Odessa)

VLADIMIR NIKIFOROVICH STANKO AND DEVELOPMENT OF ETHNOLOGY IN ODESSA

In article is discussing the role of Vladimir Nikiforovich Stanko about appearing of ethnology in Odessa. It underlines that he played deceiving role in appearing infrastructure of this science in Odessa at the end of XX century.

Izbash-Gotskan T. A., Shklyayev I. N. (Odessa)

N. S. VORONTSOV AND HIS EPOCH: HISTORIAN'S VIEW

Key moments of lectures of international scientific conference «The Second Vorontsov reading» are represented in that article. A conference was dedicated to elucidation of government, administrative and military-political activity of Vorontsov epoch, and to the role of Orthodox Church in developing of Northern Black sea coast and Novorossia as well.

Levchenko V. V. (Odessa)

EGIPTOLOGY - ITS ELEMENT: TO NINETEEN'S OF THE DAY OF DEATH OF ALEKSANDR LEOPOLDOVICH KOCEJOVSKIY (1887-1919)

The article is devoted to famous scientist - Egyptologist, reader of Novorossiyskiy university A. L. Kocejovskiy. Is presented history at the moment of writing article scientific and public literature about his life and creative works. Are examined facts about biography and role of social - cultural reasons, also daily life, on the line of scientist's life.

Litvinenko A. (Poltava)

REGIONAL PROBLEM'S IN NEW METODOLOGICAL APPROACH: HISTORICAL AND CULTHURAL ASPECTS (CHERNYAKOV I., ROMANYUK V. CHTO BYLO NA MESTE ODESSY? - K.: AVTOGRAPH, 2008. - 224 P.: IL.)

The positive sides of popular scientific book of Chernyakov I. and Romanyuk V. «Chto bylo na meste Odessy?» are examined in a review.

Misechko A. I. (Odessa)

PAVEL GRIGORYEVICH KLEPATSKIY, AS HISTORIAN AND SOCIAL-POLITICAL STATESMAN

A vital way and scientific activity of scientific P. Klepatskiy is examined in the article. His active social and political activity is analysed in Ukrainian national motion.

Muzychko O. (Odessa)

ACTIVITY OF THE PROFESSOR OF NOVOROSSIYSKY UNIVERSITY O. Y. SHPAKOV (1868-1927) IN ODESSA OF THE BEGINNING OF XX CENTURY

In this article the biography of the professor of Novorossiyskiy University, the Odessa supreme female courses O. Y. Shpakov (1868-1927) is researched. The main attention is given to his pedagogical activity. Documents of from the Kiev, Odessa and Simferopol, Moscow archives, materials of press are used.

Khudayberdyeva (Ashirgeldy-gyzy) O. A. (Odessa)

**IV ALL-UKRAINIAN COMPETITION OF RESEARCHES OF ISLAM FROM YOUTHS OF
SCIENTISTS THE NAME OF AGATANGEL CRYMSKY «CIVILIZATION OF ISLAM:
HISTORY AND MODERN»**

A report is devoted IV All-Ukrainian competition of researches of Islam from youths of scientists of the name of Agatangel Crymsky, in which characterized the organizers of this measure, his terms, value and prospects of further, and also results over of competition are brought. An author also characterizes work of conference «Civilization of Islam: history and modern», which took place together with rewarding of winners of competition.

Schetnikov V. P. (Kiev)

MEMORY OF PROFESSOR YAKUPOV NAZYM MUKHAMETZYNOVICH

This article is given dedicated to the analysis of vital way and scientific creative research of professor of the Odessa national university of the name of I. I. Mechnikov Yakupov Nazym Mukhametzyanovich.

Часопис „ЛУКОМОР'Я: АРХЕОЛОГІЯ, ЕТНОЛОГІЯ, ІСТОРІЯ ПІВНІЧНО-ЗАХІДНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я” публікує на своїх сторінках роботи теоретичного та науково-дослідного характеру з питань археології, етнології, історії та суміжних дисциплін, матеріали, що мають наукове значення, та рецензії на нові публікації, які висвітлюють історію та культуру Північно-Західного Причорномор'я та суміжних земель.

Матеріали, що пропонуються до друку в часописі, повинні готуватись відповідно до наступних вимог:

1. Зміст рукопису повинен відповідати тематиці часопису і стосуватись одного з розділів: археологія; етнологія; історія; матеріали, повідомлення, архів, погляд; рецензії, персоналії, хроніка. Розділ, в який бажано включити публікацію, повинен бути зазначеним в дужках після назви статті. Редакційна колегія залишає за собою право змінювати обраний автором (ами) розділ, але тільки після консультації і погодження з ним (ними).

2. Матеріал готується в редакторі Microsoft Word українською або російською мовою, з використанням 12 кеглю шрифту Times New Roman, інтервалом 1,5, у форматі А4, з полями: зліва – 2,25 мм, справа – 2,25 мм, зверху – 2,75 мм, знизу – 2,75 мм. Абзац – 1 см, вирівнювання – по ширині. Він подається у вигляді окремих файлів (див. нижче) на електронному та паперовому носіях. Паперовий варіант статті повинен бути підписаний автором (ами). За погодження з редакцією часопису, матеріал може бути надісланий за електронною адресою: lukomoria@mail.ru або shebashaga@ukr.net

3. **Файл 1.** Назва цього файлу повинна складатись з цифри 1 та прізвища та ініціалів автора статті (якщо стаття виконана групою авторів, назва дається по прізвищу першого автора). Наприклад: 1. Гончарук Т. Г. Цей файл містить основний текст статті, якому повинні передувати, у вигляді окремих абзаців: прізвище, ініціали автора чи авторів (курсивом), поряд з якими в круглих дужках зазначається місто (для авторів з інших держав через кому – країна), в якому працює автор чи автори – вирівнювання по правому краю; назва статті виконана у верхньому регістрі напівжирним шрифтом – вирівнювання по центру. Наприклад:

Гончарук Т. Г. (Одеса)

ПРОЕКТИ ВЛАШТУВАННЯ ТРАНЗИТНОЇ ТОРГІВЛІ ЧЕРЕЗ ТЕРИТОРІЮ КРИМСЬКОГО ПІВОСТРОВА В КІНЦІ ХVІІІ – ПЕРШІЙ ПОЛОВИНІ ХІХ СТ.

Після назви статті – пробіл строки.

В статтях повинні використовуватись лише надрядкові примітки з наскрізною нумерацією. Інтервал між текстом і надрядковою приміткою не ставиться, розділові знаки (крапка, кома, тире) друкуються після примітки. Наприклад:

„Цим питанням приділялася певна увага в працях дореволюційних істориків (А. Скальковський) та радянських років (О. Оглоблін)¹. Низка проектів створення порто-франко у Криму розглянута сучасним вченим А. Євсєєвим²”.

Після тексту статті через абзац розміщується список приміток (сам напис **ПРИМІТКИ:** виконується у верхньому регістрі напівжирним шрифтом – вирівнювання по ширині). Наприклад:

ПРИМІТКИ:

1. *Оглоблін О.* Одеське порто-франко //Наукові записки київського інституту народного господарства. – 1928. –Т. 9. – С. 2, 37.

...

4. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 20. – № 14284. – С. 102.

Прізвища та ініціали авторів виконуються курсивом.

Не допускається автоматична нумерація приміток!

Після списку приміток приводиться перелік використаних у ньому скорочень, який потім увійде до загального для усього випуску **СПИСКУ СКОРОЧЕНЬ**. Наприклад:

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

Не допустимим є використання замість розділового знаку „тире” символу „дефіс”. Тире з обох боків від тексту відокремлюється пробілами. Там, де перенос небажаний, використовуйте, будь-ласка, нерозривний пробіл (вставка – символ – спеціальні знаки – нерозривний пробіл). Наприклад: м.*Одеса; вул.*Розкидайлівська; до н.*е.; І.*І.*Мечников; 100*тис. тощо (місця, де бажано використовувати нерозривний пробіл позначено зірочкою – „*”).

Табличні матеріали та чорно-білі ілюстрації послідовно нумеруються та монтуються безпосередньо в текст разом з підписами до них. В тексті на них робляться відповідні посилання за формою (табл. 1) чи (рис. 1).

4. Файл 2. Назва файлу містить ті ж дані, що й назва **файлу 1**, і цифру 2. Наприклад: 2. Гончарук Т. Г. Цей файл повинен містити основні відомості про автора (ів) статей. Інформація подається на кожного з авторів, якщо стаття написана групою осіб, у такому вигляді – прізвище, ім'я та по батькові виконані напівжирним шрифтом, науковий ступінь, посада, вчене звання, в круглих дужках місто (для авторів з інших держав через кому – країна), в якому працює автор. Наприклад:

Гончарук Тарас Григорович, кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, доцент (Одеса).

5. Файл 3. Назва файлу повинна мати наступний вигляд: 3. Гончарук Т. Г. Файл містить два тексти резюме: англійською та російською (якщо стаття написана українською) чи українською (якщо стаття написана російською) мовами.

6. Файл 4. (по необхідності). Назва файлу повинна мати наступний вигляд: 4. Гончарук Т. Г. Містить кольорові фото, рисунки і т. п., тобто ілюстрації, які не можуть бути вмонтовані безпосередньо у текст.

7. Просимо авторів надсилати лише ті матеріали, які не були раніше опубліковані. Матеріали, які будуть повернуті автору (ам) для доопрацювання, повинні бути передані в редакцію не пізніше обговореного з редакційною колегією терміну.

Редакційна колегія бажає всім успіхів у науковій діяльності та сподівається на плідну співпрацю з усіма авторами!

Периодическое издание «ЛУКОМОРЬЕ: АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по проблемам археологии, этнологии, истории и смежных дисциплин, материалы, представляющие научный интерес и рецензии на новые публикации, которые освещают историю и культуру Северо-Западного Причерноморья и смежных земель.

Материалы, направляемые в периодическое издание для печати, должны готовиться согласно следующим требованиям:

1. Содержание рукописи должно соответствовать общей тематике издания и относиться к одному из разделов: археология; этнология; история; материалы, сообщения, архив, взгляд; рецензии, персоналии, хроника. Раздел, в который предлагается включить публикацию, указывается в скобках после названия статьи. Редакционная коллегия оставляет за собой право изменять избранный автором (ами) раздел, но только после консультации и согласования с ним (ними).

2. Материал готовится в редакторе Microsoft Word на украинском или русском языках, с использованием 12 кегля шрифта Times New Roman, интервалом 1,5, в формате А4, с полями: слева – 2,25 мм, справа – 2,25 мм, сверху – 2,75 мм, снизу – 2,75 мм. Абзац – 1 см, выравнивание – по ширине. Он подается в виде отдельных файлов (см. ниже) на электронном и бумажном носителях. Бумажный вариант статьи должен быть подписан автором (ами). По согласованию с редакцией периодического издания, материал может присылаться по электронному адресу: lukomoria@mail.ru или shebashaga@ukr.net.

3. **Файл 1.** Название этого файла должно включать цифру 1, а также фамилию и инициалы автора статьи (если статья написана группой авторов, название дается по фамилии первого автора). Например: 1. Гончарук Т. Г. Данный файл содержит основной текст статьи, перед которым следуют в виде отдельных абзацев: фамилия, инициалы автора или авторов (курсивом), рядом с которыми в круглых скобках указывается город (для авторов из других государств через запятую – страна), в котором работает автор (ы) – выравнивание по правому краю; название статьи выполненное в верхнем регистре полужирным шрифтом – выравнивание по центру. Например:

Гончарук Т. Г. (Одесса)

ПРОЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРАНЗИТНОЙ ТОРГОВЛИ ПО ТЕРРИТОРИИ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА В КОНЦЕ XVIII-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

После названия статьи – пробел строки.

В статьях могут использоваться только надстрочные примечания со сквозной нумерацией. Интервал между текстом и надстрочным примечанием не ставится, знаки пунктуации (точка, запятая, тире) печатаются после примечания. Например:

«Этим вопросам уделялось некоторое внимание в работах дореволюционных (А. Скальковский) и советских (О. Оглоблин) историков¹. Ряд проектов создания порто-франко в Крыму рассмотрен современным ученым А. Евсеевым²».

После текста статьи через абзац размещается список примечаний (сама надпись **ПРИМЕЧАНИЯ:** пишется в верхнем регистре полужирным шрифтом – выравнивание по ширине). Например:

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Оглоблин О.* Одеське порто-франко // Наукові записки київського інституту народного господарства. – 1928. –Т. 9. – С. 2, 37.

...

4. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 20. – № 14284. – С. 102.

Фамилии и инициалы авторов исполняются курсивом.

Не допускается автоматическая нумерация примечаний!

После списка примечаний приводится список использованных в нем сокращений, который потом войдем в общий для всего выпуска **СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ**.
Например:

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

Не допускается использование вместо разделительного знака «тире» символа «дефис». Тире с обеих сторон от текста отделяется пробелами. Там, где перенос нежелателен, используйте, пожалуйста, неразрывный пробел (вставка – символ – специальные знаки – неразрывный пробел). Например: г.*Одесса; ул.*Раскидайловская; до н.*е.; И.*И.*Мечникова; 100*тыс. и т.*п. (места, где рекомендуется использовать неразрывный пробел обозначены звездочкой – «*»).

Табличные материалы и черно-белые иллюстрации последовательно нумеруются и монтируются непосредственно в текст вместе с подписями к ним. В тексте на них делаются соответственные ссылки по форме (табл. 1) или (рис. 1).

4. Файл 2. Название файла состоит из тех же данных, что и название файла 1, и цифры 2. Например: 2. Гончарук Т. Г. Этот файл должен содержать основные сведения об авторе(ах) статей. Информация подается на каждого из авторов, если статья написана группой людей, в таком виде – фамилия, имя, отчество, набранные полужирным шрифтом, научная степень, должность, ученое звание, в круглых скобках город (для авторов из других государств через запятую – страна), в котором работает автор. Например:

Гончарук Тарас Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, доцент (Одесса).

5. Файл 3. Название файла должно иметь следующий вид: 3. Гончарук Т. Г. Он содержит два текста резюме: на английском и русском (если статья написана на украинском) или украинском (если статья написана на русском) языках.

6. Файл 4. (по необходимости). Название файла должно иметь следующий вид: 4. Гончарук Т. Г. Содержит фото, рисунки и т. п., то есть иллюстрации, которые не могут быть вмонтированы непосредственно в текст.

7. Просим авторов присылать **только неопубликованные** ранее материалы. Статьи, отправленные автору(ам) для доработки, должны быть возвращены в редакцию не позже оговоренных с редакционной коллегией сроков.

Редакционная коллегия желает всем успехов в научной деятельности и надеется на плодотворное сотрудничество со всеми авторами!

Наукове видання

ЛУКОМОР'Я:
АРХЕОЛОГІЯ, ЕТНОЛОГІЯ, ІСТОРІЯ ПІВНІЧНО-ЗАХІДНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я
Выпуск 3
(українською та російською мовами)

ЛУКОМОРЬЕ:
АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ СЕВЕРО-ЗАПОДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
Выпуск 3
(на украинском и русском языках)

Технічний редактор: Худайбердієва (Аширгельди-гизи) О. А.

Здано до набору 25. 11. 2009. Підписано до друку 29. 11. 2009.

Формат 84x108 1/16 Папір офсетний.

Гарнітура Друк цифровий.

Ум. друк. арк. 38,5

Наклад 300 прим. Замовлення №_____

Видавництво: Видавничий дім «Паллада»

65020 Одеса, вул. Розкидайлівська, 29;

Тел.: (048) 716-46-01.

718-50-88.

Надруковано у друкарні ТОВ «Лерадук», 67400,

М. Роздільна Одеської обл., вул. Леніна, 44.